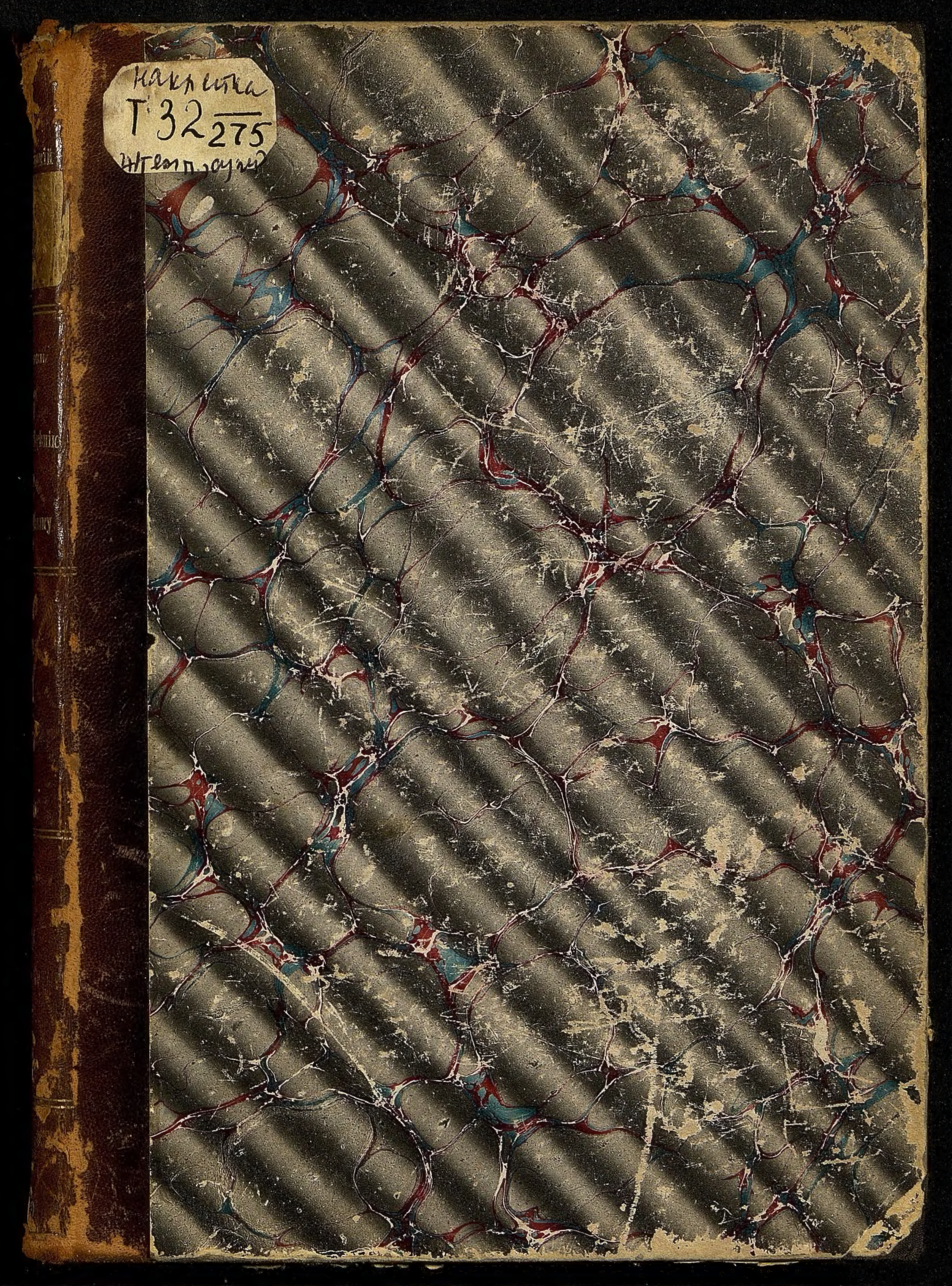

T 32
275

[illegible]

ОЧЕРКИ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

КАЗАНЬ.

[illegible]

В. А. Богородицкій,
заслуж. орд. проф. Императорскаго Казанскаго Университета.

ОЧЕРКИ
ПО
ЯЗЫКОВѢДѢНІЮ и РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ НАУКИ О ЯЗЫКѢ.

Изданіе 3-ье, пересмотрѣнное и исправленное.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1910.

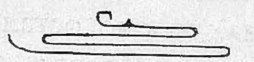

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
917304

Предисловіе къ третьему изданію.

Лестное вниманіе къ предшествующему изданію моихъ Очерковъ, ставящихъ цѣлью ознакомить читателя съ важнѣйшими данными общаго языковѣдѣнія и сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ, выразилось въ томъ, что моя книга очень быстро разошлась. Это обстоятельство побудило меня еще разъ пересмотрѣть мое сочиненіе и, внеся въ него разныя поправки и улучшенія, предпринять новое изданіе. Не могу умолчать, что многія изъ этихъ поправокъ были вызваны серьезною рецензіей проф. Эндзелина (Ж. М. Н. Пр. 1909 г., сент.), заставившею меня тщательно передумать и переработать нѣкоторые вопросы (особенно въ сравнительно-грамматическихъ главахъ), подобно тому какъ рецензія проф. Бодуэна-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр., 1903, апр. и май) вызвала соотвѣтствующія поправки въ другихъ частяхъ предшествующаго изданія. Что касается расположенія матеріала, то оно осталось прежнимъ, распредѣляясь на шесть отдѣловъ: 1) Типы и классификація языковъ (стр. 1—29), 2) Физіологическая сторона рѣчи примѣнительно къ русскому языку и главнѣйшимъ западно-европейскимъ (стр. 30—152, 164—221), 3) Письмо (стр. 133—163), 4) Психологическая сторона рѣчи (стр. 222—335), 5) Важнѣйшія дан-

ныя сравнительной фонетики и морфологіи аріо-европейскихъ языковъ (стр. 336—435); 6) Педагогическій отдѣлъ (стр. 436 сл.). Въ видахъ большей цѣльности пятаго отдѣла я позволилъ себѣ пропустить въ немъ очеркъ «Нѣсколько страницъ изъ исторіи звуковаго развитія русскаго языка», который будетъ внесенъ въ третье изданіе моего Общаго курса русской грамматики, гдѣ онъ составитъ органическую часть главы по исторіи русскаго языка. Въ заключеніе позволю себѣ высказать надежду, что и въ настоящемъ изданіи, которое нѣсколько удешевлено, моя книга встрѣтитъ сочувствіе у читателей, въ особенности у преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и студентовъ университета, для которыхъ она главнымъ образомъ и предназначается въ качествѣ пособія по изученію основъ языковѣдѣнія; мнѣ кажется также, что моя книга, въ которой я старался соединить научность изложенія съ возможною доступностью, можетъ принести нѣкоторую пользу и какъ пособіе при самообразованіи.

Авторъ.

Оглавленіе.

Замѣченныя опечатки.

Стр. 210^2 вм. [нотная запись] должно стоять [нотная запись]

Стр. 336_7 вм. 369 378

Стр. 352_4 вм. глубокою . . . . . . глубокую

Стр. 358^4 вм. stratus . . . . strātus

Стр. 358_4 вм. jā-jātē . . . . jā-yātē

вм. bhū-jātē . . . . bhū-yātē

1. Семейства и типы языковъ и ихъ характеристика.

Антропологія, разсматривая человѣка съ зоологической точки зрѣнія какъ особый видъ животныхъ, обладающій даромъ слова, дѣлитъ все человѣчество по тѣлеснымъ признакамъ на расы и племена. Лингвистика, занимающаяся изученіемъ различій человѣческой рѣчи, распредѣляетъ всѣ языки по семействамъ и ихъ болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ. Казалось бы, что эта лингвистическая группировка должна бы гармонировать съ антропологическою, однакожъ на самомъ дѣлѣ между ними не наблюдается полнаго соотвѣтствія, а лишь частичное. Это зависитъ отъ того, что въ теченіе тысячелѣтій происходили столкновенія между племенами и передвиженія ихъ, благодаря чему племена различныя прежде по языку могли уподобляться другъ другу, а племена раньше родственныя по языку—разъединяться. Потому-то сходство или различіе языковъ не всегда теперь служитъ показателемъ антропологической одинаковости или же различія, какъ и наоборотъ—антропологическія отношенія не всегда соотвѣтствуютъ лингвистическимъ.

Лингвистика дѣлитъ всѣ языки земнаго шара на нѣкоторое число семействъ (еще вполнѣ не установленное), напр. аріо-европейское, урало-алтайское и т. д., при чемъ каждое такое семейство образуется изъ языковъ родственныхъ по корнямъ и формамъ, тогда какъ между разными семействами такого языковаго родства наука пока еще не можетъ обнаружить, хотя возможно, что съ прогрессомъ знаній удастся открыть соотношенія сродства и между нѣкоторыми языковыми семействами, которыя теперь считаются неродственными.

Распредѣленіе человѣческихъ языковъ по семействамъ составляетъ предметъ *генетической* (т. е. опирающейся на признаніи родства или же отсутствія его) *классификаціи* языковъ. Но если сравнивать не сходство корней и формъ, а аналогичность строенія или структуры словъ входящихъ въ составъ предложеній, то въ результатѣ будемъ имѣть *классификацію структурную* или *морфологическую*, при чемъ все разнообразіе семействъ можно подвести подъ четыре основные типа: 1) корневой; 2) агглютинирующій, 3) воплощающій, 4) флексійный, различающіеся между собою способомъ выражать въ предложеніи различныя отношенія между отдѣльными понятіями. Въ *корневомъ* типѣ понятія обозначаются отдѣльными корнями, а отношенія между ними въ предложеніи или—иначе—формальные оттѣнки выражаются мѣстомъ словъ въ предложеніи. Въ *агглютинирующемъ* (т. е. „приклеивающемъ“) типѣ для выраженія формальныхъ оттѣнковъ мысли уже существуютъ особые звуковые элементы, которые присоединяются къ корнямъ въ извѣстномъ порядкѣ и являются настолько самостоятельными и опредѣленными, что ясно отдѣляются какъ другъ отъ друга, такъ и отъ корня; при этомъ для каждаго отдѣльнаго оттѣнка значенія всегда служитъ одинъ и тотъ же особый придаточный элементъ; въ однихъ семействахъ такіе элементы ставятся позади корня, а въ другихъ—передъ корнемъ. *Воплощающіе* языки занимаютъ какъ бы среднее положеніе между корневыми и агглютинирующими и называются такъ потому, что они цѣлое предложеніе какъ бы воплощаютъ въ одномъ словѣ, а именно: принимая глаголъ за средоточіе предложенія, они вносятъ въ него другія слова, но не въ обычномъ ихъ видѣ, а въ видѣ корней (въ отдѣльномъ же употребленіи эти слова сохраняютъ свой формальный элементъ) [1]); поэтому такой строй называютъ также полисинтетизмомъ („многообъединенностью“). Во *флексійномъ* типѣ формальные элементы вообще тѣсно сливаются съ корнемъ или основою; впрочемъ префиксы и особенно предлоги своей обособленностью напоминаютъ придаточные элементы агглютинирующихъ языковъ. Вообще можно сказать, что всѣ эти типы не имѣютъ непереходимой границы между собою,

---

[1]) Это и понятно: срв. въ русскомъ — домъ, до*микъ*, дом*ашній* и пр., но въ сложеніи *домо*-владѣлецъ, *домо*-рощенный и т. п.

но—какъ увидимъ далѣе—характерныя явленія однихъ типовъ могутъ встрѣтиться какъ частныя въ другихъ типахъ. [1])

Представимъ теперь перечень наиболѣе извѣстныхъ семействъ и типовъ языковъ съ указаніемъ характерныхъ признаковъ строенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

I. *Китайскій* языкъ. Признаки его:

1) Китайскому языку свойственны „корни-слова", не распространенные вовсе суффиксами; поэтому китайскій языкъ называютъ *корневымъ*. Корни, отдѣльно взятые, имѣютъ преимущественный смыслъ той или другой части рѣчи, хотя и не имѣютъ формальныхъ отличій по словопроизводственному элементу; въ предложеніи же они могутъ получить значеніе и другихъ частей рѣчи. Такъ, напр., корень *та*, смотря по положенію во фразѣ, можетъ обозначать: величина, великій, очень, увеличить. [2])

2) Формальные оттѣнки значенія выражаются или мѣстомъ слова въ предложеніи (т. е. синтаксически), или же при помощи особыхъ формальныхъ словечекъ-корней. [3]) Такъ, *подлежащее* обнаруживается само собою

---

[1]) Срв. Radloff W., Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. (Записки Ак. Наукъ по историко-филол. отд., т. VII, № 7, и отд., 1906 г.).

[2]) Основываясь на томъ, что такіе корни-слова содержатъ только одинъ слогъ, китайскій языкъ называютъ *односложнымъ*; однако приходится сомнѣваться въ совершенной правильности этого положенія, такъ какъ могутъ быть случаи опрощенія на почвѣ двухъ соединенныхъ корней; напр., нѣкоторыя сложныя названія городовъ навѣрно уже не чувствуются въ своемъ морфологическомъ составѣ (срв. Пекинъ: *pek*=сѣверъ, *king*=столица; нужно думать, что разсматриваемое слово имѣетъ на себѣ уже и одно удареніе). Проф. Mikkola считаетъ вѣроятнымъ, что китайскій языкъ раньше былъ многосложный: его родственникъ тибетскій языкъ донынѣ остался отчасти таковымъ; нѣкоторыя древне-индійскія слова, которыя китайцы получили вмѣстѣ съ буддизмомъ, теперь односложны, и очень возможно, что вообще теперешняя односложность китайскаго языка не очень древняго происхожденія.

[3]) Въ рядѣ случаевъ эти словечки-корни выступаютъ и въ первоначальномъ своемъ значеніи, но въ извѣстномъ положеніи они являются понизившимися въ своей знаменательности, доходя даже до степени аффик-

тѣмъ, что всегда начинаетъ собою предложеніе; *прямое дополненіе* стоитъ непосредственно за словомъ, выражающимъ дѣйствіе. Оттѣнки другихъ падежей передаются или также опредѣленнымъ мѣстомъ слова въ предложеніи, или помощью формальныхъ словечекъ-корней, напр., *родит. пад.* обозначается постановкой слова передъ тѣмъ словомъ, которое должно быть опредѣлено: *тянь* тсе=сынъ *неба*, но говорятъ также тянь-*ти*-тсе. [1]) Вотъ примѣръ видоизмѣненія значенія корней-словъ въ зависимости отъ перемѣны мѣста въ предложеніи:

žîn haó lí = человѣкъ любитъ пользу;
человѣкъ любитъ польза

haó lí čī žîn = любящій пользу человѣкъ.
Опредѣл. Мѣстоим. 3-го лица.

И такъ, въ китайскомъ языкѣ кромѣ главныхъ словъ-корней есть еще вспомогательныя; изученіе китайскаго языка сводится къ изученію корней того и другаго типа, а также порядка словъ въ предложеніи. Различіе двухъ видовъ корней-словъ было подмѣчено китайскими грамматиками, которые раздѣлили корни на двѣ группы—слова полныя и слова пустыя, что соотвѣтствуетъ въ европейскомъ языкознаніи дѣленію словъ на „знаменательныя" и „служебныя" или „частицы". Соотвѣтственно съ этимъ они опредѣляютъ и грамматику, какъ „очень полезное искусство, научающее насъ отличать полныя слова и пустыя".

3) Многозначность китайскихъ корней. Независимо отъ только-что указаннаго видоизмѣненія смысла слова соотвѣтственно занимаемому мѣсту въ предложеніи, въ китайскомъ языкѣ одни и тѣ же корни нерѣдко имѣютъ самыя разнообразныя значенія; иначе говоря, въ китайскомъ

совъ (срв. съ этимъ напр. въ нѣм. *-bar*=-φόρος, *-lich*, и т. п.), въ чемъ можно видѣть задатокъ и указаніе дальнѣйшаго развитія языка китайскаго. Нѣкоторыя словечки являются, кажется, только въ служебной роли.

[1]) Случаи различенія подлежащаго и прямаго дополненія по мѣсту въ предложеніи встрѣчаются и въ индоевроп. языкахъ, напр. во франц.: Emile craint Auguste ‖ Auguste craint Emile. Ср. еще относительно роли мѣста слова въ предложеніи въ нѣм.: du hast ‖ hast du? и т. п., ich habe... genommen и т. д.

языкѣ много корней-гомонимовъ[1]). Напр. корень *тао*, между прочимъ, можетъ обозначать: похитить, достичь, покрыть, знамя, пшеница, вести, дорога; корень *лю*: отвратить, повозка, драгоцѣнный камень, роса, ковать, дорога. Конечно, во многихъ случаяхъ значенія корня, хотя бы на первый взглядъ и различныя, могутъ быть родственны между собою, напр. *тянь* (t'jēn) значитъ „небо" и „день", т. е. подобно напр. санскритскому слову *dyaus*.

4) Въ китайскомъ языкѣ употребляется особаго рода сложеніе корней. Чтобы выдѣлить, при многозначности, тотъ или другой смыслъ слова, соединяютъ два слова, являющіяся въ одномъ изъ своихъ значеній синонимами; такъ, *тао-лю* значитъ только „дорога", такъ какъ въ этомъ только значеніи совпадаютъ оба слова. Ср. наше выраженіе: „путь-дорога".

5) Разнообразіе интонаціи. Различные смыслы одного и того же слова иногда соединяются съ различіемъ интонаціи или вида ударенія.

II. *Аннамскій.*
III. *Сіамскій.*
IV. *Бирманскій.*
V. *Тибетскій.*

Эти языки, находящіеся въ географическомъ сосѣдствѣ съ китайскимъ и также, подобно ему, корневые, выставляются однако въ качествѣ отдѣльныхъ семействъ, такъ какъ родства между ними пока не обнаружено.

VI. Семейство *урало-алтайскихъ* (туранскихъ) языковъ, названное такъ по своей предполагаемой прародинѣ, широко

---

[1]) Это легко объясняется тѣмъ, что китайскій языкъ не знаетъ аффиксовъ (суффиксовъ и префиксовъ). Въ языкахъ нашего семейства отъ сравнительно ограниченнаго количества корней получается благодаря суффиксамъ и префиксамъ почти безконечное количество словъ (срв. пеку < печь, подпечекъ, печникъ, пекарь и т. д.). Такъ какъ этого средства китайскій языкъ не знаетъ, то вполнѣ естественно, что одинъ и тотъ же по звукамъ корневой комплексъ нерѣдко имѣетъ въ китайскомъ много различныхъ значеній. При этомъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, принимаютъ особенно значительное участіе для дифференціаціи значеній гомонимныхъ корней, помимо синтаксическаго положенія корня-слова въ предложеніи, еще разнообразіе интонаціи и синонимическое сложеніе корней.

раскинулось, занявши всю сѣверную половину Азіи и значительную часть восточной Европы. Къ этому семейству относятъ слѣдующія группы языковъ, родство между которыми однакожъ не можетъ пока считаться вполнѣ установленнымъ: *турецко-татарская* или *тюркская* (съ языками турецкимъ, татарскимъ, киргизскимъ и др.) [1]), *финская* (съ языками финскимъ, эстонскимъ, мордовскимъ, черемисскимъ, остяцкимъ, мадьярскимъ и др.), *монгольская* (куда относятся также языки бурятскій и калмыцкій), *тунгузская* или *манджурская*, *самоѣдская*. Признаки: [2])

1) Агглютинація (т. е. приклеиваніе, отъ лат. glutinum=клей). Въ урало-алтайскихъ языкахъ нѣтъ такого плотнаго единства слова, какъ въ языкахъ аріо-европейскихъ, суффиксы сохраняютъ свою отчетливость и обособленность. Отсюда урало-алтайскіе языки называются *агглютинирующими*, приклеивающими. Эта отчетливость придаточныхъ морфологическихъ элементовъ находится въ связи съ тѣмъ, что одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія выражается однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, между тѣмъ какъ во флексіи аріоевропейской мы встрѣчаемъ разнообразіе обозначеній для одного и того же оттѣнка значенія (ср., напр., въ русскомъ различныя окончанія Род. ед.—стол*а*, рыб*ы*, кост*и*). Отсюда

---

[1]) Названіе *тюркскій* (туркскій, турецкій) восточнаго происхожденія: турецко-татарскій языкъ въ его развѣтвленіяхъ восточными народами называется *тюрки*.

[2]) Ср. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А. Подробная программа лекцій 1877—1878 уч. г. Казань (1881). Въ ней на стр. 149—156 представлена «характеристика языковъ флексійной аріо-европейской отрасли, въ сравненіи съ отраслью агглютинирующею финско-тюркскою». Недостатокъ этой характеристики, по моему мнѣнію, заключается въ стремленіи автора представить эти два типа во всѣхъ отношеніяхъ противоположными одинъ другому, между тѣмъ какъ при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи противоположности эти сильно сглаживаются, а иногда оказываются даже прямо мнимыми. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ урало-алтайскіе языки представляютъ лишь *задатки* тѣхъ явленій, которыя уже въ развитомъ видѣ наблюдаются въ аріо-европейскихъ языкахъ. Но тутъ можно сослаться на формулу, которую авторъ въ другихъ мѣстахъ своей книги не разъ повторяетъ: «Хронологія! Вопросъ времени!» (ук. соч. стр. 130, 131, 134).

проистекаетъ простота урало-алтайской флексіи. [1]) Примѣръ изъ турецкаго языка: *oda* комната (отсюда слово „одалиска“), *oda-da* въ комнатѣ, *oda-lar* комнаты, *oda-lar-da* въ комнатахъ; точно такъ же образуются соотвѣтствующія формы и отъ всякаго другаго существительнаго (нѣкоторыя варіаціи получаются вслѣдствіе фонетическихъ перемѣнъ, см. ниже пунктъ 3). Агглютинативный и флексійный моменты, вѣроятно, такъ или иначе свойственны и другимъ языкамъ, ибо выражаютъ собою лишь *разную степень самостоятельности морфемъ*; въ этомъ смыслѣ аффиксамъ турецко-татарскихъ языковъ эквивалентны префиксы и отчасти суффиксы въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Примѣчаніе. Однако финно-угорскіе языки уже не представляютъ той простоты соединеній основы съ окончаніями, какая свойственна турецко-татарскимъ языкамъ, и нѣкоторыя явленія заставляютъ усматривать въ нихъ черты флексійныхъ языковъ. Проф. Mikkola въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣчаетъ по этому поводу: «характеристики т. н. агглютинирующихъ языковъ не могутъ быть примѣняемы ко всѣмъ финно-угорскимъ языкамъ; напр. въ финск. И. ед. käsi «рука»: partitivus sgl. kä*t-tä*, partit. pl. käs*i-ä*; эстон. nom. sgl. käsi (фонет. käzi): partit. sgl. kätt, partit. pl. käsi, illat. sgl. kätte, illat. pl. käsidesse. Далѣе, въ т. н. объективномъ спряженіи напр. мадьярскаго нельзя не видѣть флективности». Въ согласіи съ проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ, проф. Mikkola полагаетъ, что «какъ аріо-европейскіе, такъ и финноугорскіе языки въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются агглютинирующими, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ флективными; такъ напр. въ русскомъ языкѣ форма *стол-á* была бы результатомъ агглютинаціи, потому что она =стол+а (stoł-a), а форма *стол-ъ* была бы результатомъ флексіи, такъ какъ нѣтъ самостоятельной формы столь (stol'), или въ финскомъ casus essivus sgl. *jalkana* «какъ нога»—результатъ агглютинаціи въ своемъ отно-

[1]) Въ татарскомъ языкѣ спряженіе уже не представляетъ полнаго однообразія. Можно установить въ немъ два типа: 1) наст. -ам, прош. -дыэм, 2) наст. -ім, прош. -адыэм. Вѣроятно, путемъ сравнительно-историческаго изслѣдованія оба типа могутъ быть возведены къ одному, но для современнаго языка они во всякомъ случаѣ остаются *двумя* типами спряженія. Конечно, и аріо-европейскіе языки должны были нѣкогда переживать періодъ простоты флексіи. — Подобно аріо-европейскимъ языкамъ, въ татарскомъ можно наблюдать явленіе сокращенія основъ въ пользу окончаній (въ глаголѣ): аγá-*м* теку, суγá-*м* сѣку, сыбрá-*м* мету...→ аγ-*áм*, суγ-*áм*, сыбр-*áм*...; аγá-*сын*, суγá-*сын*, сыбрá-*сын* (2 ед.)...→ аγ-*áсын* суγ-*áсын*, сыбр-*áсын*... И т. п.

шенін къ *jalka* «нога», а *jalan* (gen. sgl.)—результатъ флексіи». Соглашаясь съ своей стороны съ тѣмъ, что аріо-европейскіе и финно-угорскіе языки содержатъ въ себѣ (конечно, въ разной степени) какъ агглютинирующій, такъ и флексійный элементы, я не могу однако сказать, чтобы *стол-á* || *стол-ѣ* выражали собою первый примѣръ агглютинацію, а второй флексію, ибо въ нихъ нужно видѣть лишь варіацію основы (stoł- || stol'-) при совершенно одинаковомъ флексійномъ типѣ, и къ тому же—какъ нѣтъ самостоятельной падежной формы равной основѣ stol'-, такъ точно не можетъ быть самостоятельной формы равной основѣ (въ другой ея варіаціи) stoł-: 1) основа всегда предполагаетъ сочетаніе съ формальнымъ элементомъ, каковъ бы онъ ни былъ, и слѣдов. основы независимо отъ этихъ условій и какъ чего-то самостоятельнаго нѣтъ, 2) «столъ» и «стола» хотя и имѣютъ общій или одинаковый звуковой комплексъ, но лишь одинаковый графически, такъ какъ въ формѣ «стола» (т. е. stᵅłá) этотъ комплексъ, не говоря о разномъ удареніи съ формою «столъ», въ слоговомъ отношеніи распадается на stᵅ | ł-á, тогда какъ въ И. ед. будетъ stoł въ одинъ слогъ, при чемъ то обстоятельство, что послѣдній согласный заканчиваетъ собою слово, служитъ признакомъ формы (въ случаѣ же парныхъ согласныхъ въ отношеніи звонкости и глухости на концѣ является глухой вм. звонкаго, напр. dup || dúba, т. е орѳографически дубъ || дуба).

2) Урало-алтайскіе языки не развили типа префиксовъ и предлоговъ. Разнообразные оттѣнки значенія они выражаютъ посредствомъ присоединенія къ корню соотвѣтствующихъ суффиксовъ. Суффиксы здѣсь исполняютъ и тѣ функціи, которыя въ аріоевропейскихъ языкахъ выполняются предлогами [1]). Ср. турецк.: *el* рука, *el-im* моя рука, *el-im-de* въ моей рукѣ, *el-im-de-ki* находящійся въ моей рукѣ, *el-im-de-ki-ñ* (Р. ед.) находящагося въ моей рукѣ. [2])

3) Гармонія гласныхъ. Сочетаніе корня съ суффиксами при образованіи словъ объединяется не только удареніемъ, но еще такъ называемою гармоніею гласныхъ. Явленіе это состоитъ въ томъ, что гласнымъ корня опредѣляется характеръ послѣдующихъ гласныхъ. Если, напр., въ корнѣ твердый гласный, то и слѣдующіе гласные того же слова будутъ твердые, а если мягкій, то и послѣдующіе гласные мягкіе.

---

[1]) Ср. существованіе постпозиціонныхъ предлоговъ въ аріо-европейскихъ языкахъ.

[2]) Нужно оговориться, что типъ префиксовъ существуетъ въ мадьярскомъ языкѣ, въ чемъ однако видятъ вліяніе аріоевропейскихъ языковъ (срв. также существованіе члена въ мадьярскомъ — *az* передъ гласными, *a* передъ согласными).

Такимъ образомъ, окончаніе неопр. накл. будетъ *-mak*, если гласный въ корнѣ твердый, и *-mek*, если онъ мягкій, напр. тур. *jaz-mak* писать || *sev-mek* любить. Подобнымъ же образомъ знакъ множеств. числа является въ видахъ *-lar* || *-ler*, признакъ locat. *-da* || *-de* и т. п., смотря по главному гласному въ словѣ, т. е. по гласному корня. [1])

Примѣчаніе. Разсмотримъ вопросъ о самомъ *происхожденіи туранской гармоніи гласныхъ*. Въ виду того, что въ отдѣльныхъ турецко-татарскихъ нарѣчіяхъ гармонія гласныхъ представляетъ разныя фазы развитія, [2]) то

---

[1]) Я не могу согласиться съ проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ, противополагающимъ туранскую гармонію гласныхъ индо-европейскому ударенію (ук. соч. 150). Удареніе аріо-европейскихъ языковъ необходимо сопоставлять съ удареніемъ же въ языкахъ туранскихъ. Вѣдь въ послѣднихъ, какъ и въ первыхъ, всякой формѣ слова свойственно опредѣленное удареніе. Кромѣ того, въ туранскихъ языкахъ можно встрѣтить явленія, вызванныя удареніемъ, аналогіи которымъ можно указать въ аріоевропейскихъ языкахъ. Такъ, напр., я наблюдалъ неодинаковую продолжительность слоговъ въ словахъ татарскаго языка, напр. эш (работа) || ᵊшнэ̇н (Р. ед.). Въ сравниваемыхъ словахъ ударенный слогъ произносится довольно продолжительно и сильно; слогъ, предшествующій ударенному, — кратко и слабо, гласный едва замѣтенъ. Легко видѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое можемъ назвать, пользуясь терминологіей аріоевропейской грамматики, градаціею корня (ср. скт. *ásmi* есмь || *smás* есмы и т. п.). Въ другомъ мѣстѣ проф. Б.-де-К. замѣчаетъ (Лингв. зам. и афор., Ж. М. Н. Пр. 1903, апр. 292): «Каждому «туранскому» слову свойственно, правда, извѣстное опредѣленное удареніе, напримѣръ, на первомъ слогѣ или же на послѣднемъ, но оно ему свойственно только какъ отдѣльно произносимому синтаксическому цѣлому, какъ отдѣльной синтаксической единицѣ, а ничуть не какъ морфологически сложному цѣлому, состоящему изъ морфологическихъ частей, которыя, каждая въ отдѣльности, могутъ произноситься съ повышеніемъ или усиленіемъ голоса». Однако мнѣ кажется, что удареніе туранскихъ языковъ именно морфологическое, сопровождая собою или корень (начальный слогъ), или окончаніе (послѣдній слогъ), или же распредѣляясь между тѣмъ и другимъ; во всякомъ случаѣ это не морфологическая неподвижность польскаго ударенія, къ которой между прочимъ проф. Б.-де-К. приравниваетъ характеръ туранскаго ударенія: польское удареніе, приходясь въ неодносложныхъ словахъ на предпослѣднемъ слогѣ, не считается съ тѣмъ, какая это будетъ морфема — префиксъ, корень, суффиксъ или окончаніе; срв. удареніе словъ: w*y*dać, w*o*da, ul*i*ca, ręk*a*mi и т. п.

[2]) Срв. Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig (1882).

естественно думать, что это явленіе—не первично, а представляетъ собою родъ ассимиляціи или аккомодаціи, впрочемъ не исключительно физіологическаго характера, а скорѣе физіологическо-акустическаго. Для объясненія происхожденія этого явленія обратимся къ аналогичному явленію, встрѣчающемуся въ аріо-европейскихъ языкахъ, при чемъ различіе между ними поможетъ намъ разъяснить своеобразное направленіе туранской гармоніи гласныхъ. Какъ на сходныя укажемъ, напр., такія явленія неударяемаго вокализма, встрѣчающіяся въ окающихъ говорахъ русскаго языка, какъ з о б о д'ó т вм. +забод'óт, или на такія явленія нѣмецкаго вокализма, какъ Gärtner и т. п. Въ произношеніи «зобод'óт» мы видимъ распространеніе съуженія губъ и соотвѣтствующаго звуковаго оттѣнка со слога перваго передъ удареніемъ на предшествующій. Однакожъ въ туранскихъ языкахъ направленіе такого распространенія работъ и звуковаго оттѣнка иное, именно—впередъ («прогрессивное»), т. е. отъ начала слова къ концу. Попробуемъ объяснить эту особенность, исходя изъ аналогичныхъ явленій русскаго языка. Въ русскомъ языкѣ въ области напр. аккомодаціи согласныхъ мы встрѣчаемъ тоже исключенія; напр. въ словѣ «пóс'л'æ» согласный *с* смягчился подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго *л*, но въ выраженіи «н'óс-л'ї» (несъ-ли) *с* при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ сохраняетъ свою твердость. Это отступленіе я объясняю такъ: мы привыкли произносить въ формѣ н'óс (нёсъ) *с* твердо, такъ что значеніе ея ассоціировалось съ произношеніемъ на концѣ твердаго *с*; въ силу этой ассоціаціи твердое произношеніе *с* вызывается и въ выраженіе «н'óс-л'ї». Въ такихъ случаяхъ произношенія, какъ «мы́лса» изъ «мылся» мы имѣемъ уже прогрессивное направленіе аккомодаціи. Такъ какъ въ туранскихъ языкахъ, въ силу ихъ извѣстнаго *морфологическаго* строенія словъ, имѣется множество случаевъ, подобныхъ такимъ, какъ н'о*с*-лї, в'ó*л*-л'ї и пр., то легко понять, почему тамъ могъ получиться цѣлый рядъ случаевъ ассимиляціи какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, имѣющей направленіе отъ начала слова къ концу (*прогрессивное*), такъ что такое направленіе стало типичнымъ для этой семьи языковъ (однако встрѣчаемъ тамъ и другое направленіе, когда оказывается отсутствіе указаннаго выше условія — морфологической самостоятельности и ясности элементовъ, срв. въ крымско-татарскомъ нарѣчіи б у г ӱ н «сегодня»—частица, образовавшаяся изъ *бу* «этотъ» и *кун* «день»).

4) Нѣтъ различія рода въ существительныхъ, т. е. какъ это свойственно значительному большинству языковыхъ группъ, именно—всѣмъ семействамъ кромѣ хамитскаго, семитскаго и аріо-европейскаго, да и то въ послѣднемъ нѣкоторые изъ современныхъ языковъ уже утратили родовыя различія.

5) Неизмѣняемость прилагательнаго. Такъ какъ имена существительныя въ урало-алтайскихъ языкахъ

не выработали различія рода, то въ зависимости отъ этого и прилагательныя не измѣняются по родамъ, равно какъ и не склоняются, но въ неизмѣняемой формѣ присоединяются спереди къ существительнымъ, при чемъ падежныя окончанія имѣются только при существительныхъ. [1])

6) Въ отношеніи синтаксическомъ обращаетъ на себя вниманіе совершенно другой порядокъ словъ въ предложеніи, нежели въ языкахъ аріоевропейскихъ. Ср. въ морфологическомъ отношеніи отсутствіе типа префиксовъ; соотвѣтствующіе имъ элементы стоятъ позади корня, слѣдовательно въ совершенно иномъ направленіи относительно корня, чѣмъ въ аріоевропейскихъ языкахъ. Если отмѣченныя синтаксическое и морфологическое явленія урало-алтайскихъ языковъ стоятъ въ связи между собою, то здѣсь мы имѣемъ случай соотвѣтственности между синтаксическимъ и морфологическимъ строемъ языка. [2])

VII. *Японскій* языкъ. }
VIII. *Дравидскіе* языки. } агглютинирующіе.

IX. Языки сѣверо-восточнаго угла Азіи, т. е. языки *юкагировъ*, *коряковъ*, *чукчей* и *камчадаловъ*, родственныя отношенія которыхъ еще недостаточно разъяснены.

X. Языки Кавказа распадаются на языки сѣвернаго и южнаго склона; къ первымъ принадлежатъ *черкесскій* (у Чернаго моря), *чеченскій* и *лезгинскій* (у Каспійскаго моря), ко вторымъ—*грузинскій*, *сванетскій*, *мингрельскій*; до сихъ поръ не только не установлено родства между сѣверною и

---

[1]) Въ англійскомъ языкѣ выработалось явленіе, аналогичное урало-алтайскимъ языкамъ: въ англ. прилагательное опредѣленіе не измѣняется. Ср. the *good* father; the *good* mother; of the *good* father; of the *good* fathers; и т. д. Въ этомъ отношеніи англійскій расходится съ нѣмецкимъ. Но прилагательное-сказуемое не измѣняется какъ въ англійскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ. Ср. также опредѣлительныя сложенія типа *ἀκρόπολις* (=*ἡ ἄκρα πόλις*) въ аріо-европейскихъ языкахъ.

[2]) Для сравнительнаго изученія фонетики, морфологіи и синтаксиса турецко-татарскихъ языковъ см. Катановъ Н. Ѳ., Опытъ изслѣдованія Урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань (1903).

южною группою, но даже и между отдѣльными членами сѣверной группы.

XI. *Малао-полинезійскіе* языки, распространенные на многочисленныхъ островахъ Великаго океана; языки этого семейства подраздѣляются на группы—*малайскую* (на малайскомъ архипелагѣ, а также на Филиппинскихъ островахъ), *полинезійскую* (въ Полинезіи, Новой Зеландіи и Мадагаскарѣ) и *меланезійскую* (на островахъ Фиджи и другихъ къ сѣверовостоку отъ Австраліи); что касается языка *папуасовъ* на Новой Гвинеѣ и языка племенъ Австраліи, то этотъ вопросъ пока мало изслѣдованъ.

XII. *Американскіе* языки (т. е. языки туземцевъ Америки) весьма многочисленны, но характерную черту всѣхъ этихъ языковъ составляетъ полисинтетизмъ, уже объясненный нами выше. [1])

XIII. Кафрскіе языки южной Африки образуютъ семейство *банту*; къ югу отъ нихъ находятся неродственные имъ и между собою языки *готтентотовъ* и *бушменовъ*, а къ сѣверу простирается область различныхъ *негрскихъ* языковъ, родственныя отношенія которыхъ еще не установлены.

XIV. Языки *хамитскіе*; къ нимъ принадлежатъ *ливійскіе* или *берберскіе* языки сѣвера Африки и группа языковъ на югѣ Египта, извѣстная подъ названіемъ *эѳіопскихъ*. [2]) Кромѣ того, къ тому же семейству принадлежали и нѣкоторые древніе, уже исчезнувшіе языки, а именно: *древне-египетскій* и потомокъ его—*коптскій*; этотъ послѣдній нѣсколько столѣтій тому назадъ уступилъ свое мѣсто арабскому. Ученые склонны считать хамитскіе языки за родственные съ семитскими.

XV. *Семитскіе* языки, въ значительной своей части уже вымершіе, образуютъ четыре вѣтви: *древне-ассирійскій* или

---

[1]) Явленія полисинтетизма встрѣчаются также въ языкахъ сѣверо-востока азіатскаго, напр. въ языкѣ гиляковъ острова Сахалина и др.; черты полисинтетизма въ томъ или другомъ видѣ не чужды и аріо-европейскимъ языкамъ, срв. р у с. *къ* вчера написанной *статьѣ*, н ѣ м. *ich habe... genommen, mache* das Buch *auf*, ф р а н ц. *je* te l'*ai dit*, и т. п.

[2]) Нѣкоторые думаютъ, что берберская группа нѣкогда была распространена и на юго-западѣ Европы, и остатокъ ея видятъ въ языкѣ *басковъ* въ Пиренейскихъ горахъ.

ассиро-вавилонскій языкъ, извѣстный изъ клинообразныхъ надписей Вавилона и Ниневіи; *ханаанскіе* языки—*финикійскій* и *еврейскій*; языкъ *арамейскій*, вытѣснившій собою изъ живаго употребленія еврейскій уже за четыре вѣка до Р. Х. и частію сохранившійся до настоящаго времени подъ именемъ *ново-сирійскаго*; наконецъ—языкъ *арабскій*, ставшій священнымъ языкомъ ислама и не только сохранившійся до настоящаго времени, но и значительно распространившійся чрезъ завоеванія на другія области (онъ употребляется въ Аравіи, Месопотаміи, Сиріи, Египтѣ, сѣверной Африкѣ и на о. Мальтѣ). Признаки семитскихъ языковъ:

1) Трехсогласный характеръ корней. Корни въ семитскихъ языкахъ состоятъ изъ трехъ согласныхъ (о роли гласныхъ скажемъ въ слѣдующемъ пунктѣ). Согласные составляютъ постоянную, не мѣняющуюся при флексіи часть корня. Примѣры семитскихъ корней: *q-t-l* убивать, *k-t-b* писать, *d-b-r* говорить. Между тѣмъ въ индоевропейскихъ языкахъ строеніе корней представляетъ значительное разнообразіе: корень можетъ состоять изъ гласнаго безъ всякаго согласнаго (напр. *ei*—*εἶμι*), изъ согласнаго съ гласнымъ или, наоборотъ, изъ гласнаго съ согласнымъ, далѣе—изъ гласнаго между двухъ согласныхъ и проч.

2) Внутренняя флексія. Гласные представляютъ мѣняющуюся часть семитскаго корня. Перемѣною гласныхъ корня получается измѣненіе оттѣнковъ значенія, что и называется внутренней флексіей. При этомъ одни и тѣ же оттѣнки значенія вообще выражаются одинаковыми гласными для всѣхъ корней. Напр. въ арабскомъ: *qatala* онъ убилъ, *qutila* онъ былъ убитъ и т. п.; соотвѣтствующія образованія отъ другихъ корней: *kataba*, *kutiba*; *dabara*, *dubira*, и т. д. [1]).

---

[1]) Мѣна корневыхъ гласныхъ наблюдается и въ аріо-европейскихъ языкахъ, но только въ нихъ она представляетъ бо́льшую сложность. Аріо-европейскій корень имѣетъ свою собственную, основную гласную; отсюда корни аріо-европейскіе располагаются въ ряды или группы, при чемъ каждая такая группа представляетъ опредѣленную градацію корневаго гласнаго. Такимъ образомъ, внутреннюю или корневую флексію семитическихъ языковъ можно приблизительно сопоставить въ аріо-европейскихъ языкахъ съ градаціею гласнаго въ корняхъ одного и того же ряда. Въ этомъ слу-

3) Только два рода въ именахъ—мужескій и женскій. По этимъ двумъ родамъ распредѣляются и названія неодушевленныхъ предметовъ и отвлеченныхъ понятій. (Какъ вторичное явленіе, существованіе только двухъ родовъ наблюдается и въ нѣкоторыхъ изъ аріоевропейскихъ языковъ, напр. романскихъ и балтійскихъ).

4) Первоначально трехпадежное склоненіе, а затѣмъ переходъ къ аналитическому состоянію. Полагаютъ, что въ семитскомъ праязыкѣ склоненіе имѣло только три падежа, стало быть—меньше, чѣмъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Падежи эти были: Им., Род., Вин.; окончаніями ихъ служили гласные: Им. *-u*, Р. *-i*, В. *-a*, напр. *kalbu* (собака), *kalbi*, *kalba*. Кромѣ арабскаго языка, все семитическое семейство большею частью потеряло эти окончанія. Напр. о еврейскомъ языкѣ Гезеніусъ говоритъ: „формъ падежей еврейскій языкъ собственно не имѣетъ, хотя и уцѣлѣли въ немъ нѣкоторые ихъ остатки, свидѣтельствующіе объ ихъ существованіи въ до-библейскій періодъ языка; понятіе же о падежѣ получается или по мѣсту, занимаемому именемъ въ предложеніи, или выражается посредствомъ предлоговъ, приставляемыхъ къ имени. Въ томъ и другомъ случаѣ форма имени не подвергается никакому измѣненію и, потому, ученіе о падежахъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ синтаксису“. Ср. переходъ многихъ изъ аріоевропейскихъ языковъ въ аналитическое состояніе.

5) Согласованіе прилагательнаго въ родѣ, числѣ и падежѣ съ существительнымъ, т. е. какъ это имѣетъ мѣсто и въ языкахъ аріоевропейскихъ.

6) Только два времени въ глаголѣ: совершенное—для обозначенія дѣйствія совершившагося и несовершенное—для обозначенія дѣйствія несовершившагося. Времена эти раз-

---

чаѣ и въ аріо-европейскихъ языкахъ консонантизмъ будетъ представлять наиболѣе характерную часть въ корнѣ (срв. λείπω ‖ λέλοιπα ‖ λιπεῖν, πείθω ‖ πέποιθα ‖ πιθεῖν и т. п.). Замѣтимъ далѣе, что ряды въ нѣкоторыхъ образованіяхъ могутъ совпадать относительно гласнаго, а это будетъ служить поводомъ къ переходу словъ, подъ вліяніемъ *аналогіи*, изъ одного ряда въ другой и къ большему однообразію рядовъ. Быть можетъ, дѣйствію этого нивеллирующаго фактора семитическіе языки обязаны до нѣкоторой степени своимъ однообразіемъ внутренней флексіи.

личаются мѣстомъ личнаго суффикса и гласнымъ корня, напр. въ араб.: katab*ta* (ты написалъ), *ta*ktubu (дѣйствіе несов.).[1])

Примѣчаніе. Въ передней Азіи существовали въ древности еще нѣкоторыя другія семейства языковъ, которые вымерли, сохранившись однако въ письменныхъ памятникахъ. Къ такимъ принадлежатъ:

1) Языкъ *сумерскій* съ нарѣчіемъ *аккадскимъ*, который употреблялся въ Месопотаміи и былъ вытѣсненъ языкомъ ассиро-вавилонянъ, прибывшихъ сюда за четыре тысячелѣтія до Р. Х. изъ предполагаемой прародины семитовъ—Аравіи; судя по надписямъ, языкъ сумеровъ имѣлъ строй отличный отъ семитскихъ языковъ, какъ полагаютъ—агглютинирующій.

2) Языкъ *хаттовъ* или *хетовъ* (*хетитовъ*), господствовавшій въ восточной части Малой Азіи и сохранившійся въ гіероглифическихъ надписяхъ, писанныхъ знаками и рисунками и до сихъ поръ еще надлежаще не разъясненныхъ (хотя и есть попытки связать языкъ этихъ надписей съ армянскимъ).

3) Языкъ клинообразныхъ *ванскихъ* надписей (найденныхъ около озера Вана въ Закавказьѣ), принадлежавшій алародамъ; нѣкоторые видѣли въ этихъ надписяхъ древнѣйшіе памятники армянскаго языка, но теперь ученые болѣе склонны относить ихъ къ грузинскому языку.

XVI. *Аріо-европейскіе* или *индо-европейскіе* языки—съ весьма развитымъ флексійнымъ строемъ. Однако большая часть современныхъ ихъ представителей уже перешла изъ „синтетическаго“ въ „аналитическое“ состояніе, т. е. усвоила флексію подобно напр. франц.: *de la* table, *à la* table и проч., или j'*ai* lu, j'*avais* lu... Отсюда видимъ, что, съ переходомъ языка изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, прежнее флексійное разнообразіе уступаетъ мѣсто большей простотѣ флексіи, т. е. измѣненіе происходитъ въ направленіи бо́льшаго удобства для памяти.

Слѣдуетъ думать, что этотъ процессъ, широко распространенный не только въ языкахъ аріо-европейскихъ, но также и семитскихъ, вытекаетъ изъ самой природы языка, и мы постараемся разъяснить его съ этой стороны. Прежде всего замѣтимъ, что считаемъ самые термины „аналитическій“ и

---

[1]) Ср. въ аріо-европ. языкахъ одинаковость личныхъ окончаній въ наст. и будущ., въ отличіе отъ прошедшихъ временъ, а также случаи употребленія наст. въ смыслѣ будущаго. Нѣкоторую аналогію встрѣчаемъ и въ татарскомъ: тамъ тоже два вида личныхъ окончаній—наст. и прош. вр., будущему времени свойственны такія же окончанія, какъ и настоящему).

„синтетическій“ въ этомъ случаѣ мало соотвѣтствующими существу дѣла, такъ какъ въ этомъ процессѣ не происходитъ какого-либо анализа, а только пониженіе знаменательности нѣкоторыхъ частей выраженія. Если мы возьмемъ рядъ фактовъ „аналитизма“, напр. франц. j'écrir*ai* (=лат. ego scribere *habeo*), *plus* vite, нѣм. ich *werde* lesen, англ. I *do* not go, малор. ходити *му* или *му* ходити (т. е. „я пойду“), рус. *самый* высокій, серб. хвалиhеш („ты будешь хвалить“), ново-греч. *θέλω λύει* (Fut.) и т. п,—то не трудно замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣется переходъ цѣлаго выраженія какъ бы въ одно слово опредѣленной формы, гдѣ смыслъ отдѣльныхъ частей уже стушевывается (родъ „опрощенія“). Этотъ переходъ происходитъ благодаря тому, что одна часть выраженія, являясь особенно частою и постоянною при мѣняющихся другихъ частяхъ, легко получаетъ формальный оттѣнокъ, понижаясь въ своей знаменательности до роли формальнаго элемента. Этотъ процессъ развивается въ одномъ и томъ же языкѣ съ неравномѣрной скоростью въ разныхъ грамматическихъ категоріяхъ, а также неравномѣрно и въ разныхъ языкахъ по сравненію другъ съ другомъ.

Библіографическія указанія. Steinthal Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues (1860); въ 1893 г. это сочиненіе вышло въ переработкѣ *Misteli*. Овелакъ Лингвистика. Перев. съ франц. (1881). Whitney Leben und Wachsthum der Sprache. Uebersetzt von *Leskien* (1876), глава XII. Georg von der Gabelentz Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bischerigen Ergebnisse (1891). Müller Fr. Grundris der Sprachwissenchaft. B. I—III (1876—1887), IV—1 Nachträge (1888).—Укажу еще кстати нѣкоторыя сочиненія по общему языковѣдѣнію: Paul H. Principien der Sprachgeschichte (1897)^{3}. Delbrück Einleitung in das Sprachstudium (1884^{2}; переводъ этого сочиненія, однако не оконченный, см. въ Фил. Зап. 1884 № I стр. 1—16, № III стр. 17—45, 1885 № II стр. 45—60, 1887 № VI 61—78, 1888 № I 79—87, № V 87—115. Новый переводъ этого сочиненія помѣщенъ въ качествѣ вступленія къ «Очерку исторіи языкознанія въ Россіи» С. К. Булича, подъ заглавіемъ: Б. Дельбрюкъ Введеніе въ изученіе языка. Изъ исторіи и методологіи сравнительнаго языкознанія. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго ун-та съ 3-го исправл. изд. подъ редакціей и при участіи С. Булича. Спб. 1904. Wundt W. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte, I^{2} (1904); срв. *Зѣлинскій Θ.* Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка, въ Вопр. филос. и псих. кн. 61 и 62, 1902 г. Крушевскій Н. Очеркъ науки о языкѣ (1883). Потебня А. Мысль и языкъ (1892)^{2}—сочиненіе философскаго характера. Погодинъ А. Основной курсъ общаго языкознанія (1897)—слишкомъ кратокъ. Томсонъ А. И. Общее языковѣдѣніе (съ рисунками въ текстѣ). Одесса 1906. Поржезинскій В. Введеніе въ языковѣдѣніе. М. 1907.

2. Обозрѣніе аріо-европейскихъ языковъ.

Сравнивая отдѣльные аріо-европейскіе языки [1], мы находимъ между ними сходство, объясняемое ихъ происхожденіемъ отъ одного общаго для всѣхъ ихъ (предполагаемаго) аріо-европейскаго праязыка. [2]

Въ Азіи аріо-европейскіе языки представляютъ двѣ большія семьи—*индійскую* и *иранскую*, которыя, въ силу болѣе тѣснаго сродства, открываемаго между представителями той и другой семьи въ древнемъ состояніи, объединяются въ болѣе общую группу *индо-иранскую* или *арійскую*.

Древнѣйшій представитель *индійской* семьи—языкъ *ведійскій* или *ведаическій*, языкъ древнихъ религіозныхъ гимновъ Индусовъ. Эти гимны, сборникъ которыхъ носитъ названіе ведъ, заключаютъ въ себѣ молитвенныя обращенія къ разнымъ божествамъ—къ Огню, Зарѣ и др. Чисто народный языкъ, легшій въ основу древнихъ гимновъ, въ теченіи времени въ устахъ народа измѣнился, но вмѣстѣ съ тѣмъ древній языкъ старались удержать для высшаго обращенія и для письменности, и вотъ выработался другой языкъ—искусствен-

---

[1]) Они называются также индо-европейскими, а нѣмецкіе ученые предпочитаютъ именовать индо-германскими.

[2]) Заслуга перваго выясненія родства и общности происхожденія языковъ, образующихъ аріо-европейское семейство, принадлежитъ германскому ученому Францу Боппу, пришедшему къ такому результату путемъ сравненія глагольной флексіи въ этихъ языкахъ (въ сочиненіи *Ueber das Conjugationssystem*... 1816), а затѣмъ всесторонне обосновавшему его въ своей *Сравнительной грамматикѣ*, первое изданіе которой выходило выпусками въ періодъ времени 1833—1852.

ный, никогда не бывшій живымъ народнымъ языкомъ. Такимъ путемъ изъ ведаическаго языка образовался языкъ литературный, хотя и представляющій отличія отъ ведаическаго, но въ цѣломъ оставшійся на древней стадіи развитія и даже до нашихъ дней безъ существенныхъ перемѣнъ употребляющійся индійскими учеными, какъ литературный языкъ (аналогично тому, какъ не такъ еще давно въ Европѣ употреблялся языкъ латинскій). Этотъ языкъ называется *санскритомъ* (т. е. языкомъ совершеннымъ—высшимъ, священнымъ) [1], въ противоположность народнымъ говорамъ, которые въ древнемъ состояніи называются *пракритомъ* (т. е. языкомъ природнымъ). Изъ этихъ болѣе древнихъ народныхъ говоровъ развились многочисленныя индійскія нарѣчія и говоры—гиндустанское, бенгальское и др., внуки языка ведаическаго, къ числу которыхъ принадлежатъ также *цыганскіе* говоры. Цыгане, отпрыскъ индійскаго племени, странствуя по разнымъ странамъ, приняли множество словъ изъ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось соприкасаться. Полагаютъ, что цыгане покинули Индію не ранѣе 1000 г. по Р. Х. и вступили въ нашу часть свѣта въ Греціи въ XIV в. (это—одинъ изъ примѣровъ народныхъ передвиженій въ историческое время).

Нерѣдко случается слышать распространенное въ обществѣ мнѣніе, что санскритъ есть родоначальникъ языковъ аріо-европейскихъ, но это несправедливо: санскритъ—такой же производный изъ предполагаемаго аріо-европейскаго праязыка, какъ и другіе языки аріо-европейскіе, хотя впрочемъ отъ санскрита мы имѣемъ самые древніе памятники. Далѣе, нерѣдко злоупотребляютъ сравненіемъ того или другаго языка съ санскритомъ; но нужно помнить, что для того, чтобы сравнивать языки, необходимо по возможности глубже изучить сравниваемые языки.

Къ *иранской* вѣтви принадлежатъ два древнихъ языка: *древне-персидскій* и *зендъ* или *языкъ авесты*, встрѣчающійся также подъ именемъ древне-бактрійскаго. Древне-персидскій языкъ—это языкъ клинообразныхъ надписей царей изъ дина-

---

[1]) Санскритомъ называютъ также и языкъ ведаическій, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ различать *санскритъ ведаическій* и *санскритъ классическій*.

стіи Ахеменидовъ (къ которой принадлежали Дарій, Ксерксъ и Артаксерксъ), зендъ—языкъ священной авесты, приписываемой Зороастру. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ *ново-персидскій* языкъ съ разными нарѣчіями и говорами. Къ ново-иранскимъ языкамъ принадлежатъ еще языки: *афганскій* или *пушту*, *курдскій*, *белуджскій* и *осетинскій* (въ центрѣ Кавказа).

Къ вѣтви иранской прежде относили и языкъ *армянскій*, но онъ настолько отличается отъ языковъ этой вѣтви, что не можетъ считаться принадлежащимъ къ ней.

Перехожу къ аріо-европейскимъ языкамъ въ Европѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ семью *греческую*. Главнѣйшіе діалекты древне-греческаго языка: *дорическій*, *эолическій*, *іоническій* и *аттическій*, изъ которыхъ послѣдній легъ въ основу общаго литературнаго языка—„*κοινὴ διάλεκτος*“. Въ настоящее время существуютъ разнообразные *ново-греческіе* говоры. Нѣкоторые причисляютъ къ греческой семьѣ *албанскіе* говоры; но послѣдніе настолько отличаются отъ языка греческаго, что должны составить особую группу.

Затѣмъ слѣдуетъ семья *италійская* или *романская*. Сюда принадлежитъ *древне-латинскій* языкъ съ его народными говорами, языкъ *умбрскій* и *осскій* (осскскій, оскійскій). Латинскій языкъ продолжалъ существовать, какъ литературный, въ средніе вѣка, подвергаясь измѣненіямъ подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ. Этотъ *средневѣковой латинскій* языкъ существовалъ до эпохи Возрожденія, когда возстановленъ былъ древне-латинскій языкъ.

Народные латинскіе говоры, измѣняясь въ теченіи времени, дали начало такъ называемымъ *романскимъ* языкамъ, къ которымъ принадлежатъ слѣдующія группы языковъ:

1) группа *итальянская*. Къ этой группѣ принадлежатъ многочисленные говоры Италіи, а литературнымъ языкомъ является языкъ итальянскій, въ основаніе котораго легъ діалектъ Тосканы.

2) *ладинскіе* говоры, употребляющіеся въ швейцарскомъ кантонѣ Граубинденѣ, въ двухъ мѣстностяхъ австрійскаго Тироля и, наконецъ, во Фріулѣ, т. е. въ итальянской провинціи Удине и въ южной части австрійской провинціи Горицы (Görz).

3) языкъ *провансальскій*, на которомъ въ средніе вѣка развилась превосходная поэзія трубадуровъ.

4) говоры *французскіе* съ литературнымъ языкомъ французскимъ, который принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ въ мірѣ языкамъ; кромѣ Франціи онъ, между прочимъ, оффиціально принятъ литературнымъ языкомъ въ Бельгіи и дипломатическимъ въ Европѣ.

5) группа *испанская*, не столько распространенная въ Европѣ, сколько въ Америкѣ (вообще нѣкоторые европейскіе языки, благодаря колонизаціи, распространились за предѣлы Европы).

6) группа *португальская* и, наконецъ,

7) группа *румынская*.

Далѣе слѣдуетъ семья *кельтская*. Въ древнее время языкъ кельтскій былъ болѣе распространенъ, чѣмъ въ настоящее. Теперь на немъ говорятъ во Франціи—въ Бретани, въ Англіи—въ Валлисѣ, въ незначительной части Шотландіи и въ Ирландіи. Кельты, будучи перемѣшаны или съ французами, или съ англичанами, знаютъ ихъ языкъ, а многіе потомки прежнихъ Кельтовъ уже не говорятъ по-кельтски.

Семья *германская*. Главныя ея вѣтви:

1) вѣтвь *готская*. Племена, которыя говорили готскимъ языкомъ, смѣшались съ племенами не германскаго происхожденія и утратили при этомъ свой языкъ; такимъ образомъ готскій языкъ вымеръ, сохранившись впрочемъ въ письменныхъ памятникахъ. Главный памятникъ—переводъ Св. Писанія, сдѣланный готскимъ епископомъ Ульфилой (правильнѣе Вульфилой, уменьшительное отъ готскаго vulfs „волкъ") въ IV-мъ вѣкѣ и дошедшій до насъ въ отрывкахъ. Ульфила составилъ для этого азбуку изъ 26 буквъ, прибавивъ къ 16 рунамъ готскаго алфавита знаки, которыхъ не доставало. Готскій языкъ въ ряду другихъ германскихъ языковъ важенъ потому, что представляетъ самые древніе литературные памятники, такъ что его въ этомъ отношеніи можно сравнить съ санскритомъ въ ряду другихъ аріо - европейскихъ языковъ. Долго думали, что готскій языкъ — родоначальникъ всѣхъ германскихъ языковъ, но онъ можетъ назваться только ихъ братомъ, представляющимъ, правда, наиболѣе древніе письменные памятники сравнительно съ другими языками германской семьи.

2) вѣтвь *скандинавская* или *нордская* (т. е. сѣверная). На древне-нордскомъ языкѣ написаны памятники древне-нордской литературы: двѣ Эдды, представляющія собранія древнихъ миѳологическихъ разсказовъ. „Старшая" Эдда—въ стихахъ, „Младшая", болѣе поздняя,—въ прозѣ и служитъ какъ бы пополненіемъ первой. Что касается до современныхъ скандинавскихъ языковъ, то ихъ четыре: *исландскій*, *норвежскій*, *датскій* и *шведскій*.

3) вѣтвь *нѣмецкая*. Она представляетъ двѣ группы говоровъ: группа *верхне-нѣмецкая* и *нижне-нѣмецкая;* названія эти—географическія: верхне-нѣмецкіе говоры употребляются въ болѣе возвышенной части Германіи, въ южной, а нижненѣмецкіе—въ болѣе низменной, сѣверной. Языкъ *верхне-нѣмецкій* представляетъ три періода: древній, средній и новый. *Древне-верхне-нѣмецкій* языкъ отъ VII-го до конца XI вѣка. Въ письменныхъ памятникахъ этого періода всегда проявляется діалектъ писавшаго; нѣтъ общаго литературнаго языка, который употреблялся бы всѣми пишущими, къ какимъ бы діалектамъ ни принадлежали они. Болѣе общій языкъ развился въ періодъ *средне-верхне-нѣмецкій*, благодаря тому, что получилъ перевѣсъ надъ другими говорами языкъ двора, *швабскій*, сдѣлавшись языкомъ высшаго обращенія; образовался такимъ образомъ *придворный* языкъ, употреблявшійся даже тѣми, для которыхъ онъ не былъ роднымъ говоромъ. Въ этотъ періодъ литература изъ рукъ духовныхъ, которые обладали ею въ періодъ древне-верхне-нѣмецкій, перешла въ руки благородныхъ; такимъ образомъ языкъ придворный сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ литературнымъ. На немъ написаны прекрасныя произведенія XIII-го вѣка, произведенія знаменитыхъ поэтовъ миннезингеровъ. Наконецъ, *ново-верхне-нѣмецкій* языкъ начался со времени Лютера. Лютеръ говоритъ, что онъ не воспользовался однимъ какимъ-либо народнымъ говоромъ Германіи, но—языкомъ саксонской канцеляріи, которому слѣдовали всѣ князья и короли въ Германіи. По причинѣ этого общаго употребленія, говоритъ Лютеръ, общій нѣмецкій языкъ доступенъ пониманію верхнихъ и нижнихъ Нѣмцевъ. Рядомъ съ этимъ письменнымъ языкомъ продолжаютъ жить народные говоры, потомки болѣе древнихъ народныхъ говоровъ. Что касается группы *нижне-нѣмецкой*, къ ней, кромѣ говоровъ низменной Германіи, принадлежитъ языкъ *англійскій* и *голландскій*.

Мы должны теперь сдѣлать обзоръ остальныхъ двухъ вѣтвей аріо-европейскаго семейства языковъ—*балтійской* (или литовской въ широкомъ смыслѣ) и *славянской*. Эти двѣ вѣтви представляютъ между собою такъ много сходствъ какъ въ грамматическомъ, такъ равно и лексическомъ отношеніяхъ, что ихъ объединяютъ въ группу *балтійско-славянскую* или иначе *литво-славянскую*, подобно тому какъ въ азіатскомъ отдѣлѣ индо-европейскихъ языковъ на томъ же основаніи соединяютъ вѣтви индійскую и иранскую въ группу индо-иранскую или арійскую.

Семья *литовская* или *балтійская* — одна изъ самыхъ малочисленныхъ семей (самая малочисленная — семья албанская, далѣе—литовская, затѣмъ—кельтская). Литовскую семью составляютъ языки: 1) *прусскій* (называемый также древне-прусскимъ), уже вымершій, 2) *литовскій* въ тѣсномъ смыслѣ слова и 3) *латышскій*.

Древніе *Пруссы* были частью истреблены, частью ассимилированы нѣмецкими крестоносцами и накопецъ въ XVII в. языкъ древнихъ Пруссовъ вышелъ изъ живаго употребленія, сохранившись только въ скудныхъ памятникахъ (три небольшихъ катехизиса XVI в. и Эльбингскій нѣмецко-прусскій словарикъ въ 800 словъ). Побѣдители древнихъ Пруссовъ усвоили себѣ ихъ названіе, какъ географическое названіе страны, въ которой жили древніе Пруссы-литовцы.

Собственно *Литовцы* живутъ въ восточной Пруссіи, преимущественно же въ Россіи (въ губерніяхъ Ковенской, въ части Виленской и Сувалкской). Литовскіе говоры распадаются на нѣсколько группъ. Строй литовскаго языка отличается древностью. Въ этомъ отношеніи литовск. яз. часто даже не уступаетъ санскриту, но имѣетъ то преимущество передъ послѣднимъ, что санскритъ—языкъ не живой, а литовскій—живой, такъ что его можно наблюдать до мельчайшихъ тонкостей.

Латышская группа простирается къ сѣверо-востоку отъ литовской, занимая губерніи Курляндскую, половину Лифляндской и часть Витебской. Древнѣйшіе памятники латышскаго языка, какъ и литовскаго, восходятъ лишь къ XVI в. нашей эры.

Семья *славянская*. Она представляетъ слѣдующія вѣтви:

1) Вѣтвь восточная или *русская*. Ея подраздѣленія: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или *окающіе* и *южные* или *акающіе*; южно-великорусскіе говоры дѣлятъ на *собственно южно-великорусскіе* и *бѣлорусскіе*, западные по отношенію къ первымъ. [1]) Что касается *русскаго литературнаго* языка, то въ основѣ его лежатъ говоры великорусскіе, изъ которыхъ московскій болѣе другихъ участвовалъ въ образованіи его въ зависимости отъ того, что области московскаго нарѣчія долго принадлежало средоточіе государственной власти.

2) Къ слѣдующей сѣверо-западной вѣтви принадлежатъ говоры *полабскіе*, *кашубскіе* и *польскіе*.

Полабы уже совершенно онѣмечены; въ настоящее время нѣтъ ни одного Полаба, который бы говорилъ по-полабски; полабская рѣчь держалась еще мѣстами въ XVIII столѣтіи.

Говоры *кашубскіе* — около Данцига; они представляютъ переходъ отъ полабскихъ къ польскимъ и въ настоящее время такъ сблизились съ польскими, что обѣ группы могутъ быть соединены въ одну общую, кашубско-польскую группу, распадающуюся на частную группу говоровъ кашубскихъ и частную группу говоровъ польскихъ.

Поляки живутъ въ Россіи (въ Польшѣ и, перемѣшанные съ Бѣлоруссами, Малоруссами и Великоруссами,—въ западныхъ губерніяхъ Россіи), въ Австріи (въ австрійской Силезіи и Галиціи) и Пруссіи.

3) Говоры *лужицкіе* раздѣляются на *верхне-лужицкіе* и *нижне-лужицкіе*. Верхніе Лужичане живутъ преимущественно въ Саксоніи, нижніе—преимущественно въ Бранденбургѣ.

Верхне-лужицкое нарѣчіе по нѣкоторымъ чертамъ стоитъ близко къ чешскому, тогда какъ нижне-лужицкое представляетъ рядъ чертъ, сближающихъ его съ польскимъ языкомъ, такъ что въ этомъ смыслѣ лужицкій языкъ занимаетъ посредствующее положеніе между польскимъ и чешскимъ.

4) вѣтвь *чешско-словацкая* распадается на группы *чешско-моравскую* и *словацкую* или *угро-словенскую*. Чехо-Мораване населяютъ почти всю Чехію (кромѣ с.-з. границы) и Моравію

---

[1]) Потебня А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 53.

и небольшую западную часть австрійской Силезіи, не занятую Поляками. Говоры словацкіе (угро-словенскіе) занимаютъ сѣверо-западный уголъ Венгріи или Угріи.

5) Пятую вѣтвь составляютъ говоры *сербо-хорватскіе*, *словинскіе* и *резьянскіе*.

Сербо-Хорваты занимаютъ Сербію, Боснію, Герцеговину, Черногорію, часть южной Венгріи, часть Кроаціи, не занятую Словинцами, южную часть Истріи, а также живутъ на островахъ Адріатическаго моря. Говоры сербо-хорватскіе дѣлятся на *чакавскіе* или *хорватскіе* (западные) и *штокавскіе* или *сербскіе* (восточные). Названія эти заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что?). Но на эти названія слѣдуетъ смотрѣть только какъ на условные термины, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ гораздо болѣе важныхъ.

Населеніе, которое говоритъ *словинскими* говорами занимаетъ Крайну, южную часть Штиріи и Каринтіи, сѣверную часть Истріи, а также Кроацію. Словинскіе говоры представляютъ множество діалектическихъ оттѣнковъ.

Резьянскими говорами (въ провинціи Удине Итальянскаго королевства, у самой австрійской границы) говорятъ только $3^1/_2$ тысячи; но они настолько отличаются отъ другихъ говоровъ, что могутъ составить особую группу.

6) Вѣтвь *болгарская*. Болгарское племя населяетъ сѣверо-восточную часть Балканскаго полуострова: оно простирается на сѣверъ до Дуная, гранича съ Румынами, на сѣверо-западѣ граничитъ съ Сербами, на западѣ достигаетъ Албаніи, на югѣ отдѣляется отъ Архипелага и Мраморнаго моря только береговой полосой, гдѣ говорятъ по-гречески, или по-турецки, на востокъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Чернаго моря.

Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о языкѣ *церковно-славянскомъ*. Въ памятникахъ *древняго церковно-славянскаго* или *старо-славянскаго* языка отражается относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Является вопросъ: у какого славянскаго племени этотъ языкъ былъ живымъ говоромъ? По этому вопросу было высказано нѣсколько мнѣній, изъ которыхъ выдаются два: по первому — старо-славянскій языкъ принадлежалъ къ болгарской вѣтви, по второму — онъ былъ языкомъ паннонскихъ Славянъ, которые исчезли вслѣд-

ствіе того, что ассимилировались съ окружавшими ихъ неславянскими племенами. Первое мнѣніе имѣетъ за себя болѣе фактическихъ основаній. Старо-славянскій языкъ у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ сталъ приноравливаться къ живой рѣчи этихъ славянскихъ племенъ и потому получилъ разные оттѣнки. Древнѣйшимъ памятникомъ старо-славянскаго языка съ русскимъ вліяніемъ является Остромирово Евангеліе (1056—1057 года). *Новый церковно-славянскій языкъ* развился при сильномъ вліяніи языка русскаго. Въ свою очередь и на русскомъ языкѣ сказалось вліяніе церковно-славянскаго.

Библіографическія указанія. Кромѣ указанныхъ въ предъидущей главѣ трудовъ по общему языковѣдѣнію, напр. профф. Томсона и Поржезинскаго, обзоръ языковъ аріо-европейскаго семейства представленъ также въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Спб. 1882. Baudouin de Courtenay J. Uebersicht der slavischen Sprachenwelt im Zusammenhange mit den anderen arioeuropäischen (indogermanischen) Sprachen. Leipzig 1884. Богородицкій В. А. Курсъ сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Тетрадь 1-ая: введеніе. Изд. 2-ое, дополненное (1904), стр. 13—87 съ таблицею. Флоринскій Т. Д. Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. (Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ). Кіевъ 1907.

3. Къ вопросу о „смѣшанныхъ“ языкахъ.

Когда одинъ языкъ соприкасается съ другимъ, то естественно происходитъ большее или меньшее взаимодѣйствіе между ними. Къ явленіямъ, возникающимъ при этомъ, относятся: 1) заимствованныя слова и 2) смѣшанныя нарѣчія.

Русскій лингвистъ находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Уже съ перваго взгляда на этнографическую карту Россіи видно, съ какимъ разнообразіемъ народностей соприкасается русское населеніе.

Что касается процесса образованія смѣшанныхъ нарѣчій, то таковой можно наблюдать въ случаяхъ изученія чужаго языка. При этомъ представляются два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ (если напр., нѣмецъ, плохо еще говоритъ по-русски, о собакѣ скажетъ „онъ“, то это потому, что въ его родномъ языкѣ говорится der Hund; еще примѣры изъ того же смѣшаннаго русско-нѣмецкаго нарѣчія: управлять огромн*аго* слон*а*, ср. regieren съ Вин.; 60 случ*аи*; мало вод*а*, ср. wenig Wasser; брать часы, вм. уроки); 2) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ (ср. выраженія въ неправильной русской рѣчи нѣмца: симпат*ическій* человѣкъ, т. е. неправильная подстановка суффикса, существующаго въ языкѣ изучаемомъ; или: лѣн*ивость*, не ѣд*ите* (повелит. накл.) и т. п.).

Смѣшанныя нарѣчія я раздѣляю на слѣдующіе четыре класса въ зависимости отъ того, на сколько близки между

собою соприкасающіеся языки—неродственны или же болѣе или менѣе родственны между собою:

I. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи языковъ, принадлежащихъ къ разнымъ семействамъ. Мои наблюденія въ этомъ случаѣ производились надъ русской рѣчью двухъ тюркскихъ народностей—чувашъ и татаръ (напр. чувашинъ говоритъ: „время-то прошел*ъ* ужъ", т. е. смѣшеніе родовъ; „училъ сво*я* теревн*я*", т. е. перенесеніе функціи предлога на окончаніе, и пр.).

II. Смѣшанныя нарѣчія, образующіяся при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ одного и того же семейства, напр. русскаго и нѣмецкаго и т. п. (при этомъ языки могутъ быть оба синтетическіе, оба аналитическіе, или же одинъ синтетическій, а другой аналитическій).

III. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ близко родственныхъ языковъ, принадлежащихъ къ одной и той же вѣтви даннаго языковаго семейства, напр. при соприкосновеніи языковъ русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго и т. п. Вслѣдствіе присутствія въ такихъ языкахъ массы сходныхъ въ звуковомъ отношеніи словъ, но выработавшихъ неодинаковое значеніе (ср. рус. милость || пол. miłość, пóгребъ || pogrzeb и т. п.), въ смѣшанной рѣчи этого типа между прочимъ будутъ встрѣчаться ошибки въ семазіологическомъ употребленіи подобныхъ словъ. Весьма интересное явленіе представляетъ собою новый церковно-славянскій языкъ, образовавшійся отъ взаимодѣйствія между старо-славянскимъ и древне-русскимъ. Къ разсматриваемому типу смѣшанныхъ нарѣчій относятся и юмористическія пародіи на славяно-русскомъ языкѣ, передающія явленія современной жизни. [1])

IV. Смѣшанныя нарѣчія, получающіяся въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка.

---

[1]) См. напр. Казан. Телегр. отъ 4 апр. 1899 г., откуда позволяемъ себѣ привести небольшую выдержку: «*Нѣкое сказаніе отъ града, иже въ области Вятскія.* По непремногу лѣты мимошедши, бысть собраннымъ во градъ оный людемъ, иже отъ народа избраніи сотники есть, земстіи убо гласніи нарицаеми. И возлегше оніи въ палатѣ, многъ глаголъ имяше на соборищи своемъ, суждаху бо о дѣлахъ, яже миновахъ въ годинѣ, ратоваху же за вся, яже подобаетъ имъ и впредняя творити, рачитиліе бо преизрядни суть» и т. д.

Таковы переходные говоры отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, отъ бѣлорусскаго къ великорусскому и т. п. Тутъ важно слѣдить, какія черты произошли отъ одного говора, а какія отъ другаго. Можетъ обнаруживаться при этомъ участіе фактора эстетико-эмоціональнаго, которымъ опредѣляется подборъ заимствуемыхъ элементовъ; ср. напр.: въ то время какъ окающіе сѣверно-руссы обыкновенно относятся отрицательно къ московскому аканью, нѣкоторая часть ихъ, такъ или иначе облюбовавъ это произношеніе, охотно перенимаетъ его (таковы, напр., многіе говоры западныхъ уѣздовъ Костромской губ. и нѣкоторые другіе). [1])

Что касается характера смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступить мѣсто другому; 2) ни одно изъ соприкасающихся нарѣчій не проявляетъ особенной наклонности къ ассимиляціи, и только въ случаяхъ разговора между лицами двухъ разныхъ нарѣчій дѣлаются попытки приспособить свою рѣчь къ лучшему пониманію другаго.

Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т. е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтаксическомъ и лексическомъ. При этомъ фонетическое изученіе должно стремиться представить соотношеніе звуковыхъ системъ въ соприкасающихся нарѣчіяхъ, а также и то, какъ звуки одной системы субститируются звуками другой системы.

Матеріалъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій; художественныя пародіи смѣшанной рѣчи (напр. рѣчь Карла Ивановича въ Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности гр. Л. Толстаго, или еврейскій жаргонъ въ повѣсти „Жидъ“ Тургенева и т. п.), должны составлять хотя и важный, но лишь дополнительный источникъ: онѣ могутъ обратить вниманіе на такія типическія черты, которыя могли ускользнуть при непосредственныхъ наблюденіяхъ.

---

[1]) Введеніе въ современный языкъ древнихъ выраженій (иначе говоря —смѣшеніе между древнимъ и новымъ состояніемъ языка) также отчасти обусловливается вліяніемъ указаннаго фактора; срв. напр. русскую исторію Карамзина, гдѣ онъ употребляетъ нерѣдко лѣтописные обороты, очевидно казавшіеся ему особенно характерными.

Изученіе смѣшанныхъ русско-инородческихъ нарѣчій будетъ способствовать уясненію историческаго процесса ассимиляціи инородцевъ при поступательномъ колонизаціонномъ движеніи русскаго племени. Въ самомъ русскомъ языкѣ на такихъ смѣшанныхъ территоріяхъ могутъ быть явленія, обусловленныя существованіемъ той или другой инородческой подпочвы. Такія явленія, по моему мнѣнію, будутъ выражаться, кромѣ лексической стороны, въ томъ или другомъ характерѣ вокализма („низкомъ“ и т. п.), въ характерѣ мелодическаго и ритмическаго строенія словъ и фразъ, въ порядкѣ словъ въ предложеніяхъ и др.

Библіографическія указанія. Александровъ А. Маймачинское нарѣчіе, Р. Ф. В. т. XII (1884, № 3) стр. 160—163. Шухардтъ Г. Маймачинское нарѣчіе, Р. Ф. В. т. XII (1884, № 4) стр. 318—320. Богородицкій В. Неправильности русской рѣчи у чувашъ (1901)—оттискъ изъ Уч. Зап. Каз. Унив. Буличъ С. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ I (1893). Бодуэнъ-де-Куртенэ И. О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ (1901) — оттискъ изъ Ж. М. Н. Пр.

4. Объ изученіи звуковой стороны языка.

Изучая любой языкъ, мы должны стремиться изслѣдовать его не только въ литературномъ употребленіи, но и въ народныхъ говорахъ. Въ настоящемъ очеркѣ я бы желалъ представить какъ идеалъ, такъ и всѣ трудности, встрѣчающіяся при такомъ изученіи отдѣльныхъ языковъ, ограничившись при этомъ звуковой стороной.

Явленія рѣчи, относятся ли они къ разряду фонетическому, морфологическому, семазіологическому и проч.,— весьма многочисленны и разнообразно разбросаны по говорамъ деревень, селъ, городовъ.

Поговорку—что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай—можно примѣнить и къ языку: говоръ всякаго поселенія чѣмъ-нибудь да отличается отъ говора другаго поселенія.

Чтобы составить согласное съ дѣйствительностью представленіе о томъ или другомъ языкѣ, какъ о цѣломъ, мы должны были бы имѣть полныя понятія о всѣхъ его говорахъ.

Чтобы представить себѣ всю многосложность являющагося при этомъ затрудненія, посмотримъ, какъ трудно изучить говоръ даже одного поселенія.

Говоръ дѣтей отличается отъ говора взрослыхъ. Это происходитъ отъ того, что дѣти еще не достигли совершеннаго произношенія всѣхъ звуковъ и ихъ сочетаній, свойственныхъ данному говору, не говоря уже о сравнительно маломъ у нихъ запасѣ словъ и выраженій. Въ самомъ говорѣ маленькихъ является разнообразіе: они не въ одинаковой степени приблизились къ совершенному произношенію.

Говоръ женщинъ, которыя весьма часто происходятъ изъ другихъ поселеній, можетъ отличаться отъ говора мущинъ. Среди этихъ послѣднихъ иные занимаются отхожимъ промысломъ, съ котораго возвращаются домой съ нѣкоторыми перемѣ-

нами въ рѣчи. Селеніе можетъ содержать въ себѣ выходцевъ изъ области другаго говора, а это тоже должно обусловить нѣкоторыя варіаціи въ говорѣ. Въ рѣчи стариковъ могутъ сохраняться нѣкоторыя черты, уже вышедшія изъ употребленія у прочаго населенія—отчасти подъ нивеллирующимъ вліяніемъ школы.

Даже одно и то же лицо не каждый разъ одинаково произноситъ одно и то же слово. Такъ, слогъ ударенный произносится не всякій разъ съ одинаковымъ напряженіемъ, и чѣмъ съ большимъ напряженіемъ выговаривается ударенный слогъ, тѣмъ слабѣе произносятся звуки неударенныхъ слоговъ.

Наконецъ, могутъ быть индивидуальныя особенности произношенія.

Все это усложняетъ изслѣдованіе.

Кромѣ того, слыша чуждый намъ говоръ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ мы будемъ воспринимать его не точно, сообразно тѣмъ звукамъ и соединеніямъ ихъ, къ которымъ привыкло наше ухо. [1])

Все въ природѣ непрерывно измѣняется. Мы должны привыкнуть къ мысли, что и наша рѣчь, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ, развивается во времени, и при томъ весьма медленно и неравномѣрно.

Стремясь изучить развитіе даннаго языка, мы встрѣчаемся съ большимъ затрудненіемъ. Произношеніе болѣе древняго времени мы опредѣляемъ по дошедшимъ до насъ отъ этого времени *письменнымъ памятникамъ.* При этомъ представляется задача оживить буквы древняго памятника и возсоздать по написаніямъ (въ особенности ошибочнымъ) произношеніе того времени. Однако при выполненіи такой задачи изслѣдователь будетъ нерѣдко затрудняться, такъ какъ общеупотребительное письмо не обозначаетъ минимальныхъ оттѣнковъ звуковъ. Поэтому онъ долженъ будетъ ознакомиться съ тѣми пріемами, которые наука установила для подобныхъ изысканій и которые требуютъ знакомства съ факторами, обусловливающими написанія у лицъ съ разной орѳографической подготовкой. [2])

---

[1]) Для устраненія ошибокъ, изслѣдованіе какого-нибудь говора, сдѣланное однимъ лицомъ, можетъ провѣряться другими.

[2]) См. ниже очеркъ XI-ый «Изученіе малограмотныхъ написаній».

Но, вѣдь, рѣчь каждаго человѣка измѣняется во времени. Не можемъ ли мы слѣдить за направленіемъ въ измѣненіи русской рѣчи на своемъ собственномъ произношеніи?

Однако припомнимъ, что наша рѣчь измѣняется медленно, такъ что, только сравнивая ее на большихъ промежуткахъ времени, мы можемъ узнать съ точностью, въ какомъ направленіи она измѣняется.

Все это побуждаетъ насъ потрудиться для языковѣдовъ будущаго времени—передать имъ возможно точнымъ образомъ рѣчь нашего времени.

Какимъ же образомъ мы можемъ достигнуть этой точности?

Мы должны ознакомиться съ *физіологической* стороною произношенія: мы должны изучить анатомическое устройство органа рѣчи—его кости, мускулатуру, нервы; затѣмъ мы ознакомимся съ дѣйствіемъ каждой мышцы; а такъ какъ при произнесеніи каждаго звука происходитъ дѣйствіе не одной мышцы, а цѣлая ассоціація мышечныхъ движеній, то намъ слѣдуетъ разсмотрѣть эти координаціи мышечныхъ работъ. Мы должны также изучить *акустическую* сторону произношенія и физіологію органа слуха. Кромѣ того, при изученіи произношенія необходимо переноситься воображеніемъ и въ область головнаго мозга, откуда идутъ импульсы для произведенія звуковъ рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно помнить, что звуки нашей рѣчи, производимые и слышимые, образуютъ въ нашемъ умѣ соотвѣтствующія двигательно-слуховыя представленія или идеи, это—*психическая* сторона произношенія. Мы должны развивать мышечное чувство и чувство осязанія въ органахъ рѣчи, чтобы посредствомъ него какъ можно точнѣе узнавать о мѣстѣ, способѣ и степени дѣйствія органовъ рѣчи; мы должны изощрять глазъ и слухъ для наблюденія надъ своимъ произношеніемъ и надъ произношеніемъ другихъ. Наконецъ намъ слѣдуетъ ознакомиться съ *ошибками наблюденія*, которымъ подвергается даже самый опытный, такъ какъ произношеніе часто бываетъ не вполнѣ доступнымъ для наблюденія. [1])

И такъ, мы должны стремиться достигнуть такого знанія, чтобы быть въ состояніи представить себѣ, какія физіологическія работы происходятъ при данномъ произношеніи, умѣть

---

[1]) Срв. Winteler Die Kerenzer Mundart des Kantons Glarus in ihren Grundzügen dargestellt (1876) стр. 1.

вообразить это произношеніе съ чисто акустической стороны и со стороны воспріятія его органомъ слуха. „Научное воспитаніе“, говоритъ Тиндаль, „можетъ научить насъ видѣть въ природѣ и невидимое такъ хорошо, какъ видимое, созерцать умственнымъ взоромъ тѣ процессы, которые вполнѣ недоступны тѣлесному взору“. [1])

Послѣ такой подготовки мы можемъ приступить къ строгимъ физіологическимъ наблюденіямъ надъ собственнымъ своимъ произношеніемъ и надъ произношеніемъ другихъ. При этомъ мы должны воспользоваться тѣми приспособленіями, до которыхъ дошли физіологи; тутъ представится просторъ и для нашей собственной изобрѣтательности.

Наши точныя наблюденія могутъ затѣмъ сравниваться съ такими же наблюденіями надъ произношеніемъ индивидуумовъ другихъ говоровъ и языковъ. Сравненіе это показало бы ясно физіологическую разницу произношенія въ этихъ говорахъ и языкахъ. [2])

Подобныя изслѣдованія, производимыя надъ даннымъ говоромъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній, послужили бы матеріаломъ для открытія точныхъ физіологическихъ законовъ развитія произношенія.

Такъ какъ въ рѣчи индивидуумовъ разныхъ языковъ происходятъ не одинаковыя координаціи работъ, то это должно отражаться въ неодинаковомъ развитіи органа рѣчи—его мускулатуры и его нервной системы. Съ этой точки зрѣнія можно было бы производить сравнительно-анатомическія, въ особенности же экспериментально-фонетическія изслѣдованія.

---

[1]) Тиндаль Звукъ, восемь лекцій, читанныхъ въ Королевскомъ институтѣ Великобританіи. Переводъ съ англ. (1870) стр. 31.

[2]) Напр.: между тѣмъ какъ въ современномъ *русскомъ* языкѣ конечные, парные по звонкости и глухости, согласные уже не могутъ произноситься при звонкомъ участіи гортани, это послѣднее возможно въ *сербскомъ* языкѣ; очевидно, сербское произношеніе требуетъ иныхъ навыковъ гортани, чѣмъ русское. Подобнымъ образомъ наблюдаются различія между языками также и по другимъ работамъ, напр. по степени свойственной имъ лябіализаціи и т. п. При этомъ замѣтимъ вообще, что изучаемыя фонетическія явленія могутъ содержать признаки, указывающіе на особенности въ дѣйствіи той или другой части говорильнаго аппарата въ данномъ языкѣ или нарѣчіи.

„Если бы мы могли видѣть воздухъ, по которому проходитъ звукъ пріятнаго голоса, то мы увидѣли бы въ этомъ воздухѣ, какъ и въ какой формѣ совершаются движенія и всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ пріятность голоса. Такимъ же образомъ и въ обыкновенномъ разговорѣ физическое предшествуетъ психологическому и производитъ его; сказанныя слова, возбуждающія въ насъ удовольствіе или огорченіе, приводящія насъ въ гнѣвъ или успокоивающія, нѣкоторое время, пока они идутъ отъ говорящаго до насъ, суть не что иное, какъ чисто механическое состояніе промежуточнаго воздуха". [1]) Я думаю, что можно стремиться перевести описаніе языковъ въ ихъ разнообразныхъ говорахъ на чисто акустическій языкъ, подобно тому, какъ такое описаніе можетъ быть представлено на чисто физіологическомъ языкѣ (и сравнительно-анатомическомъ). Тогда нужно будетъ изслѣдовать отношеніе между физіологической и акустической стороною рѣчи. Подобныя изслѣдованія, производимыя въ цѣломъ рядѣ поколѣній, позволятъ чисто физіологическіе законы развитія произношенія выразить языкомъ чисто акустическимъ.

При физіологическихъ наблюденіяхъ надъ произношеніемъ намъ предстоитъ одно большое затрудненіе. Дѣло въ томъ, что при произнесеніи слова совершается координація работъ, которая можетъ не совпасть съ координаціею работъ при слѣдующемъ произнесеніи того же слова. Поэтому, если мы желаемъ своимъ наблюденіямъ придать вполнѣ научную строгость, то не можемъ одну работу наблюсти отъ перваго произношенія, другую же—отъ слѣдующаго произношенія и т. д., а затѣмъ эти наблюденія соединить вмѣстѣ, какъ будто бы они относились къ одной и той же координаціи работъ. Мы должны стремиться наблюсти всѣ работы при одномъ и томъ же произношеніи.

Въ возможности такого наблюденія насъ убѣждаетъ прекрасный опытъ Розапелли, наблюдавшаго одновременно дѣйствіе губъ, небной занавѣски и гортани. Къ губамъ прилаживался шарниръ, ножки котораго раздвигались и сближались соотвѣтственно сближенію губъ; движенія ножекъ передавались сигнальному барабанчику, рычажкомъ котораго и

---

[1]) Тамъ же стр. 64.

вычерчивались на вращающемся цилиндрѣ. Въ полость носа вводилась каучуковая трубка: сгущеніе воздуха, при опущеніи небной занавѣски, подобнымъ же образомъ записывалось. Къ гортани прикладывался электрическій аппаратъ, при чемъ дрожаніемъ гортани при произношеніи вызывалась соотвѣтственная прерывистость тока, которая тоже записывалась съ помощью особаго сигнальнаго аппарата. [1])

Сказанное еще далеко не исчерпываетъ всей работы изслѣдователя и всѣхъ представляющихся ему затрудненій. Въ подтвержденіе я представлю планъ изслѣдованія какого-нибудь фонетическаго явленія.

Прежде всего мы стараемся изслѣдовать это явленіе самымъ точнымъ образомъ со стороны физіологической и акустической въ связи съ ощущеніями или представленіями слуховыми и мышечно-осязательными. Но недостаточно при этомъ точнаго физіологическаго, акустическаго и психологическаго описанія отдѣльныхъ звуковъ говора, нужно самымъ точнымъ образомъ ознакомиться со всею звуковою системою говора, въ составъ которой входятъ и данные звуки. Слѣдовательно, наше явленіе мы должны изучить не въ отдѣльности, но въ ряду прочихъ одновременныхъ фонетическихъ явленій говора. Но и этого недостаточно; мы должны изслѣдовать наше явленіе еще въ ряду одновременныхъ явленій морфологическихъ, семазіологическихъ и проч. того же говора. Часто случается, что явленія, на первый взглядъ ничего не имѣющія между собою общаго, на дѣлѣ оказываются связанными между собою.

Наше изслѣдованіе еще не кончено. Мы должны разсмотрѣть наше явленіе въ его историческомъ развитіи въ связи съ одновременнымъ развитіемъ остальныхъ языковыхъ явленій изслѣдуемаго говора. Я уже указывалъ на затрудненіе при изслѣдованіи прошлаго въ языкѣ, происходящее отъ того, что при историческомъ изслѣдованіи языка мы ограничены уцѣ-

---

[1]) Rosapelly Inscription des mouvements phonétiques (въ Physiologie expérimentale, Travaux du laboratoire de M. Marey, II [1876], стр. 109—131). Въ настоящее время экспериментальная фонетика уже получила широкое распространеніе въ Зап. Европѣ и Америкѣ, а также начала культивироваться и въ Россіи. Примѣръ экспериментальнаго изслѣдованія см. ниже, стр. 64—66, а также въ очеркѣ 15-омъ. Дальнѣйшія библіографическія указанія даются на стр. 78 и 97.

лѣвшимъ письменнымъ матеріаломъ, не отражающимъ въ точности произношенія, вслѣдствіе чего мы не въ состояніи воссоздать въ точности картину развитія языка. Можетъ случиться, что мы не будемъ имѣть даже и такого матеріала, или если и найдемъ матеріалъ, то онъ не восходитъ до болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго.

Мы можемъ теперь обратиться къ изслѣдованію нашего явленія въ другомъ говорѣ, родственномъ съ первымъ. Въ этомъ говорѣ изслѣдуемое явленіе можетъ оказаться на другой стадіи развитія или дальнѣйшей или же ближайшей (не слѣдуетъ забывать возможности и того, что въ другомъ говорѣ явленіе можетъ отражать, хотя бы даже слегка или нѣсколько, другое направленіе въ развитіи). Мы опять изслѣдуемъ это явленіе въ ряду прочихъ языковыхъ явленій того же говора не только въ данномъ одновременномъ состояніи, но и въ историческомъ развитіи.

Языкъ можетъ быть широко разлитъ во множествѣ разнообразныхъ говоровъ. Мы уже представляемъ себѣ всю необъятность работы.

Теперь наше изслѣдованіе, разумѣется, кончено. Нѣтъ, мы можемъ изслѣдовать наше явленіе подобнымъ же образомъ въ другихъ родственныхъ языкахъ и ихъ говорахъ.

Затѣмъ мы еще болѣе расширяемъ поле нашего изслѣдованія. Мы можемъ наше явленіе изслѣдовать въ языкахъ неродственныхъ. Предъ нами выступаютъ языки тюркскіе, негрскіе, австралійскіе и т. д. съ ихъ говорами.

И тогда намъ предстоитъ еще болѣе глубокій вопросъ: изслѣдуемое нами явленіе въ родственныхъ говорахъ и языкахъ и въ языкахъ неродственныхъ можетъ встрѣчаться въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, или же вовсе не существовать; отчего это происходитъ?

На нашихъ глазахъ случается, какъ изъ одного поселенія часть обитателей выселяется и образуетъ новое поселеніе. Условія, въ которыя вступаетъ часть выселившаяся, не тожественны съ условіями, въ которыхъ находится часть оставшаяся. Отсюда развитіе рѣчи выселившихся будетъ не тожественно съ развитіемъ рѣчи оставшихся. Наука можетъ слѣдить за этимъ дифференцированіемъ рѣчи съ возможной точностью, доискиваться до причинъ, обусловливающихъ неодинаковое развитіе такихъ говоровъ со времени ихъ раздѣленія.

Рядомъ съ такимъ дифференцированіемъ рѣчи происходитъ дифференцированіе въ бытѣ, обычаяхъ, идеяхъ и т. д. части выселившейся и части оставшейся. Лингвистика здѣсь соприкасается съ исторіей и этнографіей. [1])

Итакъ, при изученіи рѣчи мы встрѣчаемся съ большими затрудненіями. Однако не меньшія трудности преодолѣваются и въ области другихъ наукъ.

Я старался представить идеалъ изученія звуковой стороны языка. Слѣдуетъ замѣтить, что воображеніе играетъ весьма важную роль въ научной дѣятельности, оно предшествуетъ опыту и сопровождаетъ его. Я приведу прекрасный отрывокъ изъ сочиненій знаменитаго Роберта Гука, высказавшаго за двѣсти лѣтъ до нашего времени теорію стетоскопа.

„Можетъ быть есть возможность, пишетъ Гукъ, открывать внутреннія движенія и дѣйствія тѣлъ посредствомъ звука, который они производятъ. Въ часахъ мы слышимъ стукъ баланса, ходъ колесъ, удары молотка, цѣпляніе зубцовъ и многіе другіе звуки; кто знаетъ, не можемъ ли мы подобно этому открыть движеніе внутреннихъ частей тѣлъ животныхъ, растительныхъ или минеральныхъ посредствомъ звука, который они производятъ, открыть процессы, совершающіеся въ разныхъ органахъ или полостяхъ тѣла, и такимъ образомъ узнать, какіе дѣйствуютъ только въ извѣстное время, а въ другое стоятъ и т. п.; кто знаетъ, нельзя ли въ растеніяхъ при помощи шума открыть насосы для поднятія соковъ, клапаны для остановки ихъ и перехода ихъ изъ одного хода въ другой и т. п.? Я могъ бы пойти дальше, но мнѣ становится стыдно, когда я подумаю о томъ, какъ на это смотритъ большинство людей; но, съ другой стороны, я имѣю смѣлость не считать этихъ вещей невозможными, хотя онѣ большинству людей кажутся вздорными, пустыми и несбыточными, и въ этой смѣлости меня поддерживаетъ то, что если бы я считалъ ихъ невозможными, то это не очень помогло бы моему знанію, тогда какъ считая ихъ возможными я можетъ быть буду имѣть случай получить понятіе о такихъ вещахъ, мимо которыхъ другой прошелъ бы безъ вниманія, считая ихъ безполезными“... [2])

---

[1]) Изысканіе генеалогіи говоровъ можетъ быть предметомъ отдѣльныхъ изслѣдованій.

[2]) См. Тиндаль ук. соч. стр. 57–59.

5. Краткая физіологія звуковъ примѣнительно къ русскому языку.

Произношеніе можно изслѣдовать съ точки зрѣнія *анатомо-физіологической*, *физико-акустической*, со стороны *слуховыхъ ощущеній* и *ощущеній мускульно-осязательныхъ* при произношеніи.

Физіологію звуковъ рѣчи я изложу преимущественно съ точки зрѣнія анатомо-физіологической.

Предварительно сдѣлаю краткое анатомическое обозрѣніе человѣческаго органа рѣчи.

Человѣческій органъ рѣчи можетъ быть раздѣленъ на три части:

а) Дыхательный аппаратъ.

б) Гортань.

в) Полости, лежащія надъ гортанью — полость глотки, полость рта и полость носа.

Мы вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ легкими, которыя весьма удачно сравниваютъ съ мѣхами. *Вдыханіе* (inspiratio) воздуха происходитъ слѣдующимъ образомъ. Грудная полость расширяется во всѣхъ направленіяхъ. Увеличеніе ея книзу есть слѣдствіе сокращенія грудобрюшной преграды—сводообразнаго мускула, который помѣщенъ между грудною и брюшною полостями. Кромѣ того, дѣйствіемъ нѣкоторой группы мышцъ поднимаются ребра и такимъ образомъ производится увеличеніе грудной полости сзади напередъ, а также вправо и влѣво. Воздухъ тотчасъ же черезъ носъ, или также и черезъ ротъ, стремится въ легкія, растягиваетъ ихъ, и такимъ образомъ происходитъ вдыханіе. По окончаніи сокращенія

вдыхательныхъ мышцъ, грудная клѣтка вслѣдствіе упругости своихъ стѣнокъ стремится занять первоначальное положеніе, т. е. спадается, съуживается, производя *выдыханіе* (exspiratio).

Въ рѣчи въ теченіе одного выдыханія можетъ быть произнесено нѣсколько словъ; затѣмъ происходитъ пауза, во время которой мы вдыхаемъ; съ новымъ выдыханіемъ мы опять можемъ произнести нѣсколько словъ и т. д.

Въ гортани имѣется *голосовая щель*, образуемая двумя *голосовыми связками*. Для того, чтобы звучала гортань, нужно, чтобы обѣ голосовыя связки, были достаточно натянуты и приближены одна къ другой до соприкосновенія или почти до соприкосновенія (что̀ производится особыми группами мышцъ), и тогда выдыхаемый токъ воздуха приведетъ ихъ въ звонкое дрожаніе. При обыкновенномъ спокойномъ дыханіи голосовая щель (дѣйствіемъ нѣкоторыхъ мышцъ) бываетъ открыта и имѣетъ видъ равнобедреннаго треугольника, боковыя стороны котораго, начинаясь одна возлѣ другой впереди гортани, дивергируютъ (расходятся) взади. Воздухъ въ этомъ случаѣ безъ шума проходитъ черезъ открытую голосовую щель.

Полость глотки лежитъ сзади отъ полости носа и рта. Въ передней стѣнкѣ глотки находятся отверстія: для носовой полости (такъ называемыя хоаны), для полости рта (такъ называемый зѣвъ) и для гортани. Самая нижняя часть глотки, лежащая сзади отъ гортани, быстро съуживается и переходитъ въ каналъ пищепріемника.

Полость носа лежитъ надъ полостью рта, отъ которой отдѣляется твердымъ и мягкимъ небомъ. Мягкое небо, совершая движеніе къ задней стѣнкѣ глотки, является, такъ сказать, привратникомъ или клапаномъ, впускающимъ или же не впускающимъ выдыхаемый воздухъ въ полость носа. Существенное отличіе полости носа отъ полости рта заключается въ томъ, что первая мало измѣняема, вслѣдствіе чего является однообразною надставною трубою, тогда какъ полость рта принимаетъ разнообразныя уложенія въ рѣчи.

Обратимся къ разсмотрѣнію полости рта. Ощупывая пальцемъ верхнюю стѣнку полости рта, начиная отъ внутренней поверхности верхнихъ зубовъ, мы достигаемъ прежде всего до маленькой выпуклости, называющейся *альвеолами* [1]) верхнихъ

---

[1]) Альвеолы представляютъ собою собственно тѣ челюстныя луночки, въ которыхъ укрѣплены зубы и которыя одѣты десною.

зубовъ. За альвеолами слѣдуетъ вогнутое *твердое небо*, которое назадъ простирается на столько же, на сколько оба ряда верхнихъ зубовъ. Какъ только палецъ передвинулся за эту границу, мы чувствуемъ, какъ вмѣсто твердаго неба начинается мягкая, уступающая давленію поверхность. Это—*мягкое небо* или *небная занавѣска*. Мягкое небо по серединѣ продолжается въ такъ называемый *язычекъ*. Разсматривая внутренность раскрытаго рта, мы видимъ остающійся между заднимъ краемъ мягкаго неба и основаніемъ языка промежутокъ, который составляетъ заднее отверстіе полости рта, ведущее въ полость глотки и потому называемое *входомъ въ глотку* или *зѣвомъ*.

Въ полости рта помѣщается *языкъ*, въ которомъ мы различаемъ переднюю, среднюю и заднюю часть и бока. Въ своей передней части языкъ является необыкновенно подвижнымъ, тогда какъ въ задней части, близкой къ мѣсту его укрѣпленія, мало подвиженъ; наоборотъ—небо, относительно котораго дѣйствуетъ языкъ, неподвижно тамъ, гдѣ оно находится противъ подвижной части языка, тогда какъ позади, противъ корня языка, оно является подвижнымъ. Другимъ органомъ произношенія служатъ *губы*, при чемъ дѣйствіе можетъ происходить не только между обѣими губами, но также между нижней губою и верхнимъ рядомъ зубовъ.

Прежде чѣмъ разсматривать звуки русскаго языка, мы должны понять *различіе между звуками и буквами*.

Звуки мы *произносимъ*, а буквы *пишемъ* для обозначенія этихъ звуковъ.

Различать звуки и буквы насъ побуждаетъ еще то, что *произношеніе и правописаніе не всегда соотвѣтствуютъ между собой*.

Разсмотримъ для примѣра букву *я*. Буква написана *одна*, а произносится *два* звука: j [1]) + а. Въ самомъ дѣлѣ, если мы протянемъ звукъ, который обозначается буквою *я*, то въ концѣ слышится звукъ **а**, а въ началѣ j : ja . . . а. [2]) Подобнымъ же образомъ:

---

[1]) j или й.

[2]) Нужно впрочемъ оговориться, что въ данномъ случаѣ звукъ *а* нѣсколько отличается отъ того же звука въ отдѣльномъ произношеніи тѣмъ, что получаетъ въ своемъ началѣ палатальный оттѣнокъ. То же слѣдуетъ замѣтить и о прочихъ гласныхъ въ сочетаніи съ предшествующимъ j.

е = jэ
ё = jo
ю = jу. [1])

Иногда, наоборотъ, двѣ буквы обозначаютъ одинъ звукъ. Такъ, написаніе **нъ** обозначаетъ одинъ звукъ. Если мы продолжимъ произношеніе этого написанія, то каково произношеніе въ началѣ, таково оно и въ концѣ. Этимъ способомъ мы убѣждаемся въ томъ, что произнесли одинъ звукъ, а не болѣе. Подобнымъ же образомъ обозначаютъ одинъ звукъ соединенія буквъ: **нь**, **рь**, и т. п.

Указавши различіе между звуками и буквами, я перехожу къ изложенію физіологіи звуковъ русскаго языка; русское же правописаніе мы разсмотримъ въ особой главѣ.

Въ литературномъ русскомъ языкѣ 44 главнѣйшихъ звука, которые въ научно-фонетическомъ письмѣ обозначаются слѣд. буквами: **а, э** (=æ и є), [2]) **і, о, у, ы, ф, ф'**, [3]) **в, в', п, п', б, б', м, м', с, с', з, з', ш, ж, л, л', р, р', т, т', д, д', ц, ч', н, н', j, х, х'**, *γ, γ'*, **к, к', г, г'**.

Въ нашъ перечень звуковъ не вошли: *я*, *е*, *ё*, *ю*; но это потому, что буквы эти—какъ мы видѣли—не обозначаютъ

---

[1]) Особенность представляютъ случаи, когда разсматриваемыя буквы (*я*, *е*, *ё*, *ю*) стоятъ послѣ буквы согласнаго звука: тогда онѣ обозначаютъ эти же гласные звуки + (плюсъ) мягкость предшествующаго согласнаго, напр. *ня*=нʲа (н'а) и т. п. И въ этомъ случаѣ гласные нѣсколько отличаются отъ гласныхъ въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ или въ отдѣльномъ произношеніи, пріобрѣтая нѣкоторую начальную палатальность.

[2]) Гласные æ (или ä) и є являются двумя разновидностями звука э; изъ нихъ æ представляетъ собою «э широкое или открытое», являющееся въ концѣ словъ, а также въ положеніи передъ твердыми согласными, напр. въ словахъ т'ǽ (т. е. тѣ), п'ǽт (пѣтъ), шæст (шестъ), начертаніе же є (или ε) служитъ для обозначенія «узкаго или закрытаго э», встрѣчающагося въ положеніи передъ мягкими согласными, напр. въ словахъ п'є́т' (пѣть), д'в'є́р' (дверь). Изъ этихъ двухъ разновидностей гласнаго э самостоятельной должна считаться первая, такъ какъ именно она произносится въ независимомъ положеніи (на концѣ слова).

[2]) Знакомъ ' (апострофомъ), поставленнымъ при буквѣ согласнаго звука, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ обозначается мягкость согласнаго.

особыхъ гласныхъ звуковъ. Въ видахъ большей простоты въ перечень не введены оттѣнки неударяемыхъ гласныхъ, разсматриваемые въ особыхъ главахъ. О варіаціяхъ гласныхъ звуковъ по началу или экскурсіи и концу или рекурсіи будетъ говориться въ концѣ настоящей главы, когда будетъ идти рѣчь о звукосочетаніяхъ.

Обыкновенно звуки рѣчи дѣлятъ прежде всего на *гласные* (а, æ, є, і, о, у, ы) и *согласные* (остальные). Но это дѣленіе акустическое, которому соотвѣтствуетъ съ принятой нами точки зрѣнія анатомо-физіологической дѣленіе звуковъ на *открытые* и *съуженные* (см. ниже дѣленіе 7-ое). Мы будемъ классифицировать звуки въ порядкѣ частей говорильнаго аппарата. начавши съ дѣятельности органа дыханія.

I. Попробуемъ *наблюсти* произношеніе звука **п**, обращая преимущественное вниманіе на дѣятельность выдыханія.

При произнесеніи этого звука губы прижимаются одна къ другой и полость рта надувается воздухомъ, который становится по мѣрѣ надуванія болѣе и болѣе плотнымъ, болѣе и болѣе упругимъ. Съ увеличеніемъ напора воздуха усиливается соотвѣтственно и сжатіе губъ, что мы замѣчаемъ посредствомъ *мускульнаго чувства* въ послѣднихъ. Но при такихъ условіяхъ напирающій воздухъ, очевидно, не можетъ разорвать губнаго сжатія. Взрывъ производится тѣмъ, что напряженіе губъ начинаетъ разслабляться, вслѣдствіе чего воздухъ тотчасъ же вырывается и производитъ звукъ **п**.

Будемъ производить *опыты* надъ произношеніемъ **п**.

Попробуемъ энергичнѣе, чѣмъ прежде, выдуть воздухъ для произнесенія нашего звука. Мы замѣчаемъ, что губы при этомъ сжимаются съ большей энергіей, а шумъ взрыва сталъ болѣе сильнымъ.

Будемъ произносить **п**, надувая воздухомъ полость рта съ каждымъ разомъ болѣе сильно. Сопротивленіе губъ напирающему воздуху становится также болѣе сильнымъ. Сила или напряженность шума при взрывѣ губъ увеличивается.

Если мы будемъ для произношенія **п** выдувать воздухъ съ каждымъ разомъ менѣе и менѣе энергично, то напряженность губъ будетъ съ каждымъ разомъ уменьшаться, а взрывъ будетъ производить на слухъ все меньшее и меньшее дѣйствіе.

Производя подобные опыты надъ произношеніемъ, мы замѣчаемъ борьбу или антагонизмъ между выдыханіемъ и дѣй-

ствіемъ органовъ произношенія или артикуляціей ихъ. Чѣмъ сильнѣе выдыханіе, тѣмъ напряженнѣе артикуляція. [1])

Сила или напряженность нашего произношенія сводится къ силѣ выдыханія, слѣдовательно къ дѣйствію дыхательнаго аппарата. А такъ какъ могутъ быть безчисленныя степени силы выдыханія, то соотвѣтственно съ этимъ и звуки рѣчи представляютъ безконечное разнообразіе со стороны своей *силы* . . . . (1)

II. Сравнимъ произношеніе звуковъ **б** и **п**:

б || **п**.

При произношеніи того и другаго звука мы замѣчаемъ сходство въ дѣйствіи губъ.

Чѣмъ же обусловливается различіе между разсматриваемыми звуками?

Не зависитъ ли оно отъ разной силы выдыханія?

И тотъ и другой звукъ мы можемъ произносить при разнообразной силѣ выдыханія. Мы можемъ произнести наши звуки при выдыханіи, по возможности, одинаковой силы. Этимъ однако различіе звука не устраняется. Слѣдовательно, разсматриваемая нами разновидность звука не обусловливается силою выдыханія.

Приложивши палецъ къ гортани, мы ощущаемъ при произнесеніи **б** дрожаніе гортани, при произнесеніи же **п** — отсутствіе дрожанія, спокойное состояніе гортани.

Мы не можемъ произнести громкаго звука **б** такъ, чтобы при этомъ гортань не дрожала, а находилась въ спокойномъ состояніи. Наоборотъ, звука **п** нельзя произнести съ дрожаніемъ гортани.

Теперь мы заключаемъ, что различіе между звуками **п** и **б** обусловливается разнымъ дѣйствіемъ гортани.

Возьмемъ другой примѣръ. Будемъ произносить звукъ **з**: мы замѣчаемъ дрожаніе гортани. При произнесеніи звука **с** замѣчается спокойное состояніе гортани.

---

[1]) М. Мюллеръ, говоря о произношеніи b, употребляетъ выраженіе: «дыханіе, борющееся съ губами, которыя передъ нимъ закрываются» (Новый рядъ чтеній. Перев. съ англ. Вып. I, 1868, стр. 140—141). Ср. Winteler Die Kerenzer Mundart das Kantons Glarus (1876) стр. 6, пунктъ 4.

Такіе звуки, какъ **б**, **з**, называются *звонкими* (по-нѣмецки—tönende), а такіе какъ **п**, **с** — *глухими* (нѣм. — stumme или tonlose). [1])

Спрашивается, въ чемъ же состоитъ разное дѣйствіе гортани при произнесеніи звонкихъ и глухихъ звуковъ? Выяснимъ это различіе на звукахъ **з** и **с**. При произнесеніи звука **з** голосовая щель съужена для звучанія: достаточно натянутыя голосовыя связки касаются или почти касаются одна другой и токъ воздуха приводитъ ихъ въ звонкое дрожаніе; звонкій звукъ голосовыхъ связокъ смѣшивается съ шумомъ, образующимся при прохожденіи струи воздуха черезъ съуженіе, произведенное приближеніемъ передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. При произнесеніи **с** гортань не производитъ никакого звука, токъ воздуха безъ шума проходитъ черезъ широко раскрытую голосовую щель, шумъ образуется при прохожденіи струи воздуха чрезъ съуженіе, произведенное приближеніемъ передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

Есть еще другіе способы распознавать звонкіе и глухіе звуки: 1) звонкіе звуки можно пѣть на разные тоны, глухіе же звуки нельзя; 2) вслушиваться, есть ли въ произносимомъ звукѣ звонкость гортани, или же ея нѣтъ.

Нѣкоторымъ могло показаться, что они произносятъ звонко и такіе звуки, какъ **п**, **с**, что и при этихъ звукахъ происходитъ дрожаніе гортани. Это могло случиться отъ того, что вы произнесли эти согласные звуки не отдѣльно, а въ соединеніи съ слѣдующимъ гласнымъ (напр. **па**, **са** и т. п.), при чемъ ошибкою приписали глухимъ согласнымъ дрожаніе гортани, которое въ дѣйствительности принадлежало только слѣдующему гласному. Произнесите теперь глухой звукъ одинъ, безъ слѣдующаго гласнаго, и вы замѣтите спокойное состояніе гортани.

Далѣе, можетъ показаться, что глухо произносятся и звуки **б**, **з**; это, вѣроятно, потому, что вы произнесли эти звуки шепотомъ, а не громко.

---

[1]) Вмѣсто этихъ обычныхъ терминовъ встрѣчаются иногда другіе: *звучные* и *отзвучные*, *мягкіе* и *твердые* (это—переводъ нѣмецкихъ терминовъ: weiche, harte). Два послѣдніе термина теперь употребляются уже въ иномъ значеніи (см. ниже стр. 53).

И такъ, звуки **п** и **с** глухіе. Изъ нихъ къ звуку **б** звукъ **п** ближе, нежели звукъ **с**. Если мы возьмемъ и другіе глухіе звуки (**ф**, **т**, **ш**, **ц**, **ч**, **х**, **к**), то оказывается, что глухой звукъ **п** — самый близкій къ звонкому звуку **б**. Это мы можемъ выразить слѣдующимъ образомъ: звукъ **б**—звонкій, а звукъ **п**—*соотвѣтствующій* ему глухой; или: звонкому звуку **б** соотвѣтствуетъ глухой—**п**.

Я назову теперь звонкіе звуки и соотвѣтствующіе имъ глухіе: **б** || **п**, **в** || **ф**, **д** || **т**, **з** || **с**, **ж** || **ш**, **г** || **к**, γ [1]) || **х**. Здѣсь мы видимъ пары согласныхъ звуковъ, состоящія изъ звонкаго согласнаго и соотвѣтствующаго глухаго; поэтому разсмотрѣнные нами соотвѣтствующіе звуки называютъ *парными по звонкости и глухости*. [2])

Есть звуки *непарные по звонкости и глухости*. Такъ, звуки **ч'** и **ц** произносятся только глухо и не имѣютъ соотвѣтствующихъ звонкихъ. Гласные звуки и согласный **j** произносятся вообще только звонко. Согласные **р**, **л**, **м**, **н**, называемые *плавными*, тоже произносятся вообще только звонко.

Научившись различать звонкіе и глухіе звуки, мы уже можемъ приложить къ дѣлу свое небольшое знаніе.

Если въ словѣ передъ гласнымъ звукомъ произносится звонкій согласный, то если согласный очутится въ концѣ слова, произносится соотвѣтствующій глухой согласный, напр.: раба || рап, боба || боп, лба || лоп, рва || роф, плода || плот, года || гот, рода || рот, воза || вос, раза || рас, ножа || нош, стога || сток и т. п. Правда, что въ такихъ случаяхъ въ концѣ

---

[1]) Такъ обозначается въ научныхъ изслѣдованіяхъ звукъ **г**, произносимый напр. въ словахъ: благо, Господь.

[2]) Здѣсь я сдѣлаю одно педагогическое замѣчаніе, къ которому я пришелъ собственнымъ опытомъ, обучая.

При объясненіи ученикамъ звуковъ русскаго языка, нужно какъ можно лучше выяснить различіе между глухими и звонкими звуками на какомъ-нибудь примѣрѣ, напр. **з** || **с**. Затѣмъ учащіеся пусть сами опредѣляютъ остальные звуки со стороны звонкости и глухости. Я увѣренъ, что они, хотя—быть можетъ—и послѣ одной или нѣсколькихъ не вполнѣ удачныхъ попытокъ, сами догадаются, что напр. **в**—звонкій согласный, а **ф**—соотвѣтствующій ему глухой и т. д. Вообще, при преподаваніи нужно стараться, чтобы учащіеся сами додумывались до того, до чего можно дойти своимъ умомъ. Ср. также Анастасіевъ А. Изъ чтеній на съѣздѣ учителей начальныхъ училищъ, бывшемъ въ 1882 г. въ Казани, стр. 69.

слова пишется по правописанію буква звонкаго согласнаго (напр. *рабъ*, *бобъ*, *лобъ*, *ровъ*, *плодъ*, *годъ*, *родъ*, *возъ*, *разъ*, *ножъ*, *стогъ*), но произносится соотвѣтствующій глухой согласный.

Исключеніе отсюда составляютъ плавные и согласный j, которые въ концѣ словъ послѣ гласныхъ произносятся звонко, напр. дар, дал, дам, дан, даj.

Далѣе, добытымъ небольшимъ знаніемъ мы можемъ воспользоваться для уясненія себѣ другаго явленія русскаго языка.

Разсмотримъ слово «съ гору». Въ этомъ словѣ въ началѣ произносится звукъ з, а не с, такъ что фонетически (согласно съ произношеніемъ) мы должны написать разсматриваемое слово «згóру». Передъ звукомъ г мы произносимъ вмѣсто звука с звукъ з. Легко замѣтить, что г—звонкій согласный, з—тоже, с—глухой. Значитъ, передъ звонкимъ согласнымъ г мы произносимъ вмѣсто глухаго согласнаго с соотвѣтствующій звонкій согласный. Произношеніе предшествующаго согласнаго уподобилось послѣдующему согласному. Такое явленіе называютъ *уподобленіемъ* или *ассимиляціей*.

Возьмемъ другой примѣръ: «въ томъ»—это по правописанію, фонетически же—«фтóм». Передъ глухимъ согласнымъ т мы произносимъ вмѣсто звонкаго согласнаго в соотвѣтствующій ему глухой (ф). Здѣсь мы имѣемъ опять случай ассимиляціи.

И такъ, мы ознакомились съ явленіемъ уподобленія или ассимиляціи согласныхъ звуковъ по дѣйствію гортани.

Если станемъ наблюдать *ослышки* (онѣ относятся уже не къ анатомофизіологической области, а къ слуховой), то легко подмѣтимъ, что вмѣсто звонкаго согласнаго можетъ послышаться соотвѣтствующій ему глухой, и наоборотъ; напр. вмѣсто гора послышалось кора, вм. дочка—точка, вм. дрова—трава, вм. купальню—баню. [1]) Это значитъ, что (съ точки зрѣнія слуховыхъ ощущеній) несходство по звонкости и глухости не препятствуетъ слуховой замѣнѣ или субституціи согласныхъ звуковъ, по прочимъ акустическимъ свойствамъ (напр. по артикуляціонному шуму) одинаковыхъ. [2])

(2) . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *голосовая щель съужена для звучанія;*

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *голосовая щель расширена.*

---

[1]) Довольно большая ослышка, на возникновеніе которой могла вліять вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимная близость того и другаго слова по значенію.

[2]) Мы обыкновенно исправляемъ случающіяся свои ослышки, творчески возсоздавая надлежащее на основаніи контекста слышимой рѣчи, когда же не въ состояніи этого сдѣлать, то переспрашиваемъ

III. Сравнимъ произношеніе звуковъ **б** и **м**, **д** и **н**:

б || **м**,
д || **н**.

При произнесеніи звуковъ **б** и **м** сжимаются губы. Однако мы замѣчаемъ разницу въ нашихъ звукахъ: звукъ **м** имѣетъ носовой оттѣнокъ, а звукъ **б** не имѣетъ такого оттѣнка. Поэтому звукъ **м** называютъ *носовымъ*, а звукъ **б**—*не-носовымъ* или *чистымъ*. При произнесеніи звуковъ **д** и **н** языкъ своею переднею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Но звукъ **д**—чистый, не-носовой, а звукъ **н**—*соотвѣтствующій* ему носовой; подобнымъ образомъ чистому (не-носовому) звуку **б** соотвѣтствуетъ носовой **м**.

Произношеніе звуковъ носовое или же не-носовое (чистое) обусловливается дѣйствіемъ мягкаго неба; мягкое небо, совершая артикуляціи къ задней стѣнкѣ глотки, или впускаетъ выдыхаемый воздухъ въ полость носа, или же отражаетъ его въ полость рта.

Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ д *уподобляется* слѣдующему н: ланно (т. е. ладно), стынно, схонно и т. п.[1] Равнымъ образомъ группа *бм* измѣняется въ *мм*, напр. омманъ (т. е. обманъ). Собственно говоря, въ результатѣ получается одинъ согласный носовой, но съ длительной артикуляціей, т. е. н̄, м̄.

Сходствомъ звуковъ м и н (оба они имѣютъ носовой оттѣнокъ) объясняются такія *ослышки*, какъ: вмѣсто франц. «ami» послышалось «они».

(3) . . . . а) звуки, при произнесеніи которыхъ *мягкое небо*, вслѣдствіе своего поднятія, бываетъ *приближено или прижато къ задней стѣнкѣ глотки* (звуки чистые или не-носовые).

б) звуки, при произнесеніи которыхъ *мягкое небо опущено* (звуки носовые).

IV. Наблюдая произношеніе звуковъ русскаго языка, мы замѣчаемъ, что они произносятся при разной *ширинѣ раствора рта* или, другими словами, при разной *степени осажденія* (опущенія) *нижней челюсти*.

---

[1]) См. Потебня Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка (1866) стр. 91.

Звукъ **а** произносится при *широкомъ* растворѣ рта (при *большомъ* осажденіи нижней челюсти); звуки **о**, **æ**, **ɛ** — при *среднемъ* растворѣ рта (при *среднемъ* осажденіи нижней челюсти), при чемъ растворъ рта для **ɛ** нѣсколько ўже, чѣмъ для **æ**; остальные же звуки (т. е. гласные **у**, **і**, **ы** и всѣ согласные)—при *узкомъ* растворѣ рта, иначе говоря—при *маломъ* или незначительномъ осажденіи нижней челюсти, при чемъ при узкихъ гласныхъ преобладаетъ открытость, а при согласныхъ съуженность или закрытость.

Не лишне замѣтить, что мы можемъ произносить звуки при растворѣ рта весьма разнообразномъ. Напр.: между самымъ широкимъ растворомъ рта и самымъ узкимъ мы можемъ представить себѣ неограниченное число растворовъ разной ширины; при каждомъ изъ этихъ растворовъ возможно произнести звукъ **а**; при этомъ легко замѣтить, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, измѣненіе ширины раствора рта сопровождается нѣкоторымъ измѣненіемъ тембра звука. Подобнымъ образомъ звукъ **к** мы можемъ произнести и при болѣе широкомъ растворѣ, нежели узкій.

(4) . . . . а) звуки, произносимые при *широкомъ растворѣ рта*;

б) звуки, произносимые при *среднемъ* растворѣ рта;

в) звуки, произносимые при *узкомъ* растворѣ рта;

г) звуки, произносимые при *узкомъ* растворѣ рта съ преобладаніемъ момента закрытія.

V. Перехожу къ разсмотрѣнію дѣйствія о р г а н о в ъ п р о и з н о ш е н і я при выговариваніи разныхъ звуковъ.

Прежде всего разсмотримъ дѣйствіе *губъ*.

При произнесеніи звуковъ **б**, **п** и **м** губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ.

При произнесеніи звуковъ **в** и **ф** дѣйствіе происходитъ не между обѣими губами, но нижняя губа верхней частью внутренней своей поверхности приближается къ верхнимъ зубамъ, слегка касаясь ихъ.

При произнесеніи **о** и **у** дѣйствіе происходитъ между обѣими губами; но оно отличается отъ дѣйствія губъ при про-

изнесенiи звуковъ **б**, **п** и **м**: при произнесенiи **у** и **о** углы губъ нѣсколько приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у угловъ касаются одна другой, по серединѣ же образуютъ отверстiе, имѣющее видъ закругленно-угольчатаго и растянутаго въ стороны пятиугольника (при **у** углы губъ сближены болѣе, чѣмъ при **о**; вмѣстѣ съ тѣмъ при **у** губы болѣе выдвинуты впередъ и по краямъ на большемъ протяженiи касаются одна другой; поэтому отверстiе при произнесенiи **у** меньше, чѣмъ при **о**).

При произнесенiи остальныхъ звуковъ губы не работаютъ, но находятся въ спокойномъ или, какъ говорятъ, индифферентномъ (безразличномъ) положенiи, при чемъ онѣ слегка открыты, такъ что не могутъ служить преградой выдыхаемому воздуху. Большее осажденiе нижней челюсти обусловливаетъ, естественно, и большее удаленiе губъ, такъ что при звукахъ **æ** и **є** удаленiе губъ—среднее (при этомъ для **є** губы удаляются одна отъ другой нѣсколько меньше, нежели для **æ**), а при произнесенiи **а** разстоянiе между губами еще болѣе значительно.

Обращаюсь къ разсмотрѣнiю дѣйствiя *языка* относительно неба.

Разсмотримъ прежде всего дѣйствiе *передней* части языка, совершаемое относительно передней части неба. [1])

При произнесенiи звуковъ **т**, **д** и **н** языкъ передней своей частью прижимается, а при произнесенiи звуковъ **с** и **з** при-

[1]) Въ русскихъ лингвистическихъ трудахъ можно встрѣтить названiя: согласные «передне-небные», «средне-небные», «задне-небные», но я предпочитаю имъ названiя: «передне-язычные», «средне-язычные», «задне-язычные», такъ какъ для физiологiи звуковъ наибольшую важность представляютъ артикуляцiонныя *работы* и, слѣдовательно, *работающiй органъ*, а таковымъ является въ данномъ случаѣ не небо, но языкъ. Въ томъ случаѣ, когда одна и та же часть языка дѣйствуетъ относительно разныхъ частей неба, то я обозначаю такiя подкатегорiи по соотвѣтствующимъ мѣстамъ неба, какъ напр. при подраздѣленiи передне-язычныхъ согласныхъ на «зубные» и «альвеолярные» (ср. подраздѣленiе губныхъ согласныхъ на «губно-губные» и «губно-зубные»). — Относительно обозначенiй: «передняя часть неба и языка», «заднее небо и задняя часть языка» — см. также Гротъ Спорные вопросы русскаго правописанiя (1876)[2] стр. 44 = Филологическiя разысканiя (1899)[4] стр. 505.

ближается къ *верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ* (звукъ **ц** представляетъ слитное произношеніе звуковъ тс). Такое дѣйствіе передней части языка мы можемъ назвать *зубнымъ*.

При произнесеніи звуковъ **ш**, **ж** и **р** языкъ передней своей частью дѣйствуетъ относительно неба дальше отъ верхнихъ зубовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и выше), нежели при звукахъ **с** и **з**: языкъ при произношеніи **ш**, **ж** и **р** дѣйствуетъ относительно той части твердаго неба, которая называется *альвеолами верхнихъ зубовъ*. Поэтому разсматриваемое дѣйствіе передней части языка мы можемъ назвать *альвеолярнымъ*.

Слѣдующій опытъ убѣдитъ насъ въ справедливости сказаннаго о произношеніи **ш**, **ж** и **р**. Попробуемъ постепенно перейти отъ произнесенія звука **с** къ звуку **ш**; мы замѣчаемъ при этомъ, какъ конецъ языка постепенно отодвигается болѣе кзади. Будемъ теперь произносить звукъ **ш** и постепенно перейдемъ къ произношенію звука **с**; легко замѣтить при этомъ, что конецъ языка болѣе и болѣе приближается къ верхнимъ зубамъ. Что мы сказали о звукахъ **ш** и **с**, то же слѣдуетъ сказать и о звукахъ **ж** и **з**. При произношеніи **р** передняя часть языка дѣйствуетъ относительно той же части твердаго неба, какъ и при произношеніи **ш** и **ж**.

Сказанное о различіи произношенія звуковъ ш и **с**, ж и з можетъ имѣть *практическое примѣненіе*. Случается, что нѣкоторые, по-видимому,
не могутъ произносить звуковъ **с** и **з**, вмѣсто которыхъ они произносятъ
ш и ж; зная же, въ чемъ состоитъ переходъ отъ звуковъ ш и ж къ зву-
камъ **с** и **з**, можно научить ихъ произношенію этихъ послѣднихъ звуковъ.

Если вмѣсто «съ шапкой» произносятъ «шшапкой», то въ этомъ легко усмотрѣть явленіе *ассимиляціи*.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію произношенія звука **л**.

При произнесеніи звука **л** передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ (какъ при звукахъ **т**, **д**, **н**), но кромѣ того бока нѣсколько опускаются, такъ что воздухъ проходитъ между боками языка и верхними боковыми зубами. Поэтому дѣйствіе языка при произнесеніи звука **л** точнѣе было бы назвать *передне-боковымъ* вмѣсто обычнаго названія „боковой“.

При произнесеніи звука **j** языкъ приближается къ небу *средней* своей частью. При произнесеніи звука **i** приближеніе средней части языка къ небу менѣе значительно, чѣмъ при **j**;

оно еще менѣе значительно для **є** и еще менѣе — для **æ**. Большая удаленность средней части языка отъ неба при произнесенiи **æ** и **є** находится въ нѣкоторой связи съ большимъ осажденiемъ нижней челюсти.

Намъ остается разсмотрѣть дѣйствiе *задней* части языка относительно задняго неба.

При произнесенiи звуковъ **о** и **у** происходитъ приближенiе задней части языка къ небу, при чемъ конецъ языка значительно удаляется отъ нижнихъ зубовъ; при **о** приближенiе задней части языка къ небу менѣе значительно, чѣмъ при **у**, что (такъ же, какъ и большее губное отверстiе при **о**) соотвѣтствуетъ большему осажденiю нижней челюсти при произнесенiи **о**.

При произнесенiи звука **ы** тоже приближается къ небу задняя часть языка, но болѣе впереди въ сравненiи съ звуками **о** и **у**, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ языка меньше удаленъ отъ нижнихъ зубовъ. Дѣйствiе задней части языка при **о** и **у** мы можемъ назвать *болѣе глубокимъ*, а при **ы** — *менѣе глубокимъ*. Если въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ приближенiе задней части языка къ небу для **ы**, это приближенiе будетъ большее, то получаются звуки *γ* (звонкiй) и **х** (глухой); если же въ этомъ мѣстѣ происходитъ прижатiе задней части языка къ небу, то могутъ быть произнесены звуки **г** и **к**. При менѣе глубокомъ дѣйствiи задней части языка губы находятся въ индифферентномъ положенiи, полуоткрыты. [1])

Что касается остальныхъ звуковъ (**п**, **б**, **м**, **в**, **ф**), то при произношенiи ихъ языкъ находится въ индифферентномъ положенiи.

---

[1]) Гласный **ы** по своей артикуляцiи представляетъ значительное сходство съ **i**, такъ какъ подобно послѣднему произносится при узкомъ раскрытiи рта и маломъ участiи губъ и обусловливается работою языка, но только задней его части; поэтому гласный **ы** можно назвать задне-палятальнымъ или заднимъ **i**. И въ фонетикѣ русскаго языка гласные **ы** и **i** находятся въ нѣкоторомъ соотвѣтствiи другъ съ другомъ; такъ, напр., окончанiю *-ы* твердаго склоненiя соотвѣтствуетъ *-и* въ мягкомъ. Въ стихахъ оба гласные риѳмуютъ между собою (если только не оканчиваютъ собою слова).

(5) . . . . а) звуки, при произнесенiи которыхъ *участвуютъ губы, языкъ же находится въ индифферентномъ положенiи:*

α) звуки, при произнесенiи которыхъ губы прижимаются одна къ другой по всей своей длинѣ (**п**, **б**, **м**);

β) звуки, при произнесенiи которыхъ нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ (**ф**, **в**).

б) звуки, при произнесенiи которыхъ *участвуетъ языкъ, губы же находятся въ индифферентномъ положенiи,*—„язычно-небные" или „язычные":

α) *переднiе* { 1. *зубные* (**т**, **д**, **н**, **с**, **з**, **ц**); 2. *альвеолярные* (**ш**, **ж**, **р**);

β) *передне-боковые* или *боковые* (**л**);

[*γ*) *средние* (**j**, **i**, є, æ); [1])]

δ) *заднiе не-глубокiе* (**ы**, **х**, *γ*, **к**, **г**). [2])

в) звуки, при произнесенiи которыхъ *участвуютъ губы и задняя часть языка:* углы губъ нѣсколько приближаются одинъ къ другому, губы выдвигаются впередъ, у угловъ касаются одна другой, по серединѣ же образуютъ отверстiе; вмѣстѣ съ этимъ происходитъ болѣе глубокое дѣйствiе задней части языка (**о**, **у**).

г) звуки, требующiе наименьшаго участiя органовъ произношенiя (а). [3])

---

[1]) Эти средне-язычные звуки, какъ увидимъ далѣе, можно перенести въ отдѣлъ такъ называемыхъ мягкихъ звуковъ, то есть въ тотъ отдѣлъ звуковъ, при произношенiи которыхъ участвуетъ средняя часть языка.

[2]) Согласные х, γ, к, г обыкновенно называютъ *задне-язычными*, нѣкоторые ошибочно называютъ ихъ *гортанными*, смѣшивая такимъ образомъ дѣйствiе задней части языка съ дѣйствiемъ гортани.

[3]) При произношенiи общерусскаго *а* губы остаются почти индифферентными, измѣняя лишь нѣсколько свою длину; что касается языка, то онъ при произнесенiи этого гласнаго выходитъ изъ индифферентнаго состоянiя, слегка артикулируя своей задней частью, тогда какъ передняя его часть подтягивается, а на средней образуется легкое углубленiе.

VI. Перехожу къ раздѣленію звуковъ на *твердые* и *мягкіе.* [1]) Въ правописаніи твердость согласнаго въ концѣ слова обозначается буквою ъ, а мягкость буквою ь; въ ученыхъ изслѣдованіяхъ твердый согласный обозначается просто буквою этого согласнаго, мягкость же согласнаго обозначается знакомъ ’, напр. **м** (твердое **м**, **мъ**), **м’** (мягкое **м**, **мь**). Въ предъидущемъ отдѣлѣ имѣлось въ виду только твердое произношеніе, а теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію мягкаго произношенія.

Въ чемъ же состоитъ различіе произношенія твердыхъ и мягкихъ согласныхъ съ точки зрѣнія анатомо-физіологической? Для рѣшенія этого вопроса мы сдѣлаемъ нѣсколько опытовъ.

Будемъ произносить **м** (твердое **м**) и перейдемъ постепенно къ произнесенію **м’** (мягкаго **м**). Мы замѣчаемъ при этомъ, что при произнесеніи **м** языкъ находится въ спокойномъ положеніи, не совершаетъ никакого движенія, при постепенномъ же переходѣ къ **м’** онъ постепенно приближается къ небу своей средней частью. Наоборотъ, при переходѣ отъ произношенія **м’** къ произношенію **м** можно замѣтить, что языкъ вначалѣ приближенъ къ небу своей средней частью, а затѣмъ постепенно опускается и переходитъ въ спокойное положеніе.

Мы разсмотрѣли твердое и мягкое произношеніе губнаго согласнаго; теперь разсмотримъ такое же произношеніе согласныхъ язычно-небныхъ.

Будемъ произносить **н** (твердое **н**) и постепенно перейдемъ къ произнесенію **н’** (мягкое **н**). При произнесеніи **н** передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ; съ переходомъ же къ **н’** прижимается къ небу бо-

---

[1]) Замѣтимъ, что эти термины не опредѣляютъ анатомо-физіологической стороны произношенія, будучи перенесены путемъ нѣкоторой метафоры на извѣстныя звуковыя категоріи (въ нѣмецкомъ языкѣ соотвѣтствующія названія «harte» и «weiche» служатъ для различенія глухихъ и звонкихъ). Съ точки зрѣнія анатомо-физіологической правильнѣе называть эти звуки непалятальными и палятальными (средне-небными), такъ какъ для произношенія послѣднихъ требуется приближеніе средней части языка къ небу (palatum). Тѣмъ не менѣе въ своемъ изложеніи мы будемъ пользоваться и терминами «твердые» и «мягкіе» звуки, какъ весьма употребительными среди русскихъ и славянскихъ лингвистовъ. Въ прежнихъ грамматическихъ сочиненіяхъ встрѣчаются еще названія: *дебелый* и *тонкій* (срв. латинскіе термины: *pinguior* и *exilior* vel *subtilior*). Ср Бодуэнъ-де-Куртенэ Лингв. замѣтки и афоризмы, Ж. М. Н. Пр., 1903, апр.стр. 308—310.

лѣе средняя часть языка, между тѣмъ какъ болѣе передняя часть опускается отъ верхнихъ зубовъ и прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ. Пусть теперь читатель самъ попробуетъ наблюсти обратный переходъ отъ произношенія **н'** къ произношенію **н**.

Ср. также произношеніе звуковъ **с** || **с'**.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію твердаго и мягкаго произношенія согласныхъ язычно-небныхъ заднихъ, напр. **х** || **х'**. Для произнесенія **х** происходитъ менѣе глубокое приближеніе къ небу задней части языка, при чемъ конецъ языка удаленъ отъ нижнихъ зубовъ; при постепенномъ же переходѣ къ **х'** приближается къ небу соотвѣтственно болѣе средняя часть языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ языка приближается къ нижнимъ зубамъ. Если же мы отъ произнесенія **х'** будемъ переходить снова къ **х**, то замѣтимъ, что приближеніе средней части языка къ небу постепенно смѣняется приближеніемъ къ небу болѣе задней части языка, при чемъ конецъ языка удаляется отъ нижнихъ зубовъ.

Если мы сравнимъ произношеніе, напр., согласнаго **с** съ произношеніемъ **с'** и **ф'**, то легко замѣтимъ, что звуки **с** и **с'** ближе между собою, нежели **с** и **ф'**. Въ самомъ дѣлѣ, согласные **с** и **с'** оба язычно-небные, между тѣмъ какъ **ф'**—согласный губной. Сравнимъ произношеніе **с** съ произношеніемъ **с'** и **х'**: правда, всѣ три звука язычно-небные; но изъ нихъ **с** и **с'**—передніе, а **х'**—задній; значитъ, къ твердому **с** ближе **с'** нежели **х'**. Да вообще, изъ всѣхъ мягкихъ согласныхъ согласный **с'** является самымъ близкимъ къ **с**; это мы выражаемъ слѣдующимъ образомъ: твердому согласному **с** *соотвѣтствуетъ* мягкій **с'**.

И такъ, согласные представляютъ *пары* по твердости и мягкости: **п** || **п'**, **б** || **б'**, **м** || **м'**, **ф** || **ф'**, **в** || **в'**, **т** || **т'**, **д** || **д'**, **н** || **н'**, **с** || **с'**, **з** || **з'**, **р** || **р'**, **л** || **л'**, **к** || **к'**, **г** || **г'**, **х** || **х'**, γ || γ'.

Нѣкоторые согласные являются *непарными* по твердости и мягкости; они произносятся или только твердо или только мягко. Такъ, согласные **ш**, **ж** и **ц** произносятся только твердо; согласные **ч'** и **j** произносятся только мягко. [1])

---

[1]) Что согласный ч въ русскомъ языкѣ чувствуется мягкимъ, это подтверждается ошибками малограмотныхъ, напр. *«водотечьныя»*, *«влучьшимъ»*, *«печяльное»*, *«начяльницу»*, *«чяйку»*, *«печялило»*, *получять»* и т. д.

Согласно съ правописаніемъ мы напишемъ «свѣтъ», фонетически же—с'в'æт. Въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ мягкаго в' и предшествующій согласный с сталъ произноситься тоже мягко (ассимиляція по мягкости).

(6) .... а) звуки, при произнесеніи которыхъ *участвуютъ губы и средняя часть языка:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ прижимаются губы одна къ другой по всей своей длинѣ одновременно съ приближеніемъ къ небу средней части языка (п', б', м');

β) звуки, при произнесеніи которыхъ нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зубовъ одновременно съ приближеніемъ къ небу средней части языка (ф', в').

б) звуки, при произнесеніи которыхъ происходитъ *приближеніе къ небу болѣе или менѣе средней части языка, губы же находятся въ индифферентномъ положеніи:*

α) звуки, при произнесеніи которыхъ языкъ прижимается или приближается къ небу средне-передней частью, самая же передняя часть языка опускается отъ верхнихъ зубовъ и прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ (т', д', н', с', з');

β) звуки, при произнесеніи которыхъ одновременно съ прижатіемъ къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ передней части языка и приближеніемъ къ небу средней части нѣсколько опускаются края языка (л');

γ) звуки, образующіеся приближеніемъ къ небу средней части языка (j, i, є, æ);

δ) звуки, при произнесеніи которыхъ языкъ прижимается или приближается къ небу своей средне-задней частью, конецъ же языка прилегаетъ къ нижнимъ зубамъ (к', г', х', γ').

Изъ изложеннаго видно, что „мягкость“ звуковъ обусловливается съ точки зрѣнія анатомо-физіологической приближеніемъ къ небу с р е д н е й ч а с т и я з ы к а. Поэтому къ мягкимъ мы отнесли также звуки язычно-небные средніе (т. е.

j, **i**, ϵ, æ);[1] они однако представляютъ ту особенность, что въ нихъ средне-язычное дѣйствіе не осложнено какимъ-либо другимъ сопутствующимъ дѣйствіемъ органовъ произношенія.

VII. Сравнимъ произношеніе звуковъ **т** и **с**. Для произнесенія звука **т** передняя часть языка *прижимается* къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ, а для произнесенія звука **с** только *приближается* къ нимъ. При произнесеніи звука **т** происходитъ, такъ сказать, взрывъ воздуха, напиравшаго на сжатіе между языкомъ и небомъ; при произнесеніи же звука **с** воздухъ выдувается (продувается) черезъ съуженіе между языкомъ и небомъ. Отсюда, такіе согласные, какъ **т**, называются *взрывными*, а такіе, какъ **с**,—*придувными*. Изъ сказаннаго можно усмотрѣть, что различіе согласныхъ **т** и **с** сводится къ различному способу произношенія (прижатіе, или же только приближеніе органа произношенія).

На произношеніе звуковъ **т** и **с** мы можемъ взглянуть съ другой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія *времени*. Звукъ **т** слышится лишь въ моментъ взрыва, а звукъ **с** все время, пока черезъ съуженіе выдувается воздухъ. Поэтому взрывные согласные называются также *мгновенными*, а придувные—*длительными*.

Если мы станемъ сравнивать произношеніе звука **т** съ произношеніемъ звуковъ **с** и **х**, то легко усмотримъ, что къ согласному **т** согласный **с** ближе, нежели **х**: согласные **т** и **с** оба — язычно-небные передніе, а **х** — язычно-небный задній. Если бы мы стали сравнивать съ звукомъ **т** не только придувные **с** и **х**, но и всѣ другіе придувные, то легко замѣтили бы, что изъ всѣхъ придувныхъ согласныхъ придувной **с**—самый близкій къ взрывному **т**. Мы можемъ сказать, что взрыв-

---

[1]) Эти послѣдніе звуки (т. е. язычно-небные средніе) — съ точки зрѣнія развитія — являются первичными мягкими, тогда какъ прочіе мягкіе звуки — вторичными, представляющими продуктъ позднѣйшаго развитія и составляющими позднѣйшее наслоеніе (для отличія они могутъ быть названы *смягченными*). Съ той же точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія происхожденія, твердые согласные въ русскомъ языкѣ распадаются на исконнотвердые и отвердѣвшіе; къ послѣднимъ принадлежитъ ш, ж, ц (въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ они сохраняютъ еще мягкое произношеніе), а въ бѣлорусскомъ отвердѣніе коснулось также мягкаго р.

ному (мгновенному) согласному т *соотвѣтствуетъ* придувной (длительный) **с**. Подобнымъ же образомъ, взрывному **д** соотвѣтствуетъ придувной **з**, взрывному **к**—придувной **х**, взрывному **г**—придувной *γ*. Кромѣ указанныхъ, къ разряду придувныхъ согласныхъ принадлежатъ также: **ф**, **в**; **ш**, **ж**; **j**. Звуки **ч** и **ц** представляютъ соединеніе двухъ звуковъ (ч=т'+ш, ц=т+с), которые произносятся не отдѣльно, а слитно: т͡'ш, т͡с; потому эти согласные называются „слитными". Оба они взрывные, что̀ доказывается невозможностью тянуть ихъ произношеніе.

Разсмотримъ слѣдующее явленіе: пишутъ согласно съ правописаніемъ—«кто», а произносятъ—«хто». Согласные к и т оба взрывные; взрывному к соотвѣтствуетъ придувной х. Значитъ, передъ взрывнымъ согласнымъ т произносятъ вмѣсто взрывнаго к соотвѣтствующій придувной. Вмѣсто взрывнаго+взрывной произносятъ придувной+взрывной. Такое явленіе называютъ *расподобленіемъ* или *диссимиляціей*.

Другіе примѣры: коγда вмѣсто когда, што вм. что, мести вм. метти, вести вм. ведти. [1])

При произнесеніи звука **р** мы замѣчаемъ дрожаніе передней части языка; звукъ этотъ называютъ *дрожащимъ*.

Подобное дрожаніе можетъ производиться также задней частью языка (картавое р) и на губахъ (звукъ, которымъ останавливаютъ лошадей).

Итакъ, по с п о с о б у п р о и з н о ш е н і я согласные звуки раздѣляются на взрывные, придувные и дрожащіе.

Будемъ теперь производить опыты надъ усиленіемъ произношенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Эти опыты помогутъ намъ раскрыть существенное различіе между тою и другою категоріею звуковъ.

Для произнесенія согласнаго **с** передняя часть языка приближается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

---

[1]) Такіе случаи какъ «*што*» въ ряду другихъ приведенныхъ доказываютъ, что ч есть взрывной согласный (ч : ш=т : с=к : х). Измѣненіе *чн*—>*шн* представляетъ собою подобное же явленіе диссимиляціи; въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ *ц* вм. *ч*, группа *цн* измѣняется въ *сн*, а это служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что **ц**—согласный взрывной.

При болѣе сильномъ произношеніи нашего звука мы замѣчаемъ, что выдыханіе становится сильнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближеніе передней части языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ—болѣе энергичнымъ, такъ же какъ и приближеніе нижней челюсти къ верхней.

Для произнесенія согласнаго **т** языкъ переднею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ.

Будемъ произносить **т**, надувая воздухомъ полость рта съ каждымъ разомъ болѣе сильно. Сопротивленіе языка напирающему воздуху становится также болѣе сильнымъ, языкъ съ большею силою прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ; нижняя челюсть энергичнѣе приближается къ верхней.

И такъ, *при усиленіи произношенія согласныхъ звуковъ* приближеніе или прижатіе органа произношенія становится болѣе энергичнымъ, равно какъ и приближеніе нижней челюсти къ верхней (вообще, *съуженность увеличивается*).

Мы уже знаемъ положеніе органовъ произношенія при произнесеніи гласнаго **а**.

При усиленіи произношенія этого звука растворъ рта становится шире (другими словами—энергичнѣе осаждается нижняя челюсть), а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается степень приближенія органовъ произношенія (вообще, *при усиленіи произношенія гласныхъ увеличивается открытость*).

И такъ, желая охарактеризовать согласные и гласные звуки, мы можемъ назвать первые—*съуженными*, а вторые—*открытыми*.

Открытые звуки, по степени приближенія органовъ произношенія, раздѣляются на *широкіе* (**а**), *средніе* (**æ**, **ɛ**, **о**) и *узкіе* (**і**, **у**, **ы**). Степень приближенности органовъ произношенія, какъ мы видѣли, находится въ связи со степенью ширины раствора рта.[1])

---

[1]) Впрочемъ обѣ эти степени — какъ при гласныхъ, такъ и при согласныхъ—не могутъ измѣняться вполнѣ параллельно вслѣдствіе того, что органы произношенія, принимая различные уклады, нѣсколько модифицируютъ степень ртоваго раскрытія, которая иначе могла бы предполагаться одинаковою для звуковъ одной категоріи. Пояснимъ примѣрами. Гласные *ў* и *і*, принадлежа къ разряду узкихъ, должны были бы произноситься при одинаковомъ растворѣ рта, на самомъ же дѣлѣ между ними оказывается въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница въ зависимости отъ того, что гласный

(7) .... а) *открытые* { *α. широкіе*, *β. средніе*, *γ. узкіе* }

б) *съуженные* { *α. взрывные*, *β. придувные*, *γ. дрожащіе.* }

Когда мы произносимъ *отдѣльно* какой-нибудь звукъ, то соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата изъ спокойнаго или индифферентнаго положенія переходятъ въ положеніе нужное для произношенія этого звука (*экскурсируютъ* или выходятъ на работу), послѣ чего возвращаются въ индифферентное положеніе (*рекурсируютъ* или возвращаются съ работы). Такимъ образомъ, въ отдѣльномъ произношеніи каждаго звука различаются три момента: экскурсія, средняя (главная) часть и рекурсія. Съ акустической точки зрѣнія средняя часть соотвѣтствуетъ наибольшей опредѣленности звука, которой онъ постепенно достигаетъ во время экскурсіи и которую также постепенно утрачиваетъ во время рекурсіи. Вслѣдствіе этого во время экскурсіи и рекурсіи наблюдается рядъ такъ называемыхъ переходныхъ или скользящихъ звуковъ (франц. sons transitoires, нѣм. Uebergangslaute, англ. glides).

Если мы знаемъ, какъ звуки произносятся въ отдѣльности, это еще не значитъ, что мы знаемъ, какъ произносятся звуки въ *сочетаніяхъ*. Въ физіологіи звуковъ сначала разсматриваются звуки въ отдѣльности (die Einzellaute), а затѣмъ слѣдуетъ ученіе о сочетаніи звуковъ (Combinationslehre).

Разсмотримъ сначала произношеніе такихъ сочетаній, которыя состоятъ изъ двухъ *одинаковыхъ* звуковъ.

Возьмемъ для примѣра произношеніе сочетанія **т+т** въ словѣ „оттуда“.

---

i, какъ палатальный, требуетъ приближенія средней части языка къ небу, что въ свою очередь вліяетъ и на большее приближеніе нижней челюсти къ верхней. Подобнымъ же образомъ объясняется разница въ степени съуженія рта при произношеніи взрывныхъ *т* и *к*: для втораго согласнаго требуется артикуляція задней части языка, тогда какъ для перваго прижатіе передней части языка къ переднему небу, что опять вызываетъ бóльшую степень сближенія челюстей по сравненію съ другимъ звукомъ.

Мы знаемъ, что при произнесеніи каждаго звука происходитъ не одна работа, а цѣлая группа работъ; при произношеніи участвуютъ: 1) *дыхательный аппаратъ*; 2) *гортань*; 3) *мягкое небо*; 4) *нижняя челюсть*; 5) *органы произношенія*.

Для слѣдующаго т нужны тѣ же самыя работы, какія требуются для произнесенія предшествующаго т. Соотвѣтствующія части говорильнаго аппарата, принявъ положеніе, нужное для произнесенія перваго т, не возвращаются затѣмъ въ индифферентное положеніе, но сохраняютъ принятое ими уложеніе не потревоженнымъ для произнесенія слѣдующаго т. Легко, напримѣръ, замѣтить, что при первомъ т не происходитъ возвращенія языка въ индифферентное положеніе, но уложеніе языка продолжается не потревоженнымъ для слѣдующаго т (такое произношеніе называютъ *долгимъ*).

Между тѣмъ въ общеупотребительномъ письмѣ такая связность произношенія не обозначается; если не имѣть въ виду этой оговорки, то письмо можетъ ввести въ заблужденіе: можно привыкнуть къ мысли, что звуки, образуя извѣстное сочетаніе, совершенно такъ же произносятся, какъ въ отдѣльности. Для обозначенія связности произношенія двухъ одинаковыхъ звуковъ можно воспользоваться музыкальнымъ знакомъ ⁀, показывающимъ, что слѣдующая нота, одинаковая съ предшествующею, не берется отдѣльно, а является только продолженіемъ (сохраненіемъ) предшествующей ноты; напр. оттуда.[1])

Мы разсмотрѣли произношеніе сочетанія т͡т въ словѣ „от͡туда“ съ точки зрѣнія *анатомо-физіологической*; взглянемъ на произношеніе разсматриваемаго сочетанія со стороны *слуховыхъ ощущеній*.

При первомъ т не происходитъ возвращенія языка въ индифферентное положеніе, а потому не происходитъ и взрыва, а слѣдовательно и звука (слѣдовательно, акустически первому *т* соотвѣтствуетъ пауза). Взрывъ и звукъ происходятъ при

---

[1]) О долгихъ согласныхъ Гротъ замѣчаетъ, что въ такихъ случаяхъ, какъ *труппа*, *масса*, *ванна*, раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву (Спорные вопросы русскаго правописанія (1876)[2] стр. 249 = Филол. разыск. (1899)[4] стр. 690—691).

второмъ **т**. Чувствомъ слуха мы замѣчаемъ, что звукъ долгаго или двойнаго **т** сильнѣе, нежели звукъ простаго **т**. Какъ объяснить себѣ бо́льшую силу звука при произнесеніи долгаго **т**? Мы знаемъ, что для произнесенія **т** передняя часть языка прижимается къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Полость рта надувается воздухомъ, который становится по мѣрѣ надуванія болѣе и болѣе плотнымъ. Съ увеличеніемъ напора воздуха усиливается соотвѣтственно и прижатіе языка, что мы замѣчаемъ посредствомъ мускульнаго чувства въ послѣднемъ. Очевидно, что чѣмъ продолжительнѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прижатіе органа, тѣмъ *сильнѣе* должны быть взрывъ и звукъ. Аналогичный случай представляетъ также произношеніе **п͡+п**, напр. въ словѣ „группа“, съ тою однако особенностью, что здѣсь напряженіе при переходѣ ко второму *п*, какъ принадлежащему уже къ неударенному слогу, падаетъ и взрывъ менѣе силенъ, чѣмъ въ предшествующемъ примѣрѣ. Долгій или сильный взрывной согласный можетъ быть произнесенъ и въ началѣ слова, напр. **к͡к**ому (обыкновенно же произносятъ **хк**ому, т. е. „къ кому“).

Наблюдая долгое произношеніе какого-нибудь придувнаго согласнаго, напр. **в͡в** (положимъ, въ словѣ **в͡в**о́ду, т. е. „въ воду“), мы опять замѣчаемъ, что звукъ является долгимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сильнымъ.

Попробуемъ теперь наблюсти произношеніе сочетанія изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ звуковъ, напр. **а+а** въ выраженіи „**а Анна**“. Второе **а** произносится сильнѣе (при болѣе сильномъ выдыханіи воздуха) и при болѣе широкомъ растворѣ рта, нежели первое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выше, такъ что все это сочетаніе имѣетъ тонъ восходящій. Такимъ образомъ, работы перваго **а** продолжаются и на второе, но только съ указаннымъ измѣненіемъ силы и высоты, зависящимъ отъ ударенія.

И такъ, при соприкосновеніи двухъ одинаковыхъ звуковъ (все равно—гласныхъ, или согласныхъ) работы предъидущаго звука продолжаются (сохраняются) для слѣдующаго. Если работы предъидущаго звука и послѣдующаго не одинаковы по силѣ, то при продолженіи работъ происходитъ соотвѣтствующее измѣненіе ихъ напряженности.

Обратимся теперь къ изслѣдованію произношенія сочетаній, состоящихъ изъ такихъ двухъ звуковъ, которые *не по всѣмъ работамъ одинаковы*.

Разсмотримъ произношеніе сочетанія **мб**, напр. въ словѣ „**дамба**“. Звуки **м** и **б** имѣютъ всѣ работы сходныя, кромѣ *одной*, именно—кромѣ дѣйствія мягкаго неба.

Движенія, общія для перваго и втораго звука, совершаются только для перваго, для втораго же звука не повторяются, но сохраняются отъ перваго. Работа разная для перваго и втораго звука, совершается особо для того и другаго: для произнесенія **м** мягкое небо опущено, а затѣмъ для произнесенія слѣдующаго звука **б** оно приподнимается и прижимается къ задней стѣнкѣ глотки.

Примѣръ, аналогичный разсмотрѣнному нами, представляетъ сочетаніе **нд**, напр. въ словѣ „**Анды**“.

Въ сочетаніи **мп**, напр. въ словѣ „**лампа**“, работы соприкасающихся звуковъ **м** и **п**—сходны, кромѣ *двухъ* работъ: гортани и мягкаго неба. Сходныя работы продолжаются отъ предыдущаго звука и на слѣдующій; несходныя же работы, съ переходомъ къ произнесенію послѣдующаго звука, соотвѣтствующимъ образомъ мѣняются.

Аналогію сочетанію **мп** представляетъ произношеніе сочетанія **нт**, напр. въ словѣ „**лента**“.

Разсмотримъ еще произношеніе сочетанія **у + а**, напр. въ выраженіи „**у Анны**“. Для произнесенія **у** происходитъ извѣстное дѣйствіе губъ и задней части языка. Для **а** же почти вовсе не требуется дѣйствія этихъ частей органа рѣчи; поэтому, съ переходомъ къ произнесенію **а**, онѣ приходятъ въ положеніе близкое къ индифферентному.

Перехожу къ изслѣдованію произношенія сочетаній, состоящихъ изъ гласнаго съ согласнымъ (C + V и V + C; C=Consonans или согласный, V=Vocalis или гласный).

Разсмотримъ произношеніе **о** въ сочетаніи съ предшествующимъ какимъ-нибудь согласнымъ, напр. **т**—

то.

Согласные звуки произносятся при съуженномъ растворѣ рта. Для произнесенія согласнаго **т** языкъ, при съуженномъ растворѣ рта, переднею своею частью прижимается къ верхнимъ зубамъ. Когда произошелъ взрывъ, языкъ переходитъ не въ индифферентное положеніе, а въ положеніе, свойственное гласному **о**, т. е. задняя часть языка нѣсколько при-

ближается къ небу; въ то же время губы принимаютъ нѣкоторое съуженіе, а нижняя челюсть нѣсколько опускается, такъ какъ нашъ гласный произносится при среднемъ растворѣ рта. И здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ не раздѣльность въ произношеніи, но слитіе рекурсіи предъидущаго звука съ экскурсіей слѣдующаго.

И такъ, при произнесеніи сочетанія **то** уложеніе для гласнаго **о** начинается не отъ индифферентнаго уложенія, что бываетъ при отдѣльномъ произношеніи гласнаго, а отъ уложенія согласнаго, предшествующаго нашему гласному. Слѣдовательно, гласный **о**, произнесенный отдѣльно и съ предшествующимъ согласнымъ,—неодинаковъ, именно по своему началу или экскурсіи.

Если мы будемъ разсматривать произношеніе сочетанія

ко,

то легко замѣтимъ, что уложеніе для гласнаго **о** начинается отъ уложенія, свойственнаго согласному **к**. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ гласный по началу другой, чѣмъ въ предшествующемъ сочетаніи. [1])

Если теперь сравнимъ произношеніе сочетаній звуковъ

то || т'о,

то замѣтимъ, что въ первомъ случаѣ экскурсія для гласнаго **о** начинается отъ уложенія твердаго согласнаго, а во второмъ— отъ уложенія мягкаго согласнаго. Слѣдовательно и здѣсь гласный **о** въ обоихъ сочетаніяхъ неодинаковъ по своей экскурсіи.

И такъ, гласные различаются по своему началу не только послѣ различныхъ согласныхъ, но и послѣ одного и того же согласнаго въ его твердой и мягкой разновидности.

А между тѣмъ по общепринятой ороографіи нашъ гласный во всѣхъ этихъ случаяхъ обозначается однимъ и тѣмъ же начертаніемъ — **о**. Даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ эта раз-

---

[1]) При этомъ можно замѣтить, что согласные звонкіе и соотвѣтствующіе глухіе сходны по уложенію полостей, лежащихъ надъ гортанью. Отсюда происходитъ и соотвѣтствующее сходство экскурсіи гласнаго послѣ согласнаго звонкаго и парнаго ему глухаго.

ница въ гласныхъ не обозначается, а только подразумѣвается. Ср.:

орѳографически:		фонетически:
то	=	**то**
ко	=	**ко**
ё	=	**jo**
тё	=	**т'о**
бё	=	**б'о**
......		

Значитъ, написанія, помѣщенныя въ правомъ столбцѣ, хотя и зовутся фонетическими, однако страдаютъ неточностью: они не выражаютъ разницы въ началѣ гласнаго, не выражаютъ тѣсной связи въ произношеніи сочетанія С + V, состоящей въ томъ, что согласный произносится въ началѣ гласнаго или, другими словами, рекурсія согласнаго служитъ экскурсіей для слѣдующаго гласнаго.

Если мы не будемъ имѣть въ виду сдѣланной оговорки, то даже научно-фонетическое письмо (научная транскрипція) можетъ ввести насъ въ заблужденіе: мы можемъ привыкнуть къ мысли, что гласный нисколько не различается, послѣ какого бы согласнаго онъ ни произносился.

Сказанное еще не исчерпываетъ разнообразія гласныхъ.

Если за гласнымъ не слѣдуетъ никакого звука, то работающія части говорильнаго аппарата съ произнесеніемъ гласнаго возвращаются въ свое спокойное положеніе.

Но если за гласнымъ слѣдуютъ разные согласные (V + С), то въ этихъ случаяхъ гласный будетъ неодинаковъ по своему концу или рекурсіи.

Когда мы произносимъ гласные въ отдѣльности, или въ сочетаніи съ предъидущимъ, либо послѣдующимъ согласнымъ, или же между согласными, то во всѣхъ этихъ случаяхъ *экспериментальное* изслѣдованіе обнаруживаетъ еще нѣкоторыя различія въ скорости экскурсіи и рекурсіи губъ при произнесеніи гласнаго.

Для примѣра разсмотримъ движеніе губъ при произнесеніи гласнаго **а** въ указанныхъ положеніяхъ, при чемъ согласнымъ будетъ **п**.

а) *А.*—Экскурсія и рекурсія губъ болѣе или менѣе одинаковы по скорости.

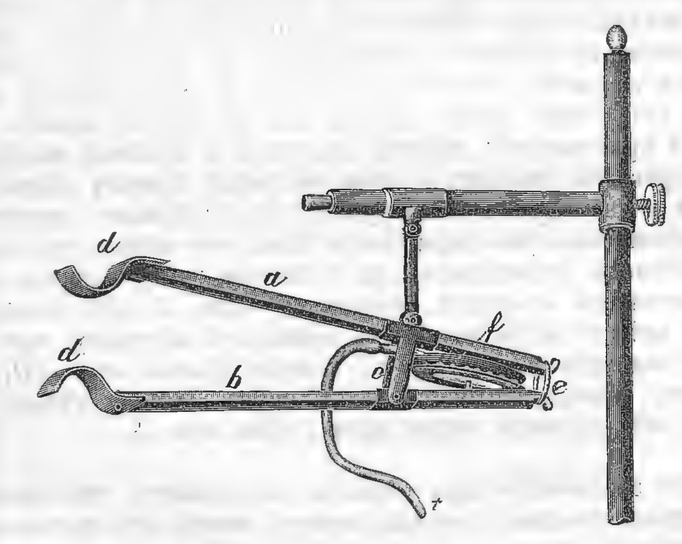
б) *ПА.*—Экскурсія губъ быстрѣе въ сравненіи съ рекурсіей.

в) *АП.*—Рекурсія губъ быстрѣе въ сравненіи съ экскурсіей.

г) *ПАП.*—Какъ экскурсія, такъ и рекурсія губъ совершаются съ бо́льшей быстротой, нежели при произнесеніи *А.*

Наблюденія свои я производилъ по способу Marey'a и Rosapelly. [1])

Приборъ состоитъ изъ двухъ рычаговъ—неподвижнаго (*a*) и подвижнаго (*b*). Неподвижный рычагъ, на разстояніи трети длины отъ одного изъ своихъ концовъ, имѣетъ перпендикулярную вѣтвь (*c*), служащую для укрѣпленія оси подвижнаго рычага. Длинное плечо подвижнаго рычага имѣетъ приспособленіе (*d*) для принятія нижней губы—серебряную пластинку съ соотвѣтствующею изогнутостью; такое же приспособленіе (*d*) имѣетъ и соотвѣтствующая часть неподвижнаго

рычага, предназначенное для верхней губы. Короткое плечо

[1]) Rosapelly Inscription des mouvements phonétiques, въ Physiologie expérimentale, Travaux du laboratoire de M. Marey II. [1876] стр. 109 сл.

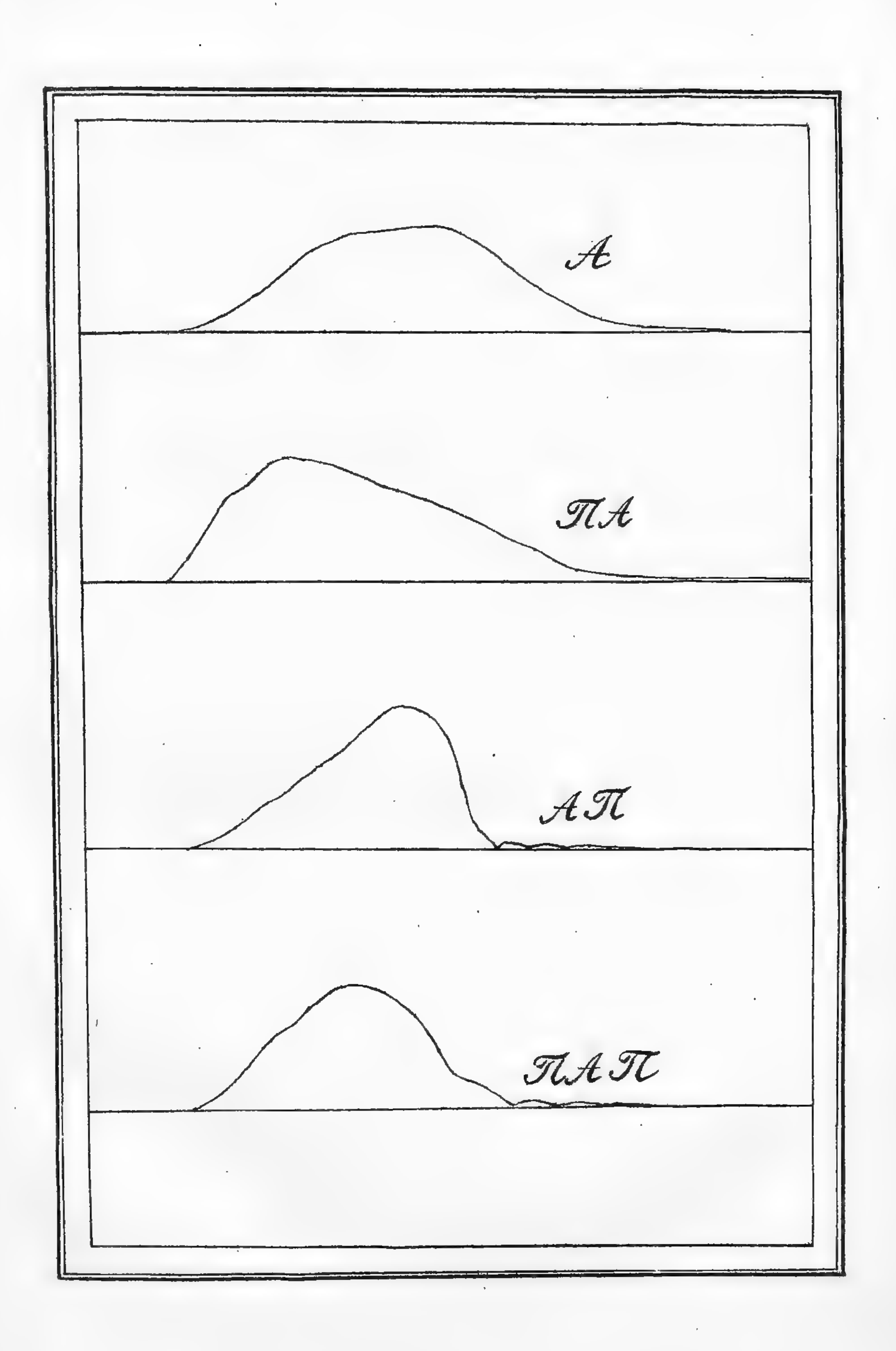
подвижнаго рычага вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ плечомъ неподвижнаго стягивается каучуковымъ колечкомъ (*e*). Между короткими плечами рычаговъ помѣщается воздушный барабанчикъ, полость котораго посредствомъ каучуковой трубки (*t*) сообщается съ другимъ воздушнымъ барабанчикомъ, снабженнымъ записывающимъ рычажкомъ.

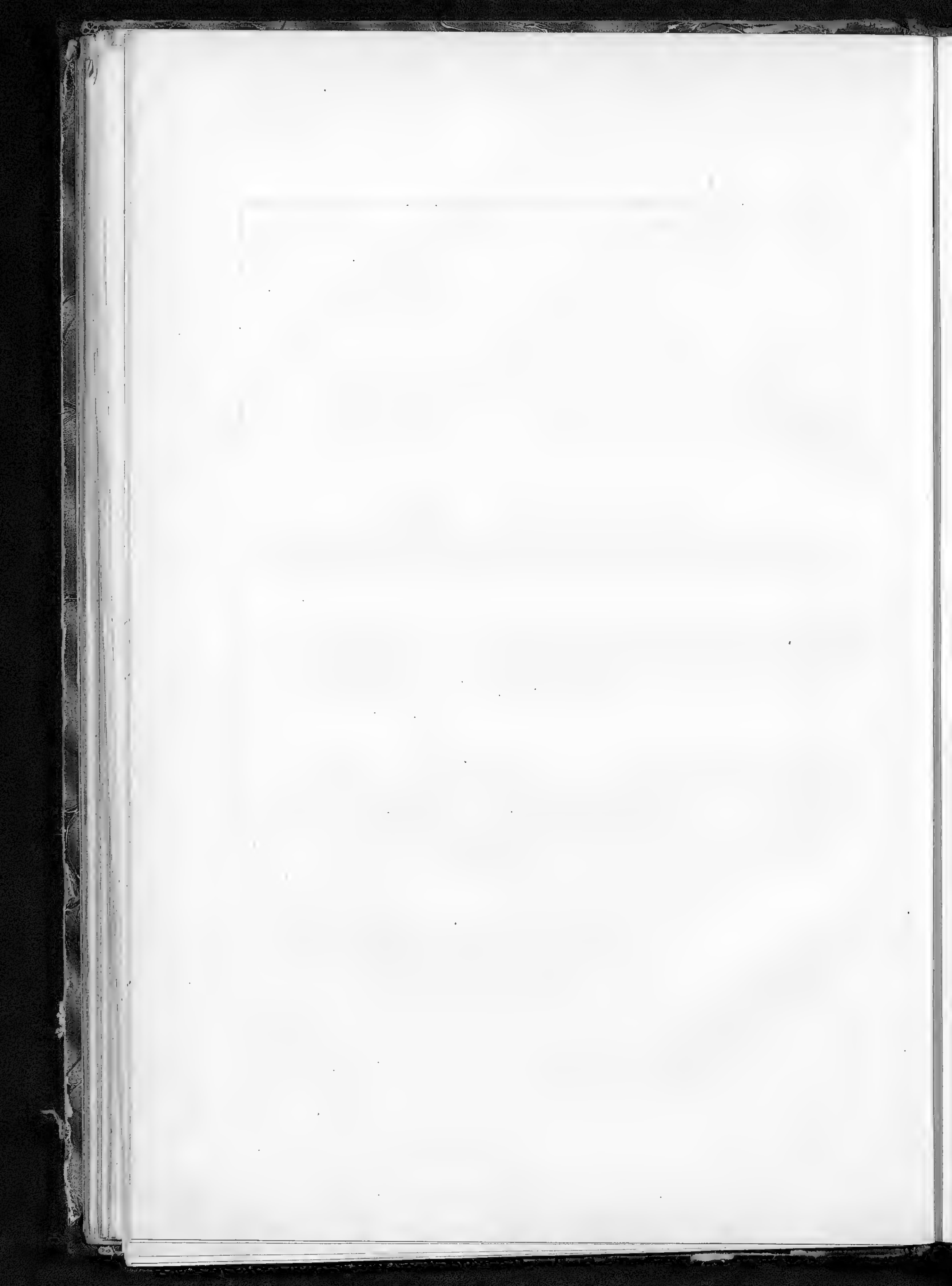
Расхожденіе или же сближеніе короткихъ плечъ рычаговъ, происходящее отъ дѣйствія губъ на длинныя плеча, расширяетъ или же сжимаетъ находящійся между ними воздушный барабанчикъ; разрѣженіе, resp. сгущеніе воздуха въ послѣднемъ сообщается записывающему барабанчику, рычажекъ котораго чертитъ соотвѣтствующую кривую на вращающемся цилиндрѣ.

Если губы сжаты, то тогда серебряныя пластинки прибора бываютъ сближены до соприкосновенія, записывающій же рычажекъ чертитъ на вращающемся цилиндрѣ прямую—абсцессу. Когда губы расходятся, то за ними слѣдуютъ и серебряныя пластинки, благодаря тому, что короткія плеча рычаговъ сближаются стягивающимъ ихъ каучуковымъ колечкомъ. рычажекъ чертитъ теперь кривую, удаляющуюся отъ абсциссы; Если же губы будутъ сближаться, то кривая получитъ обратное направленіе, будетъ приближаться къ абсциссѣ, съ которой она совпадетъ, когда губы сожмутся. Чѣмъ быстрѣе движеніе губъ, тѣмъ круче подъемъ или же спускъ кривой.

О приложенной таблицѣ кривыхъ я долженъ замѣтить: 1) направленіе кривыхъ—слѣва направо; поэтому лѣвая половина волны выражаетъ экскурсію губъ, а правая—рекурсію; 2) расхожденіе губъ выражается тѣмъ, что кривая удаляется отъ абсциссы, поднимаясь; при сближеніи же губъ кривая приближается къ абсциссѣ, опускаясь. При *A* обѣ половины волны имѣютъ болѣе или менѣе одинаковую крутизну; при *ПA* лѣвая половина волны круче, нежели правая; при *AП*, наоборотъ, правая половина волны круче, нежели лѣвая; при *ПAП* обѣ половины волны круче, чѣмъ при *A*.

Въ заключеніе намъ осталось еще сказать, что пониманіе физіологической природы звуковъ важно для надлежащаго уясненія звуковыхъ измѣненій языка, совершающихся во времени и зависящихъ частію отъ собственной природы звуковъ, а частію отъ вліянія соприкасающихся звуковъ. Измѣненія перваго рода (такъ наз. спонтанеическія) всегда

A
ΠA
AΠ
ΠAΠ

происходятъ въ направленіи индифферентномъ, т. е. въ сторону уменьшенія работъ. Примѣромъ можетъ служить явленіе русскаго аканья, напр. въ словѣ „вода", гдѣ звукъ *о* утратилъ свою лябіализацію, вслѣдствіе чего уменьшилась артикуляціонная работа. Измѣненія втораго рода (такъ наз. комбинаціонныя) подчиняются условіямъ аккоммодаціи, т. е. стремятся приспособить артикуляцію одного звука къ артикуляціи сосѣдняго, обыкновенно послѣдующаго. Примѣромъ такого измѣненія можетъ служить произношеніе слова „свѣтъ", гдѣ звукъ **в**—мягокъ подъ вліяніемъ слѣдующаго гласнаго звука, а мягкость звука **с** зависитъ отъ мягкаго произношенія звука **в**. Разсмотримъ это „смягченіе". Для произнесенія звука **е** средняя часть языка нѣсколько приближается къ небу. Эта работа съ теченіемъ времени распространяется на предшествующій согласный **в**, отчего этотъ послѣдній становится мягкимъ и въ свою очередь передаетъ эту мягкость предшествующему ему **с**. Вообще, произношеніе каждаго звука мы должны представлять себѣ какъ ассоціацію мышечныхъ работъ. Слѣдовательно, при соприкосновеніи двухъ звуковъ происходитъ соприкосновеніе двухъ такихъ ассоціацій. Съ теченіемъ времени вторая ассоціація нѣкоторыми своими частями можетъ зайти въ первую ассоціацію, произведя такимъ образомъ частичное уподобленіе предшествующаго звука слѣдующему. [1])

---

[1]) Въ томъ случаѣ, когда предшествующій звукъ по тѣмъ или другимъ причинамъ не поддается ассимиляціи, эта послѣдняя можетъ проявиться въ обратномъ направленіи, т. е. отъ предшествующаго звука къ послѣдующему, напр. «мылсӑ» (=орѳ. мылся), гдѣ согласный *л* не только не смягчился подъ вліяніемъ мягкаго *с*, но напротивъ самъ обусловилъ твердое произношеніе этого согласнаго.

6. Классификація звуковъ съ точки зрѣнія анатомо-физіологической и слуховой.

Существуютъ двѣ *основныя точки зрѣнія на звуки рѣчи*: точка зрѣнія *произношенія* и точка зрѣнія *слышанія*. Подъ произносимою стороною звуковъ слѣдуетъ понимать *работы органовъ произношенія*, подъ слышимою—*слуховыя ощущенія* отъ колебаній, въ которыя приводится воздушная среда дѣйствіемъ органовъ произношенія.[1]) Эти двѣ стороны—произносимая и слышимая—различаются безъ труда даже въ обыкновенномъ пониманіи. Доказательствомъ можетъ служить существованіе особыхъ способовъ выраженія для обозначенія той и другой стороны, ср. *говорить* || *слышать*. Особыя выраженія существуютъ также для обозначенія ошибокъ въ той и

---

[1]) Можно замѣтить еще, что какъ сторона произносимая, такъ и слышимая представляютъ каждая два момента — субъективный и объективный. Субъективнымъ моментомъ въ сферѣ произношенія являются импульсы, идущіе изъ головнаго мозга къ работающимъ при произношеніи мышцамъ аппарата рѣчи, и затѣмъ соотвѣтствующія ощущенія мышечныя и осязательныя отъ работы органовъ; что касается сферы слышанія, то здѣсь субъективный моментъ составляютъ слуховыя ощущенія. Объективнымъ моментомъ въ сферѣ произношенія слѣдуетъ считать движенія и работы органовъ, какъ совершающіяся въ пространствѣ, которыя можно изслѣдовать съ помощью экспериментальныхъ методовъ, существующихъ въ физіологіи, въ сферѣ же слышанія таковымъ моментомъ являются колебанія воздуха отъ произношенія, изслѣдованіе которыхъ относится къ области физики или, точнѣе, физической акустики.

другой области: *обмолвка* (обмолвиться) || *ослышка* (ослышаться). А между тѣмъ въ грамматическихъ сочиненіяхъ эти двѣ точки зрѣнія очень часто смѣшиваются. Напр., классифицируются звуки по органамъ произношенія (значитъ—точка зрѣнія произнесенія), а тутъ же нерѣдко толкуется о звукахъ свистящихъ и шипящихъ (значитъ, имѣется уже въ виду сторона слышанія—качество эффекта, производимаго произнесеннымъ звукомъ на слухъ). Или, положимъ, разсуждаютъ о звуковыхъ измѣненіяхъ,—и опять не стараются обратить вниманіе на то, что̀ при этомъ относится къ области аппарата рѣчи и что̀—къ сферѣ органа слуха. [1]) Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что звуки рѣчи можно классифицировать съ точки зрѣнія работъ говорильнаго аппарата и съ точки зрѣнія слуховыхъ ощущеній, при чемъ каждую изъ этихъ точекъ зрѣнія слѣдуетъ проводить строго, не смѣшивая съ другою. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо установить особые термины для представленія звука съ той и другой точки зрѣнія. Наиболѣе подходящими терминами мнѣ представляются: „*звукоартикуляція*"—для обозначенія комплекса работъ, требующихся для произнесенія того или другаго звука, и „*звукоощущеніе*"—для обозначенія слуховыхъ ощущеній отъ произносимыхъ звуковъ.

Человѣческій аппаратъ рѣчи представляетъ слѣдующія части: 1) *дыхательный аппаратъ*, 2) *гортань*, 3) *мягкое небо*, 4) *нижняя челюсть*, опусканіемъ которой обусловливается

---

[1]) На сколько важно различать эти двѣ стороны при разсмотрѣніи звуковыхъ измѣненій, можно убѣдиться изъ слѣдующаго. Напр., измѣненіе неударенннаго *о* въ *а* въ южно-великорусскомъ относится къ сферѣ органовъ произношенія и состоитъ въ ослабленіи работы губъ. Какое бы слово мы ни взяли съ основно-русскимъ гласнымъ *о* въ томъ же неударенномъ положеніи, въ ювр. этотъ гласный будетъ постоянно отражаться какъ неударенное *а*. Вообще говоря, звуковыя измѣненія, совершающіяся въ сферѣ аппарата рѣчи, характеризуются *всеобщностью*. Съ другой стороны, обратимъ вниманіе на простонар. произношеніе «*м*ырять» вм. *н*ырять. Эта особенность произошла вслѣдствіе того, что вм. одного звука послышался сходный другой и такое ошибочное произношеніе утвердилось обычаемъ. Ясно, что такая замѣна звука *н* черезъ *м* произошла не во всѣхъ случаяхъ *н*, а лишь въ отдѣльныхъ словахъ. Въ общемъ, звуковыя измѣненія, относящіяся къ сферѣ органа слуха, характеризуются *спорадичностью* (усложняясь нерѣдко вліяніемъ т. н. «народной этимологіи»).

раскрытіе рта, 5) *органы произношенія.* [1]) Работы этихъ частей разнообразятся, смотря по произносимымъ звукамъ; отсюда вытекаетъ возможность классифицировать звуки рѣчи по характеру дѣятельности каждой изъ поименованныхъ частей говорильнаго аппарата. [2])

1) Что касается дѣятельности дыхательнаго аппарата, то каждый отдѣльный звукъ можетъ выговариваться при весьма разнообразной силѣ выдыханія, но въ словахъ это разнообразіе сводится къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ ступенямъ, представляющимъ особенности въ отдѣльныхъ языкахъ. [3])

[Въ области звукоощущеній разнообразной силѣ выдыханія при выговариваніи звуковъ соотвѣтствуетъ разнообразіе въ *силѣ* получаемыхъ при этомъ слуховыхъ эффектовъ].

2) Въ дѣятельности гортани нужно различать: *уложеніе голосовой щели* и *натяженіе голосовыхъ связокъ*. По уложенію голосовой щели звукоартикуляціи распадаются на двѣ группы:

---

[1]) Съ точки зрѣнія физической акустики говорильный аппаратъ можетъ быть раздѣленъ на три части: а) дыхательный аппаратъ—въ роли мѣховъ, б) гортань—въ роли язычковаго инструмента, в) полости, лежащія надъ гортанью,—въ роли надставной трубы: полость глотки, полость рта и полость носа.

[2]) Спокойное положеніе говорильнаго аппарата и его частей, каковое представляется при спокойномъ дыханіи (когда не говорятъ), называется *индифферентнымъ* укладомъ (голосовая щель при этомъ расширена и токъ воздуха безшумно проходитъ чрезъ нее, мягкое небо свободно опущено). Звуковыя измѣненія въ области звукоартикуляцій, относящіяся къ категоріи ослабленій звуковъ, происходятъ въ направленіи къ индифферентному укладу говорильнаго аппарата и его частей.

[3]) Напр., въ словѣ «годовóму», по общерусскому выговору, соотношеніе силы выдыханія (а также длительности произношенія) для слоговъ этого слова можно приблизительно выразить цифрами: 1—2—3—1. Въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, а также въ другихъ языкахъ соотношеніе будетъ болѣе или менѣе иное. Понятно, что точное представленіе такихъ соотношеній можетъ быть достигнуто только экспериментальнымъ путемъ, съ помощью надлежащихъ приборовъ. Слогъ ударенный, вообще, произносится съ наибольшей силой выдыханія. Впрочемъ, въ однихъ языкахъ въ удареніи преобладаетъ моментъ экспираторный или сила выдыханія, тогда какъ въ другихъ—тоническій или высота тона.

а) звукоартикуляціи, въ образованіе которыхъ приходитъ *голосовая щель, съуженная для звучанія*;

б) звукоартикуляціи, для которыхъ *голосовая щель расширена* (такъ что выдыхаемый токъ воздуха безшумно проходитъ чрезъ нее).

[Въ сферѣ звукоощущеній въ случаѣ а) получаются „звонкіе“ звуки, а въ случаѣ б)—„глухіе“.]

При расширенной голосовой щели голосовыя связки не напряжены. Если же голосовая щель съужена для звучанія, то голосовыя связки при выговариваніи отдѣльныхъ звуковъ могутъ представлять весьма разнообразную степень натяженія, но въ словѣ это разнообразіе, говоря вообще, подчиняется опредѣленному соотношенію, связывающему слоги ударяемый и неударяемые въ одно цѣлое и различающемуся въ языкахъ и даже ихъ нарѣчіяхъ (ср. выше относительно силы выдыханія).

[Въ области звукоощущеній разнообразію въ натяженіи голосовыхъ связокъ при произношеніи соотвѣтствуетъ разнообразіе „высоты тона“, при чемъ наиболѣе высокій тонъ въ словѣ принадлежитъ слогу съ удареніемъ]. [1])

3) По характеру участія **мягкаго неба** звукоартикуляціи распадаются на двѣ группы:

а) звукоартикуляціи, при образованіи которыхъ *мягкое небо приближается или прижато къ задней стѣнкѣ глотки*;

б) *мягкое небо опущено*.

---

[1]) Съ точки зрѣнія **физической акустики** *сила звука* зависитъ отъ амплитуды колебанія воздушныхъ частицъ, а *высота тона* обусловливается частотою колебаній.

Кромѣ *голосоваго тона*, происходящаго вслѣдствіе вибрацій голосовыхъ связокъ, къ звукамъ гортани принадлежатъ греческіе *spiritus lenis* и *spiritus asper* (нѣм. h). Звукъ легкаго придыханія, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ физіологовъ рѣчи, предшествуетъ произношенію всѣхъ гласныхъ и особенно замѣтенъ при шепотномъ произношеніи этихъ звуковъ: въ горлѣ какъ будто щелкнетъ или хруснетъ. Этотъ звукъ сближенныхъ голосовыхъ связокъ есть какъ бы взрывной согласный гортани. Звукъ густаго придыханія считается придувнымъ согласнымъ гортани: голосовая щель мало расширена, такъ что образуется шумъ отъ тренія выдыхаемаго тока воздуха. Звукъ густаго придыханія можетъ сопровождать собою звонкіе взрывные или mediae и глухіе взрывные или tenues; продуктомъ такой комбинаціи являются mediae и tenues *aspiratae* (напр. санскр. *bh*, *ph* и пр.).

[Въ области звукоощущеній въ первомъ случаѣ получаются звуки „чистые“ или „не-носовые“, а во второмъ „носовые“].

4) Звукоартикуляціи по характеру работы нижней челюсти распадаются на двѣ категоріи:

а) *нижняя челюсть осаждается* (чрезъ это получается *раскрытость* рта, которая, смотря по степени осажденія нижней челюсти, различается *широкая*—при звукоартикуляціи *а*, *средняя*—при *е*, *о* и *ӧ*, *узкая*—при *і*, *у*, *ӳ* и *ы*);

б) *нижняя челюсть сближается съ верхней.* [1])

[Относительно соотвѣтствующихъ звукоощущеній замѣтимъ, что звукоартикуляціи первой категоріи свойственны звукамъ „гласнымъ“, а звукоартикуляціи второй категоріи—звукамъ „согласнымъ“. О роли степени раскрытости рта для оттѣнковъ соотвѣтствующихъ звукоощущеній можно судить на основаніи опытовъ въ родѣ слѣдующаго. Замѣтимъ, что между широкимъ и узкимъ раскрытіями рта мы можемъ представить себѣ неограниченное число промежуточныхъ, и при каждомъ изъ нихъ возможно произнести гласный *а*. Если мы будемъ тянуть произношеніе этого гласнаго, начавши съ узкаго раскрытія и постепенно доходя до широкаго, то легко замѣтимъ видоизмѣненіе въ оттѣнкѣ: гласный становится болѣе яснымъ и болѣе открытымъ. Опытъ можетъ быть и обратный, т. е. состоять въ переходѣ при произношеніи *а* отъ широкаго раскрытія рта къ узкому. Подобные опыты можно произвести и надъ другими звуками.]

5) Что касается работы органовъ произношенія, то въ этомъ случаѣ нужно различать *мѣсто* и *способъ дѣйствія*.

Сначала скажемъ о мѣстѣ дѣйствія. Органы произношенія образуютъ двѣ пары: губную и язычно-небную. О первой парѣ слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствіе можетъ происходить между обѣими губами (звукоартикуляціи *п*, *б*, *м*), или же нижняя губа дѣйствуетъ относительно верхнихъ зу-

---

[1]) Техмеръ для обозначенія приведенныхъ двухъ категорій употребляетъ нѣмецкіе термины: а) *Mundöffner* (рто-раскрыватели), б) *Mundschliesser* (рто-смыкатели).

бовъ (*ф*, *в*). Такимъ образомъ артикуляція губная раздѣляется на губно-губную и губно-зубную. Что касается пары язычно-небной, то языкъ въ своей передней части является весьма подвижнымъ, а въ задней части, близкой къ мѣсту его укрѣпленія, мало подвиженъ; небо же, наоборотъ, неподвижно тамъ, гдѣ оно находится противъ подвижной части языка, а позади, противъ корня языка,—подвижно (твердое впереди, сзади оно является мягкимъ и заканчивается язычкомъ). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что подвижная часть артикулируетъ относительно неподвижной или менѣе подвижной. Языкъ можетъ артикулировать относительно неба своею переднею частью (*т*, *д*, *с*, *з*, *н*, *л* . . .) [1]), среднею (*j*, *i*, *е*) и заднею (*к*, *г*, *х*, *γ*=*г* въ словѣ „благо“, заднеязычное „картавое“ *р*, *н̆*, *ы*). Кромѣ того, артикуляціи одной и той же (приблизительно) части языка могутъ совершаться относительно болѣе или менѣе различныхъ частей неба. Такъ, переднею частью языкъ можетъ артикулировать относительно верхнихъ зубовъ (*т*, *д* . . .) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ (альвеолярные или церебральные *т*, *д*, *н*, *ш*, *ж*, *р*). [2]) Звукоартикуляціи *о*, *у* представляютъ одновременное сочетаніе своеобразнаго губнаго съуженія съ дѣйствіемъ задней части языка, болѣе глубокимъ, чѣмъ въ звукоартикуляціяхъ *ы*, *к*... Что касается дѣйствія мягкаго неба относительно задней части языка, то сюда относится производимое язычкомъ „увулярное“ *р*. [3]) Нужно еще обратить вниманіе на одну характерную черту въ работѣ

---

[1]) При выговариваніи *л* происходитъ кромѣ прижатія передней части языка къ верхнимъ зубамъ еще опущеніе боковъ языка; такое уложеніе языка можетъ быть опредѣлено какъ «передне-боковое».

[2]) Существуетъ еще т. наз. межзубное (интердентальное) дѣйствіе передней части языка: ново-греч. ϑ, δ, англ. *th*. Однако это названіе, не вполнѣ точно и опирается на неправильномъ представленіи, что будто для произнесенія этихъ согласныхъ языкъ протягивается плашмя между зубами. Если мы для выясненія артикуляціи названныхъ согласныхъ за исходный пунктъ примемъ артикуляцію языка при русскихъ согласныхъ *с* и *з*, то чтобы отъ этихъ послѣднихъ перейти къ англ. *th* или ново-греч. ϑ и δ, надо конецъ языка спустить до ряда нижнихъ зубовъ и даже слегка на нихъ, въ зависимости отъ чего и нижняя челюсть слегка понизится: при такой именно артикуляціи произносятся указанные согласные англійскаго и ново-греческаго языка.

[3]) Въ качествѣ примѣра можно указать на провансальское *r*.

средней части языка. Являясь особой артикуляціей при произнесеніи звуковъ *j*, *i*, *e*, эта работа можетъ соединяться съ работами другихъ органовъ произношенія—губъ, передней и задней части языка (звукоартикуляціи *п'*, *б'*, *м'*, *ф'*, *в'*; *т'*, *д'*, *с'*, *з'*, *н'*, *л'*, *ш'*, *ж'*, *р'*; *к'*, *г'*, *х'*, *γ'*; *ö*, *ÿ*). Отсюда является возможность всѣ звукоартикуляціи подраздѣлить на двѣ группы: „съ участіемъ“ и „безъ участія средней части языка“.

При одномъ и томъ же мѣстѣ дѣйствія органовъ произношенія можетъ различаться способъ дѣйствія. По способу дѣйствія органовъ произношенія звукоартикуляціи прежде всего распадаются на двѣ категоріи:

а) *открытыя* и
б) *съуженныя*,

тѣсно связанныя съ разсмотрѣнными выше двумя категоріями по участію нижней челюсти. Открытыя звукоартикуляціи, смотря по степени открытости, могутъ быть широкія (*а*), среднія (*е*, *о*, *ö*), узкія (*i*, *у*, *ÿ*, *ы*). Съуженныя раздѣляются на взрывныя (*п*, *б*, *т* ...), придувныя (*ф*, *в*, *с* ...) и дрожащія (*р*).

[Относительно звукоощущеній прежде всего замѣтимъ, что открытыя звукоартикуляціи свойственны „гласнымъ“ звукамъ, а съуженныя—„согласнымъ“. Въ отдѣлѣ анатомо-физіологическомъ мы группировали звукоартикуляціи по мѣсту дѣйствія органовъ произношенія; здѣсь же мы можемъ расположить звукоощущенія какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ въ ряды, по степени сходства слуховыхъ эффектовъ. Для установленія такихъ рядовъ большую услугу оказываютъ *переходные* [1]) звуки. Такъ, въ отдѣлѣ гласныхъ можно прослѣдить постепенный переходъ отъ *а* къ *i* (*а* .... *ä* .... *є* .... *i*) и отъ *а* къ *у* (*а* .... $а^{о}$ .... $о^{а}$ .... *о* .... *у*). Для звукоощущеній ряда *i* можетъ служить названіе „ясныя“, а для звукоощущеній ряда *у*—„темныя“ (эти термины примѣнялись Курціусомъ). Рядами могутъ быть расположены и согласные звуки, напр. *п*(*б*) .... *п'*(*б'*), *т*(*д*) .... *т'*(*д'*) .... *к'*(*г'*) .... *к*(*г*) .... *х*(*γ*) и пр. Только между П-звуками и Т-звуками нѣтъ

---

[1]) Въ области анатомо-физіологической имъ соотвѣтствуютъ звукоартикуляціи переходныя.

переходныхъ звеньевъ, такъ какъ произношеніе ихъ требуетъ участія разныхъ органовъ (губъ и языка). Звукоартикуляціямъ безъ участія средней части языка соотвѣтствуютъ звукоощущенія „твердыя", отъ звукоартикуляцій же съ участіемъ средней части языка получаются звукоощущенія „мягкія" (между тѣми и другими могутъ быть переходныя съ „среднею" мягкостью). Упомянемъ еще о существованіи переходныхъ звеньевъ между гласными и согласными: *у .... w .... в*, *i .... j*. Нижеслѣдующая таблица представляетъ группировку звукоощущеній, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ [1],—см. на слѣд. страницѣ.

Представивши основы классификаціи, я позволю себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о дѣленіи звуковъ на „гласные" и „согласные", какъ со стороны анатомо-физіологической, такъ и слуховой. Для выясненія различія между гласными и согласными въ отношеніи *звукоартикуляцій* я уже указывалъ на важность опытовъ надъ усиленіемъ произношенія тѣхъ и другихъ звуковъ; ср. напр. $\vec{a} \parallel \vec{д}$: по мѣрѣ усиленія звука *а* увеличивается открытость, а съ усиленіемъ *д* увеличивается съуженность (какъ въ дѣйствіи нижней челюсти, такъ равно и органовъ произношенія). Со стороны *слуховыхъ ощущеній* гласные звуки характеризуются самою полною звучностью или сонорностью, согласные же—шумами или шорохами; по степени сонорности всѣ звуки могутъ быть расположены въ нѣсколько послѣдовательныхъ группъ: 1) гласные, 2) согласные плавные и носовые (довольно близко стоящіе по своей сонорности къ гласнымъ, почему ихъ вмѣстѣ съ гласными и называютъ нѣкоторые физіологи рѣчи *сонорными*, т. е. звучными, въ противоположность прочимъ согласнымъ, называемымъ *шумными*), 3) звонкіе придувные, 4) звонкіе взрывные, 5) глухіе придувные и взрывные. [2])

---

[1]) Черточкою соединены въ таблицѣ пары по звонкости и глухости (напр. в—ф и т. п.), а точки указываютъ на возможность постепеннаго видоизмѣненія одного въ другое связываемыхъ ими звукоощущеній.

[2]) Съ точки зрѣнія физической акустики, гласные — чисто музыкальные звуки, согласные же характеризуются шумомъ (музыкальный звукъ получается отъ достаточно быстрыхъ періодическихъ или правильныхъ колебаній, а шумъ — отъ колебаній непеліодическихъ). При разныхъ гласныхъ полость рта имѣетъ разное уложеніе, а вслѣдствіе этого заключающаяся въ ней воздушная масса получаетъ разную настройку. При этомъ голосовыя связки, вибрируя какъ цѣлыя и своими частями, издаютъ основ-

Табеллярное представленіе рядовъ звукоощущеній. [1]

Типъ К(Х) — Типъ Т(С)

Х-звукъ (придувн.) | К-звукъ (взрыв.) | Т-звукъ (взрыв.) | С-звукъ (взрыв) | Ш-звукъ (придувн) | Р(Л)-звукъ (плавныя)

Глас-ныя | Соглас-ныя

ы ... γ - х ...... к - г   д - т..... ϑ - δ....з - с ...... ш - ж .... р л ~~ „твердыя“

і ...... j ......γ’- х’ ...... к’- г’ .... д’- т’.....ϑ’-δ’....з’- с’...... ш’- ж’.......... р’ л’ ~~ „мягкія“

е

а.. ӧ .... ў ... ..w’.......в’-ф’...... п’- б’   м’- н’ ~~ „мягкія“

о ..... у ....w ....в - ф ..... п - б   м - н ~~ „твердыя“

Ф-звукъ (придувн.) | П-звукъ (взрыв) | М(Н)-звукъ (носовыя)

Типъ (ПФ)

---

[1] Таблицу классификаціи звукоартикуляцій см. въ предъидущемъ очеркѣ. Табеллярное представленіе классификаціи звуковъ общерусскаго языка одновременно съ точки зрѣнія анатомо-физіологической и слуховой см. въ моемъ Общемъ курсѣ русской грамматики.

Библіографическія указанія. Какъ на капитальный трудъ по физіологіи звуковъ должно указать на слѣдующій: Sievers Ed., Grundzüge der Phonetik (1901)[5]. Объ этомъ сочиненіи во второмъ его изданіи см. обстоятельную статью Я. К. Грота въ Журн. М. Н. Пр. Ч. CCXXIX, 1883 г., стр. 304—339, или въ Филолог. разыск. (1899)[4] стр. 540—572. Въ русской лингвистической литературѣ очень заслуживаетъ вниманія слѣдующее небольшое сочиненіе: Крушевскій Н. В. Очерки по языковѣдѣнію: II. Антропофоника (1893). Журналъ, посвященный изслѣдованіямъ произношенія въ его тонкихъ оттѣнкахъ въ разныхъ языкахъ: Vietor W., Phonetische Studien (B. I—VI, 1888—1893), а съ 1894 г. журналъ сталъ выходить подъ новымъ заглавіемъ: Die neueren Sprachen. Для ознакомленія съ мускулатурою говорильнаго аппарата см. у меня недоконченный обзоръ во Введеніи въ изуч. рус. вок., Р. Ф. В. т. IX, 1883, 47—66 (отд. отт., вып. 2, стр. 143—162). Капитальными трудами по анатомо-физіологической сторонѣ произношенія являются: Merkel C. L., Anatomie und Physiologie der menschlichen Stimm- und Sprachorgans (Anthropophonik). Leipzig 1856; Его же Physiologie der menschlichen Sprache (physiologische Laletik). Leipzig 1866. Далѣе назовемъ: Techmer F., Phonetik. 2 Bde. Leipzig 1880; существенное содержаніе этого труда было изложено въ общедоступномъ видѣ самимъ авторомъ въ издававшемся имъ журналѣ «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft» I B. 1 H. (1884); по поводу послѣдняго поименованнаго труда Техмера ср. Бодуэнъ-де-Куртенэ И., въ Ж. М. Н. Пр. 1884, октябрь, 391—393. Что касается мышечныхъ ощущеній при произношеніи, то ср. Stricker Studien über die Sprachvorstellungen, Wien 1880; объ этомъ сочиненіи см. въ статьѣ К. Аппеля Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія, въ Р. Ф. В. т. VI, 1881, стр. 292 сл. (отд. отт. стр. 51 сл.). Статьи по вопросу о постепенномъ развитіи произношенія у дѣтей: Александровъ А., Дѣтская рѣчь. Р. Ф. В. т. X. 1883, 86—120 (имѣется и въ отд. отт.); Благовѣщенскій В., Дѣтская рѣчь, въ Р. Ф. В. XVI, 1886, 73—101. Далѣе, съ интересомъ прочтутся книги: Остроградскій Ал., Руководство къ первоначальному обученію глухонѣмыхъ дѣтей по звуковому способу. Спб. (1889); Чернышевъ В. Законы и правила русскаго произношенія. Опытъ руководства для учителей,

---

ной тонъ, соединяющійся съ верхними гармоническими тонами; изъ этихъ послѣднихъ тѣ, которые болѣе приближаются къ настройкѣ воздушной массы полости рта, болѣе резонируются, остальные же, чѣмъ менѣе они соотвѣтствуютъ настройкѣ воздушной среды, тѣмъ болѣе бываютъ заглушены. Такъ происходитъ по мнѣнію Гельмгольца различіе оттѣнка или тембра, обусловливающее различіе гласныхъ.—Что касается указываемаго нами различія степеней сонорности, то оно зависитъ отъ различія въ характерѣ надставныхъ трубъ, свойственныхъ разнымъ звукамъ; при глухихъ кромѣ того отсутствуетъ голосовой тонъ.

чтецовъ и артистовъ. Спб. 1908². Для ознакомленія съ основами экспериментальной фонетики существеннымъ пособіемъ является книга аббата P. Rousselot Principes de Phonétique expérimentale I (1897), II (1901—1908). Gutzmann H. Physiologie der Stimme und Sprache (1909). Богородицкій В. А. Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными (съ чертежами въ текстѣ и 15-ю таблицами рисунковъ въ краскахъ). Казань 1909. Затѣмъ см. его же Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ, вып. I—V (1896—1907); Усовъ Н. Эксперим. фонетика, въ Изв. Ак. Наукъ 1897 г., т. II, кн. 4, стр. 906—939 (срв. мою рецензію въ Р. Ф. В. 1898, № 1—2, стр. 304—307); Китерманъ Б. П. Къ вопросу о длительности звуковъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 1906 (отт. изъ Изв. Ак. Н.). Историческій очеркъ развитія экспериментальной фонетики дается въ сочиненіи: С. И. Ершовъ Экспериментальная фонетика. Казань (1903). Отмѣтимъ еще попытку М. И. Тимоѳеева примѣнить фотографическія изображенія видимыхъ органовъ рѣчи къ обученію грамотѣ, см. его сочиненіе: Азбука для обученія грамотѣ по естественному методу. Одесса (1910)².

7. Наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства надъ произношеніемъ звуковъ русскаго языка.

Звуки нашей рѣчи представляютъ собою довольно сложное явленіе: со стороны *анатомо-физіологической* или звукопроизводства они представляютъ комплексъ мышечныхъ работъ говорильнаго аппарата, возбуждаемыхъ двигательными импульсами изъ головнаго мозга и сопровождаемыхъ мышечными ощущеніями; со стороны *слуховой* или звукоощущеній они являются слуховыми представленіями звуковъ, возбуждаемыми соотвѣтствующимъ колебательнымъ состояніемъ воздуха. Въ нашей психіи звуки рѣчи являются преимущественно въ видѣ слуховыхъ образовъ или представленій, такъ какъ уже самое усвоеніе произношенія въ дѣтствѣ происходитъ именно при помощи слуха, дающаго ребенку типъ того, что требуется выполнить аппаратомъ рѣчи; слуховой моментъ и потому еще играетъ въ нашихъ звуковыхъ представленіяхъ доминирующую роль, что слуховые образы отъ произношенія возникаютъ какъ у говорящаго, такъ и слушающаго, между тѣмъ какъ мышечныя работы и сопровождающія ихъ мышечныя ощущенія имѣютъ исключительно субъективный характеръ и, кромѣ того, разъ усвоенныя, эти работы уже перестаютъ обращать на себя наше вниманіе и вслѣдствіе привычки къ нимъ легко переходятъ въ безсознательную дѣятельность. Тѣмъ не менѣе для изслѣдователя произношенія и сторона звукопроизводства должна составлять предметъ всесторонняго и возможно полнаго изученія. Къ сожалѣнію, въ этомъ изученіи оказывается одинъ весьма существенный пробѣлъ, именно въ вопросѣ о мышечномъ чувствѣ при произношеніи, нѣсколь-

ко восполнить который мы и постараемся въ предлагаемой статьѣ.

Всякая мышечная дѣятельность нашего организма сопровождается *мышечнымъ чувствомъ*, т. е. ощущеніями, доставляемыми сознанію чувствительными нервами отъ работающихъ мышечныхъ группъ; мышечное чувство, повторяясь въ случаѣ однѣхъ и тѣхъ же работъ, постепенно сознается нами все меньше и въ концѣ концовъ можетъ совершенно ускользать отъ нашего вниманія. Такъ именно и работы мышцъ нашего аппарата рѣчи вслѣдствіе привычки къ нимъ становятся какъ бы механическими или безсознательными. [1]) Однако если мы будемъ сосредоточивать на нихъ свое вниманіе, то послѣ достаточнаго упражненія достигнемъ возможности улавливать особенности мышечнаго чувства при отдѣльныхъ звукахъ. [2])

Такъ какъ произношеніе звуковъ обусловливается съ анатомо-физіологической стороны дѣйствіемъ соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ, то есть переходомъ послѣднихъ отъ спокойнаго состоянія къ напряженному и къ движенію, то прежде чѣмъ изучать эти измѣненія мы обратимся къ опредѣленію спокойнаго или такъ назыв. *индифферентнаго уклада* нашего аппарата рѣчи. При этомъ укладѣ мы замѣчаемъ равномѣрную дѣятельность дыханія, свободно проходящаго чрезъ раскрытую голосовую щель и затѣмъ, благодаря свободно опущенному мягкому небу, выходящаго наружу черезъ полость носа;

---

[1]) Конечно, въ раннемъ дѣтствѣ мышечное чувство отъ артикуляціонныхъ работъ должно было сознаваться и лишь постепенно стало безсознательнымъ; но и взрослый человѣкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчаетъ мышечное чувство въ органахъ произношенія, когда старается перенять возможно точнѣе какой-либо совершенно чуждый звукъ иностраннаго языка. Кромѣ того, нѣкоторыя лица поздно овладѣваютъ отдѣльными трудными звуками родной рѣчи, въ особенности звукомъ *р*; въ этомъ случаѣ въ теченіе всего времени, пока происходитъ усвоеніе даннаго звука и даже нѣкоторое время послѣ того они испытываютъ мышечное ощущеніе отъ произношенія этого звука въ своемъ разговорѣ.

[2]) Такъ какъ получаемыя такимъ образомъ впечатлѣнія не всегда бываютъ достаточно точны и опредѣленны, то для достиженія болѣе надежныхъ результатовъ можно производить опыты въ разное время; это дастъ возможность избѣжать вліянія предвзятой мысли, а также позволитъ отдѣлить постоянныя явленія отъ случайныхъ.

одновременно съ этимъ полость рта вся заполнена языкомъ, соприкосновеніе котораго съ небомъ мы чувствуемъ преимущественно въ ихъ переднихъ частяхъ; иногда мы пропускаемъ дыханіе также и черезъ ротъ, и тогда нижняя челюсть незначительно осаждается книзу, поверхность языка слегка отдѣляется отъ неба, а губы нѣсколько расходятся между собою. Кромѣ этого индифферентнаго уклада, называемаго *абсолютнымъ*, существуетъ еще другой индифферентный укладъ, *относительный*, непосредственно предшествующій началу рѣчи. Онъ состоитъ въ томъ, что всѣ части нашего говорильнаго аппарата испытываютъ нѣкоторое общее возбужденіе или общую тоничность; это именно и есть тотъ укладъ, отъ котораго начинается мышечная работа для произношенія. Это состояніе аппарата рѣчи можно наблюдать какъ на самомъ себѣ, такъ отчасти (посредствомъ чувства зрѣнія) и на другихъ передъ началомъ рѣчи при желаніи сказать что-либо. Особенно это „возбужденіе къ рѣчи" замѣтно въ томъ случаѣ, когда оно встрѣчаетъ препятствіе, вслѣдствіе котораго приходится сдерживать свое желаніе высказаться. Вѣроятно, каждому приходилось наблюдать за собою подобное состояніе и потому каждый можетъ припомнить относящееся сюда *мышечное чувство*.

Какъ извѣстно, для произнесенія каждаго звука требуется участіе различныхъ частей говорильнаго аппарата, приводимыхъ въ дѣйствіе соотвѣтствующими группами мышцъ; поэтому мы можемъ изслѣдовать мышечное чувство особо для каждой части говорильнаго аппарата при произведеніи звуковъ рѣчи.

I. *Дыхательный аппаратъ*. Такъ какъ произведеніе каждаго звука рѣчи начинается съ работы дыхательнаго аппарата, то и мы прежде всего обратимся къ наблюденіямъ надъ этимъ послѣднимъ. Если мы будемъ сравнивать выдыханіе *простое* и *фонаціонное*, то замѣтимъ, что мышечное чувство, которымъ сопровождается то и другое выдыханіе, не одинаково, а именно: при простомъ выдыханіи мышечное чувство указываетъ на переходъ нѣкотораго мышечнаго напряженія въ дыхательномъ аппаратѣ отъ предшествующей фазы вдыханія къ состоянію покоя; когда же мы пользуемся выдыханіемъ для произношенія отдѣльнаго звука или сочетаній звуковъ,

6

громко или шепотомъ, то къ простому чувству выдыханія присоединяется чувство особаго мышечнаго усилія въ области грудной клѣтки и брюшнаго пресса, спеціально для даннаго произношенія. При этомъ мы замѣчаемъ, что мышечныя усилія при произношеніи звуковъ разныхъ категорій неодинаковы: при гласныхъ они кажутся наименѣе значительными, вслѣдствіе того, что выдыхательный токъ воздуха не встрѣчаетъ на своемъ пути въ полости рта существенныхъ преградъ, благодаря чему грудная клѣтка какъ бы сама собою спадается; при согласныхъ же мышечное чувство констатируетъ большее усиліе, зависящее отъ того, что выдыхаемому току воздуха приходится преодолѣвать большія или меньшія препятствія въ полости рта. Въ частности при согласныхъ глухихъ чувствуется болѣе быстрое спаденіе грудной клѣтки сравнительно съ согласными звонкими, при которыхъ выдыханіе производится какъ бы съ нѣкоторою задержкою; кромѣ того, какъ при гласныхъ, такъ и при звонкихъ согласныхъ чувствуется еще вибраціонное состояніе грудной клѣтки. Изъ согласныхъ придувные (какъ звонкіе, такъ и глухіе) требуютъ меньшаго усилія по сравненію съ соотвѣтствующими взрывными. Произношеніе этихъ послѣднихъ сопровождается чувствомъ наибольшаго усилія въ дыхательномъ аппаратѣ, [1]) вслѣдствіе антагонизма между выдыхательнымъ напоромъ воздуха и полною преградою въ полости рта; этотъ антагонизмъ особенно чувствуется, если постепенно усиливать произношеніе даннаго звука. Различія въ мышечномъ чувствѣ при фонаціонномъ выдыханіи зависятъ не только отъ категоріи произносимыхъ звуковъ, но также и отъ степени въ *силѣ произношенія*. Совершенно понятно, что чѣмъ сильнѣе произношеніе, тѣмъ замѣтнѣе и мышечное чувство.

II. *Гортань*. Мышечное чувство гортани при произношеніи представляется вообще довольно неопредѣленнымъ, но все-таки не одинаковымъ при звонкихъ и глухихъ звукахъ: при первыхъ оно болѣе поддается наблюденію, чѣмъ при вторыхъ, хотя и при этихъ послѣднихъ его нельзя совсѣмъ от-

---

[1]) При усиленномъ произношеніи этихъ согласныхъ чувство наибольшаго мышечнаго напряженія совпадаетъ съ моментомъ имплозіи или смычки, простираясь на переднюю часть груди и бока реберъ.

рицать. Такъ, при звонкихъ согласныхъ чувствуется нерѣдко какъ бы сжимающее гортань дѣйствіе мышцъ; при гласныхъ кромѣ того испытывается своеобразное чувство въ гортани въ случаѣ аттакированнаго произнесенія этихъ звуковъ. Отмѣтимъ еще вибраціонное состояніе гортани, ощущаемое иногда при нѣкоторыхъ звонкихъ звукахъ, напр. *i*, *з*. При этомъ съ измѣненіемъ высоты тона вибраціонная область мѣняетъ свое мѣсто, то поднимаясь, то опускаясь; при низкихъ звукахъ вибраціонная область замѣтно распространяется и на грудную полость. Это перемѣщеніе вибраціонной области наблюдается какъ при произношеніи, такъ и при пѣніи. Одновременно съ этимъ вибраціоннымъ состояніемъ мы замѣчаемъ также особое мышечное чувство, происходящее отъ движенія гортани вверхъ и внизъ и наиболѣе рельефно выступающее въ томъ случаѣ, когда мы пытаемся напѣть что-нибудь про себя, но безъ звука: мы испытываемъ тогда мышечнымъ чувствомъ гортани, что послѣдняя въ своемъ подниманіи и опусканіи какъ бы въ точности слѣдуетъ за повышеніями и пониженіями воображаемой мелодіи. Наконецъ, въ случаѣ произнесенія разныхъ звуковъ въ одномъ и томъ же тонѣ, иногда чувствуется неодинаковость въ относительномъ положеніи гортани; такъ, при *i* чувствуется напряженіе подъ подъязычной костью, а при *у*—внизу гортани, ниже щитовиднаго хряща.

III. *Мягкое небо.* Мышечное чувство отъ различія въ положеніи мягкаго неба при чистыхъ и носовыхъ звукахъ замѣтно крайне слабо; легче всего его можно замѣтить при переходѣ отъ носоваго къ неносовому или наоборотъ, напр. *дн*. Довольно замѣтно ощущается мягкимъ небомъ соприкосновеніе съ корнемъ языка при произнесеніи задне-язычныхъ согласныхъ особенно взрывныхъ (напр. *к*).

IV. *Нижняя челюсть.* Работа нижней челюсти при произнесеніи гласныхъ и согласныхъ представляетъ существенное различіе, состоящее въ томъ, что при гласныхъ звукахъ нижняя челюсть осаждается книзу, при согласныхъ же приближается къ верхней челюсти. [1]) Соотвѣтственно этому замѣчается

[1]) При согласныхъ *в* и *ф* нижняя челюсть кромѣ того отодвигается слегка назадъ, что даетъ возможность нижней губѣ приблизиться къ верхнимъ зубамъ съ большею легкостью.

различіе и въ мышечномъ чувствѣ при произнесеніи звуковъ той и другой категоріи: при гласныхъ звукахъ мышечное напряженіе ощущается главнымъ образомъ подъ нижней челюстью у самаго подбородка, между тѣмъ какъ при согласныхъ мышечное чувство концентрируется преимущественно у концовъ нижней челюсти, по обѣимъ сторонамъ лица. А такъ какъ всякая мышечная работа сопровождается регулирующимъ дѣйствіемъ мышцъ-антагонистовъ, то мы одновременно съ главнымъ мышечнымъ чувствомъ замѣчаемъ легкое напряженіе и въ области послѣднихъ; напр., при произнесеніи согласныхъ *в*, *п*, *т* и пр. мы можемъ явственно замѣтить мышечное чувство не только въ области жевательнаго сочлененія, но и нѣкоторое дополнительное напряженіе подъ подбородкомъ; подобнымъ образомъ при гласныхъ мышечное чувство не ограничивается главнымъ мѣстомъ своего проявленія, но распространяется также и на область жевательнаго сочлененія.

V. *Органы произношенія.* Мышечное чувство органовъ произношенія, т.-е. языка и губъ, отличается наибольшею отчетливостью и полнотою по сравненію съ прочими частями аппарата рѣчи. Если тамъ мы различаемъ главнымъ образомъ степень мышечнаго напряженія, то здѣсь кромѣ чувства напряженности въ артикулирующихъ органахъ замѣчаемъ еще ихъ перемѣщенія и направленія движеній, особенно при переходѣ отъ одного звука къ другому (срв. напр. постепенный переходъ въ укладѣ языка отъ *т* къ *т'* или отъ *с* къ *ш* и т. п.). [1]) Отчетливости мышечнаго чувства артикуляцій содѣйствуетъ также и чувство осязательное, возникающее при соприкосновеніи работающихъ органовъ. Такъ какъ мышечныя ощущенія, получаемыя отъ работъ органовъ произношенія вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстнымъ даннымъ физіологіи звуковъ, то мы не станемъ здѣсь подробно классифицировать мышечныя артикуляціонныя ощущенія, а отмѣтимъ лишь тѣ особенности этихъ послѣднихъ, которыя пополняютъ нѣсколько обычныя физіологическія данныя. Такъ, напр., существуетъ такое воззрѣніе на гласный *а*, что онъ не требуетъ для

---

[1]) Вообще всѣ звуки нашей рѣчи представляютъ собою непрерывную цѣпь переходовъ, которой соотвѣтствуютъ постепенныя измѣненія въ мышечномъ чувствѣ.

своего произношенія никакой работы губъ и языка, а производится звучащимъ токомъ воздуха при простомъ раскрытіи рта. Не трудно однако убѣдиться въ томъ, что это мнѣніе ошибочно. Въ самомъ дѣлѣ, если мы при закрытомъ ртѣ будемъ придавать языку уклады разныхъ гласныхъ, то замѣтимъ, что гласный *а* требуетъ не безразличнаго положенія языка, а нѣкотораго особеннаго уклада, а именно—оттягиванія передней части языка книзу и нѣсколько назадъ. Далѣе, мышечное чувство даетъ цѣнныя указанія при изслѣдованіи вопроса о палятальномъ нюансѣ отдѣльныхъ гласныхъ передъ мягкими согласными (напр. мат : маⁱт', дул : дуⁱл' и пр.); оно подтверждаетъ то положеніе, что въ этихъ случаяхъ небный оттѣнокъ касается не только рекурсіи, но въ большей или меньшей степени средней части звука. Наконецъ, мышечное чувство позволяетъ опредѣлить различныя степени мышечнаго напряженія, требующагося для произнесенія неударяемыхъ слоговъ въ томъ или другомъ положеніи относительно ударенія.

Что касается мышечнаго чувства въ органахъ произношенія при согласныхъ, то мы остановимся прежде всего на особенностяхъ его при произнесеніи *мягкихъ* согласныхъ. Переходъ отъ твердаго произношенія къ мягкому въ области *язычныхъ* согласныхъ, какъ переднихъ такъ и заднихъ, сопровождается мышечнымъ чувствомъ, отмѣчающимъ нѣкоторое перемѣщеніе соотвѣтствующей работы языка въ сторону его средней части, благодаря чему артикуляціи заднеязычныхъ и переднеязычныхъ согласныхъ сближаются между собою. Въ этомъ мы легко убѣждаемся, сравнивая мышечное чувство при произнесеніи мягкихъ согласныхъ той и другой артикуляціонной области; такъ, напр., при *т'*, мы замѣчаемъ, что мышечное напряженіе языка направляется отъ передней его части къ срединѣ неба точно такъ, какъ при произнесеніи *к'* туда же устремляется мышечное напряженіе языка отъ задней его части; однакожъ мышечное чувство при этомъ не въ силахъ опредѣлить въ точности того, по-скольку заходятъ одна въ другую артикуляціонныя зоны этихъ звуковъ. При мягкомъ произношеніи *губныхъ* согласныхъ, какъ показываетъ мышечное чувство, губы стремятся нѣсколько приблизиться къ зубамъ, а одновременно съ этимъ ощущается и движеніе средней части языка впередъ и къ небу, какъ бы для того, чтобы взаимно приблизились мѣста той и другой артикуляціи; при этомъ ко-

нецъ языка, вслѣдствіе большаго приближенія къ нижнему ряду зубовъ, касается ихъ, тогда какъ при твердомъ произношеніи тѣхъ же согласныхъ это касаніе не такъ замѣтно, или же и совсѣмъ не замѣчается. [1])

Далѣе, въ области согласныхъ звуковъ мышечное чувство даетъ цѣнныя указанія относительно различной степени напряженія артикулирующихъ органовъ при произнесеніи взрывныхъ глухихъ, соотвѣтствующихъ имъ звонкихъ и носовыхъ. Оказывается, что взрывные глухіе согласные требуютъ большаго мышечнаго напряженія, чѣмъ взрывные звонкіе, а эти послѣдніе произносятся съ большимъ напряженіемъ сравнительно съ носовыми (п>б>м; т>д>н). Эта разница можетъ быть легко объяснена физіологическими условіями произнесенія тѣхъ и другихъ звуковъ, а именно: при взрывныхъ глухихъ артикуляціонная преграда должна быть настолько энергична, чтобы сдержать напоръ всего выдыхательнаго толчка воздуха; при взрывныхъ звонкихъ этотъ напоръ значительно меньше, благодаря тому, что воздухъ долженъ предварительно проходить чрезъ съуженную голосовую щель; при носовыхъ согласныхъ такой уменьшенный напоръ воздуха становится еще незначительнѣе, такъ какъ часть воздуха направляется въ полость носа.

Наконецъ, упомянемъ еще о томъ, что мышечное чувство въ органахъ произношенія имѣетъ неодинаковое напряженіе при выговариваніи одного и того же согласнаго въ зависимости отъ того, предшествуетъ онъ гласному, или же замыкаетъ его: въ первомъ случаѣ согласный сопровождается чувствомъ нѣсколько большаго мышечнаго напряженія; особенно это замѣтно, если будемъ переходить послѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ произношенія, отъ одного сочетанія къ другому, напр. *ап* и *па*: при этомъ ощущается, что для согласнаго *п* во второмъ сочетаніи требуется увеличить мышечное напряженіе по сравненію съ тѣмъ же согласнымъ перваго сочетанія. [2])

---

[1]) Что касается сжатія губъ при произнесеніи согласныхъ *п* и *б*, то при этомъ чувствуется, что напряженіе сжатія не по всей линіи губъ одинаково: по срединѣ сильнѣе, по бокамъ слабѣе.

[2]) Этимъ наблюденіемъ можно воспользоваться для объясненія наиболѣе обычнаго въ языкахъ нашего семейства регрессивнаго направленія при

Примѣчаніе. Ко всему сказанному прибавимъ, что при произношеніи звонкихъ звуковъ (срв. напр. *і, з, д, в, б*) кромѣ мышечныхъ ощущеній въ органахъ произношенія мы замѣчаемъ еще вибраціонное состояніе въ нихъ. При звукахъ передне-язычныхъ (напр. *з, д*) такое состояніе ощущается почти исключительно переднею частью языка и лишь въ слабой степени небомъ; при задне-язычныхъ согласныхъ это чувство не имѣетъ такой опредѣленной локализаціи; при губномъ согласномъ *б* вибраціонное состояніе ощущается на губахъ, проявляясь всего яснѣе въ томъ случаѣ, когда губы сомкнуты болѣе передними частями, менѣе ясно—когда онѣ сжаты по средней линіи и, наконецъ, наименѣе замѣтно—когда онѣ замкнуты болѣе внутренними частями (при *в* чувство вибраціоннаго состоянія относится лишь къ нижней губѣ). Можно думать, что описанныя здѣсь ощущенія принадлежатъ главнымъ образомъ чувству осязанія въ органахъ произношенія, въ чемъ насъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что размѣщеніе этихъ ощущеній по степени ясности находится въ полномъ согласіи съ данными физіологіи объ осязательномъ чувствѣ въ органахъ произношенія.

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ виду малой разработанности вопроса мы оставляемъ въ сторонѣ сравнительное изученіе мышечнаго чувства при произношеніи звуковъ въ различныхъ языкахъ (или нарѣчіяхъ); замѣтимъ однако, что особенно цѣнныя указанія въ этомъ отношеніи могло бы дать самонаблюденіе лицъ, которымъ удалось еще въ дѣтствѣ, кромѣ роднаго языка, усвоить въ совершенствѣ произношеніе одного, двухъ или даже трехъ иностранныхъ языковъ.

ассимиляціи и вообще аккомодаціи согласныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если два соприкасающіеся согласные принадлежатъ разнымъ слогамъ, такъ что первый согласный замыкаетъ собою предшествующій слогъ, а второй начинаетъ слѣдующій слогъ, то въ этомъ случаѣ первый согласный, какъ болѣе слабый по своей природѣ, легче приспособляется ко второму, напр. коробка, *отбить* и т. д.

8. Физико-акустическая сторона произношенія.

Когда мы говоримъ, то происходитъ колебаніе воздуха. Колебаніе, сообщившись слуховому нерву, дойдя до мозга, становится звукомъ. [1])

Скажемъ сначала, *какимъ образомъ распространяется въ воздухѣ звуковое движеніе*? Вообразимъ себѣ рядъ воздушныхъ частичекъ въ состояніи покоя:

$$a\ b\ c\ \dots\ o\ \dots\ x.$$

Такъ какъ между частичками дѣйствуетъ сила упругости, то если одна изъ нихъ будетъ сдвинута съ своего положенія покоя, движеніе это передается черезъ весь рядъ. Предположимъ теперь, что частичка a толкнута по направленію къ x. Это движеніе частички a передается b; b передаетъ движеніе c и т. д. Такимъ образомъ, въ то время какъ a совершаетъ свое движеніе впередъ, движеніе это распространится до какой-нибудь точки o. Весь рядъ частичекъ до точки o находится теперь въ состояніи *сгущенія*. Силѣ, которая толкнула частичку a впередъ, противодѣйствуетъ сила упругости воздуха, которая замедляетъ и наконецъ останавливаетъ движеніе частички и заставляетъ ее идти назадъ; и вотъ, въ то время какъ o передаетъ толчекъ слѣдующей частичкѣ, частичка a двигается назадъ и увлекаетъ за собою b и другія частички до точки o, производя такимъ образомъ *разрѣженіе*. Между тѣмъ какъ здѣсь происходитъ разрѣженіе, вправо отъ точки o происходитъ сгущеніе,

---

[1]) Какимъ образомъ движеніе нервной матеріи можетъ возбудить *ощущеніе* звука,—это тайна, которую мы не можемъ постигнуть.

и т. д. Наконецъ, частички воздуха, наполняющія наружную полость уха, толкаютъ барабанную перепонку. Эта перепонка приходитъ въ сотрясеніе; ея движеніе сообщается концамъ слуховаго нерва и потомъ по нерву идетъ къ мозгу, гдѣ вызываетъ непостижимымъ для насъ образомъ „ощущеніе" звука. Остается прибавить, что звукъ распространяется во всѣ стороны, и движеніе, сообщаясь все увеличивающейся массѣ воздуха, болѣе и болѣе ослабляется въ силѣ.

Когда по воздуху проходитъ рядъ звуковыхъ волнъ, то въ одномъ случаѣ мы получаемъ ощущеніе *музыкальнаго звука*, а въ другомъ—ощущеніе *шума*. Ощущеніе музыкальнаго звука получается отъ достаточно быстрыхъ *періодическихъ* (правильныхъ, ритмическихъ) движеній, а ощущеніе шума происходитъ отъ движеній *непеによる періодическихъ*. Вообразимъ себѣ рядъ толчковъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ правильные промежутки, ударяютъ въ барабанную перепонку уха и приводятъ ее въ движеніе. Движеніе барабанной перепонки сообщается слуховому нерву. Если движеніе, сообщенное слуховому нерву каждымъ отдѣльнымъ толчкомъ, продолжается въ мозгу до тѣхъ поръ, пока дойдетъ слѣдующій за нимъ толчекъ, то звукъ не будетъ прекращаться. Дѣйствіе каждаго толчка будетъ возобновляться прежде чѣмъ оно успѣетъ прекратиться, и повторяющіяся сотрясенія будутъ сливаться вмѣстѣ и произведутъ ощущеніе непрерывнаго музыкальнаго звука. Музыкальные звуки уподобляютъ поэзіи съ плавнымъ и совершеннымъ ритмомъ, а шумъ—жесткой и шероховатой прозѣ. *Гласные* звуки—музыкальные звуки, *согласные* же характеризуются шумомъ, при чемъ согласные *глухіе* представляютъ собою лишь шумы, согласные же *звонкіе* суть, такъ сказать,—тоно-шумы.

Сила звука зависитъ отъ амплитуды [1]) колебанія воздушныхъ частицъ; *высота тона* обусловливается частотою колебаній.

---

[1]) *Амплитудой* (отъ лат. слова *amplus*—обширный) или широтой каченія называется разстояніе, на которое воздушная частичка движется впередъ и взадъ, когда по ней проходитъ звуковая волна.

Произнесемъ звукъ *a*, не измѣняя высоты тона, начавши громкимъ голосомъ и постепенно стихая (diminuendo):

>
а ... а

Это значитъ, что быстрота вибрацій голосовыхъ связокъ сохраняется при этомъ одна и та же, амплитуда же качанія ихъ, вначалѣ бóльшая, потомъ постепенно уменьшается. Если теперь мы будемъ произносить звукъ *a* въ одномъ и томъ же тонѣ, постепенно усиливая голосъ (crescendo)—

<
а ... а

то это значитъ, что, при одной и той же быстротѣ вибрацій голосовыхъ связокъ, ширина ихъ качанія постепенно увеличивается. Что касается высоты, то если, напр., голосовыя связки колеблются 256 разъ въ секунду, то онѣ издаютъ тонъ *c'*:

Если же мы возьмемъ тонъ *октавой* выше (т. е. *c''*), то это значитъ, что голосовыя связки вибрируютъ вдвое скорѣе, слѣдовательно 512 разъ въ секунду:

Вслушиваясь въ произношеніе, напр., слова

па́пă,

мы замѣчаемъ, что ударенный слогъ сильнѣе или громче неударреннаго. Съ точки зрѣнія акустической, это значитъ, что при произнесеніи ударреннаго слога амплитуда колебанія воздушныхъ частицъ бóльшая, нежели при произнесеніи неударреннаго слога того же слова.

Наблюдая нашу рѣчь, мы замѣчаемъ, что въ ней мѣняется не только сила, но и высота произношенія. Это особенно легко наблюдать, когда разговариваютъ въ сосѣдней

комнатѣ такъ, что самыхъ словъ мы не слышимъ, а замѣчаемъ только измѣненіе высоты тона. Измѣненіе высоты произношенія Гельмгольцъ представилъ нотами на двухъ предложеніяхъ — повѣствовательномъ и вопросительномъ: Ich bin spazieren gegangen; Bist du spazieren gegangen? [1]) Л. Мазингъ положилъ на ноты произношеніе словъ сербскаго языка, отличающагося, какъ извѣстно, пѣвучестью. [2]) Мои наблюденія въ области русскаго языка представлены въ особой главѣ.

Голосовыя связки имѣютъ различную длину у дѣтей и взрослыхъ, у мущинъ и жинщинъ. Голосовыя связки женщины короче, нежели голосовыя связки мущины, а потому женская гортань производитъ болѣе высокіе тоны; самыя короткія связки у дѣтей, которыя и имѣютъ соотвѣтственно высокій голосъ. У одного и того же индивидуума высота голоса измѣняется чрезъ измѣненіе натяженія голосовыхъ связокъ; чѣмъ больше натянуты голосовыя связки, тѣмъ быстрѣе онѣ вибрируютъ и, слѣд., тѣмъ выше ихъ тонъ.

Весьма разнообразными опытами доказывается, что натянутая струна, вибрируя какъ одно цѣлое, въ то же время дѣлится па большее или меньшее число равныхъ частей, изъ которыхъ каждая вибрируетъ какъ самостоятельная струна. Вибраціи частей струны производятъ, разумѣется, высшіе тоны (называемые *обертонами* или *верхними тонами*, а также *гармоническими тонами*) въ сравненіи съ тономъ цѣлой струны или *основнымъ*. Верхніе тоны смѣшиваются съ основнымъ тономъ и ихъ соединеніе производитъ то, что называютъ *тембромъ* или *звуковымъ оттѣнкомъ*. Это соединеніе даетъ намъ возможность отличать одинъ музыкальный инструментъ отъ другаго. Кларнетъ и скрипка, напр., хотя бы они были настроены по одинаковому основному тону, различаются между собою по качеству звука; придаточные тоны скрипки отличны отъ придаточныхъ тоновъ кларнета. Тонъ одинаковой высоты, но взятый на различныхъ инструментахъ, различается по качеству звука, потому что придаточные тоны, различные для этихъ инструментовъ, соединяясь съ одинаковымъ

---

[1]) Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ какъ физіологическая основа для теоріи музыки. Переводъ съ третьяго нѣм. изданія (1875) стр. 339.

[2]) Die Hauptformen des Serbisch-Chorwatischen Accents etc. (1876).

основнымъ тономъ, уничтожаютъ тожество звука. Это есть случай прибавленія къ равнымъ величинамъ неравныхъ; суммы также получаются неравныя.—Если мы будемъ держать звучащій камертонъ надъ отверстіемъ сосуда, въ который мы можемъ подливать воду и отливать ее и такимъ образомъ измѣнять высоту столба воздуха въ сосудѣ, то легко замѣтимъ, что звукъ камертона достигаетъ своей наибольшей силы только при извѣстной высотѣ воздушнаго столба, именно—когда колебаніе воздуха въ сосудѣ гармонируетъ (совпадаетъ) съ качаніемъ ножекъ камертона. Такое усиленіе звука называется *резонансомъ*.

Наблюдая надъ произношеніемъ гласныхъ, можно замѣтить, что при разныхъ гласныхъ полость рта имѣетъ разное уложеніе, а вслѣдствіе этого заключающаяся въ ней воздушная масса получаетъ разную настройку. Какимъ же способомъ находить тѣ тоны, въ которыхъ настроена воздушная масса полостей, лежащихъ надъ гортанью, при разныхъ гласныхъ? Тѣмъ же способомъ, которымъ опредѣляютъ настройку и другихъ воздушныхъ средъ, а именно: берутъ камертоны различной высоты тона, ударяютъ ихъ и подносятъ поочередно къ отверстію рта, имѣющаго уложеніе, свойственное изслѣдуемому гласному звуку; при этомъ тонъ того камертона, который соотвѣтствуетъ основному тону заключенной въ полости рта массы воздуха, будетъ имѣть наибольшій резонансъ. Подобные опыты дали возможность Гельмгольцу выразить нотами резонансъ полости рта при различныхъ гласныхъ въ изслѣдовавшихся имъ словахъ нѣмецкаго языка. [1]) Настройка воздушной среды полостей, лежащихъ надъ гортанью и играющихъ роль надставной трубы, уже довольно значительно измѣняется при малыхъ измѣненіяхъ въ оттѣнкѣ гласнаго звука, какъ это, напр., встрѣчается въ различныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ одного и того же языка. Поэтому Гельмгольцъ совѣтуетъ лингвистамъ, желающимъ опредѣлить гласные различныхъ языковъ, опредѣлить *высоту тона сильнѣйшаго резонанса* для уложеній полости рта, свойственныхъ гласнымъ даннаго говора или языка.

---

[1]) Ук. соч. стр. 154.

Для уясненія происхожденія гласныхъ звуковъ Гельмгольцъ обратилъ вниманіе не только на настройку воздушной среды глотки и рта, но и на голосовыя связки. Голосовыя связки, вибрируя какъ цѣлыя и своими частями, издаютъ основной тонъ, соединяющійся съ верхними гармоническими тонами; изъ гармоническихъ тоновъ тѣ, которые болѣе приближаются къ настройкѣ воздушной массы полости рта, болѣе усиливаются (резонируются); остальные же верхніе тоны, чѣмъ менѣе они соотвѣтствуютъ настройкѣ воздушной среды, тѣмъ болѣе бываютъ заглушены (ослаблены).[1] Само собою разумѣется, что при этомъ и структура стѣнокъ надставной трубы должна оказывать нѣкоторое вліяніе на качество звука.

И такъ, различіе гласныхъ звуковъ, согласно Гельмгольцу, сводится къ различному резонансу обертоновъ голосовыхъ связокъ, различные гласные представляютъ соединеніе основнаго тона съ обертонами голосовыхъ связокъ различной силы; словомъ, различіе гласныхъ сводится къ различію тембра. Однако въ настоящее время выдвинуто другое объясненіе различія гласныхъ, видящее причину его въ различіи высоты характерныхъ шумовъ полости рта, производимыхъ прохожденіемъ выдыхательнаго тока воздуха при соотвѣтствующихъ укладахъ ртовой полости; эти характерные шумы, присоединяясь къ голосовому тону гортани, и даютъ различіе гласныхъ. Въ этомъ убѣждаетъ то обстоятельство, что только благодаря этимъ характернымъ шумамъ могутъ получаться и при шопотѣ (а также и простомъ выдыханіи) гласные, аналогичные громко произносимымъ.[2]

Различія согласныхъ звуковъ поддаются анализу гораздо труднѣе, нежели тембръ гласныхъ. Хотя мы и можемъ ука-

---

[1]) Посредствомъ *резонаторовъ* довольно явственно воспринимаются первые шесть или восемь верхнихъ тоновъ, но въ разнообразной силѣ, смотря по гласному.

[2]) Проф. А. И. Томсонъ сдѣлалъ наблюденія по опредѣленію высоты характерныхъ шумовъ гласныхъ общерусскаго языка на основаніи шопотнаго произношенія (см. его Фонетическіе этюды въ Р. Ф. В. 1905 г. № 2, стр. 227 сл., особенно же 232–241). Замѣчу однако, что результаты моихъ аналогичныхъ наблюденій значительно расходятся съ данными, полученными проф. Томсономъ, см. мой Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными (1909), стр. 29—32.

зать, при какомъ положеніи органовъ произношенія происходятъ согласные звуки, однако мы еще не въ состояніи точно опредѣлить, какія вслѣдствіе этого происходятъ различія въ движеніи воздуха.

Когда наука показала, какимъ образомъ происходитъ наше произношеніе, когда она такимъ образомъ сдѣлала *анализъ* произношенію, естественно является попытка человѣческаго ума сдѣлать искусственный *синтезъ* изъ элементовъ, на которые было разложено наше произношеніе, и убѣдиться, дѣйствительно ли получится такимъ путемъ настоящая рѣчь? Таковъ *смыслъ говорящей машины* Фабера.

Эта говорящая машина устроена по образцу нашего органа рѣчи. Какъ мы знаемъ, человѣческій органъ рѣчи можетъ быть раздѣленъ на три части: а) дыхательный аппаратъ; б) гортань; в) полости, лежащія надъ гортанью—глотка, полость рта и полость носа.

Въ говорящей машинѣ дыхательный аппаратъ замѣняютъ мѣхи, которыми производится необходимый для произношенія токъ воздуха. Роль гортани играетъ „язычковая трубка". Подобно человѣческому органу рѣчи, говорящая машина имѣетъ полость рта съ органами произношенія—языкомъ и губами, и полость носа. У человѣка движенія органовъ произношенія совершаются подъ вліяніемъ импульсовъ, которые посылаются изъ головнаго мозга центрами произношенія черезъ посредство нервовъ къ соотвѣтствующимъ мышцамъ; въ говорящей машинѣ Фабера нажимаются тѣ или другія клавиши, движенія которыхъ черезъ посредство рычаговъ сообщаются соотвѣтствующимъ частямъ говорящаго аппарата машины.

Разсмотримъ теперь для примѣра, какимъ образомъ достигается произношеніе звуковъ *п*, *б* и *м* говорящею машиною. Въ послѣдней для этихъ трехъ звуковъ имѣется только одна клавиша—для звука *б*, но за то имѣются два приспособленія: одна изъ нихъ широко открываетъ гортань, что необходимо для произнесенія такихъ звуковъ, какъ *п*; другое приспособленіе служитъ для отодвиганія пластинки, закрывающей носовую полость, что требуется для произнесенія носовыхъ звуковъ, напр. *м*. Не могу не упомянуть здѣсь объ остроумномъ опытѣ г. Фабера. На носовое отверстіе кла-

дется пластинка бумаги, закрывающая это отверстіе; она лежитъ непотревоженной, пока произносятся звуки неносовые, и немедленно слетаетъ при произнесеніи носовыхъ звуковъ.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ практическою механикой, тотъ легко пойметъ, что для того, чтобы искусственно подражать простымъ движеніямъ органовъ произношенія, требуется уже довольно сложный механизмъ. Какова же должна быть сложность искусственнаго механизма, съ помощью котораго можно было бы въ точности воспроизводить все разнообразіе движеній органовъ произношенія! Вотъ почему устройство говорящей машины Фабера не вполнѣ одинаково съ устройствомъ человѣческаго органа рѣчи. Въ этой говорящей машинѣ губы и языкъ не имѣютъ такой подвижности, какъ у человѣка. Вотъ почему изобрѣтатель машины долженъ былъ въ надставной трубѣ помѣстить вертикально одну за другою шесть металлическихъ довольно толстыхъ діафрагмъ, которыя могутъ подниматься и опускаться на различную высоту, причемъ эти движенія діафрагмъ разнообразно комбинируются другъ съ другомъ. Благодаря этому, надставная труба въ говорящей машинѣ принимаетъ различную величину и форму и различно модифицируетъ (оттѣняетъ) звуки, болѣе или менѣе подобно звукамъ человѣческой рѣчи. Звукъ *р* въ говорящей машинѣ Фабера производится дрожаніемъ не языка, а пластинки, помѣщенной за гортанью передъ устьемъ мѣха.

Если говорящая машина Фабера нѣкоторые звуки русскаго языка произноситъ несовершенно, то при этомъ нужно имѣть въ виду не одно несовершенство машины, но также и то, что изобрѣтатель ея имѣлъ въ виду прежде всего звуки роднаго языка, которые могутъ болѣе или менѣе отличаться отъ соотвѣтствующихъ звуковъ русскаго языка.

Подробности устройства говорящей машины Фабера можно найти въ сочиненіи: Д ю М о н с е л ь Телефонъ, микрофонъ и фонографъ. Перев. съ франц. (1880) стр. 307—315.

Скажу теперь нѣсколько словъ о тѣхъ *улучшеніяхъ*, которыя мнѣ кажутся возможными какъ въ отношеніи самаго устройства говорящей машины, такъ и въ отношеніи исполненія произношенія лицами, заставляющими говорить машину.

Мѣхи въ машинѣ одни и имѣютъ приводъ съ педалью, на которую долженъ дѣйствовать ногою играющій на клавіатурѣ. Мнѣ кажется, лучше было бы снабдить машину двумя

мѣхами для того, чтобы производить токъ воздуха любой продолжительности; ими должно дѣйствовать другое лицо, а не то, которое играетъ на клавишахъ. Путемъ упражненія будетъ достигнуто согласіе въ исполненіи произношенія.

Язычкомъ въ гортани говорящей машины служитъ весьма тонкая пластинка изъ слоновой кости на тонкой каучуковой подкладкѣ. Все же голосъ машины крикливый. Значитъ, требуется нѣкоторое усовершенствованіе язычковаго аппарата гортани.

Произношеніе машины монотонно; но это зависитъ отъ игры лицъ, заставляющихъ ее говорить. Вслушиваясь въ наше произношеніе, напр. слова:

па́пă,

не трудно замѣтить, что гласный *а* удареннаго слога продолжительнѣе и сильнѣе гласнаго *а* неудареннаго слога. Чтобы сдѣлать произношеніе машины болѣе сильнымъ, слѣдуетъ энергичнѣе дѣйствовать мѣхами; чтобы сдѣлать произношеніе болѣе продолжительнымъ, нужно болѣе продолжительное нажатіе соотвѣтствующей клавиши. Далѣе, въ нашей рѣчи мѣняется высота тона; въ говорящей машинѣ имѣется приспособленіе для повышенія и пониженія голоса; этимъ приспособленіемъ и слѣдуетъ пользоваться при произношеніи фразъ.

Если бы могъ быть найденъ способъ устраивать машины, которыя бы совершенно точно подражали движеніямъ органовъ произношенія, то такія говорящія машины были бы важны для лингвистики въ томъ смыслѣ, что служили бы памятниками древняго произношенія. Но трудно допустить, чтобы когда-нибудь механика могла воспроизвести въ совершенной точности органы рѣчи и всѣ ихъ движенія, а потому намъ приходится довольствоваться другими способами для сохраненія произношенія, каковы:

1. *Метода окрашиванія*, состоящая въ слѣдующемъ: языкъ на́-сухо вытираютъ, покрываютъ густымъ слоемъ туши и артикулируютъ (совершаютъ движеніе) для произнесенія извѣстнаго звука; отпечатки на небѣ артикуляцій языка срисовываются. См. между прочимъ: 1) Grützner Physiologie der Stimme und Sprache въ Hermann's Handb. der Physiol. II a,

1879 (имѣются рисунки отпечатковъ для *l*, *r*, *s*, *š* на стр. 204, 207, 219, 221); 2) Techmer Phonetik. Zur vergleichenden Physiologie der Stimme und Sprache (1880) стр. 30; рисунки см. Atlas tab. IV; 3) Rousselot P., Principes de Phonétique expérimentale; 4) Bremer O. Deutsche Phonetik (1893); 5) Vietor W. Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen (1894)[3]; 6) Ершовъ С. И. Экспериментальная фонетика. Казань 1903; 7) Томсонъ А. И. Общее языковѣдѣніе (1906) стр. 159, 193, 194, 201; 8) Богородицкій В. А. Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія (см. выше, стр. 78).

2. *Графическая метода,* о которой уже упоминалось выше (стр. 34–35, 64—66).

3. Записи съ помощью *фонографовъ* и т. п. [1])

Было бы весьма желательно, чтобы такимъ путемъ была обработана *физіологія звуковъ русскаго языка* не только литературнаго, но и по народнымъ говорамъ, и изданъ *атласъ*. Такой трудъ былъ бы цѣннымъ вкладомъ и въ сравнительную антропофонику. Такія изслѣдованія имѣютъ также практическое значеніе, облегчая точное усвоеніе произношенія чужихъ языковъ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать мысль, что возможность примѣнять объективныя средства при изслѣдованіи рѣчи, возможность записывать движенія органовъ произношенія и изслѣдовать чисто акустическую сторону рѣчи,—все это указываетъ на то, что *произношеніе можетъ быть измѣряемо*, а потому казалось бы возможнымъ въ цѣляхъ большей точности *примѣненіе математики къ лингвистикѣ*. На самомъ дѣлѣ такое примѣненіе возможно лишь въ очень ограниченной области, именно—при экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ индивидуальнаго живаго произношенія со стороны его силы, высоты и длительности, а также и соотношенія между различными элементами звуковыхъ артикуляцій. Что

---

[1]) Мнѣ кажется, возможно было бы достигнуть еще одного способа сохранять произношеніе, но только отдѣльныхъ звуковъ и притомъ лишь въ моментъ достиженія ими полной опредѣленности; такая фиксація произношенія могла бы быть получена съ помощью *точныхъ моделей надставной трубы*, свойственной разнымъ звукамъ.

же касается вообще фонетики языка съ его необозримымъ разнообразіемъ звуковъ, зависящихъ отъ различныхъ статическихъ и динамическихъ условій, какъ то: отъ положенія звука въ словѣ и фразѣ, эмоціональной стороны произношенія, отъ индивидуальныхъ особенностей и развитія говорящихъ лицъ, отъ всего предшествующаго историческаго движенія, прерываемаго смѣною генерацій и т. д.,—то въ виду всей этой сложности и разнородности условій немыслимо уложить языкъ въ схемы математическаго анализа. Правда, мы можемъ всѣ эти факторы обозначить условными символами, представляя звуки и ихъ чередованія какъ функцію всѣхъ такихъ статико-динамическихъ факторовъ, но за совершеннымъ отсутствіемъ опредѣленной единицы мѣры, такая формула будетъ представлять собою не что иное, какъ лишь простую замѣну словесныхъ выраженій буквенными, не имѣющими однакожъ математическаго значенія. [1]

---

[1]) Въ виду всего сказаннаго, я въ настоящее время не могу раздѣлять тѣхъ воззрѣній на приложимость математики къ лингвистикѣ, которыя я нѣкогда высказалъ въ своемъ раннемъ трудѣ «Введеніе въ изученіе русскаго вокализма», вып. 2-ой, 1883 г., стр. 60—69 (=Р. Ф. В. 1882, № 4, стр. 248—257). Равнымъ образомъ я не нахожу возможнымъ считать математическимъ пріемомъ и тѣ буквенныя формулы, которыя представлены проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ въ его монографіи: Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik. Von J. Baudouin de Courtenay. Strassburg 1895; впрочемъ срв. въ указанномъ сочиненіи оговорку самого автора на стр. 48.

9. Очеркъ физіологіи произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ.

Въ звуковыхъ системахъ разныхъ языковъ мы можемъ встрѣтить звуки весьма сходные между собою, но которые все-таки не могутъ считаться тождественными. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ языкѣ звуковыя артикуляціи связаны въ своеобразную систему, не могущую повториться въ другомъ языкѣ. Наука поэтому не можетъ ограничиться констатированіемъ лишь соотвѣтственно сходныхъ звуковъ въ разныхъ языкахъ, но должна стремиться освѣтить и тонкія различія между ними, показать, въ чемъ состоитъ разница ихъ укладовъ. При сличеніи звуковыхъ системъ разныхъ языковъ изслѣдователь естественно за исходный пунктъ или, такъ сказать, за единицу сравненія принимаетъ свой родной языкъ, стараясь выяснить, какія перемѣны въ укладахъ говорильнаго аппарата нужны, чтобы перейти къ звуковой системѣ того или другаго иностраннаго языка. Такимъ образомъ, въ своемъ изслѣдованіи я полагаю въ основаніе звуковую систему русской литературной рѣчи, относительно каковой стараюсь опредѣлять особенности звуковыхъ системъ другихъ языковъ, въ данномъ случаѣ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, не забывая попутно и обратнаго перехода отъ звуковыхъ системъ этихъ послѣднихъ языковъ къ произношенію языка литературнаго русскаго.

Такой пріемъ я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ, полагая, что добытые мною выводы можно будетъ сопоставлять съ наблюденіями надъ русскимъ произношеніемъ иностран-

ныхъ лингвистовъ, которые уже за основанiе сравненiя естественно будутъ брать звуки ихъ родной рѣчи. Такимъ образомъ одни наблюденiя будутъ контролироваться и пополняться другими. Чтобы придать предъидущему разсужденiю больше наглядности, я для примѣра сдѣлаю общее замѣчанiе, касающееся соотношенiя системы гласныхъ звуковъ русскаго языка съ системами другихъ разсматриваемыхъ языковъ. Въ общемъ система артикуляцiй (укладовъ) языка при произношенiи русскихъ гласныхъ занимаетъ среднее положенiе между системами французскою и англiйскою: она—болѣе задняя по сравненiю съ французскою системою гласныхъ, но болѣе передняя сравнительно съ англiйскою. Вслѣдствiе этого гласные французскаго языка русскому уху представляются съ болѣе палятальнымъ оттѣнкомъ, а гласные англiйскаго языка съ болѣе гуттуральнымъ, сравнительно съ русскими гласными. Гласные нѣмецкаго языка въ разсматриваемомъ отношенiи не представляютъ замѣтныхъ особенностей сравнительно съ русскимъ языкомъ, какъ бы болѣе или менѣе сходствуя съ нимъ. Въ дальнѣйшемъ при сравнительномъ изученiи звуковыхъ системъ избранныхъ языковъ мы будемъ въ каждомъ изъ нихъ останавливаться послѣдовательно на гласныхъ ударяемыхъ, гласныхъ неударяемыхъ и затѣмъ на согласныхъ. [1])

I. Соотношенiе между русскою и французскою звуковыми системами.

a. Ударяемые гласные.

Въ отличiе отъ русскаго языка французскiй различаетъ въ ударяемыхъ гласныхъ долготу и краткость. При этомъ въ

---

[1]) Изъ сочиненiй, излагающихъ физiологiю звуковъ названныхъ трехъ языковъ, укажу слѣдующее: V i e t o r W. Elemente der Phonetik des deutschen, englischen und französischen (1898)[4] и *его же* Kleine Phonetik (1901)[2]. Что же касается физiологическаго разсмотрѣнiя звуковъ русскаго языка иностранными лингвистами, то назову французскую статью: M e n m i t o n n e t J. Le parler russe (въ Mémoires de la Société de linguistique de Paris, t. X-2, 1897, стр. 110—121); здѣсь же отмѣчу дiалектологическiя изслѣдованiя въ области русскаго языка норвежскаго слависта проф. Олафа Б р о х а.

смыслѣ длительности русскіе ударяемые гласные болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ французскимъ краткимъ гласнымъ, напр.

рус. вашъ || *франц.* vache (vaʃ). [1])

Что касается долгихъ гласныхъ французскаго языка, они не имѣютъ себѣ эквивалентныхъ въ русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ русскому при изученіи французскаго произношенія придется пріучать себя къ большему продленію сравнительно съ русскими французскихъ долгихъ гласныхъ, а французу, наоборотъ, придется отвыкать отъ долгаго произношенія гласныхъ, по скольку оно зависитъ отъ имѣющихся на лицо фонетическихъ условій.

---

[1]) При писаніи французскихъ примѣровъ сначала приводится орѳографическое написаніе, а возлѣ него въ скобкахъ или съ знакомъ равенства фонетическая транскрипція, принятая въ фонетическомъ словарѣ M . - c h a e l i s et P a s s y (Dictionnaire phonétique de la langue française. Complément nécessaire de tout dictionnaire français, 1897 г., составляетъ первый томъ въ предположенной коллекціи—Bibliothek phonetischer Wörterbücher). Существенное въ этой транскрипціи сводится къ слѣдующему. По отношенію къ *качественной* сторонѣ г л а с н ы х ъ нужно было ввести знаки для различенія открытаго и закрытаго произношенія; авторы пользуются слѣдующими обозначеніями: ɔ (т. е. буква не вполнѣ замкнутаго *o*) служитъ для обозначенія открытаго *o*; *o* (буква вполнѣ замкнутаго *o*)—для закрытаго *o*; соотвѣтственно съ послѣднимъ обозначеніемъ буква обыкновеннаго *e* служитъ для выраженія закрытаго *e*, а для обозначенія открытаго *e* взята буква изъ греческаго алфавита—ε; буква обыкновеннаго *a* служитъ для выраженія болѣе закрытаго *a*, а соотвѣтствующій болѣе открытый гласный передается курсивною буквою или α; носовое произношеніе гласныхъ передается знакомъ облеченнаго ударенія; что касается *количественной* стороны въ гласныхъ, то краткость остается не обозначенною, долгота же передается знакомъ двоеточія, поставленнымъ послѣ буквы гласнаго, а если гласный полудологъ, то двоеточіе замѣняется одною точкою, поставленною противъ середины буквы, напр. знакъ ε̃: обозначаетъ открытое носовое долгое *e*. Отмѣтимъ еще обозначенія: *a* (сочетаніе обыкновенныхъ начертаній *o* и *e*) обозначаетъ открытое *ö*, знакъ ɵ—закрытое *ö* и знакъ *y* служитъ для обозначенія гласнаго ü. Наконецъ, въ области неударяемыхъ гласныхъ нужно указать знакъ ə, служащій для обозначенія слабаго легко исчезающаго неударяемаго гласнаго, почти индифферентнаго. Изъ обозначеній с о г л а с н ы х ъ звуковъ отмѣтимъ знаки шипящихъ: ʃ для š, ʒ для ž. Такъ какъ во франц. яз. удареніе падаетъ всегда на конецъ слова, то разсматриваемая транскрипція удареніе оставляетъ не обозначеннымъ.

Примѣчаніе. Долгота гласныхъ во французскомъ частію опредѣляется ихъ происхожденіемъ, какъ напр. можетъ быть обусловлена замѣнительнымъ удлиненіемъ за исчезновеніе *s* передъ согласнымъ (напр. bête=bɛ:t, tête=tɛ:t), или происхожденіемъ изъ дифтонга (напр. chose=ʃo:z, chaude=ʃo:d, haute=ho:t),—частію же наличными условіями, напр. присутствіемъ слѣдующаго *r* (и вообще звонкихъ придувныхъ), оканчивающаго слово. Примѣры послѣдняго: victoire (viktwa:r), mémoire (memwa:r), corps (kɔ:r), port (pɔ:r), père (pɛ:r), page (pa:ʒ), lave (la:v), rose (ro:z); кромѣ того, долги во французскомъ носовые гласные, когда за ними слѣдуетъ согласный, напр.: membre (mɑ̃:br), teinte (tɛ̃:t), nombre (nɔ̃:br). [1])

Указавъ соотношеніе между русскими и французскими ударяемыми гласными со стороны *количественной*, именно—по длительности, перейдемъ къ указанію соотношенія съ *качественной* стороны. Прежде всего повторимъ еще разъ, что вся система французскихъ гласныхъ артикулируется болѣе впереди сравнительно съ системою русскихъ гласныхъ; эта разница артикуляцій гласныхъ системъ естественно отражается и на акустической сторонѣ или нюансахъ той и другой системы, и эта акустическая разница улавливается слухомъ. Примѣры: для гласнаго *а*—mad*a*me (русскимъ научнымъ письмомъ можно транскрибировать: мада́ᵊм); для гласнаго *э*: arm*é*e, th*é*, demand*e*r; для гласнаго *ī*: six; для гласнаго *о*: gauche (въ транскрипціи русскими буквами: гōш), chose (шōз); для гласнаго *у*—d*ou*te (дут); находятся въ соотвѣтствіи съ этими артикуляціями также чуждые русскому языку палятализованные уклады *ӧ* и *ӱ*. [2]) Болѣе переднее артикулированіе французскихъ задне-язычныхъ гласныхъ не мѣшаетъ гласному о̄ (а также ȫ) становиться очень закрытымъ, благодаря присоединяющейся энергичной губной артикуляціи. И такъ, русскому при усвоеніи французскаго произношенія гласныхъ нужно привыкнуть къ болѣе переднимъ укладамъ языка срав-

---

[1]) Нѣкоторыя замѣчанія о французской долготѣ см. въ брошюрѣ: *Passy* P. Les sons du fransais (1887). § 106.—На востокѣ Франціи гласные удлиняются и передъ конечными звонкими *взрывными* (новое явленіе), см. Mich. et Passy, ук. соч., 315.

[2]) Надо конечно имѣть въ виду, что общефранцузское произношеніе гласныхъ нѣсколько варіируетъ въ разныхъ мѣстностяхъ и, какъ кажется, въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ неодинаковой степени передняго характера язычныхъ артикуляцій.

нительно съ русскими, а французу при усвоеніи произношенія русскихъ гласныхъ придется пріучать свой аппаратъ рѣчи къ болѣе заднимъ укладамъ языка. Для русскаго особенно трудно точное усвоеніе французскаго произношенія палятальныхъ гласныхъ *э* и *і* (также *ö* и *ÿ*), такъ какъ при болѣе переднемъ произношеніи этихъ гласныхъ нужно еще заботиться о твердомъ произношеніи предшествующихъ согласныхъ.

Опредѣливъ общую разницу системъ по *мѣсту артикуляцій*, остановимся теперь на сравненіи варіацій отдѣльныхъ гласныхъ по *степени открытости* въ томъ и другомъ языкѣ. Здѣсь наше вниманіе преимущественно сосредоточится на *среднихъ гласныхъ*, какъ болѣе способныхъ къ замѣтнымъ варіаціямъ по степени открытости.

Французскій языкъ, какъ и русскій, различаетъ *широкое* (открытое) и *узкое* (закрытое) *е*. Но при этомъ оказывается рѣшительная *разница относительно условій* того и другаго гласнаго въ сравниваемыхъ языкахъ. Во французскомъ языкѣ въ *закрытомъ* конечномъ и, стало быть, ударяемомъ слогѣ всегда произносится широкое *е* въ зависимости отъ закрытости слога, напр. père=pɛ:r, и даже передъ мягкими согласными *j* и *ñ* и полумягкимъ *l* встрѣчаемъ открытое *е*, напр. bout*e*ille=butɛ(:)j, peigne=pɛñ, zèle=zɛ(:)l; *на концѣ же слова* обычно слышится закрытое *е*. Въ русскомъ языкѣ внутри слова встрѣчается какъ открытое, такъ и закрытое *е*, въ зависимости отъ твердости или же мягкости слѣдующаго согласнаго, а на концѣ слова *е* имѣетъ открытое произношеніе. Отсюда: русскому при изученіи произношенія ударяемаго французскаго гласнаго *е* трудность представитъ произношеніе въ закрытыхъ слогахъ широкаго *е* передъ мягкими согласными, главнымъ же образомъ ему придется привыкнуть къ необычному для него произношенію конечнаго закрытаго *е*, напр. il *e*st, *é*t*é*, n*e*z, chang*e*r, arm*é*e (лишь рѣдко встрѣчается *е* открытое въ концѣ слова, напр. въ окончаніяхъ -et, -ais, -ait; срв. ʃaplɛ=-et,[1]) но ʃaple=-er).

---

[1]) Быть можетъ, этой особенности произношенія конечнаго -*et* обязана ошибка, встрѣтившаяся мнѣ на французской выставкѣ въ Москвѣ въ ученической диктовочной тетради французскаго ученика 6—7 лѣтъ изъ Classe enfantine (Ecole primaire communale) — «travers*e*t» вм. travers*ai*t, если это не случайность. Всѣ же прочія ошибки въ тетрадяхъ указаннаго класса я

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно имѣть въ виду, что во французскомъ, въ отличіе отъ русскаго, согласные, предшествующіе палятальнымъ гласнымъ, не смягчаются, такъ что русскому приходится пріобрѣсти привычку къ произношенію слоговъ съ палятальными гласными безъ смягченія предшествующихъ согласныхъ, не забывая въ то же время о болѣе переднемъ характерѣ артикуляцій французскихъ гласныхъ сравнительно съ русскими, какъ о томъ говорилось выше. Въ свою очередь французу придется обратить вниманіе при усвоеніи русскаго произношенія на изученіе сочетаній гласныхъ съ предшествующими мягкими согласными, широко распространенныхъ въ русскомъ языкѣ, а также пріобрѣсти навыкъ въ произношеніи широкаго *е* передъ твердыми согласными и узкаго *е* передъ мягкими, въ концѣ же слова привыкнуть произносить широкое *е*. Однако все сказанное еще не достаточно полно указываетъ соотношеніе обоихъ языковъ по сравниваемому гласному. Изучающему другой языкъ необходимо усвоить свойственную этому языку надлежащую степень открытости или же закрытости гласнаго. Мнѣ казалось иногда, что русское широкое *е* выговаривается французомъ нѣсколько ỳже (напр. въ словѣ „*ѣмъ*"); [1]) но если французское *е* ouvert можетъ показаться слегка ỳже сравнительно съ русскимъ широкимъ *е*, то *е* fermé довольно близко соотвѣтствуетъ по степе-

---

свожу къ слѣдующимъ типамъ: 1) пропускъ или прибавка непроизносимаго начертанія (напр. écol‸, il*s* tomba), 2) смѣшеніе непроизносимыхъ начертаній, не измѣняющихъ даннаго произношенія, напр. «secour*e*» вм. secours, 3) ошибки въ отношеніи значковъ (напр. *a* вм. à). Вообще можно сказать, что (оставивъ въ сторонѣ простыя описки) огромное количество ошибокъ противъ орѳографіи у французскихъ учениковъ начальной школы происходитъ вслѣдствіе обилія случаевъ непроизносимыхъ или сходно произносимыхъ буквъ и проистекающихъ отсюда ошибочныхъ замѣнъ. Интересно было бы сопоставить ошибки русскихъ учениковъ противъ французской орѳографіи.—Въ парижскомъ говорѣ какъ новшество отмѣчается произношеніе закрытаго *е* вм. конечнаго открытаго и въ указанныхъ исключеніяхъ, т. е. эти послѣднія подводятся подъ общее правило (см. Mich. et Passy Diction. phon. 316).

[1]) Вообще же, кажется, широкія русское и франц. *е* почти совпадаютъ (срв. сноску на стр. 168); впрочемъ открытость *е* представляетъ діалектическія колебанія въ самомъ французскомъ.

ни широты русскому закрытому или узкому *e* (но — повторю — при существенномъ различіи условій, такъ какъ во французскомъ закрытое ударяемое *e* не встрѣчается въ закрытыхъ слогахъ, а въ русскомъ языкѣ условіемъ закрытаго *e* является слѣдующій мягкій согласный); что же касается мягкости предшествующаго согласнаго, то французъ первое время субституетъ ее, вводя переходный полугласный į между согласнымъ и гласнымъ.

Мы видѣли, что условія открытаго и закрытаго *e* во французскомъ и русскомъ различны; но, кромѣ того, французскій различаетъ открытое и закрытое *o*, хотя и не вполнѣ параллельно съ различіемъ открытаго и закрытаго *e*, [1]) тогда какъ русскій языкъ знаетъ только одно среднее по открытости *o*, не столь открытое, какъ французское *o* ouvert. Поэтому русскому уху французское *o* открытое звучитъ не просто какъ русское *o*, но какъ o^a (т. е. *o* склонное къ *a*); наоборотъ, французскому уху русское *o* по сравненію съ французскимъ широкимъ *o* кажется нѣсколько ўже, какъ бы ^uo, особенно при губныхъ согласныхъ, напр. въ русскомъ словѣ *полъ*, или при выговариваніи русскимъ французскаго слова *port*. Что касается французскаго закрытаго *o*, то ему нѣтъ эквивалентнаго гласнаго въ русскомъ языкѣ и оно настолько узко, что русское ухо воспринимаетъ его какъ гласный, близкій къ *y*, напр. chap*eau* близко къ „шапу́“ (срв. народное мусь*ю*, напр. у Лермонтова въ „Бородино“). И такъ, русскому нужно привыкнуть къ болѣе открытому произношенію французскаго широкаго *o* и научиться произношенію новаго гласнаго—узкаго *o*, французу же надо привыкнуть къ

[1]) Въ концѣ слова гласный *o* во французскомъ имѣетъ закрытое произношеніе, но передъ произносимыми согласными встрѣчается, въ зависимости отъ своего происхожденія, какъ съ открытымъ, такъ и закрытымъ произношеніемъ, напр, comp*o*te (kɔ̃.pɔt) || ch*o*se (ʃo:z). Кажется, въ исторіи этого фонетическаго непараллелизма такъ или иначе происходитъ вліяніе аналогіи въ пользу закрытаго произношенія; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ французскихъ говорахъ (напр. въ Швейцаріи, Бельгіи, Нормандіи) вмѣсто долгихъ открытыхъ гласныхъ *e*, *o*, *ө* въ конечномъ слогѣ встрѣчаемъ закрытые, напр. ɑ̃·kor вм. ɑ̃·kɔr (см. Mich. et Passy Diction. phon. 316). На югѣ Франціи всѣ какъ открытые, такъ и закрытые гласные замѣщаются соотвѣтственно посредствующими гласными (ib.).

среднему произношенію русскаго *о* и произносить его во всякомъ ударяемомъ положеніи, даже и въ концѣ слова.

Что касается французскаго гласнаго *а*, то онъ производитъ на русское ухо впечатлѣніе болѣе передняго (болѣе палятальнаго) сравнительно съ русскимъ, напр. въ словѣ ma*d*ame.

Къ сказанному объ открытомъ и закрытомъ произношеніи французскихъ гласныхъ нужно прибавить, что *носовымъ гласнымъ* свойственно открытое произношеніе. [1]) Это станетъ для насъ понятнымъ съ физіологической точки зрѣнія, если вспомнимъ, что сближеніе мягкаго неба съ задней стѣнкой глотки и при чистыхъ гласныхъ неодинаково плотное, а именно: при узкихъ гласныхъ оно наиболѣе плотное, а потому они наименѣе способны быть носовыми. [2])

Особенность французскаго языка, чуждую русскому языку, составляютъ, кромѣ носовыхъ гласныхъ, гласные—весьма трудные на первыхъ порахъ изученія—ü и ö (послѣдній можетъ имѣть открытое и закрытое произношеніе, т. е. подобно гласнымъ *е* и *о*, напр. jeune=ʒœn, peuple=pœpl, peur=pœ:r, но jeu=ʒɵ, peu=pɵ) и дифтонги.

---

[1]) Какъ новшество парижскаго говора отмѣчается произношеніе ɔ̃ вм. ã. (Mich. et Passy, Diction. phon. 316); не сказывается ли въ этомъ подражаніе англійскому выговору, ибо Парижъ весьма посѣщаемъ англичанами, а именно въ произношеніи послѣднихъ мнѣ приходилось замѣчать такую субституцію, зависящую въ англійскомъ отъ болѣе глубокаго произношенія гласнаго *а*, которое придавало ему оттѣнокъ *о* (срв. съ сказаннымъ передачу французскихъ носовыхъ гласныхъ въ устахъ англичанъ въ романѣ Ж. дю-Морье «Трильби», перев. М. Тимофеевой, въ библіотекѣ Сѣвера, іюнь 1896, стр. 135, напр je prong! т. е. je prends.—На югѣ Франціи носовые гласные произносятся въ сопровожденіи носоваго согласнаго (т. е. подобно польскому), напр. mɔ̃nte вм. mɔ̃·te, tɔ̃mbe вм. tɔ̃·be и т. п. (Mich. et Passy 317).

[2]) Потому-то напр. въ славянскихъ языкахъ первоначальные узкіе носовые гласные являются обычно расширившимися, срв. польскій языкъ, а также отраженіе прежнихъ носовыхъ гласныхъ въ другихъ славянскихъ языкахъ; впрочемъ губной носовой гласный представляетъ иногда отступленіе, срв. Ж=рус., лужицк., чеш. и серб. у.

б. Неударяемые гласные.

Въ отношеніи неударяемаго вокализма особенностью словъ французскаго языка является то, что они не имѣютъ части, которая бы слѣдовала за удареніемъ, могутъ имѣть лишь слоги предударные, такъ что приходится сравнивать русское произношеніе съ французскимъ только относительно этой части словъ.

Начнемъ съ двухсложныхъ словъ. Русскія двухсложныя слова съ удареніемъ на концѣ слѣдуютъ формулѣ 2—3, независимо отъ того, какой гласный содержится въ неударяемомъ слогѣ. Во французскомъ языкѣ къ этому произношенію болѣе всего подходятъ слоги съ долгимъ гласнымъ, становящіеся въ данномъ неударяемомъ положеніи полудолгими, напр. gâter (g*a*·te), P*a*ris (pa·ri); что касается при этомъ происхожденія полудолготы, то она обусловливается тѣми же моментами, какъ долгота при удареніи; такъ, слогъ будетъ полудологъ, если состоитъ изъ носоваго гласнаго съ слѣдующимъ согласнымъ, какъ напр. въ словѣ ch*a*nger (*ʃã*.ʒe). Если же слогъ не имѣетъ долготы, то гласный будетъ кратокъ, и напр. произношеніе слова l*a*pin (lapɛ̃) въ моихъ матеріалахъ помѣчено формулой 1—2$^{1}/_{2}$; другіе примѣры краткости: p*a*rtant (partã), qu*a*torze (katɔrz), m*a*dame (madam), *a*rmée (arme), t*ou*jours (tuʒu:r); [1]) наконецъ во французскомъ въ данномъ неударяемомъ положеніи можетъ имѣть мѣсто и улетучивающійся гласный, напр. ch*e*min=*ʃ*(ə)mɛ̃, l*e* père= l(ə)...[2]) Такимъ образомъ для русскаго различеніе въ произношеніи двухсложныхъ словъ французскаго языка долготы и краткости неударяемаго слога достигается частію изученіемъ

---

[1]) Относительно произношенія слова «s*a*l*a*de» сравнительно съ русскимъ «*салатъ*» въ моихъ матеріалахъ замѣчено: «оставляя въ сторонѣ въ русскомъ словѣ конечное -*т* и твердое *л*, замѣчаемъ еще разницу въ относительной длительности слоговъ: по-французски *la* довольно длительно, а *sa* очень коротко; по-русски нѣтъ такой противоположности, т. е. *ла* не очень длительно, а *са* не очень коротко».

[2]) Въ комической литературѣ, при фонетической передачѣ произношенія, мимолетный гласный ə совсѣмъ элидируется, напр. l'poisson, s'faire (см. Le Monde illustré, 1904, 3 sept., № 2475, въ отдѣлѣ «La revue comique»).

произношенія въ самыхъ словахъ, а частію привычкою къ полудолгому произношенію при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ; кромѣ того требуется выработать новый навыкъ къ краткому произношенію гласныхъ въ данномъ положеніи, причисляя сюда и улетучивающійся гласный.

Переходимъ къ трехсложнымъ словамъ съ удареніемъ на концѣ. Въ русскомъ языкѣ произношеніе ихъ слѣдуетъ формулѣ 1—2—3. Что касается французскихъ словъ, то произношеніе ихъ, судя по моимъ записямъ, представляетъ нѣкоторыя варіаціи въ зависимости отъ характера вокализма въ соотвѣтствующихъ неударяемыхъ слогахъ. Съ одной стороны, оба неударяемые слога при узкихъ гласныхъ могутъ быть кратки, какъ напр. въ словѣ r*i*d*i*cule (ridikyl), формула котораго въ матеріалахъ отмѣчена 1—1—2, или даже съ исчезающимъ гласнымъ, какъ напр. въ словѣ d*e*meurer=d(ə)mœre; для слова n*ouveau*té (nuvote), гдѣ въ первомъ слогѣ передъ удареніемъ имѣется средній гласный при узкомъ гласномъ во второмъ слогѣ формула помѣчена: 1—1½—2; тою же формулой отмѣчено слово demander=d(ə)mα̃.de. Съ другой стороны, въ словахъ съ обратнымъ распредѣленіемъ гласныхъ и формула оказывается иная, напр. présidance=prezidα̃:s (1½—1—3), comédie=kəmedi (2—1—3), changement=*ʃα̃·ʒmα̃* (1½—1—2).[1] Такимъ образомъ варіація зависитъ отъ того, въ которомъ изъ неударяемыхъ слоговъ имѣется узкій и въ особенности улетучивающійся гласный.[2] Сверхъ того, нужно еще имѣть въ виду тенденцію современнаго французскаго языка для приданія особой выразительности слову усиливать изъ двухъ неударяемыхъ слоговъ слогъ непосредственно предшествующій ударенію.[3] Такимъ образомъ, рус-

---

[1] Слово l'allemand=lálmα̃', т. е. получается двусложное слово съ побочнымъ удареніемъ на начальномъ слогѣ; срв. для отличія такія слова, какъ s*a*lade. Примѣръ четырехсложнаго слова: gouvernement = guvernəmα̃ (1—2½—1—3).

[2] Тѣ интересные случаи, когда приходятъ въ соприкосновеніе два или три слога съ *e* «muet» (срв накопленіе слоговъ съ ъ и ь въ слав.), подробно изслѣдуетъ Grammont M. въ Mém. de la Soc. lingu. de Paris, VIII (1894), стр. 53 сл.

[3] Объ этомъ явленіи срв.: Passy P. Les sons du fransais § 109; Rousselot P. Les modifications etc. стр. 138.

скому при усвоеніи произношенія трехсложныхъ французскихъ словъ, вслѣдствіе ихъ инаго слоговаго строя, придется изучать тонкости произношенія преимущественно изъ опыта, хотя и здѣсь имѣютъ значеніе нѣкоторыя общія положенія, какъ напр. полудолгота носовыхъ гласныхъ, а также мѣсто узкаго или же въ особенности улетучивающагося гласнаго, а французу придется привыкать къ особенностямъ антропофоническаго строенія русскихъ трехсложныхъ словъ. Въ примѣръ того, какъ русскій склоненъ на первыхъ порахъ подчинять произношеніе французскихъ словъ русской антропофонической системѣ, приведу одно классное наблюденіе надъ русскими учениками: выраженіе tu me donnes, гдѣ me=m(ə), они имѣютъ тенденцію произносить *me* какъ слогъ довольно сильный, а слогъ *tu* слабо т. е. какъ второй передъ удареніемъ въ русскихъ словахъ. Въ свою очередь русскія трехсложныя слова модифицируются французомъ на свой ладъ; напр. слово „Полта́ва" въ устахъ француза, не вполнѣ овладѣвшаго тонкостями русскаго произношенія, было заслушано мною въ видѣ п ò л́ т а в а́, т. е. это слово мнѣ слышалось съ двумя удареніями—главнымъ на конечномъ слогѣ и побочнымъ на начальномъ или второмъ передъ удареніемъ (*л́* при этомъ не такое мягкое, какъ русское мягкое *л*).

Что касается *степени открытости* средне-широкихъ неударяемыхъ гласныхъ французскаго языка, то они нѣсколько уже по сравненію съ соотвѣтствующими ударяемыми. Въ томъ случаѣ, когда средній или широкій неударяемый гласный получаетъ эмфатическое удареніе, онъ соотвѣтственно расширяется.

в. Согласные.

Въ отношеніи участія *гортани* нужно отмѣтить во французскомъ возможность звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ. Русскому литературному языку чуждо такое произношеніе, встрѣчающееся лишь въ малорусскомъ. Произношеніе звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ мы встрѣчаемъ еще въ англійскомъ (гдѣ кромѣ того, какъ и во французскомъ, согласные въ концѣ словъ послѣ *краткаго* гласнаго имѣютъ большую длительность). Во всякомъ случаѣ указанная особенность французскаго произношенія предполагаетъ пріобрѣтеніе соот-

вѣтственнаго артикуляціоннаго навыка. [1]) Благодаря этой особенности, французъ такія русскія слова, какъ „годъ“ (т. е. при формахъ „*года*“, „*году*“ и пр.), нерѣдко произноситъ съ звонкимъ согласнымъ на концѣ, хотя во французскомъ слова могутъ оканчиваться и глухимъ согласнымъ (ср. cravate и т. п.).

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствія *органовъ произношенія*, прежде всего укажемъ на то, что въ связи съ болѣе переднимъ характеромъ артикуляцій гласныхъ звуковъ французскій языкъ соотвѣтственно отличается отъ русскаго также характеромъ произношенія согласныхъ. Это замѣтно для слуха на произношеніи задне-язычныхъ согласныхъ; срв. напр. слово *qua*torze, гдѣ не только *a* слышится какъ болѣе переднее сравнительно съ русскимъ, но также и *k*. Сравненіе палатограммъ послѣдняго звука у Р у с л о (Les modifications etc.) и Е р ш о в а (Экспериментальная фонетика, Казань 1903) объективно подтверждаетъ это наблюденіе.

Главною особенностью въ составѣ русскаго консонантизма сравнительно съ французскимъ, также какъ англійскимъ и нѣмецкимъ, является категорія мягкихъ согласныхъ. Отсюда вытекаетъ необходимость для француза при усвоеніи русскаго произношенія научиться произношенію палятальныхъ согласныхъ, о чемъ мы уже имѣли случай упомянуть въ отдѣлѣ о гласныхъ, а для русскаго—привыкнуть къ произношенію слоговъ, содержащихъ палятальный гласный, не смягчая предшествующаго согласнаго, что обыкновенно долго не удается усвоить совершеннымъ образомъ.

Изъ особенныхъ согласныхъ русскаго языка нужно указать слитные *ц* и *ч*, вмѣсто которыхъ французъ вначалѣ произноситъ сочетанія ts и tš (срв. написаніе outchitel у Пушкина: „пріѣхалъ, т. е. Бопре, въ Россію pour être outchitel“, Капит. Дочка гл. I). Въ свою очередь русскому нужно при-

---

[1]) Впрочемъ діалектически и во французскомъ встрѣчается потеря звонкости (dévocalisation) конечными звонкими согласными, а именно—въ Бельгіи и на сѣверѣ Франціи, напр. слово rouge произносится ru:ʃ вм. ruʒ и т. п. (M i c h. et P a s s y Diction. phonét. 317); на югѣ Франціи не придется встрѣтить это явленіе, такъ какъ тамъ бытуетъ еще конечное ə, напр. слово porte произносится еще pərtə, а не pərt и т. п. (срв. ib.). Значитъ, передъ нами діалектическая постепенность градацій явленія при переходѣ съ юга Франціи на сѣверъ.

выкнуть къ произношенію французской категоріи полугласныхъ į и w, входящихъ въ составъ „расширяющихся“ дифтонговъ, напр. victoire=viktwa:r, mémoire=memwa:r, trois=trwa; русскій вначалѣ субституируетъ полугласный w посредствомъ гласнаго у.

Въ заключеніе изложенія особенностей французской звуковой системы представлю образецъ научно-фонетической транскрипціи (отрывка изъ Daudet Aventures de Tartarin) на основаніи книги Passy P. Le français parlé. Morceaux choisis à l'usage des étrangers avec la prononciation figurée. Leipzig (1902)[5]:

la ∫as' a taraskɔ̃. [1])

la ∫as' ɛ la pɑsjɔ̃ de taraskɔnɛ, e sla'dpɥi le tɑ̃' mitɔlɔʒik u la tarask fəzɛ le sɑ̃ ku' dɑ̃ le marɛ dla vil' e u le taraskɔnɛ d alɔ:r ɔrgani:ze de baty kɔ̃:tr ɛl. il j a ⌈bo: ʒu:r, kɔm vu vwaje.

dɔ̃:k, tu le dimɑ̃:∫ matɛ̃, taraskɔ̃ prɑ̃ lez arm e sɔ:r' də se my:r, lə sak o do, lə fyzi syr l epo:l, avɛk œ̃ trɑ̃bləmɑ̃ d∫jɛ̃ ⁄ də fyrɛ ⁄ də trɔ̃:p ⁄ de kɔr də∫as. s ɛ sypɛrb a vwa:r ⁄! par malœ:r, lə ʒibje mɑ̃k, i mɑ̃:k' apsɔlymɑ̃ ∖.

Въ поясненіе прилагаемой транскрипціи замѣтимъ: знакомъ ударенія авторъ пользуется для указанія словъ, на которые падаетъ логическое удареніе; знаки ⁄ и ∖ служатъ для выраженія интонаціи (музыкальнаго ударенія), при чемъ первый знакъ обозначаетъ повышеніе тона, а второй—его пониженіе; знакъ ⌈ обозначаетъ высокій тонъ (въ противоположность знаку ⌊ обозначающему низкій тонъ).

---

[1]) Тотъ же текстъ ореографически:

La chasse à Tarascon. La chasse est la passion des Tarasconnais, et cela depuis les temps mythologiques où la Tarasque faisait les cent coups dans les marais de la ville et où les Tarasconnais d'alors organisaient des battues contre elle. Il y a beau jour, comme vous voyez.

Donc, tous les dimanches matin, Tarascon prend les armes et sort de ses murs, le sac au dos, le fusil sur l'epaule, avec un tremblement de chiens, de furets, de trompes, de cors de chasse. C'est superbe à voir! Par malheur le gibier manque, il manque absolument.

Замѣтимъ еще, что кромѣ цитированной книги Passy заслуживаютъ вниманія также еще слѣдующія сочиненія и изданія французскихъ текстовъ съ научно-фонетическою транскрипціею:

Thudichum G. Manuel pratique de diction française à l'usage des étrangers. Genève 1902.

Franke F. Phrases de tous les jours. Leipzig 1896[7] и къ этому Ergänzungsheft.

Koschwitz E. Les parlers parisiens. Marburg 1898[2].

Passy J. et Rambeau A. Chréstomathie française. Morceaux choisis de prose et de poésie avec prononciation figurée à l'usage der étrangers. Paris 1901[2].

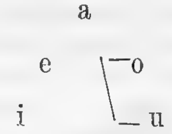
Rousselot et Laclotte Précis de prononciation française. Paris, Leipzig (1902).

Rousselot Eléments de prononciation française.

II. Соотношеніе между русскою и англійскою звуковыми системами.

Прежде всего мы должны вспомнить о самой характерной особенности системы гласныхъ въ англійскомъ языкѣ, состоящей въ томъ, что „губные" гласные (*o, u*) въ англійскомъ произносятся безъ видимаго выдвиганія губъ впередъ, которое тамъ вознаграждается болѣе заднею работою языка; что же касается тѣхъ же гласныхъ смягченныхъ (*ö, ü*), то рѣчь можетъ идти развѣ только о гласномъ *ö* (такъ какъ гласнаго *ü* совсѣмъ нѣтъ), который исполняется не только безъ выдвиганія губъ впередъ, но и безъ губнаго округленія, что вознаграждается соотвѣтственнымъ перемѣщеніемъ средне-задней артикуляціи языка болѣе кзади. Между тѣмъ въ другихъ языкахъ при „губныхъ" гласныхъ болѣе или менѣе соединены вмѣстѣ указанное участіе губъ и задней или средне-задней части языка, и таковое сочетаніе работъ подразумѣвается при обычномъ расположеніи гласныхъ въ схемѣ треугольника. Англійскій лингвистъ Sweet въ своемъ сочиненіи A handbook of phonetics (Oxford 1877) отступилъ отъ этой схемы, избравъ форму разграфленнаго четыреугольника. Мнѣ кажется, что именно указанная особенность произношенія англійскихъ „губныхъ" гласныхъ привела нашего автора къ

новому табеллярному расположенію системы гласныхъ звуковъ: ему, ради особенности произношенія губныхъ гласныхъ въ англійскомъ, требовалось разъединить округленіе губъ и дѣйствіе задней части языка, чего онъ и достигъ, взявши для своей схемы вмѣсто треугольника четыреугольникъ. Однако я нахожу, что и по отношенію къ системѣ гласныхъ англійскаго языка можно было бы остаться при прежнемъ способѣ представленія ихъ въ формѣ треугольника съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что въ губномъ ряду въ томъ случаѣ, когда та или другая работа преобладаетъ, обозначать это чертою слѣва, если напр. преобладаетъ работа языка, и чертою справа, если преобладаетъ работа губъ; напр. для англійскаго:

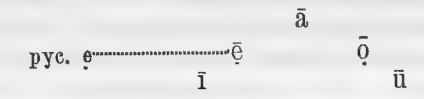

Благодаря этому сохраняется прежняя наглядность и простота табеллярнаго представленія системы гласныхъ звуковъ, тогда какъ распредѣленіе гласныхъ въ формѣ четыреугольника не имѣетъ этого качества въ виду обилія клѣтокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя проблематичны и потому остаются пустыми. И при всей сложности таблица Sweet'a недостаточна даже для одного англійскаго, такъ какъ въ одной таблицѣ смѣшаны какъ ударяемые, такъ и неударяемые гласные, между тѣмъ какъ они не могутъ стоять на одной линіи по причинѣ рѣзкой разницы между собою въ разнообразныхъ отношеніяхъ (по силѣ и высотѣ звука, по степени раскрытія рта и по степени напряженности органовъ произношенія), а потому самое лучшее трактовать ихъ отдѣльно. Кромѣ того, таблица гласныхъ Sweet'a не достаточна также въ томъ отношеніи, что принимаетъ для гласныхъ только три артикуляціонныхъ мѣста (заднее, переднее и передне-заднее), тогда какъ ихъ въ дѣйствительности значительно больше, особенно если имѣть въ виду не одинъ англійскій языкъ; между тѣмъ расположеніе гласныхъ въ формѣ треугольника позволяетъ внести въ таблицу всѣ эти детали, не мѣшая ея наглядности.

a. Ударяемые гласные.

Въ отличіе отъ русскаго языка, въ которомъ ударяемые гласные не различаются существенно по длительности, являясь въ однообразномъ типѣ средней длительности,[1]) въ англійскомъ языкѣ ударяемые гласные могутъ быть долгими и краткими. Послѣдніе (краткіе) приблизительно соотвѣтствуютъ по своей длительности русскимъ ударяемымъ гласнымъ, а первые (долгіе) не имѣютъ себѣ эквивалентныхъ въ общерусской рѣчи. Поэтому англичанину при изученіи русскаго произношенія придется опираться на одномъ типѣ своихъ краткихъ гласныхъ, а русскому при усвоеніи англійскаго произношенія нужно пріобрѣсти привычку къ долгому произношенію англійскихъ гласныхъ, т. е. какъ и по отношенію къ языку французскому и нѣмецкому.[2]) Мы разсмотримъ порознь систему долгихъ и краткихъ гласныхъ англійскаго языка, при чемъ окажется одна существенная разница въ характерѣ тѣхъ и другихъ.

Система *долгихъ* ударяемыхъ гласныхъ англійскаго языка можетъ быть представлена въ слѣдующей таблицѣ (при чемъ точки подъ буквами ē и ō обозначаютъ закрытое произношеніе соотвѣтствующихъ звуковъ):

[1]) О легкихъ вторичныхъ варіаціяхъ см. выше стр. 65.

[2]) При транскрипціи англійскихъ словъ я пользуюсь книгою: Sweet H. Elementarbuch des gesprochenen Englisch. Grammatik, Lesestücke und Wörterverzeichniss. Zweite verbesserte Auflage. Leipzig 1886. Способъ транскрипціи представляетъ значительное сходство съ вышеприведеннымъ способомъ французской транскрипціи, отличія сводятся лишь къ слѣдующему: введенъ знакъ ударенія тамъ, гдѣ удареніе отступаетъ отъ наиболѣе обычнаго, т. е. когда оно не на начальномъ слогѣ слова; для обозначенія ударенія въ этомъ случаѣ служитъ точка, стоящая передъ ударяемымъ слогомъ противъ середины начальной его буквы, напр. bi·lijv (т. е. believe «вѣрить»); долгота гласныхъ выражается повтореніемъ буквы, а если долгій гласный на протяженіи своего произношенія видоизмѣняется качественно, то такой гласный передается соотвѣтственно дифтонгическимъ обозначеніемъ, какъ объ этомъ подробнѣе будетъ сказано нами въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ нашей статьи; для обозначенія открытаго *e* служитъ знакъ æ. Знакомъ ϑ я пользуюсь для передачи глухаго англійскаго th, ð для соотвѣтствующаго звонкаго придувнаго.

Изъ представленной таблицы видно, что въ англійскомъ языкѣ долгіе средніе гласные (е, о) всегда имѣютъ узкое или закрытое произношеніе. Въ этомъ отношеніи система долгихъ англійскихъ гласныхъ представляетъ съ одной стороны сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, въ чемъ быть можетъ сказывается вліяніе генетическаго родства этихъ языковъ, а съ другой стороны различіе съ французскимъ, гдѣ—какъ мы видѣли—долгое *о* является какъ закрытымъ, такъ и открытымъ, а долгое *е* только открытымъ. По отношенію къ русской системѣ гласныхъ англійское долгое *е* соотвѣтствуетъ—по качеству закрытости—русскому узкому *е* напр. въ словѣ „пѣть", но, чтобы отъ этого русскаго гласнаго перейти къ англійскому, нужно отказаться отъ смягченія предшествующаго и послѣдующаго согласнаго и протянуть гласный звукъ до надлежащей степени долготы. Что касается долгаго англійскаго *о*, то звукъ этотъ чуждъ русской рѣчи, имѣющей только среднее по открытости *о*, а потому русскому необходимо при изученіи англійскаго произношенія пріобрѣсти навыкъ къ закрытому произношенію гласнаго ō. Кромѣ того, англійскіе долгіе гласные *е* и *о* не являются однородными на своемъ протяженіи: начинаясь какъ закрытые или узкіе *е* и *о*, они затѣмъ становятся еще ўже, что и дало поводъ къ не совсѣмъ точному обозначенію этихъ гласныхъ у Sweet'а дифтонгическими начертаніями *ei* и *ou* (а въ нѣкоторыхъ русскихъ самоучителяхъ англійскаго языка черезъ *эй* и *оу*). Въ этомъ случаѣ англійскій представляетъ сходство съ нѣмецкимъ, отличаясь отъ французскаго, гдѣ долгіе гласные имѣютъ однородное (если не расширяющееся) произношеніе. Тоже дифтонгическій характеръ наблюдается въ англійскомъ языкѣ и при произношеніи долгихъ узкихъ гласныхъ, вслѣдствіе чего Sweet транскрибируетъ ī дифтонгическимъ начертаніемъ *ij*, а ū обозначаетъ посредствомъ *uw*. Теперь представимъ примѣры англійскихъ долгихъ гласныхъ: ā—f*a*ther (faaδer); ē—h*a*te (heit); ī—f*ee*l (fijl), sh*e* (ʃij); [1]) ō—h*o*pe (houp); ū—p*oo*l (puwl).

Нужно еще указать на одну весьма характерную особенность въ произношеніи англійскихъ долгихъ гласныхъ, зави-

---

[1]) Въ моихъ фонетическихъ записяхъ при словѣ sh*e* (ʃij) имѣется помѣтка: «послѣ *sh* произносится дебелое *i* (т. е. приблизительно какъ малорусское ы̣), а затѣмъ гласный незамѣтно утончается къ концу».

сящую отъ вліянія слѣдующаго *r*: въ этомъ случаѣ средніе и узкіе гласные къ концу принимаютъ подъ вліяніемъ *r* особый нюансъ, обозначаемый Sweet'омъ посредствомъ ə, напр. ē—ch*ai*r (tʃeər); [1]) ī—f*ea*r (fiər), [2]) y*ea*r (jiər); [3]) ō—mōre (moər); ū—p*oo*r (puər); [4]) ȫ—*ea*rth (əəϑ). [5]) Вообще *r* оказываетъ расширяющее вліяніе на предшествующій долгій гласный и даже на долгое *a*, такъ что напр. въ словахъ Ch*a*rles (tʃaalz), l*a*rge (laadʒ) гласный *a* отмѣченъ въ моихъ матеріалахъ съ легкимъ оттѣнкомъ *o*, значитъ—какъ болѣе заднее *a*. Само *r*, производящее указанное измѣненіе въ нюансѣ долгихъ гласныхъ, можетъ при извѣстныхъ фонетическихъ усло-

---

[1]) Въ моей транскрипціи гласный слова ch*ai*r (tʃeər) отмѣченъ въ видѣ ä, т. е. расширеннымъ, не смотря на долготу.

[2]) Въ этомъ словѣ мною лично гласный отмѣченъ въ видѣ i̭ᵉ.

[3]) Гласный записанъ мною какъ öᵃ.

[4]) Гласный этого слова вслѣдствіе расширяющаго вліянія *r* можетъ производить впечатлѣніе долгаго средняго *o*.

[5]) Едва ли можно признать удачнымъ обозначеніе Sweet'ово əə: дѣло въ томъ, что въ этомъ сказывается смѣшеніе обозначеній слабаго неударяемаго гласнаго (ə) съ ударяемымъ (əə); а между тѣмъ категорія ударяемыхъ и неударяемыхъ гласныхъ звуковъ на столько различаются между собою въ разнообразныхъ отношеніяхъ, что слѣдовало бы въ данномъ случаѣ принять для транскрипціи того и другого звука разныя обозначенія, напр. ə и ȫ (ȫᵃ). Здѣсь мы еще разъ подчеркнемъ особенный характеръ англійскаго гласнаго ö: ухо русскаго воспринимаетъ именно этотъ нюансъ, а между тѣмъ Sweet утверждаетъ, что англійскій не знаетъ палатальныхъ гласныхъ съ губнымъ округленіемъ (Sweet въ этихъ случаяхъ видѣлъ частію гуттуральное среднее или узкое *a* не-лябіализованное, частію гуттуральное широкое или среднее *e* не-лябіализованное). Я думаю, что это кажущееся противорѣчіе между слуховымъ эффектомъ и анатомо-физіологическою картиною объясняется тѣмъ, что въ англійскомъ недостатокъ лябіализаціи въ разсматриваемомъ случаѣ вознаграждается помощью модификаціи задняго уклада языка, т. е. подобно тому, какъ у дѣтей иногда, наоборотъ, недостатокъ уклада задней части языка вознаграждается большею работою губъ, и кажется будетъ правильнѣе говорить при англійскомъ гласномъ ö не столько о совершенномъ отсутствіи элемента лябіализаціи, какъ о сравнительно ничтожномъ его участіи, вознаграждаемомъ болѣе заднимъ дѣйствіемъ языка.—Русскому, на первыхъ порахъ изученія, гласные звуки въ англійскомъ слышатся не такъ опредѣленными, какъ въ русскомъ, но это—думаю—до тѣхъ поръ, пока не привыкнутъ собственные его органы произношенія къ указаннымъ особенностямъ артикуляціи англійскихъ гласныхъ.

віяхъ исчезать, но вызванный имъ нюансъ гласнаго все-таки сохраняется.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію системы англійскихъ краткихъ гласныхъ. Здѣсь опять главною нашею задачею будетъ опредѣленіе степени открытости англійскихъ среднихъ гласныхъ (e, o) относительно соотвѣтствующихъ русскихъ. [1]) Краткіе средніе гласные англійскаго языка являются въ двухъ соотвѣтствующихъ другъ другу разновидностяхъ — открытой и закрытой. Закрытое англійское ĕ соотвѣтствуетъ русскому открытому *е* (æ), такъ что напр. произношеніе англійскаго слова b*e*d можно сравнить съ произношеніемъ русскаго слова „бѣдъ“ (Р. мн.), необходимо только указать, что для перевода приведеннаго русскаго слова въ созвучное англійское нужно устранить мягкость согласнаго *б* и на концѣ произнести звонкій согласный *д*, а не *т* (или срв. рус. „*лѣтъ*“ и англ. l*e*t). Англійское открытое ĕ—еще болѣе широкій гласный, такъ что въ своей транскрипціи я принужденъ былъ для обозначенія его взять начертаніе *a* и палятальность отмѣтить лишь какъ нюансъ, т. е. воспользоваться начертаніемъ ^{e}a; примѣрами даннаго гласнаго могутъ служить слова: b*a*d (bæd), *a*s (æz), h*a*nd (hænd). Русскій языкъ не знаетъ столь открытаго произношенія ударяемаго *е*, а потому русскому при изученіи англійскаго произношенія нужно особо научиться произношенію этого гласнаго. Краткое англійское *о* различается закрытое и открытое и разновидности эти являются параллельными къ соотвѣтствующимъ разновидностямъ краткаго *е*. При сличеніи съ русскимъ произношеніемъ нужно помнить, что въ русскомъ языкѣ имѣется только одно среднее *о*, по сравненію съ которымъ англійское закрытое *о* звучитъ болѣе открыто, такъ что въ своей транскрипціи я его обозначалъ черезъ o^{a}, напр. въ словахъ b*o*y, n*o*t, англійское же открытое ŏ звучитъ еще болѣе открыто, то есть еще ближе къ *а*, такъ что

---

[1]) Относительно краткаго *а* отмѣтимъ качественное отличіе оттѣнка по сравненію съ долгимъ *а*: д о л г о е англійское *а* болѣе *заднее* сравнительно съ русскимъ *а* (особенно въ положеніи передъ rC, напр. Ch*a*rles, l*a*rge), а краткое—болѣе *палятальное*, почему первое встрѣчается иногда въ моихъ матеріалахъ транскрибированнымъ черезъ å, а второе съ обозначеніемъ палятальнаго его характера, напр. R*u*ssia=ра̣́шə (raʃə), London=ла̣́ндəн (landən), now=на̣́у (nau).

при транскрипціи я считалъ наиболѣе подходящимъ выразить его посредствомъ начертанія å, напр. въ словѣ small (smɔl). Такимъ образомъ русскому при изученіи англійскаго произношенія придется учиться выговору обѣихъ разновидностей краткаго *о*. Мы видимъ, что краткіе средніе гласные англійскаго языка характеризуются открытостью, тогда какъ долгіе гласные, какъ мы видѣли, характеризуются закрытостью. Въ этомъ отношеніи англійскій языкъ обнаруживаетъ аналогію съ нѣмецкимъ, въ которомъ тоже краткіе средніе гласные болѣе открыты сравнительно съ соотвѣтствующими долгими. Указанное согласіе въ физіологіи произношенія между англійскимъ и нѣмецкимъ можетъ не быть случайностью, а проистекать отъ *генетическаго сродства* названныхъ языковъ (французскій языкъ отличается въ этомъ случаѣ отъ того и другаго).

Что касается произношенія подъ удареніемъ краткихъ узкихъ гласныхъ (т. е. i, u) въ англійскомъ языкѣ, то краткое англійское *u* подходитъ къ русскому *у* (срв. напр. слово g*oo*d), объ англійскомъ же гласномъ ĭ нужно замѣтить, что русское ухо воспринимаетъ его въ видѣ нюанса ĭ^{ə} (напр. въ словѣ b*i*t), при чемъ нужно помнить, что предшествующій этому гласному согласный имѣетъ твердое произношеніе.

Такимъ образомъ система краткихъ ударяемыхъ гласныхъ англійскаго языка можетъ быть выражена слѣдующею таблицею:

a

æ ɔ

рус. æ........................e o........................рус. *о*

i^{e} u

Остается прибавить, что англійскому языку свойственны дифтонги, тогда какъ общерусскій языкъ дифтонговъ не знаетъ.

б. Неударяемые гласные.

Обычно въ англійскихъ словахъ удареніе падаетъ на начальный, точнѣе—корневой слогъ (потому-то Sweet въ сво-

ей научно-фонетической транскрипціи англійскихъ словъ ударенія не обозначаетъ, исключая тѣ случаи, когда оно приходится не въ началѣ слова, какъ напр. при извѣстныхъ предлогахъ и во многихъ иностранныхъ словахъ). Вотъ почему въ англійскомъ языкѣ мы наблюдаемъ неударенные слоги чаще всего въ положеніи послѣ ударенія, т. е. обратно тому, что представляетъ французскій языкъ.

Въ неударяемомъ англійскомъ вокализмѣ выдѣляются слѣдующія главныя положенія:

1) ′|...CV, т. е. нахожденіе неударяемаго гласнаго въ конечномъ открытомъ слогѣ (непосредственно за удареніемъ или же на разстояніи отъ него), напр. Alexandr*a* (ælik·zaandrə), prett*y* (priti), val*ue* (væljü), fell*ow* (felöu). При относительномъ *разнообразіи* гласныхъ оттѣнковъ въ данномъ неударяемомъ положеніи, мы наблюдаемъ въ немъ палятализацію непалятальныхъ гласныхъ, характерную вообще для англійскаго неударяемаго вокализма; такъ, гласные *u* (val*u*e) и *o* (fell*o*w) слегка палятализованы, гласный *a* переходитъ въ индифферентный, имѣющій тоже долю палятальности; что касается конечнаго гласнаго *i*, то въ случаѣ краткости онъ слышится для русскаго уха съ нюансомъ э (iᵉ), т. е. подобно краткому ударенному.

2) ′|...CVC, т. е. нахожденіе гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ, слѣдующемъ за ударенымъ (непосредственно или же въ большемъ удаленіи отъ него). Это неударяемое положеніе можетъ быть охарактеризовано *преобладаніемъ гласнаго* ə, являющагося на мѣстѣ весьма различныхъ орѳографическихъ начертаній, какъ можно убѣдиться на слѣдующихъ примѣрахъ: clergym*a*n (kləədʒimən), fath*e*r (faaðər), nat*io*n (neiʃən), nat*u*re (neitʃər). Этотъ гласный (ə)—характерный для англійскаго языка индифферентный слабый гласный, произношеніе котораго варіируетъ въ предѣлахъ между a (индифферентнымъ *a*) и ö͜ᵃ; онъ значительно отличается отъ аналогичнаго французскаго гласнаго: англійскій гласный имѣетъ болѣе задній язычный укладъ при пассивности губъ, а соотвѣтствующій французскій гласный—болѣе передній язычный укладъ въ соединеніи съ участіемъ губъ. При книжномъ вліяніи на произношеніе оказывается нѣкоторое различіе оттѣнка даннаго индифферентнаго гласнаго соотвѣтственно

орѳографическому обозначенію, напр. clergy*ma*n (kləədʒimän вм. kləədʒimən). Кромѣ того, въ разсматриваемомъ неударяемомъ положеніи встрѣчаются еще слабые краткіе гласные ĭ и ŭ, при чемъ первый изъ нихъ имѣетъ оттѣнокъ ĭ³, какъ напр. въ словѣ lim*i*t, а второй подъ вліяніемъ неударенности нѣсколько палятализованъ, какъ напр. въ словѣ falseh*oo*d (fols*ü*d). [1]) Вообще же здѣсь разнообразіе гласныхъ оттѣнковъ сильно уменьшено въ пользу гласнаго ə. При подходящихъ условіяхъ послѣдній въ данномъ неударяемомъ положеніи можетъ исчезать, напр. sev*e*n (sevn), при чемъ можетъ развиваться слогообразующій согласный, напр. въ словѣ father (faað̬r̥).

3) ˈ|CV|-, т. е. положеніе гласнаго послѣ ударенія внутри слова. Въ этомъ положеніи индифферентный гласный ə и узкій і *очень легко ослабляются до исчезновенія*, такъ что положеніе это должно относиться въ англійскомъ къ наиболѣе слабымъ неударяемымъ положеніямъ, напр. clerg*y*man (kləədʒⁱmən), an*y*thing (enⁱϑiṅ), dil*i*gent — по формулѣ 3—½—1; въ словѣ el*o*quence (слово заслушано съ гласнымъ *o* закрытымъ), неударяемый губной по общему правилу неударяемыхъ гласныхъ въ англійскомъ долженъ быть нѣсколько палятализованъ.

4) CV|ˈ, т. е. положеніе гласнаго передъ удареніемъ, напр. въ префиксахъ *re*, *con*; срв. r*e*turn (riˑtəən), c*o*nsist (kənˑsist). При этомъ гласный ə, по словамъ Sweet'a (Elementarbuch стр. 15), произносится очень кратко и бѣгло, часто даже шепотомъ, особенно между согласными, напр. t*o*gether (təˑgeðə), s*e*ptember (səˑptembə). Въ этомъ положеніи встрѣчается также гласный ạ въ префиксальномъ отрицаніи *un*-, напр. unlucky (anˑlaki).

Нужно еще прибавить, что англійскій языкъ кромѣ слабыхъ и слабѣйшихъ неударяемыхъ слоговъ знаетъ еще произношеніе довольно сильное или съ побочнымъ удареніемъ, а именно: когда ударяемому слогу предшествуетъ нѣсколько неударяемыхъ, то на начальный слогъ падаетъ побочное удареніе, напр. c*i*vilization (:sivilaiˑzeiʃən).

Привычка къ своеобразному антропофоническому строенію словъ и звукамъ роднаго языка, естественно, обнаруживается въ выговорѣ англичанина и при усвоеніи имъ русскаго произношенія. Вотъ какъ было записано по моей просьбѣ

---

[1]) *Англ.* falsehood по своему морфологическому составу=*нѣм.* Falschheit.

произношеніе одной англичанки, вовсе не говорившей по-русски и лишь перенявшей произношеніе нѣсколькихъ русскихъ выраженій:

Сам‸ваа́ ньэт гаато́в? (*в* произн. между *в* и *у*), т. е. Самоваръ не готовъ? (собств. „нѣтъ готоваго?")

Дайт‸ ми паджа*л*сс (*л* какъ франц. *l*) сам‸ваа́ вада́, т. е.—дайте мнѣ пожалуйста воды изъ самовара.

Нэ чээй ти мнэ мат‸шка креаснэ сэрафанн =не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ, между прочимъ, нужно обратить вниманіе на пропускъ неударяемаго гласнаго въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ соотвѣтственно особенностямъ системы англійскаго неударяемаго вокализма (сам‸ваа́, мат‸шка, дайт‸ми).

в. Согласные.

Въ области работы *гортани* нужно отмѣтить какъ осенность англійскаго языка сравнительно съ русскимъ—существованіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ (напр. ba*d* и т. п.), но пріобрѣтеніе такого произношенія, кажется, для русскаго не сопряжено съ особеннымъ трудомъ; при этомъ нужно помнить о нѣкоторой длительности такихъ согласныхъ въ англійскомъ въ положеніи послѣ краткаго ударяемаго гласнаго, напр. bad=bæædd (оба конечные звука полудолги, такъ что длительность равномѣрно распредѣляется между конечными гласнымъ и согласнымъ). Если же въ тѣхъ же условіяхъ будетъ находиться согласный глухой, то онъ удлиняется, но гласный остается краткимъ, напр. hi*t* (=hitt), между тѣмъ какъ напр. въ словѣ hate конечное *t* послѣ долгаго гласнаго кратко (см. Sweet Elementarbuch стр. 10—11).

Къ своеобразнымъ работамъ *органовъ произношенія* въ области согласныхъ звуковъ въ англійскомъ нужно отнести произнесеніе передне-язычнаго спиранта—звонкаго и глухаго th; согласный этотъ требуетъ наибольшаго труда для своего усвоенія. [1]) Согласный *r* въ концѣ слога слышится болѣе заднимъ, но слабымъ, передъ слѣдующимъ согласнымъ легко

---

[1]) См. о немъ Sweet Elementarbuch стр. 17.

совсѣмъ исчезаетъ, хотя на письмѣ и удерживается его обозначеніе; въ зависимости отъ природы произношенія этого согласнаго находится вліяніе его на предшествующіе долгіе гласные, состоящее въ развитіи при нихъ оттѣнка ə, напр. here (hiər).

Согласные передъ палатальными гласными не имѣютъ мягкости, и въ этомъ случаѣ русскому требуется преодолѣть тѣ же трудности, какъ и по отношенію къ произношенію французскому и нѣмецкому; наоборотъ, англичанину при усвоеніи русскаго произношенія предстоитъ не легкая задача усвоенія произношенія мягкихъ слоговъ.

Согласные *t* и *d* въ англійскомъ языкѣ болѣе альвеолярны по сравненію съ соотвѣтствующими русскими, напр. ha*t*e и т. п., между тѣмъ какъ придувные *ϑ* и *δ* (орѳогр. th) принадлежатъ къ зубнымъ. Кромѣ согласнаго *v* англійскій знаетъ еще полугласный w, который не должно смѣшивать съ русскимъ согласнымъ *в*, такъ какъ означенный полугласный=*ў*. Согласный *l* кромѣ полумягкаго произношенія въ иныхъ случаяхъ въ англійскомъ имѣетъ твердое произношеніе, которое не можетъ служить затрудненіемъ для русскаго, напр. *l*itt*l*e=*л*'і͡тл. Согласный *n* встрѣчается въ англійскомъ еще и заднеязычный (какъ въ нѣмецкомъ), который, какъ чуждый русскому языку, требуетъ особаго изученія.

Разсмотрѣвъ звуковую систему англійскаго языка, [1]) мы могли убѣдиться, что она, представляя извѣстныя особенности, является ничуть не сложнѣе звуковыхъ системъ другихъ языковъ; главная трудность заключается не въ звукахъ, а въ орѳографіи англійской, примѣняющей разныя начертанія для однихъ и тѣхъ же звуковъ въ разныхъ словахъ. Если въ Европѣ какая письменность и нуждается въ орѳографическихъ преобразованіяхъ въ пользу фонетическаго принципа, такъ это прежде всего англійская, а затѣмъ—французская; что же касается русской письменности, то она вовсе не представляетъ такихъ трудностей, которыя могли бы оправдать переполохъ, поднятый нѣкоторыми педагогами послѣдніе три-четыре года.

---

[1]) Для діалектическихъ варіацій англійской литературной рѣчи срв. R. J. Lloid Northern english. Phonetics, grammar, texts (№ 1 въ серіи—Skizzen lebender Sprachen, herausg. von W. Vietor). Leipzig 1899.

Трудность англійской орѳографіи находитъ подтвержденіе и въ англійскихъ малограмотностяхъ, изобилующихъ смѣшеніемъ одинаково произносимыхъ начертаній и пропускомъ непроизносимыхъ (послѣднее въ особенности въ области согласныхъ). Для примѣра приведу ошибки, встрѣченныя мною въ одномъ небольшомъ малограмотномъ письмѣ англійскаго рабочаго: въ области *ударяемыхъ гласныхъ* — c*o*rse вм. course, c*o*rfull вм. c*a*reful, ma*r* вм. ma, f*ie*r вм. fire (все при слѣдующемъ *r*), въ области *неударяемыхъ гласныхъ* — sert*i*n вм. certain, severel вм. several, въ области *согласныхъ* — *s*ertin, sol*g*er вм. soldier, *r*ote вм. wrote, *n*ew вм. knew, *w*at вм. what, *g*ard вм. guard. [1])

Въ изданіи „Письма и бумаги Императора Петра Великаго" т. I (1887) подъ №№ 219—220 напечатанъ весьма интересный памятникъ: голландскія и англійскія слова, представляющія названія корабельныхъ частей и записанныя русскимъ письмомъ собственноручно Императоромъ въ 1697—1698 году. Разсмотримъ болѣе интересныя написанія. Долгіе англійскіе гласные иногда переданы повтореніемъ буквы: f*o*re = ѳооръ и ѳоръ, fr*a*me = ѳъреемъ, w*a*le = веэль; краткое *o*, даже закрытое, передается начертаніемъ *a* (рѣже *o*), что свидѣтельствуетъ о большей открытости этого гласнаго сравнительно съ русскимъ: t*o*p = тапъ, *o*f = аѳъ (обыкн.) и оѳъ, но пишется *о* въ случаѣ оттѣнка ö и въ дифтонгахъ: *gu*n = гон (въ словѣ гондекъ), b*o*wsprit = боу спритъ, p*o*wder-room = поуде румъ; въ передачѣ краткаго *e* особенностей нѣтъ; современный дифтонгъ *ai* переданъ черезъ *ей* или *еi*: r*i*sing-l*i*ne = рейзинъ леінъ; англійское *l* въ нѣкоторыхъ случаяхъ передано какъ твердое: b*l*ock = блакъ; звонкое th передано посредствомъ *д*: knee of the head = ни аѳъ *д*егетъ; конечные звонкіе согласные замѣнены соотвѣтственно русскому произношенію глухими, но иногда обозначены какъ звонкіе, напр. въ словѣ mi*d*ship = мидшипъ.

Въ заключеніе обзора англійской звуковой системы приведемъ небольшой текстъ въ научно-фонетическомъ письмѣ изъ книги Sweet'a (Elementarbuch стр. 58—59):

---

[1]) Изъ болѣе мелкихъ ошибокъ отмѣчу: ac*k*t вм. act, a*r*angements вм. arrangements, i вм. I, cant вм. can't, my self вм. myself; кажется, къ особенностямъ языка относится выраженіе he has rote вм. he has written.

neitʃə [1])

-pijpl juwstteəϑiṅkδi əəϑ wəzəkaindəv flæt keik', -widδə sijɔl raundit; bətwij nou nauδətits riəli ·raund', ;laikə bɔl'—not'kwait :raund, bətəlitl flætnd', :laikən orinʒ.

Однако я нахожу одинъ существенный недостатокъ въ транскрипціи Суита (не говоря о слишкомъ широкомъ примѣненіи одного и того же начертанія ə для слабыхъ неударяемыхъ гласныхъ не одинаковаго оттѣнка), а именно тотъ, что удареніе онъ обозначаетъ промежуткомъ непосредственно передъ ударённымъ слогомъ, благодаря чему не только отсѣкаются отъ слова членъ или тѣсно примыкающій къ слову предлогъ, но даже и самое слово, если оно имѣетъ удареніе не на начальномъ слогѣ, разбивается промежуткомъ на двѣ части. Отсутствіе при этомъ указанія границы между словами сильно затрудняетъ чтеніе и пониманіе транскрибированныхъ Суитомъ текстовъ, если не прибѣгать къ орѳографическому тексту. Намъ кажется, что цѣлесообразнѣе было бы раздѣлить текстъ по словамъ съ обозначеніемъ связанности особымъ знакомъ, напр. небольшою соединительною дугою. Вотъ тотъ же текстъ съ указаннымъ измѣненіемъ транскрипціи:

-pijpl júwst‿tə‿ϑiṅk δi‿əəϑ wəz‿ə‿káind‿əv flæt keik', -wiδ‿δə‿sij ɔl ráund‿it; bət‿wij‿nóu‿nau δət‿íts‿ríəli‿·raund', :laik‿ə‿bɔl'--nót kwait :raund, bət‿ə‿litl flætnd', :laik‿ən‿órinʒ.

III. Соотношеніе между русскою и нѣмецкою звуковыми системами.

а. Ударяемые гласные.

Подобно французскому и англійскому и отлично отъ русскаго языка, въ нѣмецкомъ языкѣ ударяемые гласные различаются долгіе и краткіе. Ударяемые гласные русскаго языка со стороны длительности довольно близки къ нѣмецкимъ краткимъ, хотя и не достигаютъ ихъ краткости; еще болѣе

---

[1]) Въ обычной орѳографической передачѣ: *Nature.* People used to think he earth was a kind of flat cake, with the sea all round it; but we know now that it is really round, like a ball—not quite round, but a little flattened, like an orange.

кратки въ нѣмецкомъ гласные передъ двойными согласными, какъ напр. въ словѣ bitte. Со стороны качества *долгіе* гласные *e* и *o* въ нѣмецкомъ узки или закрыты и напоминаютъ соотвѣтствующіе долгіе гласные англійскаго языка, подобно имъ произносясь дифтонгически. Сильно закрытое произношеніе этихъ гласныхъ отражается и на характерѣ случайныхъ ослышекъ, встрѣчающихся при воспріятіи русскимъ скораго нѣмецкаго разговора: такъ напр., выраженіе — *O*hne mein Verdienst (не́ зачто, соб. „безъ моей заслуги") было заслушано въ видѣ *u*nmein Verdienst. [1]) Что касается *краткихъ* гласныхъ нѣмецкаго, то они имѣютъ открытое произношеніе. Кромѣ того, нужно помнить, что въ нѣмецкомъ языкѣ, подобно французскому и англійскому, согласные передъ палятальными гласными сохраняются твердыми. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что русскому усвоеніе нѣмецкихъ краткихъ гласныхъ не представитъ особенныхъ трудностей, ему нужно главнымъ образомъ привыкнуть къ твердому произношенію палятальныхъ слоговъ (между тѣмъ какъ нѣмцу, при усвоеніи русскаго произношенія, требуется привыкать къ произнесенію сочетаній изъ гласныхъ съ палятальными согласными).

Наше разсмотрѣніе нѣмецкихъ ударяемыхъ гласныхъ мы дополнимъ сравненіемъ ихъ съ французскими, приведя интересныя наблюденія изъ сочиненія Franke F. Ergänzungsheft zu Phrases de tous les jours. Leipzig (1897)[5]. „Дѣятельность губъ во французскомъ гораздо энергичнѣе, нежели въ нѣмецкомъ: во французскомъ гласные безъ губнаго округленія представляютъ болѣе сильное оттягиваніе губной щели назадъ, а гласные съ губнымъ округленіемъ — болѣе энергичное съуженіе и выдвиженіе губъ впередъ" (стр. 47). „Гласные æ, œ, ɔ во французскомъ, особенно если они долги и съ удареніемъ, по большей части произносятся немного открытѣе, нежели соотвѣтствующіе нѣмецкіе звуки" (стр. 48). Очевидно это послѣднее сопоставленіе французскихъ и нѣмецкихъ гласныхъ по широтѣ требуетъ оговорки: открытость указываемыхъ гласныхъ во французскомъ соединяется съ дол-

---

[1]) Русскія дѣти, перенимая нѣмецкое произношеніе, на первыхъ порахъ произносятъ нѣмецкое ō въ видѣ рус. *у*, напр. у́нэ (ohne); срв. упоминавшееся аналогичное явленіе при воспріятіи франц. закрытаго *о*.

тимъ, а въ нѣмецкомъ съ краткимъ произношеніемъ, такъ что сравниваются по открытости долгіе гласные одного языка съ краткими другаго, т. е. напр. *франц.* tempête, chaleur, store || *нѣм.* Hemd, Dörfer, Dorf.

Въ отношеніи произношенія нѣмецкихъ гласныхъ, начинающихъ слово, нужно помнить о той характерной ихъ особенности, что произношеніе ихъ начинается отрывисто, разомъ, аттакированно (если употребимъ музыкальный терминъ). Указанная особенность произношенія начальныхъ гласныхъ встрѣчается даже внутри нѣкоторыхъ сложныхъ словъ, напр. Mundart („говоръ") произносится съ перерывомъ, т. е. какъ Munt-'art.

Особенность нѣмецкаго языка сравнительно съ русскимъ составляютъ далѣе *гласные смѣшаннаго образованія ö* и *ü*, которыхъ русскій языкъ совсѣмъ не знаетъ, [1]) и затѣмъ *дифтонги.* Не лишне будетъ на послѣднемъ вопросѣ остановиться нѣсколько долѣе, чтобы разъяснить разницу въ произношеніи созвучныхъ словъ, напр. нѣм. Mai и рус. май: въ русскомъ словѣ слышится бо́льшая отрывистость конечнаго *й*, какъ согласнаго, тогда какъ въ нѣмецкомъ словѣ имѣется постепенность перехода отъ гласнаго *а* къ слѣдующему за нимъ полугласному. Та же разница между нѣмецкимъ дифтонгомъ *oi* и русскимъ сочетаніемъ *ой.* Что касается нѣмецкаго дифтонга, изображаемаго на письмѣ посредствомъ *au*, то онъ произносится какъ ou̯ (гдѣ знакъ дуги подъ *u* означаетъ ослабленность втораго компонента); этимъ можно объяснить, что фраза: Da, *au*f dem Tisch (т. е. „тамъ, на столѣ"), произнесенная очень скоро, была заслушана русскимъ въ такомъ видѣ: Dá *o*fn Tísch. [2])

---

[1]) Впрочемъ, въ рѣчи образованныхъ русскихъ такіе гласные нерѣдко можно слышать въ иностранныхъ словахъ, напр. бюро, Бёрне, при чемъ даже и предшествующіе согласные при этомъ не смягчены; очевидно, тутъ имѣетъ мѣсто прямо подстановка иностраннаго произношенія, какъ болѣе привычнаго для этихъ словъ.

[2]) Русскія дѣти, подражая нѣмецкому произношенію, дифтонгъ *au* на первыхъ порахъ выговариваютъ какъ *о*, только протягивая этотъ гласный, напр. о̄х (auch).

б. Неударяемые гласные.

Въ нѣмецкомъ языкѣ неударяемые гласные имѣютъ краткое произношеніе какъ въ слогахъ послѣ ударенія, такъ и передъ ударенiемъ. Отсюда ясно, что для русскаго трудность въ нѣмецкомъ языкѣ будетъ представлять пріобрѣтеніе привычки къ краткому произношенію гласныхъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенному, напр. g*e*funden и т. д., тогда какъ нѣмцу (какъ и англичанину) придется привыкать къ довольно сильному произношенію русскихъ гласныхъ въ томъ же неударяемомъ положеніи. Что касается послѣударенныхъ слоговъ въ словѣ, то нѣмецкій языкъ представляетъ ту аналогію съ англійскимъ, что неударяемые гласные внутри слова послѣ ударенія легко исчезаютъ (даже на письмѣ нерѣдко опускаются въ этомъ случаѣ начертанія исчезающихъ слабыхъ гласныхъ, напр. uns*e*re || unsre). [1])

Типичнымъ *индифферентнымъ* неударяемымъ гласнымъ нѣмецкаго языка является гласный *e*, въ которомъ совпали гласные разнаго происхожденія (по пути развитія отъ древне-верхне-нѣмецкаго къ средне-верхне-нѣмецкому, около 1100 г.), напр. Gab*e* и др. (съ этимъ гласнымъ можно сопоставить въ русскомъ конечный неударяемый гласный слова „спицѣ", тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ и предшествующій согласный имѣетъ твердое произношеніе. Въ англійскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, такимъ типичнымъ индифферентнымъ гласнымъ является ə, тоже и во французскомъ, при чемъ англійское ə имѣетъ болѣе задній язычный укладъ при пассивности губъ, тогда какъ французское ə—болѣе передній въ соединеніи съ участіемъ, хотя и слабымъ, губъ. Въ русскомъ типичнымъ индифферентнымъ гласнымъ является нѣсколько иной звукъ—*ъ* (а послѣ мягкихъ согласныхъ—ь). Такимъ образомъ, каж-

---

[1]) Приведемъ относящееся сюда наблюденіе г. Боборыкина надъ нѣмецкимъ произношеніемъ, сообщенное имъ въ одномъ изъ фельетоновъ (Рус. Слово 1909 г., № 198): Боже избави васъ произнести это слово (Zeppelin) такъ, какъ оно пишется, т. е. съ раздѣльными слогами: «Цеп-пе-линъ!» Нѣмецъ остановитъ васъ и скажетъ, что надо произносить «Zepp'lin». Почему надо проглатывать второе «е», это—тайна германскаго прононса. Вѣроятно, потому же всѣ нѣмцы произносятъ французское слово «Appétit» не иначе, какъ «App'tit».

дый изъ названныхъ языковъ требуетъ спеціальной привычки къ своему слабому индифферентному гласному, характеръ которого обусловливается особенностями исходнаго фонаціоннаго базиса въ каждомъ изъ нихъ. [1])

Слабый индифферентный гласный нѣмецкаго языка, какъ уже упоминалось, легко исчезаетъ; особенно часты случаи недослышиванія этого гласнаго для русскаго уха, еще непривыкшаго къ быстрому темпу нѣмецкой рѣчи, напр. вм. *he*rein послышалось rein и т. п. [2]) Соотвѣтственно существованію фазы исчезанія слабаго неударяемаго гласнаго въ нѣмецкомъ мы видимъ существованіе слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ въ подходящихъ для того условіяхъ.

Намъ остается еще указать на одну особенность нѣмецкаго языка, именно что нѣмецкому языку свойственно перенесеніе главнаго ударенія въ глаголахъ, сложныхъ съ извѣстными префиксами, съ корневаго слога на префиксъ, при чемъ на корнѣ остается побочное удареніе (напр. ángekòmmen), и русскому придется привыкать къ типичному произношенію такихъ словъ. Кромѣ того, эти префиксы имѣютъ свойство отдѣляться отъ глагола, помѣщаясь въ концѣ предложенія, и нужно привыкнуть такъ произносить въ подобномъ предложеніи отдѣленные префиксы, чтобы не нарушалась фонетическая цѣлостность предложенія (тѣмъ болѣе, что русскіе на первыхъ порахъ нерѣдко даже совсѣмъ забываютъ присоединить отдѣленный префиксъ къ концу предложенія, а замѣтивъ свою ошибку, прибавляютъ этотъ префиксъ, но уже внѣ фонаціонной цѣльности предложенія). Замѣтимъ кстати, что нѣсколько сходное явленіе въ области глаголовъ сложныхъ съ префиксами знаетъ также англійскій языкъ. Въ заключеніе прибавимъ, что нѣмецкому языку свойственно корневое ударе-

---

[1]) Въ виду такого рода тонкихъ различій между звуковыми системами отдѣльныхъ языковъ, я никакъ не могу одобрить тѣхъ русскихъ лингвистовъ, которые опредѣленіе неударяемыхъ гласныхъ народныхъ русскихъ говоровъ подгоняютъ подъ условныя обозначенія иностранныхъ звуковыхъ системъ вмѣсто того, чтобы опереться на систему гласныхъ живой русской литературной рѣчи, съ которою и сравнивать.

[2]) Фраза «ich ziehe *das* alte Brot vor» (т. е. я предпочитаю черствый хлѣбъ) въ скоромъ темпѣ превращается въ слѣдующую: «ich ziehe *t's* ålte Brot vȯr».

ніе, не на флексіи, а потому нѣмцу будутъ представлять нѣкоторую трудность тѣ случаи русской флексіи, гдѣ удареніе приходится на окончаніи. [1])

в. Согласные звуки.

Что касается дѣйствія *гортани*, то прежде всего укажемъ на особенность произношенія въ нѣмецкомъ звонкихъ взрывныхъ согласныхъ, которые, будучи захватываемы слишкомъ короткое время звучаніемъ гортани, производятъ акустическое впечатлѣніе близкое къ впечатлѣнію соотвѣтствующихъ глухихъ согласныхъ. Отмѣтимъ еще существованіе въ нѣмецкомъ звука густаго придыханія, напр. *h*aben (между гласными внутри словъ онъ исчезъ, подобно аналогичному явленію въ древне-греческомъ языкѣ).

Въ области артикуляцій *органовъ произношенія* къ особенностямъ нѣмецкаго консонантизма (равно какъ французскаго и англійскаго) сравнительно съ русскимъ принадлежитъ если и не отсутствіе, то крайняя бѣдность категоріи мягкихъ согласныхъ: могутъ смягчаться только задне-язычные согласные. Затѣмъ нѣмецкій имѣетъ среднее по твердости *l* [2]) (поэтому въ такихъ словахъ, какъ *L*icht, русскому слѣдуетъ отвыкнуть отъ привычнаго произношенія мягкаго *л*) и заднеязычное *n*. Кромѣ того, въ нѣмецкомъ передне-язычные согласные болѣе альвеолярны сравнительно съ русскими, а тѣмъ болѣе французскими, болѣе сходствуя въ этомъ случаѣ съ англійскими.

Въ отношеніи *способа произношенія* согласныхъ нужно замѣтить, что конечные взрывные (—глухіе, такъ какъ звон-

---

[1]) Указанная особенность нѣмецкаго языка будетъ сказываться также и при усвоеніи нѣмцемъ французскаго произношенія; по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ нѣмецъ будетъ съ напоромъ произносить начальный слогъ французскихъ словъ: такъ, напр., мною записано фонетически отъ нѣмца изъ Вѣны произношеніе французскихъ словъ *changer* и *demander* въ видѣ— šɑ̃'žə, demɑ̃'də. Склонность къ такой акцентуаціи французскихъ словъ можно наблюдать и у англичанъ.

[2]) Монографическій обзоръ разновидностей произношенія *l* въ европейскихъ языкахъ даетъ Škrabec S. въ издаваемомъ имъ словинскомъ духовномъ журналѣ Cvetje z vertov sv. Frančiška въ № 8 и 9 за 1903-ій годъ (на обложкѣ журнала).

кіе на концѣ словъ еще въ средне-верхне-нѣмецкомъ измѣнились въ глухіе) произносятся съ замѣтнымъ придыханіемъ (напр. p^h),—отлично не только отъ русскихъ, но и французскихъ конечныхъ согласныхъ.

Что касается группъ согласныхъ, именно—взрывныхъ, то въ нѣмецкомъ онѣ выговариваются очень связно, что̀ особенно замѣтно при сравненіи съ французскимъ: въ нѣмецкомъ второй согласный подготовляется уже въ то время, когда еще не оконченъ первый, во французскомъ же второй согласный образуется по совершенномъ окончаніи перваго. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ напр. произношеніе созвучныхъ словъ—франц. *acte* и нѣм. *Akt*: во французскомъ смычка для *t* образуется послѣ взрыва для *k*, а въ нѣмецкомъ конецъ языка лежитъ уже на зубахъ, когда спинка образуетъ еще смычку съ небомъ. Потому и слуховое ощущеніе получается разное: въ нѣмецкомъ словѣ *Akt* группа *kt* звучитъ почти какъ одинъ звукъ, тогда какъ во французскомъ словѣ *acte* согласные слышатся отчетливо одинъ послѣ другаго (Franke, l. c., стр. 52). Произношеніе группъ взрывныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ занимаетъ среднюю ступень между нѣмецкимъ и французскимъ. Необходимо еще замѣтить, что сочетанія взрывныхъ согласныхъ во французскомъ языкѣ, какъ и въ англійскомъ, являются упростившимися (по формулѣ $CC_1 \rightarrow C_1$), такія же слова какъ *acte* представляютъ продуктъ позднѣйшаго ученаго усвоенія.

Другую особенность нѣмецкаго языка, быть можетъ стоящую въ связи съ только что разсмотрѣнною, составляетъ своеобразное произношеніе „удвоенныхъ" согласныхъ: такое сочетаніе произносится безъ значительнаго усиленія, но за то предшествующій гласный какъ бы урѣзывается согласнымъ и такимъ образомъ является очень краткимъ. Въ литературной русской рѣчи двойные согласные имѣютъ болѣе усиленное произношеніе, что̀ отражается и на различіи слуховаго впечатлѣнія сравнительно съ впечатлѣніемъ отъ нѣмецкаго произношенія. Въ нѣмецкомъ языкѣ произношеніе двойныхъ согласныхъ сближается съ произношеніемъ простыхъ согласныхъ въ положеніи послѣ краткаго гласнаго. Въ послѣднемъ случаѣ согласный въ слоговомъ отношеніи какъ бы замыкаетъ собою предшествующій гласный, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ произносится съ слѣдующимъ, такъ что произношеніе напр.

слова *gebe* можетъ быть транскрибировано какъ gĕbᵊ; между тѣмъ во французскомъ, испанскомъ, новогреческомъ и въ славянскихъ языкахъ, а также въ нѣмецкихъ говорахъ Швейцаріи, согласный въ такихъ случаяхъ относится къ экспираціи слѣдующаго слога, т. е. какъ это наблюдается и въ нѣмецкомъ, когда согласному предшествуетъ долгій гласный. Отличіе простыхъ взрывныхъ отъ соотвѣтствующихъ двойныхъ согласныхъ въ нѣмецкомъ здѣсь лишь то, что у первыхъ существеннымъ является смычный характеръ, а у вторыхъ смычно-взрывной.[1]) Указанную особенность произношенія простыхъ согласныхъ послѣ краткаго гласнаго раздѣляетъ съ нѣмецкимъ языкомъ также англійскій, въ чемъ можно предположить проявленіе близкаго генетическаго сродства между звуковыми системами этихъ языковъ, на что указывалось нами и раньше. Такимъ образомъ мы можемъ принять проявленіе генетическаго сродства между произношеніемъ англійскимъ и нѣмецкимъ въ слѣдующемъ:

1) мало замѣтное resp. незамѣтное выдвиженіе губъ впередъ при губныхъ гласныхъ;

2) краткіе средніе гласные болѣе открыты сравнительно съ соотвѣтствующими долгими;

3) долгіе средніе гласные имѣютъ характеръ съуживающихся дифтонговъ;

4) между неударяемыми положеніями гласныхъ наиболѣе благопріятствуетъ исчезновенію слабаго гласнаго положеніе послѣ ударенія внутри слова;

5) большая альвеолярность передне-язычныхъ согласныхъ;

6) особенность произношенія простыхъ согласныхъ послѣ краткаго гласнаго внутри слова.

Мнѣ остается еще упомянуть, что неправильности русской рѣчи въ устахъ нѣмца нерѣдко выводились въ русской художественной литературѣ. Укажу для примѣра на „Отрочество“ гр. Л. Н. Толстаго (гл. VIII), гдѣ приводится почти дословно разсказъ Карла Ивановича, а первая фраза разсказа и съ неправильностями произношенія: „*Я былъ нешасливъ ишо во чрева моей матри*“, гдѣ мы видимъ замѣну *ч* посредствомъ *ш* и пропускъ неударяемаго гласнаго въ слабомъ

---

[1]) Срв. Sievers E. Grundzüge der Phonetik (1901)⁵ въ главѣ «Die Silbentrennung» §§ 551, 559.

положеніи; срв. также въ гл. XVII: „шалунья маль*ш*икъ“. Можно указать далѣе на фразы Амаліи Ивановны въ романѣ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“ (ч. 5, гл. 2), гдѣ кромѣ *ш* вм. *ч* видимъ еще замѣну твердаго русскаго *л* посредствомъ мягкаго (точнѣе—посредствомъ средняго), а также иногда замѣну начальнаго *х* черезъ *к*: о*ш*ень, пришо*ль*, *к*арашо и др.

Въ заключеніе представлю нѣсколько фразъ въ научно-фонетической транскрипціи Vietor'a изъ его Deutsches Lesebuch in Lautschrift, 1899:

ve:r niçt ˈʔarbaitən vil, | de:r ˈzəl | ʔaux niçt ˈʔɛsen (т. е. Wer nicht arbeiten will, der soll auch nicht essen).

be:te | ʔund ˈʔarbaitə! (=Bete und arbeite).

Знакъ ʔ служитъ для обозначенія рѣзкаго начала гласнаго.

10. О русскомъ правописаніи.

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію *русскаго правописанія* или (употребляя совершенно равнозначущее иностранное слово) русской орѳографіи, —къ предмету, представляющему значительную трудность въ дѣлѣ нашего школьнаго обученія. Трудность эта обусловливается тѣмъ, что наша общеупотребительная орѳографія значительно расходится съ произношеніемъ, слѣдуя своимъ особымъ принципамъ. Цѣль настоящей статьи—представить обзоръ этихъ принциповъ (включая сюда и основной принципъ русской графики), въ ихъ взаимоотношеніи и этимъ дать основанія, на которыя должно опираться рѣшеніе частныхъ, а также и спорныхъ вопросовъ въ области русской орѳографіи.

Основной принципъ русской графики.[1]) Мы уже знаемъ, насколько широко развита въ русскомъ языкѣ категорія мягкихъ согласныхъ, такъ что почти для каждаго твердаго согласнаго имѣется соотвѣтствующій мягкій. Мы знаемъ также, что для различенія твердости и мягкости согласныхъ русское письмо пользуется спеціальными начертаніями ъ и ь, первымъ—для обозначенія твердости, а вторымъ—для обозначенія мягкости согласныхъ. Но этотъ пріемъ обозначенія при-

---

[1]) Считаемъ необходимымъ оговориться, что здѣсь по отношенію къ гласнымъ звукамъ имѣется въ виду главнымъ образомъ обозначеніе ударяемыхъ гласныхъ, такъ какъ орѳографическая передача неударяемыхъ гласныхъ, какъ увидимъ ниже, подчиняется принципу аналогіи къ написаніямъ ударяемыхъ.

мѣняется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда согласный заканчиваетъ собою слово, или же не произносится слитно съ слѣдующимъ гласнымъ, напр. сто*лъ*—сто*ль*, объявить—выбъю. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, гдѣ согласный произносится слитно съ слѣдующимъ гласнымъ. Мы замѣчаемъ при этомъ, что сочетанія твердыхъ согласныхъ съ гласными обозначаются весьма просто и естественно, т. е. буквами алфавита, соотвѣтствующими даннымъ звукамъ, напр. *са.* Если же мы возьмемъ сочетаніе того же согласнаго, но только мягкаго, съ тѣмъ же гласнымъ, то мы выразимъ это различіе съ помощью иной буквы гласнаго, т. е. *ся* (срв. также *со* || *сё*, *су* || *сю*, *сэ* || *се*, *сы* || *си*; [1]) *та* || *тя*, *ту* || *тю* и т. п. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что въ орѳографическихъ написаніяхъ *ся* и *са* буква *с* обозначаетъ согласный звукъ не сполна, именно—не обозначаетъ его твердости или же мягкости; буквы же *а* и *я* обозначаютъ болѣе одного звука, а именно, буква *а* обозначаетъ гласный звукъ **а**, да еще показываетъ, что предъидущій согласный слѣдуетъ произносить твердо, буква *я* обозначаетъ тоже гласный звукъ **а**, да еще мягкость предъидущаго согласнаго. [2]) И такъ: хотя орѳографическія написанія *ся* и *са* и выражаютъ произ-

---

[1]) Въ послѣднемъ примѣрѣ гласные *ы* и *и* уже качественно отличаются другъ отъ друга, при чемъ первый можетъ сочетаться только съ предшествующими твердыми согласными, а второй—только съ согласными мягкими.

[2]) Въ научно-фонетическомъ письмѣ—какъ мы знаемъ—твердый согласный обозначается просто соотвѣтствующею буквою, тогда какъ мягкій—этою же буквою съ присоединеніемъ значка; поэтому сочетаніе твердаго согласнаго **с** съ гласнымъ **а** въ научно-фонетическомъ письмѣ должно быть обозначено такъ: **са**. Мы замѣчаемъ, что это написаніе одинаково съ соотвѣтствующимъ орѳографическимъ написаніемъ *са.* Однако между этими написаніями имѣется существенная разница: въ научно-фонетическомъ написаніи **са** буквы порознь соотвѣтствуютъ звукамъ (буква **с** обозначаетъ твердый согласный **с**; буква **а** обозначаетъ гласный звукъ **а**); въ орѳографическомъ же написаніи *са* буквы порознь не соотвѣтствуютъ звукамъ (буква *с* обозначаетъ согласный звукъ **с**, но не выражаетъ его твердости; буква *а* обозначаетъ гласный **а**, да еще твердость предъидущаго согласнаго). Иначе: если мы написали букву **с** въ научно-фонетическомъ письмѣ, то она обозначаетъ твердый согласный **с**; если мы написали ту же букву въ орѳографическомъ письмѣ, то она обозначаетъ согласный **с** не сполна,—твердость или же мягкость этого согласнаго будетъ обозначено буквою слѣдующаго гласнаго звука.

ношеніе, но въ нихъ *буквы* порознь *не соотвѣтствуютъ звукамъ, не параллельны звукамъ* и нужно написать цѣлый слогъ, чтобы опредѣлить, твердо или же мягко слѣдуетъ произнести согласный; потому-то это основное свойство русскаго письма называютъ принципомъ силлабическимъ или послкладнымъ.

До сихъ поръ мы брали въ расчетъ только согласные *парные по твердости и мягкости*; теперь перейдемъ къ согласнымъ *непарнымъ* въ этомъ отношеніи—*ш*, *ж*, *ч*, представляющимъ особенность въ данномъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что согласные *ш* и *ж*—тверды, а потому мы ожидали бы послѣ нихъ написанія *а*, *у*, *ы*; на самомъ дѣлѣ вмѣсто послѣдней буквы пишется *и* согласно принципу историческому, разсматриваемому ниже. Напротивъ того, согласный *ч* мягокъ и соотвѣтственно этому слѣдовало бы писать послѣ *ч* буквы *я*, *ю*, *и*, однакожъ вмѣсто первыхъ двухъ пишутъ *а* и *у*, какъ бы для гармоніи съ другими шипящими. Что касается непарнаго согласнаго *ц*, то вполнѣ послѣдовательно пишутъ *ца*, *цу*, *цы* въ согласіи съ обычной твердостью этого согласнаго; особенность представляютъ лишь иностранныя слова, въ которыхъ послѣ *ц* пишутъ *и*, а не *ы*, напр.: прин*ци*пъ, Песталоц*ци*, лек*ці*я.

Во всѣхъ случаяхъ, которые мы до сихъ поръ разсматривали, буквы гласныхъ звуковъ стояли послѣ буквъ согласныхъ звуковъ. Разсмотримъ буквы гласныхъ звуковъ въ другихъ положеніяхъ.

Я.

Какъ мы видѣли, эта буква въ сочетаніи съ предшествующей буквой согласнаго звука обозначаетъ собою гласный *а* и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкость предшествующаго согласнаго. Въ отдѣльномъ употребленіи, а также во всѣхъ остальныхъ положеніяхъ, т. е. въ началѣ словъ, послѣ буквы гласнаго звука, а также послѣ буквъ *ъ* и *ь* она обозначаетъ собою два звука: j+а. Срв. *я*, *я*ма, подпо*я*сывать, объ*я*вить, бадь*я*, пь*я*ница. [1])

---

[1]) Въ послѣднемъ примѣрѣ *пь*, не имѣя передъ собой гласнаго звука, по необходимости примыкаетъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему *я*, при чемъ однако не сливается съ нимъ настолько, чтобы *я* при произношеніи такого сочетанія могло утратить свой начальный j.

Е.

Относительно этой буквы можно сказать, что ея употребленіе въ словахъ аналогично буквѣ *я*, т. е. что въ сочетаніи съ предшествующею буквою согласнаго звука она обозначаетъ гласный *э* и мягкость этого согласнаго (только послѣ непарныхъ *ш*, *ж*, *ц* ею обозначается гласный *э* съ твердою экскурсіей), а во всѣхъ остальныхъ положеніяхъ выражаетъ сочетаніе **j + э**, напр.: *е* (названіе буквы), *е*ль, мо*е*му, объ*е*динить, гулянь*е*.

То же самое слѣдуетъ сказать о буквѣ *е* (*ё*), когда она обозначаетъ собою гласный *о*: послѣ буквы согласнаго звука она кромѣ гласнаго *о* еще выражаетъ и мягкость предъидущаго согласнаго, напр. н*е*съ (за исключеніемъ *ш* и *ж*, послѣ которыхъ *о* имѣетъ твердую экскурсію), въ другихъ же случаяхъ эта буква обозначаетъ сочетаніе **j + о**, напр.: *ё* (названіе буквы), *е*лка, ча*ё*къ, съ*е*мка, ль*е*мъ. Можно замѣтить, что буква *е* произносится какъ **о** при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ, а также въ ударяемомъ концѣ словъ, напр. жить*е*.

Ѣ.

Послѣ буквъ согласныхъ звуковъ *ѣ* = **э** и мягкости предшествующаго согласнаго (за исключеніемъ твердыхъ шипящихъ и *ц*), а въ прочихъ случаяхъ = **j + э**, напр. *ѣ*сть, по*ѣ*лъ, съ*ѣ*мъ, о судь*ѣ*.

Ю.

Послѣ буквъ согласныхъ звуковъ *ю* = **у** + (плюсъ) мягкость предшествующаго согласнаго, а въ остальныхъ положеніяхъ = **j + у**; срв. *ю* (названіе буквы), *ю*ла, по*ю*лить, съ*ю*лить, вь*ю*шка и т. д.

И.

Эта буква представляетъ ту особенность по сравненію съ ранѣе разсмотрѣнными, что въ отдѣльномъ употребленіи и въ началѣ словъ обозначаетъ обычно не сочетаніе **j + V**, но только одинъ гласный звукъ *i*, хотя впрочемъ въ произношеніи нѣкоторыхъ лицъ можно уловить слухомъ слабый от-

тѣнокъ j передъ началомъ гласнаго. [1]) Въ положеніи послѣ гласнаго звука этотъ оттѣнокъ j проявляется уже болѣе опредѣленно, напр. въ словѣ „по*и*мка"; наиболѣе же замѣтно слышится j при выговариваніи буквы *и* въ такихъ словахъ, въ которыхъ эта послѣдняя стоитъ послѣ ь, напр. бадь*и*. Если же начертаніе *и* слѣдуетъ за буквою ъ, то оно представляетъ рѣшительное отличіе отъ произношенія буквы *и* въ другихъ положеніяхъ, такъ какъ тутъ буква *и* выговаривается какъ **ы**, напр. предъидущій (пишутъ также—пред*ы*дущій). Въ тѣхъ случаяхъ, когда буква *и* стоитъ послѣ буквъ согласныхъ звуковъ, то здѣсь она обозначаетъ кромѣ гласнаго **і** еще вмѣстѣ съ тѣмъ и мягкость предшествующихъ согласныхъ за исключеніемъ шипящихъ **ш** и **ж**, которые—какъ извѣстно—не бываютъ мягкими въ общерусскомъ языкѣ и послѣ которыхъ буква *и* произносится уже какъ **ы**, хотя и нестоль открыто, какъ въ отдѣльности.

А, О, У, Ы.

Что касается этихъ буквъ, то онѣ во всѣхъ положеніяхъ обозначаютъ соотвѣтствующіе гласные звуки.

Переходимъ теперь къ обзору принциповъ русскаго правописанія.

I. Принципъ фонетическій основывается на томъ, что мы привыкаемъ ассоціировать идеи слышимыхъ звуковъ съ соотвѣтствующими начертаніями. Отсюда этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что слова пишутся соотвѣтственно тому, какъ они слышатся. Однако дѣйствіе этого принципа въ русской орѳографіи значительно ограничено другими принципами, къ которымъ мы и переходимъ.

---

[1]) Этотъ оттѣнокъ особенно часто и замѣтно слышится въ мѣстоименныхъ формахъ—*и*хъ, *и*мъ, *и*ми, но какъ кажется по аналогіи съ такими выраженіями, какъ «съ *и*хъ», гдѣ на ряду съ выговоромъ с ы х встрѣчается также и с j і х. Кромѣ того, произношеніе j і слышится въ неударяемомъ началѣ такихъ словъ, какъ—*я*мщикъ, гдѣ очевидно такой опредѣленный j сохранился отъ прежняго сочетанія j+а (*я*).

II. Принципъ аналогіи основывается на томъ, что мы привыкаемъ ассоціировать знаменательные комплексы звуковъ въ морфологическихъ частяхъ словъ съ опредѣленными начертаніями, которыя примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда не вполнѣ соотвѣтствуютъ произношенію данной морфологической части. Такимъ образомъ, этотъ принципъ выражается въ томъ, что нѣкоторые звуки той или другой морфологической части въ словѣ пишутся въ соотвѣтствіи не съ тѣми звуками, которые слышатся при произношеніи даннаго слова, а въ соотвѣтствіи съ звуками, произносящимися въ *родственныхъ словахъ*. Принципъ аналогіи или морфологическій имѣетъ широкое распространеніе въ русской орѳографіи, примѣняясь къ написанію какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, и притомъ въ разныхъ морфологическихъ частяхъ словъ, такъ какъ родство между словами можетъ быть не только по корню, но также по префиксамъ, суффиксамъ и окончаніямъ.

Въ области согласныхъ подъ этотъ принципъ подходитъ обозначеніе конечныхъ согласныхъ, *парныхъ по звонкости и глухости*. Въ качествѣ примѣровъ разсмотримъ орѳографическія написанія „пло*дъ*" и „пло*тъ*". Что касается перваго написанія, то совершенно ясно, что въ немъ написано на концѣ *дъ* не-фонетически, такъ какъ въ концѣ этого слова произносится не **д**, а соотвѣтствующій глухой согласный **т**. Въ разсматриваемомъ словѣ пишется буква *д* потому, что въ родственныхъ словахъ произносится **д** (а не **т**) *передъ слѣдующимъ гласнымъ* (т. е. въ томъ положеніи, въ которомъ согласные не претерпѣваютъ измѣненія въ отношеніи своей звонкости или же глухости). Такъ, въ склоненіи нашего слова во всѣхъ падежныхъ формахъ ед. и мн., кромѣ И. и В. ед., произносится **д**, напр. плода, плоду и пр., а также и въ менѣе близкихъ родственныхъ словахъ, напр. плодовый и т. д. Подобнымъ же образомъ въ словѣ „пло*тъ*" написано *т* по аналогіи (по сходству) съ другими родственными по корню словами, въ которыхъ за даннымъ согласнымъ слѣдуютъ гласные звуки, напр. плота, плоту и т. д. Другія написанія по тому же принципу: ра*бъ*, бо*бъ*, го*дъ*, ро*дъ*, со*тъ*, ро*тъ* и т. п. Согласные *непарные* (относительно звонкости и глухости) выражаются орѳографически въ концѣ слова всегда одною и тою же соотвѣтствующею буквою, напр.: тка*чъ*, рѣ*чъ*, дѣле*цъ*, кра*й*, да*ръ*, да*лъ*, да*мъ*, да*нъ*.

Въ томъ случаѣ, когда конечный согласный одной морфологической части приходитъ въ соприкосновеніе съ другимъ согласнымъ, начинающимъ слѣдующую морфологическую часть и отличающимся отъ него по звонкости или глухости, то иногда первый согласный ассимилируется въ произношеніи второму; на письмѣ же онъ обычно изображается не фонетически, а по аналогіи къ родственнымъ словамъ, въ которыхъ соотвѣтствующій согласный стоитъ передъ гласнымъ. Такъ, напр., въ словахъ „*съ* дубомъ", „*с*быть", „*с*дѣлать" и т. п., не смотря на звонкое произношеніе согласнаго (з) въ предлогѣ или префиксѣ, пишется *с* по аналогіи съ такими случаями, какъ „*съ* ухомъ", „*съ*узить" и т. д.; съ другой стороны, въ словахъ „на*дъ* селомъ", „на*д*смѣяться", не смотря на глухое произношеніе конечнаго согласнаго (т) въ предлогѣ, пишется *д* по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ „на*дъ* озеромъ" и др. Нужно однако оговориться, что тамъ, гдѣ морфологическій составъ слова недостаточно прозраченъ, столкновеніе принциповъ морфологическаго и фонетическаго оканчивается побѣдою послѣдняго; такъ, напр., въ словѣ „*везд*ѣ", не смотря на родство съ мѣстоименіемъ „*весъ*", пишется *з* сообразно фонетическому принципу. Подобнымъ же образомъ беретъ перевѣсъ фонетическое письмо надъ письмомъ по аналогіи при написаніи префиксовъ *раз*, *низ* и *воз*, не встрѣчающихся отдѣльно (т. е. въ качествѣ предлоговъ), а также и префикса *из* (употребляющагося и въ видѣ предлога): передъ глухими согласными (за исключеніемъ *с*) всѣ эти префиксы пишутся фонетически черезъ *с*, напр. ра*с*пятіе, ни*с*ходить, во*с*токъ, и*с*чезать (но—ра*з*смотрѣть, во*з*создать, и*з*стари).

Въ области гласныхъ принципу аналогіи слѣдуютъ написанія *неударенныхъ* гласныхъ. Такъ, напр., мы произносимъ: гȧдá, гъдȧвóј,[1]) а пишемъ по орѳографіи послѣ *г* букву *о*. Это опять по аналогіи къ родственнымъ словамъ: при удареніи въ данномъ корнѣ произносится гласный ó (напр. гóт), обозначаемый въ правописаніи черезъ *о*; та же буква пишется и для обозначенія соотвѣтствующихъ неударенныхъ гласныхъ. Примѣры подобныхъ же написаній по аналогіи въ другихъ морфологическихъ частяхъ:

[1]) Знакъ ȧ означаетъ звукъ между а и о, другими словами—а съ оттѣнкомъ о; ъ—знакъ краткаго слабаго ы.

Въ *префиксѣ:*
произносятъ „пъд'н'іма́т'", а пишутъ „поднимать" по аналогіи къ такимъ случаямъ, какъ „поднялъ", гдѣ соотвѣтствующій гласный произносится съ удареніемъ.

Въ *суффиксѣ:*
произносятъ „пр'іла́въкъ", а пишутъ „прилавокъ" по аналогіи къ „станокъ и т. п.

Въ *окончаніи:*
произносятъ „спо́ръф", а пишутъ „споровъ" по аналогіи къ „домовъ" и т. п.

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, насколько принципъ аналогіи или морфологическій водворяетъ въ орѳографіи однообразіе при написаніи однихъ и тѣхъ же корней и однихъ и тѣхъ же придаточныхъ морфологическихъ частей, написаніе которыхъ при примѣненіи фонетическаго принципа представляло бы рядъ разновидностей. Отсюда ясно, насколько морфологическій принципъ орѳографіи благопріятствуетъ легкости и быстротѣ схватыванія словъ при чтеніи, а также и быстротѣ передачи ихъ на письмѣ. [1])

III. Принципъ историческій или традиціи, опирающійся на силу привычки, состоитъ въ томъ, что орѳографія удерживаетъ прежнія написанія, хотя бы они и не соотвѣтствовали произношенію даннаго времени. При этомъ сохраняются не только такія написанія, которыя нѣкогда были фонетическими, но также и тѣ, которыя никогда не соотвѣтствовали русскому произношенію и или перешли изъ церковно-славянской письменности, или же были придуманы въ видѣ правилъ авторитетными грамматиками; кромѣ того, русская орѳографія содержитъ также нѣкоторыя прямо ошибочныя написанія, а также такія, которыя отражаютъ діалектическія особенности произношенія. Не слѣдуетъ однако думать, что правописаніе нисколько не мѣняется со временемъ: когда разница съ произношеніемъ становится черезчуръ велика,

[1]) Проведеніе въ орѳографіи чисто фонетическаго принципа, рекомендуемое нѣкоторыми учеными прежняго и новаго времени, стало бы тормазомъ для бѣглаго чтенія и письма, которыя достижимы лишь при морфологическомъ принципѣ: только при этомъ условіи можетъ легко образовываться переходъ дѣятельности чтенія и письма изъ сознательной въ безсознательную, что именно и необходимо для цѣлей общеупотребительнаго письма.

тогда являются попытки приблизить ороографію къ произношенію, при чемъ эти новыя написанія могутъ стать общепринятыми. Понятно, что измѣненіе правописанія совершается чрезвычайно медленно и притомъ не одновременно съ измѣненіемъ произношенія, а такъ сказать—отстаетъ. [1])

Примѣромъ такихъ написаній, которыя нѣкогда соотвѣтствовали произношенію, а теперь уже разошлись съ нимъ, могутъ служить написанія *ши* и *жи*, когда-то бывшія фонетическими.

Въ примѣръ написаній, перешедшихъ въ русскую ороографію изъ церковно-славянской письменности и не соотвѣтствующихъ общерусскому произношенію, укажемъ на такіе случаи, какъ „того", „добраго", гдѣ пишется *г*, а произносится в, а также на такія написанія, какъ *„высокій"*, *„упругій"*, *„тихій"* и т. п., гдѣ въ окончаніи пишется *-ій*, хотя выговариваютъ *-ый*. Въ иныхъ случаяхъ церковно-славянскія написанія не только перешли въ русскую ороографію, но утвердились и въ русскомъ произношеніи на ряду съ чисто русскими формами, при чемъ церковно-славянскія формы примѣняются преимущественно при возвышенной рѣчи, вторыя же въ обычной; срв. житіе || житье, Софія || Софья и т. п. [2])

Въ примѣръ такихъ написаній, которыя, не соотвѣтствуя произношенію, все-таки употребляются въ русской ороографіи согласно правиламъ, придуманнымъ прежними авторитетными грамматиками, укажемъ на употребленіе окончаній *-ые* (*-іе*) и *-ыя* (*-ія*) въ И. мн. именъ прилагательныхъ, рекомендованное еще Ломоносовымъ въ его Росс. Грамм. Позволимъ себѣ привести его подлинныя слова по этому вопросу: „Е и Я нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ Е и Я, во всѣхъ родахъ, употребленіе

---

[1]) Неравномѣрность и несоотвѣтствіе между измѣненіемъ произношенія и письма особенно замѣтны въ англійскомъ языкѣ и письмѣ, а также во французскомъ (хотя и въ меньшей степени).

[2]) Церковно-славянскія слова даннаго образованія представляютъ также и нѣкоторыя особенности въ склоненіи по сравненію съ соотвѣтствующими русскими словами; срв. напр. Предл. ед. *о житіи* (цк.-сл.) || *о житьѣ* (рус.)

позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужескихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ" (Росс. Грамм. § 116). Не смотря на то, что въ народномъ русскомъ языкѣ такого различенія по родамъ дѣйствительно не существуетъ, однакожъ орѳографическое правило утвердилось, сохранивъ свою силу до настоящаго времени.

Наконецъ, укажемъ еще и на прямо ошибочныя написанія, утвердившіяся въ русской орѳографіи и сохраняющіяся до сихъ поръ въ силу традиціи и общеупотребительности; срв. написанія *„песокъ"* и *„мелкій"*, гдѣ мы пишемъ *е*, хотя и слѣдовало бы писать *ѣ*, о чемъ можно заключить изъ сравненія съ старо-славянской письменностью и другими славянскими языками. Нѣкоторыя ошибочныя написанія, какъ мы уже упомянули, обязаны діалектологическому моменту и возникли подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ, въ особенности московскаго. Такъ, московскому аканью обязано написаніе *„калачъ"*, хотя это слово, происходя отъ „коло" (=кругъ, колесо) и находясь въ родствѣ съ словами „колесо", „кольцо" и т. д., должно было бы писаться согласно морфологическому принципу черезъ *о*. [1])

Однако не слѣдуетъ думать, что вышеизложенные принципы вполнѣ опредѣленно рѣшаютъ всѣ вопросы, какіе представляются при написаніи русскихъ словъ. Въ русской орѳографіи не мало такихъ случаевъ, гдѣ написанія еще не установились, представляя колебанія въ сторону того или другаго принципа. Ученые настоящаго времени стараются придти на помощь въ такихъ спорныхъ вопросахъ, предлагая для нихъ научное истолкованіе. Такъ напр. въ словѣ „идти" передъ окончаніемъ *-ти* одни пишутъ *т*, а другіе *д*. Гротъ, слѣдуя фонетическому принципу, отдаетъ предпочтеніе написанію *„итти"*, принимая, что безпредложная форма, по своей краткости, подала поводъ къ удвоенію согласной, очень обыкновенному въ нѣмецкомъ языкѣ. [2]) Но мы думаемъ, что на основаніи *нѣмецкаго* языка никакъ нельзя рѣшать вопросовъ *русскаго* языка, а тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, такъ какъ русскому языку не свойственно удвоеніе согласнаго, какое имѣется въ нѣмецкомъ языкѣ. Мы полагаемъ, что единствен-

---

[1]) См. еще примѣры, указываемые ниже въ Очеркѣ 13-омъ.

[2]) Спорные вопросы (1876)^2 стр. 256—258.

но правильнымъ написаніемъ нужно признать „*идти*“, гдѣ должно писать *д* по аналогіи къ „иду“ подобно такимъ случаямъ, какъ *ползу* || *ползти* и пр. [1])

IV. Принципъ написанія иностранныхъ словъ, вообще говоря, состоитъ въ томъ, что иностранныя слова пишутся согласно съ написаніемъ ихъ въ томъ языкѣ, изъ котораго они заимствованы; отсюда видно, что принципъ этотъ основывается такъ же на привычкѣ къ извѣстному начертанію словъ, какъ и выше разсмотрѣнный принципъ историческій. Нужно однако замѣтить, что удержаніе иностраннаго способа написаній въ русской орѳографіи проявляется далеко не въ той мѣрѣ, какъ въ западно-европейскихъ письменностяхъ. Причина этого заключается въ томъ, что эти послѣднія, заимствуя слова другъ у друга, пользуются общимъ у нихъ латинскимъ алфавитомъ, а это значительно облегчаетъ перенесеніе въ родную орѳографію иностраннаго слова въ сложившемся уже начертаніи его. Напротивъ, русская орѳографія, пользуясь совершенно особымъ алфавитомъ, можетъ перенимать иностранныя написанія для заимствуемыхъ словъ лишь въ очень ограниченной мѣрѣ. При этомъ иностранныя слова изображаются въ русской орѳографіи частію приспособляясь къ иностранному написанію, а частію и къ иностранному произношенію. Въ примѣръ перваго можно указать

---

[1]) Вообще мы высоко цѣнимъ извѣстное изслѣдованіе покойнаго академика Я. К. Грота «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ», но не можемъ не упрекнуть его за учебное Руководство по русской орѳографіи, которое, изобилуя правилами и написаніями чисто субъективнаго характера, не только не уменьшило число спорныхъ вопросовъ, но даже увеличило его. Въ послѣднее время нѣкоторые ученые, ссылаясь якобы на чрезмѣрную трудность русской орѳографіи, также выступили съ предложеніями реформъ и даже болѣе рѣшительныхъ, нежели частныя исправленія г. Грота. По нашему мнѣнію однакожъ рѣзкія и внезапныя перемѣны въ русской орѳографіи еще болѣе бы затруднили обученіе правописанію, такъ какъ при этомъ было бы невозможно изъять изъ пользованія всю прежнюю литературу, а эта послѣдняя своими старыми написаніями препятствовала бы твердому усвоенію новой орѳографіи. Столь крупныя преобразованія были бы возможны напр. въ эпоху Петра Великаго, когда вводился новый гражданскій шрифтъ, а литература вступала въ новый періодъ своего развитія.

на написаніе *и* послѣ *ц* (срв. прин*ци*пъ, *ци*ркъ, *ци*стерна), а въ примѣръ втораго—примѣненіе буквы *э*, какъ болѣе соотвѣтствующей иностранному произношенію (срв. экипажъ, аэростатъ, Тэнъ). [1])

V. Принципъ *дифференціаціи* заключается въ томъ, что слова, произносящіяся одинаково, но различающіяся по значенію, изображаютъ на письмѣ неодинаково, пользуясь надстрочными значками или же различными буквами, обозначающими одинъ и тотъ же звукъ; такъ, напр., мѣстоименіе *чтò* отличаютъ знакомъ ударенія отъ союза *что*, который пишется безъ всякаго значка; *міръ* въ значеніи „вселенная" пишется черезъ т. наз. *і* десятиричное, тогда какъ *миръ* въ значеніи „согласіе"—черезъ восьмиричное. [2])

Ознакомившись съ принципами русскаго правописанія, перейдемъ къ изслѣдованію частнаго вопроса русской ороографіи, имѣющаго большую важность въ дѣлѣ школьнаго обученія, именно о *правописаніи буквъ* ѣ *и* е.

Мы возьмемъ этотъ вопросъ не во всей его полнотѣ, а лишь въ отношеніи правописанія корней, представляющаго

---

[1]) Акад. Гротъ недостаточно обратилъ вниманія на указанную особенность русской ороографіи (т. е. бòльшую свободу ея въ написаніи заимствованныхъ словъ) и взамѣнъ нѣкоторыхъ уже утвердившихся написаній иностранныхъ словъ ввелъ новыя написанія, которыя хотя и точнѣе копировали иностранное слово, но за то менѣе согласовались съ особенностями русскаго языка, а главное внесли новое разногласіе въ русскую ороографію. Примѣромъ можетъ служить введенное имъ написаніе «экзам*и*новать» (вм. экзам*е*новать) рядомъ съ «экзам*е*нъ», не смотря на то, что такое чередованіе не имѣетъ для себя опоры въ русскомъ языкѣ; при этомъ г. Гротъ всетаки оказался недостаточно послѣдовательнымъ, такъ какъ, желая подражать иностранной ороографіи, онъ долженъ былъ бы внести данное чередованіе и въ склоненіе слова «экзаменъ» (т. е. подобно напр. польскому склоненію: exam*e*n || exam*i*nu и пр.).

[2]) Къ приведеннымъ можно прибавить еще два принципа правописанія: VI. случаи народной этимологіи (напр. «палисадникъ» можетъ въ языковомъ чутьѣ сближаться съ словомъ «садъ» и въ этомъ находить оправданіе къ написанію одного *с*, хотя во французскомъ, откуда это слово заимствовано—la pali*ss*ade) и VII. логическій элементъ (знаки препинанія).

какъ извѣстно особенную трудность вслѣдствіе того, что обыкновенно учащимся приходится выучивать на память большое количество словъ, пишущихся черезъ букву *ѣ*. Чтобы избѣжать такого неосмысленнаго вытверживанія словъ, мы предлагаемъ здѣсь способъ болѣе раціональнаго веденія дѣла. Какъ извѣстно изъ фонетики нашего литературнаго языка, буквы *ѣ* и *е*, передавая весьма часто одинъ и тотъ же звукъ, тѣмъ не менѣе при наличности нѣкоторыхъ условій, именно —при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ, выражаютъ обычно различные звуки: буква *ѣ* обозначаетъ гласный *э́*, тогда какъ буква *е* выражаетъ гласный *о́*, при чемъ предшествующій согласный имѣетъ мягкое произношеніе. Отсюда само собою вытекаетъ правило, что, *когда произносится гласный звукъ* **э** *съ удареніемъ и ему предшествуетъ мягкій согласный, а слѣдуетъ твердый, то по орѳографіи пишется буква ѣ, если же при означенныхъ условіяхъ произносится гласный звукъ* **о** *съ удареніемъ, то пишется буква е;* срв. слова: *сѣкъ* || пекъ, *мѣлъ* || мелъ, *сѣлъ* || селъ и т. п. Если же произношеніе даннаго слова не представляетъ указанныхъ условій для опредѣленія того, какая буква должна быть написана, то должно подъискать такое родственное по корню слово, въ которомъ имѣлись бы на лицо необходимыя условія, т. е. чтобы соотвѣтствующій гласный произносился съ удареніемъ и имѣлъ бы за собою твердый согласный. Напр. слова „*веди́*“ или „*веду́*“ слѣдуетъ писать черезъ *е*, такъ какъ родственное имъ слово, отвѣчающее нашимъ условіямъ, произносится съ гласнымъ *о* (в'о́л=орѳ. *велъ*). Срв. также слова: *легла* || *легъ*, *лѣкарство* || *лѣкарь* и т. д.

Правда, при обученіи правописанію многое достигается привычкой, но преподаватель долженъ вести съ учениками и методическія упражненія по правописанію. Такъ, по изслѣдуемому нами вопросу такія упражненія могли бы быть поставлены слѣдующимъ образомъ. Прежде всего учитель выясняетъ ученикамъ на такихъ примѣрахъ, какъ *сѣлъ* и *селъ*, *мѣлъ* и *мелъ*, правило правописанія буквъ *ѣ* и *е*. Затѣмъ могутъ слѣдовать упражненія, подобныя вышеприведеннымъ:

веди—веду—велъ
легла—легъ
лѣкарство—лѣкарь.

При этомъ учитель долженъ довести учащихся до умѣнія различать твердые и мягкіе согласные и подъискивать родственныя слова. Затѣмъ учитель послѣдовательно даетъ другія слова, по произношенію которыхъ нельзя рѣшить, что написать—*ѣ* или *е*, ученики же подбираютъ къ нимъ такія родственныя слова, которыя дали бы возможность рѣшить вопросъ. Такимъ образомъ можно разсмотрѣть съ учениками всѣ обычные перечни словъ, при чемъ ученики сами должны опредѣлить, почему въ томъ или другомъ словѣ слѣдуетъ писать *ѣ*.

Существуетъ однако рядъ словъ, правописаніе которыхъ можетъ не такъ легко поддаваться указанному способу рѣшенія, и тогда можно пользоваться и другими обобщеніями; напр.: 1) если въ словѣ произносится гласный звукъ э, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ родственныхъ словахъ въ этомъ мѣстѣ не произносится никакого гласнаго, то въ данномъ словѣ бѣглое э передается буквою *е*, срв. *деру* (|| драть), *пень* (|| пня), *день* (|| дня) [1]) и т. п.; 2) въ томъ случаѣ, когда за постояннымъ гласнымъ звукомъ э слѣдуетъ неизмѣнно мягкій согласный и совершенно отсутствуютъ родственныя слова съ рѣшающими написаніе условіями, то ореографія слѣдуетъ историческому принципу, т. е. такія слова пишутся такъ, какъ раньше ихъ писали, напр. *лелѣять, плѣсень, мѣсяцъ, змѣя, пѣнязь, рѣчь, рѣять, сѣверъ, цѣдить* (|| *зелень, лебедь* и т. п.); при этомъ слова съ буквою *ѣ*, въ виду ихъ немногочисленности, безъ труда могутъ быть заучены наизусть.

Научное знакомство съ фонетикой и вообще грамматикой русскаго языка даетъ цѣлый рядъ другихъ критеріевъ для оцѣнки и рѣшенія частныхъ вопросовъ русскаго правописанія (напр. относительно *ѣ* важно сравненіе съ церковнославянскимъ, малорусскимъ, а также другими славянскими нарѣчіями).

Библіографическія указанія. Гротъ Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ (1876)[2]=Филологическія разысканія (1899)[4], ч. 2-ая. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А. Подробная программа

---

[1]) Написаніе приведенныхъ словъ впрочемъ можно опредѣлить и по вышеизложенному основному способу, подобравъ къ нимъ такія родственныя слова, какъ: горлодеръ, денъ, опенокъ.

лекцій въ 1876—1877 учебномъ году. Казань 1878, стр. 54—56 («Отношенія звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки»); срв. Анастасіевъ А. И. Отношеніе звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки, въ Филол. Запискахъ, 1879 г., вып. IV—V. Бахтинъ Н. Н. Основы русскаго правописанія (1892) — отд. отт. изъ Рус. Фил. Вѣст. Чернышевъ В. И. Изъ исторіи русскаго правописанія (1907). Укажемъ еще нѣкоторыя работы за послѣдніе годы, касающіяся предполагавшихся реформъ русской орѳографіи: Брандтъ Р. Ѳ. О лженаучности нашего правописанія, въ Фил. Зап., 1901 г., вып. I—II (срв. *Jagić V.*, въ Arch. f. slav. Phil. B. XXIII, 577 и XXIV 319—320). Коршъ Ѳ. Е. О русскомъ правописаніи, въ Изв. Ак. Н. 1902 г., кн. 1. Томсонъ А. И. Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его (1903). Будиловичъ А. С. Академія Наукъ и реформа русскаго правописанія. Спб. 1904. Чернышевъ В. Упрощеніе русскаго правописанія: I. Современное состояніе русскаго правописанія; II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи. Спб. 1905. Абрамовичъ Д. И. Къ вопросу о реформѣ русскаго правописанія (въ Христіанскомъ Чтеніи, февр. 1906). Иллюстраціей упрощеннаго правописанія можетъ служить статья проф. Бодуэна-де-Куртенэ О транскрипции польских местных названий (1905).

11. Изученіе малограмотныхъ написаній.

На первый взглядъ можетъ показаться, что изученіе малограмотныхъ написаній съ ихъ ошибками противъ общеупотребительной орѳографіи не имѣетъ ничего общаго съ задачами науки и скорѣе можетъ служить предметомъ развлеченія. На самомъ дѣлѣ это изученіе представляетъ для языкознанія значительный интересъ, такъ какъ и неправильныя написанія подчиняются опредѣленнымъ психологическимъ законамъ и такъ или иначе отражаютъ принципы правописанія, примѣняющіеся однако здѣсь болѣе или менѣе своеобразно. Благодаря именно этому своеобразію, какъ увидимъ—изученіе малограмотныхъ написаній пріобрѣтаетъ еще особый интересъ для лингвистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ малограмотныя лица еще не усвоили всѣхъ особенностей правописанія, то они пишутъ нерѣдко на основаніи своего выговора и такимъ образомъ своими написаніями доставляютъ матеріалъ лингвисту, дополняя и иногда даже исправляя его непосредственныя діалектологическія наблюденія надъ народными говорами. Далѣе, изученіе современныхъ малограмотныхъ написаній (гдѣ мы имѣемъ возможность сравнивать письмо малограмотнаго съ его произношеніемъ и наблюдать самый процессъ письма) можетъ способствовать болѣе правильной оцѣнкѣ древнихъ написаній, среди которыхъ мы нерѣдко встрѣчаемъ аналогичныя малограмотности. Наконецъ, малограмотныя написанія представляютъ интересъ еще и въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ показываютъ, какія особенности правописанія труднѣе усваиваются, и такимъ образомъ могутъ вести къ улучшенію способовъ обученія орѳографіи.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того, какъ и въ какой мѣрѣ примѣняются въ написаніяхъ малограмотныхъ лицъ принципы орѳографіи, уже извѣстные намъ изъ предшествующаго очерка.

Что касается основнаго принципа русской графики, по которому твердость и мягкость согласнаго выражается въ знакѣ слѣдующаго гласнаго, то этотъ принципъ проводится въ малограмотныхъ написаніяхъ еще съ большею послѣдовательностью, чѣмъ въ орѳографіи, такъ какъ примѣняется и къ написаніямъ слоговъ, состоящихъ изъ шипящаго съ гласнымъ; поэтому мы встрѣчаемъ нерѣдко у малограмотныхъ лицъ написанія *шы*, *жы*, *чя*, *чю*. Однако мы должны указать на нѣкоторыя отступленія отъ названнаго принципа. Въ нѣкоторыхъ малограмотныхъ текстахъ мы встрѣтили обозначеніе слоговъ изъ мягкаго согласнаго съ непалятальнымъ гласнымъ посредствомъ присоединенія соотвѣтствующей буквы гласнаго звука къ буквѣ согласнаго, благодаря чему мягкость предшествующаго согласнаго осталась не отмѣченною, напр. въ написаніяхъ *сотну* вм. орѳ. „сотню“, *животъ* вм. орѳ. „живетъ“ (въ послѣднемъ случаѣ малограмотный не зналъ буквы *ё*, а между тѣмъ стремился передать гласный о своего произношенія). [1]) Такого рода написанія попадаются и

[1]) Подобную же замѣну одной буквы другою и также вслѣдствіе незнанія первой изъ нихъ мы встрѣтили въ написаніяхъ другаго малограмотнаго лица, которое вм. начертанія *й* употребляло *и*. Нѣкоторые грамотники сознательно пишутъ одну букву вмѣсто другой ради большей простоты письма. Такъ, одинъ вовсе не писалъ буквы *ѣ*, а между тѣмъ, читая печатныя книги, выговаривалъ ее надлежащимъ образомъ. Чтобы убѣдиться, знакомъ ли онъ съ рукописнымъ начертаніемъ этой буквы, я написалъ ее и спросилъ, знаетъ ли онъ эту букву; оказалось, что знаетъ. Тогда я полюбопытствовалъ узнать, почему онъ не пишетъ этого знака. Нашъ грамотникъ отвѣчалъ, что онъ пишетъ по-просту, безъ этой буквы, и что многіе такъ пишутъ, въ печатныхъ же книгахъ буква эта употребляется. Подобнымъ же образомъ онъ говорилъ и про букву *і*, которая тоже не встрѣчалась въ его написаніяхъ. Кромѣ этихъ особенностей въ алфавитѣ малограмотныхъ мы замѣчаемъ еще нѣкоторыя другія, напр. намъ встрѣтились два знака для изображенія гласнаго е: ε и *е*, при чемъ первый знакъ употреблялся въ началѣ слова, второй—въ серединѣ и въ концѣ; отмѣтимъ еще отсутствіе прописныхъ буквъ и знаковъ препинанія, свойственное почти всѣмъ малограмотнымъ написаніямъ, за исключеніемъ ученическихъ,

въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. рубловъ (XIV—XV в.) и т. п. [1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда малограмотному приходилось изображать сочетаніе jo, онъ выходилъ изъ затрудненія такимъ образомъ, что ограничивался написаніемъ одного гласнаго, напр. *пъотъ* (=пьетъ), *объомъ* (=объ ёмъ, т. е. объ немъ), *моо* (=моё), *отъео* (=отъ её, орѳ. отъ нея), *недаотъ* (=не даетъ). [2]) Съ другой стороны можно встрѣтить написанія, въ которыхъ приблизительная передача аналогичныхъ звуковыхъ сочетаній произведена нѣсколько иначе, именно пропускомъ *ъ*, но за то присоединеніемъ къ буквѣ согласнаго звука тѣхъ буквъ гласныхъ, которыя обычно здѣсь примѣняются въ орѳографіи, напр. *крес‸янинъ*. Укажемъ еще на встрѣчающееся иногда у малограмотныхъ особое обозначеніе слоговъ, состоящихъ изъ мягкаго согласнаго съ слѣдующимъ гласнымъ, при помощи буквы *ъ*, напр. *људи*. Приведенное малограмотное написаніе является болѣе точнымъ по сравненію съ обычнымъ, такъ какъ сочетаніе буквъ *љ* передаетъ сполна мягкій согласный, а начертаніе *у* обозначаетъ только одинъ соотвѣтствующій гласный. [3]) Подобное написаніе мы встрѣчаемъ въ новгор. Ев. 1270 г.: д н ъ о т ъ = днётъ (ст.-сл. дьньтъ). [4])

Переходя къ обзору принциповъ орѳографіи, какъ таковые проявляются въ написаніяхъ малограмотныхъ, мы бу-

---

гдѣ знаки препинанія хотя и встрѣчаются, но нерѣдко стоятъ неправильно, благодаря неполному усвоенію того или другаго правила (срв. слѣдующія написанія ученика приготовительнаго класса гимназіи: *сказалъ «!Милые мои дъти, я дарю вамъ...»; увидълъ: «что деревцо...»*

[1]) Другіе примѣры см. въ сочиненіи акад. А. И. С о б о л е в с к а г о Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] стр. 61—62.

[2]) Въ древне-русскихъ памятникахъ мы также встрѣчаемъ случаи ошибочнаго пропуска j, но не въ разсмотрѣнномъ положеніи, а на концѣ слова, срв. въ Житіи Нифонта 1219 г.: м о л и т в *о* (=молитвой) и п о с т ъ м ъ, въ Апостолѣ 1220 г.: Х р и с т о в о ю с и л *о* (=силой) в ѣ щ а, и др. (см. *Соболевскій* ук. соч. 94).

[3]) Принципъ, безсознательно примѣненный здѣсь малограмотнымъ, лежитъ въ основаніи современной сербской строго-фонетической графики, гдѣ тотъ же слогъ передается въ сущности тѣмъ же начертаніемъ, но съ тою лишь разницею, что *ъ* изображается слитно съ *л*, напр. људи.

[4]) С о б о л е в с к і й, ук. соч., стр. 61.

демъ разсматривать ихъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они расположены въ предшествующей главѣ. Но сначала сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о процессѣ письма вообще и у малограмотныхъ лицъ въ частности. На первыхъ порахъ всякій, обучающійся письму, старается писать соотвѣтственно съ тѣмъ, какъ слова произносятся; мало-по-малу у него образуются болѣе или менѣе прочныя ассоціаціи между письмомъ и произношеніемъ; затѣмъ онъ, встрѣчая орѳографическія написанія, основанныя на другихъ принципахъ, постепенно усваиваетъ ихъ и наконецъ начинаетъ писать вполнѣ правильно, при чемъ примѣненіе тѣхъ или другихъ принциповъ происходитъ уже безсознательно. [1]) Лица малограмотныя, слѣдуя вообще этому процессу, находятся однако на начальныхъ ступеняхъ, при чемъ одни изъ нихъ ограничиваются преимущественнымъ примѣненіемъ фонетическаго принципа, т. е. находятся въ первой стадіи процесса, тогда какъ другіе пользуются уже и прочими принципами въ той или другой мѣрѣ. Такимъ образомъ, разница между малограмотнымъ и вполнѣ грамотнымъ—количественная, такъ какъ малограмотный оперируетъ принципами орѳографіи лишь въ небольшой мѣрѣ, тогда какъ вполнѣ грамотный, усвоивъ всѣ принципы орѳографіи въ ихъ деталяхъ, всѣмъ этимъ пользуется при своемъ письмѣ. Вслѣдствіе этого малограмотныя написанія, въ отличіе отъ орѳографическихъ, представляютъ значительное индивидуальное разнообразіе.

---

[1]) Это происходитъ отъ того, что у вполнѣ грамотнаго въ головномъ мозгу кромѣ естественнаго центра рѣчи, присущаго всѣмъ, сформировался еще новый центръ—письма, благодаря которому къ рѣчевому ассоціативному аггрегату присоединяется еще новый аггрегатъ—письменныхъ символовъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ и воспроизводимыхъ рукою; при этомъ между тѣмъ и другимъ центромъ существуетъ ассоціативная связь. Сказанное подтверждается патологическими случаями разстройствъ рѣчи и письма: разстройствамъ рѣчи, именуемымъ *афазіей*, соотвѣтствуютъ разстройства письма, извѣстныя подъ именемъ *аграфіи*. Нужно впрочемъ замѣтить, что безсознательные навыки въ письмѣ свойственны до нѣкоторой степени и малограмотнымъ; такъ, напр., когда я спрашивалъ одну старушку-грамотницу, какъ пишется извѣстное слово, она въ такихъ случаяхъ обыкновенно брала бумагу и писала это слово, «какъ рука возьметъ», по ея собственному выраженію.

I. Принципъ фонетическій. Уже изъ сказаннаго раньше видно, что этотъ принципъ въ малограмотномъ письмѣ играетъ болѣе значительную роль, чѣмъ въ орѳографіи, распространяясь въ той или другой мѣрѣ и на тѣ случаи, когда въ орѳографіи примѣняются другіе принципы. Мы не будемъ останавливаться на такихъ написаніяхъ, которыя, соотвѣтствуя произношенію, вмѣстѣ съ тѣмъ согласуются и съ орѳографіей, а разсмотримъ тѣ ошибочныя написанія, въ которыхъ фонетическій принципъ восторжествовалъ надъ другими.

Въ области *гласныхъ* звуковъ сюда относится обозначеніе неударяемыхъ гласныхъ въ разныхъ положеніяхъ; напр.

а) въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ: *свещеникъ*, *миня*;

б) во второмъ предъударенномъ слогѣ: *симинарія*, *ни кидай*;

в) послѣ ударенія внутри слова: *жерибий*, *измучиный*;

г) послѣ ударенія въ конечномъ закрытомъ слогѣ: *съмашай*, *съмашый*, *случей*, *хорошей*, доѣдитъ;

д) послѣ ударенія на концѣ словъ: *толька*, *скора*. [1])

Въ области *согласныхъ* звуковъ особенности въ обозначеніи касаются качествъ звонкости и глухости, а также твердости и мягкости. Относительно звонкихъ и глухихъ согласныхъ можно вообще сказать, что они нерѣдко обозначаются соотвѣтствующими ихъ произношенію начертаніями, въ то время какъ орѳографія пользуется морфологическимъ принципомъ; срв.: *искажныва*, *истакой* (=орѳ. изъ такой), *запровосъ*, *зделала*. Что касается твердости и мягкости согласныхъ, то особый интересъ представляетъ обозначеніе этихъ качествъ въ положеніи передъ другими согласными, въ то время какъ орѳографія оставляетъ ихъ вовсе безъ обозначенія; напр.: *апъреля*, *заподъредилъся*, *закълючили*, *жызьни* и т. п. [2])

---

[1]) Если бы мы пожелали на основаніи приведенныхъ написаній, принадлежащихъ одному и тому же лицу, опредѣлить говоръ послѣдняго, то должны были бы признать его за умѣренно окающій въ виду того, что данное малограмотное лицо не пишетъ *а* вм. *о* въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ, а только въ слабыхъ послѣударяемыхъ положеніяхъ. Какъ оказалось по справкѣ, авторъ приведенныхъ малограмотныхъ написаній дѣйствительно умѣренно окаетъ и принадлежитъ по своему произношенію къ казанскому мѣщанскому говору.

[2]) Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ малограмотныя написанія мо-

II. Принципъ **аналогіи** или **морфологическій** также примѣняется въ написаніяхъ малограмотныхъ, хотя безъ той послѣдовательности, какая свойственна орѳографіи; такъ, напр., мы встрѣчаемъ написанія *погри*бъ, *ру*бь, а на ряду съ этимъ *стру*пъ (=орѳ. „срубъ"). Конечно, морфологическія написанія малограмотныхъ могутъ частію обусловливаться подражаніемъ орѳографіи, но несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ они вызываются непосредственнымъ или естественнымъ морфологическимъ чутьемъ; это видно напр. изъ такихъ написаній, какъ з*казывають*, гдѣ малограмотный написалъ *з* по аналогіи къ такимъ своимъ написаніямъ, какъ з*делала*: очевидно, начальный звукъ (**с** или же **з**) обоихъ словъ ассоціировался въ умѣ писавшаго съ одинаковымъ оттѣнкомъ значенія и потому потребовалъ для себя одинаковаго обозначенія[1]); отчасти тѣмъ же морфологическимъ чутьемъ объясняется и слитное написаніе нѣкоторыхъ предлоговъ, союзовъ и вообще маленькихъ придаточныхъ словечекъ съ знаменательными частями рѣчи, съ которыми ихъ объединяетъ кромѣ того и общность ударенія; срв. напр. **ис***кажныва* (т. е. „изъ каждаго"), **иза***уплату* („и за уплату"). Благодаря морфологическому чутью малограмотный не только пользуется

гутъ оказать услугу діалектологіи при изслѣдованіи смягченія согласныхъ, зависящаго отъ вліянія слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ. Необходимо однако соблюдать осторожность при выводахъ изъ такихъ написаній, такъ какъ иногда въ нихъ начертанія ь и ъ настолько сходны, что легко могутъ быть смѣшиваемы. Вообще замѣтимъ, что разборъ малограмотныхъ написаній требуетъ нѣкотораго навыка въ виду необычныхъ написаній нѣкоторыхъ словъ (напр. *и спяти*=орѳ. «изъ пяти»), не говоря уже о сбивчивости въ изображеніи нѣкоторыхъ буквъ, къ которымъ необходимо предварительно присмотрѣться.

[1]) Нерѣдко такія написанія по аналогіи носятъ чисто **внѣшній** характеръ; напр., малограмотный ошибочно усматриваетъ префиксъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ таковаго нѣтъ, пользуясь при этомъ написаніемъ по аналогіи съ созвучнымъ префиксомъ. Вслѣдствіе этого получаются такія малограмотныя написанія, какъ: з*традайтъ*, **отъ***равляйтъ*, **къ***вартира* и т. н. Къ написаніямъ по внѣшней аналогіи относятся и случаи неправильнаго обозначенія предлога (также префикса) *изъ*, при чемъ малограмотными нерѣдко отдѣляется начальная буква *и* какъ бы въ качествѣ союза, напр. *и спяти* (т. е. «изъ пяти»), *и знихъ* («изъ нихъ»), *и спытать* («испытать»).

написаніемъ по аналогіи, но и создаетъ собственныя нерѣдко своеобразныя правила о томъ, какъ слѣдуетъ писать тѣ или другія слова. Мы имѣемъ въ распоряженіи рядъ такихъ правилъ и разсужденій, добытыхъ путемъ разспросовъ отъ одной старушки-грамотницы, которая, благодаря своей любознательности, почти самоучкой научилась читать и писать. Сложившіяся у нея представленія о написаніи словъ, приводимыя нами ниже, подтверждаютъ высказанное замѣчаніе о морфологическомъ чутьѣ малограмотныхъ. Такъ, она говорила мнѣ, что въ словѣ „везъ" слѣдуетъ писать букву *з*, какъ въ словѣ „везла". Подобнымъ же образомъ въ словахъ „богъ" и „входъ", по замѣчанію нашей грамотницы, нужно писать буквы *г* и *д*, потому что имѣются слова „боги", „входилъ", а не „бохи", „вхотилъ"; въ словѣ „проповѣдь" пишетс буква *д*, какъ въ словѣ „проповѣдую". [1]) Представленныя соображенія малограмотной болѣе или менѣе сходны съ соотвѣтствующими правилами правописанія, однако нерѣдко малограмотные пишутъ и подъ вліяніемъ случайныхъ аналогій, т. е. не по морфологическому чутью, а по созвучію. Такъ, та же грамотница утверждала, что въ словѣ „видѣвши" нужно писать *ѣ*, потому что слова „дѣва", „дѣло" пишутся черезъ букву *ѣ*. Вполнѣ естественно предположить, что и древнерусскіе грамотники, когда грамматическая теорія почти совсѣмъ отсутствовала, составляли себѣ подобнаго рода правила, которыя у разныхъ переписчиковъ могли быть различными.

III. Принципъ историческій или традиціи въ написаніяхъ малограмотныхъ лицъ сводится къ тому, что они вводятъ въ свое письмо также и написанія, не соотвѣтствующія произношенію, но которыя они встрѣчали въ орѳографическихъ или книжныхъ текстахъ. Само собою разумѣется, что и этотъ принципъ примѣняется малограмотными безъ

---

[1]) Однако, не смотря на такія правила, наша грамотница въ дѣйствительности нерѣдко погрѣшаетъ противъ нихъ въ пользу фонетическаго письма; напр. мы встрѣчаемъ у нея это же слово «проповѣдь» написаннымъ черезъ *т*. Такое несоотвѣтствіе между теоріей и практикою вполнѣ естественно у малограмотныхъ, у которыхъ нѣтъ полныхъ навыковъ въ написаніи словъ.

надлежащей послѣдовательности; такъ, напр., у одного и того же малограмотнаго мы встрѣтили написанія *верн*аго, *сьщасливаго* и др., а рядомъ—написанія *єтова*, *кресн*ова и пр., гдѣ то же окончаніе уже передано фонетически; то же самое мы видимъ въ примѣрахъ *тужила* || *мужыковъ*, написанныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Нерѣдко примѣненіе принципа традиціи малограмотными оказывается неправильнымъ, вызывая ошибочныя написанія. Такъ, упоминавшаяся нами старушка-грамотница подъ вліяніемъ орѳографіи правильно пишетъ *отъ єя*, *отъ нея*, но затѣмъ неправильно распространяетъ такое написаніе на другую созвучную мѣстоименную форму (В. ед.), благодаря чему у нея получаются такія погрѣшности противъ орѳографіи, какъ: *заменила єя*, *я єя просила* и т. п. Здѣсь же можно отмѣтить случаи неправильной передачи малограмотными неударяемыхъ гласныхъ, которые совпадая въ произношеніи, обозначаются однакожъ въ орѳографіи различными начертаніями, какъ напр. въ словахъ „будетъ" || „буд*и*тъ"; малограмотные, встрѣчая такое двоякое обозначеніе и не отдавая себѣ отчета въ морфологическомъ началѣ этого разнообразія, примѣняютъ нерѣдко тѣ же начертанія смѣшанно, напр. *увидемся*, *треможемъ* || *догдитъ* и т. п. [1])

Сюда же относятся и случаи неправильнаго примѣненія буквы *ѣ*, при чемъ малограмотные, подражая орѳографиче-

---

[1]) Такого рода смѣшеніе двухъ начертаній, изъ которыхъ лишь одно соотвѣтствуетъ произношенію, встрѣчается и въ древне-русской письменности; срв. въ москов. Ев. 1393 г. рядъ такихъ примѣровъ, какъ: къ Сим*а*ну || запода и т. п., указывающихъ на существованіе аканья въ данномъ неударяемомъ положеніи (см. Соболевскій Лекціи по исторіи русскаго языка, 1907[4], стр. 77). На это явленіе слѣдуетъ обратить вниманіе изслѣдователямъ древнихъ памятниковъ, обыкновенно склоннымъ думать при чередованіи буквъ въ написаніи какого-нибудь слова, что ни та, ни другая буква не обозначаетъ въ точности звука, который будто-бы долженъ занимать середину между звуками, обозначенными посредствомъ этихъ буквъ. Впрочемъ могутъ быть и случаи, гдѣ чередованіе буквъ обозначаетъ звукъ средній или переходный; такъ, напр., въ древнепольскомъ XI—XIII ст. въ латинскихъ грамотахъ и текстахъ не существовало особыхъ начертаній для обозначенія польскихъ носовыхъ гласныхъ и тогдашніе писцы обозначали ихъ или соединеніемъ начертанія гласнаго съ начертаніемъ носоваго согласнаго *n* или (гораздо рѣже, преимуществ. передъ губными согл.) *m*, или же

скому письму, не только употребляютъ эту букву въ различныхъ словахъ, но повидимому создаютъ себѣ иногда своеобразныя правила для примѣненія ея; такъ, нѣкоторые изъ нихъ проявляютъ тенденцію обозначать буквою *ѣ* ударенное узкое *е*, особенно не чередующееся съ *ё*, напр. *линѣйка* и т. п.[1])

IV. Принципъ дифференціаціи не имѣетъ такого широкаго примѣненія, какъ предшествующіе принципы, причемъ пользованіе имъ въ большинствѣ случаевъ является неправильнымъ по сравненію съ ороографіей. Въ качествѣ примѣра мы можемъ привести разсужденіе нашей грамотницы объ употребленіи буквъ *ѣ* и *е* въ словѣ „*вели*“, заключающееся въ томъ, что въ этомъ словѣ слѣдуетъ писать *е*, если вели „меня“, и букву *ѣ*, если вели кого-нибудь другаго.[2]) Къ случаямъ проявленія дифференціаціи относится и различеніе буквъ *ε* и *е*, о которомъ мы упоминали выше.

Въ заключеніе нужно указать еще на одну особенность малограмотныхъ написаній, заключающуюся въ обиліи описокъ и зависящую отъ того, что у малограмотныхъ механизмъ письма еще не утвердился. Всѣ эти описки, соотвѣтственно своему происхожденію, могутъ быть подраздѣлены на четыре типа:

1) Описки перваго типа зависятъ отъ того, что нѣкоторыя буквы имѣютъ общіе элементы, и пишущій, желая выполнить одну изъ такихъ буквъ, незамѣтно для себя пишетъ другую, частично сходную съ первой; въ примѣръ описокъ

просто начертаніемъ чистаго гласнаго (см. Бодуэнъ-де-Куртенэ И., О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го ст., Лейпцигъ, 1870, § 91); аналогичное явленіе встрѣчаемъ въ древнихъ латинскихъ надписяхъ, напр. co*n*sol || cosol.

[1]) Любопытно отмѣтить, что такое примѣненіе буквы *ѣ* встрѣчается уже въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятникахъ; срв. въ Смол. грам. 1284 г.: въ Смол*ѣ*ньске, Арт*ѣ*мии и др.

[2]) Вотъ какъ старушка-грамотница сама написала мнѣ про составленное ею правило: «*ять я пишу потому ɛсли отъношусъ къτебѣ, внѣ и т. под. ɛ пишу потому ɛсли отъносъ сопственно ксебе ко мне и т. д. и ɛто неправильно апопривычьки моей*». Однако по привычкѣ наша грамотница въ словѣ «себѣ» на концѣ сначала написала *ѣ*, но, подъ вліяніемъ своей теоріи, переправила эту букву на *е*; подъ вліяніемъ той же теоріи, она написала *е* и въ слѣдующемъ словѣ «мнѣ».

этого типа укажемъ такія написанія, какъ употребленіе *й* вм. *и* (и обратно), напр. *иненастайвай*, *порадуйшъ*, *предъстойтъ*, *яйчька*, *мойхъ*, *твойхъ* (обратно—*домои* и т. п.).

2) Описки втораго типа происходятъ вслѣдствіе неравномѣрности между слѣдованіемъ идей буквъ и ихъ выполненіемъ, при чемъ могутъ быть два случая — *опусканіе* буквъ, когда идеи буквъ слѣдуютъ другъ за другомъ быстрѣе, чѣмъ написанія, и *повтореніе* буквъ (обычно цѣлаго слога), когда ходъ идей буквъ замедленъ сравнительно съ выполненіемъ; къ опискамъ этого типа относятся слѣдующіе пропуски и повторенія буквъ и слоговъ: *вспоми* (т. е. вспомни), *моно* (можно), *воперві* (во-первыхъ), *сказа* (сказалъ), *своебразное* (своеобразное), *дорой* (дорогой), *котой* (которой), *работъ* (работать)[1]); въ примѣръ повторенія буквъ укажемъ слѣдующія написанія: *теплоломъ*, *сердцецемъ*.[2])

3) Третій типъ описокъ, нѣсколько сходный съ предшествующимъ, представляетъ собою замѣну въ слогѣ однѣхъ буквъ другими, основывающуюся на гармонической ассимиляціи къ послѣдующему, или же предшествующему слогу, напр.

---

[1]) Въ послѣднемъ примѣрѣ, когда писалось первое *т*, въ мысли уже проходили идеи слѣдующихъ букъъ и, между прочимъ, слѣдующаго *т*—идея сходная съ идеей предшествующаго *т*, а вслѣдствіе всего этого написанное *т* безсознательно было принято за второе, почему далѣе написалось не *а*, но *ъ*. Подобнымъ же образомъ объясняются и два предъидущихъ примѣра, съ тою только разницей, что въ этихъ послѣднихъ совпали идеи буквъ, соотвѣтствующихъ не согласнымъ звукамъ, а гласнымъ; въ примѣрѣ «своебразное» пропускъ буквы *о* произошелъ благодаря тому, что эта буква, являясь составнымъ элементомъ послѣдующей буквы (*б*), перешла въ эту послѣднюю. Что касается такихъ случаевъ, какъ пропуски ударяемыхъ гласныхъ, нерѣдкіе въ ученическихъ работахъ, то они объясняются тѣмъ, что идеи буквъ, соотвѣтствующихъ ударяемымъ гласнымъ, какъ наиболѣе отчетливыя въ словѣ, представляются уже написанными.

[2]) Послѣднее написаніе взято изъ древней рукописи Соловецкой библіотеки; изслѣдователь, не замѣтивъ здѣсь описки (повторенія сочетанія *це*), принялъ *е* въ первомъ *це* происшедшимъ изъ древняго суффиксальнаго *ъ*, пропавшаго въ другихъ нарѣчіяхъ, и увидѣлъ здѣсь особенность сѣв. великорусскаго нарѣчія, см. Владимировъ, Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. (по рукописямъ соловецкой библіотеки), Казань, 1878, стр. 14 (=Записки Казанскаго унив., 1878, ноябрь-декабрь, стр. 728).

друдомъ (т. е. трудомъ), *гнигу* (книгу), *по своей полѣзни* (по своей болѣзни), *пододныхъ* (подобныхъ). [1])

4) Описки четвертаго типа заключаются въ томъ, что смежныя буквы переставляются, что происходитъ вслѣдствіе того, что идеи буквъ являются въ умѣ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ должны были бы быть воспроизведены, напр. **вс***оихъ* вм. **св***оихъ* и т. п.

Всѣ указанные типы описокъ встрѣчаются и въ древне-русской письменности, при чемъ въ однихъ памятникахъ въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ. Въ примѣръ памятника, изобилующаго описками, мы укажемъ списокъ *B* извѣстной Смоленской грамоты 1229 г.; въ этомъ памятникѣ мы встрѣчаемъ такія описки, какъ **латьскии** (вм. **латиньскии**), **рисинъ рисиноу** (срв. **роусиноу** въ той же грамотѣ), **готьскомь** (т. е. Готскомъ).

Такъ какъ при наборѣ печатныхъ книгъ дѣятельность руки наборщика зависитъ также отъ рѣчевыхъ центровъ, то въ ней возможны ошибки аналогичныя опискамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ книгахъ на ряду съ опечатками, зависящими отъ перемѣшанныхъ въ кассѣ буквъ, наблюдаются ошибочныя повторенія, пропуски и гармоническія подстановки буквъ; могутъ быть также опечатки, аналогичныя опискамъ перваго типа, вызываемыя у наборщика сходствомъ зрительныхъ впечатлѣній отъ буквъ въ оригиналѣ съ буквами, имѣющими одинаковые съ ними элементы. Необходимо считаться съ возможностью подобныхъ опечатокъ, изучая старо-печатные тексты; такъ, въ печатныхъ текстахъ Ф. Скорины встрѣчаются опечатки: 8гор*нини*ци, в*жижи*телех, *ж*ужъ (вм. мужъ); *ж*ужеви, *вс*оихъ (вм. *св*оихъ, т. е. перестановка смежныхъ буквъ) и т. п. [2])

---

[1]) Кромѣ гармонической ассимиляціи отдѣльныхъ буквъ мы встрѣчаемъ еще такія описки, какъ *впечатлѣніями сходн*ыми (вм. сходнаго) *звука* гдѣ вмѣсто одного окончанія написалось другое—того падежа, въ какомъ имѣется сосѣднее слово (предшествующее, или же слѣдующее). Такого рода описки весьма поучительны, подтверждая, что падежныя окончанія чувствуются особою морфологическою частью словъ, а кромѣ того обнаруживая, что именно чувствуется окончаніемъ.

[2]) См. Владиміровъ П. В. Докторъ Францискъ Скорина (1888) стр. 257.

Для иллюстраціи малограмотныхъ написаній присоединяю одинъ малограмотный текстъ, написанный крестьяниномъ дер. Бѣлой (находящейся верстахъ въ 30-ти отъ Казани) и сопровождаемый моими примѣчаніями.[1]

съпередать[1]) *Василию Алексеичу*[2]) *Богородичкому*[3]) *наусетъ*[4])

кресянинъ[5]) *ездилъ*[6]) *сидоками*[7]) *въчиста*[8]) *поля двести верстъ*[9]) *зацену*[10]) *12 ру*[11]) *серобромъ*[12]) *въдороги*[13]) *проезду 12 сутокъ надвухъ лошедяхъ*[14]) *насвоеи*[15]) *пиши*[16]) *стоитъ кажныя*[17]) *сутки содорожания*[18]) *9 Гривенъ*[19]) *Вотъ кресянинъ изачево*[20]) *работатъ*[21]) *игосударю*[22]) *подать*[23]) *платитъ исамъ сытъ живетъ*[24]) *иземския иуезныя*[25]) *Въсе*[26]) *повиности платитъ Вотъ кресянинъ живетъ и жисъ*[27]) *такая работатъ День до вечара*[28]) *придетъ Домои ему поесъ*[29]) *нечева*[30]) *Вотъ укесянина*[31]) *Въ томъ время идетъ Агосподинъ живетъ Благородна такъ небесуте*[32])

[1]) *съпередать*. Вмѣсто обычной формы „съ передачей“: здѣсь можно видѣть, съ какою значительною неточностью воспринимаются иногда малограмотными новыя выраженія. Предлогъ здѣсь написанъ слитно съ слѣдующимъ словомъ, но съ удержаніемъ буквы ъ; въ помѣщенномъ текстѣ мы находимъ и другіе примѣры такого же написанія предлоговъ (**въ***чиста*, **въ***дороги*).

[2]) *Василию Алексеичу*. Нашъ малограмотный не пользуется буквами *і* и *ѣ*, о чемъ мы упоминали въ началѣ статьи, не называя его; срв. въ этомъ же текстѣ написанія: *иземския, содорожания, Алексеичу, ездилъ, двести, зацену, проезду, поесъ* (т. е. „поѣсть“).

[3]) *Богородичкому*. Буква *ч* въ этомъ словѣ написана фонетически, въ соотвѣтствіи съ произношеніемъ писавшаго.

[4]) *наусетъ*. Мы полагаемъ, что это странное выраженіе означаетъ „на квартиру“ и въ орѳографической передачѣ должно было бы имѣть видъ „на усѣдъ“ или же „на усѣстъ“.

[1]) Въ виду неразборчивости нѣкоторыхъ словъ я попросилъ того же крестьянина переписать эту записку, надѣясь разобрать въ копіи то, что показалось неразборчивымъ въ запискѣ. Въ копіи оказались нѣкоторыя различія, которыя я привожу въ примѣчаніяхъ и сноскахъ. Письмо относится къ началу 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

[5]) *кресянинъ*. Въ произношеніи писавшаго это слово звучало какъ к'рєс'jáн'ін; стремясь изобразить такое свое произношеніе, онъ примѣнилъ тотъ видъ приблизительной фонетической передачи, который отличается отъ орѳографическаго написанія лишь пропускомъ ъ и о которомъ мы говорили на стр. 150.

[6]) *єздилъ*. Отмѣтимъ здѣсь примѣненіе начертанія є въ началѣ слова; срв. ниже слово *єму*.

[7]) *сидоками*, т. е. „съ сѣдоками". У малограмотнаго мы находимъ написаннымъ въ началѣ слова только одно *с*; это можетъ объясняться тѣмъ, что въ произношеніи его двойные согласные являются мало или почти вовсе не усиленными (срв. въ этомъ же текстѣ аналогичныя написанія: *пиши*, *изачево*, *повиности*, *небесуте* т. е. „не обезсудьте"). Слѣдующая затѣмъ буква *и* того же слога написана фонетически соотвѣтственно отраженію неударяемаго *ѣ* въ этомъ положеніи.

[8]) *вѳчиста*. Здѣсь предлогъ написанъ не фонетически, а согласно съ орѳографіей (хотя и слитно съ именемъ), вѣроятно благодаря тому, что буква *ф* вообще мало употребительна въ письменности.[1]) Въ написаніи буквы *а* на концѣ слова сказалось вліяніе произношенія писавшаго, говоръ котораго принадлежитъ къ типу слабаго оканья; этимъ же объясняется и написаніе буквы *я* въ концѣ слѣдующаго слова.

[9]) *верстъ*. Буква *е* здѣсь имѣетъ значеніе *о*, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на мягкость предшествующаго согласнаго; точно такое же значеніе имѣетъ буква *е* въ словахъ: *живетъ*, *придетъ*, *идетъ*.

[10]) *зацену*. Предлогъ написанъ слитно съ именемъ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ: на*двухъ*, на*своеи*, иза*чево*, ук(р)*есянина*. Это указываетъ на то, что предлогъ въ представленіи писавшаго являлся не особымъ словомъ, а лишь служебнымъ придаточнымъ элементомъ; впрочемъ изрѣдка у нашего малограмотнаго встрѣчается и отдѣльное написаніе предлога (срв. до вечара, Въ томъ), въ чемъ естественно видѣть результатъ книжнаго вліянія.

---

[1]) Прибавимъ, что во всѣхъ имѣющихся у насъ текстахъ того же малограмотнаго буква *ф* встрѣтилась намъ лишь одинъ разъ въ сокращенномъ написаніи *фу* (т. е. фунтовъ).

[11]) *ру* (т. е. рублей). Изъ этого написанія видно, что малограмотный въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуется сокращеніями, хотя обрываетъ слова иначе, чѣмъ принято въ ороографіи.

[12]) *серобромъ* т. е. *серёбромъ*: здѣсь малограмотный передалъ слогъ р'о иначе, чѣмъ въ словѣ „верстъ" (№ 9), воспользовавшись приблизительною передачей гласнаго звука безъ обозначенія мягкости предшествующаго согласнаго. Что касается одинаковаго съ ороографіей написанія *е* въ начальномъ слабомъ неударенномъ слогѣ, то оно вызвано или книжнымъ вліяніемъ, или же самостоятельнымъ примѣненіемъ морфологическаго принципа.

[13]) *въдороги.* Неударенное окончаніе въ данномъ словѣ передано фонетически.

[14]) *лошедяхъ.* Послѣ шипящаго написано *е* (ороо. *а*) согласно говору малограмотнаго.

[15]) *насвоеи.* Въ начертаніи конечной буквы мы видимъ описку перваго типа, состоящую въ написаніи простой буквы *и* вмѣсто той же буквы со значкомъ (срв. также ниже написаніе *домои*), которая нашему малограмотному тоже извѣстна, судя по другимъ его текстамъ.

[16]) *пиши.* Буква *и* написана здѣсь фонетически съ тою лишь неточностью, что усиленное произношеніе согласнаго не отмѣчено, о чемъ уже упоминалось выше; не смотря на твердое произношеніе согласнаго шш, послѣ передающей его буквы окончаніе написано не фонетически, а согласно съ ороографіей, т. е. *и*, а не *ы*. Точно такое же ороографическое обозначеніе (т. е. *и*) мы встрѣчаемъ въ текстѣ и послѣ другаго твердаго шипящаго (*ж*), срв. ниже написанія *живетъ*, *жись*.

[17]) *кажныя.* Мы имѣемъ здѣсь написаніе, согласное съ произношеніемъ писавшаго, какъ въ отношеніи суффика (*-н-*), такъ и въ отношеніи окончанія (*-ыя*).

[18]) *содорожания.* По видимому это слово написано вм. *содоржания*, при чемъ начертаніе *о* послѣ *д* соотвѣтствуетъ говору малограмотнаго.

[19]) *Гривенъ.* Какъ видно изъ этого и нѣкоторыхъ другихъ написаній, малограмотный знакомъ съ прописными буквами, но употребляетъ ихъ слишкомъ произвольно, пользуясь ими или случайно время отъ времени, или руководству-

ясь какими-нибудь неизвѣстными намъ основаніями. Впрочемъ въ началѣ текста имена собственныя правильно переданы черезъ начальныя прописныя буквы.

[20]) *изачево*. Слово написано фонетически, такъ какъ и двойной согласный (зз) въ произношеніи писавшаго не имѣетъ замѣтнаго усиленія, о чемъ мы уже упоминали выше. [1])

[21]) *работатъ*. Написаніе *а* въ корневомъ слогѣ соотвѣтствуетъ произношенію малограмотнаго, на говорѣ котораго нерѣдко въ произношеніи отдѣльныхъ словъ сказывалось вліяніе городскаго произношенія; впрочемъ въ другихъ текстахъ того же лица встрѣчается написаніе *роботу*, гдѣ написано *о* согласно уже говору деревни. Краткое окончаніе *-атъ* лишь отчасти соотвѣтствуетъ произношенію, именно по числу гласныхъ звуковъ, но не по качеству гласнаго элемента; чтобы написанное слово вполнѣ соотвѣтствовало произношенію, малограмотный долженъ былъ бы написать букву *ы*, какъ это и случилось при перепискѣ имъ настоящаго текста.

[22]) *игосударю*. Отмѣтимъ слитное написаніе союза съ слѣдующимъ знаменательнымъ словомъ, подобно тому какъ это мы видѣли въ написаніи предлоговъ; срв. также далѣе слова: и*самъ*, и*земския* и*уезныя*, а*господинъ*, хотя съ другой стороны встрѣчаемъ одинъ случай и отдѣльнаго написанія союза, вѣроятно вслѣдствіе книжнаго вліянія,—и *жисъ*.

[23]) *податъ*. Возможно, что при обозначеніи гласнаго звука въ неударенномъ слогѣ буквою *а* малограмотный воспользовался морфологическимъ принципомъ; однако есть вѣроятность и того, что гласный изображенъ здѣсь фонетически, такъ какъ въ данномъ говорѣ въ томъ же неударенномъ положеніи слышится иногда и *а*, хотя не вполнѣ ясное.

[24]) *живетъ*. Относительно начертанія *и* см. примѣч. № 16 и относительно *е*—№ 9. Въ переписанномъ текстѣ въ этомъ словѣ допущена описка—*жеветъ*, т. е. гармоническое уподобленіе по буквѣ гласнаго звука къ написанію слѣдующаго слога.

---

[1]) При переписываніи текста крестьянинъ допустилъ описку третьяго типа, написавши *изечево*, т. е. вм. *а* послѣ *з* подставилъ букву слѣдующаго слога. Вообще описки даннаго лица, отличавшагося торопливостью, представляютъ или пропуски, или гармоническую ассимиляцію къ слѣдующему слогу.

[25]) *иземския иуезныя.* См. примѣчанія подъ №№ 22, 2 и 17. Вообще оба слова написаны согласно съ произношеніемъ.

[26]) *Вѣсе.* Въ написаніи этого слова черезъ букву *ѣ* мы усматриваемъ примѣненіе внѣшней аналогіи къ обозначенію предлога *вѣ* Что касается прописной буквы, см. примѣч. № 19.

[27]) *жись.* Слово написано фонетически за исключеніемъ гласнаго, который переданъ согласно принципу историческому.

[28]) *до вечара.* Едва ли можно придавать первому *а* фонетическое значеніе; вѣроятно оно представляетъ собою описку третьяго типа, состоящую въ гармонической ассимиляціи къ написанію слѣдующаго слога.

[29]) *поесѣ* вм. *поесь* (т. е. „поѣсть"): описка перваго типа, благодаря частичному сходству начертаній *ѣ* и *ъ*. Помимо этой описки слово написано фонетически.

[30]) *нечева.* Слогъ *ва* въ окончаніи написанъ согласно произношенію.

[31]) *укесянина* (т. е. „у крестьянина"). Здѣсь мы видимъ слитное написаніе предлога съ именемъ и кромѣ того описку втораго типа.

[32]) *небесуте* (=литерат. „не обезсудьте"). Отмѣтимъ слитное написаніе отрицанія *не* съ глаголомъ *безсудить*, извѣстнымъ въ такомъ видѣ и по словарю Даля. Относительно *с* и *т* въ разсматриваемомъ написаніи см. примѣч. № 7

12. О вліяніи на ударяемые гласные твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ въ общерусскомъ языкѣ.

Желая разсмотрѣть ударяемые гласные со стороны вліянія на нихъ твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ, мы расположимъ ихъ для своего изслѣдованія въ слѣдующемъ порядкѣ по степени открытости: а—наиболѣе открытый гласный, **о** и **э**—средніе по открытости и, наконецъ, **у**, **і**, **ы**—узкіе гласные.

А (Я)

Вслушиваясь въ произношеніе гласнаго **а** въ словахъ м а́ т || м а́ т', мы замѣчаемъ, что во второмъ случаѣ гласный **а** мягче, нежели въ первомъ случаѣ; другими словами, гласный а при слѣдующемъ твердомъ согласномъ звучитъ твердо, при слѣдующемъ же согласномъ мягкомъ принимаетъ особую окраску, наклоняясь къ **і**, иначе выражаясь—принимаетъ небный оттѣнокъ ($а^і$). Другіе примѣры: с л а́ ф || с л а́ ^{і} ф', у д а́ р || у д а́ ^{і} р' д а́ н || д а́ ^{і} в'...; р а́ н у || р а́ ^{і} н'у, ж а́ л у || ж а́ ^{і} л'у и т. д. Такъ какъ мы имѣемъ здѣсь два сосуществующихъ явленія—смягченіе согласнаго и небный оттѣнокъ предшествующаго гласнаго, то возникаетъ вопросъ, какое изъ этихъ явленій должно считаться причиною и какое слѣдствіемъ другаго. Исторія звуковъ русскаго языка показываетъ, что мягкость согласныхъ могла быть вызвана слѣдующимъ палятальнымъ гласнымъ или же звукомъ j,—условіями, частію имѣющимися

на лицо, частію же измѣнившимися. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ смягченіе согласныхъ, какъ имѣющее уже свою причину, никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ небнаго оттѣнка предшествующаго гласнаго. Что же касается происхожденія названнаго оттѣнка, то, за отсутствіемъ какой-либо другой причины, мы должны считать его обусловленнымъ мягкостью послѣдующаго согласнаго. Онъ не можетъ имѣть какого-либо самостоятельнаго происхожденія, ибо при отсутствіи послѣдующаго согласнаго, какъ это бываетъ на концѣ слова (срв. напр. тудá и т. п.), нашъ гласный звучитъ какъ á^{a}; но стоитъ присоединить частичку *-ли*, начинающуюся мягкимъ согласнымъ, и гласный а принимаетъ слегка небный оттѣнокъ. Наличность и зависимость небнаго оттѣнка гласнаго отъ мягкости послѣдующаго согласнаго можетъ быть подтверждена также при помощи слѣдующихъ наблюденій. Мы можемъ *взрывной согласный* (твердый или же мягкій), которымъ замыкается изслѣдуемый гласный, сдѣлать *неслышнымъ* искусственно, произведя требующійся для этого согласнаго затворъ или смычку, но безъ взрыва; чрезъ это достигается изолированность гласнаго звука отъ слѣдующаго согласнаго элемента, благодаря чему легче, вслушиваясь, опредѣлить, различается ли самый гласный передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ. Опытъ показываетъ, что гласный въ томъ и другомъ случаѣ различается по оттѣнку какъ лицомъ произносящимъ, такъ и слушающимъ. Далѣе, посредствомъ *мышечнаго чувства* замѣчаемъ, что при энергичномъ произношеніи а^{i} между прочимъ углы губъ слегка оттягиваются въ стороны, между тѣмъ какъ при а^{a} этого не замѣчается. Наконецъ, если сочетаніе изъ а + С' *повторять ускоряя*, то а болѣе и болѣе принимаетъ окраску **i**. Въ томъ случаѣ, когда гласный а находится *между мягкими согласными*, то онъ обнаруживаетъ наибольшую степень небнаго оттѣнка, такъ какъ имѣетъ мягкими какъ экскурсію, такъ и рекурсію. [1])

---

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ этотъ оттѣнокъ настолько замѣтенъ, что слухъ иностранца также его различаетъ. Укажемъ на французскую транскрипцію слова «князь» въ видѣ kniaiss (см. Бодуэнъ-де-Куртенэ Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка, 1882, стр. 56), гдѣ начертаніе *ai* (=э) передаетъ впечатлѣніе отъ палятальнаго оттѣнка гласнаго *a* и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ палятальности слѣдующаго согласнаго. Вѣро-

Подводя итогъ вышеизложенному, я прихожу къ слѣдующему заключенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что гласный а (какъ и всякій другой гласный) не одинаковъ по своей рекурсіи передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, а также по своей экскурсіи послѣ такихъ же согласныхъ, что должно обусловливать соотвѣтствующее различіе въ звуковомъ оттѣнкѣ. Но вопросъ въ томъ, различается ли, кромѣ рекурсіи и экскурсіи, хотя нѣсколько средняя (главная) часть гласнаго звука а при указанномъ различіи условій? Я думаю, что болѣе чѣмъ вѣроятно такое различіе гласнаго а между твердыми и между мягкими согласными, напр. ма́т || м'а́т'. Что же касается такихъ случаевъ, какъ ма́т', то труднѣе рѣшить, зависитъ ли небный оттѣнокъ гласнаго только отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и средняя часть гласнаго звука уже нѣсколько затронута (аффицирована) небностью. Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ въ виду того, что гласный слова ма́^{i}т' производитъ на слухъ особенное впечатлѣніе не только своимъ небнымъ оттѣнкомъ, но еще и большею краткостью по сравненію съ гласнымъ слова ма́т; эту, послѣднюю можно понять такимъ образомъ, что въ первомъ случаѣ раскрытость рта нѣсколько меньше, чѣмъ во второмъ, а потому и среднюю часть гласнаго можно признать слегка измѣненною. Укажемъ еще на одно обстоятельство. Когда мы произносимъ а^{а} въ отдѣльности, наложивъ при этомъ большой и указательный пальцы руки съ боковъ на подъязычную кость, то замѣчаемъ самое легкое движеніе послѣдней книзу, между тѣмъ какъ при произношеніи а^{i}—такое же движеніе кверху; при мягкихъ согласныхъ движеніе кверху болѣе значительно, такъ что а^{i} представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое соотвѣтствіе къ произведенію мягкости согласныхъ и во всякомъ случаѣ нѣсколько отличается отъ а^{а} въ артикуляціонномъ отношеніи. Артикуляціонная сторона а^{а} и а^{i} можетъ быть изслѣдуема и приборами, что относится къ области экспериментальной фонетики.

ятно, подъ вліяніемъ французскаго языка, нѣкогда господствовавшаго въ высшемъ кругу, княгиня Карнакова въ «Юности» гр. Л. Н. Толстаго слово «князь» произноситъ съ гласнымъ *е*: «вы были, мой другъ, у *кнезъ* Ивана?» (гл. XIX).

Е (Э, Ѣ).

Обыкновенно принимаютъ, что гласный э является въ двухъ разновидностяхъ: æ (*э широкое*)—передъ твердымъ согласнымъ и ɛ (*э узкое*) — передъ согласнымъ мягкимъ, напр. п'æт || п'ɛ́т', м'æры || м'ɛ́р'ї т' и т. п. Но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи произношенія этого гласнаго можно установить большее число оттѣнковъ въ зависимости отъ частныхъ различій сосѣднихъ согласныхъ. Такъ, гласному э, какъ палятальному, обыкновенно предшествуетъ мягкій согласный, соотвѣтственно чему экскурсія э бываетъ мягкою; но въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемому гласному предшествуютъ отвердѣвшіе согласные (*ш, ж, ц*), то гласный э, имѣя уже твердую экскурсію, получаетъ соотвѣтственное отличіе нюанса въ началѣ своего звука, срв. п'æт (=орѳ. пѣтъ) и шæст (=орѳ. шестъ), п'ɛ́т' (орѳ. пѣть) и шɛ́с'т' (орѳ. шесть). Надо указать еще тотъ случай, когда гласному э не предшествуетъ никакой согласный, какъ напр. въ словахъ: это, эхъ, эти и т. п.; такое э представляетъ нѣсколько бо́льшую открытость по сравненію съ предъидущими примѣрами въ положеніи передъ твердымъ и мягкимъ согласными. Что касается рекурсіи гласнаго, то кромѣ обычнаго различія широкаго и узкаго э передъ твердыми и мягкими согласными (широкое э слышится также въ концѣ словъ, напр. *тѣ, уже́*) можно еще различить среднее э (обозначаемое нами въ научно-фонетическомъ письмѣ начертаніемъ *e*) передъ группою согласныхъ, изъ которыхъ только второй имѣетъ полную мягкость, а предшествующій ему—лишь среднюю степень смягченія, напр. зе́мл'ў (орѳ. землю), гр'е́бн'ї (орѳ. гребни). Кромѣ указанныхъ болѣе замѣтныхъ варіацій гласнаго э можно найти и болѣе мелкія, изъ которыхъ остановимся на одномъ случаѣ. Изъ мягкихъ согласныхъ, оказывающихъ вліяніе на э, нужно выдѣлить согласный j, такъ какъ подъ вліяніемъ его этотъ гласный имѣетъ нѣсколько бо́льшую открытость, чѣмъ при другихъ мягкихъ согласныхъ, срв.: п'æл и jæл; п'ɛл'ї и jɛл'ї; с'ɛ́т' и с'ɛ́j; jɛ́j.

Изъ всего предшествующаго разсмотрѣнія варіацій гласнаго э слѣдуетъ тотъ выводъ, что гласный этотъ болѣе чутокъ къ вліянію твердости и мягкости сосѣднихъ согласныхъ по сравненію съ гласнымъ а и, какъ увидимъ ниже, со всѣми

другими гласными. При опытахъ замѣчается, что главныя варіаціи гласнаго **э** легче улавливаются слухомъ, чѣмъ варіаціи другихъ гласныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что разновидности гласнаго **э** касаются не только экскурсіи и рекурсіи, но и средней или основной части звука. [1])

O (*Ë*).

Гласный **о** не особенно богатъ оттѣнками палятальности, приближаясь въ этомъ отношеніи къ гласному **а**. Онъ также различается по оттѣнку передъ слѣдующими твердыми и мягкими согласными, напр. *стóл* || *стóⁱл'* и т. д. Мы не будемъ здѣсь повторять тѣхъ доказательствъ, съ помощью которыхъ можемъ убѣдиться въ томъ, что небный оттѣнокъ принадлежитъ гласному **о**, а не перенесенъ на него съ сосѣдняго мягкаго согласнаго; мы постараемся по возможности разъяснить вопросъ, зависитъ ли небный оттѣнокъ разсматриваемаго гласнаго отъ мягкой рекурсіи, или же вмѣстѣ съ этимъ болѣе или менѣе аффицирована небностью и средняя часть гласнаго звука.

Какъ показываетъ опытъ, мы можемъ искусственно выдѣлить обѣ варіаціи гласнаго **о** ($о^a$ и $о^i$); наблюденіе надъ ихъ артикуляціями убѣждаетъ насъ, что эти артикуляціонные уклады не вполнѣ одинаковы, а именно: *мускульное чувство* въ губахъ показываетъ, что при $о^i$ губы не выдвигаются впередъ въ такой степени, какъ при $о^a$, но имѣютъ тенденцію удерживаться нѣсколько ближе къ зубамъ; это чувство особенно замѣтно въ верхней половинѣ нижней губы; съ другой

---

[1]) Широкое и узкое *э* встрѣчается также и въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ языкахъ, но тамъ эти варіаціи зависятъ не отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго, а имѣютъ болѣе самостоятельный характеръ, будучи связаны главнымъ образомъ съ долготою или же краткостью гласнаго. Тѣмъ не менѣе ухо иностранца различаетъ открытое и закрытое произношеніе русскаго *э*, отожествляя ихъ съ соотвѣтствующими варіаціями звука въ своемъ языкѣ. Такъ, одинъ французъ при письмѣ подъ диктовку русскаго текста французскими буквами примѣнялъ знакъ è для передачи русскаго открытаго *э*, а знакъ é—для закрытаго *э*; вотъ примѣры для открытаго ударяемаго *е* въ концѣ слова: guediè (гд*ѣ*), meniè (мн*ѣ*), vstraniè (въ стран*ѣ*), такого же *е* внутри слова: lièta (л*ѣ*та), privièta (прив*ѣ*та), закрытаго *е*: vstrétite (встр*ѣ*титъ).

стороны, и въ области языка артикуляціонные уклады не тожественны при произнесеніи того и другаго **о**: при **о**ⁱ чувствуется движеніе не задней части языка (какъ при оᵃ), но средне-задней, и такимъ образомъ при **о**ⁱ одновременно происходитъ какъ бы легкое взаимное сближеніе губной и язычной артикуляціи. Указанная разница въ мышечномъ чувствѣ замѣчается не только при произнесеніи варіаціи **о** въ отдѣльности, но и въ сочетаніи съ слѣдующимъ твердымъ или же мягкимъ согласнымъ, напр. о́ᵃт || о́ⁱт', мо́ᵃл || мо́ⁱл' и т. п. Такъ какъ подобное же мышечное чувство въ губахъ замѣчается и при произнесеніи мягкихъ согласныхъ, особенно губныхъ (срв. м' || м и проч.), то слѣдуетъ признать, что гласный **о**ⁱ получилъ свою палятальность отъ приноровленія своего произношенія къ укладу слѣдующаго мягкаго согласнаго. Замѣтимъ еще, что различіе оттѣнка и соотвѣтствующаго мышечнаго чувства является также въ томъ случаѣ, когда слѣдующій согласный принадлежитъ другому слогу. Наибольшая степень палятальности оказывается тогда, когда гласный находится между двумя мягкими согласными, напр. м'о́ⁱд'ӕ (срв. произношеніе м'о́дў); здѣсь произношеніе **о**ⁱ почти уже приближается къ французскому или нѣмецкому ö; при постепенномъ ускореніи произношенія этотъ оттѣнокъ еще болѣе замѣтенъ.[1])

Послѣ всего изложеннаго мы заключаемъ, что различіе разсматриваемыхъ оттѣнковъ гласнаго **о** касается въ той или другой степени также и средней части звука.

У (*Ю*).

Сказанное нами о разновидностяхъ гласнаго **о** распространяется и на гласный **у**, который по своей артикуляціи однороденъ съ гласнымъ **о**, представляя лишь узкую ступень

---

[1]) Изъ сказаннаго видно, что оⁱ представляетъ одну изъ промежуточныхъ стадій между оᵃ и ö. Это подтверждается еще отчасти слѣдующимъ примѣромъ транскрипціи даннаго гласнаго. Одинъ французъ, о которомъ уже упоминалось, пользуясь средствами французской орѳографіи написалъ подъ диктовку слово «родной» въ видѣ rodn*oeu*ille, гдѣ послѣ буквы *о* стоитъ еще *eu* (=ö), очевидно — чтобы выразить палятальный нюансъ русскаго гласнаго *о́*.

этого гласнаго. Въ существованіи двухъ оттѣнковъ гласнаго **у** передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ, т. е. **у** и **у**ⁱ, можно убѣдиться изъ сравненія произношенія и соотвѣтствующаго акустическаго эффекта такихъ словъ, какъ напр. ду́лъ || дуⁱл', ду́т || ду́ⁱт', пу́т || пу́ⁱт', ру́п || ру́ⁱп' и пр. Со стороны *физіологической*, въ случаѣ **у**ⁱ мы можемъ констатировать большее движеніе впередъ артикулирующей массы языка, чѣмъ при **у**; эта разница артикуляцій, благодаря болѣе узкому раствору рта, здѣсь становится болѣе замѣтною, нежели въ соотвѣтствующемъ среднемъ гласномъ (*о*), въ чемъ не трудно убѣдиться, наложивъ палецъ на поверхность языка и одновременно произнося тѣ и другіе звуки. Что касается губной артикуляціи, то мышечное чувство указываетъ на тенденцію болѣе приблизить внутреннюю часть губъ къ зубамъ, между тѣмъ какъ внѣшнее устье ихъ стремится выдвинуться впередъ, чтобы образовать надлежащее съуженіе; благодаря такому контрасту иногда можетъ казаться, что при **у**ⁱ губы болѣе выдвигаются впередъ, чѣмъ при простомъ **у**. Со стороны *акустической* нужно отмѣтить особенно сильный оттѣнокъ палятальности въ томъ случаѣ, когда гласный **у** находится между палятальными согласными, напр. въ сочетаніи м'уп' и т. п.; здѣсь наблюдается то же явленіе, что и при гласномъ **о**, т. е. гласный **у**ⁱ въ такихъ сочетаніяхъ напоминаетъ иностранное **ü** (**ӱ**), особенно если производить опытъ съ постепеннымъ ускореніемъ произношенія. Замѣтимъ еще, что акустическая разница того и другаго оттѣнка гласнаго легче улавливается при *шепотномъ* произношеніи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ (срв. ру́п и ру́ⁱп').

I.

Этотъ гласный представляетъ только двѣ варіаціи въ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующаго согласнаго; что же касается предшествующаго согласнаго, то онъ въ положеніи передъ **і** можетъ быть только мягкимъ, почему и экскурсія гласнаго можетъ являться только въ этой мягкой варіаціи. Если будемъ сравнивать произношеніе п'íт' и п'íт, то во второмъ случаѣ мы замѣчаемъ при помощи *мышечнаго чувства* тенденцію языка быть дальше отъ небнаго свода, тогда какъ въ первомъ случаѣ замѣчается противоположное стремленіе

къ большему сближенію между языкомъ и небомъ; этому различію соотвѣтствуетъ въ первомъ случаѣ болѣе узкое раскрытіе рта по сравненію со вторымъ. Обратимъ вниманіе еще на одну варіацію гласнаго **і**, именно въ сочетаніи *чі*: здѣсь гласный **і** не имѣетъ своей обычной узкости вслѣдствіе того, что предшествующій согласный *ч* не является вполнѣ мягкимъ; но и эта разновидность **і** въ свою очередь варіируетъ въ зависимости отъ твердости и мягкости послѣдующаго согласнаго, срв. чі́н || чі́н'. Вообще же можно сказать, что разсмотрѣнныя варіаціи гласнаго **і**, вслѣдствіе незначительности въ перемѣщеніи укладовъ, менѣе явственны для слуха, чѣмъ варіаціи всѣхъ другихъ гласныхъ.

Ы.

Гласный **ы** по своей физіологической природѣ занимаетъ посредствующее положеніе между гласными **у** и **і**: подобно гласному **у** для произнесенія разсматриваемаго гласнаго требуется также участіе задней части языка, съ той лишь разницей, что мѣсто артикуляціи при **ы** не такъ глубоко, какъ при **у**; въ то же время губы, не образуя съуженія, остаются индифферентными и соотвѣтствуютъ укладу губъ для **і**. Такимъ образомъ гласный **ы** представляетъ собою какъ бы задне-язычное **і**. Въ зависимости отъ твердости и мягкости слѣдующаго согласнаго гласный **ы** имѣетъ двѣ варіаціи, при чемъ для мягкой варіаціи укладъ задней части языка становится еще менѣе глубокимъ, а раскрытіе рта болѣе узкимъ, срв. бы́т || бы́^{і}т', пы́л || пы́^{і}л'. Что касается начальной части гласнаго или экскурсіи его, то она обычно бываетъ твердою, такъ какъ слѣдуетъ лишь за твердыми согласными. Особую варіацію гласнаго **ы** представляетъ произношеніе орѳографическихъ сочетаній *ши* и *жи*: въ нихъ гласный **ы** не имѣетъ своей обычной твердости, являясь какъ бы нѣсколько съуженнымъ (будемъ обозначать такое **ы** съ точкою внизу); но и въ этомъ случаѣ гласный подчиняется обычной модификаціи оттѣнка передъ слѣдующими твердыми и мягкими согласными, срв. шы̣́т || шы̣́^{і}т', жы̣́т || жы̣́^{і}т'. Принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ сочетанія *ши* и *жи* выговариваются тверже по сравненію съ указаннымъ произношеніемъ литературной рѣчи, можно

думать, что это послѣднее еще не достигло предѣльной твердости въ процессѣ отвердѣнія шипящихъ, если не обязано книжному вліянію.

Разсматривая всю серію ударяемыхъ гласныхъ звуковъ со стороны вліянія на нихъ сосѣднихъ согласныхъ, подведемъ итогъ сдѣланнымъ нами наблюденіямъ:

1) Дѣйствіе на ударяемые гласные мягкихъ сосѣднихъ согласныхъ, особенно послѣдующихъ, выражается въ томъ, что гласные пріобрѣтаютъ узко-небный оттѣнокъ; послѣдній зависитъ отъ того, что въ артикуляціяхъ языка принимаетъ большее или меньшее участіе средняя его часть при одновременной тенденціи губъ приблизиться къ зубамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько уменьшается раскрытость рта; короче—при палятальномъ оттѣнкѣ гласныхъ разстоянія между всѣми артикулирующими частями полости рта болѣе или менѣе сокращаются какъ въ горизонтальномъ (передне-заднемъ), такъ и въ вертикальномъ направленіи.

2) Не всѣ гласные одинаково легко поддаются указанному вліянію согласныхъ, представляя слѣдующую послѣдовательность по убывающему вліянію мягкости послѣднихъ: **э**, **а**, **о**, **у**, **ы**, **і**.

3) Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ русскаго языка процессъ вліянія мягкихъ сосѣднихъ согласныхъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе по сравненію съ литературнымъ произношеніемъ, мы вправѣ заключить о томъ пути, которому будетъ слѣдовать и это послѣднее. Примѣромъ того, какъ далеко можетъ идти палятализація гласныхъ, служитъ хотя бы чешскій языкъ, далеко оставившій за собою въ данномъ отношеніи остальные славянскіе языки.

Въ заключеніе замѣтимъ, что разсмотрѣнные нами оттѣнки гласныхъ звуковъ наблюдаются также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, но этотъ вопросъ уже выходитъ за предѣлы настоящаго очерка.

13. Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Наблюденія я производилъ надъ своимъ собственнымъ произношеніемъ (общерусскимъ), вслушиваясь также въ произношеніе другихъ.

Въ подтвержденіе извѣстнаго произношенія я привожу *написанія малограмотныхъ*, которые, не зная правилъ правописанія, пишутъ такъ, какъ произносятъ. При этомъ я соблюдалъ предосторожность, чтобы не приводить такихъ написаній, которыя могутъ не отражать произношенія писавшаго и происходить отъ нѣкотораго знакомства съ правописаніемъ. Особенно легко можно впасть въ ошибку, если пользоваться небольшими малограмотными отрывками; самое лучшее—имѣть въ распоряженіи побольше написаннаго однимъ и тѣмъ же малограмотнымъ лицомъ, напр. цѣлую серію писемъ: это дѣлаетъ возможнымъ критическое отношеніе къ написанію. Я пользовался именно такими серіями писемъ. Естественно, что тамъ, гдѣ произношеніе согласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ, и малограмотное лицо напишетъ правильно. Отступленія будутъ тамъ, гдѣ произношеніе и правописаніе расходятся. Написанія малограмотныхъ напечатаны курсивомъ.

Перехожу къ объясненію особыхъ знаковъ, которые употреблены въ этомъ изслѣдованіи для точной передачи звуковъ русскаго языка, и которые уже приняты въ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Мягкость согласнаго обозначена знакомъ ', напр. *д* (твердое *д*), *д'* (мягкое *д*).

æ—знакъ для широкаго *е*, є—знакъ для узкаго *е*.

Знакъ å означаетъ звукъ между *а* и *о* болѣе близкій къ *а*, другими словами—*а* съ оттѣнкомъ *о*.

Звукъ *ĭ* обозначенъ однимъ и тѣмъ же знакомъ **ĭ** какъ передъ гласнымъ, такъ и передъ согласнымъ.

Звуки, которые я обозначаю знаками **ъ** и **ь**, подробно описаны ниже въ томъ мѣстѣ, гдѣ впервые идетъ о нихъ рѣчь.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію гласныхъ безъ ударенія, скажу нѣсколько словъ объ ударенныхъ и неударенныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ, попытаюсь дать объясненіе измѣненія гласныхъ безъ ударенія и представлю методъ ихъ изслѣдованія.

Возьмемъ для примѣра слово

„ка́рта“.

Обратившись къ *мускульному чувству*, мы замѣчаемъ, что ударяемый слогъ *кар* произносится при большемъ напряженіи мускуловъ, работающихъ при произношеніи, нежели неударяемый слогъ *та*. Мускулы при произнесеніи перваго *а* (съ удареніемъ) напряжены въ такой мѣрѣ, что уложеніе полости рта, свойственное этому гласному, является самымъ полнымъ, самымъ совершеннымъ, благодаря этому гласный слышится вполнѣ яснымъ, опредѣленнымъ. При произнесеніи же втораго *а* (безъ ударенія) мускулы напряжены менѣе, такъ что уложеніе полости рта, свойственное этому гласному, является менѣе полнымъ, менѣе совершеннымъ, и гласный поэтому слышится менѣе яснымъ, менѣе опредѣленнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на ширину раствора рта при произнесеніи ударениаго и неударенваго *а* этого слова, то замѣтимъ, что ширина раствора при произнесеніи неударенпаго *а* меньше, чѣмъ при произнесеніи *а* съ удареніемъ; все же неударенное **а** въ разсматриваемомъ положеніи слышится довольно яснымъ. Впрочемъ, въ произношеніи многихъ неударяемые гласные, оканчивающіе слово, имѣютъ слабое и краткое произношеніе.

Въ словѣ

„э́дакъ“

вмѣсто неударевнаго *а* слышится звукъ, колеблющійся между неяснымъ *а* и неяснымъ *ы*. Возникаетъ вопросъ, отчего въ этомъ словѣ неударенное *а* отражается иначе, чѣмъ въ словѣ

„ка́рта“. Разница въ положеніи неударенпаго *а* этихъ словъ заключается въ томъ, что въ словѣ „э́дакъ“ неударенное *а* находится между согласными, въ словѣ же „ка́рта“ неударенному *а* только предшествуетъ согласный, но не слѣдуетъ за этимъ гласнымъ никакого звука.

Попробуемъ объяснить физіологически измѣненіе неударенпаго *а* въ словѣ „э́дакъ“. Это *а* находится между согласными; согласные произносятся при индифферентномъ растворѣ рта, т. е. достаточномъ только для того, чтобы воздухъ могъ выходить изъ полости рта; растворъ рта, нужный для произнесенія *а* безъ ударенія съ теченіемъ времени постепенно замѣняется индифферентнымъ растворомъ рта, который свойственъ согласнымъ звукамъ, окружающимъ этотъ неударенный гласный. Окружающіе согласные еще далѣе простираютъ свое вліяніе на это неясное *а*, произносимое при индифферентномъ растворѣ рта: подъ ихъ вліяніемъ гласный этотъ измѣняется по направленію къ *ы*. Въ самомъ дѣлѣ, если попробуемъ произнести передъ какимъ-нибудь согласнымъ или послѣ него такой гласный, при которомъ всего легче бы сохранился растворъ рта, свойственный согласнымъ, то гласнымъ этимъ будетъ *ы*, всегда произносимое при индифферентномъ растворѣ рта. Физіологическая разница между этими двумя гласными—неясными *а* и *ы*—заключается въ томъ, что при произнесеніи *ы* языкъ отодвинутъ взадъ менѣе, нежели при произнесеніи *а*. Между этими двумя крайними положеніями языка мы можемъ представить себѣ безчисленное множество положеній, которыя можетъ принимать языкъ; отсюда происходитъ безчисленное множество оттѣнковъ гласнаго. Вотъ гдѣ причина того, что гласные безъ ударенія часто неуловимы. Напрасно бы мы старались въ точности опредѣлить звукъ неударенпаго гласнаго въ каждомъ данномъ произношеніи. Колеблющійся гласный, въ который измѣняется неударенное *а* слова „э́дакъ“, я обозначаю черезъ **ъ**.

При *книжномъ вліяніи* на произношеніе неударенное *а* въ этомъ положеніи произносится яснѣе и даже при болѣе широкомъ растворѣ рта, чѣмъ индифферентный.

Легко замѣтить, что въ словѣ

„вы́д*а*ча“

за первымъ *а* слѣдуетъ согласный слѣдующаго слога, и это *а* измѣняется въ произношеніи въ звукъ, колеблющійся между

неяснымъ *а* и *ы*, такъ же какъ въ словѣ „*э́*д*а*къ", гдѣ за неударенными *а* слѣдуетъ согласный того же слога.

Такимъ образомъ, при изслѣдованіи произношенія гласныхъ безъ ударенія надо различать случаи, когда за гласнымъ не слѣдуетъ никакого звука (другими словами, когда гласный находится въ концѣ слова) и когда слѣдуетъ согласный, принадлежащій тому же, или слѣдующему слогу.

Въ словахъ

„к*а*лмы́къ", „к*а*мы́шъ"

хотя за *а* слѣдуетъ согласный (въ первомъ словѣ принадлежащій тому же слогу, во второмъ—слѣдующему), однако *а* сохраняется, а не измѣняется такъ, какъ въ предъидущихъ двухъ положеніяхъ. Особенность условій, въ которыхъ *а* поставлено въ разсматриваемыхъ словахъ, заключается въ томъ, что *а* въ этихъ словахъ стоитъ не послѣ ударенія, а передъ удареніемъ.

Въ словахъ

„н*а*дломи́ть", „с*а*поги́"

неударенное *а* измѣняется въ звукъ болѣе краткій, нежели въ двухъ предъидущихъ словахъ, и колеблющійся между неяснымъ *а* и неяснымъ *ы*. Сравнивая это положеніе неудареннаго *а* съ предъидущимъ положеніемъ, замѣчаемъ ту разницу, что въ одномъ случаѣ *а* находится на первомъ мѣстѣ отъ ударенія, въ другомъ же—на второмъ.

Сказанное побуждаетъ при разсмотрѣніи гласныхъ безъ ударенія различать слѣдующія ихъ положенія въ словѣ: стоитъ ли гласный за удареніемъ или предъ удареніемъ; на которомъ мѣстѣ отъ ударенія; слѣдуетъ ли за гласнымъ согласный (того же, или слѣдующаго слога), или гласный имѣется въ концѣ слова.

Мы разсмотримъ только гласные *а*, *о* и *е* безъ ударенія, такъ какъ прочіе гласные (*у*, *ы*, *і*), произносясь при индифферентномъ растворѣ рта, не представляютъ того разнообразія оттѣнковъ, которое имѣетъ мѣсто при первыхъ вслѣдствіе измѣненія ширины раствора рта.

A) a безъ ударенія.

1) Разсмотримъ, какъ отражается *a* въ открытомъ конечномъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударенным слогомъ. Въ этомъ положеніи гласному *a* можетъ предшествовать или а) твердый, или б) мягкій согласный.

а) ´ | Са [1])

р'ǽпа	тру́са	бра́га
в'ǽрба	ра́за	пу́ха
сла́ва	мы́ла	на́ша
ра́ма	па́ра	му́жа
плу́та	ра́на	пт'íца
пу́да	га́лка	

б) ´ | С'а

сы́п'а	у́д'а	ра́н'а
гра́б'а	тру́с'а	кра́ја
сла́в'а	ла́з'а	пла́ча
зна́м'а	мы́л'а	
п'є́т'а	па́р'а	

Въ обоихъ разсматриваемыхъ случаяхъ гласный *a* сохраняется довольно яснымъ, склоняясь впрочемъ въ положеніи после мягкихъ согласныхъ къ оттѣнку ä.

Такъ же отражается *a* въ открытомъ конечномъ слогѣ болѣе удаленномъ отъ ударенія:

а) ´ | - | Са [2])

о́ткупа	в'íд'іма
вы́г'іба	вы́б'іта
м'є́с'іва	н'ǽкуда
фо́куса	са́д'іка
кра́с'іла	вы́в'іха
ба́р'іна	ку́р'іца

---

[1]) Въ этомъ случаѣ С=consonans или согласный и притомъ твердый въ противоположность С' (т. е. мягкому согласному); вертикальная черта служитъ для обозначенія дѣленія на слоги.

[2]) Знакъ - означаетъ слогъ безъ ударенія.

б) ´ | - | C'а

вы́луп'а	с'м'і́лујс'а
вы́руб'а	па́стыр'а
вы́плыв'а	ба́рын'а
жо́луд'а	ба́р'іча

в) ´ | - | - | Cа

фо́кус'н'іка

и т. д.

2) *а* въ закрытомъ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ. Здѣсь возможны четыре случая: а) разсматриваемому гласному предшествуетъ твердый согласный и такой же за нимъ слѣдуетъ, б) предшествуетъ твердый согласный, слѣдуетъ мягкій, в) предшествуетъ мягкій согласный, слѣдуетъ твердый, г) предшествуетъ и слѣдуетъ мягкій согласный.

а) ´ | CаC

ǽдък	хло́пътца (хлопаться)
пр'і́стъф	сту́кътца

б) ´ | CаC'

ка́път'	па́хър'
пла́кът'	пр'і́стън'
б'ǽгът'	б'ǽгъј
јǽхът'	ло́пъјс'а
су́дър'	сва́тъјс'а

в) ´ | C'аC

по́јьс

заицъ

г) ´ | C'аC'

д'є́в'ьт'	л'є́б'ьт'
д'є́с'ьт'	ла́јьт'

Разсмотримъ съ физіологической стороны измѣненіе *а* послѣ мягкихъ согласныхъ по направленію къ *i*. Для произнесенія мягкимъ согласнаго, предшествующаго разсматриваемому гласному, языкъ при индифферентномъ растворѣ рта прижимается хребтомъ къ небу, затѣмъ опускается вмѣстѣ съ нижней челюстью для произнесенія гласнаго *а*, и наконецъ полость рта принимаетъ уложеніе, свойственное слѣдующему согласному. Эта сумма работъ постепенно измѣняется такъ: ширина раствора рта, нужная для произнесенія неударен-наго *а*, постепенно уменьшается до ширины индифферентнаго раствора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ постепенно меньше удаляется отъ неба. Такимъ-то образомъ вмѣсто *а* получается гласный болѣе или менѣе близкій къ *i*, который я обозначаю знакомъ **ь**; между крайними положеніями языка для *а* и *i* можно представить себѣ неограниченное число положеній, которыя можетъ принимать языкъ и которыя даютъ безчисленное множество оттѣнковъ гласнаго. При болѣе ясномъ произношеніи растворъ рта болѣе широкъ, чѣмъ индифферентный.

Написанія, установившіяся въ орѳографіи,—

> лебедь вм. лебядь (ср. лебяжій), колодезь вм. колодязь (кладѧзь)—

своимъ утвержденіемъ въ современномъ правописаніи могли и не быть обязаны измѣненію *а* въ этомъ неударяемомъ положеніи по направленію къ *i*, такъ какъ написанія этихъ словъ съ *е* встрѣчаются уже въ памятникахъ XI—XII в., напр. „лебедь“ у Гр. Наз. (XI в.), „кладезь“ въ Юрьев. Ев. (1118—1128 г.): „сѣдяаше на кладези“. Можно думать, что слова „лебедь“ и „лебяжій“, „кладезь“ и „кладязь“—не вполнѣ одного и того же образованія: въ одномъ случаѣ—суф. *-едь* и *-езь*, а въ другомъ—тѣ же суф. съ назализаціей, т. е. *-ядь* и *-язь*. Написаніе „ястребъ“ при древне-русскомъ „ястрябъ“ можно, кажется, отнести и на счетъ вліянія неударенности.

Такъ же измѣняется *а* въ закрытомъ слогѣ, далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр. вып'ісът'.

3) *а* въ открытомъ неконечномъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ. Здѣсь возможны тѣ же четыре случая, что и въ предъидущемъ положеніи.

а) ′ | Ca | CV [1])

ка́пъла	jǽхъла
сва́тъла	са́въна
пла́къла	пр'і́стъва
б'ǽгъла	*послушыла*

б) ′ | Ca | C'V

ка́пъл'і	вы́стъв'іт'
сва́тъл'і	су́дър'а
пла́къл'і	па́хър'а
б'ǽгъл'і	пр'і́стън'і
jǽхъл'і	вы́дъча

в) ′ | C'a | CV

вы́т'ьну

*суставчитых*ъ

г) ′ | C'a | C'V

пр'і́н'ьл'і вы́т'ьн'і

кланиица

Такъ же отражается *а* внутри слова въ открытомъ слогѣ еще далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр.

вы́слушъла, вы́слушъл'і, вы́ровн'ьла, вы́ровн'ьл'і.

4) *а* въ открытомъ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному слогу. Разсмотримъ этотъ гласный въ тѣхъ же четырехъ положеніяхъ, что и въ предъидущемъ случаѣ.

а) Ca | CV́

пала́та	кажу́
мала́	како́j
сама́	хала́т
сады́	шага́т'
зады́	

---

[1]) V=vocalis (гласный).

б) Са | С'V́

пал'í	каче́л'
сад'í	шаг'í [1])
дар'í	

в) С'а | СV́

п'ато́к	с'в'ато́ј
с'н'ат'о́ј	р'або́ј [1])

г) С'а | С'V́

п'ат'í	с'в'ат'í
т'ан'í	р'аб'íт [1])

Тоже довольно яснымъ сохраняется *а* въ закрытомъ слогѣ, непосредственно передъ слогомъ съ удареніемъ, напр.

затк'í, качн'í, п'атк'í, јарлы́к.

5) *а* въ открытомъ слогѣ, второмъ передъ удареніемъ.

а) Са | СV | ́

тъсова́л	зъкр'іча́л
съпог'í	зъха̊т'ǽл

б) Са | С'V | ́

стър'іку́	зън'іма́т'
зък'ідáт'	зъл'іва́т'

в) С'а | СV | ́

п'ътачо́к

---

[1]) Въ произношеніи многихъ послѣ шипящихъ и послѣ мягкихъ согласныхъ въ разсматриваемомъ положеніи слышится гласный звукъ близкій къ *э*, переходящій иногда (особенно въ говорѣ московскомъ) даже въ іᵊ послѣ мягкихъ согласныхъ и *ч*, или въ ыᵊ послѣ твердыхъ шипящихъ (срв. пятокъ=п'этóк или п'іᵊтóк; *шалунъ*=шэлу́н или шыᵊлу́н). При этомъ нужно помнить, что шипящіе *ш* и *ж*, теперь твердые, нѣкогда произносились мягко, а въ нѣкоторыхъ говорахъ и теперь еще сохраняютъ мягкость.

г) **С'а | С'V | ´**

п'ьт'є́р'і́к

Такъ же измѣняется *а* въ соотвѣтствующемъ по мѣсту закрытомъ слогѣ, напр.

нъдлом'і́т', јьрлычо́к;

такъ же измѣняется въ слогѣ, еще далѣе стоящемъ передъ ударенiемъ, напр.

нъп'ірова́лс'а.

Б) **о** безъ ударенія.

1) *о* въ открытомъ конечномъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за слогомъ съ ударенiемъ.

с'л'ǽпа̊ (слѣпо)	кр'і́ва̊
сла́ба̊	пр'а́ма̊

Такъ же отражается *о* въ открытомъ конечномъ слогѣ, болѣе удаленномъ отъ ударенія, напр.

в'і́діма̊ (видимо).

При отсутствіи *книжнаго влiянія* на произношеніе разсматриваемое *о* можетъ являться еще болѣе измѣнившимся въ томъ же направленіи, отражаясь какъ довольно ясное *а*.

2) *о* въ закрытомъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударённымъ слогомъ.

а) **´ | СоС**

то́път	о́стъф (остовъ)
хо́бът	но́ръф
о́вът (оводъ)	сла́дък
вы́гът (выгодъ)	п'а́тъј
вы́хът	пу́гъфка

*наперст*ыкъ

б) **´ | СоС'**

ко́път'	ту́т-хът'
с'л'а́кът'	полнъч
но́гът'	па́ръчка

Въ разсматриваемомъ положеніи слышится вмѣсто неударѳннаго *о* такой же звукъ, какой слышится вмѣсто неударѳннаго *а* въ томъ же положеніи (ср. остовъ и приставъ, копоть и капать, ноготь и трогать). При книжномъ вліяніи на произношеніе яснѣе выдается оттѣнокъ *о* въ противоположность оттѣнку *а*, согласно съ ороографическимъ написаніемъ.

Такъ же отражается *о* въ закрытомъ слогѣ, далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр.

вы́п'ісък.

3) *о* въ открытомъ неконечномъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ.

а) ´ | Co | CV

то́пъта	но́ръва
хо́бъта	жо́лтъва
о́въда	п'а́тъва
вы́гъды	ста́ръва
вы́хъды	о́кълå

б) ´ | Co | C'V

ко́път'і	вы́гън'і (выгони)
с'л'а́кът'і	вы́рън'і

Написаніе —

полымя вм. поломя,

встрѣчающееся въ ороографіи, [1]) представляетъ собою погрѣшность, обусловленную произношеніемъ. Въ словарѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, составленномъ Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Акад. Наукъ (1867—68)[2], находимъ только одно написаніе—„поломя". Написаніе это не чуждо и печатнымъ произведеніямъ. [2])

Одинаково отражается *о* въ открытомъ неконечномъ слогѣ, еще далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр.

ва́с'інъва.

---

[1]) См. напр. Стихотворенія А. В. Кольцова. Восьмое изданіе К. Т. Солдатенкова (1884) стр. 59 «Урожай». Такъ же и въ новѣйшемъ изданіи Академіи Наукъ (1909).

[2]) Напр. въ Полномъ собраніи сочиненій Гр. А. К. Толстаго, I (1882) стр. 281.

4) *о* въ открытомъ слогѣ, непосредственно предшествующемъ слогу съ удареніемъ.

а) Co | CV́		б) Co | C’V́	
ба̊ба́	па̊ра́	ба̊б’ǽ	па̊р’ǽ
фа̊ма́	га̊ра́	фа̊м’ǽ	га̊р’ǽ
ва̊да́	ка̊ла́	ва̊д’ǽ	ка̊л’ǽ
са̊су́	та̊ну́	са̊с’í	та̊н’í

Такъ же отражается *о* въ соотвѣтствующемъ по мѣсту закрытомъ слогѣ.

Въ моемъ произношеніи вмѣсто *о* въ разсматриваемомъ положеніи слышится звукъ а̊, тогда какъ въ произношеніи другихъ часто слышится звукъ, еще болѣе близкій къ *а*. Эту особенность моего произношенія, кажется, слѣдуетъ объяснить какъ остатокъ моего прежняго „умѣренно-окающаго“ говора, впослѣдствіи измѣнившагося подъ вліяніемъ говора „акающаго“, но не вполнѣ, какъ видно изъ указанной особенности.

Произношеніе „акающее“ послужило источникомъ или способствовало принятію такихъ ороографическихъ написаній, какъ—

калачъ вм. колачъ (ср. коло), заря вм. зоря (ср. зорька), алтарь вм. олтарь, Анучинъ вм. Онучинъ и т. п. [1])

5) *о* въ открытомъ слогѣ, второмъ передъ удареніемъ.

а) Co | CV | ´		б) Co | C’V | ´	
тъпа̊ры́	бъра̊на́	гър’æва́л	бъс’ікóм
гъва̊р’íт	гъра̊да́		
мъла̊кó	къна̊ва́л		

Такъ же измѣняется *о* въ слогѣ, еще далѣе стоящемъ передъ ударенным слогомъ, нп. пъп’іра̊ва́лъ.

[1]) Впрочемъ, нельзя видѣть одно лишь отраженіе аканья вездѣ, гдѣ въ ороографіи имѣется въ разсматриваемомъ неударяемомъ положеніи *а* вмѣсто *о*, или же рядомъ съ *о*; нѣкоторые случаи должны быть отнесены къ древнему этимологическому чередованію *а* ‖ *о*, напр. «заря» ‖ «зорька» (въ самомъ дѣлѣ, такое чередованіе *а* и *о* въ томъ же словѣ имѣется и въ ст.-сл. ʒаріа ‖ ʒоріа), или же къ вліянію церковно-славянской письменности, напр. префиксъ *раз-* (цк.-сл.) ‖ *роз-* (чисто русск.).

В) е безъ ударенія.[1])

1) *е* въ открытомъ конечномъ слогѣ, первомъ послѣ ударённаго слога.

лáп'æ пóл'æ
дáм'æ л'éјт'æ
мы́л'æ мóјт'æ

Тоже довольно яснымъ слышится *е* въ открытомъ конечномъ слогѣ, еще далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр.

нóс'іт'æ, мóјіт'æ.

Вмѣсто æ въ разсматриваемомъ положеніи можетъ слышаться также *і*. Происхожденіе послѣдняго звука можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Сначала онъ развился въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдующее слово тѣсно примыкало къ предъидущему, оканчивающемуся на *е*; это *е* въ такомъ положеніи можетъ измѣниться въ *і* такъ же, какъ внутри слова послѣ ударенія, напр.

јіз'в'ін'íт'і-ка, мóл'іт'іс'.

Эти новыя формы, являющіяся при извѣстныхъ условіяхъ, затѣмъ получаютъ самостоятельную жизнь и употребляются независимо отъ указанныхъ условій, по аналогіи, напр.

будити писать
прощайти бутьти здоровы
и т. п.

2) *е* въ закрытомъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ. Въ этомъ положеніи возможны два случая: а) за *е* слѣдуетъ согласный твердый, б) за *е* слѣдуетъ согласный мягкій; въ обоихъ случаяхъ передъ *е* можетъ быть только мягкій согласный (а также отвердѣвшіе—*ш*, *ж*, *ц*).

а) ´ | С'еС

братицъ *будитъ* (будешь)
писимъ *будитъ*
павилъ *знаишъ*
полотеницъ *умиръ*
касайтца

[1]) Все равно, соотвѣтствуетъ ли орѳографическому *е* или *ѣ*. Однако, при болѣе детальномъ изслѣдованіи общерусскаго произношенія, равно какъ

б) ´ | C'eC'

смитий (съ Митей) *очинь*
мозолий *картофильный*

Гласный *е* въ этомъ положеніи измѣняется въ ь—звукъ болѣе или менѣе близкій къ *і*, или даже въ *і* такимъ же путемъ, какимъ происходитъ измѣненіе въ томъ же положеніи неударенаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, съ тою разницею, что при измѣненіи *е* область движенія гласнаго меньше, чѣмъ при измѣненіи *а*.

Благодаря такому измѣненію *е* въ разсматриваемомъ положеніи, въ печати иногда попадаются такія написанія, какъ

кармашикъ [1]) вм. кармашекъ (срв. кармашка).

Такъ же отражается *е* въ закрытомъ слогѣ, еще далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр.

советуитъ *высидить*
обрадуитъ

3) *е* въ открытомъ неконечномъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ.

а) ´ | C'e | CV б) ´ | C'e | C'V

вы́н'ьсу вы́н'ьсут вы́н'ьс'ьш вы́н'ьс'ьм
прежниму вы́н'ьс'ьт вы́н'ьс'і
будити (будете) *видили*
григорьивичъ *жерибий*

Такъ же отражается *е* въ открытомъ неконечномъ слогѣ, далѣе стоящемъ за удареніемъ, напр.

вы́н'ьс'ьт'æ.

Написаніе—

мачиха вм. мачеха,

являющееся въ орѳографіи, есть фонетическое. [2])

и при изученіи неударяемаго вокализма народныхъ говоровъ, нужно различать эти два случая, по причинѣ нѣкоторыхъ несходствъ между ними.

[1]) Напр. въ собраніи сочиненій Тургенева (1883), т. II, стр. 238. Поводомъ къ смѣшенію служитъ существованіе въ языкѣ также суффикса *-икъ*.

[2]) Принятію такого написанія способствовало смѣшеніе съ суф. *-иха*. Въ древне-русскомъ (*Лавр.*, *Ип. л.*) писалось «мачеха».

4) *е* въ открытомъ слогѣ, стоящемъ непосредственно передъ слогомъ съ удареніемъ.

а) С'е | СV́		б) С'е | С'V́	
б'æрý	б'æды́	б'єр'óш	б'єр'óт'æ
б'æрýт	б'æдóј	б'єр'óт	б'єр'í
б'æдá		б'єр'óм	б'єд'ǽ

Хотя въ этомъ положеніи гласный *э* произносится при болѣе узкомъ раскрытіи рта, нежели ударенный, но все-таки удерживаетъ въ своемъ произношеніи обѣ свои разновидности, т. е. болѣе открытую и болѣе закрытую, діалектически переходящія въ іᵊ послѣ мягкихъ согласныхъ и *ч* и въ ыᵉ послѣ твердыхъ шипящихъ и *ц*.[1]) Въ особенности узкое *е* въ этомъ положеніи нерѣдко переходитъ въ звукъ близкій къ *і*; отсюда происходятъ написанія, установившіяся въ орѳографіи—

свирѣпый вм. сверѣпый (сверѣпыи), мизинецъ вм. мѣзинецъ (мѣзиньць), дитя вм. дѣтя (дѣти), сидѣть вм. сѣдѣть (сѣдѣти), пичужка вм. пѣчужка (пѣть).[2])

миня
ищо

Одинаково отражается *е* въ соотвѣтствующемъ по мѣсту закрытомъ слогѣ, напр.

бр'æвнó, т'æмнó, чæрнó, л'æхкó, п'єн'кá.

---

[1]) Произношеніе гласнаго *э*, приближающееся къ іᵊ или ыᵊ, чаще слышится въ московскомъ говорѣ, между тѣмъ какъ въ восточнорусскомъ произношеніи такая крайняя степень измѣненія встрѣчается рѣже; гораздо употребительнѣе въ этомъ послѣднемъ говорѣ гласные болѣе открытые, приближающіеся къ основнымъ, напр. н'æсý, н'єс'óш.

[2]) Однако происхожденіе всѣхъ такихъ написаній нельзя, безъ дальнѣйшаго, приписывать измѣненію неударяемаго гласнаго въ *і*, такъ какъ нѣкоторые случаи могутъ отражать древнее этимологическое чередованіе *ѣ* ‖ *и*. По поводу приведенныхъ примѣровъ можно еще замѣтить, что произношеніе «*мезинцы*» (И. В. мн.) извѣстно изъ говора Бѣлозерска Новгор. губ. (см. Колосовъ Замѣтки и пр. стр. 66); чередованіе д*и*тя ‖ д*ѣ*ти находитъ параллель въ малорусскомъ д*и*тя́ ‖ д*і*ти (Слов. Желех.); быть можетъ, особенно благопріятнымъ условіемъ для указываемаго рефлекса *ѣ* было присутствіе ударяемаго *і* въ слѣдующемъ слогѣ (гармоническая ассимиляція): м*и*зинецъ, с*и*дишь, д*и*тина (млр.).

5) *е* въ открытомъ слогѣ, второмъ передъ удареніемъ.

а) **С'е | СV | ′**

д'ьла̊во́ј н'ьма̊гу́
с'ьна̊ко́с

б) **С'е | С'V | ′**

н'ь в'іда́л
симинаріи *ни кидай* (не кидай)

Такъ же измѣняется *е* въ соотвѣтствующемъ по мѣсту закрытомъ слогѣ, напр.

б'ьс та̊во́.

Такъ же измѣняется *е* въ слогѣ, еще далѣе стоящемъ передъ удареніемъ, напр.

н'ь пр'іна̊с'і́л.

Разсмотрѣвъ гласные *а*, *о*, *е* безъ ударенія, сдѣлаемъ нѣкоторыя обобщенія относительно этихъ неударенныхъ гласныхъ.

1) Разсмотрѣнные неударенные гласные въ однихъ случаяхъ произносятся при индифферентномъ растворѣ рта, въ другихъ—при растворѣ, который шире индифферентнаго; послѣднее имѣетъ мѣсто въ открытомъ конечномъ слогѣ и въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному. Впрочемъ—какъ было замѣчено выше—въ произношеніи многихъ (т. е. діалектически) неударяемые гласные въ открытомъ конечномъ слогѣ имѣютъ слабое и краткое произношеніе. При книжномъ вліяніи возможно произношеніе каждаго изъ этихъ гласныхъ въ любомъ неударенномъ слогѣ при болѣе широкомъ растворѣ рта, чѣмъ индифферентный.

2) Послѣ ударенія гласный въ закрытомъ слогѣ измѣняется въ томъ же направленіи, какъ въ соотвѣтствующемъ по мѣсту открытомъ неконечномъ слогѣ. [1]) Аналогично съ этимъ и передъ удареніемъ качество гласнаго одинаково въ закрытомъ и открытомъ слогахъ, равно удаленныхъ отъ ударенія.

3) Какъ измѣняется гласный въ открытомъ конечномъ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, такъ же онъ измѣняется въ такомъ же слогѣ болѣе удаленномъ отъ ударенія.

Измѣненіе гласнаго въ слогѣ закрытомъ или открытомъ неконечномъ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, одинаково съ измѣненіемъ его въ такомъ же слогѣ болѣе удаленномъ отъ ударенія.

Каковъ ходъ измѣненія гласнаго во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, таковъ же и въ слогѣ далѣе стоящемъ передъ удареніемъ.

4) Во второмъ слогѣ передъ удареніемъ путь измѣненія гласнаго таковъ же, какъ въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, закрытомъ или открытомъ неконечномъ.

5) Въ слогахъ, произносимыхъ при индифферентномъ растворѣ рта, именно послѣ ударенія внутри слова и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, неударенное *а* послѣ твердыхъ согласныхъ смѣшивается съ неударенным *о*, послѣ мягкихъ— съ неударенным *е*; при большемъ измѣненіи неударенное *а* въ первомъ случаѣ (равно и *о* безъ ударенія) можетъ смѣшиваться съ неударенным *ы*, а во второмъ (равно и *е* безъ ударенія)—съ неударенным *і*.

Результаты нашего разсмотрѣнія неударяемаго вокализма можно иллюстрировать слѣдующею таблицею:

---

[1]) Однако въ нѣкоторыхъ акающихъ говорахъ оказывается разница между этими положеніями; такъ, въ селѣ Охлѣбининѣ Уфимской губ.: гр'ів'ạн, ста́н'ам (ạ=индифферентное слабое *а*) ‖ вр'ѐм'ь-та, в'ід'ьᵉла.

<table>
<tr><th></th><th>V | ´</th><th>V | - | ´</th><th>´ | V | -</th><th>´ | V</th></tr>
<tr><td>А</td><td>малá</td><td>стър'ікý</td><td>плáкът'
послушыла</td><td rowspan="2">лáпă
вóл'ă</td></tr>
<tr><td>Я</td><td>р'абóј
(р'æбóј)</td><td>п'ьтач'óк</td><td>с'є́јьт'
заицъ</td></tr>
<tr><td>О</td><td>бåбá</td><td>бърåнá</td><td>р'áдъм
наперстыкъ</td><td>с'л'ǽпă
(с'л'ǽпå)</td></tr>
<tr><td>Е</td><td>б'æрý
б'єр'óш</td><td>м'ьт'æнá
ни кидай
жъс'т'анóј</td><td>пóл'ьм
братицъ
мóжъм</td><td>пол'æ̆
(пóл'ă)</td></tr>
<tr><td>Ѣ</td><td>с'æкý
с'єк'í</td><td>б'ьгунá
цъловáт'</td><td>в'íд'ьл
видили</td><td>лáп'æ̆
(лáп'ъ)</td></tr>
</table>

Ко всему сказанному нужно прибавить, что въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ въ дальнѣйшемъ развиваются новыя явленія—глухое или же шопотное произношеніе гласныхъ, исчезновеніе и зарожденіе гласныхъ, возникновеніе слогообразующихъ согласныхъ долгихъ или же краткихъ; объ этомъ см. въ моихъ трудахъ: Гласные безъ удар. въ общер. яз. (1884); Курсъ грам. рус. яз. (1887) стр. 168 сл.; Изъ чтеній по сравн. грамм., вып. 3-й (1900), стр. 8—22; Опытъ физіологіи общер. произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными (1909) стр. 59 сл. Вопросъ о неударяемыхъ гласныхъ общерусскаго языка трактуется довольно обстоятельно также въ слѣдующихъ трудахъ: Б о д у э н ъ-д е-К у р т е н э И. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. 1-й (1882), стр. 59—89; Б р а н д т ъ Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка (1892).

14. Русскій текстъ въ научно-фонетической транскрипціи.

Въ предъидущихъ очеркахъ мы съ достаточною подробностью сдѣлали обозрѣніе звуковъ общерусскаго языка съ физіологической точки зрѣнія. Теперь считаемъ не лишнимъ представить образецъ научно-фонетическаго письма, избравъ для этого начало извѣстнаго разсказа Даля *„Ось и чека“*.

Условные знаки, примѣненные въ транскрипціи, объяснены мною въ предшествующемъ очеркѣ (стр. 173—174), а потому я укажу лишь тѣ особенности моей транскрипціи, которыя примѣняются здѣсь впервые, а именно: слабое произношеніе гласныхъ и согласныхъ передано петитомъ, довольно сильное—обыкновеннымъ шрифтомъ, сильное—курсивомъ; слогъ, на который приходится логическое удареніе, отличенъ толстымъ шрифтомъ; паузы между словами, смотря по длительности, выражены бóльшими или же меньшими промежутками; но такъ какъ однихъ условныхъ знаковъ недостаточно для передачи всѣхъ оттѣнковъ рѣчи, то я помѣстилъ послѣ транскрипціи еще рядъ примѣчаній, описывающихъ тѣ или другіе оттѣнки произношенія. [1])

---

[1]) Замѣтимъ, что наша транскрипція соотвѣтствуетъ восточно-русской разновидности литературнаго произношенія, на существенныя особенности которой было указано выше—стр. 181 сноска, стр. 187 сноска 1-ая.

ос'ⁱчæка [1])

*јæ*хълызвошчік с'ем'он склад'ју глухојдå*ро*гъј пåгол̥ну *ров*нъну
с'тæп*но*м̬м'æстү б'æдан'ⁱэпол'ъсу*хо*д'іт анајд'от б'æда ръствå-
*р'ај*въ*р*å*та* такåдноз^ъдруг'ім нътеб'аʲівал̥'ца зъдым'ілъс' уʲіз-
*вош*чькаос' а̬дд'ерр*ев*'н'ілъл'æко какн'іб'іл̥сс'ер'д'ечнъј штон'ід'æл
н'æт н'ічæмн'ъујм'от клат'т'ⁱэжолъја акакужæрасзъгåр'æхъсос'
*то*ʲіз'в'æсна хат'брос'тåт'час зал'јот засыпл'ітз'ем'л'ој б'јотцъåд'ін
какрыбаобл'т справ'ілсъкојкак с'в'орступрåјæхъл åп'ат'стој
åп'ат'тожа нъјæжжаʲьт ззаді шашком другојізвошчьк ар'х'інка
нъпут'і с'ем'онъгл'анулса аутåво ос'зъпаснаја збокупåдв'азъ а
кр'æпъ к зад'н'імумом рускъјчьлåв'æк дъгадалсс'ем'оннаш штå-
налъбылъбыʲіјæму вåз'іт'ссåбој зъпаснујуос'

1) *Ось и чека.* Согласный **с'** замыкаетъ ударенный слогъ и произносится сильно. Что касается до гласнаго *і*, то онъ едва замѣтенъ. Произношеніе предъидущаго согласнаго *с'* нѣсколько затягивается, и только въ концѣ уже слышится весьма краткое *і*. Звукъ этого *і* своеобразенъ; своеобразность его (и вмѣстѣ малая уловимость и слабая отдѣленность отъ предъидущаго *с'*) зависитъ отъ глухаго произношенія. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что слабое *і* произносится глухо, находясь между глухими согласными—именно между *с'* и *ч* (уподобленіе или ассимиляція). Если произнести просто *ос'*-

---

[1]) Тотъ же текстъ въ ороографической передачѣ:

Ось и чека. Ѣхалъ извощикъ Семенъ съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходитъ; а найдетъ бѣда, растворяй ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задымилась у извощика ось, а до деревни далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ—нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ уже разъ загорѣлась ось, то, извѣстно, хоть брось тотчасъ: зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ: справился кой-какъ—съ версту проѣхалъ, опять стой, опять то же!

Наѣзжаетъ сзади шашкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути: Семенъ оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ—догадался Семенъ нашъ, что надо было бы и ему возить съ собой запасную ось.

чæка (ось-чека), то *с'* является болѣе отрывистымъ и малая пауза между *с'* и *ч* не наполняется шумомъ; но если случайно *с'* произнесется болѣе продолжительно, то легко можетъ послышаться предъидущее произношеніе (т. е. ось и чека). Такимъ образомъ, въ выраженіи „ось и чека“ гласный *і* образуетъ не слогъ, а—правильнѣе сказать—полуслогъ.

2) *Ѣхалъ.* Звуки ъл произносятся звонко, сохраняютъ свою звонкость, хотя и стоятъ послѣ глухаго *х*; тутъ надо обратить вниманіе на то, что за ъ слѣдуетъ liquida (л), а далѣе—гласный, начинающій слѣдующее слово. Произношеніе *л* кажется связаннымъ съ слѣдующимъ *ы*. При связанности произношенія звуковъ *л* и *ы*, все же замѣчается, что гласнымъ звукомъ *ы* начинается другое слово. Это можно объяснить тѣмъ, что хотя уложеніе *ы* и выходитъ отъ уложенія *л*, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинается другая напряженность, сообразная уже съ удареннымъ слогомъ этого другаго слова. Такимъ-то именно образомъ при связности нашей рѣчи все-же имѣется раздѣленность ея на отдѣльныя слова.

3) *извощикъ.* Буквою *щ* обозначается не одинъ простой звукъ, а сочетаніе звуковъ *ш+ч*, которые произносятся съ различною напряженностью, первый — съ напряженностью предъидущаго слога, а второй—послѣдующаго. Это обстоятельство важно для подтвержденія того, что *щ=шч.* Если мы сравнимъ произношеніе *шч* въ словахъ

извóщикъ || пи́щи,

то замѣтимъ, что звукъ *ш* въ первомъ случаѣ тверже, а во второмъ мягче. Очевидно, что это различіе зависитъ отъ качества (твердости или же мягкости) предъидущаго гласнаго.

4) *глухой дорогой.* Здѣсь имѣется сочетаніе прилагательнаго съ существительнымъ; въ произношеніи можно замѣтить бóльшую связность между словами, образующими это сочетаніе, нежели между этимъ сочетаніемъ и предъидущимъ словомъ: послѣ слова „съ кладью“ можетъ имѣть мѣсто даже небольшая пауза, а между словами разсматриваемаго сочетанія нѣтъ паузы, но связность.

5) *по голому.* Произношеніе *л* нѣсколько затягивается. Ожидаемый гласный звукъ *ɞ* (послѣ *л*) не выдѣляется слухомъ, такъ какъ, какъ показываетъ зрѣніе, губы сжимаются для произнесенія слѣдующаго слога *му*, когда языкъ не началъ

еще отниматься. Такіе согласные, произношеніе которыхъ затягивается на то время, которое должно принадлежать гласному, такъ что гласный этотъ особо не произносится, называются *слогообразующими*.

6) *ровному*. Здѣсь *н* не слогообразующее: гласный элементъ слышится отдѣльно послѣ *н*. Причина, кажется, лежитъ въ томъ, что предшествуетъ не гласный, а согласный; ср. предъидущее слово:

'Гл̥му || 'Снъму.

Кромѣ того, нужно еще обратить вниманіе на то, что въ разсматриваемомъ нами словѣ послѣдній гласный, по-видимому, не такъ кратокъ, какъ предшествующій ему; т. е. формула этого слова какъ будто такова: 3, $^1/_2$, 1.

7) *не по лѣсу*. $н'^{i}_{э}$ вм. ожидаемаго н'æ. Мнѣ кажется, такое слишкомъ слабое произношеніе есть слѣдствіе того, что этотъ слогъ предшествуетъ слогу имѣющему логическое удареніе. Такое ослабленіе произношенія является сообразнымъ и съ предъидущимъ словомъ, такъ какъ разсматриваемый слогъ, примыкая болѣе или менѣе, при связности рѣчи, къ предъидущему ударенному слогу, долженъ произноситься болѣе или менѣе слабо.

8) *а*. Союзъ *а* произносится съ удареніемъ, но не сильнымъ, такъ какъ логическое удареніе не падаетъ на это словечко. Подобнымъ же образомъ союзъ *но*. Союзы эти, слѣд., не энклитики. Кажется, надо допустить, что усиленіе, вызываемое логическимъ удареніемъ, ослабляетъ силу ударенныхъ слоговъ другихъ словъ той же фразы, какъ фонетическаго цѣлаго. Это, такъ сказать, — явленіе *равновѣсія*. Если это такъ, то фонетическая фраза представляетъ аналогію съ словомъ, гдѣ усиленіе ударѐннаго слога вызываетъ ослабленіе неударенныхъ. Далѣе, кажется, надо допустить связь между фонетическими фразами: одна фраза по напряженности должна быть сообразной съ другой, сосѣдней.

9) *найдетъ*. Произносится *т*, а не *д*. Отъ звука *т* слышится шумъ, который показываетъ, что моментъ отнятія языка предшествуетъ моменту губнаго сжатія, значитъ есть промежутокъ между звуками *т* и *б*, какъ бы онъ малъ ни былъ.

10) *растворяй*. Звуки $р^ъ$ сохраняютъ свою звонкость, хотя этотъ слогъ и замыкается глухимъ согласнымъ.

11) *на тебя.* Хотя *ъ* находится между *н* и *т'*, однако *н* не слогообразующее. Между тѣмъ послѣ ударенія оно было бы слогообразующимъ. Отсюда видно, что едва ли можно совершенно отожествлять подобныя слабыя положенія передъ и послѣ ударенія.

12) *валится.* Произношеніе *л'* начинается раньше, чѣмъ растворъ предшествующаго гласнаго съузится до узкаго. Можно видѣть, какъ во время съуженія раствора рта языкъ, лежавшій при *а* на днѣ рта, своимъ концомъ приподнимается къ верхнимъ зубамъ. Переходя отъ произношенія *л'* къ *ц*, конецъ языка не отнимается; слѣдовательно, *л'* здѣсь слогообразующее. Звукъ *л'* слышится только въ первый моментъ, а тамъ до звука *ц* нѣкоторая пауза. Этотъ звукъ *л'* мнѣ кажется глухимъ; хотя его въ самомъ началѣ и задѣваетъ звонкость, но она скоро прекращается, смѣняясь на глухость, а далѣе звукъ и совсѣмъ прекращается. Уложеніе языка при *ц* начинается нѣсколько иначе, чѣмъ при *т*: при *т* конецъ языка упирается въ верхніе зубы, а при *ц* нѣсколько удаленъ отъ зубовъ. Конечное *а* произносится глухо.

13) *а до деревни.* Союзъ *а* произносится съ удареніемъ. Положеніе слѣдующаго неудареннаго слога одинаково слабое какъ относительно предъидущаго удареннаго слога, такъ и относительно таковаго же послѣдующаго. Мы уже встрѣчались съ такого рода согласіемъ условій; ср. выше: ось *и* чека, одно *за* другимъ (ср. также—*не* по лѣсу). Языкъ не отнимается для произнесенія гласнаго, слѣд. *д* есть слогообразующее. Можно подмѣтить, что напряженіе языка, въ самомъ началѣ произнесенія согласнаго слабое, постепенно возрастаетъ, какъ показываетъ мышечное ощущеніе. Второе *д* (мягкое) произносится съ бо́льшимъ напряженіемъ въ сравненіи съ напряженіемъ слабымъ, но не могу рѣшить, каково это напряженіе въ сравненіи съ предъидущимъ *д*, когда напряженіе этого послѣдняго согласнаго уже возрасло. Согласный *в* въ разсматриваемомъ словѣ я произношу различно: и твердо, и мягко. Конечный слабый гласный сохраняетъ свою звонкость. Ему предшествуетъ носовой согласный; слѣдующее слово начинается слабымъ слогомъ, но съ звонкаго согласнаго; слѣдовательно, условія довольно благопріятныя для сохраненія звонкости разсматриваемаго слабаго гласнаго.

14) *бился*. Конечное *-са* (вм. *ся*) здѣсь замѣнилось посредствомъ с̆. Замѣтимъ, что явленіе это произошло въ концѣ слова, въ слабомъ положеніи. Оно не случилось бы, если бы далѣе не слѣдовало никакого слова (то есть, въ абсолютномъ концѣ слова); здѣсь же слѣдующее слово тѣсно примыкаетъ къ разсматриваемому. Такимъ образомъ, конечный открытый слогъ слова перестаетъ быть конечнымъ, являясь какъ бы въ серединѣ слова. Это возможно потому, что данная группа словъ дѣйствительно образуетъ какъ бы одно слово, благодаря логическому ударенію. Начальный слогъ слѣдующаго слова—довольно сильный; значитъ, слабость разсматриваемаго конечнаго слога гармонируетъ какъ съ своимъ собственнымъ словомъ, такъ равно и съ послѣдующимъ. Наконецъ, отмѣтимъ еще тотъ фактъ, что слабый гласный, о которомъ идетъ рѣчь, находился между двумя одинаковыми глухими придувными (между *с* и *с'*).

15) *не уймет*. При *н'* слышится лишь слабый намекъ на гласный (н'ъ), о чемъ заключаю изъ сравненія даннаго произношенія (т. е. *не* у-) просто съ н'у-. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что за слогомъ *не* слѣдуетъ гласный, а не согласный; слѣдовательно, условія наиболѣе благопріятствующія сокращенію гласнаго.

16) *тяжелая*. Случай, гдѣ въ слогѣ первомъ передъ удареніемъ вм. *а* послѣ мягкаго согласнаго имѣется гласный почти *i*.

17) *какъ уже*. Ежели въ этомъ выраженіи въ словѣ „какъ" послѣдній согласный произнести сильно, тогда слѣдующее слово отдѣляется паузой. Когда же оба слова сливаются въ одно, тогда послѣдній согласный какъ будто переходитъ къ слѣдующему слогу, вслѣдствіе чего закрытый слогъ становится открытымъ (ср. заглавіе отрывка). Словечко „уже" является энклитикой и примыкаетъ къ предъидущему слову; слогъ *же* произносится довольно сильно передъ начальнымъ ударенныхъ слогомъ слѣдующаго слова.

18) *хотъ*. Произносится эта частица довольно быстро, почти какъ *хът'*, при возможномъ вліяніи того, что слѣдующее слово сопровождается логическимъ удареніемъ.

19) *засыплетъ*. На слоги, кажется, надо раздѣлить такъ:

за|сы|плетъ. [1]) Въ послѣднемъ слогѣ *л'* произносится глухо и —хотя является слогообразующимъ—*кратко*. Причина краткости слогообразующаго согласнаго лежитъ въ накопленіи согласныхъ при закрытости слога.

20) *Наъзжаетъ.* j при ъ я поставилъ не потому, чтобы дѣйствительно такъ слышалъ, а по привычкѣ; на самомъ же дѣлѣ я не могъ въ данномъ случаѣ опредѣлить, что произносится; трудность могла обусловливаться неударенностью слога; мнѣ представлялось даже, не произносится ли только j.

21) *сзади.* Двойное *з* въ началѣ произносится такъ, что напряженіе постепенно возрастаетъ. Я не нахожу разницы между способомъ произношенія *зз* въ данномъ случаѣ и *жж* въ предъидущемъ словѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ двойному согласному предшествуетъ гласный, и я по традиціи одно *ж* отнесъ къ предъидущему слогу, а другое къ послѣдующему; однако въ дѣйствительности, кажется, трудно различить, имѣется ли тутъ слогъ открытый или же закрытый.

22) *другой извощикъ.* Прилагательное съ существительнымъ произносятся слитно, между тѣмъ какъ предъидущія слова того же предложенія раздѣляются небольшими паузами; слова эти—обстоятельственныя при сказуемомъ (ср. начальное предложеніе отрывка).—Кажется, въ разсматриваемомъ соединеніи произносится j, оканчивающее слогъ, а далѣе слѣдуетъ постепенный переходъ къ *i*.

23) *Архипка.* Конечный слогъ *-ка* слабый. Произношеніе его колеблется; можно слышать его произнесеннымъ хотя

---

[1]) Ученіе о дѣленіи словъ на слоги перенесено въ русскую грамматику изъ греческихъ и латинскихъ грамматикъ. Между тѣмъ этотъ вопросъ долженъ быть изслѣдованъ вновь, безъ предвзятыхъ теорій, на почвѣ живаго русскаго произношенія. Въ такихъ словахъ, какъ напр. «беру», дѣленіе на слоги прозрачно, но во многихъ другихъ случаяхъ являются затрудненія, напр. по вопросу о раздѣленіи на слоги группъ согласныхъ звуковъ. Вопросъ представляется сравнительно простымъ, если ограничиться правописаніемъ, и труднымъ, если имѣть въ виду живое произношеніе; напр. въ словѣ пъ*р̊ахо́т* считать ли пъ за слогъ; далѣе, какъ располагается въ слогахъ напряженность, особенно въ группахъ согласныхъ звуковъ; вопросъ о паузахъ между слогами; и т. п. Можно надѣяться, что со временемъ экспериментальная фонетика освѣтитъ трудные вопросы о природѣ слоговъ и ихъ границѣ въ словахъ.

и слабо, но съ сохраненіемъ звонкости, а также и безъ звонкости.

24) *по пути*. Что касается до гласнаго послѣ перваго *п*, то онъ представляетъ колебаніе. Иногда гласный даже вовсе не произносится, а имѣется только долгое (слогообразующее) *п*. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда съ большей силой произносится предъидущее слово („Архипка"), а данное выраженіе примыкаетъ къ нему. При этомъ сила выдыханія въ началѣ разсматриваемаго выраженія („по пути") настолько мала, что ея даже не хватаетъ, когда начинается разслабленіе губъ при первомъ *п*, для того чтобы воздуху прорваться сквозь губы, почти индифферентно покоющіяся одна на другой.

25) *Семенъ оглянулся*. Не ясно, заканчиваетъ ли *н* предъидущій слогъ, или же начинаетъ собою слѣдующій. Конечное *-са* въ словѣ „оглянулся" произносится, кажется, глухо. Впрочемъ могутъ быть колебанія, при чемъ разсматриваемый гласный можетъ и сохранять свою звонкость.

26) *а у того*. Начальные два гласные звука произносятся связно, образуя какъ бы дифтонгъ, при чемъ большее напряженіе падаетъ на первый гласный.

27) *крѣпокъ*. *ъ* послѣ *п* произносится глухо.

15. Наблюденія надъ измѣненіемъ высоты тона въ отдѣльныхъ словахъ и въ предложеніи.

Мы уже знаемъ, что гласный удареннаго слога въ словѣ произносится при большемъ *напряженіи* работающихъ частей органа рѣчи и съ большею *длительностью*, нежели неударяемые гласные того же слова.

Но можно подмѣтить, что при произношеніи происходитъ также измѣненіе *высоты* тона.

Высота голоса измѣняется не только въ разныхъ словахъ предложенія, но и въ разныхъ слогахъ отдѣльныхъ словъ.

Предварительно сдѣлаю нѣкоторыя методологическія замѣчанія.

Чтобы опредѣлить высоту тона, въ которой произносится извѣстный слогъ слова, нужно затянуть произношеніе этого слога для того, чтобы лучше замѣтить его высоту, и тогда опредѣлить ее при помощи какого-нибудь музыкальнаго инструмента, напримѣръ, фортепьяно (при помощи котораго производились и мои наблюденія).

Чтобы точнѣе затягивать произношеніе слога нужно сначала нѣсколько поупражняться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что при затягиваніи произношенія не такъ легко сохранить дѣйствительную высоту тона, въ которой былъ произнесенъ данный слогъ.

Для устраненія возможной ошибки при опредѣленіи высоты произношенія, нужно повторять каждый опытъ по нѣскольку разъ.

Такъ какъ высота голоса опредѣляется посредствомъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента, то впечатлѣніе тона, опредѣляющаго высоту произношенія и взятаго на этомъ инструментѣ, можетъ повліять на послѣдующее произношеніе. Но достаточно съиграть отрывокъ какой-нибудь пьесы, чтобы сгладить слѣды предъидущихъ слуховыхъ ощущеній. Понятно, еще лучше, если опытъ будетъ повторенъ также въ другіе дни.
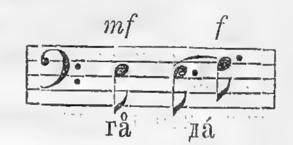
Накопецъ, изслѣдователь долженъ имѣть въ виду вліяніе предвзятой мысли.

Предвзатая мысль можетъ вызвать обманъ слуха и извращать самое произношеніе.

Такъ, моему слуху казалось, что л̥ въ словѣ «хо̂л̥дӑ» (хо́лода) ниже ударевнаго слога того же слова. Какъ же я удивился другому результату, полученному посредствомъ фортепьяно, съ какимъ недовѣріемъ отнесся я къ этому результату! Приведенный мною примѣръ, между прочимъ, показываетъ, что при изслѣдованіи высоты произношенія не достаточно оцѣнивать ее только чувствомъ слуха, но, для избѣженія ошибокъ, необходимо прибѣгнуть къ объективнымъ методамъ, напр. къ посредству какого-нибудь музыкальнаго инструмента.
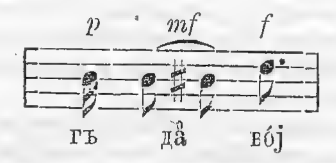
А) *Наблюденія надъ высотою тона въ разныхъ слогахъ отдѣльныхъ словъ.* [1])

№ 1. „га̊да́“ (*года́*).

Интервалъ между слогомъ ударенпымъ и непосредственно предшествующимъ ударенному—не болѣе полутона.

№ 2. „гъда̊во́ј“ (*годово́й*).

Ударенному слогу предшествуютъ два неударенныхъ. Интервалъ между слогомъ ударенным и непосредственно

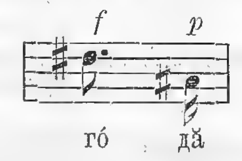
[1]) Объясню нѣкоторые знаки употребленные при обозначеніи высоты произношенія.

Знакъ ~~ (змѣйка), стоящій надъ нотою, указываетъ на небольшое колебаніе высоты тона вверхъ и внизъ, меньше чѣмъ на полтона въ ту и другую сторону.

Двѣ ноты съ знакомъ соединенія наверху обозначаютъ, что высота тона колеблется между этими двумя нотами.
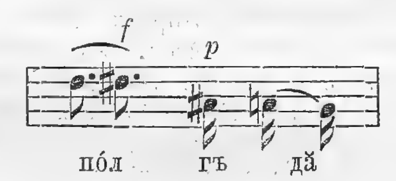
предшествующимъ ударенному—нѣсколько болѣе тона, а между этимъ послѣднимъ слогомъ и слогомъ вторымъ передъ удареніемъ—менѣе полутона, такъ что между слогами удареннымъ и вторымъ передъ удареніемъ имѣется интервалъ въ полтора тона.

№ 3. „го́дă“ (*го́да*).
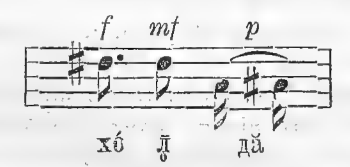

Интервалъ между слогомъ ударенным и конечнымъ открытымъ слогомъ -дă, непосредственно слѣдующимъ за удареннымъ, доходитъ до двухъ съ половиною тоновъ (но встрѣчается и меньшій интервалъ—около одного тона).

№ 4. „по́лгъдă“ (*по́лгода*)

Слогъ *гъ* произносится почти на одинаковой высотѣ съ слогомъ *дă*, при чемъ интервалъ съ ударенным нѣсколько болѣе двухъ тоновъ.

№ 5. „хо́лдă“ (*хо́лода*).
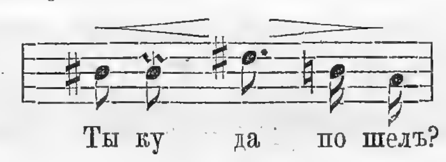

Слово „хо́лода“ по своему строенію принадлежитъ къ тому же типу, какъ и слово „по́лгода“. Тѣмъ не менѣе мело-

дія его отличается отъ предъидущей. Какъ видно изъ нотнаго обозначенія, здѣсь внутренній послѣударенный слогъ примыкаетъ по своей высотѣ уже не къ конечному неударенному слогу, а къ предшествующему ударенному, произносясь съ нимъ въ томъ же самомъ тонѣ. Намъ кажется, что это происходитъ отъ того, что здѣсь имѣется слогообразующій согласный, а не обычный краткій неударенный слогъ.
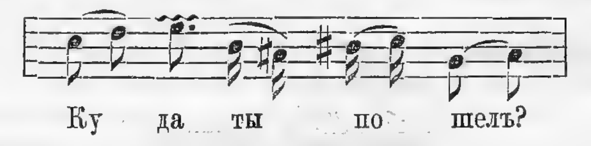
Б) *Наблюденія надъ высотою тона въ предложеніи. Тоническое вліяніе логическаго ударенія и эмоцій.*

№ 6. „Ты *куда* пошелъ?"
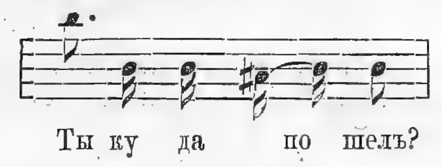

Слово „пошелъ", стоящее за словомъ съ главнымъ удареніемъ, имѣетъ удареніе на второмъ слогѣ, болѣе удаленномъ отъ главнаго ударенія, нежели неударенный слогъ того же слова. При такихъ условіяхъ въ нашемъ словѣ ударенный слогъ ниже неудареннаго. Если бы разсматриваемое слово произносилось не въ предложеніи, а въ отдѣльности, то ударенный слогъ былъ бы произнесенъ нѣсколько выше въ сравненіи съ неударенными.

№ 7. „*Куда* ты пошелъ?"

Слово „пошелъ" слѣдуетъ не непосредственно за словомъ съ главнымъ удареніемъ, какъ это было въ предъидущемъ примѣрѣ, но отдѣлено другимъ словомъ. При такихъ условіяхъ мы замѣчаемъ, между прочимъ, то сходство съ предъидущимъ случаемъ, что ударенный слогъ *шелъ* произносится ниже неудареннаго слога *по* того же слова.

№ 8. „*Ты* куда пошелъ?“

Ты ку да по шелъ?

Эту фразу я старался произнести болѣе сердито. Интервалъ между словомъ съ главнымъ удареніемъ и другими словами того же предложенія доходитъ до октавы.

Разсмотрѣніе тонической стороны русской рѣчи приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Въ словѣ ударенный слогъ—самый высокій; слогъ, непосредственно предшествующій ударенному,—нѣсколько ниже; второй слогъ передъ удареніемъ и слоги послѣ ударенія—самые низкіе. Такимъ образомъ мы усматриваемъ нѣкоторую связь между силою и высотою произношенія въ словахъ русскаго языка.

2) Высота слога, стоящаго непосредственно передъ удареніемъ,—различна, смотря по тому, предшествуетъ ли ему еще слогъ, или же не предшествуетъ никакого слога: въ первомъ случаѣ высота разсматриваемаго слога приближается къ высотѣ втораго слога передъ удареніемъ, а во второмъ случаѣ—къ высотѣ слога ударенаго.
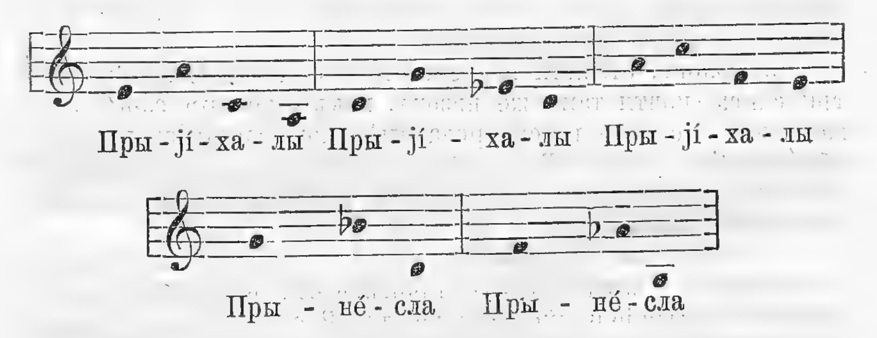
3) Слогъ, стоящій непосредственно послѣ ударенія внутри слова, почти такъ же низокъ, какъ конечный слогъ того же слова. Но если разсматриваемый слогъ составляетъ слогообразующій согласный, то онъ произносится на одинаковой высотѣ съ ударенымъ. (Ср. слогъ, непосредственно предшествующій ударенному).

4) Если въ двусложномъ словѣ, стоящемъ послѣ слова съ главнымъ удареніемъ и оканчивающемъ предложеніе, собственное удареніе приходится на второй слогъ, то этотъ слогъ произносится нѣсколько ниже своего неударенаго (№ 7). Если мы представимъ себѣ, что этотъ слогъ произносится вмѣстѣ съ тѣмъ и слабѣе своего неударенаго, то намъ становится понятнымъ нерѣдкое исчезновеніе ударенныхъ звуковъ (напр. конечныхъ ударенныхъ й (ъ) и ĭ (ь); ср. также такіе случаи сокращеній словъ, какъ *-съ* изъ *сударь*).

5) Интервалъ между самымъ высокимъ и самымъ низкимъ словомъ предложенія въ русскомъ языкѣ доходитъ до октавы.
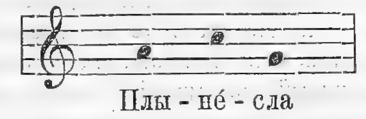
6) Можно замѣтить особые типы тоническаго строенія предложеній повѣствовательныхъ, вопросительныхъ, восклицательныхъ и т. п.

Если мы отъ *великорусскаго* нарѣчія въ его литературномъ произношеніи перейдемъ къ наблюденіямъ надъ *малорусскимъ*, то легко въ немъ подмѣтимъ бо́льшіе интервалы какъ между слогами въ словѣ, такъ и между словами въ предложеніи; напр. тамъ обычно повѣствовательная фраза начинается относительно высоко, но затѣмъ тонъ падаетъ на среднюю ступень и еще разъ понижается въ концѣ фразы, такъ что интервалъ между началомъ и концомъ фразы равняется приблизительно квинтѣ. Наблюденій надъ сравнительною высотою слоговъ въ отдѣльныхъ словахъ мнѣ самому не довелось сдѣлать и потому я обратился къ А. А. Русову, проживавшему въ Полтавѣ, съ просьбой опредѣлить съ помощью рояля на его собственномъ произношеніи сравнительную высоту слоговъ въ нѣсколькихъ выбранныхъ мною словахъ. Въ отвѣтъ г. Русовъ любезно прислалъ мнѣ слѣдующія записи:
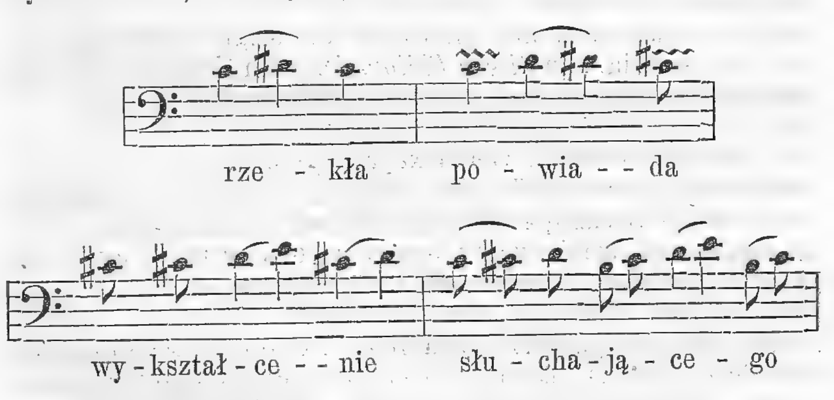

„Какъ видите—прибавляетъ г. Русовъ—въ разныхъ случаяхъ одно и то же слово выходитъ и выше и ниже по тесситурѣ, и разница между близлежащими нотами не одна и та же всякій разъ. Мой сынъ, 5—6 лѣтній мальчикъ, слово „прынесла" говоритъ тоненько, но изображая на віолиновомъ ключѣ (для

сопрано, а не для тенора) получаемъ почти то же, что и у меня:

У меня паденіе со втораго слога на третій больше, чѣмъ у него; но что это значитъ?" Большой интересъ въ сообщеніи А. А. Русова представляетъ передача интервала между слогомъ ударэннымъ и непосредственно предшествующимъ ударенному: тогда какъ въ общерусской рѣчи интервалъ не болѣе полутона, въ малорусской рѣчи доходитъ до двухъ съ половиною тоновъ, что стоитъ въ соотвѣтствіи съ сравнительною слабостью перваго слога передъ удареніемъ въ малорусскихъ словахъ.

Что касается *польскаго* языка, то онъ характеризуется весьма незначительными интервалами между ударенныімъ и неударенными слогами въ словѣ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ сдѣланныхъ мною записей словъ— rzekła, powiada, wykształcenie, słuchającego:

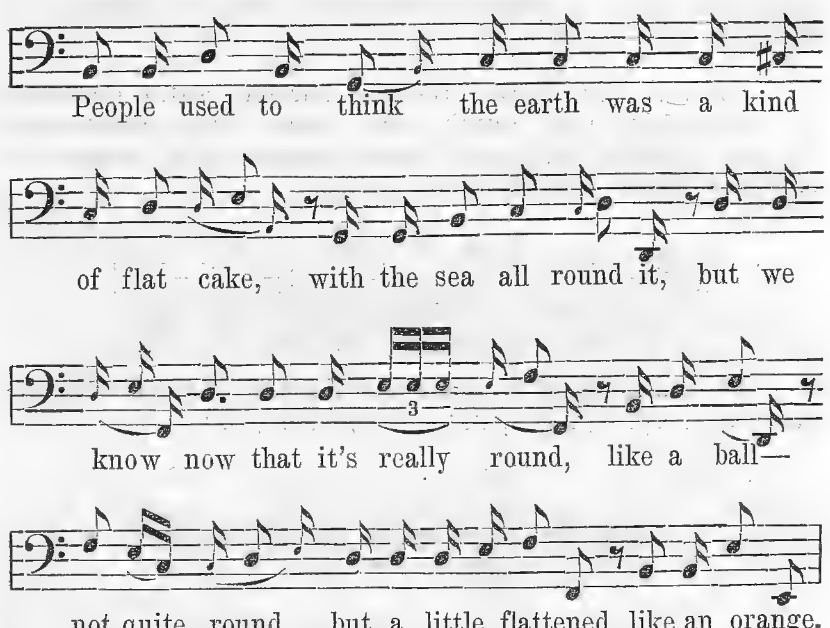
Тоническая или музыкальная сторона произношенія въ другихъ языкахъ также представляетъ въ каждомъ свои особенности. Нужно помнить, что эти особенности произношенія зависятъ отъ различія работъ мышечнаго аппарата гортани, и каждый съ дѣтства пріучается къ опредѣленнымъ модификаціямъ голосоваго тона своей родной рѣчи. Понятно, что если

мы желаемъ научиться говорить хорошо на иностранномъ языкѣ, то должны путемъ упражненія выработать привычку и къ новымъ для насъ тоническимъ отношеніямъ, свойственнымъ изучаемому языку; иначе, мы будемъ говорить на иностранномъ языкѣ, подчиняя его слова мелодіи своей родной рѣчи.
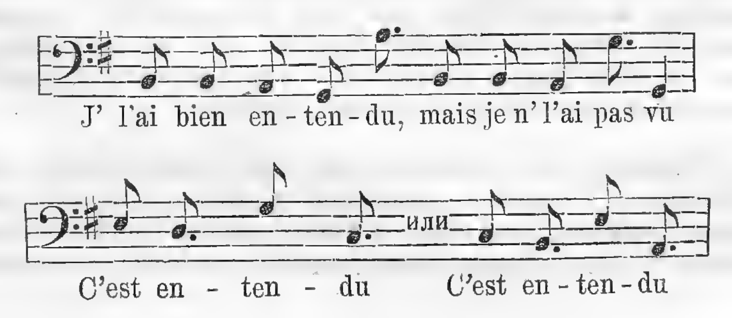
Изъ предъидущаго изложенія можно было усмотрѣть, что при изслѣдованіи тонической стороны въ томъ или другомъ языкѣ нужно имѣть въ виду три категоріи фактовъ: 1) тоническая сторона при произношеніи словъ въ отдѣльности (т. е. сравнительная высота слоговъ слова въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія); 2) тоническая сторона при сочетаніи словъ въ повѣствовательныхъ фразахъ; 3) видоизмѣненія тонической стороны, служащія для приданія спеціальной выразительности, напр. въ вопросительныхъ предложеніяхъ и т. п., равно какъ и производимыя вліяніемъ эмоцій. Однако въ имѣющихся научныхъ изслѣдованіяхъ не всегда представлены одинаково полно всѣ эти три стороны, особенно же первая, а между тѣмъ она-то и является основною, какъ болѣе элементарная, и отъ нея уже нужно переходить къ фразамъ. Предлагаемые ниже нотные примѣры для языковъ англійскаго, французскаго и итальянскаго я заимствую изъ слѣдующаго извѣстнаго сочиненія: Joh. Storm, ord. Professor der romanischen und englischen Philologie an der Universität Christiania. *Englische Philologie.* Vom Verfasser für das deutsche Publikum bearbeitet. I (1892)[2] стр. 217—219.

Англійскій языкъ. Общій характеръ интонаціи въ англійской повѣствовательной рѣчи таковъ, что рѣчь, распадаясь на участки, въ каждомъ такомъ участкѣ представляетъ въ тоническомъ отношеніи почти одинъ и тотъ же типъ, а именно: каждый участокъ произносится приблизительно на *одной и той же* высотѣ средней или нормальной для даннаго индивидуума (это и придаетъ характеръ нѣкоторой монотонности англійской рѣчи), и только конечный слогъ участка значительно понижается въ томъ случаѣ, если участокъ составляетъ придаточное предложеніе, тогда какъ въ главномъ предложеніе за такимъ пониженіемъ слѣдуетъ возвращеніе тона къ нормальной высотѣ, по-видимому въ качествѣ перехода къ слѣдующему придаточному предложенію. Это наглядно доказываетъ слѣдующее нотное обозначеніе повѣствовательнаго

сложнаго предложенія, взятаго изъ разсказа по начальной географіи о шаровидности земли:
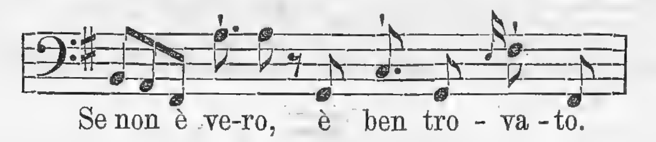

Французскій языкъ. Въ произношеніи французскихъ словъ та особенность, что они постоянно имѣютъ удареніе на конечномъ слогѣ, напр. enten*du* и т. п. Однако нерѣдко, особенно въ цѣляхъ риторической выразительности, удареніе какъ бы передвигается на предшествующій слогъ, который такимъ образомъ изъ низкаго становится высокимъ; напр., ср. разное произношеніе слова „entendu" въ слѣдующихъ фразахъ:

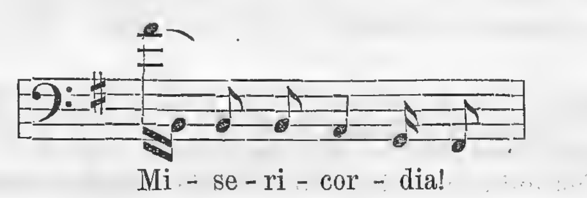

Въ подобныхъ модификацiяхъ французскаго ударенiя (см. еще другiе примѣры у Storm'а стр. 175 сл.) можно усматривать задатокъ будущихъ перемѣнъ въ области ударенiя во французскомъ языкѣ.

Итальянскiй языкъ. Въ итальянскомъ языкѣ (также и въ испанскомъ, тоже языкѣ юга) фразы, даже повѣствовательныя, имѣютъ интервалы гораздо значительнѣе, нежели въ разсмотрѣнныхъ нами языкахъ; напр.:

Въ эмоцiональныхъ фразахъ интервалъ можетъ стать поразительно громаднымъ, напр. въ восклицанiи:

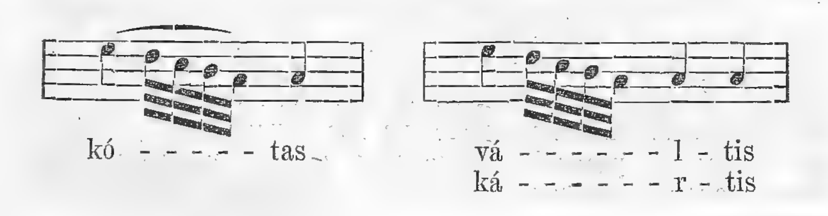
Въ заключенiе замѣчу, что въ оперной музыкѣ послѣдняго времени встрѣчаемъ тенденцiю (напр. у Вагнера, Сѣрова) къ сближенiю мелодiи музыкальной съ естественной мелодiей рѣчи, при чемъ композиторъ строитъ музыкальную мелодiю соображаясь съ мелодiей разговора. Изслѣдованiе такихъ музыкальныхъ построенiй представляетъ интересъ и для лингвиста. Но особенно должны интересовать лингвиста чисто народныя мелодiи; здѣсь для него представляется высокой важности вопросъ, рѣшенiе котораго еще въ будущемъ,— нѣтъ ли связи между характеромъ нацiональныхъ мелодiй и характеромъ музыки рѣчи даннаго народа.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ акцентуальныхъ особенностяхъ въ языкахъ *литовскомъ* и *сербо-хорватскомъ*, которые, помимо тоническаго различiя между слогами словъ, обладаютъ еще особыми типами ударенiя, особенно на долгихъ

слогахъ, при чемъ тонъ такихъ слоговъ бываетъ или восходящимъ, или же нисходящимъ.

Различія литовскаго ударенія были установлены Куршатомъ [1]) и сводятся къ слѣдующему. Онъ различаетъ удареніе на *краткихъ* слогахъ, обозначая его знакомъ тупаго ударенія (напр. žuvìs „рыба", tìltas „мостъ", kùrti „строить") и два типа ударенія на *долгихъ* слогахъ, а именно: а) *нисходящее* или *падающее* удареніе, обозначаемое посредствомъ остраго ударенія и названное Куршатомъ „gestossener" Ton, что собственно значитъ толчкомъ произведенный тонъ, т. е. безъ подготовки, сразу начинающійся съ своей высоты, аттакированный (напр. kótas „рукоятка", ką́snis „кусокъ", lángas „окно", váltis „ладья", kártis „шестъ"), б) *восходящее* или *возвышающееся* удареніе, отмѣчаемое знакомъ облеченнаго ударенія и названное „schleifender" Ton (собств. „влачащійся" тонъ, т. е. съ подготовкой или постепенно достигающій своей высоты) или также „geschliffener" Ton (собств. вышлифованный, заостренный), напр. bãdas „голодъ", Dẽvas „Богъ", baũsti „наказывать", keĩsti „мѣнять", var̃gas „нужда, бѣдность", vil̃kas „волкъ", kraũtas „кругой берегъ", gel̃tas „блѣдно-желтый", pir̃štas „перстъ, палецъ". [2]) Оставляя безъ дальнѣйшихъ объясненій краткое литовское удареніе, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности движенія тона при удареніи на долгихъ слогахъ. Куршатъ иллюстрировалъ это движеніе нотами.

а) Нисходящее удареніе:

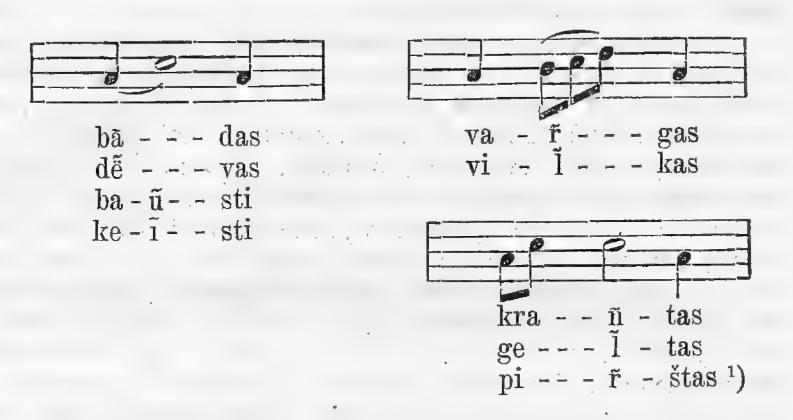

---

[1]) Впервые они были указаны имъ въ «Laut- und Tonlehre der Littauischen Sprache» (1849), а впослѣдствіи дополнены въ предисловіи къ нѣмецко-литовскому словарю и въ литовской грамматикѣ.

[2]) Французскіе лингвисты литовское нисходящее удареніе называютъ intonation *rude*, а восходящее—intonation *douce*.

б) Восходящее удареніе:

Обращая вниманіе на соотношеніе по длительности между элементами „полудифтонговъ“ (т. е. сочетаній гласнаго съ слѣдующимъ плавнымъ или носовымъ), не трудно замѣтить, что при нисходящемъ тонѣ бóльшая длительность и самое движеніе тона приходится на гласный, тогда какъ при восходящемъ тонѣ плавный и носовой оказываются длительнѣе предшествующаго гласнаго. Кромѣ того, при нисходящемъ движеніи тона наблюдается, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ бы раздвоеніе гласнаго на двѣ части, изъ которыхъ послѣдняя значительно короче и ниже первой и отдѣлена отъ нея кратчайшей паузой.

Въ сербскомъ языкѣ нужно различать два основныхъ типа ударенія: I—удареніе *нисходящее* и II—удареніе *восходящее*. Такъ какъ гласные въ сербскомъ языкѣ могутъ имѣть долготу и краткость, то каждый изъ указанныхъ двухъ типовъ ударенія подраздѣляется на два случая, смотря по тому, стоитъ ли удареніе на долгомъ или же краткомъ гласномъ. Такимъ образомъ получаются слѣдующіе четыре вида ударенія:

---

[1]) Это варіантъ изъ ранняго труда Куршата «Laut- und Tonlehre», дающій поводъ считать литовское восходящее удареніе за *двухвершинное* въ отношеніи характера выдыхательнаго напора.

	Нисходящее ударенie	Восходящее ударенie
На краткомъ гласномъ	̏	̀
На долгомъ гласномъ	̑	́

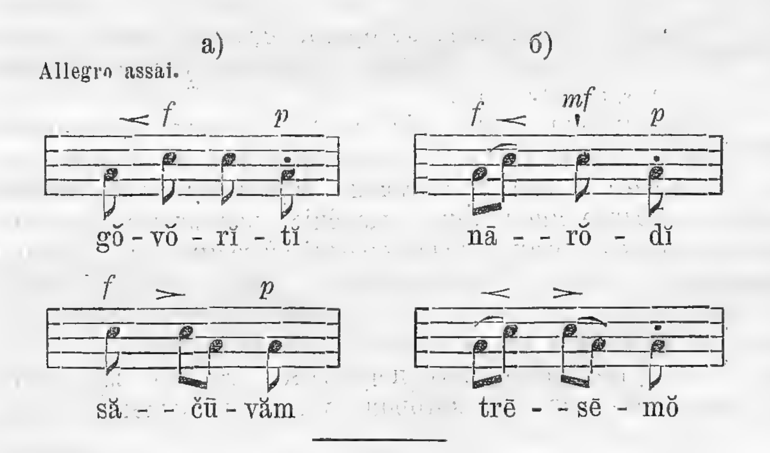
Сопоставляя мѣсто ударенія сербскихъ словъ съ удареніемъ соотвѣтствующихъ русскихъ, легко замѣтить, что сербское *нисходящее* удареніе соотвѣтствуетъ по мѣсту русскому ударенію, а сербское *восходящее* удареніе оказывается на слогъ ближе къ началу слова сравнительно съ русскимъ и, считая мѣсто русскаго ударенія первоначальнымъ, приходимъ къ тому положенію, что сербское восходящее удареніе является результатомъ передвиженія на одинъ слогъ къ началу слова. Въ этомъ смыслѣ и въ нисходящемъ сербскомъ ударенiи, могущемъ стоять лишь на начальныхъ слогахъ, нужно видѣть результатъ передвиженія ударенія, но такъ какъ мѣстомъ этого ударенія былъ гласный начальнаго слога, то вершина ударенія могла передвинуться лишь на начальную долю или мору гласнаго, вторая мора котораго, ставши слабою, могла въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезать, откуда получалось краткое нисходящее удареніе.

Весьма тонкія наблюденія надъ сербскимъ произношеніемъ проф. Л. Мазинга[1]) позволяютъ глубже понять природу сербскаго ударенія. Согласно изслѣдованію названнаго ученаго сербское *нисходящее* удареніе, встрѣчающееся лишь на начальныхъ слогахъ, является однослоговымъ, т. е. область названнаго ударенія ограничивается лишь однимъ слогомъ, не затрогивая слѣдующаго слога. Напротивъ того, *восходящее* удареніе сербскаго языка является двухслоговымъ, т. е. высокій тонъ ударешнаго слога переходитъ въ этой же высотѣ на слѣдующій слогъ, на которомъ уже и понижается. [2]) Та-

[1]) См. его Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents (1876).

[2]) Высоту и силу этого слѣдующаго слога Мазингъ считаетъ одинаковою съ предшествующимъ слогомъ. Противъ этого возражалъ Ковачевичъ, который, соглашаясь вообще съ положеніями Мазинга, находитъ, что второй слогъ двуслоговаго ударенія никогда не равняется первому ни по высотѣ, ни по силѣ (см. Брандтъ Р. Начертаніе славянской акцентологіи, 1880 г.,

кимъ образомъ восходящее удареніе представляетъ двѣ части: возвышенную на ударяемомъ слогѣ и нисходящую на слѣдующемъ слогѣ. Если эти слоги будутъ долгими, то восхожденіе тона происходитъ путемъ перехода его отъ первой низкой моры гласнаго ко второй высокой, паденіе же тона, наоборотъ, путемъ перехода его отъ первой высокой моры гласнаго ко второй низкой. Я думаю, что въ сербскомъ восходящемъ ударенiи высоту втораго слога не слѣдуетъ считать результатомъ вліянія высокаго тона предшествующаго слога, но пережиткомъ или остаткомъ древней ударенности. Такимъ образомъ, первая главная часть сербскаго восходящаго ударенія является слѣдствіемъ передвиженія ударенія, а вторая часть отражаетъ древнее удареніе. Въ западномъ или чакавскомъ нарѣчіи на эту вторую часть приходится большее экспираторное напряженіе, вслѣдствіе чего удареніе этого нарѣчія и представляется болѣе первичнымъ. Слѣдующія нотныя обозначенія, заимствуемыя нами изъ сочиненія проф. Л. Мазинга, могутъ служить иллюстраціей сербскаго восходящаго ударенія а) краткаго (гово̀рити „говорить“, са̀чувам „охраняю“) и б) долгаго (на́роди „народы“, тре́се̄мо „трясемъ“):

стр. 45). Съ своей стороны я думаю, что сила и высота перваго и втораго слога при двуслоговомъ удареніи въ дѣйствительности вѣроятно представляютъ варіаціи, подобно напр. общерусскому произношенію такихъ словъ, какъ «иди» и т. п., въ которыхъ ударяемый слогъ звучитъ иногда даже ниже слога неударепнаго.

Изслѣдованіе тонической стороны произношенія при помощи музыкальнаго инструмента (напр. рояля) можетъ дать лишь приблизительное выраженіе. Только съ помощью особыхъ приборовъ возможно достигнуть болѣе точнаго выраженія. При этомъ оказывается, что даже произношеніе одного звонкаго звука (гласнаго или согласнаго) представляетъ нѣкоторое опредѣленное измѣненіе высоты тона, чего слухъ обыкновенно не замѣчаетъ, схватывая лишь нѣкоторую фиксированную высоту, вѣроятно ту, на которой тонъ нѣсколько задерживается. Чтобы дать понятіе объ экспериментально-фонетическомъ изслѣдованіи движенія тона, я представлю результаты анализа одной графики, полученной мною при изслѣдованіи произношенія слова „бибú"; запись слова произведена посредствомъ двухъ одновременно дѣйствовавшихъ приборовъ, амбушюра и носовой капсулы (оливы), соединенныхъ каучуковой трубкой съ воздушными барабанчиками, на мембранѣ которыхъ утверждены пишущіе рычажки, отмѣчающіе голосовыя вибраціи на закопченной поверхности вращающагося цилиндра. Прежде всего дадимъ краткое описаніе приборовъ, служившихъ для записи. *Амбушюръ* представляетъ собою овальной формы воронку, плотно прикладываемую къ губамъ, въ которую и произносится данное слово; благодаря воздушной передачѣ, мембрана воздушнаго барабанчика повторяетъ въ своихъ колебаніяхъ не только общіе толчки фонаціоннаго выдыханія, но и всѣ вибраціи тока воздуха, происходящія отъ звучанія гортани. *Носовая капсула* или *олива*, вставляемая въ одну изъ ноздрей, сообщаетъ при посредствѣ воздушной передачи соотвѣтствующему записывающему барабанчику измѣненіе воздушнаго давленія въ полости носа, а также и вибраціи хрящей и костей носа, являющіяся по всей вѣроятности отраженіемъ вибраціоннаго состоянія гортани. Что касается слова „бибú", послужившаго для записи, то оно представляетъ собою типъ двусложнаго съ удареніемъ на концѣ; каждый слогъ этого слова состоитъ изъ звонкаго взрывнаго согласнаго (б) въ соединеніи съ гласнымъ (i).

Пріемы вычисленія высоты голосоваго тона на основаніи графикъ очень просты. Пусть имѣемъ двѣ вибраціонныхъ графики съ обычными, очень мелкими зубчиками, первую—отъ вибрацій камертона и вторую—отъ голосоваго тона. Такъ какъ камертонъ дѣлаетъ постоянное число вибрацій въ секун-

ду, то каждая вибрація его можетъ служить единицею мѣры. Отрѣзокъ камертонной кривой (пусть камертонъ дѣлаетъ 100 вибрацій въ секунду) мы помѣщаемъ подъ микроскопъ, окуляръ котораго снабженъ микрометромъ, и смотримъ, сколько дѣленій микрометра приходится на одну вибрацію. Это число (въ нашемъ случаѣ 9) и будетъ служить мѣрою при опредѣленіи тона отдѣльныхъ вибрацій голоса. Предположимъ теперь, что голосовая вибрація занимаетъ пять дѣленій микрометра. На основаніи этого числа въ соотношеніи съ данными камертона можно опредѣлить 1) продолжительность нашей вибраціи и 2) ея высоту. То и другое достигается простыми пропорціями:

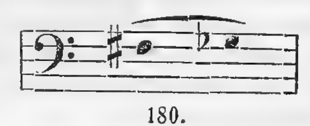
1) $9 : 0{,}01'' = 5 : x$, откуда
$x = 0{,}0055\ldots''$

2) $x : 100 = 9 : 5$, откуда
$x : 180$.

Итакъ, продолжительность нашей вибраціи равняется 0,0055...'', а ея высота опредѣляется числомъ 180 колебаній въ секунду. Это послѣднее число легко переложить на нотное обозначеніе при помощи таблицы Кёнига, въ которой указано число вибрацій въ секунду для каждаго тона вмѣстѣ съ діэзами и бемолями (часть этой таблицы въ предѣлахъ изучаемыхъ тоновъ нашихъ голосовыхъ графикъ мы и помѣщаемъ въ концѣ очерка). [1])

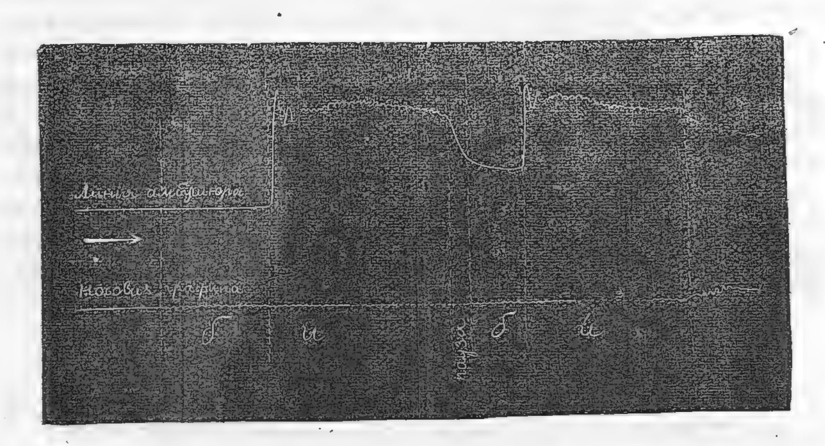
---

[1]) Такъ какъ таблица Кёнига считаетъ колебанія по французскому способу, т. е. полувибраціями, то — очевидно — наше число мы должны удвоить для перехода къ таблицѣ Кёнига и тогда получимъ 360. Однако въ таблицѣ мы не находимъ точно этого числа, а два другихъ, между которыми данное содержится (355,55 и 368,84), соотвѣтствующихъ нотамъ Fa ♯ и Sol ♭ басоваго ключа, откуда слѣдуетъ, что тонъ нашей вибраціи приходится между этими тонами, что въ нотахъ будетъ выражено слѣдующимъ образомъ:

180.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію полученной нами двойной графики слова „биби", представимъ сначала ея *схематическій* чертежъ. Передъ нами схема двухъ кривыхъ, изъ которыхъ верхняя была получена отъ амбушюра, а нижняя отъ носовой оливы. Мы замѣчаемъ, что на носовой линіи вибраціи начинаются значительно раньше, чѣмъ на ртовой. Это происходитъ отъ того, что вибраціи голосовыхъ связокъ и гортани при начальномъ согласномъ *б* начинаются еще во время сомкнутаго состоянія губъ, при чемъ—нужно думать,—немедленно сообщаются костному и хрящевому остову носа, между тѣмъ какъ звучащій токъ воздуха, преграждаемый сомкнутыми губами, не даетъ еще соотвѣтствующей записи. Оказывается, что носовыя вибраціи, судя по записи, начались за 0,12″ (или $^1/_8$ секунды) до момента взрыва согласнаго *б*. Носовая графика тянется въ прямомъ направленіи, а это указываетъ, что звучащій токъ воздуха не проникаетъ въ полость носа, ртовая же графика, въ отличіе отъ носовой, представляетъ собою довольно изогнутую кривую, при чемъ первый подъемъ ея, соотвѣтствуя моменту разнятія губъ, выз-

Замѣтимъ еще, что при нотной передачѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи я пользуюсь еще знакомъ ⌃⌃⌃, который, будучи помѣщенъ надъ нотою, показываетъ, что тонъ нѣсколько выше этой ноты, а помѣщенный подъ нотою, что тонъ нѣсколько ниже.

ванъ стремительнымъ выходомъ воздуха, напиравшаго ранѣе на губную смычку. На этой кривой хорошо видны вибраціи и въ тѣхъ частяхъ гласнаго, для которыхъ носовая линія не дала удовлетворительнаго вибраціоннаго слѣда. [1])

Какъ мы уже упоминали, н о с о в а я линія начинается вибраціями, относящимися къ моменту губной смычки неударённаго согласнаго *б*; этотъ участокъ вибрацій на носовой линіи простирается отъ ихъ начала до вертикали, опущенной изъ точки взрыва ртовой линіи на носовую (см. чертежъ) и содержитъ семнадцать вибрацій. Всѣ вибраціи измѣрялись посредствомъ микроскопа, снабженнаго окуляръ-микрометромъ, а затѣмъ вышеуказаннымъ способомъ вычислялась высота каждой вибраціи. Приводя далѣе рядъ чиселъ, полученныхъ отъ такого вычисленія высоты, я для большей наглядности иллюстрирую ихъ и нотнымъ обозначеніемъ:

Амплитуда возрастаетъ.	1-ая вибр.	150? [2])	
	2-ая „	150	150
	3-ья „	$138^{6}/_{13}$	
	4-ая „	$138^{6}/_{13}$	138
↓	5-ая „	$128^{4}/_{7}$	
	6-ая „	$128^{4}/_{7}$	128
	7-ая „	120	
	8-ая „	120 ($112^{1}/_{2}$)	120
Maximum амплитуды	9-ая вибр.	$112^{1}/_{2}$	
	10-ая „	$112^{1}/_{2}$	112

[1]) Какъ видно изъ рисунка, носовая линія въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ вмѣсто вибрацій дала рядъ черточекъ.

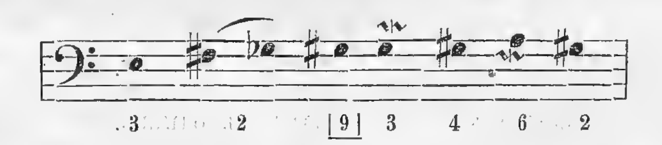
[2]) 1-ая вибрація трудно опредѣлима по причинѣ своей едва замѣтной амплитуды.

Амплитуда	11-ая	вибр.	120
убываетъ	12-ая	„	120
	13-ая	„	$128\frac{4}{7}$
	14-ая	„	$128\frac{4}{7}$
	15-ая	„	$138\frac{6}{13}$
	16-ая	„	$138\frac{6}{13}$
↓	17-ая	„	150

Разсматривая приведенную таблицу, мы видимъ, что въ теченіе первыхъ девяти вибрацій высота согласнаго постепенно понижается (почти на два съ половиною тона). Наблюденіе надъ самой кривой показываетъ, что соотвѣтственно съ пониженіемъ тона увеличивается амплитуда вибрацій, доходя до maximum'а на девятой вибраціи. Затѣмъ тонъ постепенно повышается и на 17-ой вибраціи доходитъ до начальной своей высоты, т. е. до 150. Соотвѣтственно съ этимъ повышеніемъ уменьшается и амплитуда вибрацій. Мы видимъ, что измѣняющійся тонъ согласнаго *б* можетъ быть охарактеризованъ какъ *нисходяще-восходящій*, при чемъ въ той и другой своей части онъ измѣняетъ свою высоту съ одинаковой постепенностью такимъ образомъ, что приблизительно на каждыя двѣ вибраціи приходится одна и та же высота. *Семнадцатая* вибрація соотвѣтствуетъ уже моменту взрыва губъ, и за нею слѣдуютъ *четыре* вибраціи той же высоты и приблизительно той же амплитуды, приходящіяся на первое время взрыва. Далѣе мы можемъ уже слѣдить параллельно за ртовой и носовой линіей, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не приметъ характера черточекъ; при этомъ на первое мѣсто мы поставимъ уже графику амбушюра, которая получена отъ непосредственнаго дѣйствія звучащаго тока воздуха.
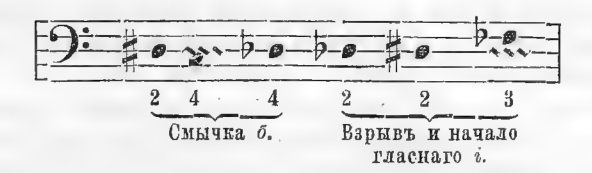
Графика амбушюра начинается крутымъ подъемомъ отъ взрыва воздуха; взрывъ этотъ оказывается довольно энергичнымъ, судя по высотѣ и скорости подъема, не смотря на

звонкость взрывнаго согласнаго, съ которой соединяется вообще сравнительно умѣренный напоръ воздуха отъ взрыва. Графика сейчасъ за подъемомъ не отмѣчаетъ еще голосовыхъ вибрацій, представляя лишь результатъ затихающихъ колебаній самой упругой мембраны барабанчика, получившей толчекъ отъ взрыва воздуха. Дальнѣйшія вибраціи уже представляютъ нѣкоторую правильность и постоянство по своимъ размѣрамъ и должны считаться принадлежащими голосу. Часть графики отъ подъема и до первой голосовой вибраціи, соотвѣтствующая взрыву отъ согласнаго *б* и началу гласнаго, уже опредѣлена нами по носовой графикѣ. Дальнѣйшее вычисленіе высоты тона мы можемъ производить по графикѣ амбушюра. Въ отличіе отъ носовой графики предшествующаго согласнаго, все время она представляетъ послѣдовательно восходящій тонъ съ продолжительною при этомъ задержкою на нѣкоторой высотѣ и лишь самый конецъ—послѣднія двѣ-три вибраціи указываютъ на пониженіе, являющееся, вѣроятно, переходомъ къ паузѣ или къ согласному слѣдующаго слога. Прилагаемое нотное обозначеніе иллюстрируетъ движеніе тона при гласномъ *и*, при чемъ цифры, поставленныя внизу, обозначаютъ, сколько было вибрацій каждой высоты тона:

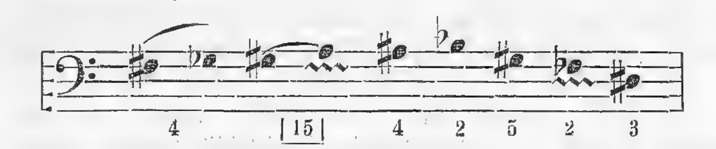

3 2 |9| 3 4 6 2

Переходя къ анализу *ударепнаго* слога „*би*“, мы опять обращаемся къ носовой графикѣ. Мы замѣчаемъ, что въ тотъ моментъ, какъ ртовая линія готова перейти отъ крутаго спуска въ пологій, на носовой линіи возобновляются правильныя вибраціи, указывающія, что звучаніе гортани для согласнаго *б* уже началось; взрывъ согласнаго слѣдуетъ затѣмъ лишь черезъ 0,08″. Ходъ измѣненія высоты тона во время смычки согласнаго *б*, взрыва его и самаго начала гласнаго въ ударяемомъ слогѣ на основаніи носовой графики мы можемъ представить слѣдующимъ нотнымъ обозначеніемъ:

Далѣе слѣдить за измѣненіемъ высоты тона гласнаго мы будемъ уже только по р т о в о й графикѣ, такъ какъ носовая графика лишь до черточекъ соотвѣтствуетъ ртовой, а далѣе не позволяетъ точныхъ вычисленій. Это послѣдующее движеніе тона при произнесеніи гласнаго въ нотномъ обозначеніи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Теперь позволимъ себѣ формулировать нѣкоторые выводы, вытекающіе изъ нашего анализа ртовой и носовой графикъ слова „биби́“:

1) Звонкіе согласные звуки оказываются ниже по высотѣ, чѣмъ гласные тѣхъ же слоговъ.

2) Движеніе тона при согласныхъ имѣетъ нисходяще-восходящій характеръ, между тѣмъ какъ движеніе тона гласныхъ представляетъ характеръ восходяще-нисходящій.

3) Звучаніе гортани во время смычки начальнаго согласнаго (въ неударяемомъ слогѣ) оказывается въ полтора раза длительнѣе по сравненію съ согласнымъ внутри слова (въ ударенномъ слогѣ); при этомъ бо́льшая длительность звучанія соединена съ бо́льшимъ интерваломъ пониженія.

4) Тонъ согласнаго, какъ при своемъ пониженіи, такъ и повышеніи, не представляетъ ни на одной высотѣ особенной задержки, которая наступаетъ лишь при переходѣ къ гласному.

5) Тонъ гласнаго въ предъударенномъ слогѣ по преимуществу восходящій, понижающійся лишь на послѣднихъ двухъ-трехъ вибраціяхъ, между тѣмъ какъ гласный ударённаго слога

имѣетъ тонъ восходяще-нисходящій, при чемъ нисходящая часть уже довольно значительна и заканчивается тою же высотою, отъ которой началась восходящая часть ея.

6) Тонъ гласнаго какъ въ предъударенномъ слогѣ, такъ и въ ударенномъ, задерживается на одной и той же высотѣ (*Sol* ♯) въ своей средней части, но ближе къ ея концу.

7) Вычисляя въ доляхъ секунды время звучанія гортани для отдѣльныхъ частей нашей графики, мы получаемъ слѣдующія числа:
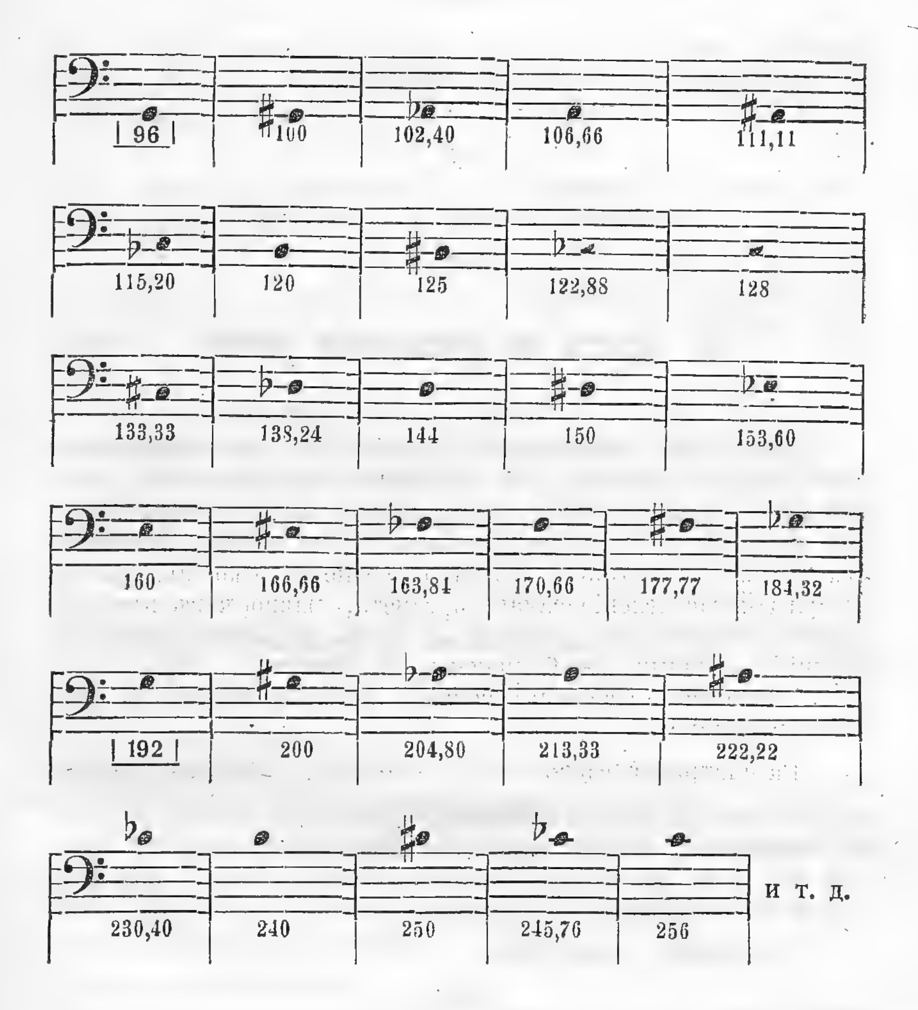
б - и [1]) б - и́
0,125″ 0,18″ ⏞ 0,07″ 0,25″
0,02″

Изъ приведенныхъ цифръ мы видимъ, что продолжительность звучанія гортани при ударенномъ гласномъ значительно превосходитъ таковую при неударенномъ. Сравнивая же длительность звучанія гортани при согласныхъ, видимъ, что при начальномъ согласномъ оно гораздо продолжительнѣе, чѣмъ при внутреннемъ. Кромѣ того, между двумя слогами слова мы замѣчаемъ оченъ короткій промежутокъ =0,02″, въ которомъ на графикахъ не усматриваемъ вибраціоннаго слѣда и который, быть можетъ, слѣдуетъ считать за межслоговую паузу. Сосчитывая все время звучанія гортани, включая сюда и время паузы, мы находимъ, что общая продолжительность слова =почти 0,6″. Однакожъ на самомъ дѣлѣ время, необходимое для произнесенія этого слова, еще больше, такъ какъ мы не приняли въ расчетъ экскурсіонное движеніе губъ для начальнаго согласнаго.

Въ заключеніе мы прилагаемъ извлеченіе изъ таблицы Кёнига (R. Koenig Tableau général des nombres de vibrations de la série des sons musicaux, Paris 1903), содержащее отношенія между числами вибрацій и соотвѣтствующими музыкальными нотами (при этомъ для удобства изслѣдователей числа полувибрацій Кёнига мы перевели на числа цѣлыхъ или полныхъ вибрацій):

---

[1]) Къ гласному *и* отнесено нами и звучаніе гортани при взрывѣ предшествующаго согласнаго; точно такъ же мы поступили и въ отношеніи ударенпаго *и*.

96
100
102,40
106,66
111,11
115,20
120
125
122,88
128
133,33
138,24
144
150
153,60
160
166,66
163,84
170,66
177,77
184,32
192
200
204,80
213,33
222,22
230,40
240
250
245,76
256
и т. д.

16. Этюдъ по психологіи рѣчи.

Когда намъ показываютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ какой-нибудь предметъ, то въ нашемъ умѣ идея или представленіе этого предмета ассоціируется съ его названіемъ. Эта связь отъ повторенія становится болѣе и болѣе крѣпкою. Благодаря ей, по одному названію предмета легко вызывается въ умѣ представленіе самаго предмета, равно какъ при появленіи въ умѣ идеи предмета мы легко называемъ этотъ послѣдній обычнымъ его именемъ. [1]) Вообще, слова языка суть комплексы (сочетанія) звуковъ, ассоціированные со своимъ значеніемъ.

Разсматривая слово

набрасывалъ,

мы замѣчаемъ, что оно, имѣя соотвѣтствующее значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагается на части, тоже имѣющія значеніе (на части знаменательныя или морфологическія).

Въ нашемъ словѣ часть

брас

—главная, корень, сосредоточиваетъ въ себѣ главное значеніе слова, является какъ бы центромъ тяжести въ словѣ;

---

[1]) Я припоминаю, какъ, будучи маленькимъ, недоумѣвалъ, отчего если, напримѣръ, столъ назвать *столомъ*, то это названіе подходитъ къ этому предмету, а если назвать, напримѣръ, *скамьей*—вѣдь и такъ можно бы звать этотъ предметъ — то это названіе кажется неподходящимъ для стола. Отсюда видно, какъ сильно ассоціируются слова со своимъ значеніемъ.

въ данномъ случаѣ она выражаетъ идею извѣстнаго дѣйствія. Остальныя части—придаточныя, опредѣляющія (модифицирующія) значеніе корня:

на-

—префиксъ, показываетъ, что дѣйствіе, выражаемое корнемъ, направляется на поверхность чего-нибудь;

-ыв-

—суффиксъ, указываетъ на совершаемость дѣйствія или, другими словами, на такъ называемый несовершенный видъ;

-алъ

—окончаніе прош. вр., ед. ч., м. р.

Кромѣ того,

на+брас+ыв-

—основа, выражаетъ идею, обозначаемую корнемъ и усложненную разсмотрѣнными нами оттѣнками направленія и повторяемости; основа, сосредоточивающая въ себѣ все собственное значеніе слова, соединяется съ окончаніями. Иногда основа въ словѣ совпадаетъ съ корнемъ, если послѣдній не распространенъ ни суффиксомъ, ни префиксомъ (напр. *вед*-у, *сад*-омъ).

И такъ, морфологическія, знаменательныя части словъ: корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе, основа.

Морфемы или морфологическія части не суть фикціи, но дѣйствительныя части словъ. [1]) Въ самомъ дѣлѣ,

1) *заимствованныя* слова, приноравливаясь къ природнымъ, принимаютъ префиксы, суффиксы и окончанія, свой-

---

[1]) Изслѣдователю языка нужно всегда помнить, что онъ долженъ стремиться къ изученію рѣчи въ ея *дѣйствительности*; поэтому онъ долженъ подвергать строгой критикѣ всякое грамматическое ученіе, внимательно разсматривая, не слѣдуетъ ли отнести это ученіе, такъ сказать, къ лингвистической *миѳологіи*. Въ грамматикахъ принято напр. дѣленіе словъ на морфологическія части, но мы должны изслѣдовать, дѣйствительно ли въ живомъ языкѣ слова разлагаются на такъ называемыя морфологическія части, или же эти послѣднія представляютъ лишь вымыселъ грамматиковъ. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ отнестись и къ ученію о частяхъ рѣчи, членахъ предложенія и т. п.

ственныя словамъ природнымъ. Такъ, слово „группа“, представляющее корневой комплексъ не-русскій, приняло чисто русское окончаніе *-а*, смѣняющееся въ Р. ед. на *-ы* и т. д.; отъ слова „группа“ происходитъ глаголъ „группир*овать*“, гдѣ *-овать* вполнѣ русская знаменательная часть слова; отъ этого глагола происходитъ существительное „группир*овка*“, въ которомъ суф. *-овка* служитъ для субстантивнаго (опредмеченнаго) представленія дѣйствія; наконецъ, тотъ же иностранный глаголъ можетъ соединяться съ разными русскими префиксами: *с*группировать (*раз-*, *пере-*). Срв. также „лимонъ“, „лимон*а*“, „лимон*щикъ*“, „лимон*ный*“, „лимон*овый*“ и т. п.;[1])

2) тоже *вновь создающіяся* слова на основаніи какъ природныхъ, такъ и заимствованныхъ, являются съ морфологическими частями, имѣющимися въ языкѣ; такое появленіе раньше не употреблявшихся соединеній морфологическихъ частей, такая подвижность морфемъ доказываетъ дѣйствительное существованіе ихъ въ языкѣ. Примѣры:

сочувственникъ: — Эхъ, ты, сочувственникъ! брякнулъ Шубинъ и самъ засмѣялся новоизобрѣтенному слову (Тургеневъ „Накапунѣ“ гл. I)[2])

расхачивать: „я началъ ужъ расхачивать пить чай“

перевысказывать: „я это говорилъ и повторялъ, и перевысказывалъ!“ (въ письмѣ гр. А. Толстаго отъ 1868 г.; см. Книжки „Недѣли“ 1895 г., ноябрь, стр. 201)

осюрпризить: „я былъ осюрприженъ“

переконьячить (т. е. налить, напр. въ чай, слишкомъ много коньяку)

---

[1]) При *простонародномъ* усвоеніи заимствуемыя слова часто приноравливаются и по корнямъ къ природнымъ, благодаря чему сильно отходятъ отъ своего оригинала, срв. галдарея вм. галлерея, гульваръ вм. бульваръ, великатный вм. деликатный и т. п. (подобныя видоизмѣненія, извѣстныя подъ названіемъ «народной этимологіи», совершаются также и съ природными словами, морфологическій составъ которыхъ затемнился въ народномъ чутьѣ).

[2]) Такія неожиданно-новыя слова сильнѣе дѣйствуютъ на слушателя, оказываютъ на него болѣе сильный эффектъ по сравненію съ обыкновенными.

литературничать (въ письмѣ Ив. Аксакова отъ 27 дек. 1851 г.)—въ смыслѣ „заниматься писательствомъ". Рус. Обозр. 1894, авг. 459; [1])

3) слова, употреблявшіяся прежде съ одними префиксами, суффиксами, окончаніями, принимаютъ иногда *по аналогіи* другія вмѣсто нихъ. Ср., напр., произношеніе

держутъ вм. **держатъ**;

4) встрѣчаются *обмолвки*, *ослышки*, а также *описки*, представляющія подстановку одной морфемы вмѣсто другой, напр.: обмолвка—„занятій вашихъ эт*ихъ* (вм. этимъ) предметомъ"; описка—„впечатлѣніями сходн*ыми* (вм. сходнаго) звука" (см. выше стр. 158 сн. 1).

5) морфемы, вообще являющіяся *только соединенными*, получаютъ иногда самостоятельное существованіе, выдѣляясь въ слова. Такъ

вичъ,

напр. въ поговоркѣ: „наши вич*и* ѣдятъ одни калачи" [2]). Срв. далѣе выраженіе „говорить *за* и *противъ*".

Всматриваясь въ приведенныя доказательства, можно замѣтить въ нихъ ту общую черту, что дѣйствительное существованіе въ языкѣ морфологическихъ частей доказывается появленіемъ этихъ частей въ *новыхъ* условіяхъ; при этомъ обнаруживается и то, что̀ именно чувствуется извѣстною морфологическою частью. Поэтому собраніе такого рода матеріала можетъ служить для доказательства даннаго морфологическаго состава въ языкѣ.

Убѣдившись въ дѣйствительномъ существованіи морфологическихъ частей, попробуемъ объяснить *психологически* образованіе въ умѣ разсмотрѣнныхъ нами морфологическихъ категорій.

Предположимъ, мы слышимъ падежную форму какого-нибудь слова. Мы воспринимаемъ при этомъ ассоціацію звуковъ,

---

[1]) Иногда вновь создающіяся слова принимаютъ еще и совершенно новое значеніе, напр.: *слимонить* (т. е. стянуть, стащить и т. п.), *налимониться* (напиться до-пьяна), *влимониться* (влюбиться).

[2]) Буслаевъ. Историческая грамматика русскаго языка I² (1875) стр. 137.

какъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ при произнесеніи этого слова. Когда мы слышимъ другую падежную форму того же слова, то мы опять воспринимаемъ ассоціацію звуковъ въ ихъ послѣдовательности. Эта новая ассоціація сходною частью ассоціируется съ первою ассоціаціею, благодаря чему эта часть выдѣляется и усиливается. Слыша новую падежную форму того же слова, мы опять воспринимаемъ ассоціацію звуковъ по ихъ смежности, и часть этой ассоціаціи, совпадая со сходною частью первыхъ двухъ ассоціацій, усиливаетъ ее, и т. д. [1])

Пусть A обозначаетъ сходную часть падежныхъ формъ какого-нибудь слова, соединяющуюся съ несходными частями B, C, D... Мы можемъ представить описанный процессъ въ слѣдующемъ видѣ:

A—B	или на примѣрѣ:	сад—а
|		|
A—C		сад—у
|		|
A—D		сад—омъ
.		. . . . . .

Такимъ-то образомъ выдѣляется *основа* слова, соединяющаяся съ разными окончаніями. [2])

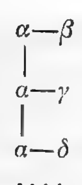
При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что съ каждою падежною формою ассоціируется соотвѣтствующее значеніе, слагающееся изъ идеи предмета, усложненной падежнымъ оттѣнкомъ значенія. Слѣдовательно, при произношеніи разныхъ падежей одного и того же слова повторяется идея одного и того же предмета, усложняющаяся разными падежными оттѣнками. Обозначивъ идею предмета посредствомъ α, падежные оттѣнки—посредствомъ β, γ, $\delta\ldots$, мы можемъ изобразить этотъ процессъ слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Этотъ процессъ ассоціированія слышимыхъ словъ по сходству происходитъ уже въ дѣтствѣ, совершаясь конечно въ связи съ произношеніемъ ихъ, ибо ребенокъ не только слушаетъ, но и самъ старается говорить.

[2]) Постепенное усиленіе основы можно представить графически такъ:

A—B   A—B   **A**—B
         \\   \|\\
          C   D C   и т. д.

Эта послѣдняя (семазіологическая) система ассоціацій образуется въ связи съ предъидущею системою, при чемъ α соотвѣтствуетъ A, а β, γ, δ... являются соотвѣтствующими для B, C, D...

Когда мы слышимъ одну и ту же падежную форму разныхъ словъ, одинаково склоняющихся, то чрезъ это выдѣляется и усиливается падежное *окончаніе*, соединяющееся съ разными основами:

A—B	α—β	На примѣрѣ:	сад—**а**
E—B	ε—β		дом—**а**
F—B	ζ—β		стул—**а** [1])
.....			.....

Подобнымъ же образомъ мы можемъ представить себѣ возникновеніе въ нашемъ умѣ остальныхъ разсмотрѣнныхъ нами морфологическихъ категорій—префиксовъ и суффиксовъ:

при—ношу	умир—ущій
при—везъ	завид—ущій
при—бывшій	забод—ущій
......	......

Вотъ въ самомъ общемъ видѣ путь образованія въ умѣ различія морфологическихъ частей словъ. Отъ наблюденій надъ образованіемъ рѣчи дѣтей можно ожидать бо́льшаго разъясненія этого вопроса.

---

[1]) Постепенное усиленіе окончанія мы можемъ графически представить слѣдующимъ образомъ:

A—B   A—B   A—**B** и т. д.
      E   E   F

Примѣчаніе. Изученіе дѣтской рѣчи показываетъ, что рѣчь ребенка постепенно развивается на почвѣ *предложеній*, ибо если онъ вначалѣ и пользуется вмѣсто фразъ отдѣльными словами (напр. t'ŭj т. е. «стулъ», и т. п.), то такое по-видимому отдѣльное слово у него заступаетъ собою цѣлую фразу (слово t'ŭj можетъ значить, что ребенку хочется сѣсть на стулъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ), но только онъ не можетъ выразить своей мысли полной фразой, такъ какъ мысль его не привыкла еще расчленяться обычнымъ образомъ на частныя представленія, которыя бы выражались особыми соотвѣтствующими словами. По мало-по-малу запасъ словъ ребенка увеличивается, благодаря чему и фразы у него становятся полнѣе, въ ихъ составъ постепенно входятъ и другія категоріи и формы словъ (напр. d'á t' m'i t'i t'ŭj и т. п.), и наблюденія могутъ показать, въ какой именно послѣдовательности онѣ пріобрѣтаются ребенкомъ.

Нужно еще замѣтить, что родство считается *матеріальнымъ*, если слова ассоціируются по корню или основѣ, и *формальнымъ*, когда слова ассоціируются по сходству придаточныхъ морфемъ.

Подобный же процессъ мы можемъ вообразить по отношенію къ категоріямъ (разрядамъ) словъ, называемымъ *частями рѣчи.* [1])

---

[1]) Части рѣчи — дѣйствительныя категоріи нашего ума. Этимъ я не хочу однако сказать, что существующее ученіе грамматикъ о частяхъ рѣчи вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. На дѣйствительное существованіе въ умѣ этого рода категорій указываютъ уже самыя простыя наблюденія надъ повседневной рѣчью. Напр., нѣкто проситъ меня угадать, кто его обидѣлъ? Я угадываю: братъ? товарищъ?... Но я не скажу: домой? послѣ? и т. п. И такъ, я высказываю не какія угодно слова, но слова извѣстнаго разряда. Положимъ, что кто-нибудь предлагаетъ мнѣ догадаться, что онъ дѣлалъ? я говорю: читалъ? писалъ? гулялъ?... Теперь я уже не употребляю такихъ словъ, какъ: братъ? товарищъ? Подобныя наблюденія доказываютъ, что слова въ нашемъ умѣ располагаются по разрядамъ, что дѣйствительно въ нашемъ умѣ существуютъ категоріи словъ, которыя называются частями рѣчи. Для доказательства дѣйствительнаго существованія нашихъ категорій весьма важно изслѣдованіе явленій *афазіи*, когда больной, помня другія слова, забываетъ нѣкоторые разряды, напр. числительныя... Далѣе, нужно имѣть въ виду, что въ нашемъ умѣ представленія ассоціируются также и соотвѣтственно разнообразнымъ и многочисленнымъ группамъ *реальнаго* міра объектовъ, и я могу привести слѣдующее относящееся сюда наблюденіе. Нѣкто шелъ въ *Кошачій переулокъ* и на вопросъ мой—куда онъ идетъ—отвѣтилъ: въ *Собачій переулокъ* (тоже существующій). Когда я замѣ-

Предположимъ, я вижу бѣлый столъ, бѣлый полъ, бѣлый потолокъ..., и мнѣ называютъ: „бѣлый столъ“, „бѣлый полъ“, „бѣлый потолокъ“... Въ этихъ случаяхъ разныя представленія—столъ, полъ, потолокъ—объединяются (интегрируются) одинаковымъ признакомъ—бѣлый.

бѣлый—столъ
|
бѣлый—полъ
|
бѣлый—потолокъ
. . . . . . [1])

Процессъ, однородный съ морфологическимъ разложеніемъ словъ, мы можемъ наблюдать также въ области синтаксиса, напр. на разложеніи *сложнаго предложенія*.

Пусть я слышу предложенія:

Когда я гуляю	братъ мой занимается
Когда я гуляю	ты читаешь.

Приведенныя предложенія частію сходны, частію различны. Они ассоціируются между собою (интегрируются) сходною частію. [2])

Вообще, воспринимаемая нами рѣчь ассоціируется съ прежде слышаннымъ сходными элементами. Мы еще далеко

тилъ ему эту ошибку, онъ сказалъ, что то и дѣло путаетъ эти названія. Легко видѣть, что путаетъ онъ эти именно названія переулковъ благодаря тому, что въ томъ и другомъ названіи имѣется названіе *животнаго*. Что реальная сторона играетъ существенную роль въ развитіи языка, можно убѣдиться на случаяхъ аналогіи, вызываемыхъ этимъ реальнымъ моментомъ, срв. напр. въ греческомъ проведеніе одного и того же рода въ названіяхъ деревьевъ или же островов (ἡ φηγός «букъ» и пр., ἡ Λέσβος и пр.).

[1]) Также:

бѣлый—столъ
|
красный—столъ
|
черный—столъ
. . . . . .

[2]) Также:

Когда я гуляю	братъ мой занимается
Когда ты читаешь	братъ мой занимается

не исчерпали вопроса пріобрѣтенія рѣчи. Кромѣ указанныхъ нами происходитъ множество другихъ ассоціацій, напр. отношеній или чередованій звуковъ, порядка словъ въ предложеніи [1]), отношеній словъ (конструкцій), звуковыхъ оттѣнковъ [2]) и пр. Можно думать, что разнообразныя ощущенія воспринимаемой нами рѣчи, такъ сказать, налегаютъ на сходные элементы прежде слышаннаго, совпадаютъ съ ними, и такимъ образомъ слышимая нами рѣчь разлагается и интегрируется по сродству въ группы съ прежде слышаннымъ.

Воспріятія наши, ассоціируясь по сходству (интегрируясь) съ родственными группами прежнихъ воспріятій, могутъ вызывать дифференціацію или подраздѣленіе (распаденіе, развѣтвленіе) этихъ группъ на болѣе мелкія группы, благодаря тому, что между членами одной и той же группы имѣется неодинаково полное сходство.

Поясню сказанное нѣсколькими примѣрами.

Формы *году* и *слону* являются однимъ и тѣмъ же падежомъ; воспринятыя, онѣ интегрируются въ одну группу:

год—у
|
слон—у

Предположимъ, далѣе мы слышимъ форму *полу*. Это новое воспріятіе вступаетъ въ ту же группу. Но оно не одинаково близко съ предъидущими двумя формами, именно: форма *полу*

---

[1]) Ср. напр. нѣм.:

ich habe . . . gesehen
ich habe . . . gefunden
du hast || hast du?
du findest || findest du?
. . . .

ср. также китайскій, гдѣ синтаксическое значеніе словъ (подлежащее, сказуемое . . .) разнообразится соотвѣтственно ихъ мѣсту въ предложеніи.

[2]) Предположимъ, мы слышимъ слово «да», произнесенное съ угрозой, а затѣмъ какое-нибудь другое слово (напр. «нѣтъ»), произнесенное съ тѣмъ же оттѣнкомъ. Не смотря на то, что эти слова по звукамъ и значенію различны, но они сходны по оттѣнку угрозы и этимъ ассоціируются.

при прочихъ равныхъ условіяхъ произношенія болѣе сходна съ формою *году*, потому что въ той и другой формѣ окончаніе неударенное. Отсюда форма *полу* интегрируется съ формой *году* въ особую группу, и такимъ образомъ наша большая группа дифференцировалась на двѣ группы—1) *году*, *полу*, 2) *слону*:

1) год—у 2) слон—у
|
пол—у

Пусть теперь слышимъ форму *лгуну*. Эта форма интегрируется съ формою *слону*:

слон—у
|
лгун—у

Далѣе мы воспринимаемъ, напр., форму *роду*. Форма эта, какъ имѣющая неударенное окончаніе, относится къ группѣ первой. Но изъ членовъ этой группы она (при прочихъ равныхъ условіяхъ) болѣе сходна съ формою *году*: въ той и другой формѣ передъ окончаніемъ *у* имѣется одинаковый согласный (*д*), а потому она интегрируется съ этою формою въ особую группу, чрезъ что наша первая группа дифференцируется на двѣ:

год—у пол—у
|
род—у

и т. д.

Этимъ путемъ происходитъ образованіе въ умѣ *типовъ* или системъ, болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу, въ области склоненія, спряженія и, вообще, флексіи. Такъ, въ области склоненія существительныхъ болѣе крупными типами являются склоненія разныхъ родовъ, взаимно различающіяся въ большей или меньшей степени своими падежными окончаніями, а затѣмъ въ области каждаго такого склоненія оказываются еще болѣе частныя группы по характеру ударенія. Напр., существительныя мужескаго рода въ русскомъ языкѣ по различію ударенія въ склоненіи дѣлятся на слѣдующія четыре группы. Къ первой группѣ относятся слова съ удареніемъ на основѣ, напр. с п о р ъ, с т о н ъ; ко второй груп-

пѣ — съ удареніемъ въ единств. числѣ и въ Имен. мн. на основѣ, а въ остальныхъ падежахъ на окончаніи, напр. зубъ, родъ; въ 3-ей группѣ удареніе въ ед. числѣ на основѣ, а во мн. числѣ на окончаніи, напр. полъ, садъ; въ 4-ой группѣ удареніе во всемъ склоненіи на окончаніи, кромѣ И. ед., напр. слонъ, столъ. Такимъ образомъ слова, распадаясь благодаря ассоціаціи сходства на основу и окончаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимости отъ степени сходства объединяются въ болѣе частныя группы, и этимъ путемъ въ нашемъ умѣ складываются системы спряженій, склоненій и вообще типы словоизмѣненія.

Но вѣдь слова представляютъ не одну звуковую сторону, они связаны со *значеніемъ*. Въ этой послѣдней области могутъ быть свои группы.

Тотъ же процессъ дифференціаціи мы могли бы прослѣдить въ области *синтаксиса*, напр., на сложныхъ предложеніяхъ. Пусть имѣемъ нѣсколько сложныхъ предложеній, которыя интегрируются по сходству придаточныхъ. Предположимъ, мы слышимъ новое сложное предложеніе, придаточная часть котораго не въ одной мѣрѣ сходна съ прежде слышанными. Это должно вызвать дифференціацію нашей группы и т. д. Мало по малу, путемъ дифференціаціи возникаютъ различные роды придаточныхъ предложеній—времени, слѣдствія, цѣли... Въ каждомъ изъ этихъ родовъ процессъ дифференціаціи можетъ идти далѣе.

Все сказанное слѣдуетъ относить ко всевозможнымъ нашимъ воспріятіямъ. Всякое новое воспріятіе, совпадая съ одинаковыми элементами прежнихъ воспріятій, интегрируется, при чемъ можетъ вызвать дифференціацію группы. Вообще, психическія явленія рѣчи слѣдуетъ разсматривать въ связи съ другими отправленіями ума; чрезъ это получается большая широта взгляда. Такимъ образомъ мы дошли до признанія однородности мысли. [1])

---

[1]) См. о томъ же предметѣ прекрасное изложеніе Вундта: Душа человѣка и животныхъ. Переводъ съ нѣм. *Кемница* I (1865) лекція 4.

Разсмотримъ слово

подушка.

Мы можемъ это слово морфологически разложить на: под-ушка (ср. ухо); слѣд., генетическое значеніе нашего слова—предметъ, кладущійся подъ ухо.[1]) Съ теченіемъ времени такое представленіе, связанное съ подушкой, теряется: подушку кладутъ уже не только подъ ухо, но и за спину... Отсюда, слово *подушка* уже не ассоціируется съ *подъ* и *ухо*. Впрочемъ, это можетъ зависѣть не только отъ перемѣны значенія, но и отъ измѣненія звуковой физіономіи слова: ухо и -ушка. Благодаря звуковымъ измѣненіямъ, слово можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что, будучи воспринято, не интегрируется съ ними. Такимъ образомъ *слово, въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени разлагавшееся на морфологическія части, въ умахъ индивидуумовъ послѣдующаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) *не разлагается,* становится *простымъ*. Наиболѣе подходящій терминъ для этого явленія, по моему,—**опро́щеніе** словъ.[2])

Слѣдующее наблюденіе показало мнѣ, что слово *подушка* стало простымъ. Я объяснилъ составъ этого слова человѣку, уже ознакомившемуся со школьною грамматикой,—онъ удивился и сказалъ, что это слово ему вовсе не казалось сложнымъ.

Нѣкоторыя слова съ теченіемъ времени выходятъ изъ употребленія. Отсюда, слово, прежде имѣвшее родственныя слова, по исчезновеніи ихъ, становится одинокимъ, и уже не разлагается, становится простымъ (напр. *кольцо*, собств. уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія).

---

[1]) Въ качествѣ параллели приведемъ франц. названіе того же предмета l'oreiller (муж.) и нѣмецкое выраженіе sich auf's Ohr legen «прилечь, вздремнуть».

[2]) Воспріятіе словъ съ сложнымъ морфологическимъ составомъ въ качествѣ простыхъ въ особенности падаетъ на періодъ *дѣтства* (т. е. на долю каждой новой генераціи), благодаря преимущественной роли въ этомъ возрастѣ *ассоціаціи по смежности,* посредствомъ которой устанавливается тѣсная связь образа или представленія съ его названіемъ какъ простымъ символомъ. Такимъ путемъ слова, новообразованныя предшествовавшею генераціею, у которой они чувствовались въ своемъ морфологическомъ составѣ, могутъ стать простыми для чутья слѣдующей генераціи.

Опрóщеніе словъ можетъ происходить не только въ умахъ индивидуумовъ разныхъ поколѣній, но также и въ умѣ одного и того же индивидуума. Положимъ, индивидуумъ слышитъ какое-нибудь сложное слово, родственныя которому онъ слышалъ давно, но совершенно забылъ, или же въ совершенно несходномъ значеніи . . . Отсюда, это слово не разлагается.

Я уже говорилъ, что, изслѣдуя психическую сторону рѣчи, мы должны имѣть въ виду *однородность* мысли. *Опрóщеніе* мы можемъ наблюдать не только на отдѣльныхъ словахъ, но также и на соединеніяхъ словъ, слѣдовательно—въ области *синтаксиса*, напр.:

та́къ что
потому́ что
. . . . . .

Эти выраженія теперь являются уже простыми словами, съ однимъ удареніемъ.

Мнѣ еще остается указать на ошибочное пониманіе *опрóщенія* словъ и выраженій. Лингвистъ сложное слово, которое чувствуетъ уже простымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаетъ на морфологическія части. Отсюда, у него возникаетъ представленіе о томъ, что въ языковомъ чутьѣ сложныя слова *стягиваются* въ одно нераздѣлимое слово, или, другими словами, морфологическія части *сливаются* одна съ другою въ одно нераздѣльное цѣлое, онъ разсуждаетъ о направленіи слитія, видитъ тутъ *поглощеніе* (абсорпцію), разсуждаетъ о томъ, какая морфологическая часть поглощаетъ и какая поглощается. [1]) Въ дѣйствительности же въ этомъ случаѣ не происходитъ ни стяженія, ни слитія, ни абсорпціи, ни забвенія, но просто слово, прежде бывшее сложнымъ, воспринимается какъ простое.

Перехожу къ разсмотрѣнію явленія, состоящаго въ томъ, что *слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени* (при нѣкоторыхъ условіяхъ) *ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени.*

---

[1]) Аѳанасьевъ А. въ сочиненіи «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» I (1865) стр 5—9 пользуется для изображенія этого процесса, по отношенію къ собственному значенію слова, выраженіемъ «*забвеніе корня* въ сознаніи народномъ».

Разсмотримъ, напр., какимъ образомъ явилось произношеніе

овторникъ.

Идея (представленіе) огня ассоціировалась съ произношеніемъ „**о**гонь“. Если эта идея получаетъ оттѣнокъ значенія, свойственный префиксу „въ“, то, такимъ образомъ усложненная, она ассоціировалась съ произношеніемъ „**во**гонь“. *Отношеніе* между словами „огонь“ и „**во**гонь“ такое, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ произношенія, одно слово начинается съ звука **о**, а другое съ сочетанія **во**.

Идея вторника, усложненная идеей значенія того же префикса „въ“, ассоціировалась съ произношеніемъ „**во**вторникъ“. Легко замѣтить, что въ словахъ „**во**гонь“ и „**во**вторникъ“ рядомъ съ извѣстнымъ сходствомъ въ значеніи (одинъ и тотъ же предлогъ) имѣется нѣкоторое сходство въ произношеніи ихъ: оба слова начинаются сочетаніемъ **во**-. Подъ вліяніемъ этого сходства, болѣе простая идея вторника вызываетъ слово „овторникъ“, начинающееся звукомъ **о**- такъ же, какъ слово „**о**гонь“, т. е.

вогонь : **о**гонь = **во**вторникъ : x

x : **о**вторникъ.

Для того, чтобы возникла форма „овторникъ“, необходима *привычка* къ отношеніямъ такого рода, какъ—**во**гонь: **о**гонь. Образованію этой привычки могли способствовать соединенія такого слова, какъ „**о**гонь“ и съ другими предлогами, напр.: безъ, къ...

Въ русскомъ языкѣ предлоги, оканчивающіеся на согласный, кромѣ этой краткой своей формы, являются еще въ полной формѣ, въ которой за согласнымъ слѣдуетъ гласный **о**, напр.: въ || во, безъ || безо, къ || ко... Эти предлоги, соединяясь съ падежными формами, напр. слова „огонь“, начинающагося гласнымъ звукомъ **о**, являются въ своей краткой формѣ, а при падежныхъ формахъ, напр., слова „вторникъ“, начинающагося двумя согласными **фт**, они являются въ полномъ видѣ; напр. **въ-о**гонь || **во**вторникъ, **безъ-о**гня || **безо**-вторника, **къ-о**гню || **ко**-вторнику... Подъ вліяніемъ подобнаго сходства въ произношеніи и образовались такія формы, какъ овторникъ, овторника, овторнику...

безогня : **о**гня=**безо**вторника : x

x=овторника

и т. д.

Слово „**о**гонь" мы взяли только для примѣра. Привычка къ отношеніямъ такого рода, какъ **во**гонь : **о**гонь, могла пріобрѣтаться также на многихъ другихъ подобныхъ словахъ, напр. „**о**врагъ"...

воврагъ : **о**врагъ=**во**вторникъ : x

x=**о**вторникъ.

Пользуясь довольно употребительнымъ выраженіемъ, мы могли бы о появленіи формы „**о**вторникъ" сказать, что она возникла путемъ *пропорціональной* аналогіи. Въ такого рода случаяхъ видятъ „рѣшеніе пропорціи, нахожденіе четвертаго пропорціональнаго къ тремъ даннымъ". Такое выраженіе можетъ дать поводъ къ невѣрному пониманію процесса. Какъ видно изъ моего выясненія, тутъ не происходитъ никакого *рѣшенія* [1]) пропорціи, и вовсе нѣтъ *трехъ* данныхъ; но въ силу *многихъ* упражненій образуется *привычка* къ извѣстнымъ *отношеніямъ*, напр. **во**гонь : **о**гонь... Слово „**во**вторникъ", будучи услышано, въ силу извѣстнаго намъ сходства можетъ присоединиться къ этой группѣ, и вотъ возникаетъ произношеніе „овторникъ" (въ тотъ моментъ, когда доведется произнести это слово), но возникаетъ безъ рѣшенія какой бы то ни было пропорціи.

Читатель можетъ спросить: такія выраженія, какъ „вовторникъ"... могли бы ассоціироваться со словомъ „второй", а потому разложиться на *во-вторникъ*...,—отчего же не произошло такой ассоціаціи? Припомню читателю, что родственныя слова могутъ во времени *расходиться* относительно значенія. Такъ, слово „вовторникъ" можетъ уже не соединяться съ представленіемъ о томъ, что рѣчь идетъ *о второмъ* днѣ недѣли (ср. подушка). Отсюда, такія выраженія, какъ „вовторникъ", и не ассоціировались со словомъ „второй"; потому-то слово „второй" не мѣшало возникновенію слова „овторникъ".

---

[1]) «Рѣшеніе» предполагаетъ участіе *сознанія*, тогда какъ здѣсь процессъ происходитъ *безсознательно*.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о совпаденіи слова „вовторникъ“ съ такими, какъ „вогонь“. Въ предлогѣ **въ** гласный ъ (*й) въ такихъ соединеніяхъ, какъ **въ-огонь**, исчезъ; въ соединеніяхъ же, какъ **во**-вторникъ, развился въ **о**. Такимъ образомъ въ развитіи нашего предлога мы видимъ *расхожденіе, расходящееся движеніе* (дивергенцію):

въ
↙ ↘
в- во

При извѣстныхъ же условіяхъ, уже указанныхъ нами, происходитъ совпаденіе: **въ-огонь** || **во**-вторникъ. Хотя такое совпаденіе чисто внѣшнее—въ нашихъ словахъ **о** разнаго происхожденія (гетерогенно: въ одномъ случаѣ **о** принадлежитъ префиксу, въ другомъ же—имени)—но вѣдь не всѣ же говорящіе люди образованные или лингвисты, а потому такое совпаденіе и повело за собою возникновеніе слова „овторникъ“.

Съ точки зрѣнія *времени*, съ точки зрѣнія развитія языка, это явленіе мнѣ кажется наиболѣе подходящимъ назвать **переразложеніемъ** словъ, хотя въ сущности, съ точки зрѣнія *говорящихъ индивидуумовъ*, оно сводится къ разложенію словъ, которое мы уже разсмотрѣли въ самомъ началѣ.

Въ синтаксисѣ мы также встрѣчаемся съ явленіемъ *переразложенія*, именно—сложныхъ предложеній: слово, прежде принадлежавшее главному предложенію, съ теченіемъ времени является принадлежащимъ придаточному, напр.: та́къ что, потому́ что, та́къ какъ, между тѣмъ какъ, priúsquam, ánteqnam...

Библіографическія указанія. Кромѣ общихъ сочиненій по Введенію въ языковѣдѣніе, уже указывавшихся нами, по вопросамъ психологіи рѣчи см. еще статьи: Богородицкій В. О морфологической абсорпціи, Р. Ф. В. т VI (1884) стр. 58—92; Этюдъ по психологіи рѣчи, ibid. т. VIII (1882) стр. 134—145. Аппель К. О новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія, Р. Ф. В. т. VI (1881) стр. 93—142, 292—302.

17. Введеніе въ морфологію.

Наша рѣчь представляетъ сторону *звуковую* и сторону *значенія.*

Когда мы произносимъ какой-нибудь *звукъ*, то при этомъ происходитъ *сокращеніе мышечныхъ группъ* органа рѣчи, требующихся для произнесенія этого звука (такъ, для произнесенія звука *а* должны сократиться: группа выдыхательныхъ мышцъ, чтобы послать достаточно сильный токъ воздуха, мышцы гортани, сближающія и натягивающія голосовыя связки, мышцы мягкаго неба, приближающія его къ задней стѣнкѣ глотки, и мышцы, осаждающія нижнюю челюсть). Эта совокупность мышечныхъ сокращеній происходитъ *подъ вліяніемъ импульсовъ*, идущихъ изъ соотвѣтствующихъ группъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга черезъ посредство нервовъ, начинающихся въ головномъ мозгу и оканчивающихся въ этихъ мышцахъ. Работа (движенія) органовъ произношенія сопровождается *мышечнымъ чувствомъ* или *чувствомъ движенія* (Bewegungsgefühl). Чтобы составить себѣ нагляднѣе представленіе о мускульномъ (мышечномъ) чувствѣ, попробуйте произнести какой-нибудь непривычный для васъ звукъ, напр. произнесите *к* глубже, нежели вы обыкновенно произносите. Вы замѣчаете особое ощущеніе въ задней части языка, именно — напряженность въ ней. Ощущеніе это мы получаемъ собственно (черезъ посредство нервовъ) въ головномъ мозгу, но оно локализируется, переносится на мѣсто, послужившее источникомъ или причиною этого ощущенія. Такимъ образомъ произношеніе звука представляетъ *ассоціацію* (сочетаніе) *импуль-*

совъ, идущихъ изъ соотвѣтствующихъ группъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга, вызывающую сокращеніе соотвѣтствующихъ *мышечныхъ группъ органа рѣчи,* которое въ свою очередь возбуждаетъ въ головномъ мозгу соотвѣтствующую *ассоціацію мышечныхъ ощущеній.*

Движеніями органа рѣчи приводится въ колебаніе воздухъ; колебанія воздуха возбуждаютъ слуховой нервъ, и мы получаемъ ассоціацію *слуховыхъ ощущеній* отъ нашего собственнаго произношенія. Эта слуховая ассоціація вступаетъ въ связь съ ощущеніемъ мышечнымъ, полученнымъ отъ того же произношенія.

Когда мы произносимъ *слово,* изъ головнаго мозга идетъ *рядъ* импульсовъ, подъ вліяніемъ котораго происходитъ *послѣдовательное* сокращеніе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ, сопровождающееся *рядомъ* мышечныхъ ощущеній, съ которымъ ассоціируется *рядъ* слуховыхъ ощущеній или слуховой образъ слова.

Но наше произношеніе могутъ слушать и другія лица; разница при этомъ заключается въ томъ, что у *говорящаго* сочетается сторона звукопроизводства съ слышимой, между тѣмъ какъ у *слушающаго* принимаетъ участіе только послѣдняя (срв. стр. 79—80). Другими словами, у говорящаго совершается процессъ *моторно-сенсорный,* т. е. двигательно-ощущающій, тогда какъ у слушающаго только *сенсорный* (при этомъ у говорящаго сенсорный моментъ слагается изъ ощущеній не только слуховыхъ, но и мышечныхъ, у слушающаго же состоитъ только изъ слуховыхъ). Что касается мышечныхъ ощущеній, сопровождающихъ мышечныя работы при произношеніи, то благодаря привычкѣ (а таковая начинается еще съ дѣтства), говорящіе уже не сознаютъ этихъ своихъ ощущеній, а только слуховыя; такимъ образомъ моторно-сенсорный процессъ получаетъ теперь характеръ преимущественно моторнаго.

Къ сказанному нужно прибавить, что звуковой рядъ слова связанъ (ассоціированъ) въ нашемъ умѣ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ или понятіемъ (*значеніемъ*). Въ самомъ дѣлѣ, если намъ говорятъ слово на языкѣ совершенно для насъ неизвѣстномъ, то мы не можемъ понять этого слова, такъ какъ оно является въ такомъ случаѣ для нашего ума только рядомъ звуковъ, безъ значенія. Такимъ образомъ, са-

ми по себѣ звуковыя идеи не связаны съ объективнымъ міромъ, но въ качествѣ словъ они становятся символами нашихъ представленій и понятій. Обращаясь къ соотношенію названныхъ элементовъ у говорящаго и слушающаго, мы должны указать на слѣдующую разницу: у *говорящаго* мысль ведетъ слова (т. е. сначала появляется представленіе или понятіе, а потомъ уже произношеніе), у *слушающаго* наоборотъ процессъ идетъ отъ слышимыхъ звуковъ слова къ понятію.

Примѣчаніе. О смысловой сторонѣ мы должны еще замѣтить, что во время рѣчи самый предметъ или явленіе можетъ быть на-лицо, а можетъ и отсутствовать. Въ первомъ случаѣ, т. е. при наличности объекта, мы получаемъ представленіе болѣе индивидуальное и конкретное, во второмъ же—болѣе общее или родовое (напр. вотъ этотъ столъ и вообще столъ); однако и въ первомъ случаѣ образное представленіе въ ходѣ мысли легко смѣняется болѣе общимъ, т. е. какъ и во второмъ случаѣ. Пользуясь терминами нѣмецкой психологіи, мы можемъ выразиться, что въ первомъ случаѣ въ процессѣ доминируетъ *перцепція* (воспріятіе), процессъ же отнесенія частнаго представленія къ общему или понятію, требующій большей активности ума и большаго вниманія, извѣстенъ у нѣмецкихъ философовъ и психологовъ подъ именемъ *аперцепціи* (отъ франц. слова apercevoir).[1] Разница перцептивныхъ и аперцептивныхъ представленій имѣетъ значеніе для уясненія различія между *художественной* и *научной* мыслью, о чемъ будемъ говорить въ особомъ очеркѣ. Замѣтимъ еще, что вопросъ о соотношеніи между объективною реальностью и субъективнымъ представленіемъ является однимъ изъ основныхъ вопросовъ философской мысли, проходящимъ черезъ всю исторію философіи.

Разсмотримъ теперь *виды ассоціацій*, входящіе въ образованіе слова.

---

[1]) Отъ этого взгляда нѣсколько отличается воззрѣніе англійскихъ психологовъ, напр. Бэна, на тотъ же процессъ. По Бэну представленіе, получаемое отъ предмета вызываетъ по ассоціаціи сходства однородныя представленія, тогда какъ нѣмецкіе психологи учатъ, что воскресающее въ умѣ сходное понятіе какъ бы уподобляетъ себѣ данное представленіе и уже въ этомъ видѣ умъ получаетъ послѣднее въ сознаніи и понимаетъ (аперципируетъ). Легко замѣтить, что представители той и другой школы выдвигаютъ на первый планъ въ одномъ и томъ же процессѣ разные моменты: центръ тяжести у англійскихъ психологовъ падаетъ на начальный моментъ процесса, у нѣмецкихъ же на послѣдующій.

Мы знаемъ, что произношеніе каждаго *звука* рѣчи представляетъ ассоціацію импульсовъ, сопровождающуюся ассоціаціею мышечныхъ ощущеній, и соотвѣтствующую ассоціацію слуховыхъ ощущеній. Каждая изъ этихъ ассоціацій есть ассоціація *по смежности*, и притомъ *одновременная*. Связь между импульсами для произношенія и соотвѣтствующими мышечными ощущеніями носитъ характеръ *необходимости*: мышечныя ощущенія являются необходимыми спутниками движеній органовъ произношенія. Связь же между мышечными ощущеніями и слуховыми представляетъ *внѣшнюю* ассоціацію, вырабатывающуюся благодаря тому, что говорящій слышитъ свое собственное произношеніе.

Такъ какъ *слово* представляетъ рядъ звуковъ, то, стало быть, въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто ассоціація *по смежности* и притомъ въ смыслѣ *послѣдовательности*.

Наконецъ, звуковой рядъ слова ассоціируется *по смежности* со своимъ значеніемъ. Значеніе же, какъ увидимъ ниже, не есть нѣчто простое, но тоже—сложное, тоже—аггрегатъ ассоціацій, слагающійся изъ множества элементарныхъ представленій, которыя могутъ относиться не только къ окружающему міру дѣйствительности, но и къ нашимъ внутреннимъ состояніямъ.

Предложеніе—еще болѣе сложный аггрегатъ ассоціацій, нежели слово.

Нужно отмѣтить еще, говоря объ ассоціативной системѣ слова, различіе въ состояніи послѣдней во время рѣчи и при отсутствіи рѣчи: въ первомъ случаѣ элементы находятся въ движеніи, вызываясь по ассоціаціи, во второмъ же—въ состояніи связанности, хранясь, какъ образно выражаются нѣмецкіе психологи „въ темномъ пространствѣ безсознательнаго" (in dem dunkeln Raume des unbewussten).

Нервно-психическій процессъ движенія отъ понятія къ слову (по ассоціаціи смежности), и наоборотъ, требуетъ для себя нѣкотораго времени и нѣкоторой траты энергіи. Это ясно обнаруживаютъ наблюденія надъ лицами нервно-переутомленными: сильно переутомленному человѣку бываетъ трудно перевести свои мысли въ слова, равно какъ и слѣдить за содержаніемъ слушаемаго, при чемъ и самыя представленія мысли не имѣютъ достаточной ясности.

Все вышесказанное будетъ для насъ еще яснѣе, если мы представимъ себѣ, что каждый изъ разсмотрѣнныхъ элементовъ имѣетъ какъ бы свой особый уголокъ въ мозгу и эти уголки связаны между собою, а это допустить можно, такъ какъ въ мозгу между центрами дѣйствительно имѣются ассоціаціонные пути, которые, какъ и центры, при заболѣваніи мозга (напр. отъ сильнаго паденія головою или другихъ причинъ) могутъ повреждаться, вызывая тѣ или другія разстройства въ рѣчи. Такъ, напр., больной слышитъ произносимыя слова, и они возбуждаютъ въ немъ понятія, но самъ онъ сказать ничего не можетъ, такъ какъ у него путь отъ представленій или понятій къ центру произносимой рѣчи или этотъ послѣдній поврежденъ; другой больной, слыша произносимыя слова, не понимаетъ ихъ, подобно тому какъ мы не понимаемъ словъ, сказанныхъ намъ на неизвѣстномъ намъ языкѣ; и т. п. Ислѣдованіе такого рода заболѣваній рѣчи очень важно и для лингвиста: оно обнаруживаетъ, какъ въ ассоціативномъ аггрегатѣ слова могутъ выпадать нѣкоторые элементы, а это именно и доказываетъ сложный ассоціативный аггрегатъ слова и вообще рѣчи (между тѣмъ какъ для непосредственнаго чувства процессъ рѣчи сознается нами какъ простой) и помогаетъ разобраться въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ слагается наша рѣчь.

Примѣчаніе. Мы имѣли въ виду въ предъидущемъ рѣчь произносимую и слышимую; съ развитіемъ письменности къ этому прибавились еще *письмо* и *чтеніе* (въ первомъ изъ нихъ имѣютъ мѣсто двигательные импульсы къ правой рукѣ, а во второмъ—оптическія воспріятія, передающіяся затѣмъ рѣчевымъ центрамъ). Такимъ образомъ, устанавливаются новыя ассоціаціи для письма-чтенія, которыя присоединяются къ естественному ассоціативному аггрегату устной родной рѣчи; разница между грамотнымъ и безграмотнымъ—присутствіе или же отсутствіе цѣлой группы ассоціацій. Намъ кажется, существуетъ нѣкоторая генетическая связь, хотя и косвенная, между развитіемъ центровъ рѣчи и письма. Какъ извѣстно, кромѣ звуковой рѣчи человѣкъ пользуется еще менѣе совершеннымъ средствомъ для передачи своей мысли другому—*жестами*, которые теперь обычно присоединяются къ словесной рѣчи главнымъ образомъ при наличности эмоціональнаго момента, первоначально же, при крайней скудости звуковаго языка, имѣли широкое примѣненіе. Такъ какъ для жестикуляціи служила тогда вѣроятно, какъ и теперь, *правая рука*, получающая нервные импульсы изъ лѣваго полушарія большаго мозга, то въ послѣднемъ и развивался центръ

жестовой рѣчи, а это въ свою очередь дало толчокъ тому, что въ томъ же полушаріи (т. е. лѣвомъ) сталъ локализоваться и главный центръ словесной рѣчи (т. н. центръ Брока), почему въ патологическихъ случаяхъ потери рѣчи или афазіи и наблюдается поврежденіе извѣстнаго участка въ корѣ лѣваго полушарія большаго мозга (у лѣвшей же, привыкшихъ дѣйствовать лѣвой рукой, въ случаяхъ афазіи оказывается поврежденіе уже соотвѣтствующаго участка коры въ правомъ полушаріи большаго мозга). Такъ какъ жесты, съ развитіемъ звуковой рѣчи, уже не могли служить столь удобными символами для выраженія мысли, каковыми являются слова, то получили теперь лишь побочное значеніе, сопровождая и дополняя словесную рѣчь. Но та же правая рука, которая нѣкогда служила (отчасти еще и теперь продолжаетъ служить) для оптическаго языка жестовъ, нашла затѣмъ новое незамѣнимое примѣненіе и тоже для производства оптическихъ символовъ, хотя и особаго рода,—для цѣлей письма.

Если рядъ произносимыхъ звуковъ мы обобщимъ посредствомъ S (т. е. sonus=звукъ), а рядъ слышимыхъ звуковъ—посредствомъ 𝔖, то формула будетъ:

$$S+\mathfrak{S}.$$

Обозначивъ сторону значенія посредствомъ Σ (σημαίνω=означаю), мы можемъ представить картину слова слѣдующимъ образомъ:

$$\Sigma \begin{matrix} \times & S \\ & + \\ \times & \mathfrak{S} \end{matrix}$$

Однако этимъ еще не полно представляется картина слова. Хотя съ отдѣльными звуками слова не связывается никакого значенія, но звуковой рядъ слова можетъ разлагаться на части со значеніемъ (*части слова знаменательныя* или *морфологическія*, короче—*морфемы*): корень, префиксъ, суффиксъ, окончаніе, основу, напр.:

вы + хож + у — преф. кор. (основа) ок.

стол + ик + омъ — кор. суф. (ос.) ок.

хож + у — кор. (ос.) ок.

стол + омъ — кор. (ос.) ок.

Такимъ образомъ данная нами *формула слова* можетъ быть дополнена слѣдующимъ образомъ:

$$\Sigma \times \begin{matrix} S \\ + \\ \mathfrak{S} \end{matrix}$$

$$\overbrace{\underbrace{\text{Пр.} + \text{К.} + \text{Сф.}}_{\text{Ос.}} + \text{Ок.}}$$

Различіе корня и основы состоитъ въ томъ, что корень составляетъ основаніе въ цѣломъ гнѣздѣ словъ, основа же— въ флексійной системѣ (въ склоненіи, спряженіи) того или другаго слова. [1]) Корни вмѣстѣ съ соединенными съ ними префиксами и суффиксами, образуя основу слова или тему, служатъ для составленія *собственнаго значенія словъ*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показанія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ слова, распадаясь на основу и соединяющіяся съ нею окончанія, представляютъ сочетаніе *матеріальнаго* и *формальнаго* элементовъ: [2])

$$\underbrace{\text{Преф.} + \text{Кор.} + \text{Сф.}} + \text{Ок.}$$

Отдѣлъ *матеріальный* въ словѣ или основа. — Элементъ *формальный* въ словѣ.

Кромѣ словоизмѣненія или флексіи языкъ представляетъ еще явленіе словопроизводства. *Словопроизводство* касается морфемъ, образующихъ собственное значеніе слова, въ чемъ легко

[1]) Что касается *частицъ*, то по происхожденію своему онѣ представляютъ вообще «окостенѣвшія» флексійныя формы.

[2]) Основа словъ соотвѣтствуетъ реальному міру и въ этомъ смыслѣ является матеріальнымъ элементомъ слова, тогда какъ окончанія, служа для соединенія словъ въ предложеніе,—формальнымъ элементомъ. Въ этомъ вопросѣ лингвистика соприкасается съ областью философіи. Достаточно припомнить, что Кантъ въ своемъ философскомъ ученіи старался разобраться въ томъ, что̀ въ нашемъ умѣ получается отъ реальнаго міра и что̀ привносится нашимъ умомъ.

убѣдиться на любомъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, положимъ

сил-а<*сил͡-ач*
сил͡-ач-а́.

Во взятомъ нами примѣрѣ собственное значеніе производящаго имени—извѣстное качество; отъ него произведено сущ. муж., составленное изъ основы производящаго + суф. *ач* и представляющее уже новое собственное значеніе: оно обозначаетъ лицо, обладающее въ большей степени тѣмъ качествомъ, которое обозначено производящимъ именемъ. Если окончанія мы назовемъ *формальными* элементами словъ, то суффиксы и префиксы, какъ элементы, служащіе для словопроизводства, т. е. для полученія новыхъ собственныхъ значеній, можно было бы назвать *матеріально-формальными*. Къ словообразованію принадлежатъ еще разнаго рода *словосложенія*.

Говоря о морфологическихъ частяхъ слова, нужно упомянуть объ употребленіи *предлоговъ въ соединеніи съ падежными формами*:

> «Предлоги, сочетающіеся съ косвенными падежами, составляютъ почти такую же неразрывную часть этихъ падежей, какъ, напримѣръ, флексійныя окончанія». [1])

Что сочетанія предлоговъ съ падежными формами чувствуются какъ цѣльныя слова,—это доказываютъ, между прочимъ, написанія малограмотныхъ, напр. *просалдачину*, *надругойжа*, *наваша* (на ваше)... [2])

Разсматривая звуковую сторону морфологическихъ частей, нужно представлять себѣ произношеніе ихъ возможно ближе къ дѣйствительности и не смѣшивать произношеніе съ правописаніемъ, такъ какъ въ послѣднемъ нѣкоторыя особенности произношенія не обозначаются.

---

[1]) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Глоттологическія (лингвистическія замѣтки, выпускъ I, 1877 (отдѣльн. отт. изъ Филолог. Запис.) стр. 31.

[2]) Во французскомъ языкѣ падежныя окончанія утратились и остались только предлоги въ роли окончаній, напр. la table (столъ): de la table, à la table.

Обративъ вниманіе на звуковую сторону морфологическихъ частей, мы находимъ *фонетическія разновидности* морфологическихъ частей при одномъ и томъ же значеніи, вызванныя фонетическими причинами. Напр:

1. Разновидности *корня* (resp. *основы*):
   го́дӑ (го́да) || *гӑда́* (года̀).
2. Разновидности *префикса*:
   за́дъл (задалъ) || *зъдана́* (задана).
3. Разновидности *суффикса*:
   зва̊н*а́р'* (звонарь) || п'ѣ́к*ър'* (пекарь).
4. Разновидности *окончанія*:
   рук*а́м* (рукамъ) || па́лк*ъм* (палкамъ).

Разсматривая семазіологическую сторону (т. е. сторону значенія) морфологическихъ частей, мы замѣчаемъ *семазіологическія разновидности* морфологическихъ частей при одномъ и томъ же звуковомъ составѣ, получившіяся благодаря развитію значенія. Напр.:

1. Разновидности *корня* (resp. *основы*):
   верста (мѣра разст.) || *верста* (возрастъ).
2. Разновидности *префикса*:
   *под*бѣжать || *под*смѣяться.
3. Разновидности *суффикса*:
   дѣ*лецъ* || ла*рецъ*.
4. Разновидности *окончанія*:
   стол*а* (ножка стола) || стол*а* (лишиться стола).

Разсматривая ассоціативный составъ слова, мы говорили только объ ассоціаціяхъ по *смежности*. Но вѣдь намъ приходится одни и тѣ же слова произносить и слышать не по одному только разу. Благодаря *повторенію*, происходитъ ассоціація *по сходству* или *по сродству* съ прежними идеями. При этомъ кромѣ ассоціаціи въ силу *полнаго* сходства или тожества можетъ быть ассоціація *частнаго* сходства или сходства въ различіи. Такъ, при произнесеніи или же слышаніи родственныхъ словъ происходитъ ассоціація по сход-

ству общей морфологической части, [1]) тогда какъ первый видъ ассоціаціи имѣетъ мѣсто при повтореніи того же слова.

Отдѣльныя ассоціаціи по смежности и сходству, соединяясь между собою, образуютъ *сложныя ассоціаціи*. Такимъ путемъ образуются въ умѣ *морфологическія системы* (склоненія, спряженія, словопроизводство и т. д.). При образованіи морфологическихъ системъ, въ нашемъ умѣ образуются ассоціаціи *отношеній* между родственными формами этихъ системъ, ассоціаціи *звуковыхъ соотвѣтствій* въ этихъ формахъ. Такъ, напр., образованія н'эсу́ || н'эс'о́ш, в'эду́ || в'эд'о́ш, п'эку́ || п'эч'о́ш и т. д. находятся другъ къ другу, между прочимъ, въ слѣдующемъ *отношеніи*: въ одномъ случаѣ имѣется окончаніе -о́ш съ предъидущимъ мягкимъ *с*, мягкимъ *д*, мягкимъ *ч*..., въ другомъ же случаѣ—окончаніе -у́, уложеніе котораго начинается отъ уложенія твердаго *с*, твердаго *д*, твердаго *к*... Такимъ образомъ въ умѣ возникаетъ ассоціація такихъ *соотвѣтствій звуковъ*, какъ с || с', д || д', к || ч' и пр., которыя свойственны даннымъ образованіямъ.

Слова по сходству морфологическихъ системъ группируются въ *части рѣчи*. Но при этомъ играетъ роль не одна формальная сторона, но и сторона значенія; ср. напр. слово „богатый": по формѣ и флексіи оно—прилагательное, тогда какъ по значенію можетъ быть и существительнымъ.

Вообще надо сказать, что процессъ ассоціаціи по сходству настолько существенъ и постояненъ въ нашей умственной жизни, что мы можемъ считать его необходимымъ условіемъ мышленія и полагать, что наша мысль, начиная отъ простѣйшихъ своихъ элементовъ и доходя до наиболѣе сложныхъ комбинацій (законъ однородности мысли), работаетъ путемъ нахожденія сходствъ между явленіями. Благодаря свойству ума ассоціировать по сходству, умственный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языковой матеріалъ не является въ видѣ хаоса, но располагается въ группы, другими словами—*классифицируется*.

---

[1]) Слова, какъ мы видѣли, могутъ быть родственны по основѣ, корню, префиксу, суффиксу и окончанію, а слѣдовательно и ассоціируются въ умѣ по частному сходству этихъ морфологическихъ или знаменательныхъ частей (напр. *вы*ношу, *вы*ходи и т. п.).

Я представилъ въ общихъ чертахъ картину слова. Но въ ней не достаетъ выясненія того, какъ мы научаемся своему родному языку, а потому для болѣе полнаго пониманія явленій рѣчи необходимо изученіе *постепеннаго пріобрѣтенія рѣчи, начиная съ дѣтства.*

На первыхъ порахъ ребенокъ издаетъ крики или подъ вліяніемъ какихъ-нибудь болѣзненныхъ ощущеній, или вслѣдствіе наплыва энергіи при бодромъ состояніи организма (движенія органовъ произношенія при этихъ крикахъ подобны движеніямъ другихъ органовъ, напр. ногъ, рукъ, происходящимъ подъ вліяніемъ тѣхъ же состояній организма ребенка). Благодаря *памяти,* эти движенія органовъ произношенія не пропадаютъ безслѣдно: сопутствующія имъ мышечныя ощущенія мало по малу запоминаются въ ассоціаціи съ соотвѣтствующими звуками отъ собственнаго произношенія. Указанныя работы органовъ произношенія служатъ *подготовкой* къ настоящему произношенію, и вотъ какимъ образомъ.

Слыша произношеніе другихъ, ребенокъ стремится подражать этому произношенію. Слухъ даетъ ему типъ того, что должно быть выполнено, и вотъ, благодаря предшествовавшему опыту, ребенокъ производитъ рядъ *попытокъ,* пока не будетъ достигнуто соотвѣтствіе съ типомъ. [1]) Ребенокъ тогда испытываетъ *удовольствіе,* которое способствуетъ удержанію въ памяти сдѣланнаго пріобрѣтенія.

Слова ребенокъ усваиваетъ не просто какъ звуковые ряды, но въ ассоціаціи съ соотвѣтствующимъ *значеніемъ.* Когда ребенокъ учится говорить, то ему показываютъ тотъ или другой предметъ и при этомъ называютъ его. Ребенокъ получаетъ отъ предмета рядъ разнообразныхъ *ощущеній*—зрительныхъ (цвѣтъ предмета, его фигура и пр.), осязательныхъ и т. д. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго опыта, къ этимъ ощущеніямъ присоединяются новыя. На основаніи ощущеній въ умѣ ребенка образуется *представленіе* предмета. Но въ умѣ ребенка образуются представленія и отъ другихъ такихъ же предметовъ и такъ же называющихся. Изъ качествъ

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, только при опредѣленномъ уложеніи полости рта и другихъ частей говорильнаго аппарата возможно данное произнесеніе звука; поэтому ребенку нужно научиться такимъ укладамъ, что достигается конечно не разомъ, но лишь постепенно.

общихъ всѣмъ этимъ представленіямъ въ умѣ вырабатывается общее *понятіе*. Понятія тоже развиваются. Изъ представленій и понятій образуется и развивается знаніе. Такимъ образомъ, наши представленія и понятія, обозначаемыя тѣми или другими словами, измѣнчивы: мы получаемъ новыя ощущенія, въ нашемъ умѣ происходятъ новыя ассоціаціи между представленіями, представленія и понятія то являются болѣе ясными, то становятся смутнѣе и т. п. Легко понять, что представленія и понятія, называемыя разными лицами одинаковыми словами, не тожественны, что у дѣтей слова обозначаютъ не то, что тѣ же слова обозначаютъ у взрослыхъ. Благодаря повторенію, представленія и понятія тѣснѣе связываются со своими названіями, образуя крѣпко связанное цѣлое.

Попробуемъ теперь объяснить, какимъ путемъ съ дѣтства въ умѣ говорящихъ образуются *морфологическія части словъ*.

Предположимъ, ребенокъ слышитъ какую-нибудь форму. Онъ воспринимаетъ при этомъ рядъ слуховыхъ ощущеній въ связи съ нѣкоторымъ значеніемъ Когда онъ слышитъ ту же форму другаго слова, онъ опять воспринимаетъ рядъ слуховыхъ ощущеній въ связи съ значеніемъ. Этотъ новый рядъ слуховыхъ ощущеній и его значеніе, благодаря нѣкоторому сходству, связываются съ предъидущимъ звуковымъ рядомъ и его значеніемъ. Слыша ту же форму новаго слова, онъ опять воспринимаетъ ассоціацію слуховыхъ ощущеній по смежности въ связи съ значеніемъ. Сходные элементы новаго и прежнихъ воспріятій ассоціируются между собою по сходству, и т. д. Благодаря повторенію, сходная звуковая часть и соотвѣтствующая идея значенія постепенно усиливаются и, такъ сказать, выдвигаются, и между ними возникаетъ и устанавливается связь по смежности. [1])

Изобразимъ графически описанный нами процессъ (посредствомъ A обозначимъ сходную звуковую часть нашихъ формъ, соединяющуюся съ несходными частями B, C, D; пусть α обозначаетъ сходную идею значенія, соединяющуюся съ несходными β, γ, δ; знакъ $=$ выражаетъ ассоціацію сходства, а знакъ $+$ ассоціацію смежности):

---

[1]) Напр. *вы*даю, *вы*носи, *вы*водили и т. д.

A + B
||
A + C
||
A + D
\+
α + β
||
α + γ
||
α + δ

Слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ усвоеніемъ слышимаго происходитъ у ребенка *творческая дѣятельность*, — ребенокъ самъ создаетъ, на основаніи пріобрѣтеннаго, новыя образованія. Понятно, что между подобными *новообразованіями* ребенка будутъ и ошибочныя.

Мало по малу, путемъ упражненія, дитя привыкаетъ къ рѣчи настолько, что она получаетъ характеръ *автоматичности*. Въ самомъ дѣлѣ, сначала вниманіе ребенка должно было останавливаться даже на отдѣльныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ, впослѣдствіи же онъ доходитъ до того, что достаточно появиться въ его умѣ мысли, какъ она будто сама собою выражается словами, при чемъ то, что раньше требовало *вниманія*, теперь совершается *безсознательно*. Такимъ образомъ у насъ вырабатывается какъ бы *механизмъ* рѣчи. Вотъ какъ Гёте изображаетъ механизмъ мышленія (что̀ можно примѣнить и къ механизму рѣчи):

Zwar ist's mit der Gedanken-Fabrik,
Wie mit einem Weber-Meisterstück,
Wo ein Tritt tausend Fäden regt,
Die Schifflein herüber hinüber schiessen,
Die Fäden ungesehen fliessen. [1])

Обратимся къ измѣненію *звуковой* стороны словъ въ ходѣ времени и разсмотримъ для примѣра возникновеніе фонетической разновидности корня и вмѣстѣ основы въ такихъ словахъ, какъ

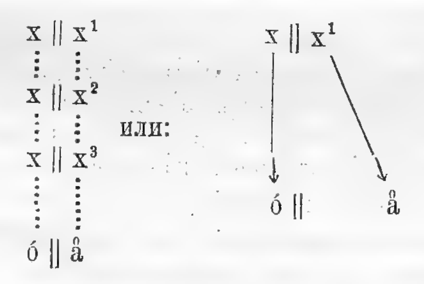
го́дă = га̊да́.

Нужно сказать, что, замѣтивши извѣстное чередованіе, мы склонны видѣть въ немъ *актъ превращенія* одного звука въ другой. Ошибочно было бы думать, что въ моментъ рѣчи про-

---

[1]) т. е. Фабрику мысли можно сравнивать съ тканьемъ, гдѣ одинъ ударъ ногой приводитъ въ движеніе тысячи нитей, гдѣ челнокъ летаетъ впередъ и назадъ, а нити незримо сплетаются и образуютъ узоръ. (Изъ разговора Мефистофеля со студентомъ въ «Фаустѣ»).

исходитъ превращеніе ó въ å; чередованіе ó || å постепенно образовалось въ ходѣ времени при смѣнѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ генерацій. Въ самомъ началѣ разница между ударенымъ гласнымъ и соотвѣтствовавшимъ ему неудареннымъ была наименьшая, минимальная. До того времени, какъ разсматриваемый гласный явился въ разныхъ условіяхъ (въ ударяемой или же неударяемой части слова), онъ былъ однороденъ; съ возникновеніемъ же указаннаго различія условій онъ пересталъ быть однороднымъ, такъ что возникло нѣкоторое звуковое соотвѣтствіе, которое обозначимъ посредствомъ $x \parallel x^1$ [1]). Допустимъ (произвольно, для простоты), что первоначальный ударенный гласный въ теченіи времени болѣе или менѣе сохранялся; поэтому и для послѣдующаго времени мы будемъ его обозначать посредствомъ x. Соотвѣтствующій же первоначальный неударенный гласный постепенно подвигался впередъ по пути своего измѣненія; соотвѣтственно съ этимъ измѣнялось и отношеніе между нимъ и удареннымъ. Если рядъ стадій въ движеніи нашего неудареннаго гласнаго мы обозначимъ посредствомъ x^1, x^2, x^3.....å, то измѣненіе отношенія между нимъ и соотвѣтствующимъ удареннымъ графически можно представить слѣдующимъ образомъ:

Каждая послѣдующая ступень въ измѣненіи неудареннаго гласнаго есть развитіе непосредственно предшествующей, но никакъ не является превращеніемъ соотвѣтствующаго ударен-

[1]) Такое обозначеніе я взялъ потому, что мы лишены возможности заглянуть въ тотъ моментъ прошлаго, когда зародилось это соотвѣтствіе, а слѣдовательно и не можемъ непосредственно, безъ спеціальныхъ изслѣдованій, точно опредѣлить его.

наго.[1]) Разсматриваемый ударенный гласный не превращается въ неударенный, но существуетъ рядомъ съ неударенным.

Подобныя *чередованія звуковъ не суть фикціи, но дѣйствительно существуютъ въ умѣ говорящихъ*. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что я привыкъ къ такимъ соотвѣтствіямъ, какъ го́да || га̊дá, и что я въ первый разъ слышу слова до́ма, въ которомъ имѣется ударенный гласный *о́*, но я ни разу не слышалъ родственной формы да̊мá, въ которой имѣется соотвѣтствующій неударенный гласный. Я самъ создаю это слово, и что же? Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, я произношу а̊, очевидно, потому, что я *привыкъ* къ этому звуковому соотвѣтствію. Подобнаго созданія слова не могло бы произойти, если бы въ умѣ не образовалась *ассоціація* даннаго соотвѣтствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы органъ рѣчи не пріучился къ произнесенію звуковъ, образующихъ это соотвѣтствіе. Иностранныя слова необходимо заимствуются сообразно звукамъ и соотвѣтствіямъ звуковъ, свойственнымъ языку заимствующему (разумѣю простонародное заимствованіе словъ).

Въ словахъ можетъ измѣняться не только звуковая сторона, но и *значеніе*. Напр., представленіе движенія волнъ, въ силу нѣкотораго *сходства*, можетъ отожествиться въ умѣ съ представленіемъ движенія, напр., людей; а это послѣднее представленіе связано по *смежности* съ названіемъ „ходить". Значитъ, когда создавалось въ языкѣ выраженіе „волны ходятъ", то тутъ проявилось дѣйствіе двойной ассоціаціи—сходства и смежности; но такъ какъ ассоціація смежности между представленіемъ и названіемъ — явленіе постоянное въ языкѣ, то мы можемъ разсмотрѣнный случай развитія значенія отнести къ дѣйствію *ассоціаціи сходства*, какъ вообще при метафорахъ.

Подобный процессъ можетъ происходить и съ придаточными морфологическими частями; ср. подсмѣяться, подслужиться и т. д.

---

[1]) Иначе мы приходимъ къ нѣкоторымъ затрудненіямъ: 1) ударенное *о́* почему-то теперь превращается иначе, чѣмъ раньше, а кромѣ того—различно въ разныхъ говорахъ; 2) подобное же превращеніе въ устахъ говорящаго русскаго претерпѣваютъ при заимствованіи и звуки иностранныхъ языковъ; 3) слѣдуетъ допустить обоюдное превращеніе: о̆ можетъ превращаться въ а̊ и наоборотъ, ибо приходится производить отъ словъ, въ которыхъ имѣется неударенный гласный а̊, такія новыя слова, въ которыхъ долженъ явиться гласный ударенный.

Въ санскритѣ глаголъ váhāmi значитъ не только „веду, везу, тащу“, но также—„вѣю, теку“: примѣненіе обозначенія или названія извѣстнаго движенія къ вѣтру, рѣкѣ и т. п., по ассоціаціи сходства.

Скт. bhāráḥ означаетъ „ноша, бремя, грузъ“, а затѣмъ въ переносномъ смыслѣ—„тяжелая работа, трудъ“; здѣсь мы имѣемъ примѣръ обычнаго перехода въ значеніи отъ міра физическаго къ міру духовному.

Въ греческомъ слово *νέφος* значитъ „облако“, а въ переносномъ значеніи — „толпа, множество“ (напр. *Τρώων, ἀσπίδων*), тоже подъ вліяніемъ ассоціаціи сходства.

Такъ какъ представленія предметовъ, дѣйствій и пр. являются въ умѣ въ сочетаніи съ нѣкоторыми постоянно или обычно сопутствующими представленіями, то это обстоятельство является поводомъ къ перенесенію названія и на эти послѣднія, значитъ — подъ вліяніемъ *ассоціаціи смежности*. Такъ объясняется многозначность напр. слѣдующихъ санскритскихъ словъ:

vāháḥ *м.* „упряжное или верховое животное, лошадь, волъ (собственно — тотъ, кто везетъ), повозка; опредѣленная мѣра вмѣстимости; какъ названіе дѣйствія — тащеніе, ѣзда, теченіе“.

bhāráḥ *м.* „бремя, грузъ; опредѣленный вѣсъ“. Сначала слово обозначало всякій грузъ или тяжесть, а затѣмъ сверхъ того — опредѣленный грузъ среди другихъ; значитъ, тутъ переходъ отъ родоваго понятія къ болѣе спеціальному, индивидуализація или съуженіе значенія, т. е. подобно напр. русскимъ выраженіямъ: „беремя дровъ“, „возъ дровъ“, „телѣга ржи“ и т. п. [1])

К. jabh- и jambh- „раскрывать пасть для схватыванія, хватать, раздроблять, уничтожать“. Отсюда jámbhaḥ „зубъ (мн. жевательный снарядъ), пасть“, т. е. орудіе дѣй-

[1]) Основными значеніями глагольнаго корня *bhĕr-, къ которому восходитъ разсматриваемое существительное, являются — «брать, нести». Связь между этими дѣйствіями и развитіе значеній легко представить себѣ: брать, нести взятое. Изъ означенныхъ дѣйствій одно часто слѣдуетъ за другимъ; и вотъ для обозначенія другаго дѣйствія примѣняется то же названіе, которое служитъ для обозначенія перваго. Въ этомъ случаѣ факторомъ является *ассоціація смежности, въ смыслѣ послѣдовательности.*

ствія, „глотаніе“—названіе дѣйствія; jambhāḥ „раздробляющій, проглатывающій“, т. е. субъектъ дѣйствія. Слово получило, кромѣ того, переносное значеніе для зубчатыхъ предметовъ (уже по ассоціаціи сходства), ср. родственныя слова въ другихъ языкахъ: рус. *зубъ* (*мн.* зубы и зубья), греч. *γόμφος* „гвоздь деревянный или желѣзный, служащій для скрѣпы“ || *γομφίος* „коренной зубъ“, нѣм. *Kamm* „гребень“.

Къ случаямъ вліянія ассоціаціи *смежности* при развитіи значенія словъ принадлежатъ: чередованіе значеній мѣста и времени (ср. рус. тутъ и т. п.; скт. pūrvaḥ „передній, находящійся или стоящій передъ ч.-л.; предшествующій, прежній, бывшій“); названіе обитателей по занимаемой мѣстности, названіе предмета по дѣйствію (*δόσις*; пожертвованіе и т. п.), названіе предмета по имени города (балдахинъ, тиволи, фаянсъ) [1]) или народа (арабески) и пр.

Изъ приводившихся примѣровъ видимъ также, что въ развитіи значенія одного и того же слова могутъ принимать участіе оба вида ассоціаціи. Приведу еще нѣсколько примѣровъ:

Скт. ákšaḥ *м.* „ось экипажа; въ анатоміи — ключица, т. е. какъ кажущаяся ось маханія или вращенія рукой (по ассоціаціи *сходства*); опредѣленная мѣра длины, около сажени“ (первоначально какъ длина оси), срв. литов. ašìs *ж.* „ось экипажа; сажень дровъ“.

К. **stĕig-*; скт. tēj- „быть острымъ, острить“, tiktáḥ прич., а какъ прил. значитъ „горькій“, tigmáḥ „острый, горячій“, téjaḥ „блескъ“; греч. *στίζω* „колю“, *στικτός* „исколотый точками, пестрый“, *ὁ στιγμός* „уколъ“; лат. distinguo „отмѣчаю точками, испещряю, украшаю“, instinguo „побуждаю, подстрекаю“ (отс. instinctus), sti(g)mulus, stilus; рус. стегать, употребляющееся въ значеніяхъ—сѣчь и прошивать ткань; нѣм. stechen „колоть (напр. die Nadel hat

---

[1]) Слово «балдахинъ», фр. baldaquin, изъ итал. baldacchino, первоначально шелковая ткань изъ Багдада (Baldacco); «тиволи» вначалѣ собственное имя живописнаго городка, окруженнаго оливковыми рощами, близъ Рима, а затѣмъ это слово стало примѣняться для названія увеселительныхъ мѣстъ съ садомъ; «фаянсъ», франц. fayence, отъ имени итальянскаго города Фаэнцы (Faenza), откуда производство этого рода глиняныхъ издѣлій въ XVI в. перешло во Францію.

mich gestochen, т. е. игла уколола меня), жечь, печь, палить— о солнцѣ (die Sonne sticht)". Первоначально разсматриваемый корень, вѣроятно, имѣлъ смыслъ укалыванья, а затѣмъ—вслѣдствіе приравниванья къ этому впечатлѣнію температурнаго впечатлѣнія жара — нашъ корень получаетъ значеніе „жарить, палить", а также примѣняется для вкусоваго впечатлѣнія — „горькій"[1] (ср. въ русскомъ языкѣ „острый" — о вкусѣ),—все это въ силу ассоціаціи *сходства*; а такъ какъ весьма часто предметъ, издающій жаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ и блеститъ, то выработалось значеніе блеска, — по ассоціаціи *смежности*; послѣднее значеніе, т. е. блеска, затѣмъ можетъ получить метафорическое употребленіе,—по ассоціаціи *сходства*. Представленное развитіе значенія можно графически выразить слѣдующимъ образомъ (пользуясь знакомъ = для обозначенія ассоціаціи сходства, а знакомъ + для выраженія ассоціаціи смежности):

колоть = палить = быть горькимъ
+
блестѣть
(въ прямомъ и затѣмъ переносномъ смыслѣ)

Въ иныхъ случаяхъ приходится видѣть совмѣстное (одновременное) участіе обоихъ видовъ ассоціаціи—смежности и сходства; напр. употребленіе словъ какъ pars pro toto (ср. лат. axis *м.* „ось экипажа; поэт.=колесница", puppis *ж.* „корма; поэт.=корабль", и пр.). Очевидна связь между цѣлымъ и его частью, и весьма часто приписываемое цѣлому относится съ тѣмъ вмѣстѣ къ его частямъ. При указанномъ примѣненіи словъ играетъ роль смыслъ или значеніе цѣлаго предложенія, въ которомъ возникаетъ такое примѣненіе слова; поэты въ особенности пользуются этимъ пріемомъ для ритма, или же для избѣжанія избитыхъ выраженій, ставшихъ мало выразительными для поэтическаго языка.

Развитіе значеній словъ или новыя примѣненія словъ являются вмѣстѣ съ ходомъ духовнаго и культурнаго развитія народа и могутъ представлять особенности отъ развитія тѣхъ же словъ въ родственныхъ языкахъ. Напр.:

---

[1]) Это русское слово находится въ родствѣ съ глаголомъ «горѣть».

φόρος (= скт. bhāráḥ) значитъ не только „бремя“ но также „дань, подать“. Послѣднее значеніе получилось уже въ зависимости отъ особаго хода культурнаго и соціально-политическаго развитія народа, въ направленіи спеціализаціи значенія, и это новое значеніе слова выработалось уже на почвѣ греческаго языка.

ἄ-κῡρος (= скт. çū́raḥ *м.* „герой“, зд. sūra- „сильный“) значитъ не только „безсильный“, но въ примѣненіи къ *νόμος* — „не имѣющій силы, недѣйствительный“. Здѣсь мы видимъ, какъ слово перенесено съ міра физическаго на міръ духовный, получивъ примѣненіе въ жизни юридической даннаго народа. Мы видимъ такимъ образомъ тѣсное отношеніе языка къ культурѣ или цивилизаціи, такъ какъ слова являются обозначеніями или словесными символами для явленій культуры и цивилизаціи. Возникающія явленія культуры и цивилизаціи нуждаются въ обозначеніи, и для этого изъ запаса словъ примѣняются по ассоціаціи смежности или сходства тѣ или другія слова, которыя покажутся наиболѣе подходящими. Такъ совершается развитіе значенія словъ въ языкѣ въ связи съ духовнымъ развитіемъ говорящаго этимъ языкомъ народа. Нужно прибавить, что для новыхъ обозначеній часто примѣняется не вполнѣ то же слово, но распространенное другими существующими въ языкѣ придаточными морфемами, соотвѣтственно оттѣнку значенія (ср. *под*свѣч*никъ*, *на*брюш*никъ* и т. п.). Вообще же не трудно замѣтить въ жизни языка ту замѣчательную *экономію силъ*, какая обнаруживается при нахожденіи словесныхъ символовъ для обозначенія новыхъ идей, возникающихъ по мѣрѣ бо̀льшаго знакомства съ міромъ и въ зависимости отъ развитія цивилизаціи. [1])

---

[1]) Развитіе значенія въ разныхъ языкахъ можетъ происходить не только въ разныхъ направленіяхъ, характерныхъ для отдѣльныхъ языковъ, но можетъ также и быть параллельнымъ (сходнымъ или даже тожественнымъ), какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго сопоставленія русскихъ словъ и выраженій съ иностранными: по-н-и-маю ‖ capiso (итал.), je comprends; со-судъ, судно и по-су́да ‖ le vaisseau и la vaisselle; силы въ обыкн. и военномъ смыслѣ ‖ les forces; гребень горъ ‖ la crête des monts; сестра милосердія ‖ la soeur de charité; терять голову ‖ perdre la tête; кур-о́къ ‖ der Hahn; от-дохнуть ‖ aufathmen; исходъ битвы ‖ der Ausgang einer Schlacht; глазомѣръ ‖ das Augenmass; легкомысліе ‖ der Leichtsinn, die Leichtsinnigkeit; впрочемъ ‖ übrigens; именно ‖ namentlich; глава семейства ‖ das Haupt der Familie;

Разсматривая, положимъ, слово „столикъ“, мы замѣчаемъ, что это названіе, въ своей цѣлости, ассоціируется съ представленіемъ нѣкотораго предмета, а кромѣ того разлагается на морфологическія части, тоже имѣющія значеніе. Въ данномъ случаѣ цѣлостное значеніе слова согласно съ значеніемъ морфологическихъ частей. Теперь представимъ себѣ слово, цѣлостное значеніе котораго измѣнилось, такъ что стало не согласно съ значеніемъ морфологическихъ частей (напр. „забыть“). А такъ какъ въ живой рѣчи играетъ преимущественную роль первое (т. е. цѣльное) значеніе, то, благодаря употребленію нашего слова въ рѣчи, болѣе и болѣе укрѣпляется ассоціація даннаго слова съ первымъ значеніемъ; значеніе же, связанное съ морфологическими частями слова, не соотвѣтствуя цѣлостному значенію, не вызывается. [1]) Разсмотрѣнное нами явленіе можетъ быть охарактеризовано какъ *потеря чутья морфологическаго состава словъ и превращеніе словъ въ простые символы или знаки представленій*, короче—*опрóщеніе словъ*.

1) Примѣры опрощенія *между корнемъ и префиксомъ*: подвигъ, воздухъ, забыть, намѣреніе, приличный, отличный, понурить, обязанность, понимать, востокъ, подушка, посуда, сосудъ, подолъ, поясъ, вкусъ, обоняніе, отверстіе, завтра и т. п.

Здѣсь такимъ образомъ мы видимъ возникновеніе въ языкѣ *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ префикса и корня: п о д в и г, в о з д у х, п о н и м, з а в т р и т. п.

т я ж к а я болѣзнь || die schwere Krankheit; б л е с т я щ і я мысли || glänzende Gedanken; ш л а молва || ging die Sage; и г р а т ь р о л ь въ прямомъ и переносномъ смыслѣ || eine Rolle spielen; и т. д. Конечно, въ рядѣ случаевъ сходство или параллелизмъ выраженій и метафоръ объясняется не самостоятельнымъ движеніемъ мысли въ разныхъ языкахъ, а переводомъ съ другаго языка (срв. ж е л ѣ з н а я д о р о г а || le chemin de fer, die Eisenbahn, но въ англійскомъ языкѣ другой терминъ—railroad, соб. рельсовая дорога, рельсовый путь; по свѣдѣніямъ изъ китайскаго и с т о ч н и к а || selon des nouvelles de source chinoise; с л у ж е б н а я депеша || la dépêche de service; и т. д.), — рѣшеніе вопросовъ о томъ или иномъ происхожденіи такихъ совпадающихъ съ другими языками выраженій относится къ области историческаго изученія даннаго языка.

[1]) Однако въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ основа слова съ сложнымъ морфологическимъ составомъ разлагается въ умѣ говорящихъ, напр. когда приходится производить или слышать новое слово.

Къ слову, въ которомъ произошло опрощеніе между префиксомъ и корнемъ, затѣмъ можетъ присоединиться еще одинъ (и даже два) новыхъ префикса, напр.: обезпечить, возненавидѣть, произойти, произнести, преуспѣвать, употреблять, успокоить, обезпокоить и т. п., а сочетаніе двухъ префиксовъ можетъ обособиться въ одинъ и дать такимъ образомъ начало *новому префиксу* въ языкѣ.

2) Примѣры опрощенія *между корнемъ и суффиксомъ*: кольцо (первоначально уменьшительное отъ слова „коло"— кругъ, колесо), палецъ, голикъ, палка, песокъ и т. п.

Здѣсь мы видимъ возникновеніе *новыхъ корней* на почвѣ прежнихъ корня и суффикса: кольц, палк, и т. п.

Слово, въ которомъ произошло опрощеніе между корнемъ и суффиксомъ, можетъ затѣмъ расширяться чрезъ присоединеніе новаго суффикса. Такъ, уменьшительныя имена, переставъ быть уменьшительными, могутъ образовать затѣмъ новыя уменьшительныя имена, напр. подушечка, колечко, пальчикъ, голичекъ, полочка и т. п. А это ведетъ къ возникновенію въ языкѣ *новыхъ суффиксовъ*: такія слова, какъ „подушечка", образуютъ одну группу уже по сходству суффикса *-ечка*, такія какъ „голичекъ"—по суффиксу *-ичекъ* и т. п. Такое наращеніе суффиксовъ можетъ идти еще далѣе. Новые суффиксы, образовавшіеся въ извѣстныхъ случаяхъ, затѣмъ могутъ получить *болѣе широкое распространеніе*, употребляясь для образованія словъ независимо отъ первоначальныхъ условій своего возникновенія, при чемъ съ ними можетъ соединиться новый оттѣнокъ значенія.

3) Примѣры опрощенія *между корнемъ и окончаніемъ*: хотя, пусть, небось, вѣдь, молъ, чуть, чать и т. п. Здѣсь мы встрѣчаемся съ возникновеніемъ *частицъ*, могущихъ затѣмъ лечь въ основу дальнѣйшихъ образованій (напр.: нынѣ<нынѣшній [1]), потомъ<потомство и т. п.). Вообще говоря, присоединеніе къ основѣ, сосредоточивающей въ себѣ собственное значеніе слова, того или другаго флексійнаго окончанія представляетъ собою проявленіе нѣкотораго творчества или *продукціи*; но есть слова, какъ напр. приведенныя частицы,

---

[1]) Знакомъ < я пользуюсь для обозначенія словопроизводства: отъ слова, стоящаго передъ знакомъ, произведено слово, поставленное за знакомъ.

которыя вслѣдствіе опрощенія не разлагаются уже на основу и окончаніе, а потому и *воспроизводятся по памяти* отъ перваго звука до послѣдняго или, что то же,—*репродуцируются.* [1])

Наше разсмотрѣніе опрощенія приводитъ насъ къ идеѣ, что необходимо разсматривать морфологическій составъ словъ, какъ онъ чувствуется въ *современномъ* языкѣ, т. е. статически, а затѣмъ нужно изслѣдовать морфологическіе элементы тѣхъ же словъ также съ точки зрѣнія *исторической.*

Разсматривая явленія ассоціацій, нужно обращать вниманіе на двѣ стороны, представляемыя ассоціаціями: 1) *состояніе связанности* идей, когда между ними образовалась связь или ассоціація (это, такъ сказать,—сторона статическая), 2) *вызываніе* въ силу этой связанности, когда появленіе въ умѣ одной идеи вызываетъ связанную съ нею другую (сторона динамическая). Когда мы разбирали ассоціативный составъ слова, то терминъ „ассоціація" мы употребляли въ первомъ смыслѣ. Теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію *вызываній по ассоціаціи,* происходящихъ въ этомъ сложномъ аггрегатѣ, при чемъ свое разсмотрѣніе начнемъ съ простѣйшихъ элементовъ этого аггрегата, переходя затѣмъ къ болѣе сложнымъ; вызываніе же можетъ быть не только *правильное,* а иногда и *ошибочное.* Соотвѣтственно сложности аггрегата вызыванія представляютъ большое разнообразіе.

Мы уже знаемъ, что въ *звукѣ* слѣдуетъ различать двѣ стороны: а) произнесеніе, б) слышаніе.

Съ точки зрѣнія *произнесенія* звукъ есть одновременная ассоціація по смежности двигательныхъ импульсовъ.

---

[1]) Примѣры опрощенія не трудно найти и въ другихъ языкахъ; срв. въ нѣм.: der Vor-fahr «предокъ», die Ab-sicht «намѣреніе», der Unter-gang «гибель», die Unter-hältung «разговоръ», bei-stehen «помогать», aus-gehen «сохнуть (о деревѣ)», er-fahren «узнать», ver-stehen «понимать», ent-setzen «привести въ ужасъ», ge-hören «принадлежать», auf-hören «переставать»; über-haupt «вообще», je-doch «однако», bis-weilen «иногда», so-gar «даже»; viel-leicht «можетъ быть», aller-dings «конечно», и т. д.; во франц.: beau-coup, maintenant...

Было уже выяснено выше, что къ двигательнымъ одновременнымъ ассоціаціямъ каждаго звука мы привыкаемъ лишь постепенно, благодаря упражненію; но въ концѣ концовъ каждая такая ассоціація образуетъ прочное сложное цѣлое и легко вызывается, даже если дана лишь часть ея элементовъ. Такимъ именно образомъ можно объяснить „лябіализацію" глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ, развившуюся въ нѣкоторыхъ аріо-европейскихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, при произнесеніи лябіальнаго гласнаго u имѣется съуженіе губъ + глубокое дѣйствіе задней части языка; при произнесеніи же глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ имѣлось тоже однородное дѣйствіе задней части языка, которое и вызываетъ соотвѣтствующее съуженіе губъ.

Хотя съ точки зрѣнія *слышанія* звукъ и является простою слуховою идеею, однако же идея эта слагается изъ одновременной ассоціаціи простѣйшихъ слуховыхъ ощущеній.

Попробуемъ уяснить себѣ нѣкоторыя явленія *ослышекъ*.

Возьмемъ для примѣра такой случай: вмѣсто фран. слова a*m*i послышалось русск. å*н*'і. Слуховыя ощущенія отъ звуковъ *м* (m) и *н* (n) кромѣ различія имѣютъ и сходство, между прочимъ — носовой оттѣнокъ. Обозначимъ сходную часть нашихъ звуковъ посредствомъ A, прочія же качества (несходныя) звука *м*—черезъ B, звука *н*—черезъ C. Такимъ образомъ въ цѣломъ слуховое ощущеніе одного звука выразится черезъ A + B, а другаго—черезъ A + C. У насъ есть привычка къ тому и другому слуховому комплексу. Представимъ себѣ, что, когда произносилось слово „ami", мы слушали не совсѣмъ внимательно, или же слово это было произнесено слишкомъ тихо, такъ что мы точно его не разслышали; предположимъ, что отъ звука *м* (m) намъ преимущественно послышался носовой оттѣнокъ, т. е. A; а такъ какъ мы привыкли его воспринимать въ ассоціаціи съ B или же C, то намъ можетъ послышаться либо тотъ, либо другой комплексъ. Въ данномъ случаѣ послышалось A + C, т. е. A вызвало C [1]).

---

[1]) Здѣсь нужно указать на возможное вліяніе значенія; звуки находятся въ *словѣ*, которое представляетъ кромѣ звуковой стороны также сторону значенія.

Процессъ, который мы разсматриваемъ, можно графически представить слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{array}{c} (B) \\ + \\ A = A \\ \rightarrow \\ \downarrow + \\ C \end{array}$$

Направленіе стрѣлки показываетъ ходъ вызыванія идей въ силу ассоціаціи сходства (=) или смежности (+).

Слово есть послѣдовательное сочетаніе по смежности звуковъ произносимыхъ или же слышимыхъ.

Когда мы *произносимъ* какое-нибудь слово, то при этомъ каждый предъидущій звукъ этого слова вызываетъ послѣдующій, что мы можемъ представить въ слѣдующей формулѣ:

$$\underrightarrow{a+b}\,\underrightarrow{+c}\,\underrightarrow{+d}\,\underrightarrow{+e}\,\underrightarrow{+f}.$$

Но вслѣдствіе привычки къ произнесенію словъ, звуковые ряды которыхъ объединяются значеніемъ, этотъ процессъ послѣдовательнаго вызыванія звуковъ нами не замѣчается, совершаясь автоматически. На этомъ основываются нѣкоторыя звуковыя явленія въ языкахъ, какъ напр. появленіе группы mb вм. b въ ново-греческомъ въ словахъ заимствованныхъ. Дѣло въ томъ, что въ природныхъ словахъ этого языка согласный b имѣется только въ соединеніи mb; вслѣдствіе же привычки къ такому соединенію, передъ согласнымъ b вызывается обычный его спутникъ m въ тѣхъ случаяхъ, когда заимствуемое слово должно было бы содержать простое b.

Обратимся къ слову, какъ *слышимому* ряду звуковъ. Предположимъ, мы привыкли къ ряду

$$\mathfrak{a}+\mathfrak{b}+\mathfrak{c}+\mathfrak{d}+\mathfrak{e}+\mathfrak{f},$$

но мы не дослышали, напр., двухъ послѣднихъ звуковъ. Въ силу привычки къ данному ряду звуковъ вызовутся и идеи двухъ послѣднихъ звуковъ.

Но вѣдь слово есть рядъ произносимыхъ или слышимыхъ звуковъ, связанный со *значеніемъ*. Такимъ образомъ мы перейдемъ теперь къ процессу вызыванія между значеніемъ и соотвѣтствующимъ звуковымъ комплексомъ, между тѣмъ какъ

раньше разсматривалось вызываніе между элементами слова просто какъ звуковаго комплекса (произносимаго или же слышимаго).

Обратимся сначала къ *произнесенію* знаменательныхъ словъ. Положимъ, мы воспринимаемъ какое-нибудь представленіе (Σ). Оно ассоціируется по сходству съ однородными прежними представленіями (Σ), а такъ какъ послѣднія ассоціированы по смежности со своимъ названіемъ (S), то, въ случаѣ надобности, вызывается и послѣднее; все это мы можемъ графически представить слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{array}{cc}\Sigma \rightleftarrows & \Sigma \\ \downarrow & + \\ & S\end{array}$$

Перейдемъ теперь къ *слышимымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *понимаемымъ* словамъ. Допустимъ, что мы слышимъ какое-нибудь слово ($\mathfrak{S}$); воспринятый нами рядъ звуковъ этого слова ассоціируется, въ силу сходства, съ такимъ же прежде слышаннымъ рядомъ, а послѣдній связанъ со значеніемъ, которое и вызывается:

$$\begin{array}{cc}\mathfrak{S} \rightleftarrows & \mathfrak{S} \\ \downarrow & + \\ & \Sigma\end{array}$$

Слово, служа символомъ представленія или понятія, разлагается на *морфологическія части.* Разсмотримъ по морфологическимъ частямъ изслѣдуемый нами процессъ вызыванія. Я уже говорилъ о *правильномъ* создаваніи формъ; здѣсь же я обращу вниманіе на случаи *ошибочнаго* вызыванія при создаваніи формъ и при томъ такіе, которые вслѣдствіе своей *приспособленности* къ языку, распространились и утвердились въ тѣхъ или другихъ народныхъ говорахъ, а нѣкоторые даже вошли и въ литературный языкъ; [1]) такимъ об-

---

[1]) Если литературному языку чужды многія образованія по аналогіи, встрѣчающіяся однако въ народныхъ говорахъ, то это объясняется тѣмъ, что нашъ народный языкъ по большей части почти не знаетъ письменности, отчего въ немъ нѣтъ и той сильной устойчивости въ формахъ, какая наблюдается въ языкѣ литературномъ, связанномъ письменностью и потому менѣе подверженномъ перемѣнамъ въ формахъ.

разомъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію явленій аналогіи, которыхъ мы уже и раньше касались не разъ и при томъ не только въ области языка, но также и письма. Здѣсь мы разгруппируемъ случаи аналогіи по морфологическимъ частямъ и кромѣ того укажемъ законъ зависимости образованій по аналогіи отъ звукового состава языка, а также нѣк. др. законы.

1) Въ *окончаніи*.

Примѣромъ могутъ служить такія образованія, какъ народн. „ка́ртыф" (Р. мн.). Спрашивается, какимъ образомъ могла возникнуть эта форма? Обратимъ вниманіе на то, что во многихъ словахъ мужескаго рода Р. мн. оканчивается при неударенности на *-ыф*, напр. спо́р*ыф* и т. д. (когда же удареніе падаетъ на окончаніе, то окончаніемъ является *-о́ф*). Подъ вліяніемъ такихъ случаевъ, съ звуковымъ комплексомъ *-ыф* ассоціировался по смежности оттѣнокъ Р. падежа мн. ч. въ случаяхъ неударяемаго окончанія. Отсюда, если въ умѣ говорящаго явится оттѣнокъ Род. падежа мн. ч., то при неударенности окончанія оттѣнокъ этотъ, въ *силу ассоціаціи*, легко можетъ вызвать окончаніе *-ыф* и въ такихъ словахъ, какъ „ка́рта". Такимъ путемъ и возникло произношеніе „ка́ртыф". Разсмотрѣнный нами процессъ можно графически представить слѣдующимъ образомъ:

И. з. [1]) → И. з.
+
-ыф

Направленіе стрѣлки показываетъ, что съ извѣстной идеей ассоціируется по *сходству* новая такая же идея, знакъ же + указываетъ, съ какими звуками (точнѣе—съ идеями какихъ звуковъ) ассоціирована по *смежности* такая идея.

Можно на данное объясненіе возразить, что это двѣ разныя системы склоненія: слово „карта"—женскаго рода и относится къ другому типу склоненія, нежели слова мужескаго рода, сходныя по ударенію (напр. споръ, заборъ, народъ, огородъ и т. п.); въ словахъ же системы, къ которой принадлежитъ слово „карта", Р. мн. имѣетъ свой особый падежный признакъ: слово оканчивается послѣднимъ соглас-

---

[1]) И. з. = *идея* извѣстнаго *значенія* (въ данномъ случаѣ оттѣнокъ Р. мн.).

нымъ основы (картъ). Однако разсматриваемыя нами системы склоненія, такъ сказать, заходятъ въ нѣкоторыхъ падежахъ одна въ другую. Сравните Пр. ед., И. мн., а также Д., Тв. и Пр. мн.; эти падежи образуются совершенно сходно въ той и другой системѣ. Это сходство и служитъ мостомъ для перехода словъ изъ одной системы въ другую. Такимъ образомъ, *если одна система склоненія, спряженія и т. п. становится сходной въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ другой системой, то возможно, что это сходство распространится и на другіе случаи.* Но вѣдь между нашими системами кромѣ сходныхъ пунктовъ имѣются и несходные, напр. окончанія прочихъ падежей. *Чѣмъ больше пунктовъ сходства и чѣмъ меньше пунктовъ несходства, тѣмъ благопріятнѣе условія для перехода изъ одной группы въ другую.* Пункты сходства *помогаютъ* такому переходу, пункты различія *препятствуютъ*; отъ преобладанія въ моментъ рѣчи тѣхъ или же другихъ и зависитъ то, совершится ли, или же не совершится подобный переходъ. Ясно, что *если нѣтъ никакого сходства, а только различіе, то переходъ изъ одной группы въ другую невозможенъ.*

Примѣняя общеупотребительное выраженіе къ разсмотрѣнному нами случаю, мы можемъ сказать, что форма *кáртыф* возникла по аналогіи къ такимъ словамъ, какъ *спóрыф* и т. п. Впрочемъ, психическіе процессы рѣчи въ современной лингвистической литературѣ встрѣчаются подъ весьма разнообразными названіями, подъ-часъ крайне мудреными. Однако дѣло не въ изобиліи названій, а въ глубокомъ разсмотрѣніи явленій. Въ самомъ дѣлѣ, къ сколькимъ еще вопросамъ могло бы насъ повести болѣе глубокое разсмотрѣніе образованія *кáртыф*! Тотъ же процессъ аналогическаго распространенія происходитъ и между *другими группами*, но только *неравномѣрно*, такъ какъ число пунктовъ сходства и различія не одно и то же въ разныхъ группахъ и такъ какъ группы эти имѣютъ разнообразную силу по числу словъ, принадлежащихъ къ нимъ, по частотѣ употребленія этихъ словъ и т. п. (это даетъ поводъ и въ изслѣдованіе психическихъ явленій рѣчи вводить вычисленіе). Кромѣ того, такъ какъ аналогическія образованія въ разныхъ группахъ словъ происходятъ неравномѣрно, то мы можемъ слѣдить за *послѣдовательнымъ ходомъ* такихъ образованій. Далѣе, ходъ аналогическихъ обра-

зованій совершается неравномѣрно въ пространствѣ,—предъ нашими глазами открывается обширное поле для изслѣдованія разнообразнаго распредѣленія явленій аналогіи по говорамъ.

2) Въ *суффиксѣ*.

Произносятъ „огон’*о́*ч’эк“, хотя бы слѣдовало ожидать „огон’э́ч’эк“, такъ какъ *е* не могло измѣниться въ *о* передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ. Другое дѣло въ производящемъ имени „огон’*о́к*“, гдѣ *е* должно было измѣниться въ *о* при удареніи и слѣдующемъ твердомъ согласномъ. Вслѣдствіе этого измѣненія слово „огон’*о́к*“ совпало по суффиксу съ такими словами, какъ „кус*о́к*“, и подобно имъ образовало уменьшительное „огон’*о́ч’эк*“, т. е. съ гласнымъ *о* въ суффиксѣ. Другіе примѣры: „кул’*о́ч’эк*“, „вал’*о́ч’эк*“ и т. п.

3) Въ *префиксѣ*.

Префиксы *воз*, *из*, *раз* не имѣли въ концѣ ъ, какъ заставляетъ думать разсмотрѣніе языка старо-славянскаго и сравненіе съ литовскимъ, а потому и нельзя для нихъ ожидать формы *взо*, *изо*, *разо*. Если же наши префиксы встрѣчаются въ этой послѣдней формѣ, то это, можно думать, произошло по аналогіи съ другими префиксами, имѣвшими въ концѣ ъ, напр. *надъ* (надъ) и т. п.

4) Въ *корнѣ* resp. *основѣ*.

Вмѣсто „п’эч’о́т“ можно слышать произношеніе „п’э*к’*о́т“. Эта послѣдняя форма возникла по аналогіи къ родственному спряженію не на задне-язычный согласный, напр. н’эсу́. Какъ для н’эсу́ – н’э*с’*о́т, такъ и для п’э*к*у́ образуется форма п’э*к’*о́т, т. е. съ соотвѣтствующимъ мягкимъ согласнымъ.

Въ старо-славянскомъ языкѣ такого аналогическаго образованія не было, да и не могло быть. Въ самомъ дѣлѣ, *для возникновенія по аналогіи какой бы то ни было формы необходимо, чтобы элементы существовали въ языкѣ*. Между тѣмъ старо-славянскому языку было совершенно чуждо сочетаніе кє. Это обстоятельство и дѣлало невозможнымъ появленіе такой формы, какъ пєкєть. Чтобы вполнѣ понять сказанное, пусть читатель припомнитъ, что мы только постепенно, путемъ долгихъ упражненій, научаемся совершенному произношенію звуковъ роднаго языка. Какъ же могли люди, гово-

рившіе старо-славянскимъ языкомъ, вдругъ безъ такихъ упражненій произнести звукосочетаніе, совершенно чуждое ихъ языку? Но вотъ въ русскомъ языкѣ, въ которомъ уже успѣли получить существованіе чередованія твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, т. е. п || п', т || т', с || с' и т. д., возникаетъ мягкое произношеніе *к'* благодаря тому, что сочетаніе *кы* измѣнилось постепенно въ *к'і*. Теперь уже стало возможно появленіе путемъ аналогіи такихъ формъ, какъ „п'эк'от", т. е.

н'æсý : н'єс'ôт=п'æкý : *x*

x = п'єк'ôт.

Обратимся теперь къ словамъ *слышимымъ и понимаемымъ* и разсмотримъ явленіе, которое нѣмецкіе ученые назвали народной этимологіей (Volksetymologie). [1])

Случается слышать произношеніе „небель" вм. „мебель".

Въ словѣ „мебель" содержится комплексъ звуковъ, совпадающій со звуками русскихъ словъ: *бѣль*, *бѣлить*, и т. п. Благодаря этому совпаденію, слово „мебель", будучи услышано, можетъ ассоціироваться со словами „бѣль", „бѣлить" и т. п. общею съ ними частью—*бель*.

Передъ частью *-бель* въ словѣ *мебель* имѣется часть *ме-*, для которой въ русскомъ языкѣ нѣтъ тожественной по звукамъ знаменательной части. Знаменательная часть *не-*, хотя не тожественна, но сходна по звукамъ. [2]) Поэтому она легко

---

[1]) Въ русской литературѣ имѣется уже рядъ изслѣдованій и замѣтокъ, посвященныхъ народной этимологіи: Крушевскій Н. Объ «аналогіи» и «народной этимологіи» въ Р. Ф. В. т. II (1879), при чемъ въ началѣ статьи указывается прежняя литература вопроса. Богородицкій В. Лингвистическія замѣтки, вып. I: О морфологической абсорпціи, 1881, глава IV. Анастасіевъ А. въ статьѣ «Морфологическій анализъ слова», Фил. Зап. 1885, № IV—V, стр. 20—22. Александровъ А. Литовскіе этюды I: Народная этимологія, въ Р. Ф. В. 1888, № 2. Савиновъ М. «Народная этимологія» на почвѣ языка русскаго, Р. Ф. В. 1889, № 1. Рыловъ Н. Очерки по изученію русскаго народнаго языка. I: Народная этимологія въ области сѣвернаго великорусскаго говора, 1892 г. (отт. изъ Уч. Зап. Каз. Унив.). Буличъ С. Церковно-славянскіе элементы, 1893, стр. 32—37.

[2] Въ самомъ дѣлѣ, звуки *н'* и *м'* различаются между собою тѣмъ, что одинъ — передне-язычный, другой же — губной; но ихъ сближаетъ то, что оба они носовые, мягкіе, а кромѣ того, за тѣмъ и другимъ слѣдуетъ узкое *é*; вотъ при какихъ условіяхъ вм. незнаменательнаго комплекса м'é могъ послышаться знаменательный комплексъ н'é-.

можетъ послышаться передъ *-бель*, отчего и возникаетъ слово *небель*.

И такъ, *слова заимствуются не только сообразно звукамъ и сочетаніямъ звуковъ, свойственнымъ тому языку, въ который они заимствуются, но также и сообразно съ морфологическими частями, имѣющимися въ языкѣ заимствующемъ.*

Процессъ этотъ совершается также относительно нѣкоторыхъ природныхъ словъ языка. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя природныя слова въ чутьѣ народа мало по малу становятся безродными. Слова же безродныя, будучи услышаны, могутъ восприняться не точно, въ формѣ иныхъ морфологическихъ частей, существующихъ въ языкѣ, и по звукамъ, и по смыслу (если возможно) близко подходящихъ къ этимъ словамъ. *Стремленіе осмыслить непонятное слово зиждется на привычкѣ къ знаменательности словъ.*

Изъ изложеннаго можно заключить, что процессъ, называемый народной этимологіей, слагается изъ нѣсколькихъ простѣйшихъ процессовъ, встрѣчающихся въ рѣчи не только совмѣстно, но и отдѣльно, или же въ частичной комбинаціи, въ зависимости отъ чего конечно и общій характеръ процесса видоизмѣняется. Вотъ эти простѣйшіе процессы:

1) *Акустическая субституція звуковъ* или, говоря иначе, замѣна одного звука (звукоощущенія) сходнымъ другимъ. Сюда относятся ослышки, послѣдовательность которыхъ позволяетъ добывать законы ослышекъ.[1]) Ошибочно заслышанное слово можетъ, при недостаточности образованія, утвердиться въ рѣчи индивидуума и затѣмъ даже получить нѣсколько бо̀льшую распространенность и стать такимъ образомъ вмѣсто спорадическаго явленія болѣе общимъ. При заимствованіи иностранныхъ словъ, особенно простонародномъ, происходитъ субституція системы звуковъ одного языка системою соотвѣтствующихъ звуковъ другаго языка.

---

[1] Можно производить опыты съ цѣлью болѣе точной постановки изслѣдованія: изслѣдователь долженъ разсмотрѣть свое собственное произношеніе сравнительно съ произношеніемъ наблюдаемаго индивидуума (необразованнаго); въ разговорахъ съ послѣднимъ онъ употребляетъ иностранныя слова и замѣчаетъ, въ какомъ видѣ тотъ ихъ воспринимаетъ.

2) *Морфологизація* или приданіе знакомаго морфологическаго состава чуждому слову всему, или же только части его матеріальной resp. формальной, напр. *не*-бель, *не*-крутъ; морфологизація—особый видъ морфологическаго переразложенія или абсорпціи. Въ Чебоксарахъ Казанской губ. мнѣ встрѣтилось произношеніе „дифтер*икъ*" вм. „дифтеритъ": тутъ тоже не просто замѣна одного звука другимъ (именно глухаго взрывнаго согласнаго *т* черезъ *к*), но вмѣстѣ съ тѣмъ подстановка словопроизводственнаго элемента – суффикса, хотя чуждый корень остался безъ измѣненія. Иногда въ результатѣ получается подстановка другаго слова, какъ напр. въ нѣкоторыхъ былинахъ про Грознаго слово „Булатъ" вм. „Булакъ" (названіе рѣки):

Подкопъ подводилъ подъ Булатъ-рѣку. [1])

3) *Семазіологизація* или осмысленіе, толкованіе слова. Этотъ процессъ наступаетъ въ томъ случаѣ, когда заслышано слово, значеніе же его неизвѣстно, и вотъ дѣлается попытка самостоятельно вывести значеніе этого слова на основаніи кажущагося его морфологическаго состава. Для иллюстраціи приведу воспоминаніе изъ своего дѣтства: въ разговорахъ я слышалъ слово „полиція" (напр. „взять въ полицію" и т. п.), но ни разу не видѣлъ полиціи, и у меня—помню хорошо—сложилось тогда представленіе о ней на основаніи созвучнаго слова „полица", такъ что, представляя себѣ полицію, я воображалъ себѣ домъ или комнату и непремѣнно „съ полицами" по стѣнамъ. Такъ я толковалъ себѣ слово „полиція", которое не имѣло въ моемъ умѣ достаточной конкретности, посредствомъ созвучнаго слова, близко мнѣ знакомаго и, слѣд., имѣвшаго въ моемъ умѣ полную конкретность.—Еще примѣръ. Полонскій въ своихъ Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ разсказываетъ изъ дѣтства послѣдняго, какъ послѣ обѣдни маленькій Тургеневъ сообщилъ за столомъ, что онъ знаетъ, какъ зовутъ дьявола: его зовутъ Мемомъ. На вопросъ, откуда это стало ему извѣстно, онъ пояснилъ, что въ церкви дьяконъ говоритъ: „вонъ, Мемъ!" (т. е. вонмемъ), а кого же онъ ста-

---

[1]) Сбор. Кирѣев. вып. VI, стр. 62 (ср. тамъ же стр. 8).

нетъ гнать, какъ не дьявола. [1])—Пироговъ въ своемъ Дневникѣ стараго врача передаетъ разсказъ объ одномъ эстонскомъ крестьянинѣ, который, услыхавъ о томъ, что деньги можно „класть въ *ростъ*“ и получать годовые проценты, закопалъ свои деньги въ землю. Вырывъ ихъ черезъ годъ и увидѣвъ, что они не прибавились, побѣжалъ къ судьѣ съ жалобой, что его обокрали: „меня увѣряли—говорилъ эстъ—что отложенныя деньги должны *рости* и прибавляться, почему же мои цѣлый годъ пролежали и ничего не выросли?“ [2]) Очевидно, что крестьянинъ, не зная, что значитъ „класть деньги въ ростъ“, истолковалъ это выраженіе въ прямомъ смыслѣ.—Подобнаго рода толкованія, разростаясь, могутъ дать въ народной словесности начало *легендамъ* и *миѳамъ*. Этимъ путемъ возникли также нѣкоторые *поговорки*, *примѣты*, *объясненія сновъ*, *заговоры*. Ср. „въ маѣ жениться — маяться“; „вино видѣть во снѣ—быть об*вин*еннымъ“; и т. п. Здѣсь мы видимъ генетическую связь между явленіями рѣчи и простѣйшими произведеніями словесности.

Явленія народной этимологіи относятся въ рядѣ случаевъ къ *моменту воспріятія* чуждыхъ словъ; но я считаю необходимымъ признать, что во многихъ случаяхъ они получаются въ *моментъ припоминанія* или репродукціи (воспроизведенія) словъ. Къ послѣдней категоріи я отношу напр. слово „адентъ“ вм. „студентъ“, записанное мною въ селѣ Охлѣбининѣ Уфимской губ. [3]) Многія сильныя искаженія въ словахъ могли произойти благодаря именно неточному воспоминанію. Разумѣется, въ цѣломъ рядѣ примѣровъ мы не въ состояніи рѣшить, слѣдуетъ ли отнести измѣненіе къ моменту воспріятія, или же репродукціи (ср. напр. *на*мастырь вм. монастырь, *млр. на*мисто вм. монисто и т. п.).

---

[1]) См. въ первыхъ номерахъ «Нивы» за 1885 г.; къ сожалѣнію теперь мнѣ не удалось достать журнала за этотъ годъ, такъ что я принужденъ передать разсказъ по памяти.

[2]) См. Сочиненія Н. И. Пирогова, т. I (1887) стр. 370—371.

[3]) Такъ припомнилъ это слово одинъ крестьянинъ, разсказывая, что у барина живетъ еще кто-то—«*адéнтъ*, кажись, называется». Быть можетъ, тутъ произошла при припоминаніи контаминація (смѣшеніе въ одно) двухъ словъ отчасти сходныхъ: сту*дéнтъ* и *агé*нтъ,—отъ перваго слова взятъ конецъ, а отъ втораго—начало.

Далѣе, можно признать, что явленія народной этимологіи происходятъ въ языкѣ вообще *безсознательно*. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленіе возникаетъ *сознательно, съ намѣреніемъ*. Одного мальчика сталъ сильно обижать студентъ академіи, и выведенный изъ терпѣнія мальчикъ наконецъ съ гнѣвомъ выкрикнулъ: „нѣтъ, ты не б о г о - с л о в ъ, а богъословъ". Къ категоріи сознательнаго этимологизированія нужно отнести и примѣръ у Лѣскова въ Соборянахъ: „я не а р и с т о к р а т ъ, чтобы на меня орать сто кратъ" (Сочиненія, I, 105), гдѣ мы встрѣчаемъ *юморъ на почвѣ заимствованныхъ словъ*, какъ особый случай народной этимологіи.

О народной этимологіи въ области *письма* было упомянуто въ своемъ мѣстѣ (стр. 144, сноска 2).

Въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ подъ народной этимологіей или народнымъ словопроизводствомъ чаще всего разумѣютъ процессъ въ смыслѣ с е м а з і о л о г и з а ц і и, но при этомъ обыкновенно заносятъ безъ разбору и слова двухъ другихъ процессовъ (акустической замѣны и морфологизаціи), вообще всѣ слова, въ которыхъ оказываются слишкомъ значительныя звуковыя уклоненія, при чемъ изслѣдователь произвольно приписываетъ такимъ словамъ то или другое народное толкованіе, не справившись, существуетъ ли это толкованіе въ дѣйствительности. Въ результатѣ получается не „народная" этимологія, а мнимо-народная этимологія самого ученаго. Приведу нѣсколько примѣровъ:

1) к а р а с и н вм. „керосинъ" — народная этимологія, какъ будто отъ „карась" (Крушевскій, l. c. стр. 115). Между тѣмъ случай можетъ получить фонетическое объясненіе: гармоническое уподобленіе слоговъ по гласному, кᵊрасúн→карасин.

2) и з в е с т ь (изъ греч. *ἄσβέστης*) — народная этимологія какъ бы *изъ + вѣсть* (Буличъ, l. c. стр. 35). Вторую часть слова авторъ принялъ даже съ буквою *ѣ*, хотя произношеніе родственнаго слова *известка* (jiз'в'óска) противорѣчитъ этому, онъ забылъ даже о двухъ другихъ корняхъ *вед-* и *вез-*, которые въ формѣ неопр. наклон. даютъ близко звучащіе комплексы; въ дѣйствительности, при наличности такихъ данныхъ, можетъ идти рѣчь лишь о морфологизаціи, о подстановкѣ префикса *из-* на мѣсто незнаменательнаго начальнаго слога ⁺аз- resp. ⁺оз-.

3) извяска діалектически вм. „известка“, какъ бы *изъ* и *вязкій* (ib.), и опять никакихъ доказательствъ; между тѣмъ такое произношеніе могло получиться фонетически въ акающихъ говорахъ сначала въ прил. „известко́вый“, гдѣ неударенное *е* измѣнилось въ *я*, а затѣмъ такое произношеніе по аналогіи распространилось и на производящее существ. [1])

4) Лиза (Елизавета) — отъ „лизать“ (Савиновъ, l. c., стр. 44), доказательствъ не приведено никакихъ. Между тѣмъ авторъ сильно усумнился бы въ справедливости своего измышленія, если бы обратился къ тому же слову въ иностранныхъ языкахъ, гдѣ уже нѣтъ соблазнительнаго для народной этимологіи слова „лизать“, напр. франц. Lise, нѣм. Lischen.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы побудить изслѣдователя къ большей осторожности при обращеніи съ факторомъ народной этимологіи. Конечно, доказательства могутъ быть и косвенныя, напр. относительно народнаго сближенія имени опричника Малюты съ созвучнымъ нарицательнымъ словомъ:

Выходитъ-выступаетъ *малая Малютка*, Скураткинъ-сынъ. [2])

Вообще, нужно выставить для изученія разсматриваемаго процесса слѣдующее методологическое правило: *изслѣдователь не долженъ фантазировать, говоря, что́ такое-то слово въ чутьѣ народа имѣетъ такое-то значеніе, но долженъ на самомъ дѣлѣ справляться съ народнымъ чутьемъ.*

Кромѣ ошибочной простонародной этимологіи могутъ быть случаи однороднаго процесса и у образованныхъ. Въ примѣръ можно привести изъ русскаго языка слово сальный въ смыслѣ „грязный, скверный“, заимствованное изъ французскаго (*sale* въ томъ же значеніи) и нерѣдко истолковывающееся говорящими въ связи съ русскимъ словомъ „сало“ (семазіологизація); затѣмъ, мы уже приводили (стр. 144, сн. 2)

---

[1]) На этомъ примѣрѣ убѣждаемся въ важности обращать вниманіе на *діалектологію* при изслѣдованіи случаевъ народной этимологіи и отмѣчать, въ какомъ именно говорѣ или говорахъ имѣетъ мѣсто обсуждаемый случай народной этимологіи.

[2]) Кирѣев. VI, стр. 56—57 (ср. также Гильф., 1873, стр. 112, въ былинѣ № 13).

слово палисадникъ, иногда ошибочно сближаемое въ чутьѣ съ русскимъ словомъ „садъ“ (семазiологизацiя), а въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ (напр. въ Брянскѣ) видоизмѣнившееся даже въ присадникъ (морфологизацiя). Укажемъ еще на общеевропейское слово миніатюра, франц. miniature и пр. (изъ итал. miniatura), являющееся въ европейскихъ языкахъ въ смыслѣ—маленькiй рисунокъ, подъ влiянiемъ созвучныхъ и хорошо знакомыхъ такихъ словъ, какъ лат. *minus*, итал. *minuare* „уменьшать“, франц. *diminuer* и т. п., тогда какъ въ дѣйствительности слово происходитъ отъ лат. *minium* (итал. *minio*) „сурикъ, киноварь“ и первоначально служило названiемъ разрисованной этою краскою первой буквы, украшавшей собою начало главы въ рукописи.

Въ заключенiе замѣчу еще, что художественные писатели уже давно обратили вниманiе на своеобразныя измѣненiя словъ иностранныхъ въ рѣчи необразованныхъ или же малообразованныхъ. Напр. у *Тургенева* въ разсказѣ „Малиновая вода“, написанномъ въ 1848 г.: ладеколонъ, кампельмейстеръ, щеколатъ, матреска — въ рѣчи бывшаго господскаго камердинера (т. II, стр. 39—40, изд. 1883 г.); у гр. *Л. Н. Толстаго* въ Севастопольскихъ разсказахъ; у *Лѣскова*, и др.

Библiографическiя указанiя. Для теорiи чередованiя звуковъ въ соотношенiи съ морфологiей: прежде всего напомню, что проф. Бодуэну-де-Куртенэ принадлежитъ та заслуга въ русской лингвистикѣ, что вмѣсто «переходовъ» звуковъ въ звуки онъ выдвинулъ на первый планъ «чередованiя» звуковъ, и этотъ вопросъ получилъ затѣмъ спецiальную разработку въ рядѣ изслѣдованiй, см. напр. Крушевскiй Н. В. Къ вопросу о гунѣ, Р. Ф. В. 1881 № 1 (тоже отд. отт.), стр. 3—19, или въ нѣмецкой передѣлкѣ этого подъ заглавiемъ Ueber die Lautabwechslung, von *N. Kruszewski* (1881); срв. мои критическiя замѣчанiя на взгляды Крушевскаго, въ Р. Ф. В. 1882 № 4 стр. 282—290; тамъ же на стр. 267—268 я разсматриваю вопросъ съ психологической стороны; Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Нѣкоторые отдѣлы «сравнительной грамматики» славянскихъ языковъ, Р. Ф. В. 1881 № 2 стр. 319—343 (въ отд. отт. стр. 55—79); кромѣ того, Бодуэнъ-де-Куртенэ разсматриваетъ чередованiя въ области русскаго языка въ сочиненiи—Отрывки изъ лекцiй по фонетикѣ и морфологiи русскаго языка, вып. I (1882) стр. 24—88 (отд. отт. изъ Фил. Зап.); Radloff W. Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den

Türksprachen (въ Abh. d. fünften Orient.-Congresses, 1881); Baudouin-de-Courtenay J. Próba teorji alternacyj fonetycznych (Kraków 1894) или въ нѣмецкой передѣлкѣ — Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik (Strassburg 1895). Богородицкій В. А. Общій курсъ русской грамматики (изъ университетскихъ чтеній), 1907², глава III, стр. 40—43.—Статьи по вопросу о постепенномъ пріобрѣтеніи рѣчи съ дѣтства нами указаны выше на стр. 77. Что касается морфологическихъ процессовъ, то упомянемъ, что первой по времени монографіей объ аналогіи является въ европейской лингвистикѣ слѣдующее изслѣдованіе: Baudouin de Courtenay J. Einige Fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination, 1868 г. (въ Beiträge zur vergl. Sprachforschung, B. VI, 1870, стр. 19—88). Литература по народной этимологіи приведена выше, на стр. 266. Вопросамъ значенія словъ въ русской лингвистической литературѣ посвященъ слѣдующій трудъ: Покровскій М. М. Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ. М. 1895. Китерманъ Б. Эмоціональный смыслъ слова, въ Ж. М. Н. Пр. 1909, янв., 164—176.

18. Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка.

Уже изъ предъидущаго изложенія вытекаетъ, что факторы, обусловливающіе морфологическое развитіе языка, должны быть *преимущественно психологическіе*, такъ какъ область морфологіи составляютъ слова со стороны своего знаменательнаго образованія. Мы говоримъ—„преимущественно", такъ какъ фонетическія измѣненія могутъ также оказывать вліяніе на морфологическое развитіе языка. Хотя измѣненія фонетическія обусловливаются въ свою очередь цѣлымъ рядомъ факторовъ, но анализъ послѣднихъ относится къ фонетикѣ, а потому здѣсь мы можемъ ограничиться собирательнымъ названіемъ „*фонетическаго*" фактора.

Значеніе фонетическаго фактора для морфологіи состоитъ въ томъ, что морфемы, благодаря фонетическимъ измѣненіямъ, развѣтвляются на двѣ и болѣе, при одномъ и томъ же значеніи. Ср. *пек*-у || *печ*-ешь: нѣкогда и во второмъ случаѣ корень звучалъ такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, т. е. *пек*-, но при слѣдующемъ палатальномъ гласномъ согласный *к* постепенно переродился въ *ч*, и такимъ образомъ получилось на мѣсто одного вида корня двѣ его разновидности. Тотъ же процессъ развѣтвленія наблюдается и въ придаточныхъ морфемахъ. Такъ, образованія сън-имати или сън-ѣсти || съ-творити могутъ служить иллюстраціей возникновенія разновидностей въ префиксѣ: префиксъ сън сохранилъ н при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, но утратилъ этотъ согласный въ положеніи передъ другимъ согласнымъ (кромѣ j) еще въ эпоху исчезновенія согласныхъ съ конца слоговъ и словъ, пережившуюся всѣми славянскими языками. Въ примѣръ развѣтвленія одного и того же первоначально суффикса на два и бо-

лѣе можно привести образованіе превосходной степени въ латинскомъ языкѣ; основной видъ суффикса *-timus* (ср. op-*timus*) послѣ *c* измѣнился въ *-simus* (maximus, т. е. mac-*simus*), послѣ *r* въ *-rimus* (miser-*rimus*) и послѣ *l* въ *-limus* (facil-*limus*), вообще въ зависимости отъ природы предшествующаго согласнаго. Путемъ такихъ фонетическихъ измѣненій, ведущихъ къ развѣтвленію морфемъ, умножается запасъ внѣшнихъ или выразительныхъ средствъ языка. А такъ какъ съ духовнымъ развитіемъ человѣка *возникаютъ и новые оттѣнки мысли, для которыхъ говорящіе ищутъ особое обозначеніе*, то указанный избытокъ словесныхъ средствъ, какъ увидимъ дальше, оказывается въ этомъ случаѣ полезнымъ для развитія языка: языкъ нерѣдко приспособляетъ выработавшіяся въ немъ фонетическимъ или же инымъ путемъ разновидности морфемъ къ обозначенію вновь возникающихъ оттѣнковъ мысли. Вообще, въ ходѣ развитія языка совершается непрерывное приспособленіе между внутренней и внѣшней его сторонами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію факторовъ *собственно морфологическихъ*, имѣющихъ психологическій характеръ. Они слѣдующіе:

{ I) *Аналогія*;
{ II) *Дифференціація;*
III) *Опрóщеніе*;
IV) *Переразложеніе* или *абсорпція*.

Изъ этихъ факторовъ первый и второй связаны между собою.

I. **Аналогія.** Каждая морфологическая часть представляетъ идею значенія и ассоціированный съ нею звуковой комплексъ. Съ развѣтвленіемъ послѣдняго идея значенія вступаетъ въ сочетаніе уже съ двумя или болѣе звуковыми комплексами (назовемъ А, В. . .):

Но можетъ случиться, что идея значенія не одинаково сильно связана съ тѣмъ и другимъ комплексомъ. Пусть она связана сильнѣе съ В; тогда возможно, что ею будетъ вызываться комплексъ В даже и тамъ, гдѣ прежде вызывался комплексъ

А. Про такіе случаи выражаются, что въ нихъ морфема В явилась „по аналогіи". Если мы остановимся при одномъ изъ прежнихъ примѣровъ, именно: *пеку* || *печешь*, то такія формы народныхъ великорусскихъ говоровъ, какъ *пекёшь*, *пекётъ*..., представляютъ распространеніе по аналогіи морфемы *пек*-, свойственной 1 ед. 3 мн., на формы прочихъ лицъ того же времени. Можно возразить, что въ простонародныхъ формахъ *пекёшь*, *пекётъ* (выговарив. п'єк'ôш, п'єк'ôт) и т. д. согласный *к* выговаривается мягко, между тѣмъ какъ въ 1 ед. и 3 мн.—твердо, и слѣд. въ морфемѣ п'єк'- нельзя видѣть указаннаго распространенія по аналогіи. На это замѣтимъ: а) морфема *пек*-, распространяясь на среднія лица, должна была подвергнуться перемѣнѣ, чтобы гармонировать съ другими глаголами, корень которыхъ оканчивается на согласный незаднеязычный, напр. *веду* || *ведетъ* (в'єд'ôт) и т. п.; б) встрѣчаются въ говорахъ и такія образованія, какъ *пекошь* и пр., и таковыя гармонируютъ съ глаголами, корень которыхъ оканчивается твердымъ шипящимъ, т. е. *ржý*, *ржешь* (выгов. ржôш). Теперь мы видимъ, что процессъ аналогіи сложнѣе, чѣмъ могло показаться съ перваго раза; то, что образованія по аналогіи, какъ мы видѣли, возникаютъ въ гармоніи съ другими типами, можно опредѣлить какъ *моментъ пропорціональности* въ образованіяхъ по аналогіи. Замѣтимъ еще, что если факторъ фонетическій вызываетъ внѣшнее разнообразіе морфемъ, то факторъ аналогіи, наоборотъ, водворяетъ вторично однообразіе, устраняя лишнія разновидности морфемъ и служа такимъ образомъ къ *удобству памяти*.

Что касается *условій большей или меньшей устойчивости* отдѣльныхъ разновидностей морфемы, то главнымъ образомъ приходится отмѣтить бóльшую частоту употребленія и бóльшую выразительность, т. е. удерживается та разновидность морфемы, которая оказывается выразительнѣе, или чаще употребляется, а также имѣетъ значеніе и бóльшая приспособленность той или другой разновидности къ фонетико-морфологическому строю языка. Впрочемъ, изслѣдованіе этихъ и подобныхъ моментовъ дѣйствія аналогіи сильно затрудняется тѣмъ, что легко впасть въ гадательный и произвольный субъективизмъ при оцѣнкѣ условій процесса (для большей объективности выводовъ въ этомъ случаѣ важно приложеніе статистической методы къ изслѣдованію морфологическихъ яв-

леній). Менѣе труднымъ, но едва ли не болѣе важнымъ нужно признать изученіе процесса аналогіи въ другомъ отношеніи. Я имѣю въ виду изученіе *направленій въ дѣйствіи аналогіи*; это значитъ, что при изслѣдованіи явленій аналогіи необходимо слѣдить за тѣмъ, въ какой сферѣ и затѣмъ—откуда и куда распространяется одна разновидность морфемы на мѣсто другой. Чрезъ примѣненіе такого способа разсмотрѣнія въ области каждой изъ частей рѣчи окажется рядъ направленій, изученіе которыхъ приведетъ къ установленію эмпирическихъ законовъ аналогіи для даннаго языка, имѣющихъ такое же значеніе для морфологіи, какое имѣютъ звуковые законы для фонетики. Желая иллюстрировать вопросъ объ изученіи направленій въ дѣйствіи аналогіи рядомъ примѣровъ, замѣчу, что имѣемъ ли дѣло со склоненіемъ или же спряженіемъ, нужно различать аналогію *матеріальную* и *формальную*, а при этомъ нужно отдѣлять случаи аналогіи при флексіи отъ случаевъ при словопроизводствѣ и словосложеніи въ сферѣ однѣхъ и тѣхъ же частей рѣчи. Сначала я представлю примѣры дѣйствія аналогіи изъ области склоненія, а затѣмъ изъ спряженія, не только въ русскомъ языкѣ, литературномъ и народномъ, но также старо-славянскомъ и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, преимущественно греческомъ, латинскомъ и санскритѣ.

А. *Склоненіе.*

а) Аналогія матеріальная.

Распространеніе вида основы съ однихъ падежей на другіе соотвѣтственно одинаковости основы въ другихъ случаяхъ того же или подобнаго типа склоненія:

берёзѣ, мёдѣ, рёберъ и др.; здѣсь гласный *'ó* утвердился по аналогіи къ формамъ другихъ падежей, въ которыхъ онъ получился фонетически передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, напр. срв. — берёза, берёзы и т. п. [1])

[1]) Въ случаяхъ дѣйствія «аналогіи» нельзя говорить о звуковомъ измѣненіи, но лишь о звуковой замѣнѣ, или еще точнѣе—о подстановкѣ одного вида морфологической части на мѣсто другаго, благодаря чему получалось болѣе удобное для памяти униформированіе вида морфемы.

млр. дзві́нок, *гі́*рок и др. получили свое *і* по аналогіи къ большинству падежныхъ формъ тѣхъ же словъ.

о вол*к*ѣ, вол*к*и, но*г*ѣ и т. п. имѣютъ *к* вм. *ц* и *г* вм. *з* по аналогіи къ виду основы въ другихъ падежахъ.

πόλεσι, ἡδέσι вм. **πολισι, ἡδυσι*—по аналогіи къ другимъ трехсложнымъ падежнымъ формамъ тѣхъ же словъ, напр. *πόλεως, ἡδέος*.

χρυσοῦς вм. **χρύσους* „золотой“ — аналогія относительно ударенія. [1])

περίπλου вм. **περιπλοῦ*, и т. п. [1])

скт. vṛ́ka (Зв. ед.) вм. *vṛ́ca, и т. п.

Появленіе въ основѣ новаго чередованія — вслѣдствіе ошибочнаго отнесенія словъ одного типа въ другой подъ вліяніемъ фонетическаго совпаденія этихъ типовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ:

з’в’*о́*зды, гн’*о́*здъ̆ . . . (т. е. съ *’о́* на мѣстѣ *ѣ*)—объясняются аналогіей къ случаямъ этимологич. *е* (не *ѣ*), съ которыми въ части падежныхъ формъ имѣли сходное произношеніе, срв. напр. р’æбро́ : гн’æздо́ = р’æбра́ : гн’æзда́ = р’о́бръ̆ : *х*, *х* = гн’о́здъ̆.

б’*о*да́, р’*о*ка́ и т. п. (т. е. съ неударяемымъ *’о* на мѣстѣ *ѣ*), въ области сѣв.-великор. нарѣчія, объясняются подобно предшествующему случаю.

ог*о*нь, вѣт*е*ръ . . . получили *о* и *е* по аналогіи къ словамъ, имѣвшимъ бѣглые гласные.

κέρατος... рядомъ съ *κέρως* (изъ **κερασος*)—по аналогіи къ именамъ съ основою на *-ατ-* (напр. *σῶμα σώματος*), съ которыми слова подобныя данному совпадали въ Д. мн.

---

[1]) Въ такихъ примѣрахъ можно говорить какъ о матеріальной, такъ и формальной аналогіи, т. е. какъ о распространеніи ударяемаго resp. неударяемаго вида основы, такъ и о распространеніи ударяемаго resp. неударяемаго типа окончаній. Такая двойственность воззрѣнія происходитъ отъ того, что основа всегда является въ соединеніи съ окончаніями, при чемъ если основа не имѣетъ ударенія, то значитъ — сопровождается удареніемъ окончаніе, и наоборотъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что не всегда можно провести рѣзкую границу между двумя видами аналогіи.

Распространеніе при словопроизводствѣ вида основы производящаго слова на производное съ тѣмъ гласнымъ, какой имѣетъ производящее въ падежѣ наименованія (Именительномъ):

огонёчекъ, кулёчекъ, валёчекъ и т. п. имѣютъ *ё* по аналогіи къ своимъ производящимъ—огонёкъ и др.

б) Аналогія формальная.

α) Распространеніе формы съ одного падежа на другой въ одномъ и томъ же типѣ подъ вліяніемъ смысловой близости этихъ падежей (напр. Nom. и Voc., Acc. и Nom., Dat. и Loc., Gen. и Abl.), или же подъ вліяніемъ пропорціональности, именно — одинаковости соотвѣтствующихъ формъ въ другихъ типахъ. [1])

пріятель! кумъ! и т. п. *ὦ φόρμιγξ! ὦ μάστιξ!*.. Распространеніе Им. на Зв.; обычность такого направленія (а не обратнаго) обусловливается, вѣроятно, большею частотою употребленія существительныхъ въ падежѣ простаго наименованія, между тѣмъ какъ форма призывающаго наименованія обыкновенно примѣняется лишь въ названіяхъ лицъ.

влъкъ, царь и т. п.—получили свои окончанія изъ Вин., при вліяніи со стороны типовъ сынъ, пѫть.

франц. cheval=лат. caballum, chevaux=caballos и т. п., т. е. Им. отражаетъ собою во франц. древній объективный падежъ (Вин.).

πόλεις, γλυκεῖς, εὐγενεῖς (аттич. Вин. мн.) — аналогія къ И. мн.: фонетически вмѣсто окончанія -*εις* въ Вин. мн. ожидалось бы -*ης*. [2])

---

[1]) Конечно, могутъ быть также случаи соединенія обоихъ вліяющихъ моментовъ, т. е. смысловой близости и пропорціональности.

[2]) Нельзя однако въ этомъ примѣненіи окончанія -*εις* усматривать «графическую» аналогію къ И. мн. подъ вліяніемъ наступившей одинаковости произношенія того и другаго окончанія. Совпаденіе произношенія *ει* и *η* въ аттическомъ наступило довольно поздно, такъ какъ по свидѣтельству надписей конечная стадія ī относительно *ει* была достигнута ужѐ въ III в. до Р. Хр., тогда какъ въ отношенія *η* лишь во II в. по Р. Хр., а между тѣмъ формы В. мн. съ окончаніемъ -*εις* появляются въ надписяхъ ранѣе

ἄστη, γένη (И. В. Зв. дв.)—аналогія къ тому же падежу множ. числа.

рабa, краıa (Р. ед.) — распространеніе Abl. sg. на Gen., вслѣдствіе совпаденія этихъ падежей въ нѣсколькихъ типахъ склоненія.

сынoу (Дат. ед.), имѣющееся рядомъ съ сынови,—распространеніе Мѣстнаго пад., благодаря одинаковости этихъ падежей въ нѣкоторыхъ типахъ (ср. женѣ, кости).

жены, земля (Р. ед.)—какъ кажется, по аналогіи къ И. (=Вин.) мн., вслѣдствіе одинаковости этихъ падежей въ нѣкоторыхъ типахъ; здѣсь, разумѣется, нѣтъ никакой смысловой близости, а только простая пропорціональность.

ἀπὸ τοῦ ἀνθρώπου, ἀπὸ τοῦ ἵππου — распространеніе формы Gen. на Abl. [1])

ἐν τῇ χώρᾳ, ἐν τῷ ἵππῳ—распространеніе формы Dat. на Loc. [1])

equae (Dat. sg. 1-го скл.)—аналогія къ Loc.

β) Распространеніе формы одного и того же падежа изъ одного типа въ другой:

окно, поле (И. В. ед.)—по аналогіи къ родовому мѣстоименному склоненію (то, ıe).

раби, цари (И. мн.) — по аналогіи къ мѣстоименному склоненію.

рабоу, краю (Д. ед.)—по аналогіи къ типу сынъ. [2])

снѣг*у*, песк*у*. . . . (Р. ед.), на пол*у̀*, въ угл*у̀*. . . . (Предл. ед.)—по аналогіи къ древнему склоненію типа *сынъ*.

половины IV-го дохрист. столѣтія (см. G. Meyer Griech. Gram. § 361). Слѣдов., здѣсь имѣемъ дѣло съ аналогіей формъ языка, а не съ написаніями по аналогіи.

[1]) Эти случаи нужно понимать такъ, что вслѣдствіе распространенія по аналогіи форма стала одна, а падежныхъ смысловъ по прежнему два. Пора бы и въ школьныхъ грамматикахъ въ отдѣлѣ синтаксиса говорить въ такихъ случаяхъ не о смысловыхъ оттѣнкахъ одного и того же падежа, но о двухъ разныхъ падежныхъ смыслахъ, двухъ разныхъ падежахъ (Gen. и Abl., Dat. и Loc.) при одной и той же формѣ.

[2]) Срв. нашъ Общій курсъ рус. грам. (1907)² стр. 143—144.

п'іс'мӹ, ру̌жјі̆. . .—по аналогіи къ муж. роду существительныхъ, съ которымъ имена средняго рода имѣютъ много общихъ падежныхъ формъ.

народн. *дождёвъ*, мѣст*овъ*. . .[1])—по аналогіи къ окончанію соотвѣтствующаго падежа въ твердомъ склоненіи существительныхъ муж. рода.

земл*ёю*. . .—подстановка ударяемаго падежнаго окончанія *-ою* по аналогіи къ твердой разновидности того же склоненія.

народн. Устинь*ёй* и т. п.—по аналогіи къ неударяемому окончанію твердаго склоненія, напр. рыб*ой*.

земл*ѣ*, вол*ѣ* (Д. Пр. ед., ст.-сл. ꙁємл҄и, вол҄и)—аналогія къ твердой разновидности склоненія.

серб. рибе̄ (Р. ед., гдѣ *-е* фонетически соотвѣтствуетъ ст.-сл. -ѧ)—по аналогіи къ соотвѣтствующему мягкому склоненію.

οἶκοι . . . . (И. мн.)—по аналогіи къ мѣстоименному склоненію.

πόλεσι . . . имѣетъ *-σι* по аналогіи къ третьему согласному склоненію.

Σωκράτην (В. ед.), рядомъ съ *Σωκράτη*, по аналогіи къ первому скл. (*Ἀλκιβιάδης*).

лат. hortī. . . . (И. мн.)—по аналогіи къ родовому мѣстоименному склоненію (illī).

rurī—по аналогіи къ основамъ на -i-.

скт. -a-s-ya (áçvasya, Р. ед.) вм. *ā-ya во второмъ именномъ склоненіи—по аналогіи къ мѣстоименному склоненію.

-ā-y-ās вм. *-ās (G. Abl. перваго склоненія, напр. áçvāy-ās)—подъ вліяніемъ склоненія основъ на -ī-.

-ā-y-āi, рядомъ съ вед. -āi: окончаніе съ *y* перешло въ первое склоненіе изъ склоненія основъ на -ī-, куда предварительно перешло окончаніе -āi изъ перваго склоненія.

---

[1]) Независимо отъ русскаго такое же направленіе аналогіи замѣчается также въ польскомъ: dżdżów или deszczów (при И. ед. deszcz изъ *-żdż. Р. ед. dżdżu). . ., kartów, dniów, zapałków. . .

Примѣч. Различаемыя нами двѣ главныя категоріи (α и β) формальной аналогіи можно графически иллюстрировать слѣдующимъ образомъ:

Типъ А. Типъ В.

β

И. ед. *осн.* | *ок.* | *ок.*

Р.

Д.

В. α

Мѣст.

Случаи β, т. е. представляющіе распространеніе окончанія того же самаго падежа изъ одного типа склоненія въ другой, могутъ быть располагаемы въ градаціи по степени взаимной близости этихъ типовъ (напр.: мѣстоименное и именное склоненіе; разные типы именнаго склоненія; разновидности склоненія одного и того же типа).

Б. *Спряженіе.*

а) Аналогія матеріальная.

Распространеніе вида основы съ однихъ лицъ на другія въ томъ же времени:

пе*кй*...; *народн.* пе*к*етъ, *лг*етъ...—по аналогіи къ спряженію глаголовъ не на задне-язычный согласный, срв не*с*у—не*с*и—не*с*етъ. Въ *малор.* аналогія приняла въ наст. времени другое направленіе: пе*ч*у́, мо́*ж*у; такое же направленіе независимо отъ малорус. аналогія приняла въ санскритѣ: pá*c*āmi...

δοίην (жел. накл.): *ι* явилось по аналогіи ко множ. и двойств. (*δοῖμεν*...) и къ формамъ Medii (*δοίμην*...), такъ какъ должно было чувствоваться существеннымъ для желат. накл.

ἦα „я шелъ“ вм. **ἦα*—графическая аналогія къ другимъ лицамъ того же времени (ср. *ἦμεν*...).

φημί, φησί — удареніе по аналогіи къ двойств. и множ.
ἴμεν, ἴτε — удареніе по аналогіи къ ед. числу.
франц. aimons, aimez вм. древнихъ формъ amons, amez — по аналогіи къ ед. ч. и 3 мн., гдѣ *ai* получалось фонетическимъ путемъ изъ ударяемаго *a* (ср. лат. *á*mo || *a*mámus).

Распространеніе вида основы съ одного времени или наклоненія на другое время или наклоненіе:

πέφευγα вм. **πέφουγα* — по аналогіи къ наст. времени.
франц. *ai*mer (неопр.) — по аналогіи къ тѣмъ формамъ наст. вр., гдѣ *ai* получилось фонетически. [1])

Появленіе въ основѣ новыхъ чередованій и звуковъ вслѣдствіе ошибочнаго отнесенія слова въ другую группу:

на́д'óвън, народн. б'óк и др. — по аналогіи къ созвучнымъ глаголамъ, въ основѣ которыхъ имѣлось этимологическое *е*, срв. завоёванъ, пёкъ.
τέτροφα (отъ *τρέπω*) — по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ оканчивался придыхательнымъ согласнымъ.
ἤνυσμαι вм. **ἤνυτμαι* — по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ кончался на *σ*, черезъ посредство 3 ед., 2. 3 дв. и 2 мн.
πέπλευσμαι, ἐπλεύσθην: *σ* вторичнаго происхожденія.

Матеріальная аналогія въ denominativ'ныхъ глаголахъ:

βασιλεύω: по-видимому имѣется случай сохраненія *υ* между гласными, но онъ можетъ быть объясненъ аналогіей къ производящему имени въ Имен. падежѣ, т. е. *βασιλεύς*<*βασιλεύω*.

б) Аналогія формальная.

Распространеніе окончанія извѣстнаго лица изъ одного *залога* въ другой:

-шн (-сн): ѹьтєшн, вѣсн — предполагается медіальное окончаніе.

---

[1]) Относительно сильнаго ассимиляціоннаго вліянія, какое должно было оказывать praesens на infinitivus въ ст.-слав., ср. Н. В. Крушевскій К вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма (1881) стр. 48—50, 75.

-ī (лат. перф.) — предполагается также перенесеніе изъ Medium'a (=скт. -ē).

Распространеніе въ одномъ и томъ же залогѣ окончанія того же лица и того же времени изъ одного *типа* въ другой:

скт. bhárāmi вм. ожидаемаго *bhárā, срв. греч. φέρω.

болг. д'áлам, *пол.* kocham, *чеш.* volám, chvalím, *серб.* играм, хвалим, плетем . . . — аналогія къ глаголамъ типа дамь.

хóд'ўт, в'íд'ўт . . .— по аналогіи къ первому спряженію, срв. напр. кóл'ўт и т. п.

эол. φίλημι, δοκίμωμι — по аналогіи къ нетематическому спряженію.

δίδοσαι вм. *δίδῳ—по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ оканчивался согласнымъ.

μεμάχ-ημαι—по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ кончался на -η.

Распространеніе въ одномъ и томъ же залогѣ окончанія изъ одного *наклоненія* въ другое:

φέροιμι (желат.)—распространеніе окончанія изъяв. накл. наст. вр. втораго спряж. на желат. накл. перваго спряж., хотя желат. наклоненію свойственны окончанія прошедшихъ временъ. Распространеніе произошло благодаря одинаковости нѣкоторыхъ окончаній въ этихъ наклоненіяхъ (-τον, -μεν, -τε) и, быть можетъ, уже послѣ возникновенія во 2 ед. наст. времени формъ съ окончаніемъ прошедшихъ временъ -ς.

-θα у Гомера въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается распространившимся изъ изъявит. накл. на соотвѣтствующее лицо сослагательнаго и желательнаго (см. G. M e y e r Griechische Gram. § 451).

Распространеніе въ томъ же залогѣ, типѣ и наклоненіи окончанія изъ одного *времени* въ другое:

берѫ вм. ожидаемаго *бера—по аналогіи къ прош. врем., т. е.=праслав. *berā⁰+m.

φέρεις (вм. *φερει←*φέρεσι), δίδως (вм. *δίδῳ←*διδωσι)— по аналогіи къ прошедшимъ временамъ, т. е. φέρει +ς δίδω+ς, а затѣмъ путемъ дальнѣйшей аналогіи и въ третьемъ лицѣ перваго спряженія появились формы въ видѣ φέρει, ἄγει и пр.

ἔφησθα и др.—окончаніе перешло изъ перф.

λεγόντω-ν (3 мн. повел.): *-ν* прибавилось по аналогіи къ соотвѣтствующему лицу прошедшихъ временъ.

-m, -s, -t, -nt въ лат. въ наст. врем. являются распространеніемъ изъ прошедшихъ временъ.

Распространеніе окончанія изъ одного *числа* на ту же форму другаго числа:

-μεν въ первомъ лицѣ двойств. числа.

Вліяніе относительно вида окончанія однихъ *лицъ* на другія въ томъ же времени:

ведёте...—по аналогіи къ другимъ лицамъ, въ которыхъ гласный *'ó* получился фонетически передъ твердымъ согласнымъ, напр. ведётъ, ведёмъ.

млр. вэдэ́т'ц'а (3 ед. возвр.) имѣетъ *э́* (вм. *і*) по аналогіи къ формамъ ведэ́, вэдэ́мо, вэдэ́тэ.

Вліяніе мѣстоименныхъ и даже именныхъ формъ, стоящихъ въ роли подлежащаго, на видъ глагольныхъ окончаній (аналогія между *частями рѣчи*):

-ва || -вѣ (1 двойств.), -та || -тѣ (2. 3. двойств.). [1])

-мы вм. -мъ—по аналогіи къ мѣстоименной формѣ мы.

Примѣчаніе. Дѣйствіе аналогіи не ограничивается распространеніемъ отдѣльныхъ окончаній на мѣсто другихъ. Путемъ аналогіи могутъ смѣшиваться и исчезать цѣлыя категоріи формъ наклоненія, времени, числа и пр. (ср. въ слав. распространеніе формъ желат. накл. на мѣсто повел.; далѣе, въ слав утерялась категорія перфекта, а въ лат. она смѣшалась съ образованіями аориста; двойственное число обычно вытѣсняется множественнымъ; благодаря аналогіи нерѣдко слова одного флексійнаго типа переходятъ постепенно въ другой, что можетъ повести къ полному исчезновенію извѣстнаго типа въ языкѣ). Но, вызывая упрощенія во флексіи языка, аналогія способствуетъ и созданію новыхъ категорій; ср. развитіе путемъ аналогіи цѣлаго ряда глагольныхъ формъ времени въ греч., напр. перф. на *-κα*, перф. «съ аспираціей», аор. II стр. на *-ην* (напр. ἐτράπην и т. п.), или въ слав. и литов. богатую категорію «видовъ» глагола.

---

[1]) Различіе по родамъ -та (муж.) || -тѣ (ж. и ср.) встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Различеніе по родамъ -ва (муж.) || -вѣ (ж.) создалось только въ позднѣйшую пору и, по-видимому, искусственно (у Смотрицкаго); впрочемъ такая же дифференціація существуетъ въ современномъ словинскомъ. [Ср. Буличъ С. Церковно-славянскіе элементы (1893) стр. 316].

Изученіе направленій въ ходѣ аналогическихъ образованій приводитъ къ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ.

Когда при образованіяхъ по аналогіи получаетъ распространеніе какое-либо звуковое чередованіе, то такое направленіе выдерживается и съ теченіемъ времени все болѣе расширяется. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить исторія *е* и *ѣ* въ великорусскомъ нарѣчіи; въ области этихъ гласныхъ мы имѣемъ два ряда чередованій, напр. jе́л' || jо́лка (въ народныхъ говорахъ также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, ср. н'ес'í || н'осý) и с'е́с'т' || с'ǽл. Въ первомъ ряду замѣчается все большее и большее распространеніе путемъ аналогіи гласнаго *о* (ср. берёзѣ; Устиньёй; и пр.), который проникаетъ даже и во второй рядъ (ср. б'óк—по аналогіи къ „нёсъ" и пр.; р'ока́); въ малор. мы видимъ подобное же торжество гласнаго *і*. Указывая на роль фонетическаго момента въ образованіяхъ по аналогіи, я однако не придаю въ этомъ случаѣ постоянству направленія значенія закона. Дѣло въ томъ, что, при общемъ фонетическомъ направленіи, въ распространеніяхъ по аналогіи могутъ быть частныя отступленія, зависящія отъ спеціальныхъ, частныхъ условій. Такъ, въ великорусскомъ изрѣдка наблюдается не торжество гласнаго *о* вм. *е*, а наоборотъ—*е* вм. *о*, какъ напр. въ словѣ шестъ, гдѣ ожидалось бы произношеніе +шóст (ср. *млр.* шóст); я думаю, что здѣсь слово послѣдовало аналогіи такихъ образованій съ первоначальнымъ *ѣ* въ корнѣ, какъ *пестъ* (ср. тоже и такія слова съ созвучною группою согласныхъ, какъ *мѣсто* || *мѣста́* || *мѣстъ*). [1])

Аналогическія образованія въ исторіи языка представляютъ собою непрерывающійся рядъ, и подобно тому какъ фонетика стремится представить ходъ фонетическихъ процессовъ въ ихъ послѣдовательности, такъ и морфологія языка должна включить въ предметъ своихъ изслѣдованій возстановленіе послѣдовательности въ ходѣ процессовъ аналогіи (разумѣется—при возможномъ наблюденіи діалектическаго момента). Если для примѣра мы остановимся на аналогическихъ образованіяхъ во флексіи именъ существительныхъ русскаго языка, то данныя памятниковъ позволяютъ указать, между прочимъ,

[1]) Съ этими образованіями гармонируетъ также слово съ цк.-сл. произношеніемъ—*крестъ*.

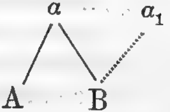
слѣдующую послѣдовательность въ появленіи образованій по аналогіи. Уже въ XI в. наблюдается окончаніе *-у* въ Р. ед. въ словахъ муж. рода втораго склоненія, что̀ указываетъ на смѣшиваніе ихъ относительно склоненія со словами типа *сынъ*; смѣшеніе это, наблюдаемое и въ другихъ славянскихъ языкахъ, могло имѣть начало еще раньше, быть можетъ даже въ славянскомъ праязыкѣ; памятники XII вѣка представляютъ примѣры того же вліянія словъ типа *сынъ* въ падежѣ Мѣстн. (окончаніе *-у*) и Р. мн. (*-овъ*, *-евъ*). Въ XIII в. мы встрѣчаемъ данныя распространенія окончанія *-ы* на И. мн. въ твердомъ склоненіи муж. р.—по аналогіи къ В мн. того же типа и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ ближайшимъ вліяніемъ женскаго склоненія. Въ XIII—XIV в. памятники представляютъ распространеніе окончаній Д. Тв. Пр. мн. (*-амъ*, *-ами*, *-ахъ*) изъ женскаго склоненія на мужское и среднее. Съ XV—XVI в. наблюдается окончаніе *-а̀* въ И. (Вин.) мн. муж.—по аналогіи къ среднему роду. [1])

Мнѣ остается теперь указать на одинъ вымышленный типъ аналогіи, это—такъ называемая „прогибитивная“ аналогія, будто бы препятствующая дѣйствію звуковыхъ законовъ, въ отличіе отъ аналогіи „продуктивной“, при которой морфема переносится изъ однихъ образованій въ другія. Между тѣмъ и въ случаѣ „прогибитивной“ аналогіи мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ обычнымъ дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, примѣры въ родѣ *δίδοσαι* вовсе не представляютъ случая сохраненія *σ* между гласными вслѣдствіе поддерживающаго вліянія (т. е. прогибитивной аналогіи) со стороны родственныхъ формъ, гдѣ *σ* стояла не послѣ гласнаго, а послѣ согласнаго. Въ самомъ дѣлѣ, разъ въ греческомъ языкѣ дѣйствовалъ законъ постепеннаго измѣненія междугласнаго *σ* въ h и затѣмъ въ нуль, то таковой процессъ долженъ былъ имѣть мѣсто и въ такихъ образованіяхъ, какъ **διδοσαι* (→**διδο*h*αι*... **διδοαι*... **διδωι*... **δίδῳ*; ср. соотвѣтствующую форму въ первомъ спряженіи *λύῃ*), и уже впослѣдствіи, путемъ аналогіи, вторично образовалась форма *δίδοσαι*, которая слѣдовательно не является фонетическимъ продолженіемъ первоначальной формы, но—новообразо-

[1]) Соотвѣтствующія данныя изъ памятниковъ см. въ трудѣ проф. Соболевскаго Лекціи по исторіи русскаго языка (1907)[4] стр. 170—173, 194, 177, 221.

ваніемъ. Конечно, затруднительно отвѣтить, въ какую именно эпоху получилось это новообразованіе, тогда ли когда уже явилась форма *δίδω, или же въ одну изъ промежуточныхъ стадій. [1]) Само собою разумѣется, что подобные случаи какъ бы возстановленія прежняго звука посредствомъ аналогіи можно выдѣлять въ особую группу, но только не утверждая при этомъ, что процессъ аналогіи въ этихъ случаяхъ отличается чѣмъ-либо отъ процесса обыкновенной аналогіи.

II. **Дифференціація.** Если, съ одной стороны, въ языкѣ въ теченіи времени нарождаются новыя разновидности морфемъ, то, съ другой — вырабатываются и новые оттѣнки значенія (обозначимъ α, α_1, $\alpha_2 \ldots$). Вмѣстѣ съ тѣмъ языку присуще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки значенія имѣли по возможности особое обозначеніе, благодаря чему можетъ случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ произойдетъ „дифференціація“ морфемъ. Пусть въ языкѣ существуетъ оттѣнокъ α, ассоціированный съ двумя разновидностями морфемы—А и В; вырабатывается новый родственный съ прежнимъ оттѣнокъ α_1; теперь за одной разновидностью морфемы можетъ утвердиться одинъ оттѣнокъ, а за другою—другой:

Ежели прежде мы замѣтили объ аналогіи, что благодаря ей одна изъ разновидностей морфемы устраняется, то здѣсь должны прибавить, что такое устраненіе можетъ произойти тогда, когда не представляется повода къ дифференціаціи этихъ разновидностей морфемы. [2]) Представимъ нѣсколько примѣровъ дифференціаціи:

---

[1]) Что и послѣ возникновенія формы *δίδω могло быть новообразованіе, срв. ново-греч. λύεσαι вм. λύῃ (Vlachos Gram. d. neugr. Spr., 1871, стр. 44). Такимъ образомъ была нѣкоторая *постепенность* (неодновременность) въ полученіи новообразованій.

[2]) Нужно еще отмѣтить третій возможный исходъ—*контаминацію* или смѣшеніе двухъ разновидностей морфемы въ одной; ср. напр. суф. сравн.

снѣг*а* || снѣг*у*, напр. въ выраженіяхъ: „цвѣтъ снѣга“ и „много снѣгу“; *-а* служитъ собственно окончаніемъ Р. ед. муж., *-у* преимущественно употребляется въ именахъ вещественныхъ и вообще измѣряемыхъ, количество которыхъ указывается (casus partitivus), а также въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. [1])

о снѣг*ѣ* || на снѣгу́: въ первомъ случаѣ форма имѣетъ значеніе объяснительное, а во второмъ—мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*). [2])

ве́рхомъ || верхо́мъ, бѣ́гомъ || бѣго́мъ и т. п.—въ формѣ Творит. пад. удареніе стоитъ на корнѣ, а въ нарѣчіи на окончаніи. Вообще, *удареніе* нерѣдко служитъ средствомъ дифференціаціи, ср. далѣе: за де́нь || за́-день, за но́чь || за́-ночь...; замо́къ || за́мокъ...; запи́лъ || за́пилъ...; мѣ́ста || мѣста́, снѣ́га || снѣга́...

англ. contest: контэ́ст „спорить“ || ко́нтэст „споръ“, и др. Ср. въ рус.: помо́чь || по́мочь, поче́сть || по́честь, пода́ть || по́дать.

польск. w ogrodz*ie* || w bog*u*, w wilk*u*: внѣшняя дифференціація двухъ окончаній сообразно съ предшествующимъ согласнымъ—заднеязычнымъ или же незаднеязычнымъ (ср. луж., чеш.. серб.).

степ. въ санскритѣ въ т. наз. сильныхъ падежахъ -ī̆yā̃s-, гдѣ долгота гласнаго ā первоначально принадлежала одной разновидности, а носовой назвукъ другой разновидности того же суффикса.

[1]) Дифференція окончаній *-а* и *-у* начинаетъ обнаруживаться еще въ XI в., ср. «отъ льн*у*» Свят. Сб. 1073 (соединеніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія), а затѣмъ появляются примѣры и другихъ оттѣнковъ значенія, ср. въ XIV в. со брег*у*, до търг*у* (исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ) и т. п.

[2]) Здѣсь кстати упомянуть, что еще Ломоносовъ указывалъ на то, что церковно-славянское вліяніе на русскій языкъ сказывается предпочтеніемъ окончанія *-а* вм. *-у* (Род. ед.), *-ѣ* вм. *у* (Предл. ед.); см. Буличъ С. Церковно-славянскіе элементы, стр. 73—75, гдѣ собраны вмѣстѣ замѣчанія Ломоносова, разсѣянныя въ его «Россійской грамматикѣ» и касающіяся морфологическаго вліянія церковно-славянскаго языка на русскій.

πέπεικα (τινά) „я убѣдилъ“ || *πέποιθα (τινί)* „я довѣряю“, и т. п.

горожанинъ || гражданинъ, голова || глава и т. п.—дифференціація однокоренныхъ словъ природныхъ и заимствованныхъ изъ близко родственнаго церковнаго языка. Ср. въ *современномъ армянскомъ* слова и выраженія, заимствованныя изъ древне-армянскаго. [1])

франц. sembler || simuler, sevrer || séparer и др.: дифференціація словъ народныхъ и книжныхъ.

англ. ox || beef (франц. boeuf), calf || veal (фр. veau), swine || pork (фр. porc) и т. п.: дифференціація словъ англо-саксонскаго и нормано-французскаго происхожденія.

что || чтò міръ || миръ *фр.* ou || où *нѣм.* das || dass *н.-цсл.* рабóмъ || рабѡ́мъ и т. д.	Дифференціація въ области письма.

Дѣйствіе фактора дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи. Въ аріоевропейскихъ языкахъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя эти окончанія и не дифференцированы между собою по смыслу, но они продолжаютъ свое существованіе, будучи *дифференцированы внѣшнимъ образомъ — по типамъ склоненія*

---

[1]) Укажу еще одну параллель изъ *древне-греческаго*: поэзія Гомера, благодаря священному своему характеру, оказала вліяніе на языкъ греческой поэзіи, особенно эпической; подобно тому какъ многія церковно-славянскія слова и формы, чуждыя русской прозѣ, встрѣчаются однакожъ *въ стихотворной поэзіи, для которой формы возвышенной рѣчи оказываются подходящими*, я думаю, что такъ и своеобразныя гомеровскія формы и слова должны были чувствоваться въ послѣдующей поэзіи грековъ такимъ же возвышеннымъ элементомъ, какимъ чувствуются въ русской поэзіи формы и слова церковно-славянскія. Стихотворная поэзія ищетъ краткости выраженія, а при этомъ условіи выраженія обычнаго языка могутъ оказаться недостаточными, такъ какъ благодаря повседневности употребленія уже утратили часть своей выразительности, чего нельзя сказать о формахъ возвышенной рѣчи.

или спряженія, и чѣмъ съ бо́льшимъ удобствомъ для памяти имѣется такое распредѣленіе, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи. Такимъ образомъ, процессы аналогіи и дифференціаціи основываются на коренныхъ свойствахъ ума воспринимать и сознавать сходство и различіе и вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторомъ свойствѣ памяти, а именно: при устраненіи путемъ аналогіи той или другой морфологической разновидности остается та, которая въ силу тѣхъ или другихъ условій лучше помнится, а съ другой стороны—сохраняются нѣсколько разновидностей морфемы, когда онѣ въ своей дифференціаціи легко помнятся.

III. **Опро́щеніе.** Такъ я называю процессъ, когда слово перестаетъ въ живой рѣчи чувствоваться въ своемъ морфологическомъ составѣ, становясь простымъ символомъ представленія, и такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія выступаетъ *реальное.* Говоря о значеніи, имѣю здѣсь въ виду матеріальную часть слова, т. е. сочетаніе морфемъ, служащихъ для образованія собственнаго значенія въ словѣ. Въ сферѣ опрощенія можно намѣтить нѣсколько *градацій.* Первую ступень опрощенія представляютъ слова съ прозрачнымъ морфологическимъ составомъ, отъ котораго однако реальное значеніе болѣе или менѣе удалилось, напр. забыть, намѣреніе, голикъ и т. п. Слѣдующую ступень занимаютъ такія слова, какъ захолустье. Хотя въ этомъ словѣ и выдѣляется спереди префиксъ, указывающій на нахожденіе предмета *за* чѣмъ-либо, но къ префиксу примыкаетъ корень, который не ясенъ и не выдѣляется; сюда же относятся такіе случаи, какъ обуть и разуть, гдѣ префиксъ выступаетъ яснѣе вслѣдствіе чередованія двухъ префиксовъ для выраженія противоположныхъ направленій дѣйствія. Если мы перейдемъ теперь къ слову облако, то въ немъ *кромѣ опрощенія оказывается еще фонетическое измѣненіе* (облако ← *обвлако),[1] *препятствующее морфологической прозрачности слова.* Но отсюда

[1] Кромѣ того, разсматриваемое слово не природное русское, а перешедшее изъ другаго (хотя и близко родственнаго) нарѣчія—изъ языка церковно-славянскаго; чисто русское слово было бы оболоко, въ каковомъ видѣ оно встрѣчается въ народномъ языкѣ.

не слѣдуетъ, что именно фонетическое измѣненіе послужило причиною опрощенія; въ этомъ убѣждаетъ масса случаевъ опрощенія, гдѣ не произошло затемняющихъ морфологическую прозрачность фонетическихъ измѣненій (ср. напр. отъ того же корня слово п р о в о л о к а); фонетическое измѣненіе въ словѣ „облако“ могло возникнуть и послѣ того, какъ это слово стало чувствоваться простымъ. Значеніе фонетическихъ измѣненій для процесса опрощенія можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ, что они какъ бы закрѣпляютъ опрощеніе, отрѣзывая возможность генетической продукціи, но оставляя просторъ для дѣйствія ложной или народной этимологіи. Въ виду только что указаннаго значенія фонетическихъ измѣненій для нашего процесса, было бы не лишнимъ различать при опрощеніи случаи безъ фонетическихъ измѣненій и съ таковыми измѣненіями. Кромѣ *неполнаго* опрощенія, когда возможна еще продукція слова, можетъ быть опрощеніе *совершенное* или *полное*. Въ примѣръ послѣдняго можно привести слово с у т к и. Если бы мы вздумали по-просту разложить это слово на морфологическія части, то вѣроятно разложили бы на *сут-ки*, принявши *сут* за корень, а *ки* за суффиксъ съ окончаніемъ: такое дѣленіе получилось бы съ точки зрѣнія чутья современнаго языка. Между тѣмъ, принявши въ соображеніе этимологическія указанія, мы должны разложить это слово такъ: *су-тк-и*, гдѣ корень *тк*=тък (ср. ткнуть). [1]) Въ словѣ с ы н ъ мы даже вовсе не находимъ въ русскомъ языкѣ корня этого слова, который можетъ быть обнаруженъ лишь примѣненіемъ сравнительной методы. Такъ, въ санскритѣ мы встрѣчаемъ слова *sutáḥ* „сынъ“, *sutā́* „дочь“, которыя по происхожденію являются формами причастія прош. стр. отъ глагола *sávāmi* „рождаю“. Для названія сына въ санскритѣ имѣется еще слово *sūnúḥ*, звукъ подъ звукъ соотвѣтствующее слову сынъ. Не смотря на сравнительную морфологическую ясность такихъ словъ, какъ скт. *sutáḥ*, *sutā́*, можно думать, что и они представляли уже явленіе опрощенія, т. е. чувствовались болѣе въ своемъ реальномъ, чѣмъ генетическомъ значеніи. Вполнѣ

---

[1]) Относительно перехода значеній въ словѣ «сутки» см. Б у с л а е в ъ Ѳ. Историческая грамматика русскаго языка. Синтаксисъ (1874)⁴ стр. 54—55.

вѣроятно, что еще въ аріоевропейскомъ праязыкѣ многія слова представляли опрощеніе.

И такъ, разсмотрѣніе явленій опрощенія въ современномъ русскомъ языкѣ привело насъ къ установленію градацій процесса и показало, что въ разныхъ случаяхъ начало процесса можетъ относиться къ весьма различнымъ моментамъ прошлой жизни языка, иногда даже весьма отдаленнымъ. Сказанное относится и къ другимъ аріоевропейскимъ языкамъ и, смѣю думать, въ той или другой мѣрѣ ко всѣмъ человѣческимъ языкамъ. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто новому реальному значенію слова, представляетъ *огромную важность для мысли;* если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

IV. **Переразложеніе или абсорпція.** Основа такихъ словъ, какъ *κοῦφος* „легкій“, по грамматикѣ Курціуса, кончается на *ο*. Между тѣмъ, сравнивая падежныя формы *κοῦφος, κούφου, κούφῳ* и т. д., мы видимъ, что сходною или общею въ нихъ частью и, стало быть, основою является комплексъ *κουφ-*. Спрашивается, какимъ же образомъ возникло ученіе объ основахъ втораго склоненія на *ο*? Къ такому ученію пришли путемъ историческаго и сравнительнаго анализа языка. Возводя падежныя формы втораго склоненія къ возможно древнему состоянію, мы дѣйствительно встрѣтимъ во всѣхъ ихъ „тематическій“ гласный *ο*. Такъ, у Гомера Р. ед. втораго склоненія кромѣ окончанія *-ου* имѣетъ еще *-οιο* гдѣ въ первомъ *ο* не трудно признать тематическій гласный втораго склоненія. Или, напр., обычной формѣ В. мн. на *-ους* соотвѣтствуетъ въ критскомъ нарѣчіи форма на *-ονς*; въ послѣдней мы опять находимъ *ο*, который также отнесемъ къ основѣ. Анализируя подобнымъ образомъ падежныя формы втораго склоненія мы восходимъ до *болѣе древней* основы на *ο* (*κουφο-*). Такимъ образомъ, для древнѣйшей эпохи приходится принимать основы втораго склоненія заканчивающимися на краткій гласный *ο*, для болѣе позднихъ эпохъ—на согласный. Значитъ, основы втораго склоненія въ ходѣ времени подверглись сокращенію, вмѣсто гласныхъ стали согласными. То же самое нужно сказать и о первомъ склоненіи (*χώρα, δίκη*). Сокращеніе древ-

нихъ гласныхъ основъ именныхъ и глагольныхъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ аріоевропейскихъ языкахъ и, вѣроятно, началось еще въ аріоевропейскомъ праязыкѣ. Представленное нами одно изъ наиболѣе широкихъ обобщеній въ аріоевропейской морфологіи было впервые высказано проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ и формулировано имъ какъ *сокращеніе основъ въ пользу окончаній*. Приведемъ его собственныя слова изъ разбора книги A. Leskien'a Handbuch der altbulgarischen Sprache (см. Ж. М. Н. Пр. 1876, ноябрь): „Мнѣ кажется, что темы, если только согласиться на ихъ существованіе, подвергаются, какъ и все въ языкѣ, постояннымъ измѣненіямъ, и именно измѣненіямъ двоякаго свойства — чисто фонетическимъ и измѣненіямъ подъ вліяніемъ аналогіи. Благодаря этимъ измѣненіямъ бывшія когда-то темы на *a-*, *i-*, *u-*, и т. п. (прочность которыхъ, впрочемъ, не выдержана даже въ санскритскомъ) лишились въ славянскомъ своихъ конечныхъ гласныхъ и развились въ чисто согласныя (болѣе краткія) темы, замѣнители же ихъ когда-то конечныхъ гласныхъ вмѣстѣ съ замѣнителями древнихъ окончаній служатъ въ славянскомъ (какъ то же отчасти имѣетъ мѣсто и во всѣхъ прочихъ индо-европейскихъ) простыми окончаніями, выражающими разныя падежныя отношенія. Это я утверждаю потому, что темы для меня не суть фикціи, витающія въ туманной атмосферѣ праязыка, но живыя части склоняемыхъ и спрягаемыхъ словъ, составляющія необходимое условіе настоящей флексіи до тѣхъ поръ, пока она окончательно не выведется изъ языка, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ склоненіи языковъ романскихъ, болгарскаго и всѣхъ вообще индо-европейскихъ на такъ называемой аналитической степени развитія. Объ общеиндоевропейскихъ первобытныхъ темахъ на *-a-*, *-u-*, *-i-* и т. п. нужно знать и при изслѣдованіи славянскихъ языковъ, но не для того, чтобы навязывать ихъ этимъ языкамъ безъ всякаго реальнаго основанія, а только для того, чтобъ объяснить себѣ многія явленія, которыя безъ этого остались бы совершенно непонятными“. [1])

---

[1]) Нельзя не порадоваться, что счастливая идея проф. Бодуэна-де-Куртенэ, разработывавшаяся затѣмъ и его ближайшими учениками, постепенно распространяется среди лингвистовъ; ср. между прочимъ: Будиловичъ А. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей

Наблюденіе въ формахъ, подвергшихся сокращенію основъ, цѣлаго ряда фонетическихъ измѣненій при соприкосновеніи тематическаго гласнаго съ окончаніями, заставляло меня прежде усматривать въ этихъ измѣненіяхъ *поводъ* къ сокращенію основъ, такъ что указанный видъ переразложенія формулировался мною какъ морфологическая абсорпція „подъ вліяніемъ фонетическихъ измѣненій“. Въ настоящее время я нахожу, что констатированіе фонетическихъ измѣненій въ формахъ, подвергшихся сокращенію основъ, еще не служитъ доказательствомъ того, что именно эти измѣненія и служили поводомъ къ сокращенію основъ; для такого утвержденія нужно еще установить причинное соотношеніе между этими двумя явленіями и доказать, что тутъ не случай простаго ихъ сосуществованія. А между тѣмъ рядъ фактовъ убѣждаетъ въ томъ, что фонетическія измѣненія не являются необходимымъ условіемъ морфологическаго переразложенія. Какъ на убѣдительный примѣръ морфологической абсорпціи помимо фонетическихъ измѣненій можно указать на образованіе цѣлаго ряда суффиксальныхъ морфемъ путемъ простаго переразложенія; ср. рус. *къ* || *-и-къ*, *-н-икъ* || *-иль-никъ* || *-ч-икъ*, *-щ-икъ* и т. п., или въ греч. суф. сравн. степени *-τερος* || *-εσ-τερος*; ср. далѣе широкое распространеніе путемъ аналогіи въ нѣкоторыхъ древнегреческихъ діалектахъ въ третьемъ склоненіи окончанія Д. мн. *-εσσι*, первоначально образовавшагося въ основахъ на *-εσ-* (т. е. *-εσ-σι*). Подобный же путь переразложенія можно предположить и въ случаяхъ тематическаго склоненія или спряженія, напр. *κοῦφ-ος*, *λέγ-ομεν* и т. п., т. е. что отдѣленіе тематическаго гласнаго отъ основы къ окончанію могло происходить еще до фонетическихъ измѣненій. [1])

теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ (1883) стр. 125: Брандтъ Р. Грамматическія замѣтки. Томъ I (1886)² стр. 100, сноска 1; Некрасовъ Н. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковнославянскаго языка (1889) стр. 85.

[1]) Н. В. Крушевскій, приписывая фонетическимъ измѣненіямъ роль повода къ сокращенію основъ, старался это положеніе подтвердить (см. Р. Ф. В. т. IV, 1880, стр. 55, сноска) сопоставленіемъ направленія въ процессахъ морфологической абсорпціи и фонетическихъ измѣненій въ языкахъ индоевропейскихъ, гдѣ обычное направленіе въ фонетическихъ измѣненіяхъ регрессивное, съ языками, въ которыхъ фонетическія измѣненія имѣютъ

Теперь мы остановимся на разъясненіи вопроса, почему обычно окончанія и суффиксы отрываютъ звуки своей предшествующей (матеріальной) морфемы, а не наоборотъ. Такое направленіе зависитъ отъ *большей повторяемости въ рѣчи формальныхъ элементовъ по сравненію съ матеріальною частью слова*. Въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь слово *κοῦφος* въ повседневной рѣчи грека гораздо рѣже произносилось, чѣмъ напр. окончанія *-ος*, *-ου* и др. отъ словъ втораго склоненія вообще. Эта бо́льшая частота употребленія формальныхъ элементовъ слова—окончаній и суффиксовъ—и была причиною того, что они, имѣя въ массѣ случаевъ извѣстный звукъ или комплексъ звуковъ впереди себя, стали ассоціироваться между собою по сходству уже совмѣстно съ этимъ такъ часто повторяющимся передъ ними звукомъ или комплексомъ звуковъ. [1]) При сокращеніи основъ въ пользу окончаній, какъ было уже указано, *фонетическія измѣненія* не имѣютъ значенія причины; но они служатъ закрѣпляющимъ моментомъ для сокращеннаго вида основы: въ самомъ дѣлѣ, съ возникновеніемъ такого произношенія формъ, какъ греч. *κοῦφ-ου* (-ū) или лат. equ-ī, пропадаетъ въ нихъ уже всякій слѣдъ прежняго тематическаго гласнаго.

Въ разсматривавшихся нами примѣрахъ мы имѣли тотъ случай морфологическаго переразложенія, когда окончаніе или

прогрессивный характеръ (какъ напр. въ татарскомъ). Ему казалось, что въ послѣднихъ и направленіе морфологической абсорпціи должно быть обратное по сравненію съ языками индоевропейскими; эту мысль онъ старался иллюстрировать формулой, которая однако, какъ совершенно апріорная и безъ примѣровъ, не можетъ считаться доказательствомъ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что въ татарскомъ языкѣ, при прогрессивномъ направленіи ассимиляціи звуковъ, мы встрѣчаемъ точно такое же направленіе въ сокращеніи глагольныхъ основъ, какъ и въ языкахъ индоевропейскихъ (см. въ настоящемъ трудѣ сноску на стр. 7).

[1]) Конечно, въ языкѣ есть и слова, особенно часто употребляющіяся, что также не остается безъ вліянія: слова эти, въ то время какъ другія слова того же типа подвергаются вліянію аналогіи, сохраняютъ нерѣдко древнія формы; напр. не простая случайность, что форма на -мь уцѣлѣла въ ст.-сл. именно въ глаголахъ ѥсмь, ꙗмь, дамь, вѣмь: глаголы эти принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ. Другіе примѣры см. въ трудѣ Н. Крушевскаго Очеркъ науки о языкѣ, 1883, стр. 94—95 (§ 66).

суффиксъ, встрѣчаясь въ группѣ словъ съ извѣстнымъ звукомъ или производственнымъ элементомъ впереди, поглощаетъ послѣдній. Отъ этихъ случаевъ нужно отдѣлить тотъ видъ абсорпціи, который основывается на *ошибочной пропорціональной аналогіи*. Обыкновенно онъ наблюдается при соприкосновеніи корневой морфемы съ префиксами или предлогами, напр. „овторникъ" и т. п. (см. выше стр. 235—237).

Примѣчаніе. Нужно думать, что морфологическая абсорпція играла видную роль и при происхожденіи такъ называемыхъ тематическихъ гласныхъ и образованіи первичныхъ суффиксовъ. Ср. напр. въ именахъ тематическое ŏ/ĕ: въ индо-европейскомъ праязыкѣ былъ рядъ односложныхъ корней, кончавшихся этимъ гласнымъ (ср. qo-, to- и пр.); послѣдній въ такомъ случаѣ вовсе не имѣлъ знаменательности и легко отходилъ къ окончанію (т. е. -o͡s, -o͡m и т. д.), которое въ этомъ видѣ стало затѣмъ по аналогіи прибавляться къ инымъ корнямъ, кончавшимся на согласный. Подобное объясненіе можно примѣнить и къ другимъ тематическимъ гласнымъ, равно какъ къ возникновенію нѣкоторыхъ первичныхъ суффиксовъ (напр. -r͡o-, отъ корней кончавшихся на r). Конечно, иные первичные суффиксы могли имѣть знаменательное происхожденіе, и вся трудность задачи сводится къ тому, чтобы распредѣлить суффиксы по ихъ происхожденію на эти двѣ категоріи.

---

19. О частяхъ рѣчи.

Когда говорятъ, что „имя существительное есть названіе всякаго предмета“, такое опредѣленіе вполнѣ понятно, пока рѣчь идетъ о такихъ названіяхъ; какъ: *столъ*, *стулъ*, *лошадь*, *гусь* и т. п. Но къ категоріи именъ существительныхъ относятся также слова въ родѣ: *краснота*, *ходьба* и т. п. Едва ли мы будемъ говорить о нихъ, какъ о названіяхъ предметовъ, скорѣе скажемъ, что словомъ „краснота“ обозначается нѣкоторое качество, а словомъ „ходьба“—нѣкоторое дѣйствіе. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ, какая же разница между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, между существительнымъ и глаголомъ.

Остановимся сначала на самомъ простомъ случаѣ, на названіяхъ въ родѣ—„столъ“. Не достаточно сказать, что это названіе служитъ для обозначенія извѣстнаго предмета. Кромѣ этой объективной стороны есть еще субъективная. Слово „столъ“ служитъ обозначеніемъ соотвѣтствующему умственному акту—нашему представленію даннаго предмета: мы можемъ говорить и думать о столѣ не видя его, а лишь имѣя въ умѣ представленіе или идею этого предмета. Идея стола—сложная и образовалась въ нашемъ умѣ изъ массы ощущеній, полученныхъ нами въ теченіе жизни и относящихся къ данному классу предметовъ. Въ сложную идею стола привходятъ, въ качествѣ частныхъ, идеи величины, формы, цвѣта, твердости и т. д. Возможно, что изъ массы частныхъ идей стола мы обратимъ особенное вниманіе на одну какую-либо, положимъ на признакъ красноты. Въ этомъ случаѣ мы назовемъ сложное

или цѣлое представленіе и его частное. Названіе послѣдняго будетъ имя прилагательное. Вполнѣ понятна связь частнаго представленія со своимъ сложнымъ. Въ сферѣ языка эта связь выражается согласованіемъ прилагательнаго съ существительнымъ: красный столъ, красная доска и т. п. [1]) Одно и то же частное представленіе можетъ входить въ составъ многихъ различныхъ сложныхъ и потому простое или частное представленіе можетъ мыслиться и какъ самостоятельное или независимое. Въ такомъ случаѣ его названіе, получивши нѣкоторое отличіе посредствомъ соотвѣтствующаго суффикса, становится существительнымъ, напр.: красн-*ота* и т. п.

На основаніи сказаннаго мы можемъ слѣдующимъ образомъ провести границу между существительнымъ и прилагательнымъ: имя существительное есть названіе отдѣльнаго независимаго представленія, имя прилагательное—названіе частнаго представленія въ другомъ цѣломъ представленіи. Однако такое разграниченіе можетъ повести къ нѣкоторому недоразумѣнію. Напр., въ выраженіи: передай *книгу въ переплетѣ*—слово „въ переплетѣ", согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, нужно считать прилагательнымъ, такъ какъ оно обозначаетъ одинъ изъ признаковъ другаго представленія. Если судить исключительно со стороны значенія, то мы должны будемъ признать справедливымъ такое заключеніе. Но выше уже было замѣчено, что прилагательное согласуется со своимъ существительнымъ, значитъ—ему свойственна опредѣленная форма. [2]) Отсюда слѣдуетъ, что при опредѣленіи частей рѣчи нельзя ограничиваться одной семазіологической стороною, необходимо указывать и на формальныя особенности. Точно также не

---

[1]) Англійскій языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи особенность, состоящую въ утратѣ согласованія: въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Ср. урало-алтайскіе языки, гдѣ однакожъ отсутствіе согласованія въ прилагательныхъ первично.

[2]) Очень часто для выраженій, имѣющихъ смыслъ прилагательнаго, но по формѣ не принадлежащихъ къ прилагательнымъ, можно подобрать образованія, которыя при томъ же значеніи имѣютъ и форму прилагательнаго, напр. книга для записи=записная книга, человѣкъ съ круглымъ лицомъ=круглолицый человѣкъ, книга въ переплетѣ=переплетенная книга и т. п.

достаточно обращать вниманіе на одну формальную сторону. Такія слова, какъ: *мастеровой, полицейскій, столовая* и т. д. по формѣ—прилагательныя, но, употребляясь безъ существительнаго, они въ силу значенія становятся существительными.

Что касается именъ числительныхъ и мѣстоименій, то они встрѣчаются также въ двухъ модификаціяхъ —существительной и прилагательной, сравни *сто* || *сотый, я* || *мой* и т. п.

Недостаточность обычнаго опредѣленія глагола, что онъ показываетъ дѣйствіе предмета, видна изъ того, что согласно съ этимъ опредѣленіемъ въ разрядъ глаголовъ должны быть отнесены многія существительныя, напр. *ходьба, чтеніе* и т. п. Чтобы избѣжать такого смѣшенія, приведенное опредѣленіе должно дополнить указаніемъ отличительныхъ признаковъ между такими словами, какъ *хожу* || *ходьба, читаетъ* || *чтеніе* и т. п. Легко замѣтить, что глаголы—хожу, читаетъ, писалъ и пр. обозначаютъ не просто дѣйствіе, но съ оттѣнкомъ времени, лица и числа. Когда я слышу, напр., слово „читаемъ", я имѣю возможность судить не объ одномъ дѣйствіи, но также о времени дѣйствія, числѣ совершающихъ дѣйствіе и лицѣ. Если мы обратимся къ соотвѣтствующимъ существительнымъ (ходьба, чтеніе и пр.), то уже не встрѣтимъ указанныхъ оттѣнковъ. Такія существительныя обозначаютъ лишь представленіе дѣйствія, благодаря имъ мы мыслимъ дѣйствіе какъ нѣчто самостоятельное, какъ бы бытіе, благодаря имъ дѣйствіе какъ бы опредмечивается. Вмѣстѣ съ тѣмъ имени существительному свойственны свои отличительные оттѣнки значенія, которыхъ не имѣетъ глаголъ, какъ напр. падежные. Семазіологическому различію между существительными и глаголами соотвѣтствуетъ формальное различіе: имя существительное склоняется и для того имѣетъ опредѣленныя падежныя окончанія, а глаголъ спрягается посредствомъ своей особой системы глагольныхъ окончаній.

Но какъ смотрѣть на неопредѣленное наклоненіе? По происхожденію своему оно представляетъ падежную форму имени существ., и иные склонны считать въ силу этого неопредѣленное наклоненіе существительнымъ и для современнаго русскаго языка; однакожъ ясно, что явленія современнаго языка нельзя опредѣлять мѣркою прошлаго. Сравнивая выраженія: я люблю *пить* || я люблю *питіе*, легко замѣтить,

что въ первомъ случаѣ предполагается, что я самъ люблю пѣть, тогда какъ во второмъ случаѣ нѣтъ этого оттѣнка лица. Выраженіе: ты любишь *пѣть*—указываетъ на второе лицо (т. е. какъ бы: ты любишь ты пѣть).

Подобно тому, какъ существительное опредѣляется прилагательнымъ, такъ глаголъ опредѣляется нарѣчіемъ, самое названіе котораго показываетъ, что оно относится къ „рѣчи", т. е. глаголу (срв. латин. названіе *adverbium*, т. е. „приглаголіе"). Остановимся на нарѣчіяхъ, которыя произошли отъ прилагательныхъ. Такія нарѣчія въ русскомъ языкѣ чаще всего представляютъ собою краткую форму прилагательныхъ средняго рода на *-о*, напр. хорошо, дурно, скоро и т. д. Подобныя формы, стоя при существительныхъ средняго рода, представляютъ явленіе согласованія. При глаголѣ онѣ не могли исполнять такой функціи, обозначая признакъ дѣйствія;[1]) такимъ образомъ онѣ получили смыслъ нарѣчій и обособились отъ прилагательныхъ, но подобно послѣднимъ способны къ степенямъ сравненія.

Какъ мы уже видѣли, существуютъ два основныхъ типа нашихъ представленій—существительный и глагольный. Глагольное дѣйствіе въ нашемъ представленіи можетъ опредмечиваться; въ такомъ случаѣ мѣсто глагола заступаетъ имя существительное. Если при этомъ глаголъ опредѣляется нарѣчіемъ только что разсмотрѣннаго вида, то мѣсто нарѣчія въ существительномъ оборотѣ должно заступить соотвѣтствующее прилагательное (напр. скоро ходить || скорая ходьба), такъ какъ

нар. : глаг. = прил. : сущ.

Кстати замѣтимъ, что въ какомъ отношеніи стоитъ прилагательное къ нарѣчію, въ такомъ же причастіе къ дѣепричастію.

Если же при глаголѣ стоитъ нарѣчіе иного происхожденія, то оно обыкновенно удерживается и въ существительномъ оборотѣ, напр. читать *наизусть* || чтеніе наизусть.

Отъ знаменательныхъ частей рѣчи, способныхъ къ флексіи, отличаютъ группы словъ и словечекъ, именуемыхъ час-

[1]) Такъ какъ дѣйствію чуждо представленіе рода, то форма средняго рода была наиболѣе подходящей.

тицами и представляющихъ въ общемъ какъ бы окостенѣвшія формы, обособившіяся отъ своихъ системъ и уже не имѣющія формальныхъ различій; сюда относятся предлоги и союзы (напр. около, хотя и пр.). Предлоги представляютъ собою нерѣдко дальнѣйшую ступень измѣненія нарѣчій въ направленіи болѣе тѣснаго соединенія съ именемъ (не глаголомъ: значитъ—перемѣщеніе въ отношеніяхъ словъ въ предложеніи, родъ переразложенія); [1]) союзы по своему значенію стоятъ особо отъ предлоговъ; нѣкоторыя словечки не подойдутъ ни подъ ту, ни подъ другую группу, являясь собственно частицами (срв. „*Вѣдь вишь* смѣется,—продолжалъ Лупихинъ", Тургеневъ Собраніе сочиненій, 1883, II 321); о междометіяхъ скажемъ ниже.

Излишне пояснять, что то разнообразіе въ сферѣ частей рѣчи, какое мы встрѣчаемъ въ современномъ русскомъ языкѣ, развилось лишь постепенно. Такимъ образомъ нашъ вопросъ можетъ изучаться не только съ точки зрѣнія современнаго состоянія языка, но и историческаго его развитія. При этомъ не достаточно ограничиться однимъ русскимъ языкомъ, но необходимо сравнивать изучаемыя явленія съ такими же другихъ родственныхъ языковъ. Правильному уясненію поможетъ, далѣе, сравненіе аналогическое, состоящее въ сравненіи изучаемаго круга явленій въ языкахъ неродственныхъ. Замѣтимъ еще, что при изслѣдованіи развитія частей рѣчи мало ограничиться простымъ констатированіемъ фактовъ развитія, но необходимо стремиться къ выясненію направленія и факторовъ таковаго развитія. Для подобнаго освѣщенія историческихъ процессовъ важное значеніе имѣетъ изученіе соотвѣтствующихъ явленій въ сферѣ индивидуальной: наблюденія надъ собою, дополняемыя наблюденіями надъ другими, наблюденія надъ постепеннымъ образованіемъ языка дѣтей, надъ разстройствами рѣчи и т. п. Имѣя въ виду на основаніи возможно широкой индукціи научно обосновать классификацію частей рѣчи, нужно установить точки зрѣнія: точка зрѣнія формальная и семазіологическая и отношеніе ихъ къ

---

[1]) Срв. напр. слово «*послѣ*», употребляющееся и какъ нарѣчіе, и какъ предлогъ; нѣм. *zunächst* представляетъ собою также случай чередованія значеній нарѣчія (относимаго къ глаголу) и предлога (относимаго къ имени): нар. «прежде всего», предл. съ Дат.—«подлѣ, близь».

точкамъ зрѣнія синтаксической (члены предложенія) и логической (категоріи); статическое и сравнительно-генетическое изученіе; наконецъ, при классификаціи необходимо соблюденіе условій перспективы — не смѣшивать роды и виды. Вотъ главнѣйшіе пункты, которые нужно имѣть въ виду въ области изслѣдуемаго нами предмета.

Обратимся къ разъясненію развитія частей рѣчи въ аріо-европейскомъ семействѣ языковъ, по-скольку позволяютъ судить о томъ факты морфологіи этихъ языковъ.

Прежде всего отмѣтимъ существованіе данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что развитіе частей рѣчи совершалось въ живой рѣчи, въ предложеніи. Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли напр. считать *имя* resp. *мѣстоименіе* и *глаголъ* двумя совершенно особыми частями рѣчи; но въ предложеніи они могутъ быть связаны между собою, какъ подлежащее и сказуемое; отсюда произошло то, что въ глаголѣ въ 1 мн. вмѣсто древняго окончанія -мъ въ нѣкоторыхъ старо-славянскихъ памятникахъ встрѣчается иногда -мы и, несомнѣнно, подъ вліяніемъ мѣстоименія соотвѣтствующаго лица (подобное явленіе какъ обычное имѣетъ мѣсто въ польскомъ); также видъ окончанія 1 дв. -вѣ, настоящаго и прошедшихъ временъ, не вполнѣ оправдываемый сравненіемъ, находитъ себѣ объясненіе въ ассимилирующемъ вліяніи соотвѣтствующей мѣстоименной формы. Въ виду этихъ и тому подобныхъ фактовъ можно считать доказаннымъ то положеніе, что и *развитіе системы частей рѣчи совершалось въ предложеніи*; наблюденія надъ развитіемъ дѣтской рѣчи также подтверждаютъ это положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣждаемся, что при изслѣдованіи эволюціи частей рѣчи мы должны избѣгать встрѣчающагося нерѣдко произвольнаго философствованія, такъ какъ можемъ находить необходимыя указанія въ фактахъ языка; должно стараться о томъ, чтобы каждый шагъ въ генетическомъ построеніи опирался на факты языка, содержащіе признаки морфологическаго развитія въ томъ или иномъ направленіи.

Посмотримъ, напр., что намъ скажутъ факты о соотношеніи категорій *имени* и *глагола*. Оказывается, что морфологическое строеніе словъ этихъ двухъ категорій представляетъ

много сходнаго: 1) весьма нерѣдкая общность корней λέγω || λόγος); 2) тематическая и не-тематическая флексія имѣетъ мѣсто какъ въ имени, такъ и въ глаголѣ (οἶκ-ο-ς || γύπ-ς; λέγ-ο-μεν || ἴ-μεν); 3) тематическое склоненіе характеризуется постояннымъ удареніемъ, а не-тематическое склонно къ переходу ударенія, подобное различіе наблюдается и въ спряженіи; 4) имя и глаголъ представляютъ рядъ одинаковыхъ суффиксальныхъ элементовъ (ĕ || ŏ, jĕ || jŏ, nĕ || nŏ, tĕ || tŏ, ĕu и нѣк. др.) и рядъ другихъ сходствъ въ способѣ образованія, напр. назализація въ корнѣ или же редупликація встрѣчаются при образованіи словъ той и другой категоріи. Такой значительный параллелизмъ въ образованіи именъ и глаголовъ свидѣтельствуетъ объ общности происхожденіи этихъ двухъ морфологическихъ категорій, указываетъ на то, что могло быть время, когда имя и глаголъ формально не различались; [1])

---

[1]) А. А. Потебня старался вообразить себѣ характеръ значенія такихъ корневыхъ комплексовъ въ роли словъ: онъ полагалъ, что слова тогда были не именемъ и не глаголомъ, а одновременно тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. «Такимъ образомъ слово, предполагаемое лексическою частью (лек-) глагола летитъ, означало не дѣйствіе, взятое отвлеченно, а еще неразложенное восприятіе, безразличную совокупность предмета и дѣйствія, напр. не полетъ, приписываемый птицѣ, а летящую птицу безъ всякаго разложенія этого явленія. Такое же значеніе въ той же мѣрѣ предполагается и именемъ и есть столь же доименное, какъ доглагольное». (Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ 1888, стр. 83). Затѣмъ возникло различіе между категоріями имени—сущ. и прил., при чемъ авторъ находитъ, «что первобытное имя, предшествовавшее выдѣленію категорій существительнаго и прилагательнаго, по способу представленія въ немъ признака ближе всего подходило къ причастію; что оно могло бы быть названо причастіемъ, если бы съ послѣдняго снять слои, налегшіе на него впослѣдствіи» (Ib. стр. 88) и въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ примѣняетъ къ этой предполагаемой части рѣчи названіе «имя-причастіе», но еще безъ временъ, залоговъ, родовъ, чиселъ, падежей (Ib.). Итакъ, мы видимъ, что у проф. Потебни точка зрѣнія на части рѣчи генетическая, онъ старается представить постепенное возникновеніе частей рѣчи, начиная отъ первобытнаго, безформеннаго состоянія. Но при этомъ можно замѣтить, что методъ въ его общихъ построеніяхъ по-преимуществу апріорно-философскій, а потому нѣсколько односторонній; слишкомъ мало обращено вниманія на данныя сравнительной морфологіи, которыя въ этомъ случаѣ представляли бы болѣе надежную опору.

когда же стали складываться формальныя различія этихъ двухъ частей рѣчи и къ глагольнымъ словамъ стали присоединяться мѣстоименные личные признаки, то этимъ предполагается существованіе въ эту эпоху также разряда *мѣстоименныхъ* словъ.

Если бы мы пожелали найти въ современныхъ языкахъ нѣкоторое подобіе древнѣйшему употребленію корней, то таковое представляютъ „глагольныя частицы“, какъ напр. рус. „бацъ!“ „трахъ!“ и т. п. Подобное явленіе наблюдается и въ исторіи дѣтской рѣчи, именно въ томъ случаѣ, когда слово образуется самимъ ребенкомъ на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него тѣмъ или другимъ предметомъ, напр. t'at'at'á для обозначенія игры на рояли и т. п.[1]) Подтвержденіе представляетъ также сравнительная морфологія. Между формами глагольными и именными есть одна наиболѣе краткая, свободная отъ окончаній: въ именахъ—это зв. ед. (*λύκε*...), а въ глаголѣ—2 ед. повел. (*λέγε*...). Въ этомъ фактѣ можно видѣть отголосокъ древнѣйшаго семазіологическаго характера словъ-корней въ примѣненіи ихъ къ зову и восклицаніямъ. Изъ неродственныхъ языковъ укажу на татарскій, гдѣ 2 ед. повел. представляетъ глагольный корень безъ всякаго аффикса. Можно думать, что одни первоначальные корни были преимущественно глагольнаго характера и выражали движеніе, а другіе—преимущественно именнаго характера и выражали впечатлѣнія качества, напр. цвѣта, шумовъ и т. п. Корни одного характера значенія примѣнялись и для другаго значенія, отсюда параллелизмъ: *λέγω* || *λόγος*, *φέρω* || *φόρος* и т. д. (ср. выше стр. 253 о примѣненіи корня jabh или jambh въ санскритѣ). Кромѣ того, были еще субъективно-междометныя восклицанія боли, страха и т. п.

Сравнивая образованіе именъ *существительныхъ* и *прилагательныхъ*, не трудно замѣтить поразительную одинаковость въ образованіи этихъ категорій, что свидѣтельствуетъ о томъ, что одинаковость выраженія тянулась дольше въ области этихъ двухъ категорій, по сравненію съ именемъ и глаголомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ въ разсматриваемыхъ категоріяхъ 1) обширный рядъ однихъ и тѣхъ же суффиксовъ, 2) въ одномъ и томъ же языкѣ слово нерѣдко употребляется и какъ при-

[1]) См. Александровъ А. Дѣтская рѣчь (1883) стр. 25—26.

лагательное, и какъ существительное, напр. рус. другъ || другой; скт. dēváḥ значитъ „небесный, божественный“ и „богъ“, çūraḥ—„храбрый, мужественный“, а также „герой“, 3) иногда слово въ одномъ языкѣ извѣстно въ значеніи существительнаго, а въ другомъ языкѣ то же слово имѣетъ значеніе прилагательнаго, напр. скт. yajñáḥ *m.* „жертва, жертвоприношеніе“=греч. ἁγνός „священный“.

Что касается способа первоначальнаго сочетанія прилагательнаго съ существительнымъ, то отголоскомъ таковаго являются древнѣйшія сложенія, показывающія, что прилагательное, присоединяясь къ существительному, не склонялось, т. е. какъ напр. въ англійскомъ, или же въ турецко-татарскихъ языкахъ (ср. ἀκρόπολις=ἡ ἄκρα πόλις и т. п.); но, являясь въ смыслѣ существительнаго, то же слово получало склоненіе, которое затѣмъ стало примѣняться и въ случаѣ значенія прилагательнаго. Первоначальная несклоняемость прилагательнаго была подобна несклоняемости числительныхъ, какъ напр. греч. πέντε, ἕξ и проч., представляющихъ въ этомъ отношеніи явленіе переживанія.

Относительно древности *мѣстоименій* мы уже указали, что въ эпоху формальной дифференціаціи имени и глагола мѣстоименія уже существовали, хотя и не имѣемъ данныхъ опредѣлить, въ какомъ объемѣ и въ какомъ видѣ. Такая древность находитъ подтвержденіе еще въ томъ обстоятельствѣ, что мѣстоименное склоненіе представляетъ рядъ отличій отъ именнаго, свидѣтельствующихъ о нѣкоторой особности въ возникновеніи и развитіи той и другой категоріи, т. е. именъ и мѣстоименій; кромѣ того, мѣстоименные первичные корни отличны отъ корней имя-глагольныхъ. Но надо признать, что древнія личныя мѣстоименія все-таки менѣе древни сравнительно съ древнѣйшими случаями корневаго употребленія имени-глагола; по крайней мѣрѣ въ развитіи дѣтской рѣчи личныя мѣстоименія появляются относительно поздно. [1])

Что касается категоріи *числительныхъ*, то наблюденія надъ языкомъ дикарей показываютъ, что при достаточной развитости другихъ категорій рѣчи категорія именъ числительныхъ нерѣдко оказывается слабо развитою. Такое позднее раз-

---

[1]) См. Александровъ ук. соч. стр. 28. Ср. В. Благовѣщенскій въ Р. Ф. В. 1886, № 3, стр. 96.

витіе этой категоріи подтверждается и наблюденіями надъ дѣтьми.[1]) Все-таки въ праязыкѣ аріо-европейскомъ, какъ показываетъ сравнительное изслѣдованіе, счетъ успѣлъ выработаться дальше сотни (и по крайней мѣрѣ діалектически доходилъ до тысячи), что стоитъ въ согласіи съ тѣмъ выводомъ сравнительной грамматики, что и грамматическій строй языка успѣлъ уже достигнуть къ тому времени у аріо-европейцевъ значительнаго развитія.

Предлоги представляютъ собою дальнѣйшее семазіологическое развитіе изъ нарѣчій, которыя въ свою очередь происходятъ отъ прилагат., отчасти же отъ существит. На родство предлоговъ съ прилагательными (черезъ посредство нарѣчій) указываютъ нерѣдкіе случаи, гдѣ форма предлога лежитъ въ основаніи образованія сравнительной и превосходной степени прилагательнаго, какъ напр. отъ префиксальнаго корня *ud-* („воз-, вы-") въ санскритѣ образуется сравн. степень прил. ú t - t a r a ḥ (болѣе высокій), превосх. степ. u t - t a m á ḥ (самый высокій), которымъ соотвѣтствуютъ въ греческомъ образованія отъ того же корня: *ὕσ-τερος* (позднѣйшій), *ὕσ-τατος* (послѣдній, крайній). На возможность происхожденія предлоговъ отъ существительныхъ (опять черезъ посредствующую ступень нарѣчія) указываютъ случаи такого же ихъ происхожденія въ позднѣйшей исторической жизни языковъ, ср. въ санскритѣ á r t h ē „ради, для" отъ сущ. ártham (или árthaḥ) „работа, дѣло". Болѣе полная первоначально знаменательность предлоговъ доказывается случаями отдѣльнаго ихъ употребленія при глаголахъ у Гомера и въ ведахъ, т. е. какъ бы въ роли нарѣчія; въ позднѣйшей жизни они *понижаются въ своей знаменательности* до степени формальныхъ элементовъ слова, особенно при развитіи аналитическаго строя.

Древнѣйшіе *союзы* имѣютъ мѣстоименное происхожденіе (ср. quum, quod, *ἔτι, ὥστε,* что, такъ какъ...), а это указываетъ на то, что первоначально это были мѣстоименныя сло-

---

[1]) Въ словарѣ, приложенномъ къ изслѣдованію проф. А л е к с а н д р о в а, въ рѣчи наблюдавшагося ребенка (начало третьяго года жизни), при отсутствіи личныхъ мѣстоименій, изъ числительныхъ оказываются только первыя три.

вечки, служившія для указанія ассоціаціонной связи между понятіями въ фразахъ.

Изложеніе дальнѣйшаго морфологическо-синтаксическаго развитія, не входящее въ программу настоящаго очерка, должно также опираться какъ можно болѣе на данныя морфологіи, а не быть апріорно-философскимъ; я надѣюсь со временемъ представить свои воззрѣнія по этому вопросу въ особой статьѣ.

Мы достаточно убѣдились въ глубокомъ основаніи частей рѣчи: эти категоріи дѣйствительно существуютъ въ умѣ говорящихъ и такъ или иначе свойственны всѣмъ типамъ языковъ на земномъ шарѣ. Послѣ этого не должна показаться странною попытка освѣтить вопросъ о частяхъ рѣчи съ точки зрѣнія психо-физіологической. Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на развитіе научныхъ знаній, то замѣтимъ, что въ самомъ началѣ они стоятъ близко къ популярнымъ воззрѣніямъ, опирающимся на ближайшія чувственныя воспріятія отъ явленій, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи наука стремится по-возможности понять явленіе въ его сущности, и мало-по-малу тѣ же явленія опредѣляются уже согласно съ новыми умственными завоеваніями въ этомъ направленіи. Такъ, напр., физика въ ученіи о звукѣ не ограничивается указаніемъ слуховыхъ ощущеній, но говоритъ о разнаго рода колебаніи частицъ воздуха и анализируетъ эти колебанія; въ ученіи о свѣтѣ говорится о колебательномъ состояніи эѳира, т. е. среды, по которой распространяются свѣтовыя колебанія и пр. Подобнымъ же образомъ языковѣдъ въ ученіи о звукахъ не ограничивается указаніемъ произносимыхъ звуковъ того или другаго языка, но разсматриваетъ ихъ какъ сложные комплексы мышечныхъ работъ аппарата рѣчи, стараясь точнѣе опредѣлить участіе тѣхъ или другихъ мышечныхъ группъ и прибѣгая даже къ способамъ экспериментальнаго изслѣдованія. Но было бы односторонне остановиться на одной периферической сторонѣ артикуляцій, такъ какъ мышечныя сокращенія совершаются подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ, идущихъ изъ соотвѣтствующаго артикуляціоннаго центра головнаго мозга, мѣсто котораго уже извѣстно наукѣ (помѣщается въ третьей лобной извилинѣ); такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, звукъ представляетъ какъ бы одно-

временный аккордъ двигательныхъ импульсовъ, вызывающихъ сокращенiе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ. Но, какъ мы знаемъ, слова наши связаны съ представленiями и понятiями. Наука старается понять и эту область по возможности ближе къ дѣйствительности, пользуясь успѣхами психо-физiологiи. Вотъ тѣ мотивы, которые оправдываютъ мою попытку разсмотрѣть вопросъ о частяхъ рѣчи съ точки зрѣнiя психо-физiологической, при чемъ однако напомню, что, не смотря на всѣ открытiя по локализацiи психическихъ актовъ, по-прежнему остается непостижимою природа души и характеръ ея связи съ матерiальною стороною въ психическихъ актахъ.

Въ своемъ разсмотрѣнiи мы будемъ исходить изъ наиболѣе типичныхъ примѣровъ частей рѣчи, потому будемъ предпочитать слова первичныя по образованiю и съ наиболѣе конкретнымъ (физическимъ) значенiемъ, напр. „столъ", „бѣгу" и т. д., стараясь опредѣлить ихъ психо-физiологическую основу.

Простѣйшiя *имена существительныя* являются словесными символами для комплексовъ нашихъ ощущенiй отъ воспрiятiй предметовъ внѣшняго мiра посредствомъ органовъ чувствъ. Въ основѣ самаго названiя предмета обычно заложено наиболѣе поразившее впечатлѣнiе, напр. цвѣта („черника"), запаха („смородина"), звука („кукушка") и т. п., но затѣмъ названiе стало обозначенiемъ цѣлаго предмета. Въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ словесный символъ (локализующiйся въ третьей лобной извилинѣ) ассоцiируется съ соотвѣтствующими центрами внѣшнихъ чувствъ, напр. съ затылочною областью, какъ мѣстомъ зрительныхъ ощущенiй, и пр.

Имена прилагательныя обозначаютъ лишь одинъ какой-либо признакъ въ предметѣ, это—имена объ одномъ признакѣ, воспринимаемомъ тѣмъ или другимъ чувствомъ. Значитъ, въ прилагательномъ мозговой центръ менѣе обширенъ, находясь въ томъ или другомъ одномъ чувственномъ участкѣ (тогда какъ существительное является аггрегатомъ разныхъ чувственныхъ воспрiятiй). Значитъ, въ этомъ случаѣ и связь съ словеснымъ символомъ болѣе проста. [1])

---

[1]) Впослѣдствiи, путемъ новообразованiя, возникаютъ въ языкѣ прилагательныя по существительнымъ (какъ и наоборотъ—отъ первичныхъ прилагательныхъ производятся опредмеченныя названiя качества).

Что касается простѣйшихъ *глаголовъ*, то это глаголы движенія. При всякомъ нашемъ движеніи приходятъ въ дѣятельность тѣ или другіе отдѣлы тѣла, и прежде всего назовемъ руки, ноги. Движенія вызываются *нервными импульсами* изъ соотвѣтствующихъ участковъ двигательной зоны мозговой коры и сопровождаются *мышечными ощущеніями*. [1]) Такимъ образомъ, въ простѣйшихъ глаголахъ центръ рѣчи связывается съ мышечно-двигательными областями мозговой коры. При этомъ будетъ разница, совершаю ли движеніе *я*, или же другое лицо: мышечное чувство имѣетъ мѣсто только въ первомъ случаѣ, тогда какъ во второмъ случаѣ оно можетъ лишь вспомниться на основаніи собственнаго опыта, а впечатлѣнія получаются только отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Конечно, эти послѣднія имѣютъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда я самъ совершаю движеніе, но имѣютъ дополнительное значеніе. Въ глаголахъ такимъ образомъ выступаетъ разница между *я* и *не-я*, при чемъ разница главнымъ образомъ заключается въ присутствіи или же отсутствіи мышечнаго чувства. Что же касается тѣхъ внѣшнихъ ощущеній, которыя главнѣйше получаются, когда движеніе совершаетъ другой субъектъ, то таковыя отличаются отъ именныхъ тѣмъ, что содержатъ еще двигательный моментъ, заключающійся напр. въ поворачиваніи головы, глазъ и т. п., чтобы слѣдить за движеніемъ, остановившимъ вниманіе. Конечно, вполнѣ тѣ же движенія, которыя совершаю *я*, можетъ совершать только такой же человѣкъ, такъ что я, не смотря на отсутствіе тожественныхъ съ моими мышечныхъ ощущеній отъ его движенія, приписываю и ему такія же состоянія и вижу въ немъ другаго *я*, т. е. *ты*. Все же остальное является въ роли именъ, могущихъ сопровождаться еще указаніемъ. И такъ, въ простѣйшихъ глаголахъ словесные центры связаны преимущественно съ областью мышечно-двигательныхъ центровъ, а второстепенно также съ центрами другихъ ощущеній, но все-таки съ двигательнымъ элементомъ.

---

[1]) Физіологія пока еще не въ состояніи точно обозначить област мышечныхъ ощущеній въ головномъ мозгу; полагаютъ, что они локализуются почти въ тѣхъ же областяхъ, какъ и соотвѣтствующіе двигательные импульсы, съ которыми они тѣснѣйшимъ образомъ сочетаются.

Что касается *мѣстоименій личныхъ*, то они являются результатомъ признанія сходства между собою и другими такими же людьми (первое и второе лицо) и различія съ остальными бытіями или предметами, которыя особо называются, сопровождаясь указаніемъ. Значитъ, существованіе въ языкѣ личныхъ мѣстоименій находится въ связи съ признаніемъ себѣ подобныхъ. Отсюда на мѣстоименія не должно смотрѣть, какъ на замѣну именъ—какъ говорится въ школьныхъ грамматикахъ, но какъ на самостоятельное явленіе чрезвычайной важности, указывающее на развитіе культурнаго общенія человѣка съ ему подобными. А такъ какъ рѣчь развивается при общеніи людей, то мѣстоименія личныя должны были возникнуть въ начальныя времена этого общенія. Потому-то основные мѣстоименные корни не производные. Такимъ образомъ, для мѣстоименій не приходится искать особыхъ центровъ: мѣстоименіе перваго лица есть словесный символъ, указывающій на сознаніе своихъ ощущеній, а мѣстоименіе втораго лица есть словесный символъ, выражающій сознаніе сходства себя съ другими людьми. Значитъ, мѣстоименія указываютъ на интеллектуальный ростъ сознанія (совершающійся, вѣроятно, въ связи съ развитіемъ лобныхъ долей мозга).

Нарѣчія обозначаютъ одинъ какой-либо обстоятельственный признакъ дѣйствія, а потому локализація ихъ — какъ и именъ прилагательныхъ—болѣе проста. Быть можетъ, первоначально нарѣчія, стоя при глаголахъ, преимущественно относились къ мышечно-двигательной области, выражая различія по степени (быстро, тихо и т. п.), тогда какъ прилагательныя — къ области сенсорной, въ дальнѣйшемъ же развитіи языка, конечно, происходило взаимодѣйствіе между тою и другою категоріею: образованіе прилагательныхъ по нарѣчіямъ и нарѣчій по прилагательнымъ.

Первоначальное значеніе *предлоговъ* (предложныхъ нарѣчій) — выражать пространственное и временное отношеніе предметовъ и направленіе движенія. Таковыя ощущенія опираются главнымъ образомъ на мышечное чувство глаза, а потому и локализуются въ соотвѣтствующей области мышечно-двигательной зоны мозговой коры. А такъ какъ пространственныя воспріятія получаются въ связи съ чувствомъ времени, то отсюда—обычныя чередованія въ предлогахъ значеній мѣст-

наго и временнаго (встрѣчающіяся и въ другихъ частяхъ рѣчи).

Союзы служатъ для опредѣленія ассоціацій представленій по смежности и послѣдовательности (*и, когда*), а въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ выражать и причинность (*когда, такъ какъ*), подобіе, различіе и контрастъ (*какъ; но, а*). Изъ сказаннаго видно, что союзы не имѣютъ спеціальной локализаціи въ мозгу, а только выражаютъ виды состояній сознанія отъ разныхъ типовъ ассоціаціи, а потому кажется, что должны быть относимы къ интеллектуальной работѣ лобныхъ долей мозга.

Что касается *междометій*, то они по происхожденію представляютъ рефлекторные крики, вызываемые тѣмъ или другимъ сильнымъ впечатлѣніемъ, напр. боли, радости и т. п. Они, стало быть, не представляютъ первоначально опредѣленной локализаціи, входя въ составъ рефлекса; въ послѣдующемъ развитіи языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоціи. Особый видъ междометій — звукоподражанія, первоначально родъ рефлекса со слуха на органъ произношенія.

Въ заключеніе психо-физіологическаго разсмотрѣнія частей рѣчи долженъ упомянуть о весьма важномъ значеніи въ этомъ отношеніи изслѣдованія разнообразныхъ разстройствъ рѣчи, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *афазіи*, изложеніе которыхъ я оставляю до другаго случая.

Библіографическія указанія. Кромѣ извѣстныхъ общихъ грамматическихъ трудовъ *Буслаева, Миклошича, Потебни* назовемъ: Некрасовъ Н. О значеніи формъ русскаго глагола (1865). Глаголевскій П. Синтаксисъ языка русскихъ пословицъ (1873). Коршъ Ѳ. Способы относительнаго подчиненія. Глава изъ сравнительнаго синтаксиса (1877). Ульяновъ Г. Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ (1888); Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ (I—II, 1891, 1895); ср. разборъ акад. Фортунатова въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ 1897 г. Jagić V. Beiträge zur slavischen Syntax. Zur Analyse des einfachen Satzes: erste Hälfte. Wien 1899. Поржезинскій В. Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ. Общее введеніе; образованіе формъ лица и основъ времени и наклоненія. М. 1901. Затѣмъ укажемъ статьи В. Андреева въ Ж. М. Н. Пр.: Къ вопросу о синтактической роли неопредѣленнаго наклоненія въ русскомъ языкѣ (1893, май, стр. 68—88); Русскія полныя придаточ-

пыя предложенія (1894, январь, стр. 129—147); Опредѣленіе предложенія въ русскомъ языкѣ (1894, октябрь, 343—376); Знаменательныя и служебныя слова въ русской рѣчи (1895, октябрь); Ученіе о періодѣ въ русскомъ языкѣ (1897, мартъ). Будде Е. Къ ученію о синтаксисѣ простаго предложенія (Синтаксисъ неопредѣленнаго наклоненія въ простомъ предложеніи) въ Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль,—по поводу первой изъ названныхъ статей г. Андреева. Погодинъ А. Основной курсъ общаго языкознанія (1897), главы VII—VIII. Delbrück Vergleich. Syntax der indogermanischen Sprachen I—III (1893—1900), ср. на этотъ трудъ обстоятельную рецензію И. В. Нетушила въ трехъ книжкахъ Филол. Обозр. въ отдѣлѣ Критики и библіографія: 1900 г.—т. XVIII кн. 2 (стр. 86—110)=Введ. и гл. I—XV; т. XIX кн. 1 (стр. 3—37)=гл. XVI—XXXIV; 1901 г.—т. XX кн. 1 (стр 1—21)=гл. XXXV—XLVIII. Овсянико-Куликовскій Д. Синтаксисъ русскаго языка. Его же Синтактическія наблюденія, Ж. М. Н. Пр., май 1897 г. и май 1898 г.—Относительно разстройствъ рѣчи срв., между прочимъ, Александровъ А. Наблюденія по патологіи рѣчи, 1888 (Отт. изъ Рус. Фил. Вѣстн.); Богородицкій В. Случай афазіи,—см. мой автореферать во Врачѣ, 1900, № 32, стр. 984. Капитальнымъ трудомъ по разстройствамъ рѣчи является монографія Kussmaul'a, имѣющаяся и въ русскомъ переводѣ.

20. Психологія поэтическаго творчества въ соотношеніи съ научнымъ.

(*Къ теоріи поэзіи и прозы*).

Въ четырехъ предшествующихъ очеркахъ мы разсматривали слова нашей рѣчи съ психологической точки зрѣнія; теперь мы попытаемся выяснить съ этой же точки зрѣнія процессы, которые ведутъ къ цѣлымъ произведеніямъ рѣчи, другими словами—разсмотримъ психологію творчества поэтическаго и научнаго, оставляя въ сторонѣ повседневныя мышленіе и рѣчь. При этомъ мы покажемъ, что творческое вдохновеніе, какъ движущая и комбинирующая сила ума, въ сущности одно и то же и въ наукѣ и въ поэзіи, разница лишь въ характерѣ элементовъ и способѣ построенія. Слѣдующій далѣе параллельный анализъ того и другаго творчества послужитъ къ доказательству этого положенія.

Слѣдуя принципу начинать изученіе сложныхъ явленій съ простѣйшихъ ихъ элементовъ, мы должны начать разсмотрѣніе сложнаго процесса творчества съ *ощущеній*, которыя являются первоначальнымъ источникомъ нашей мысли. Въ области ощущеній оказываются индивидуальныя разницы въ зависимости отъ разной тонкости нашихъ органовъ чувствъ и преобладающаго значенія того или другаго изъ нихъ, что конечно должно отражаться и на цѣломъ мышленіи. Такъ напр. французскій писатель Альфонсъ Додэ, по собственнымъ его словамъ, былъ очень близорукъ отъ рожденія и такимъ остался до конца, такъ что принужденъ былъ пользоваться лорнетомъ. „Всѣ мои глаза—въ ушахъ, какъ у слѣпаго“, го-

воритъ онъ. Хотя и зрительная его память была очень остра, однако она не такъ была способна вызывать воспоминанія. Когда онъ желалъ вспомнить прежнее состояніе души, извѣстную среду, забытыя мѣста, онъ старался припомнить, какой мотивъ онъ пѣлъ въ это время, и, вспомнивъ его, припоминалъ все остальное, относящееся къ тому времени.[1]) Однако не тонкость или преобладаніе того или другаго чувства опредѣляетъ типъ поэтической или научной мысли, а другая сторона ощущеній, именно—*характеръ воспроизведенія*: у однихъ лицъ ощущенія воспроизводятся или вспоминаются съ большею живостью или колоритностью и въ большей взаимной связности, тогда какъ у другихъ воспроизводимыя ощущенія являются болѣе блѣдными. Отъ этой разницы зависитъ—какъ увидимъ — преобладающій характеръ мысли художественный или же не-художественный (прозаическо-научный).

Изъ ощущеній слагаются наши *представленія*. Представленія могутъ быть болѣе конкретными (напр. „это дерево"), или же болѣе общими (напр. „вообще дерево"), послѣднія принято называть понятіями. Въ области представленій и понятій, образующихъ нашу мысль, можно подмѣтить весьма характерное различіе у разныхъ индивидуумовъ, состоящее въ томъ, что у однихъ лицъ мысль является *съ большей образностью* составляющихъ ее представленій и понятій, у другихъ же—*съ большей отвлеченностью*. Напр., одни лица, читая описаніе какого-нибудь событія, такъ живо при этомъ его воображаютъ себѣ, что какъ бы видятъ его совершающимся передъ глазами, между тѣмъ какъ другія лица не способны къ такой образной мысли, имъ болѣе свойственна отвлеченная мысль, и такая разница въ характерѣ мысли можетъ нерѣдко обнаруживаться уже въ раннемъ дѣтствѣ. Этотъ разный характеръ представленій и понятій, образующихъ мысль, не можетъ не сопровождаться и различіемъ въ результатахъ. Одинъ изъ указанныхъ типовъ ума благопріятствуетъ научной мысли, другой же типъ—поэтической, а именно: болѣе отвлеченный характеръ представленій и понятій благопріятствуетъ научному творчеству, склонность же къ мысли образной—поэтическому. Давно извѣстно изреченіе: *поэтъ мыслитъ обра-*

---

[1]) Книжки Недѣли, 1893, янв., 257.

зами. Насколько живы бываютъ образы воспоминанія, показываютъ слѣдующія слова Зола: [1]) „Когда я припоминаю видѣнные предметы, я вижу ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности, съ ихъ линіями, формами, цвѣтами, запахами, звуками. Матеріализація моихъ воспоминаній чрезмѣрна, освѣщающее ихъ солнце почти ослѣпляетъ меня, запахъ душитъ, детали привязываются ко мнѣ и мѣшаютъ видѣть цѣлое. Для того чтобы овладѣть собою, мнѣ надо ждать нѣкоторое время"... Тогда „воспоминаніе видѣннаго будетъ въ мѣру; на цѣломъ изъ общихъ контуровъ ясно вырисуются тогда большія архитектурныя линіи". [2])

Отмѣченная разница въ характерѣ элементовъ мысли естественно обусловливаетъ и дальнѣйшую разницу въ способѣ построенія изъ нихъ цѣлаго.

Болѣе абстрактный характеръ представленій и понятій, при которомъ нѣтъ прочно сплоченной образности, ведетъ къ *расчлененію* (диссоціаціи) изучаемаго явленія, подъ вліяніемъ сходствъ этого явленія съ другими однородными, на составныя части и каждая часть изучается въ причинномъ соотношеніи, въ своихъ видоизмѣненіяхъ и зависимостяхъ; полное, исчерпывающее изученіе расчленяемыхъ явленій или анализъ завершается синтезомъ, гдѣ явленія, предварительно расчленяемыя, снова составляются изъ своихъ уже изслѣдо-

---

[1]) Книжки Недѣли, 1893, янв., 258.

[2]) Нужно прибавить, что едва ли не чаще встрѣчается, что одно и то же лицо способно къ тому и другому характеру мысли, хотя и съ преобладаніемъ той или другой стороны. Яркими примѣрами такой способности къ обѣимъ формамъ мысли могутъ служить напр. Гете, Л. Толстой. Мнѣ приходилось наблюдать въ такомъ случаѣ періодичность, именно—дѣятельность научная смѣняется на поэтическую и обратно, въ чемъ я склоненъ видѣть проявленіе физіологической потребности къ отдыху работавшей сферы ума, который и смѣняетъ работу художественную на научную и обратно. При творчествѣ поэтическомъ болѣе затрогивается работою сфера образныхъ представленій (значитъ — заднія области большаго мозга), при творчествѣ же научномъ — сфера понятій (по преимуществу переднія или лобныя доли), и сверхъ того — въ обоихъ случаяхъ требуется работа центра рѣчи, помѣщающагося въ средней или двигательной зонѣ большаго мозга, именно—въ 3-ей лобной извилинѣ. Что же касается вопроса, какимъ именно образомъ съ матеріальною работою мозга соединяется духовная дѣятельность, это—непостижимая для насъ тайна.

ванныхъ частей, объясняются, подводятся подъ общіе законы и въ конечномъ результатѣ связываются въ одно цѣлое міропредставленіе путемъ творческой ассоціаціи. Чтобы составляемыя научныя теоріи соотвѣтствовали міру дѣйствительности, изученіе ведется строго методологически, каждый шагъ научнаго построенія обставляется доказательствами; доказательства составляютъ силу науки.

При творчествѣ художественномъ въ душѣ поэта образныя представленія постепенно и безсознательно пополняются новыми однородными представленіями, при чемъ случайныя или лишнія черты стушевываются, а постоянныя или характерныя выдѣляются въ одно сплоченное образное цѣлое. Этимъ именно путемъ постепенно вырабатываются *художественные типы.* И такъ, художественное творчество, характеризующееся образностью, совершается путемъ синтеза и ведетъ къ типичности въ художественныхъ построеніяхъ: романистъ и драматургъ, какъ наблюдатели по преимуществу, создаютъ типы людей, поэтъ-лирикъ создаетъ типическія проявленія человѣческихъ чувствованій, страданій, радости и горя. И такъ, поэтъ не копируетъ, а создаетъ типъ, представляя въ рельефномъ образѣ существенное и устраняя случайное, лишнее, которое въ дѣйствительномъ мірѣ всегда примѣшано къ типическому. Оттого представленный поэтомъ образъ выйдетъ полнѣе, ярче и логичнѣе, чѣмъ тотъ же характеръ выступаетъ въ дѣйствительности. [1]) Типы, это—открытія художественной мысли. Замѣна множества частныхъ образовъ типичнымъ ихъ воплощеніемъ освобождаетъ умъ отъ обремененія мелочами, память теперь уже не старается удерживать весь этотъ запасъ деталей и такимъ образомъ умъ получаетъ просторъ для новыхъ впечатлѣній и новыхъ художественныхъ обобщеній. Это исканіе типичнаго воплощенія для накопившихся образовъ является естественною потребностью ума и,

---

[1]) Весьма характерны слова Писарева по поводу романа «Отцы и Дѣти»: «Все наше поколѣніе — говоритъ Писаревъ — со своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа... Базаровъ — представитель нашего молодаго поколѣнія; *въ его личности сгруппированы тѣ свойства, которыя мелкими долями разсыпаны въ массахъ,* и образъ этого человѣка ярко и отчетливо вырисовывается передъ воображеніемъ читателей».

ведя къ замѣнѣ неорганизованнаго организованнымъ, является факторомъ *экономическимъ*, дѣйствующимъ въ направленіи удобства памяти поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ экономію и читателямъ, которые, знакомясь съ такими художественными обобщеніями, не затрачиваютъ того значительнаго труда, который иначе потребовался бы. Замѣтимъ, что и научныя обобщенія, группируя и объединяя массу частныхъ явленій, служатъ проявленіемъ того же *принципа экономіи духовныхъ силъ*.

Художественныя произведенія, конечно, не сразу принимаютъ окончательный видъ, но предварительно проходятъ свой, такъ сказать, скрытый или подготовительный періодъ, во время котораго поэтъ носится съ своими еще не вполнѣ опредѣлившимися образами, ища и ловя впечатлѣнія, которыя какъ элементы нужны для его созрѣвающаго творенія, и испытывая поэтическія или творческія муки. Но вотъ наступаетъ минута окончательнаго синтеза, минута высшаго вдохновенія, которой невольно подчиняется поэтъ, стремясь фиксировать въ словѣ свое творчество (эта невольность весьма поэтично представлена гр. А. Толстымъ въ его поэмѣ „Іоаннъ Дамаскинъ“). [1]) Какъ морская волна, подступая къ берегу, влечетъ за собою со дна цѣлую массу камней, такъ и волна высшаго вдохновенія поднимаетъ изъ глубины безсознательнаго постепенно накоплявшійся и уже слагавшійся въ образы матеріалъ, при чемъ вызваны и впечатлѣнія изъ дѣтскихъ лѣтъ и изъ послѣдующаго періода, не только наблюденія надъ собой, но и надъ другими,—для окончательнаго поэтическаго синтеза. Повинуясь вдохновенію, поэтъ спѣшитъ фиксировать свое художественное открытіе, занося его на бумагу, что вполнѣ понятно, такъ какъ именно въ этотъ моментъ наиболѣе яркаго и полнаго созерцанія и можно наилучшимъ

---

[1]) Черту невольности нѣкоторые считаютъ спеціальной особенностью поэтическаго творчества: «поэтъ—говоритъ Вл. Соловьевъ (В. Е. 1899, дек., стр. 671)—не воленъ въ своемъ творчествѣ; это—первая эстетическая аксіома». А между тѣмъ невольность не представляетъ собою исключительной особенности поэзіи, но присуща и научному творчеству, ибо не всегда авторъ обобщающей мысли ведетъ ее сознательно шагъ за шагомъ, по правиламъ логики, но нерѣдко бываетъ, что мысль какъ бы сама собою блеснетъ въ умѣ, вызывая даже удивленіе у самого мыслителя.

образомъ запечатлѣть идеи и образы въ словесной формѣ; Тургеневъ отмѣтилъ этотъ моментъ у Нежданова въ „Нови“, когда тотъ берется за перо, чтобы записать свое поэтическое вдохновеніе. Послѣ, въ минуты, когда нѣтъ такой творческой производительности, поэтъ можетъ заняться частной обработкой своихъ прежнихъ счастливыхъ набросковъ: каждый, разумѣется, видѣлъ автографы нашихъ поэтовъ, прилагаемые къ собранію ихъ сочиненій, и конечно не забылъ своего удивленія передъ тѣмъ, какъ много иногда великіе поэты переправляли свои первыя записи. [1]) Сказанное нами относится также и къ научному вдохновенію.

Что касается силы поэтическаго дара, то она опредѣляется не только выпуклостью образовъ, но ихъ разнообразіемъ. Даже при кажущемся однообразіи въ характерѣ поэти-

---

[1]) Позволю себѣ остановиться на одномъ, по-моему, ошибочномъ мнѣніи, выведенномъ изъ черноваго автографа Пушкина «Женитьба». Въ немъ усматриваютъ свидѣтельство того, какъ иногда стихъ плохо давался Пушкину, выводя отсюда, что поэтъ только путемъ труда могъ заставить его стать покорнымъ (этотъ выводъ принадлежитъ рецензенту книги проф. И. А. Шляпкина — Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина; см. Рус. Бог. 1903, мартъ, стр. 83 втораго отдѣла). Приведу самый набросокъ стихотворенія:

«Женись—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой—
Стара—на Салиной—проста—
На Кальской—смѣхъ у ней дурацкой—
На Шиповой—бѣдна и толста—
На Минской—слишкомъ томно дышитъ—
На Торбиной—романсы пишетъ—
На Машѣ Ланской—что за тонъ,—
Ужимокъ, гримасъ милліонъ,
На Сицкой—что за семейство.
У нихъ орѣхи подаютъ.
Они въ театрѣ щи пьютъ,
Мать, отецъ дуракъ—
Ну такъ Ленской—какъ не такъ—
Приму въ родню себѣ лакейство».

Я подчеркнулъ строки, не удовлетворяющія правиламъ ритма. Онѣ однако не приводятъ меня къ вышеприведенному заключенію. Нужно помнить, что это черновикъ, въ которомъ авторъ лишь бѣгло набрасывалъ для памяти свои мысли, частію въ ритмической формѣ, а частію въ прозѣ (но съ указаніемъ риѳмъ), какъ бы въ качествѣ программы.

ческихъ произведеній у крупнаго таланта встрѣчаемъ разнообразіе частныхъ положеній, свидѣтельствующее о богатствѣ его творческой фантазіи. Такъ, напр., читая похожденія Донъ-Кихота и ознакомившись съ рядомъ занимательныхъ приключеній героя, мы готовы уже считать этотъ рядъ исчерпаннымъ, потому что затрудняемся вообразить себѣ какое-либо новое положеніе, которое могло бы насъ заинтересовать, и однако видимъ, что геніальное творчество автора продолжаетъ создавать новыя интересныя положенія (срв. также съ этой стороны Записки Пиквикскаго клуба Диккенса, Мертвыя Души Гоголя; подобнымъ же образомъ поражаетъ богатство творческой фантазіи, какое требовалось для разнообразныхъ сценъ Дантова Ада; и т. под.). Перечитывая лирику Пушкина, вы удивляетесь богатому разнообразію отражающихся въ ней чувствованій,—вамъ кажется, что вы встрѣчаете отголоски чуть-ли не для каждаго изъ вашихъ настроеній.

Скажемъ еще о кажущемся поэтическомъ дарѣ и его главномъ отличіи отъ истиннаго таланта. Это отличіе заключается въ томъ, что мнимый поэтъ не способенъ къ представленію типическому, вмѣсто котораго онъ или копируетъ дѣйствительность (въ произведеніяхъ не-лирическихъ), или изображаетъ лишь испытанныя имъ состоянія (въ произведеніяхъ лирическихъ); вообще, такому автору не достаетъ богатства и пластичности фантазіи, онъ какъ бы прикрѣпленъ къ единичному случаю. Вотъ что говоритъ Полонскій о такихъ авторахъ: „Не разъ въ жизни—говоритъ Полонскій—встрѣчали мы людей, которые писали любовные стихи въ тотъ періодъ своей молодой жизни, когда они страстно были влюблены, встрѣчали мы и такихъ, которыхъ вдохновляло тяжкое горе, которое посѣтило ихъ. Смерть любимой женщины, изгнаніе, заточеніе, болѣзни, потеря состоянія и т. под. Стихотворенія такихъ людей часто поражаютъ насъ своей теплотой и своей искренней задушевностью, но никогда не подскажутъ вамъ, что авторы ихъ призваны быть поэтами—это все изліянія души, но не творчество. Тургеневъ когда-то по поводу присланныхъ ему стихотвореній одного изъ несчастныхъ заключенныхъ говорилъ мнѣ: „вѣдь вотъ и заключенъ былъ, и на себѣ все это испыталъ, а отчего же поэты, которые ничего этого сами не испытали, выражали чувство заключеннаго сильнѣе и даже съ большею правдой?“ и при

этомъ напомнилъ мнѣ стихотворенія: Фета—„Узникъ", Лермонтова—„Молча сижу подъ окошкомъ темницы" и Пушкина—„Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой" или, наконецъ, Байрона—„Шильонскій узникъ". Поэты могутъ даже „создавать чувство и страсть, которыхъ сами они никогда не испытывали въ дѣйствительности, но пережили ихъ въ своемъ воображеніи (зная людей, ихъ страсти, ихъ горе, ихъ радости и страданія). Если бы этого не было, то Шекспиръ долженъ бы былъ страшно ревновать, чтобъ написать Отелло, или самъ испытать чувства убійцы-тирана, чтобъ написать Ричарда III, а Пушкинъ долженъ былъ непремѣнно сидѣть въ темницѣ, когда писалъ „Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой." [1])

Какъ бы своеобразна ни была творческая комбинація, все же элементы, изъ которыхъ она создана, происходятъ не только изъ *опыта личнаго, но и историческаго* (унаслѣдованнаго), и такимъ образомъ поэтическое творчество подчиняется *закону традиціи*. Законъ этотъ справедливъ какъ въ отношеніи художественнаго, такъ и научнаго творчества. Произведенія напр. Шекспира или Дарвина не были неожиданностью: они подготовлены трудомъ предшествующихъ поколѣній. Здѣсь мы видимъ силу традиціи или унаслѣдованія культурныхъ пріобрѣтеній слѣдующею генераціей отъ предшествующей; значеніе традиціи огромно, ибо только благодаря ей *новая генерація* получаетъ возможность подвинуть впередъ прогрессъ научной и художественной мысли и идеала. Не только сюжеты, но и *форма* произведеній являются продуктомъ такого постепеннаго историческаго развитія; такъ

---

[1]) Я. П. Полонскій О законахъ творчества. Рус. Вѣстн. 1892, май, стр. 39. Авторъ, говоря о творческой силѣ фантазіи въ искусствѣ, не забываетъ сказать о важной роли той же силы и въ наукѣ: «служа ученымъ— говоритъ Полонскій — фантазія создала молекулы, атомы, эѳиръ, и по немногимъ сохранившимся въ пластахъ земли остаткамъ костей и отпечатковъ листвы создала допотопныхъ животныхъ и первобытные папоротниковые лѣса... Гипотеза ученаго есть плодъ не только логическихъ соображеній и выводовъ, но и фантазіи. Никто никогда не видѣлъ и не взвѣшивалъ, даже не ощущалъ эѳира, а между тѣмъ такая гипотеза необходима для объясненія разныхъ физическихъ явленій. Сила поэта есть та же фантазія» (1. с. стр. 43, 45).

напр. поэмы Гомера написаны гекзаметромъ, т. е. размѣромъ эпоса; этимъ же размѣромъ пользовались и эпическіе продолжатели Гомера, такъ какъ уже установилась связь или ассоціація между эпическимъ содержаніемъ и настроеніемъ и формою гекзаметра; лирическое же вдохновеніе, какъ особое, нуждалось въ особой формѣ, каковою является пентаметръ, и т. д. [1]) Такимъ образомъ, современное богатое разнообразіе стихотворныхъ формъ лишь постепенно вырабатывалось; изъ этого унаслѣдованнаго разнообразія современный поэтъ выбираетъ, отчасти безсознательно, *по аналогіи*, форму наиболѣе соотвѣтствующую его поэтическому замыслу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, ища выраженія для своихъ новыхъ художественныхъ образовъ, можетъ вызывать дальнѣйшее развитіе формы. Сказанное нами о роли традиціи и личнаго элемента въ поэзіи относится, конечно, и къ другимъ родамъ искусства. И въ наукѣ тѣ или другія ученія подъ-часъ имѣютъ не менѣе длинную исторію. Такъ, напр., первые задатки или зародыши дарвинизма встрѣчаемъ, хотя и въ ребяческой формѣ, въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ ученія греческаго философа Эмпедокла.

Остановимся еще нѣсколько на *традиціи въ области народной словесности*. Для пониманія ея важно помнить, что все разнообразіе произведеній народнаго творчества тѣсно связано и какъ бы сливается съ народною жизнью: былины — это выраженіе національнаго самосознанія, пословицы — долговременный плодъ житейской и исторической опытности, пѣсни (хороводныя, свадебныя и пр.) тѣсно связываются съ разными моментами крестьянскаго быта, крестьянскаго житья-бытья. Потому-то и сохраняется въ памяти народной масса созданій,

---

[1]) Еще Горацій въ Посланіи къ Пизонамъ (De arte poëtica) обратилъ вниманіе на соотношеніе между стихотворною формою и типомъ поэтическаго произведенія, см. К. Горацій Флаккъ въ переводѣ и съ объясненіями *А. Фета* (1883) стр. 456—457 (стихи 73—82). — Въ одномъ русскомъ старинномъ учебникѣ такъ охарактеризованы нѣкоторыя стопы по отношенію къ производимому ими впечатлѣнію: «*Ямбы* гораздо величественнѣе другихъ стопъ, и идутъ какъ бы въ гору; *Хореи* гораздо нѣжнѣе, и идутъ какъ бы съ горы припрыгивая; *Дактили* будто бы пляшутъ, а *Анапесты* переваливаются». (М. Меморскій Новая россійская грамматика въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленная къ понятіямъ юношества, съ присовокупленіемъ правилъ поэзіи. М. 1838[14]).

подъ-часъ идущихъ отъ глубокой старины. Ибо память народная должна представлять аналогію съ памятью отдѣльнаго индивидуума, такъ какъ народъ состоитъ изъ индивидуумовъ. А отдѣльнымъ индивидуумомъ то лучше помнится, что̀ закрѣплено бо̀льшимъ числомъ разнообразныхъ ассоціативныхъ узъ, особенно если при образованіи ассоціацій привходило болѣе или менѣе сильное участіе чувства. Таковы именно созданія народнаго творчества. Случалось ли вамъ слышать духовные стихи; они поются напр. на поминкахъ, т. е. среди обстановки, которая вызываетъ въ васъ особое настроеніе. На васъ дѣйствуютъ не просто слова, но вмѣстѣ и напѣвъ. Возьмете ли вы пословицы, онѣ опять-таки въ дѣйствительности являются не изолированными, какъ это имѣетъ мѣсто въ сборникахъ, но высказываются въ отношеніи того или другаго житейскаго случая и съ выраженіемъ. И такъ, мы убѣждаемся, что произведенія народнаго творчества, составляя духовную атмосферу простаго народа, сливаются съ его жизнью, переплетаясь съ нею множествомъ ассоціативныхъ связей. Послѣ сказаннаго не трудно почувствовать ихъ огромное значеніе для народа и вмѣстѣ съ тѣмъ понять причину ихъ устойчивости.

Устанавливая основное различіе между творчествомъ поэтическимъ и научнымъ, мы начали съ элементовъ—ощущеній, представленій и понятій, или отъ болѣе простаго къ болѣе сложному, и показали, какъ изъ различія характера элементовъ проистекаетъ различіе цѣлыхъ построеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя забывать, что движущая духовная сила при этомъ одна и та же, и вполнѣ естественно, что оба ряда умственныхъ процессовъ—поэтическій и научный, какъ два способа постиженія и истины (поскольку, конечно, послѣдняя доступна человѣку), должны представлять не мало взаимно соотвѣтственныхъ положеній. Я не рискую, кажется, ошибиться, если скажу, что для всякаго рѣшительно положенія въ области одного творчества можно указать соотвѣтствующее положеніе въ сферѣ другаго творчества.

Мы уже видѣли одинаковую необходимость и важность закона традиціи для той и другой творческой дѣятельности. Возьмемъ еще для параллельнаго разсмотрѣнія основной *логическій* законъ нашей мысли—*законъ тожества* и покажемъ, какъ этотъ законъ модифицируется (видоизмѣняется) соотвѣтственно образной или же отвлеченной формѣ мысли.

Въ наукѣ имѣетъ весьма важное значенiе установка терминовъ, такъ чтобы съ извѣстнымъ терминомъ постоянно соединилось одно строго опредѣленное значенiе или понятiе (А=А, т. е. чтобы А всегда принималось въ томъ смыслѣ, въ какомъ было принято въ началѣ). Такимъ образомъ въ наукѣ, представляющей преобладанiе абстракцiи, понятiя являются извѣстнымъ образомъ опредѣленными и обозначенными и затѣмъ уже должны приниматься въ этомъ разъ установленномъ видѣ. Законъ тожества имѣетъ силу во всѣхъ наукахъ, какъ наиболѣе конкретныхъ, такъ и въ наиболѣе абстрактной—математикѣ. Напр., въ алгебрѣ предварительно обозначаютъ произвольно буквами величины, которыя должны войти въ уравненiе, но разъ обозначена величина извѣстною буквою, то эта буква должна уже въ теченiе всего хода вычисленiя сохранять то значенiе, которое было дано ей при началѣ дѣйствiя.

Въ области поэзiи законъ тожества касается вѣрности образа самому себѣ. Напр. Шекспиръ, создавая типъ Отелло, представлялъ въ своемъ воображенiи его типичныя черты, и затѣмъ, ставя его въ тѣ или другiя положенiя, долженъ былъ всегда воображать тотъ же самый типъ,—типъ долженъ оставаться вѣренъ самому себѣ. Писатели иногда предварительно устанавливаютъ для себя основныя черты типа въ формѣ dossier. Такъ напр. поступалъ Шпильгагенъ, Тургеневъ. Вотъ что разсказываетъ англiйскiй писатель Генри Джемсъ со словъ Тургенева о способѣ писанiя послѣднимъ своихъ произведенiй: „Первою задачею въ его творческой дѣятельности было провѣрить, на сколько ему самому понятны избранные имъ типы; съ этою цѣлью онъ писалъ краткiя бiографiи каждаго изъ своихъ героевъ, въ которыхъ исчислялъ все, что они испытали въ жизни и какъ поступали при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Имѣя въ рукахъ подобные документы, Тургеневъ уже приступалъ къ дѣлу; если избранныя имъ лица еще ничего не совершили въ жизни, то онъ самъ заставлялъ ихъ поступать такъ или иначе, какъ бы предугадывая, какъ они направятъ свою жизнь при основныхъ чертахъ ихъ различныхъ характеровъ“. [1]) Вѣроятно, каждый писатель предварительно, по крайней мѣрѣ въ умѣ, долженъ установить

---

[1]) См. Новое Время отъ 17 окт. 1897, въ отдѣлѣ фельетона.

признаки для своего героя, чтобы затѣмъ въ своемъ романѣ или повѣсти соблюсти выдержанность его характера.

Представивъ соотношеніе между творчествомъ поэтическимъ и научнымъ, мы можемъ теперь съ большей подробностью остановиться на творчествѣ поэтическомъ—на его произведеніяхъ, ихъ составныхъ частяхъ и особенно на словесной сторонѣ. Поэтическое творчество представляетъ разнообразіе жанровъ; изъ нихъ мы выберемъ для разсмотрѣнія наиболѣе простой, напр. жанръ разсказа или повѣсти. Въ произведеніяхъ этого рода можно подмѣтить слѣдующіе составные элементы: *пейзажъ*, *характеристику*, *разсказъ и разговоръ*, и въ каждомъ изъ этихъ элементовъ художникъ заботится о возможной образности. Что касается пейзажа и характеристики, то въ сущности пейзажъ въ художественномъ произведеніи есть тоже характеристика,—характеристика природы. Да что̀ такое и разсказъ? Если характеристика есть изображеніе лица, пейзажа или событія въ данный моментъ, то разсказъ есть описаніе того, какъ развертывалось событіе, т. е. характеристика во времени. Остается *разговоръ*. Это—элементъ, общій у разсказа и драматическаго произведенія, съ тѣмъ однакожъ отличіемъ, что въ драматическомъ произведеніи это—главный и даже, можно сказать, единственный элементъ (не считая техническихъ пріемовъ драматическаго искусства). Чтобы представить образнѣе разговоръ, писатель изучаетъ рѣчь того круга, къ которому принадлежитъ выводимое лицо, обращая при этомъ вниманіе на его интонацію, жесты и пр. Послѣ сказаннаго выходитъ, что всѣ разсмотрѣнные нами элементы разсказа по своему внутреннему характеру и по особенностямъ художественнаго ихъ выраженія могутъ быть соединены въ двѣ группы: А) характеристика и разсказъ и Б) разговоръ.

Мы разложили разсказъ на его болѣе крупныя составныя части, которыя можемъ назвать *морфологическими*. Но, вѣдь, напр. собравъ въ комнатѣ рядъ тѣхъ предметовъ, которые должны составить ея обстановку, вы можете ихъ расположить самымъ различнымъ образомъ; при этомъ изъ большаго числа комбинацій не всѣ окажутся удобными для васъ и изъ всѣхъ удобныхъ не всѣ будутъ красивы. Конечно, вы будете стараться найти наиболѣе удобную и вмѣстѣ наиболѣе изящную комбинацію. Въ поискахъ за такимъ расположеніемъ

вамъ, пожалуй, не разъ придется перемѣнить разстановку. Однимъ легко дается рѣшеніе такихъ задачъ, другимъ же— съ значительнымъ трудомъ и съ меньшей успѣшностью. Подобнымъ образомъ и писатель старается расположить элементы своего произведенія въ наиболѣе удобномъ для читателя видѣ и вмѣстѣ наиболѣе красивомъ, чтобы главныя и второстепенныя части его произведенія образовывали одно гармоническое цѣлое,—но это уже дѣло художественнаго таланта. Для иллюстраціи сказаннаго я остановлюсь на начальныхъ главахъ романа „Рудинъ". Въ этомъ романѣ много дѣйствующихъ лицъ и автору предстояла не легкая задача познакомить съ ними читателя. Эту трудную задачу Тургеневъ выполнилъ съ особеннымъ блескомъ: ему удалось въ первой же главѣ съ большою простотою и естественностью ознакомить читателя болѣе или менѣе со всѣми ими (кромѣ Рудина, который появляется въ концѣ второй главы). Дѣло происходитъ такъ, что Александра Павловна Волынцева отправилась въ деревню навѣстить больнаго мужика. Но ей въ это утро задались встрѣчи, и читатель знакомится постепенно съ группою лицъ; изъ разговоровъ Александры Павловны съ ними онъ отчасти судитъ о нѣкоторыхъ отсутствующихъ лицахъ. Насъ отвлекло бы въ сторону, если бы мы болѣе подробно остановились на этомъ вступленіи къ роману; можно только прибавить, что большое удовольствіе получитъ тотъ, кто вздумаетъ не только со стороны содержанія, но и эстетики формы разобрать начальныя двѣ главы романа „Рудинъ".

От морфологическихъ частей художественно-литературныхъ произведеній перейдемъ къ болѣе мелкимъ элементамъ— *словамъ*. На этомъ вопросѣ мы остановимся съ большею подробностью и прежде всего постараемся разъяснить огромное значеніе человѣческаго слова въ прогрессѣ мысли.

Основной процессъ нашей мысли есть классификація, и эта дѣятельность ума находитъ себѣ выраженіе въ словахъ нашей рѣчи. Для иллюстраціи возьмемъ примѣръ изъ русскаго языка, положимъ—названія ягодъ: *костяника*, *клубника*, *земляника*, *ежевика*; они оканчиваются на *-ика* и кромѣ того содержатъ въ корнѣ обозначеніе признака. Предположимъ теперь, что мы впервые увидѣли черныя ягоды: спрашивается,

какое составимъ мы для нихъ названіе по аналогіи съ предшествующими. Прежде всего это названіе будетъ содержать указаніе на поразившій наше вниманіе цвѣтъ; но черные предметы могутъ быть весьма различны, а потому мы должны указать тотъ классъ, къ которому принадлежитъ данный предметъ, а для этого прибавляемъ суффиксъ *ика*: „черника". Вотъ какую важную роль играютъ суффиксы въ названіяхъ предметовъ. Изъ приведеннаго примѣра видно, какъ успѣхи классифицирующей мысли необходимо соединяются съ развитіемъ языка.

При столь важномъ значеніи слова въ нашей умственной жизни, понятно будетъ то значительное вліяніе, которое должно было оказывать слово на развитіе философской мысли. Наши представленія могутъ быть сведены къ двумъ крупнымъ категоріямъ: а) бытія или предметы и б) движенія или дѣйствія. Этому различію представленій соотвѣтствуетъ различіе и въ рѣчи: а) существительныя и б) глаголы. Возникновеніе этихъ двухъ грамматическихъ различій, надо думать, восходитъ къ глубокой древности, такъ какъ различія эти находимъ въ языкахъ даже самыхъ грубыхъ дикарей. Различіе нашихъ представленій въ формѣ бытія и дѣйствія послужило основаніемъ въ древней философіи двумъ теченіямъ философской мысли, при чемъ могъ отчасти вліять и грамматическій моментъ. Я говорю о философскомъ ученіи Парменида и Гераклита. Парменидъ основнымъ въ мірѣ считалъ бытіе, бытіемъ считалъ онъ и мысль („бытіе есть мысль"—говорилъ онъ), словомъ—основу всего онъ представлялъ въ формѣ бытія; Гераклитъ, напротивъ, видѣлъ только измѣненіе: *πάντα ῥεῖ* („все течетъ")—говорилъ онъ. По поводу этихъ двухъ ученій я бы сказалъ: одно ученіе имѣло, такъ сказать, характеръ именнаго представленія, другое глагольнаго. Было бы уклоненіемъ въ сторону говорить о многихъ другихъ вопросахъ философской мысли, могущихъ получить новое освѣщеніе со стороны науки о языкѣ, какъ-то: ученіе Платона объ идеяхъ, ученіе Аристотеля о категоріяхъ, номинализмъ и реализмъ схоластической философіи, категоріи въ философіи Канта, вопросъ объ идеѣ времени и пространства и др.; я ограничиваюсь простымъ упоминаніемъ объ этихъ вопросахъ.

Теперь спросимъ себя, могутъ ли существительныя и глаголы быть вполнѣ достаточными для словесной живопис-

ности? Съ помощью этихъ категорій въ нашемъ умѣ вызываются только общія и довольно неопредѣленныя представленія, напр. „вѣтеръ дуетъ". Чтобы придать имъ большую опредѣленность, нужно указать какой-нибудь характерный признакъ или признаки предмета и дѣйствія, напр. „сильный вѣтеръ порывисто дуетъ". Мы видимъ, какую важную роль играютъ для живописности или образности представленій прилагательныя и нарѣчія (въ роли которыхъ иногда выступаютъ также причастія и дѣепричастія). Благодаря прилагательному опредѣленнѣе обрисовывается предметъ, а благодаря нарѣчію—дѣйствіе, т. е.

прил. : сущ.=нар. : глаг.

Вотъ почему поэты весьма часто обращаются къ этимъ именно частямъ рѣчи.

Весьма интересно въ этомъ отношеніи замѣчаніе Григоровича въ его литературныхъ воспоминаніяхъ. При самомъ началѣ своей литературной дѣятельности онъ написалъ разсказъ *Шарманщики* и читалъ его Достоевскому. По прочтеніи фразы: когда шарманка перестаетъ играть, чиновникъ изъ окна бросаетъ пятакъ, который падаетъ къ ногамъ шарманщика. Не то, не то,—раздраженно заговорилъ вдругъ Достоевскій,—совсѣмъ не то! У тебя выходитъ слишкомъ сухо: пятакъ упалъ къ ногамъ... Надо было сказать: пятакъ упалъ на мостовую, *звеня* и *подпрыгивая*"... Замѣчаніе это,—помню очень хорошо,—было для меня цѣлымъ откровеніемъ. Да, дѣйствительно: *звеня* и *подпрыгивая* выходитъ гораздо живописнѣе, дорисовываетъ движеніе. Художественное чувство было въ моей натурѣ; выраженіе: пятакъ упалъ не просто, а *звеня* и *подпрыгивая*,—этихъ двухъ словъ было для меня довольно, чтобы понять разницу между сухимъ выраженіемъ и живымъ художественно-литературнымъ пріемомъ". [1]) Въ приведенномъ примѣрѣ Григоровича живописность глаголу придана дѣепричастіемъ (т. е. глагольнымъ нарѣчіемъ).

Приведу еще для иллюстраціи сказаннаго отрывокъ изъ картины сада въ повѣсти Тургенева—„Три встрѣчи" (прилагательныя и нарѣчія отмѣчаю курсивомъ):

---

[1]) Р. М. 1893, № 1, стр. 7.

«*Молодыя* яблони кое-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь ихъ *жидкія* вѣтви *кротко* синѣло *ночное* небо, лился *дремотный* свѣтъ луны; передъ каждой яблоней лежала на *бѣлѣющей* травѣ ея *слабая, пестрая* тѣнь». (VI 279, изд. 1883 г.).

Благодаря такимъ эпитетамъ или опредѣленіямъ вмѣсто общаго выступаетъ индивидуальность, вмѣсто отвлеченнаго—живое. А задача художника—именно живо или образно передать картину. Конечно, краски при этомъ должны быть наложены вѣрныя, соотвѣтствующія дѣйствительности. Въ отличіе отъ поэзіи, въ прозѣ-наукѣ, благодаря преобладанію абстракціи, обыкновенно случайныя черты, которыя подъ-часъ драгоцѣнны для поэзіи, устраняются, берется общее. Въ связи съ этимъ проза-наука заботится не о живописности, а о точномъ выраженіи понятій и обобщеній, устанавливаемыхъ путемъ строго-методическаго изслѣдованія.

Расположеніе къ эпитетамъ, въ цѣляхъ образности, имѣетъ мѣсто не только въ *личной*, но также и въ *народной* поэзіи. Но есть между ними въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница. Въ народной поэзіи преобладаютъ излюбленные, неизмѣнные эпитеты (напр. берегъ—крутой, лѣсъ—дремучій, земля—сырая, песокъ—желтый, море—синее и т. п.), что вѣроятно зависитъ отъ того, что народная поэзія въ ходѣ традиціи стираетъ индивидуальныя черты. Не то въ личной поэзіи. Здѣсь поэтъ, стараясь передать не общій характеръ, но индивидуальность, не можетъ ограничиться постоянными эпитетами, здѣсь необходимо является разнообразіе. [1])

---

[1]) Укажу кстати на одну замѣченную мною характерную особенность стиля Тургенева—склонность къ сложнымъ эпитетамъ; въ произведеніяхъ Тургенева нерѣдки такія выраженія, какъ: *золотисто-прозрачная* зелень орѣшниковъ и рябинъ (II 247), «рябины, осыпанныя *ярко-пунцовыми* гроздьями» (VI 100), (березовыя рощи своими *округленно-зубчатыми* верхушками» (II 130), «*золотисто-жолтый* лучъ» (II 456), «въ глубокой, *нѣжно-сіяющей* вышинѣ (ib.), и пр. Очевидно, художникъ для передачи подмѣчавшихся имъ тонкихъ особенностей природы не могъ довольствоваться обыкновенными простыми эпитетами и потому создавалъ новые—сложные. На этомъ примѣрѣ мы видимъ и значеніе писателей въ обогащеніи роднаго литературнаго языка. Отмѣченная особенность языковой образности встрѣчается у Тургенева также при характеристикѣ лицъ, напр. «*спокойно-задумчивое* выраженіе лица» (II 268), «съ *молочно-бѣлесоватыми* глазами на *избура-красномъ* лицѣ» (VIII 154) и др.

Другимъ важнымъ средствомъ живописной образности поэзіи служатъ сравненія и метафоры, конкретные образы которыхъ рельефнѣе передаютъ поэтическое настроеніе, а читатель живѣе можетъ его почувствовать, переходя отъ знакомаго образа, взятаго для сравненія, къ соотвѣтствующему настроенію. Въ самомъ дѣлѣ, читатель интенсивнѣе почувствуетъ, сознавъ, „что этотъ утесъ, на груди котораго ночевала *золотая тучка* и оставила *влажный слѣдъ въ его морщинѣ* или заставила плакать—это не утесъ, а человѣкъ одинокій и скучающій, а эта *тучка*—мимолетная, вѣтреная любовь, которая такъ нежданно посѣтила его и также нежданно навсегда его покинула. Этотъ *дубовый листокъ*, оторвавшійся отъ *вѣтки родимой* и увядающій—это каждый изъ насъ, оторвавшійся отъ своей родины, увядшій и для чужеземной красоты нисколько не занимательный". [1])

Наша рѣчь является не только выразителемъ поэтическихъ идей и образовъ, но и сама можетъ какъ бы подсказывать поэту способъ изображенія, какъ иногда можетъ обусловить направленіе мысли ученаго. Поясню примѣромъ. Человѣку вполнѣ свободному мы говоримъ: „вы—вольная птица". Этотъ же образъ по контрасту можетъ возникнуть въ фантазіи поэта при идеѣ объ узникѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ стихотвореніи Пушкина:

Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой.
Вскормлённый на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно,
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

Мы *вольныя птицы*; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь... вѣтеръ да я!...»

Мы говоримъ, когда нами овладѣваетъ то или другое чувство, что мы „волнуемся". Это выраженіе дало многимъ

---

[1]) Полонскій, l. c., стр. 46.

поэтамъ толчокъ къ изображенію чувствованій подъ видомъ волнъ, то приливающихъ, то отливающихъ, какъ напр. въ извѣстныхъ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстаго.

Художникъ-писатель, желая изобразить предметъ, который живою картиною представляется его воображенію, старается представить его при помощи слова такъ, чтобы у *другаго* при чтеніи въ воображеніи такъ же картинно возсоздался тотъ же предметъ (это—соціальный моментъ въ искусствѣ, присущій и наукѣ). Но какъ бы ни развиты были средства выраженія, природа и внутренній міръ человѣка гораздо сложнѣе, вслѣдствіе чего ни поэтъ, ни ученый не могутъ дать изображенія вполнѣ равнаго изображаемому объекту. „Подростокъ" Достоевскаго признается, что „внутри безмѣрно больше остается, чѣмъ то, что выходитъ въ словахъ". [1]) Кромѣ того, рѣчь представляетъ собою душевную дѣятельность, посредствомъ которой одно лицо можетъ сообщить другимъ свои идеи, но при этомъ въ умѣ слушающихъ самостоятельно возникаетъ подъ вліяніемъ слышимаго соотвѣтствующее теченіе представленій, у каждаго *своеобразно*, въ зависимости отъ хода его личнаго развитія, при чемъ могутъ вызываться и нѣкоторыя побочныя мысли. Читаемое или слушаемое худо-

---

[1]) Исходя изъ фактовъ этого рода, нѣкоторые изслѣдователи говорятъ о «мукахъ слова» или «борьбѣ съ словомъ», какъ необходимомъ признакѣ художественно-литературнаго творчества (см. А. Г. Горнфельдъ Муки слова, въ Сборникѣ журнала «Русское Богатство» за 1899 г., стр. 73—110; Ө. Батюшковъ Въ борьбѣ съ словомъ, Ж. М. Н. Пр. 1900, февр.). Мы не можемъ согласиться съ этимъ воззрѣніемъ. Конечно, мы допускаемъ, что бываютъ случаи, когда приходится испытывать затрудненія въ рѣчи, но это не общее явленіе, а частное; такъ, напр., если ваша мысль не сложилась еще и не ясна, а между тѣмъ вы хотите придать ей опредѣленность выраженія, то понятно, что вы будете испытывать муки слова и не будете довольны словеснымъ выраженіемъ. Потому-то нѣкоторыя произведенія, подобныя Фаусту или Евгенію Онегину, писались годами и десятилѣтіями, такъ какъ чуткіе поэты не ускоряли созиданія своихъ образовъ. Кромѣ того, могутъ быть минуты вдохновенія и минуты, когда нѣтъ вовсе вдохновенія. Понятно, что въ послѣднемъ случаѣ при творчествѣ будутъ испытываться муки слова. Итакъ, разсматриваемая черта не имѣетъ характера необходимости, она—случайная, при чемъ можетъ встрѣчаться какъ въ сферѣ поэтическаго творчества, такъ и научнаго, равно какъ и при повседневномъ разговорѣ.

жественно-литературное произведеніе *особо возсоздается въ умѣ каждаго*. Искусство, слѣдовательно, не *заражаетъ*, а только даетъ толчокъ къ самостоятельной духовной дѣятельности у воспринимающихъ или созерцающихъ художественное произведеніе.[1]) При такихъ условіяхъ, поэтъ не домогается абсолютной исчерпывающей полноты, но старается улавливать въ изображаемомъ мірѣ такія *частныя характерныя черты*, по которымъ бы легче всего вызывалось въ воображеніи читателя то цѣлое, которому принадлежатъ эти частныя черты. „Никакой мелочью нельзя пренебрегать въ искусствѣ—говоритъ Л. Н. Толстой—потому что иногда какая-нибудь полуоторванная пуговица можетъ освѣтить извѣстную сторону жизни даннаго лица"; только нужно, чтобы при этомъ всѣ усилія „были направлены исключительно на внутреннюю сущность дѣла, а не отвлекали вниманія отъ главнаго и важнаго къ частностямъ и пустякамъ, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ".[2]) Такимъ образомъ поэты съ древнѣйшихъ временъ по необходимости обращаются къ *символизму* въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Символизмъ заложенъ въ самой сущности нашей рѣчи, представляющей какъ бы сочетаніе пониманія и вмѣстѣ непониманія, т. е. пониманіе говорящаго никогда не можетъ съ точностью передаться слушающему, такъ какъ у послѣдняго возникаетъ собственное пониманіе путемъ самостоятельнаго психическаго акта, необходимо имѣю-

---

[1]) Черта «зараженія» въ качествѣ характерной для произведеній искусства выдвинута гр. Л. Н. Толстымъ въ его разсужденіи объ искусствѣ. Не говоря о томъ, что едва ли это понятіе приложимо ко всѣмъ искусствамъ (напр., въ чемъ состоитъ зараженіе при созерцаніи изящной вазы, красиваго памятника и пр.?), даже и по отношенію къ поэзіи въ ея разныхъ видахъ нельзя признать вполнѣ правильность такой характеристики, такъ какъ, читая поэтическое произведеніе, мы можемъ относиться къ нему сознательно и самостоятельно, а не представлять изъ себя какого-то объекта, подвергающагося зараженію; мы иногда даже совершенно отрицательно относимся къ читаемому произведенію. Если и согласимся признать «зараженіе» (терминъ, очевидно, позаимствованный изъ медицины), то все же это не будетъ исключительный признакъ поэтическаго творчества, потому что такое «зараженіе» имѣетъ мѣсто и въ сферѣ науки: развѣ мы не видимъ зараженія разными научными и философскими теоріями.

[2]) Сергѣенко, С. В. 1898, авг.-сент., стр. 61.

щее свой оттѣнокъ. Послѣ сказаннаго странными должны казаться попытки тѣхъ поэтовъ-символистовъ, которые какъ бы недовольны обычной символичностью рѣчи и желаютъ особой неясной, трудно отгадываемой символичности.

Мы довольно подробно разсмотрѣли языковыя средства, которыми пользуется поэзія. Перейдемъ теперь къ тому неизсякаемому источнику, откуда почерпаются матеріалы для художественныхъ произведеній. Я говорю о мірѣ дѣйствительности, о дѣйствительной жизни, откуда и всѣ почерпаютъ свои впечатлѣнія. Художникъ только силою своего творчества придаетъ имъ наибольшую характерность или типичность. Эта общность источника воспріятій содѣйствуетъ тому, что художественное произведеніе будитъ или шевелитъ въ душѣ воспринимающаго родственныя представленія и чувства, и является такимъ образомъ связующимъ звеномъ между художникомъ и воспринимающимъ. И дорожащій истиною художникъ не долженъ мѣнять изученіе дѣйствительности на придумываніе подъ вліяніемъ поспѣшности, побуждаемый тщеславіемъ, стремленіемъ къ большему заработку и т. п. „Произведеніе поэта—замѣчаетъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей Тургеневъ—не должно даваться ему легко и не долженъ онъ ускорять его развитіе въ себѣ посторонними средствами. Давно уже и прекрасно сказано, что онъ долженъ выносить его у своего сердца“. Нерѣдко случается, что въ концѣ жизни у художника слабѣетъ наблюдательность, онъ перестаетъ изучать дѣйствительность, живя міромъ воспоминаній, и его образы, не освѣжаемые новыми наблюденіями, становятся неполными и блѣднѣютъ, поэтъ исписывается и повторяется, а придумываніе не можетъ замѣнить дѣйствительной жизни и не послужитъ, конечно, къ выгодѣ произведенія.

Наблюденіе и изученіе дѣйствительности, представляемой природою и внутреннимъ міромъ человѣка, столь важное для художника, не менѣе важно для каждаго человѣка, ибо міръ дѣйствительности является первымъ источникомъ нашего знанія и эстетическаго чувства. Развѣ, напр., то или другое состояніе природы не отражается на нашемъ душевномъ настроеніи. Пребываніе въ лѣсу въ лѣтній ясный, безоблачный день располагаетъ къ радостному настроенію. Но вотъ послѣ ясныхъ лѣтнихъ дней выпалъ сумрачный денекъ и пахнуло

осенью,—у васъ является уже грустное настроеніе, вамъ кажется, что и въ жизни вашей уже наступаетъ осенняя пора, и т. п. Усталую душу человѣка природа успокаиваетъ своею красотою, соединенною въ то же время, такъ сказать, съ непорочностью и чистотою. Прелесть растительнаго ковра, лѣсъ, журчаніе ручья, тихая гладь воды, чистота и ароматъ воздуха, лазурный сводъ неба, сіяніе солнца, все то разнообразіе картинъ, передать которое силятся художники,—все это располагаетъ къ чистому душевному настроенію. Благодаря разнообразію природы, каждый можетъ встрѣтить въ ней то, что̀ болѣе подходитъ къ его душевному складу, что̀ болѣе можетъ его успокоить. И въ художественной литературѣ отводится не послѣднее мѣсто изображенію пейзажа, особенно часто въ качествѣ фона къ настроенію дѣйствующихъ лицъ. Внутренній міръ человѣка художники познаютъ также подобно всѣмъ намъ, т. е. черезъ наблюденіе надъ самими собою и другими.

Такимъ образомъ, указываемое изученіе дѣйствительности должно дать опору для критической оцѣнки художественно-литературныхъ произведеній въ отношеніи ихъ художественной правдивости. Что же касается эстетической оцѣнки ихъ формы, то для этого требуется развить свой вкусъ на лучшихъ образцахъ. Плохіе образцы должны вести лишь къ порчѣ вкуса. Если бы мы, вмѣсто того чтобы развивать литературный вкусъ въ нашемъ юношествѣ на чтеніи лучшихъ произведеній ближайшей намъ эпохи, стали бы ихъ держать на изученіи произведеній поэтовъ XVIII в., то разумѣется кромѣ порчи вкуса ничего не получится, не получится и опоры для оцѣнки красоты современныхъ художественно-литературныхъ произведеній.

При оцѣнкѣ художественно-литературныхъ произведеній кромѣ содержанія и формы необходимо обращать вниманіе на отношеніе самого автора къ выводимымъ имъ типамъ и явленіямъ жизни. Какъ добрый учитель заботится о наилучшемъ своемъ воздѣйствіи на питомцевъ, такъ и поэтъ-писатель невольно выражаетъ лучшія стороны своего существа, свои лучшія идеи и стремленія, благодаря чему художественно-литературныя произведенія оказываютъ гуманизирующее вліяніе на общество. Это не мѣшаетъ конечно писателю выводить въ своихъ произведеніяхъ также пошлости и ужасы, встрѣчающіеся въ жизни, но такъ, чтобы при этомъ изображаемое воз-

буждало смѣхъ или негодованіе, если это пошлость, и—чувство жалости и страха, если изображаемое трагично. Надо отдать справедливость нашимъ лучшимъ писателямъ, благородной возвышенности ихъ художественно-литературной дѣятельности. Кому не извѣстно огромное культурное вліяніе, произведенное у насъ поэзіею Пушкина и Гоголя, Записками Охотника Тургенева, Мертвымъ Домомъ или Преступленіемъ и Наказаніемъ Достоевскаго, драмою изъ темнаго царства Островскаго и т. д. Иностранная критика давно уже отмѣтила ту важную культурную роль, которая выпала на долю художественной литературы въ исторіи русской жизни. Вотъ какъ высказался объ этомъ французскій писатель Мельхіоръ-де-Вогюэ, тонкій цѣнитель нашихъ лучшихъ писателей:

«Еслибъ вы знали, какъ читаютъ поэтовъ тамъ, въ Россіи! Что для насъ не болѣе какъ баловство, предметъ роскоши, для нихъ составляетъ насущный хлѣбъ. Это золотой вѣкъ для великой литературы». [1])

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы молодые представители русскаго искусства и русской художественной литературы хранили и развивали добрые завѣты своихъ знаменитыхъ предшественниковъ и чтобы истинное искусство и истинная наука въ своей дружной работѣ болѣе и болѣе содѣйствовали облагороженію человѣка, помогая ему приближаться къ висшему идеалу.

---

[1]) Иностранная критика о Тургеневѣ, 1884, стр. 86.

21. Важнѣйшія данныя сравнительной фонетики аріо-европейскихъ языковъ.

Сравнительная фонетика имѣетъ своею задачею установить законы звуковыхъ соотвѣтствій между родственными языками, что̀ достигается путемъ сопоставленія родственныхъ словъ въ этихъ языкахъ; затѣмъ на основаніи добытыхъ соотвѣтствій возсоздается гипотетически, какъ исходный для нихъ пунктъ, звуковое состояніе праязыка даннаго семейства. [1]) Но въ виду того, что, слѣдуя такому плану изложенія, мы вышли бы далеко за предѣлы нашего очерка, мы принуждены обратиться къ нѣсколько упрощенному пріему изложенія, а именно: принимая за основаніе добытыя уже наукой данныя о звуковомъ составѣ нашего праязыка, будемъ показывать отраженія или рефлексы его звуковъ въ нѣкоторыхъ языкахъ-потомкахъ, изъ которыхъ наибольшее вниманіе обратимъ на санскритъ, греческій, латинскій и старо-славянскій. Такъ какъ фонетика, соотвѣтственно основному дѣленію звуковъ на гласные и согласные, распадается на ученіе о вокализмѣ и консонантизмѣ, то и мы подраздѣлимъ свое изложеніе на эти два отдѣла. [2])

---

[1]) См. еще ниже стр. 369.

[2]) О произношеніи начертаній въ приводимыхъ написаніяхъ словъ замѣтимъ, что скт. *c* произносится какъ рус. *ч*; *j*=*д͡’ж* или итал. *g* передъ *e* или *i*; *ç*=*ш’* или польск. ś; *y*=*й* (j). О типахъ ударенія литовскаго языка (а также сербо-хорватскаго) было говорено выше на стр. 208—212. Значеніе праязыковыхъ символовъ k̂ и ĝ указывается на стр. 364—365. Другія особенности транскрипціи пояснены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ очерка.

А. Вокализмъ.

Сравнительная фонетика установила, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали простые гласные и дифтонги. Простые гласные аріо-европейскаго праязыка мы подраздѣлимъ на средне-широкіе *е, *о, *а и узкіе *i и *u; по длительности они могли быть краткими и долгими. Что касается дифтонговъ, то они обычно состояли изъ средне-широкаго гласнаго съ послѣдующимъ полугласнымъ i̯ или u̯, [1]) при чемъ первый компонентъ могъ быть какъ краткимъ, такъ и долгимъ: дифтонги съ первымъ краткимъ компонентомъ встрѣчались чаще по сравненію съ дифтонгами, первый компонентъ которыхъ былъ долгъ. Наконецъ, гласные въ словахъ были ударяемыми и неударенными; сначала мы остановимся на первыхъ.

Сокращенія въ названіи языковъ, допущенныя въ очеркѣ: скт.=санскритъ, авест.=языкъ авесты, др.-перс.=древне-персидскій, греч.=греческій, лат.=латинскій, кельт.=кельтскій, гот.=готскій, др.-вхн.=древне-верхненѣмецкій, лит.=литовскій, ст.-сл.=старо-славянскій; ае.=аріо-европейскій, * (звѣздочка)—ставится передъ звукомъ или формою, предположенными для праязыка, напр. ае. *ĕ надо читать: аріо-европейское *е* краткое; || знакъ чередованія; ≠ знакъ соотвѣтствія между словами родственныхъ языковъ.

[1]) Гласные *i* и *u*, входя въ составъ дифтонговъ, не имѣютъ своей полноты, что и обозначается въ транскрипціи небольшою дугою подъ буквою. Однако, основываясь на разнообразіи произношенія дифтонговъ въ современныхъ языкахъ нашего семейства, мы должны сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ этому элементарному представленію. Прежде всего укажемъ, что въ языкахъ, имѣющихъ разные типы ударенія, какъ напр. въ литовскомъ, одинъ и тотъ же дифтонгъ, сопровождаясь неодинаковымъ удареніемъ, будетъ имѣть не тожественное произношеніе; такъ, въ дифтонгѣ *áu* при нисходящемъ удареніи второй (узкій) гласный будетъ ослабленнымъ или—какъ говорятъ—редуцированнымъ: áu̯; но при восходящемъ типѣ ударенія, очевидно, такой редукціи уже не будетъ, напротивъ того—первый (средне-широкій) элементъ будетъ нѣсколько ослабленъ, тогда какъ второй будетъ болѣе замѣтенъ. Кромѣ того, повышеніе тона не всегда соединяется съ усиленіемъ его, равно какъ пониженіе съ ослабленіемъ. Узкій элементъ можетъ занимать и первое мѣсто въ дифтонгѣ; въ такомъ случаѣ получаются уже дифтонги не съуживающіеся, а расширяющіеся, напр. i̯e, u̯o и т. п., въ которыхъ также нужно считаться съ типомъ ударенія.

Прежде всего разсмотримъ отраженіе *краткой тріады средне-широкихъ гласныхъ* *ĕ, *ŏ, *ă въ аріо-европейскихъ языкахъ. Гласные *ĕ и *ŏ были связаны между собою въ грамматическое чередованіе, какъ это и обнаруживается такъ или иначе во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, напр. рус. беру || сборъ, греч. *φέρω* || *φόρος* и т. п., третій же гласный *ă стоялъ совершенно особо отъ этого чередованія. Приведемъ теперь примѣры отраженія каждаго изъ этихъ трехъ гласныхъ. [1])

*ĕ: скт. bhárāmi „несу“ = греч. *φέρω* „несу“ = лат. fero = гот. baíra [2]) „несу, рождаю“ = ст.-сл. берѫ. ае. К. *bhĕr-.

скт. váhāmi „веду, везу, ѣду“ = авест. vazāmi = греч. (памфил.) *Fέχω* [3]) = лат. veho = лит. vežù = ст.-сл. везѫ. ае. К. *vĕĝh-.

скт. ásti „онъ есть“ = греч. *ἐστί* и *ἔστι* [4]) = гот. и соврем. нѣм. ist = лит. ẽsti или èsti = ст.-сл. ѥсть. ае. К. *ĕs-.

---

[1]) При этомъ родственныя слова, принадлежащія къ одному и тому же корню, мы будемъ иногда разбивать на группы, соединяя въ одну группу тѣ слова, которыя одинаковы не только по корню, но и по образованію (особенно по суффиксу), срв. напр. группы словъ отъ ае. корня *nĕbh- (стр. 339).

[2]) Начертаніе *ai* въ гот. служитъ для обозначенія двухъ разныхъ по происхожденію звуковъ: а) краткаго *e* (по примѣру Гримма этотъ случай который наблюдается въ готскихъ словахъ передъ *r* и *h*, отличаютъ постановкой ударенія на *i*), и б) древняго дифтонга. Аналогичную двойственность представляетъ въ гот. также начертаніе *au*; когда оно обозначаетъ ŏ (что встрѣчается передъ *r* и *h*), то надъ *u* ставятъ удареніе для отличія отъ дифтонга.

[3]) Глаголъ Fέχω, съ утратою начальнаго F, долженъ былъ совпасть съ глаголомъ ἔχω другаго происхожденія—отъ корня σεχ- (*σεχω→ἕχω→ἔχω, гдѣ густое придыханіе предъ начальнымъ ε исчезло вслѣдствіе диссимиляціи съ придыхательнымъ χ, начинавшимъ собою слѣдующій слогъ); быть можетъ, благодаря совпаденію, разсматриваемый глаголъ и вышелъ изъ употребленія, замѣнившись другими сходными по значенію выраженіями. Впрочемъ въ греч. удержалось соотвѣтствующее сущ. ὄχος (изъ Fόχος) «возъ, повозка» и производный отъ него глаголъ ὀχεῖσθαι «ѣхать на ч.-л.».

[4]) Форма ἔστι сохраняетъ удареніе на корнѣ, когда стоитъ въ началѣ предложенія, также когда означаетъ «существуетъ, возможно», напр. ἔστι θεός «есть Богъ», οὐκ ἔστι «нельзя, невозможно».

скт. *ná*bhaḥ (ср. р.) „облака, воздушное пространство, небо“ ≠ греч. *νέφος ср.* „облако“ ≠ лит. *d*ebes-i-s [1]) *ж.* „облако“ ≠ ст.-сл. небо.

греч. *νεφέλη* „облако“ ≠ лат. nĕbula „туманъ“.

ае. К. *nĕbh-.

скт. nábh-*a*s-aḥ (Р. ед.), ján-*a*s-aḥ и т. п. ≠ греч. *νέφ-ε-ος* или *νέφ-ους, γέν-ε-ος* или *γέν-ους* [2]) и т. п. ≠ gen-ĕr-is... [3]) ≠ ст.-сл. неб-ес-е... [4]) ае. Сф. *-ĕs-.

Примѣчаніе. Точно такіе же рефлексы повторяются въ цѣломъ рядѣ иныхъ случаевъ (напр. въ окончаніи Зв. ед. 2-го скл. -ε λύκε; въ извѣстныхъ формахъ 1-го спряженія тематическій гласный -ε- λέγετε; въ аугментѣ ἐ-; въ удвоеніи, πέ-φευγ-α и т. п.; въ нарѣчіяхъ и предлогахъ, ἐπί, περί и пр.; въ частицахъ, τε, не и др.).

*ŏ: скт. bh*a*ráḥ *м.* „ноша, бремя“ ≠ греч. *φόρος* „бремя, дань, подать“ ≠ ст.-сл. -боръ (напр. съборъ). ае. К. *bhŏr-.

---

[1]) Въ литовскомъ въ именахъ существительныхъ категорія средняго рода вышла изъ употребленія, при чемъ слова этой категоріи перешли въ мужескій родъ, а частію въ женскій. Съ перемѣною рода наше слово перешло въ разрядъ основъ на -*i*-, такъ что первоначальная сигматическая основа является уже распространенною гласнымъ *i*.—Начальное *n* разсматриваемаго корня на почвѣ литовско-латышской замѣнилось соотвѣтствующимъ неносовымъ, т. е. *d*. Это—случай *спорадической* замѣны звуковъ.

[2]) Въ греч. σ между гласными исчезло, такъ что -εσ-ος → -εος. Формы Р. ед. на -εος отъ сигматическихъ основъ встрѣчаются у Гомера, Геродота, въ лесб. и дорич. Въ атт. εο → ου (ū), вслѣдствіе чего получилось окончаніе -ους, гдѣ въ гласномъ ου слились гласный суффикса и гласный окончанія.

[3]) Въ этой и подобныхъ ей формахъ *r* произошло изъ *s* между гласными. Вмѣсто ĕ въ данномъ неударяемомъ положеніи обыкновенно является *i* (ср. въ повелит. накл. лат. leg*i*te ≠ λέγετε), только передъ *r* и *h* въ томъ же неударяемомъ положеніи оказывается *e*. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ усложненными вслѣдствіе неударенности условіями, а не съ простымъ или независимымъ положеніемъ. Такіе случаи, какъ лат. leg*i*te противъ греч. λέγετε, указываютъ, что зависимое и независимое положеніе разнообразится въ отдѣльныхъ языкахъ.

[4]) Въ литовскомъ, какъ мы видѣли, соотвѣтствующая основа перешла въ разрядъ образованій на -*i*-: deb-*es*-i-s (И. ед.).

скт. vāháḥ *м.* „упряжное животное, повозка“ ⫩ греч. ὄχος *м.* [1]) „повозка“ ⫩ лит. -važas (напр. ùžvažas „взъѣздъ“) ⫩ ст.-сл. возъ. ае. К. vŏĝh-.

скт. ba-bhā̆r-a (перф. 1 и 3 ед. отъ bhárāmi) [2]) ⫩ гот. bar; скт. ta-tā̆n-a (перф. отъ К. tan- „тянуть“) ⫩ греч. *τέ-τον-α, τέ-τον-ε*; скт. da-dárç-a „я, онъ увидѣлъ“ (перф.) ⫩ греч. *δέ-δορκ-α, δέ-δορκ-ε.*

скт. vāháyāmi „заставляю возить“ (1 sg. praes. causat.) ⫩ греч. ὀχέω (id.) ⫩ гот. vagja „двигаю“ ⫩ ст.-сл. вожѫ, возиши. ае. К. vŏĝh-.

Примѣчаніе. Подобное же соотвѣтствіе мы встрѣчаемъ и въ придаточныхъ морфемахъ (напр. скт. nábhaḥ ⫩ νέφος ⫩ небо, т. е. въ И. ед. средн. рода сигматическихъ основъ; также темат. гласный во второмъ склоненіи, напр. λύκος ⫩ скт. vṛ̥kaḥ, или въ извѣстныхъ формахъ глагола, напр. φεύγομεν; въ предлогахъ про ⫩ скт. pra, и т. п.).

*ă: скт. *á*jāmi „гоню“ ⫩ греч. *ἄγω* „веду“ ⫩ лат. *a*go „гоню“.

скт. *a*jáḥ „движеніе, ходъ; погонщикъ“ ⫩ греч. *ἀγός* „полководецъ.“ [3]) ае. К. *ăĝ-.

скт. *á*kšaḥ *м.* „ось экипажа“ ⫩ греч. *ἄξων м.* ⫩ лат. *a*xis ⫩ соврем. нѣм. *A*chse ⫩ лит. *a*šis ⫩ ст.-сл. ось. [4]) ае. К. *ăk-s-.

---

[1]) Отъ этого слова нужно отличать слово ὄχος «то, что держитъ, вмѣстилище, хранилище», происходящее отъ того же корня, какъ и глаголъ ἔχω «имѣю, держу»; напр. νηῶν ὄχοι «вмѣстилища, хранилища кораблей».— Тотъ же корень (въ соединеніи однако съ другимъ суффиксальнымъ элементомъ) видимъ въ соврем. *нѣм.* сущ. Wagen *м.* «повозка».

[2]) Эта форма можетъ быть 1 и 3 ед. perf. act.; но въ 1 ед. коренное *a* глаголъ встрѣчается и краткимъ. Въ *греч.* и *лат.* нашъ глагольный корень встрѣчается только въ системѣ настоящаго времени, прочія же времена образуются отъ другихъ корней. *Арм.* и *литво-слав.* не имѣютъ перфекта.

[3]) Приведенные примѣры знакомятъ съ одною особенностью настоящей группы: мы видимъ одинъ и тотъ же гласный въ системѣ настоящаго времени кореннаго глагола и въ соотвѣтствующемъ существительномъ 2-го склоненія (ср. ἄγω ‖ ἀγός). Здѣсь такимъ образомъ нѣтъ качественнаго чередованія въ вокализмѣ, подобнаго тому, какое мы видѣли между группою первою и второю (φέρω ‖ φόρος).

[4]) Всѣ приведенныя здѣсь слова имѣютъ одинаковое значеніе, но корень распространенъ не одними и тѣми же суффиксальными элементами.

скт. -*a*çraḥ „-угольный“ ⫨ греч. *ἄκρος* „остроконечный, острый“; лат. *a*cus „игла“; лит. aštrùs ⫨ ст. сл. остръ. ае. К. *ăk-.

скт. *á*pa „отъ“ ⫨ греч. *ἄπο*, *ἀπό* ⫨ лат. *a*b ⫨ гот. *a*f (id.).

Изъ всѣхъ приведенныхъ соотвѣтствій не трудно усмотрѣть, что греческій и латинскій всего лучше сохранили первоначальное различіе краткихъ средне-широкихъ гласныхъ, —въ нихъ ясно различаются рефлексы всѣхъ трехъ гласныхъ, т. е. *ĕ, *ŏ, *ă, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ *ŏ и *ă совпали въ одномъ звукѣ (*o*), а въ санскритѣ различіе почти совсѣмъ стерлось, такъ какъ всѣ три гласные отражаются въ этомъ языкѣ въ видѣ одного гласнаго (*a*). Не ограничиваясь лишь нѣкоторыми языками, а привводя въ изслѣдованіе данныя всѣхъ языковъ-представителей нашего семейства, мы приходимъ къ выводу, что всѣ аріо-европейскіе языки по отношенію къ разсмотрѣнной тріадѣ гласныхъ раздѣляются на три области, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ языковъ географически смежныхъ между собою:

1) *юго-западную* область (вѣтви греческая, италійская и кельтская), которая различаетъ всѣ три гласные *ĕ, *ŏ, *ă;

2) *сѣверо-западную* (вѣтви германская, литовская и славянская), въ которой оба не-палятальные гласные, т. е. *ŏ и *ă, совпали въ одномъ гласномъ, а именно—отражаются въ видѣ *a* въ вѣтвяхъ германской и литовской и въ видѣ *o* въ славянской вѣтви; [1])

3) *юго-восточную* или арійскую (индо-иранскую), въ которой всѣ три гласные совпали въ одномъ гласномъ *a*.

въ связи съ чѣмъ находится неодинаковость грамматическаго рода словъ, отчасти и неодинаковость ударенія (ср. скт ákšaḥ и лит. ašìs); впрочемъ въ лат., лит. и ст.-сл. соотвѣтствующія слова представляютъ одинаковое образованіе.

[1]) Какъ мы видимъ, въ славянской вѣтви не только *ŏ сохранилось въ видѣ *o*, но и *ă измѣнилось въ тотъ же губной гласный. На первый взглядъ это явленіе кажется весьма страннымъ, такъ какъ славянская языковая область представляетъ рядъ явленій обратнаго характера, именно утрату лябіализаціи, напр. *ō=*a* (*δῶρον* ⫨ *да*ръ), *ū=*ы* (лат. tū=*ты*). Однако недоразумѣніе устраняется, если предположимъ, что указанное измѣненіе *ă въ *o*, черезъ посредствующую стадію å, происходило какъ діалектическая

Прежніе изслѣдователи Боппъ и Шлейхеръ принимали арійское *a* за первоначальное аріо-европейское состояніе, европейское же разнообразіе—за вторичное развѣтвленіе, развившееся уже впослѣдствіи. Однако позднѣйшіе излѣдователи обратили особенное вниманіе на то, что и въ арійскихъ языкахъ имѣются указанія на существовавшее нѣкогда и тамъ различіе тріады средне-широкихъ гласныхъ, а именно: задне-язычные согласные глубокаго ряда смягчаются въ арійской языковой области только передъ *a*, соотвѣтствующимъ европейскому *e* (напр. скт. pá*c*ati ⫲ ст.-сл. печеть), но не смягчается передъ *a* изъ *ŏ и *ă; *ŏ представляетъ ту особенность отраженія по сравненію съ *ă, что имѣетъ двоякое отраженіе —не только въ видѣ краткаго *a*, но и долгаго; раньше обычно принимали, что краткое *a* является въ закрытыхъ слогахъ, а долгое въ не-конечныхъ открытыхъ [1]); однако теперь это обобщеніе о двоякомъ отраженіи первоначальнаго ае. *ŏ въ арійскомъ получило нѣкоторое видоизмѣненіе или—точнѣе—ограниченіе, а именно: удерживая прежнее обобщеніе объ отраженіи ае. *ŏ въ видѣ краткаго *a* въ закрытыхъ слогахъ, считаютъ отраженіе его въ видѣ долгаго *a* въ открытыхъ неконечныхъ слогахъ фонетическимъ лишь для положенія передъ сонорными согласными (т. е. плавными и носовыми), [2]) слу-

---

особенность славянскаго отдѣла еще въ литво-славянскую эпоху, когда артикуляціонный характеръ звуковой системы могъ быть инымъ. Между тѣмъ литовскій, хотя и ближайшій родичъ славянскаго, представляетъ измѣненіе сходное съ германскимъ. Здѣсь мы видимъ, что сходство въ отраженіи можетъ обусловливаться не только болѣе близкимъ генетическимъ сродствомъ, но кромѣ того и факторомъ географической смежности, благодаря которой языкъ иногда развиваетъ отраженіе одинаковое не съ ближайшимъ родичемъ, а съ другимъ сосѣднимъ языкомъ (срв. ниже объ измѣненія k→č въ слав. и иранскомъ), а это указываетъ на существованіе близкихъ соприкосновеній между этими языками въ соотвѣтствующую эпоху; конечно, необходимо считаться и съ возможностью независимаго развитія сходныхъ процессовъ въ разныхъ языкахъ просто въ силу сходства вліяющихъ условій.

[1]) Такъ, въ существительномъ bhāráḥ въ корнѣ ā, такъ какъ слогъ открытый, въ окончаніи же -*a*ḥ, соотвѣтствующемъ греческому -ος, имѣется краткое *a* вслѣдствіе закрытости слога.

[2]) Срв.: скт. d*ā́*ru «дерево» ⫲ греч. δόρυ «дерево, древко копья, копье», скт. j*ā́*nu «колѣно» ⫲ греч. γόνυ (id.) и др., но pátiḥ «господинъ, супругъ» ⫲ греч. πόσις (*эп. поэт.*) «супругъ», скт. r*á*thaḥ «колесница» ⫲ лат. rota «колесо» и др.

чаи же долготы *a* передъ прочими согласными объясняютъ вліяніемъ аналогіи. [1]) Наиболѣе убѣдительное доказательство въ пользу существовавшаго *ŏ* въ арійской языковой области я вижу въ случаяхъ замѣнительнаго удлиненія. Такъ, извѣстно изъ санскритской грамматики, что когда слово оканчивается на *-as*, а слѣдующее слово начинается звонкимъ согласнымъ, то вмѣсто *-as* является *-ō*; здѣсь мы должны принять исчезновеніе *s* (*z*) съ замѣнительнымъ удлиненіемъ предшествующаго гласнаго въ *ō*, а этотъ результатъ могъ получиться только изъ *ŏ*, но никакъ не изъ *ă*.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ сказанному прибавимъ, что отъ разсмотрѣнныхъ уже нами случаевъ ае. *ă (какъ напр. скт. *á*kšaḥ ≠ греч. ἄξων ≠ лат. *a*xis) обычно отдѣляютъ такіе случаи, въ которыхъ греческому и латинскому *ă* соотвѣтствуетъ арійское *i*, напр. греч. πăτήρ ≠ лат. păter ≠ скт. pitá, при чемъ ихъ относятъ къ особому праязыковому гласному, обозначаемому посредствомъ символа *ə и имѣвшему, быть можетъ, приблизительно звукъ нашего ъ[а]; данный гласный, какъ увидимъ ниже, обычно находится въ чередованіи съ долгимъ, напр. греч. στăτός «стоящій, стоячій» ‖ ἵστᾱμι (дорич.) «ставлю». Упомянемъ также о томъ, что нѣкоторые изслѣдователи предполагали въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существованіе качественно-особаго ŏ, не чередовавшагося съ ĕ и обозначавшагося ими посредствомъ особаго символа *ọ (Соссюръ) или *å (Бругманъ), при чемъ для отличія этого гласнаго отъ обыкновеннаго *ŏ казались рѣшительными указанія армянскаго языка, гдѣ будто бы *ŏ=*o*, но *å (*ọ)=*a*; однако при болѣе тщательномъ разборѣ примѣровъ это различіе въ отраженіи оказалось спеціально армянскимъ явленіемъ, а не праязыковымъ аріо-европейскимъ, почему эту фонему уже оставляютъ. [2])

Ознакомившись съ отраженіемъ краткой тріады средне-широкихъ гласныхъ (*ĕ, *ŏ, *ă), мы отчасти тѣмъ самымъ уже ознакомились съ отраженіемъ этихъ гласныхъ и въ томъ случаѣ, когда они являются въ качествѣ одного изъ компонентовъ дифтонга, при чемъ другимъ компонентомъ служатъ гласные *i* или *u*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ простые гласные

---

[1]) См. статью датскаго лингвиста Педерсена въ K. Z. XXXVI, 1900, стр. 87—88, а также у Бругмана въ его Kurze vergl. Gram. § 104. Кромѣ того, см. еще объясненіе, данное проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ въ Ж. М. Н. Пр. 1903, апр., стр. 323.

[2]) См. Педерсенъ l. c. стр. 93 сл.

*ĕ и *ŏ чередуются между собою, такъ и соотвѣтствующіе дифтонги, срв. напр. въ греческомъ чередованіе *εἴδομαι* „кажусь" || *οἶδα* (perf.) „знаю", гдѣ дифтонгъ *ει* чередуется съ дифтонгомъ *οι*; между тѣмъ дифтонгъ *αι* стоитъ отдѣльно, напр. въ словѣ *λαιός* (изъ *λαιϝος*) „лѣвый". И вообще, отраженіе первоначальныхъ дифтонговъ, въ составъ которыхъ входили краткіе средне-широкіе гласные, въ смыслѣ взаимнаго совпаденія или различенія ихъ находится въ соотвѣтствіи съ характеромъ отраженія первоначальной краткой тріады, т. е. рефлексы дифтонговъ группируются по тѣмъ же тремъ областямъ. Такъ, языки *юго-западнаго* отдѣла, сохранившіе различіе въ тріадѣ простыхъ гласныхъ сохраняютъ различіе, какъ видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, и въ дифтонгахъ. Если обратимся къ языкамъ *сѣверо-западнаго* отдѣла, то увидимъ, что тамъ существуетъ только два различія въ дифтонгахъ; напр. въ славянскихъ языкахъ при совпаденіи простыхъ гласныхъ *ă и *ŏ въ одномъ гласномъ звукѣ совпали между собою и дифтонги, содержавшіе эти гласные; въ самомъ дѣлѣ, какъ дифтонгъ *ŏi въ положеніи передъ согласнымъ далъ тамъ *ѣ*, такъ точно и дифтонгъ *ăi въ томъ же положеніи, причемъ нужно помнить, что совпавшіе дифтонги затѣмъ измѣнились здѣсь въ простой гласный (*ѣ*); срв. греческимъ словамъ *οἶδα* и *λαιός* соотвѣтствуютъ по корню русскія слова „*вѣ*дать", „*лѣ*вый". Что касается дифтонга *ĕi, то онъ въ положеніи передъ согласными измѣнился въ простой гласный *ī*, напр. в*и*дѣть=*εἴδομαι*. Наконецъ, въ *юго-восточномъ* или арійскомъ отдѣлѣ подобно совпаденію краткой тріады гласныхъ въ гласномъ *a* произошло и совпаденіе соотвѣтствующихъ дифтонговъ; такъ, въ санскритѣ всѣ три дифтонга со вторымъ компонентомъ *ĭ* совпали въ одномъ гласномъ *ē*, а дифтонги на *u* совпали въ гласномъ *ō*, при чемъ нужно имѣть въ виду, что сначала дифтонги въ индо-иранскій періодъ перешли въ **aĭ* и **aŭ*, откуда въ индійской вѣтви развились уже монофтонги *ē* и *ō* (на подобіе франц. ai и au). Изъ представленнаго мы видимъ, какъ отдѣльныя звуковыя соотвѣтствія связываются въ языкахъ въ гармоническую систему.

Говоря о первоначальныхъ дифтонгахъ, нужно имѣть въ виду, что они отражаются неодинаково въ положеніи передъ гласными и согласными; такъ, въ примѣрѣ „*слово*" второй компонентъ дифтонга, именно u̯, передъ гласнымъ измѣнился въ

согласный *v* и этотъ послѣднiй въ слоговомъ отношенiи отдѣлился къ слѣдующему гласному (дифтонгъ распался); въ словѣ же „*слу*хъ“ дифтонгъ *ŏu, въ зависимости отъ положенiя передъ согласнымъ сохранился отъ распаденiя и со временемъ обратился въ простой гласный. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ указанныхъ трехъ отдѣловъ языковъ отраженiе дифтонговъ является въ двоякомъ видѣ въ зависимости отъ извѣстныхъ условiй: передъ согласными (а также въ абсолютномъ концѣ слова) дифтонгъ сохранялъ свою слоговую цѣлостность, въ положенiи же передъ гласными второй (узкiй) компонентъ дифтонга измѣнялся въ соотвѣтствующiй спирантъ (i→j, u→v), который въ слоговомъ отношенiи отходилъ къ слѣдующему гласному и дифтонгъ такимъ образомъ распадался, т. е. (съ физiологической точки зрѣнiя) слоговая граница стала проходить между компонентами прежняго дифтонга. Поэтому, желая теперь представить примѣры соотвѣтствiй для дифтонговъ мы остановимся лишь на примѣрахъ для первоначальныхъ дифтонговъ въ положенiи передъ согласными, т. е. когда дифтонгъ не распадался.

*ĕi: *иду*, ИДѪ ≠ скт. éti „идетъ“ ≠ греч. *εἶσι* „идетъ“ ≠ лат. ĭt [1]) „идетъ“ ≠ лит. eĩti или eit (id.).

---

[1]) Дифтонгъ *ĕi рано превратился въ латинскомъ въ монофтонгъ: на основанiи передачи его въ древнѣйшихъ надписяхъ черезъ E и I слѣдуетъ заключить, что уже въ III в. до Р. X. онъ является видоизмѣнившимся въ монофтонгъ, именно—въ долгiй гласный, средний между *e* и *i*, т. е. болѣе или менѣе узкое *e* (ēⁱ или īᵉ). Въ позднѣйшихъ надписяхъ, съ половины II в. до Р. X., появляется дифтонгическое начертанiе EI, которое мнѣ кажется всего естественнѣе объяснить греческимъ влiянiемъ, которое тогда же обнаруживается и относительно другихъ сторонъ латинскаго письма, а вмѣстѣ и литературы. Въ приведенной латинской формѣ (*ĭt*) гласный *i* передъ *t* встрѣчается еще какъ долгiй у архаическихъ поэтовъ, но въ классическомъ перiодѣ онъ уже кратокъ. Въ греческомъ нужно обратить вниманiе на то, что iон.-атт. ει въ рядѣ случаевъ вовсе не было дифтонгомъ, какъ напр. при замѣнительномъ удлиненiи (εἶναι «быть» ⟵ ἔσ-ναι). На древнѣйшихъ аттическихъ надписяхъ дифтонгъ *ĕi передавался посредствомъ дифтонгическаго начертанiя EI (напр. ΛΕΙΠΟ), тогда какъ въ случаѣ замѣнительнаго удлиненiя писалось E (напр. ΕΝΑΙ) и иногда EI. Съ реформою аттическаго письма при архонтѣ Евклидѣ въ самомъ концѣ V в. до Р. X. (403 г.) утверждается начертанiе EI въ обоихъ случаяхъ (хотя—что вполнѣ

зима, ζима=скт. hēman (нарѣчіе) „зимой“, hēmantáḥ *м.* „зима“=греч. τὸ χεῖμα -ατος „зима, буря“ (эп. поэт.), въ прозѣ ὁ χειμών -ῶνος=лат. hiems -ēmis *ж.* представляетъ нѣкоторое отличіе въ вокализмѣ корня = лит. žēmà „зима“ (гдѣ ē обозначаетъ расширяющійся дифтонгъ ie).

греч. στείχω „ступаю, иду, прихожу“=гот. st*ei*ga „всхожу“ st*ei*gan „всходить“ (*ei* въ готскомъ обозначаетъ ī), др.-вхн. stīgu stīgan, ново-вхн. st*ei*ge st*ei*gen (съ дифтонгизаціей долгаго *i*).

*ŏi: скт. vēda (Perf.) „знаю“, 2 л. véttha, 3 л. véda=греч. οἶδα (Ϝοῖδα), 2 л. οἶσθα, 3 л. οἶδε=гот. v*ai*t, 2 л. v*ai*st, 3 л. v*ai*t; ст.-сл. вѣмь, вѣси (наст. время съ видомъ корня, какой свойственъ перфекту)=прусс. w*ai*sei (2 л.).

скт. bhárēma (1 мн. желат.)=греч. φέροιμεν=ст.-сл. берѣмъ. [1])

естественно—отдѣльныя написанія черезъ Е встрѣчаются и позже, до второй половины IV в.); введенная одинаковость обозначенія указываетъ на то, что произношеніе въ томъ и другомъ случаѣ совпало или почти совпало, представляя монофтонгъ $\bar{e}^i$; предпочтеніе же принятаго дифтонгическаго начертанія я объясняю тѣмъ, что долгое узкое $\bar{e}^i$ въ своемъ концѣ было еще болѣе узкимъ и производило на слухъ впечатлѣніе дифтонга (и въ современныхъ намъ языкахъ, напр. въ англ., нѣм., серб., такой гласный производитъ акустическое впечатлѣніе неоднородности, именно—еще большей съуженности въ концѣ); позже измѣненіе дошло до стадіи ī. Прибавимъ, что исторія дифтонга ει шла совершенно параллельно дифтонгу ου.

[1]) Передъ такимъ ѣ дифтонгическаго происхожденія имѣется смягченіе глубокихъ задне-язычныхъ согласныхъ въ ц, ѕ, с, напр. рьцѣмъ (отъ рекѫ), лаѕѣмъ (лагѫ). Такое же смягченіе наблюдается въ Мѣстн. ед., напр. въ формѣ влъцѣ, гдѣ конечное ѣ восходитъ къ ае. *-ŏi. Иногда конечное ае. *-ŏi отражается въ видѣ и, какъ напр. въ И. мн., срв. влъци. Для уясненія двоякаго отраженія на славянской почвѣ конечнаго *-ŏi нужно обратить вниманіе на параллельное различіе въ греческомъ языкѣ, гдѣ въ обоихъ падежахъ хотя и имѣется дифтонгъ -οι, но съ нѣкоторою тоническою разницею и быть можетъ неодинаковой длительности, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: *Мѣстн. ед.* Ἰσθμοῖ «въ Истмѣ, т. е. на Истмійскомъ или Коринѳскомъ перешейкѣ», οἴκοι (нарѣч.) «дома» ‖ *И. мн.* θεοί

греч. *οἴνη* „единица на игральной кости“ ≠ лат. *oi*nos→*oe*nos→ūnus „одинъ“. [1])

*ăi: скт. édhaḥ *м.* „дрова“ ≠ греч. *ὁ αἶθος* „жаръ, огонь“ ≠ лат. *ae*dēs *ж.* „храмъ, комната“ (plur. „домъ“), первонач значеніе—„домашній очагъ“, *ae*stus *м.* „жаръ“, *ae*stas *ж.* (франц. été) „лѣто“.

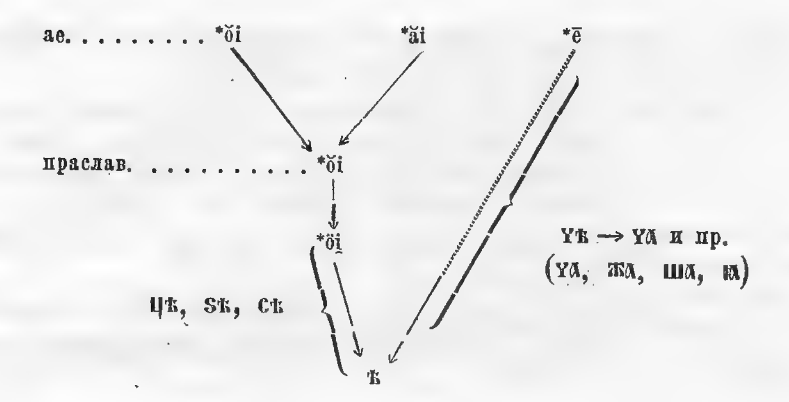
лѣвый (л'æвъј), лѣвъ ≠ греч. *λαιός* (изъ *λαιϝος*) „лѣвый“ ≠ лат. l*ae*vus (id.).

греч. *αἰών -ῶνος* (Р. ед.) „вѣкъ, жизнь“, *αἰεί ἀεί* (кипр. *αἰϝεί*) „всегда“ ≠ лат. *ae*vum „вѣкъ, время, время жизни“.

Примѣчаніе. Какъ *ŏ и *ă совпали въ герм., лит. и слав., такъ и дифтонги съ этими гласными. Затѣмъ нужно замѣтить, что праслав. *ŏi двоякаго происхожденія дало внутри слова (а частію и въ концѣ словъ) въ дальнѣйшемъ развитіи ѣ, передъ которымъ задне-язычные согласные смягчались въ *свистящіе.* Но въ славянскомъ имѣется еще не-дифтонгическое ѣ, передъ которымъ задне-язычные согласные еще раньше того смягчались въ *шипящіе,* послѣ которыхъ ѣ измѣнилось затѣмъ въ ꙗ, какъ и послѣ ј (отсюда объясняется напр. рус. крас*нѣ*йшій ‖ лег*ча*йшій). Все это можно представить табеллярно слѣдующимъ образомъ:

«боги», οἴκοι «домà». Отсюда ученые склонны предполагать, что и въ праславянскомъ существовало аналогичное различіе, которое и было причиной неодинаковаго отраженія дифтонга *-ŏi въ названныхъ падежахъ. А такъ какъ допускается, что условія, вызывавшія указанные случаи -ī изъ *-ŏi въ концѣ слова, вызывали въ праславянскомъ такое же отраженіе и для исконнаго *-ē, именно въ формахъ мати (лит. mótė) и дъшти (лит. duktė̃), то изъ этого совпаденія рефлексовъ выводятъ, что -ī (-и) изъ *-ŏi могло развиться въ праславянскомъ черезъ посредство стадіи гласнаго -ē, съ которымъ предварительно совпалъ дифтонгъ *-ŏi.

[1]) Измѣненіе это совершилось въ латинскомъ въ историческое время, т. е. засвидѣтельствовано памятниками. Въ III в. до Р. Х. встрѣчаемъ въ надписяхъ OI (произносилось $\underset{\cdot}{o}^{ie}$), написаніе *oe* относится къ эпохѣ Плавта (т. е. къ концу третьяго и началу втораго вѣка до Р. Х.), въ классическомъ же періодѣ утверждается ū. Эта послѣдняя стадія получилась такимъ образомъ, что по мѣрѣ сокращенія въ дифтонгѣ втораго элемента первый гласный удлинялся, становясь болѣе закрытымъ и наконецъ черезъ посредство $\bar{\underset{\cdot}{o}}^{u}$ дошелъ до ū.

*ĕu: блюду́ блюдѫ⫩скт. bṓdhāmi „пробуждаюсь, замѣчаю, узнаю“⫩греч. (гомер.) *πεύθομαι* „вывѣдываю, разспрашиваю“⫩лит. b*au*džù „наказываю, браню“. ае. К. *bhĕudh-.

греч. *ἐρεύγ-ομαι* „блюю“⫩лат. ē-r*ū*go „изрыгаю“⫩лит. r*iáu*giu или r*iau*gmì „отрыгаю“.

лат. d*ū*co „веду“⫩гот. t*iu*ha, соврем. нѣм. z*ie*he.

любъ любліѫ⫩гот. l*iu*bs, соврем. нѣм. l*ie*b⫩лит. l*iau*psē̃ „прославленіе“ (преим. Бога), liúbiu „люблю, имѣю привычку.“ [1])

*ŏu: будить боудити⫩лит. -b*au*dyti (pa-si-baudyti „подниматься, трогаться съ мѣста“)⫩скт. bōdháyāmi „бужу“.

*ău: сухой соухъ⫩скт. çōšaḥ *м.* „высыханіе“⫩греч. *αὖος* „сухой“⫩лит. saũsas „сухой“. ае. К. *săus-.

---

[1]) Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что въ греч. *ĕu въ положеніи передъ согласными сохраняется (въ дальнѣйшемъ развитіи второй элементъ консонантизуется, ср. ново-греч.=ev, ef). Въ лат. *ĕu→ŏu→ū; здѣсь путь развитія находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что и простое *ĕ, вообще отражающееся въ лат. въ видѣ ĕ, передъ слѣдующимъ *v* обычно отражается въ видѣ ŏ, ср. νέος⫩nŏvus (ср. НОВЪ). Въ скт. *ĕu→*ău→ō, т. е. тамъ исторія дифтонга находится въ соотвѣтствіи съ исторіей перваго его компонента, при чемъ стадія *ău приходилась въ эпоху индоиранскую. Что касается слав. рефлекса jū (ст.-сл. Ю), то литературу вопроса и подборъ примѣровъ см. въ статьѣ Iljinskij G. Der Reflex des indogermanischen

Рефлексы *первоначальныхъ долгихъ средне-широкихъ гласныхъ* (*ē, *ō, *ā) распредѣляются приблизительно по тѣмъ же тремъ областямъ, какъ и краткихъ. Примѣры:

*ē: [1]) скт. dá-dhā-mi „кладу"=греч. τίθημι „кладу"= лит. dė́mi (гдѣ ė означаетъ долгое узкое *e*) „кладу"=ст.-сл. дѣ-ѭ „говорю" [2]). ae. K. *dhē-.

греч. ἡ- въ ἵημι (изъ *si-sē-mi) [3]) „бросаю, посылаю"=лат. sēvi (perf. при наст. sero „сѣю" изъ *sĭ-so)=лит. sė́-ju=сѣ-ѭ.

ст.-сл. сѣмѧ=греч. ἧμα „метаніе (копій)"=лат. sēmen „сѣмя"=лит. sė́menys (по склоненію основъ на -i-) или sė́mens (по согл. скл.) *ж. множ.* „сѣмена для посѣва".

ae. K. *sē-.

сидѣть (сѣдѣти)=лат. sēdēre=лит. sėdė́ti. Ср. также въ греч. случаи въ родѣ φιλήσω, лат. leg-ē-bam.

Diphtongs ĕu im Urslavischen, Arch. f. sl. Phil. B. 29 (1907), стр. 481—497. Изъ разныхъ мнѣній отмѣтимъ воззрѣніе J. Schmidt'a (K. Z. XXIII, 333 сл.), полагавшаго, что въ славянскомъ, подобно нордскому, дифтонгъ *eu имѣлъ удареніе на второмъ элементѣ, вслѣдствіе чего первый элементъ ослаблялся въ ĭ и далѣе въ j; для балтійскихъ языковъ -І. Шмидтъ нормальнымъ отраженіемъ того же праязыковаго дифтонга считалъ *iau* (т. е. *au* съ мягкостью предшествующаго согласнаго), такъ что здѣсь—какъ и въ славянскомъ—вовсе не произошло совпаденія съ рефлексомъ дифтонга *ou, какъ до того времени принималось почти всѣми изслѣдователями. Мнѣніе І. Шмидта о рефлексахъ праязыковаго дифтонга *eu* въ балтійско-славянскомъ съ большою методичностью поддерживаетъ Bernеker (I. F. X, 1899), опираясь на обширномъ матеріалѣ. Случаи литов. *au* вм. ожидаемаго *iau* могутъ отражать другую степень вокализма, т. е. происходить изъ ae. *ŏu. Литовское liaũbiu признается заимствованіемъ (изъ славянской языковой области).

[1]) Какъ показываютъ примѣры, *ē отражается въ арійскихъ языкахъ въ видѣ ā, въ европейскихъ же обычно въ видѣ ē; впрочемъ въ славянской вѣтви ē послѣ шипящихъ, какъ мы видѣли выше (стр. 343), измѣнилось въ ā.

[2]) Относительно перехода значенія срв. *кладу* ‖ *докладываю* (въ смыслѣ «сообщаю»).

[3]) аор. ἧκα=лат. jēc-i; аористъ образованъ отъ созвучнаго корня; такимъ образомъ въ греч. спряженіи глагола ἵημι смѣшались два корня: *sē- и *jēk¹-.

скт. syā́ḥ (2 ед. желат. отъ глагола ásmi „есмь“)=греч. εἴης=лат. siēs.

*ō: [1]) скт. dá-dā-mi „даю“=греч. δίδωμι=лит. dū́mi=дамь.

скт. dā́nam „даръ“=лат. dōnum.

δῶρον=даръ. [2])

ае. К. *dō-.

авест. yāstō „опоясанный, готовый“ (partic. perf. pass.)=ζωστός „опоясанный“=лит. jū́sta ж. „поясъ“=по-ясъ. ае. К. *jōs-.

скт. jñāyátē „узнаётъ, знаетъ“=γιγνώσκω „узнаю, знаю“=лат. nōsco, co-gnōsco „узнаю“=знаѭ. ае. К. *ĝnō-.

*ā: [3]) братъ (братъ, братръ)=скт. bhrā́tā (N. sg.)=греч. φράτηρ, φράτωρ („членъ фратріи“)=лат. frāter=гот. brōþar; лит. broterė̃lis (уменьш.).

мать (мати)=скт. mātā́=греч. μήτηρ (дорич. μάτηρ)=лат. māter=лит. mótė—съ значеніемъ „женщина, жена“.

скт. svādúḥ=греч. ἡδύς (дорич. ἁδύς)=лат. suāvis (*svadv-is) „сладкій, пріятный“.

ржками=лит. rañkomis.

---

[1]) Изъ примѣровъ видно, что *ō отражается въ видѣ ō—въ греч., лат. и гот., затѣмъ въ видѣ расширяющагося дифтонга uo, представляющаго дальнѣйшее измѣненіе ō въ губномъ направленіи,—въ др.-вхн. и литов. и, наконецъ, въ видѣ ā—въ арійской области и въ смежной вѣтви славянской (также въ кельтскомъ).

[2]) Эти два существительныя одного и того же корня съ предъидущими, но отличаются отъ нихъ по суффиксу. Греч. и слав. представляютъ, при одномъ и томъ же образованіи, чередованіе муж. и ср. рода, объясняющееся сходствомъ склоненія.

[3]) Во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ мы видимъ отраженіе *ā въ видѣ ā, только въ готскомъ и литовскомъ особенность, именно—ō (губной гласный), въ др.-вхн. uo. Здѣсь мы видимъ разницу въ отраженіи между германскою вѣтвью и литовскою: въ то время какъ въ первой совпадаютъ рефлексы обоихъ не-палатальныхъ гласныхъ—*ō и *ā, въ литовскомъ при тоже губномъ характерѣ рефлексовъ однакожъ нѣтъ совпаденія между ними. Въ славянской вѣтви произошло совпаденіе обоихъ гласныхъ, но въ видѣ а (какъ въ кельтскомъ), а кромѣ того сюда поступила еще часть случаевъ *ē въ положеніи послѣ шипящихъ.

Мы должны остановиться теперь на праязыковыхъ *дифтонгахъ съ первымъ долгимъ компонентомъ*, представляющихъ иной ходъ развитія по сравненію съ дифтонгами, первый компонентъ которыхъ былъ кратокъ: срв. различіе отраженій на концѣ слова въ греч. οἴκῳ (Д. ед.) || οἴκοι (Мѣстн. ед.) или οἶκοι (И. мн.). Приведемъ нѣкоторые примѣры:

*ēi: скт. *ā́ima* (Impf. 1 мн. отъ *émi* „иду") [1]) = греч. ᾖμεν.
*ōi: скт. *vṛ̥kāiḥ* „волками" (Instr. plur.) = греч. λύκοις = лат. lupīs = лит. vilkaĩs.
*āi: скт. *sénāyāi* „войску" (Д. ед.) = греч. χώρᾳ = др.-лат. Matutā (въ надписи).
*ēu: скт. *dyā́uḥ* „день" = греч. Ζεύς (Зевсъ—богъ грома, молніи, дождя; у Критянъ въ значеніи „день").
*ōu: скт. *gā́uḥ* *м. ж.* „быкъ, корова" = греч. βοῦς (id.).
*āu: скт. *nā́uḥ* „корабль" = греч. ναῦς (id.). [2])

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что аріоевропейскіе дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ частію первичны (срв. ναῦς), частію вторичны (срв. ᾖμεν), при чемъ въ основаніи этихъ послѣднихъ лежитъ дифтонгъ съ первымъ краткимъ компонентомъ, долгота же получилась отъ слитія.

Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ имѣлись еще гласные *ĭ и *ŭ. Что касается ихъ отраженія на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей, то оно, какъ и въ случаѣ съ дифтонгами, оказывается неодинаковымъ въ зависимости отъ положенія, при чемъ необходимо различать

---

[1]) Долгота начальнаго *a* произошла благодаря слитію корневаго дифтонга *ĕi съ аугментомъ *ĕ (т. е. ае. *ĕ-ĕi- = скт. āi-).

[2]) Въ положеніи передъ гласнымъ дифтонги съ первымъ долгимъ компонентомъ распадались подобно дифтонгамъ съ первымъ краткимъ компонентомъ; срз. отъ ναῦς форму Р. ед. νη(ϝ)-ός, гдѣ прежде всего консонантизовался второй компонентъ дифтонга (вѣроятно—еще въ до-греческія времена), а затѣмъ въ іон. и атт. ā измѣнилось въ η въ положеніи передъ спирантомъ ϝ, который послѣ того исчезаетъ. Въ формѣ ναῦς сокращеніе ᾱ произошло въ атт. до указаннаго измѣненія ᾱ въ η.

1) положеніе передъ согласными (и на концѣ слова) является наименѣе зависимымъ, благопріятствуя сохраненію данныхъ гласныхъ, срв.:

*ĭ: скт. tr*i*šú (L. pl. отъ tráyaḥ „три")=греч. *τρισί*= лит. tr*i*sè=ст.-сл. трьхъ.

*ŭ: скт. sn*u*šā́ „сноха"=ἡ *νυός* (id.)=лат. n*u*rus=ст.-сл. снъха.

*ī: скт. j*ī*váḥ=лат. v*ī*vus=лит. g*ý*vas=ст.-сл. живъ.

*ū: скт. m*ū*š-=греч. *μῦς*=лат. m*ū*s=ст.-сл. мышь. [1])

2) положеніе передъ гласными наиболѣе зависимое и въ этомъ случаѣ ĭ и ŭ легко консонантизуются, при чемъ замѣчается двоякій видъ измѣненія:

а)	б)
*ĭV→jV	*ĭV→ĭjV
*ŭV→vV	*ŭV→ŭvV.

Еще не вполнѣ изслѣдовано, при какихъ условіяхъ въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ нашего семейства языковъ имѣетъ мѣсто первый видъ измѣненія и при какихъ—другой. Въ санскритѣ, напр., въ односложныхъ основахъ на -ī- и -ū- въ именахъ существительныхъ получается передъ слѣдующимъ гласнымъ второй типъ измѣненія, тогда какъ двусложныя и многосложныя основы слѣдуютъ первому типу измѣненія; срв. dh*ī*ḥ „мысль" (N. sg.) || dh*iy*áḥ (N. pl.); bh*ū*ḥ „земля" || bh*uv*áḥ; но—dēv*ī́* „богиня" || dēv*y*àḥ, также vadh*ū́*ḥ „невѣста" || vadh*v*àḥ. Однако столь простое положеніе вещей въ санскритѣ не является правиломъ для другихъ вѣтвей. [2]) Что при измѣненіи разсматриваемыхъ гласныхъ вліяло не одно количество слоговъ, слѣдуетъ напр. изъ такихъ греческихъ дублетовъ, какъ греч. *δύω* (т. е. *d*ŭv*ō) и *δώδεκα* (т. е. *d*v*ō-). Остгофъ

---

[1]) Измѣненіе *ū → ы состоитъ въ потерѣ лябіализаціи одновременно съ переходомъ задней артикуляціи языка изъ болѣе глубокой въ менѣе глубокою.

[2]) Напр. въ ст.-сл. въ положеніи передъ гласными обычнымъ рефлексомъ *ū является ъв независимо отъ количества слоговъ въ основѣ, срв. Р. ед. кръве || цръкъве.

при объясненіи этихъ дублетовъ предполагаетъ вліяніе ударенія фразы: отдѣльное слово *δὶϝώ могло имѣть побочное удареніе на *υ*, но въ иныхъ положеніяхъ въ предложеніи побочнаго ударенія могло не быть и получалось *δϝώ. Въ случаѣ краткихъ *i* и *u* въ положеніи передъ гласными имѣетъ значеніе, предшествуетъ ли этимъ *i* и *u* простой согласный, или же та или иная группа согласныхъ. Въ заключеніе мы должны указать на важность различенія полугласныхъ *i̯ (j) и u̯ (v), получившихъ изъ *i* и *u* передъ гласными, отъ первоначальныхъ согласныхъ *j и *v, хотя въ большинствѣ вѣтвей ихъ рефлексы совпали, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ видна разница въ отраженіи: напр. *i̯V въ началѣ словъ въ греческомъ отражается въ видѣ густаго придыханія (*i̯ŏs=ὅς „который"—относит. мѣстоим.), а первоначальное *j въ томъ же положеніи въ видѣ ζ (*jŭgŏm=ζυγόν „иго, ярмо"). [1])

Вокализмъ въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, какъ и въ каждомъ языкѣ, являлся *ударяемымъ* и *неударяемымъ*: въ первомъ случаѣ корни и вообще морфемы (морфологическія части словъ) имѣли полный или сильный видъ, а во второмъ—болѣе или менѣе слабый. Мы уже знаемъ, что гласные въ ае. праязыкѣ различались краткіе и долгіе. Обращаясь сначала къ краткимъ средне-широкимъ гласнымъ, т. е. ае. *ĕ || *ŏ [2]) и *ă, мы будемъ обозначать ихъ слабую ступень соотвѣтствующею маленькою курсивною буквою (поставленною выше строки), а именно ^{e}, ^{a}; [3]) мы пока не беремъ ^{o}, такъ какъ въ аріо-европейскомъ праязыкѣ наибольшее ослаб-

---

[1]) Начальное сочетаніе *jŭ передъ согласнымъ имѣетъ рефлексомъ въ ст.-сл. **и-** (срв. **иго**), т. е. *jŭ- измѣнилось въ jĭ-; это измѣненіе ŭ подъ вліяніемъ предшествующаго j въ ĭ произошло въ праславянскія времена; оно не извѣстно литовскому языку (срв. лит. jùngas съ тѣмъ же значеніемъ), почему и не можетъ быть относимо въ литво-славянскій періодъ.

[2]) Въ этомъ чередованіи первое звено, т. е. *ĕ, именуется *первымъ полнымъ видомъ*, а второе, именно *ŏ,—*вторымъ*; гласный *ă не знаетъ такого чередованія и встрѣчается въ одномъ видѣ.

[3]) Академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ для такихъ ослабленныхъ гласныхъ пользуется однимъ символомъ *ə̣; я отстаиваю свое обозначеніе, потому что—какъ увидимъ ниже—то или другое происхожденіе ослабленнаго гласнаго имѣетъ значеніе въ дальнѣйшей исторіи вокализма.

леніе въ чередованіи *ĕ || *ŏ касалось звена *ĕ, тогда какъ звено *ŏ, представляя собою родъ усиленія по отношенію къ первому звену, не испытывало параллельнаго ослабленія. Такъ какъ ослабленіе вокализма необходимо представлять себѣ соединеннымъ съ измѣненіемъ не только количественной, но и качественной стороны, то примѣняемые мною символы ^{e}, ^{a} имѣютъ въ виду не опредѣленіе качества краткаго слабаго гласнаго (которое, нужно думать, діалектически варіировало въ праязыкѣ), а происхожденіе изъ того или другаго полнаго. Предѣломъ ослабленія этихъ гласныхъ въ языкахъ-потомкахъ является полное ихъ исчезновеніе; что же касается аріоевропейскаго праязыка, то я уже давно высказался (опираясь на наблюденія надъ вокализмомъ живыхъ языковъ) въ томъ смыслѣ, что не раздѣляю обычнаго воззрѣнія, будто этотъ процессъ уже въ праязыкѣ закончился утратою слабаго гласнаго, но полагаю напротивъ, что разсматриваемый процессъ могъ продолжаться и на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей. [1]) Тѣмъ не менѣе я допускаю, что и въ праязыкѣ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ діалектически слабый гласный могъ исчезать, но я не рѣшаюсь точно опредѣлять эти условія и лишь предположительно допускаю, что напр. въ дифтонгахъ *ĕi, *ăi, *ĕu, *ău уже въ праязыкѣ могла вырабатываться слабая ступень въ видѣ гласныхъ ĭ и ŭ (къ этому предположенію побуждаетъ существованіе менѣе слабой ступени въ видѣ ī и ū во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ), а кромѣ того могъ получаться нуль на мѣстѣ краткаго слабаго гласнаго между нѣкоторыми удобосочетаемыми согласными, срв. греч. *πατ‸ρός* =лат. pat‸ris, или т. п. [2]) При разсмотрѣніи ослабленія въ

[1]) См. мой Курсъ грам. рус. яз., ч. 1 (Фонетика), 1887 г., стр 308—309; Einige Reformvorschläge и пр. (1890) стр. 8—9.

[2]) Опираясь большею частью на данныя ведійскаго санскрита, гдѣ первоначальная свобода ударенія еще вполнѣ сохранялась, я сдѣлалъ попытку разсмотрѣть неударяемый вокализмъ аріо-европейскаго праязыка въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія (см. В. Богородицкій Изъ чтеній по сравнит. грам., вып. 3-й, 1900 г., стр. 7—32, особ. 23 слѣд., и приложенную таблицу). При этомъ въ общемъ оказывается, что часть послѣударенная болѣе или менѣе устойчива, тогда какъ часть предъударенная наиболѣе подвержена ослабленію. Впрочемъ для послѣударенной части есть сомнѣніе относительно положенія *ĕ внутри слова въ открытомъ слогѣ (см.

области краткой тріады средне-широкихъ гласныхъ особаго вниманія требуютъ случаи, гдѣ за ослаблявшимся неударяемымъ гласнымъ слѣдовали плавные или носовые согласные (т. е. согласные съ наибольшею сонорностью), такъ какъ въ этомъ случаѣ при нѣкоторыхъ условіяхъ (именно—въ положеніи передъ согласнымъ или же въ концѣ слова) [1] получается особое явленіе т. наз. *слогообразующихъ согласныхъ*. Вообще, сочетанія изъ гласныхъ съ плавными или носовыми согласными представляютъ, благодаря сонорности названныхъ согласныхъ, нѣкоторое подобіе дифтонгамъ, почему такія сочетанія и называютъ иногда (К у р ш а т ъ въ литов. грамм.) „полудифтонгами“. При ослабленіи этихъ сочетаній наблюдается неодинаковость въ отраженіи ослаблявшагося гласнаго на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей, срв. скт. *ç*a*t*á*m* „сто“ ⧧ греч. *ἑ-κατόν* ⧧ лат. c*e*ntum ⧧ гот. h*u*nd ⧧ лит. š*i*m̃tas. Праязыковую форму приведенныхъ словъ мы можемъ выразить въ видѣ *k^{e}m̥tóm, [2]) хотя обычно ученые въ этихъ случаяхъ принимаютъ совершившимся еще въ праязыкѣ полное исчезновеніе слабаго гласнаго и возникновеніе слогообразующаго согласнаго

l. c. стр. 23, 26). Что касается части предъударенной, то слабымъ является слогъ непосредственно предшествующій ударенному и притомъ единственный, а если ударенію предшествуютъ два слога, то при равенствѣ условій слогъ первый предъударенный становился слабѣе втораго предъударреннаго.

[1]) Что и здѣсь нужно различать положеніе передъ согласнымъ и на концѣ слова отъ положенія передъ гласнымъ, видно изъ различія въ ослабленіи суф. *-tĕr- въ греч. формахъ *πα-τρά-σι* ‖ *πα-τ̬ρ-ός*: въ формѣ *πατράσι* (скт. pitr̥šu) съ ослабленіемъ *ĕ въ суффиксѣ *ter* согласный *r* передъ окончаніемъ, начинающимся съ согласнаго (σ), сталъ слогообразующимъ, откуда затѣмъ и получилось *ρα*; съ другой стороны, въ формѣ *πατ̬ρος* согласный *r*, послѣ исчезновенія суффиксальнаго *ĕ, находясь передъ гласнымъ окончанія, такъ и остался согласнымъ, не ставши слогообразующимъ или сонантомъ.

[2]) Хотя по мѣрѣ ослабленія гласнаго *e* функція слога соотвѣтственно все болѣе сосредоточивается въ плавномъ или носовомъ, но мы не въ состояніи опредѣлять эти различія по степени, тѣмъ болѣе что произношеніе вѣроятно значительно варіировало въ діалектахъ аріо-европейскаго праязыка (срв. огромную діалектическую неравномѣрность въ ослабленіи неударяемаго вокализма въ современномъ русскомъ языкѣ); поэтому въ нашемъ условномъ символѣ мы оставили безъ ближайшаго обозначенія степень, въ какой звукъ m̥ сосредоточивалъ на себѣ слоговую функцію.

(т. е. *km̥tóm), откуда уже и выводятъ разнообразные рефлексы въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. [1]) Но мы понимаемъ это разнообразіе рефлексовъ такимъ образомъ, что въ аріо-европейскомъ празыкѣ ослабленіе не достигло своего предѣла, или если и достигло, то лишь въ части діалектовъ, такъ что въ другихъ діалектахъ развитіе уже завершилось по обособленіи и притомъ своеобразно, въ соотвѣтствіи съ другими особенностями звуковой системы тѣхъ же діалектовъ. Указанное различіе нюанса ослаблявшагося гласнаго при плавныхъ и носовыхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: скт. *a*, греч. *α*, лат. *e* или *i* (при носовыхъ) и *o* или *u* (при плавныхъ), герм. *u*, лит. и слав. — палятальный нюансъ *i*, частію же губной *u*. Теперь приведемъ примѣры ослабленія для указывавшихся категорій, при чемъ мы во всѣхъ случаяхъ будемъ указывать для празыка ради ясности тѣ слабые гласные, которые были первоначально:

*^{e}C: скт. ‸s-ánti „суть“ || ás-ti „есть“ ≠ лат. ‸s-unt || es-t ≠ нѣм. ‸s-ind || is-t ≠ ст.-сл. ‸с-жть || ѥс-ть. ae. K. *ĕs-.

*^{a}C: скт. ‸jmán „въ пути“ || ájati „гонитъ“. ae. K. *ăĝ-.

*^{e}*i*C: греч. *ἴ̯-μεν* (1 мн. наст. изъявит. накл.) „идемъ“ || *εἶ-σι* „идетъ“ ≠ скт. *i*-máḥ || é-ti. ae. K. *ĕi-.

*^{a}*i*C: *i*dhaté (3 sg. co. M. „зажигать“) || édhaḥ м. „дрова“, срв. греч. *ὁ αἶθος* „жаръ, огонь“.

*^{e}*u*C: *φυ̯κτός* — обыкн. встрѣчается съ отрицаніемъ: *οὐ φυκτός* „неизбѣжный“ || *φεύγω* „бѣгу, убѣгаю“.

τυ̯κτός „сооруженный, приготовленный“ || *τεύχω* „сооружаю, приготовляю“.

*^{a}*u*C: **съ̯хнжти** || **соухъ**, срв. греч. *αὖος* „сухой“.

*^{e}*r̥*C: скт. m*r̥*-ti-ḥ ≠ лат. m*or*-s ≠ ст.-сл. **съ-мрь-ть** (см*е*рть) ≠ лит. m*ĭ*r̃-ti „умирать“. ae. K. *mĕr-.

---

[1]) См. напр. статью проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ Zur «Sonanten»-Frage, въ I. F. B. 25 (1909) стр. 77—85. Впрочемъ отмѣченное разногласіе не измѣняетъ существа дѣла, представляя скорѣе методологическій интересъ.

$*^{e}\underset{0}{n}$C: скт. ma-tí-ḥ „мысль, мнѣніе“ ≠ [греч. (αὐτό)-μα-το-ς [1])] ≠ лат. men-s „умъ, мысль, мнѣніе“ ≠ лит. iš-min-tì-s „умъ“ ≠ ст.-сл. па-мѧ-ть (память). ае. К. *mĕn-. [2])

$*^{e}\underset{0}{m}$C: скт. gá-ti-ḥ „шествіе“, ga-tá-ḥ „шедшій“ ≠ греч. βά-σι-ς βα-τό-ς ≠ лат. (circum)-ven-ti-o, ven-tu-s. ае. К. $*g^{2}$ĕm-.

Мы должны оговориться, что въ отношеніи слабой ступени въ славянской языковой области встрѣчаемъ весьма существенное усложненіе. Дѣло въ томъ, что въ праславянскомъ иногда первоначальный полный видъ вокализма, т. е. содержавшій *ĕ, *ŏ, *ă, могъ становиться въ слабое положеніе, благодаря чему развился *новый слой ослабленія*, который смѣшивается съ ослабленіемъ древняго происхожденія. Согласно съ моимъ пониманіемъ, напр. мертвый (мрьтвъ) получилось изъ аріо-европейскаго ослабленія перваго полнаго вида, а горбъ (гръбъ) изъ ослабленія въ праславянскую эпоху втораго полнаго вида (рефлексъ *ор*=ръ можетъ восходить также къ ае. $*^{a}\underset{0}{r}$). На этой почвѣ получаютъ свое объясненіе и такіе дублеты русскаго народнаго языка, какъ держать || доржать, при чемъ первое изъ этихъ словъ отражаетъ въ корнѣ древнее ослабленіе перваго полнаго вида, а второе—праславянское ослабленіе втораго полнаго вида. Въ праславянскомъ могъ ослабляться и первый полный видъ, не испытавшій ослабленія въ ае. праязыкѣ; сюда могутъ относиться такіе дублеты словъ въ славянскихъ языкахъ, какъ рус. четыре (гдѣ сохраненъ древній первый полный видъ корня) || пол. cz‸tery (съ праславянскимъ ослабленіемъ перваго полнаго вида). [3])

---

[1]) Переводится обыкновенно «самъ собою»; форма -ματος по происхожденію представляетъ причастіе прош. стр. и восходитъ къ ае. $*$-$m^{e}\underset{0}{n}$-tós.

[2]) Путь развитія носоваго гласнаго ѧ изъ ае. $*^{e}\underset{0}{n}$ вѣроятно проходилъ чрезъ литво-слав. стадію *ĭn, подобно тому какъ рь (ръ) изъ ае. $*^{e}\underset{0}{r}$ черезъ литво-слав. фазу *ĭr.

[3]) Случаи позднѣйшаго ослабленія, т. е. по распаденіи аріо-европейскаго праязыка, наблюдаются и въ другихъ вѣтвяхъ подъ вліяніемъ особыхъ въ каждой изъ нихъ фонетическихъ условій, срв. греч. ἵππος, гомер. πίσυρες, νυκτός, лит. ugnis и т. п.

Кромѣ *краткихъ* слогообразующихъ согласныхъ (плавныхъ и носовыхъ) принимаютъ для праязыка еще *долгіе*, дающіе иныя отраженія, срв.:

*r̥̄C: скт. st*ī̆r*ṇáḥ „постланный, усыпанный“ = греч. *στρω-τός* „постланный“ = лат. st*ra*tus „постланный, мощеный“ = ст.-сл. -стрьтъ;
*n̥̄C: скт. j*ā*táḥ (K. jan-) „рожденный, сынъ“ = лат. (g)*nā*tus.

Заслуга открытія долгихъ слогообразующихъ и разъясненіе ихъ происхожденія принадлежитъ швейцарскому ученому *де-Соссюру* (de Saussure); [1]) онъ былъ наведенъ на свою замѣчательную идею такими санскритскими параллелями, какъ— ç̥r*u*-táḥ „услышанный“: ç̥r*ŏ*-tum „слышать“ == p*ū*-táḥ „очищенный“: p*ávi*-tum „очищать“, при чемъ сочетаніе *ávi* послѣдней формы онъ возводитъ къ ae. *ĕu̯ə, [2]) откуда получился и гласный *ū* соотвѣтствующей причастной формы, а именно: *ū*←*u̯ə←*ᵉu̯ə; аналогичнымъ образомъ объясняется ae. *r̥̄ изъ *rə←*ᵉrə и ae. *n̥̄ изъ *nə←*ᵉnə (въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ). [3]) Замѣчательное обобщеніе де-Соссюра имѣло еще другое значеніе—оно нанесло ударъ прежнему ученію объ односложности первоначальныхъ корней, показавъ, что послѣдніе были частію двусложными. Рядомъ съ обобщеніемъ де-Соссюра, дополняя его, занимаетъ мѣсто важное обобщеніе акад. Ф. Ѳ. *Фортунатова*, [4]) пришедшаго къ идеѣ о двоякомъ различіи плавныхъ слогообразующихъ чрезъ изслѣдованіе раз-

---

[1]) См. его изслѣдованіе Le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes (1879).

[2]) Вмѣсто обычнаго въ настоящее время обозначенія *ə де-Соссюръ пользовался символомъ *A. Въ свою очередь гласный *ə представляетъ собою ослабленіе котораго-либо изъ средне-широкихъ долгихъ гласныхъ, какъ увидимъ ниже.

[3]) Въ морфологическомъ отношеніи можно вообще отмѣтить, что долгіе слогообразующіе плавные и носовые стоятъ въ одномъ ряду съ ū и ī, срв. скт. jā-játē (3 sg. praes. pass. отъ ján-āmi «рождаю» ‖ bhū-játē (отъ bháv-āmi «бываю»).

[4]) См. его статью «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen», помѣщенную въ Arch. f. slav. Phil. B. IV (1880).

личій ударенія литовскихъ рефлексовъ въ связи съ различіями соотвѣтствующихъ группъ въ другихъ аріо-европейскихъ языкахъ; такъ, напр., скт. vṝkaḥ „волкъ"=лит. vil̃kas (латыш. vi'lks), но скт. pūrṇáḥ „полный"=лит. pìlnas (латыш. pìlns). При этомъ акад. Фортунатовъ устанавливаетъ для первой категоріи въ другихъ языкахъ обычные рефлексы плавныхъ слогообразующихъ, т. е. *αρ* или *ρα*, *αλ* или *λα*, тогда какъ для второй категоріи—тѣ рефлексы, которые были установлены де-Соссюромъ (но, какъ мы видѣли, на совершенно другомъ основаніи), т. е. скт. *īr* (или ūr послѣ губныхъ и лябіализованныхъ задне-язычныхъ согласныхъ)=греч. *ρω* или *ορ*, *λω* или *ολ*=лат. *rā*, *lā*. Вмѣстѣ съ тѣмъ акад. Фортунатовъ отмѣтилъ и соотвѣтствующее различіе въ удареніи сербскаго языка, срв. серб. в ӯ к „волкъ" || п ӯ н „полный".

Примѣчаніе 1. Идею де-Соссюра о двуслоговыхъ корняхъ широко развилъ H. Hirt въ изслѣдованіи «Der indogermanische Ablaut» (1900), гдѣ онъ, возсоздаетъ по указанному принципу праязыковые корни или «базы» (такъ онъ называетъ часть слова, которая остается по устраненіи *вполнѣ несомнѣнныхъ* придаточныхъ морфемъ), вокализмъ которыхъ является мѣстомъ разнообразныхъ градацій Ablaut'a; см. еще его же Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre (1902) §§ 128—134. Въ качествѣ примѣра возьмемъ соотношеніе между скт. *vad*-ati «говоритъ» и греч. *αὐδ-ή* «голосъ, рѣчь»; для обоихъ словъ предполагается въ ае. праязыкѣ корень или база *ăwĕd-, откуда развился санскритскій корень *vad*- путемъ исчезновенія начальнаго гласнаго (т. е. *ᵃwĕd-) и греч. корень *αὐδ*- чрезъ исчезновеніе внутренняго краткаго гласнаго (т. е. *ăwᵉd-), при чемъ эти разновидности одного и того же корня получились благодаря различію ударенія. Такъ какъ въ первоначальныхъ двусложныхъ корняхъ первый слогъ обычно содержалъ только краткіе гласные и краткіе дифтонги, тогда какъ второй — всевозможныя варіаціи гласныхъ, то Hirt и принялъ этотъ второй слогъ для частнаго подраздѣленія базъ на т я ж е л ы я (со вторымъ слогомъ долгимъ) и л е г к і я (со вторымъ слогомъ краткимъ).

Примѣчаніе 2. Нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ для ае. праязыка фонемы, эквивалентныя долгимъ слогообразующимъ плавнымъ и носовымъ, еще и въ положеніи передъ гласными, обозначая ихъ черезъ *r̥̄ и т. д. (=скт. *ir*, *ur*, авест. и др.-перс. *ar* и пр.), напр.: скт. *gir*iḥ «гора»; *gur*ū́ḥ «тяжелый»=греч. *βαρύς* id.; греч. *θανεῖν* и пр. Однако здѣсь возможно видѣть просто ослабленіе первоначальнаго неударяемаго гласнаго (напр. *ᵉr и т. д.) съ послѣдующимъ преобразованіемъ въ новый краткій гласный, качество котораго варіировало, находясь отчасти въ зависимости отъ качества предшествующаго согласнаго и качества гласнаго слѣдующаго слога

Что касается ослабленія первоначальныхъ *долгихъ гласныхъ* въ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, то мы замѣчаемъ при этомъ разницу (именно—неравномѣрность процесса) въ ослабленіи долгихъ гласныхъ сравнительно съ ослабленіемъ краткихъ гласныхъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: между тѣмъ какъ послѣдніе въ своемъ ослабленіи могутъ доходить до нуля (срв. *σ‿χεῖν*, ‿сжть и т. п.), на мѣстѣ первыхъ мы видимъ краткій гласный, обычно представляемый для аріо-европейскаго праязыка посредствомъ символа *ə. Примѣры:

*ə изъ *ē: скт. h*i*-tá-ḥ соб. „положенный" (прич. прош. стр. отъ глагола dádhāmi „кладу"), откуда затѣмъ—„положительный, полезный"=греч. *θε-τό ς* „положенный, постановленный" (отъ глагола *τί-θημι* „кладу"). ае. К. *dhē-.

скт. sph*i*-rá-ḥ „достаточный, большой"=ст.-сл. спо-рь „спорый" (срв. спѣ-етъ, скт. sph*ā*-yatē „увеличивается, ростетъ"). ае. К. *spē-.

*ə изъ *ō: скт. ád*i*ta (3 sg. aor. M. отъ dádāmi „даю") =греч. *ἔδοτο* (та же форма отъ *δίδωμι* „даю").

скт. -d*i*-ta-ḥ = греч. *δο-τό-ς* = лат. d*ă*-tu-s (формы прич. прош. стр.)

ae. K. *dō-.

*ə изъ *ā: скт. sth*i*-tá-ḥ „стоящій"=греч. *στᾰ τό-ς* (id.) =лат. stă-tu-s „поставленный" (формы прич. прош. стр.); ст.-сл. стоѭ

ае. К. *sthā-.

Разсматриваемый гласный праязыка отражается въ санскритѣ въ видѣ *i*, въ лат.—*ă* и въ слав.—*o*. Между тѣмъ въ греческомъ языкѣ видимъ въ каждомъ изъ трехъ случаевъ особый краткій гласный, въ качественномъ отношеніи отвѣчающій своему долгому, срв. *τίθημι* || *θετός, δίδωμι* || *δοτός, ἵστᾱμι* (дорич.) || *στᾰτός*. Однако въ изолированныхъ словахъ встрѣчаемъ *ᾰ* какъ ослабленіе также для *ē и *ō, срав. *λᾰγ-αρός* „тощій" || *λήγ-ω* „прекращаю, перестаю"; *δᾰ-νος* (ср.) „ссуда, заемъ" отъ корня *dō-. Въ виду такихъ случаевъ представляется возможнымъ объяснять греч. *ο* и *ε* *параллелизаціей* къ соот-

вѣтствующимъ долгимъ гласнымъ тѣхъ же корней, нормальнымъ же рефлексомъ считать *ă*, т. е. подобно латинскому ă.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами чередованія долгихъ гласныхъ съ *ə аріо-европейскій праязыкъ представлялъ особый случай долгихъ гласныхъ, чередовавшихся съ соотвѣтствующими краткими и сначала, вѣроятно, полученныхъ изъ этихъ послѣднихъ путемъ *замѣнительнаго удлиненія*, благодаря чему долгіе гласные въ этомъ случаѣ и оказываются сходными по качеству звука съ краткими. Типичнымъ образцомъ можетъ служить долгота гласныхъ, характерная для И. ед. 3-го скл., срв. слова на *-τηϱ* (*μήτηϱ*=лит. mótė=ст.-сл. мати), *-μων* (*ἄκμων*=лит. akmů̃), *ης* (*σαφής*) и пр.; срв. также и въ дифтонгахъ: dyā́uḥ и пр. Такъ какъ основные гласные *ĕ и *ŏ, къ которымъ восходятъ разсматриваемые долгіе, чередовались между собою, то наблюдается чередованіе и между долгими, срв. *λειμών, χειμών* || *ποιμήν; ῥήτωϱ* || *σωτήϱ* и т. п. [1])

Описанное нами праязыковое состояніе ударяемаго и неударяемаго вокализма на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей подверглось ряду новыхъ измѣненій, особыхъ въ каждой изъ нихъ, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить въ концѣ настоящей главы, здѣсь же остановимся лишь на образованіи т. наз. слав. „*подъема*“, подъ которымъ понимаютъ чередованія гласныхъ, основанныя на отношеніи долготы и краткости и состоящія въ томъ, что отъ глагола съ краткимъ корневымъ гласнымъ производится другой глаголъ съ соотвѣтствующимъ долгимъ гласнымъ, съ чѣмъ соединяется также „видовое“ различіе значенія; [2]) ср.

жьдати <жидати
съпати <сыпати
мести <мѣтати
бости <бадати.

[1]) При этомъ въ греч. наблюдается рядъ случаевъ, гдѣ присутствіе *η* или же *ω* въ окончаніяхъ стоитъ въ нѣкоторомъ гармоническомъ соотношеніи къ корневому гласному, а именно: *η* имѣется при корневомъ губномъ гласномъ, а *ω*—напротивъ—при корневомъ палятальномъ; кромѣ того играетъ нѣкоторую роль также удареніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, простое слово или же сложеніе, срв. *πατήρ* || *εὐπάτωρ*.

[2]) Это явленіе называютъ славянскимъ *подъемомъ*, хотя здѣсь, какъ увидимъ ниже, не происходило никакого подъема краткаго гласнаго въ долгій.

Является вопросъ, какъ произошло зарожденіе этого явленія (т. е. такъ наз. славянскаго подъема). Я нахожу, что явленіе славянскаго подъема зародилось на почвѣ аріо-европейскаго вокализма, и вотъ какимъ образомъ. Если мы возьмемъ, напр., греческое чередованіе *λειπ-* || *λιπ-* (*λείπειν—λιπεῖν*), то легко замѣтимъ, что съ этимъ чередованіемъ связано „видовое“ различіе значенія *длительное* и *краткое* (*аористическое*). На почвѣ славянскаго языка это чередованіе получаетъ одну особенность вслѣдствіе того, что *ĕі→и; благодаря такому измѣненію, разсмотрѣнному нами греческому чередованію *ει* || *ι* здѣсь является соотвѣтствующимъ чередованіе и || ь, т. е. чередованіе *одного и того же гласнаго* (*і*) *долгаго съ краткимъ*, въ соединеніи съ „видовымъ“ различіемъ значенія. Путемъ аналогіи въ одной и той же формѣ можетъ явиться и другой видъ корня, напр.

жьдати || ждати,

что сопровождается различіемъ оттѣнка значенія: въ первомъ случаѣ значеніе болѣе краткое (болѣе близкое къ аористическому), во второмъ же болѣе длительное (болѣе близкое къ значенію наст. вр.). По аналогіи къ такимъ случаямъ, какъ **жьдати || ждати**, развились подобныя же чередованія и въ области другихъ гласныхъ, основанныя тоже на отношеніи долготы и краткости:

съпати || сыпати

и т. п.

Такимъ-то образомъ на достояніи, унаслѣдованномъ отъ аріо-европейскаго вокализма, въ славянскомъ развился подъемъ, основанный на долготѣ и краткости и соединенный съ „видовымъ“ различіемъ значенія. [1])

Б. Консонантизмъ.

Изложеніе аріо-европейскаго консонантизма мы расположимъ, соотвѣтственно физіологической группировкѣ соглас-

---

[1]) Литовскій тоже отчасти знаетъ это различіе; но въ немъ не могло выработаться такого широкаго развитія подъемныхъ отношеній, какъ въ слав., такъ какъ въ лит. не произошло совпаденія *ĕі и *ī.

ныхъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: взрывные глухіе (Tenues), звонкіе взрывные (Mediae), звонкіе взрывные придыхательные (Mediae aspiratae), глухіе взрывные придыхательные (Tenues aspirate), плавные и носовые (Liquidae, Nasales), придувные (Spirantes).

Первоначальные *взрывные глухіе* были представлены звуками **p*, **t* и звукомъ **k* двоякаго или же трояκаго типа. Мы разсмотримъ сначала судьбу **p* и **t* въ виду большей простоты отраженія.

Рефлексы или отраженія первоначальныхъ *p* и *t* въ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языкахъ не представляютъ особенныхъ трудностей для изслѣдователя. Эти первоначальные согласные отражаются вообще какъ *p* и *t*. Особенности представляютъ вѣтви германская, кельтская и армянская. Германская вѣтвь характеризуется извѣстнымъ *передвиженіемъ* согласныхъ (Lautverschiebung), на которое впервые указали Rask и Grimm; если мы обратимся спеціально къ готскому, то въ немъ вмѣсто первоначальныхъ взрывныхъ глухихъ мы встрѣчаемъ соотвѣтствующіе глухіе спиранты, т. е. вм. *p*—*f*, вм. *t*—*ϑ* (вм. k^1 - *h*, вм. k^2—*hv*), такъ—въ началѣ словъ и, послѣ ударенія, [1]) внутри словъ; при удареніи же и при „звонкомъ сосѣдствѣ“ (т. е. при сосѣдствѣ съ звонкими звуками) внутри словъ получаются звонкіе спиранты (которые при извѣстныхъ условіяхъ могли переходить далѣе въ звонкіе взрывные); ср. гот. brōϑar „Bruder“ (въ прагерманскомъ удареніе было на начальномъ слогѣ, вслѣдствіе чего *t внутри слова дало въ готскомъ *ϑ*) || fadar „Vater“ (въ прагерманскомъ удареніе было на конечномъ слогѣ, вслѣдствіе чего согласный *t этого слога, пройдя стадію *ϑ*, измѣнился затѣмъ въ соотвѣтствующій звонкій, т. е. *δ*; въ готскомъ словѣ fa*d*ar буква *d* обозначаетъ именно звонкій спирантъ). Что касается кельтскаго, то въ немъ нужно отмѣтить исчезновеніе *p*

---

[1]) Говоря объ удареніи, имѣю въ виду удареніе не современнаго нѣмецкаго языка, а прагерманское, которое было свободнымъ или подвижнымъ, т. е. подобно напр. современному русскому. На это вліяніе при «Lautverschiebung» основногерманскаго ударенія впервые указалъ Karl Verner въ статьѣ «Eine ausnahme der ersten lautverschiebung (KZ XXIII, 1877, стр. 97—130).

наприм.: ‸lān (plēnus), ‸aθir (pater), ‸ro (pro) и т. п. и переходъ t между гласными въ спирантъ (θ). Въ армянскомъ f изъ *p замѣняется посредствомъ h, напр. hair = греч. πατήρ.

Примѣры:

*p: *п*олный, ст.-слав. плънъ = скт. *p*ūrṇáḥ = [греч. πίμπλημι „наполняю"] = лат. *p*lēnus = лит. *p*ìlnas.

скт. pátiḥ (господинъ, супругъ) = греч. πόσις (супругъ) = лат. potis (могущій) = гот. -faθs = лит. pats (супругъ; самъ) = ст.-сл. ?-подь (гос-подь).

*п*ро = скт. prá = греч. πρό = лат. pro = кельт. ro = гот. fra = лит. pra.

*t: *т*о; скт. *t*at = греч. τό = лат. (is)-*t*ud = лит. *t*às (муж. р.), *t*à (женск.).

*т*ы = скт. *t*vám = греч. τύ, σύ = лат. *t*ū = гот. θū = лит. *t*ù.

бра*т*ъ... ма*т*ь... (см. выше стр. 350).

скт. pi*t*á = греч. πατήρ = лат. pa*t*er = кельт. aθir = гот. fa*d*ar.

Существованіе въ аріо-европейскомъ праязыкѣ двухъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ подтверждается различнымъ отраженіемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ нашего семейства. Въ то же время отраженіе каждаго ряда оказывается неодинаковымъ въ *восточной* и *западной* группѣ этихъ языковъ. Такъ, взрывному согласному *k* западной группы (греч., лат., кельт.)[1]) соотвѣтствуетъ передне-язычный придувной (свистящій или шипящій) въ восточной группѣ (скт. ç, авест., армян., албан. и слав. s, литов. š), между тѣмъ какъ согласный *k* восточнаго отдѣла соотвѣтствуетъ въ западномъ отдѣлѣ или звуку *k* съ губнымъ призвукомъ (*kw*), или же одному чисто-губному согласному (*p*). Изслѣдованіе перваго случая привело къ предположенію въ праязыкѣ *k* болѣе передней артикуля-

---

[1]) Къ этой группѣ принадлежитъ и германская вѣтвь, въ которой однакожъ отраженіе согласныхъ представляетъ нѣкоторыя особенности вслѣдствіе спеціально-германскаго закона «передвиженія» согласныхъ (Lautverschiebung); напр. разсматриваемое *k* германскіе языки передвинули въ *h*.

ціи (обычно обозначаемаго посредствомъ *k̂, т. е. „палятальнаго“ [1]) k, или же посредствомъ *k¹), тогда какъ для послѣдняго случая предполагаютъ *k* съ болѣе задней артикуляціей (ае. *qʷ или *k²). Примѣры:

*k¹: скт. çatám „сто“ = греч. *ἑ-κατόν* [2]) = лат. centum [3]) = гот. *h*und (соврем. нѣм. *h*undert) = лит. šim̃tas = ст.-сл. съто.

скт. dáça = греч. *δέκα* = лат. decem = литов. стар. dēšimtis, теперь же безъ окончанія dēšimt = ст.-сл. десАть.

греч. *πόρκος* „свинья“ = лат. porcus = кельт. ‸orc = лит. par̃šas *м.* „боровъ“ = ст.-сл. прасА „поросенокъ“.

---

[1]) Терминъ «палятальный», въ примѣненіи къ этому случаю не обозначаетъ вполнѣ мягкаго произношенія заднеязычнаго согласнаго (какъ напр. въ современномъ русскомъ языкѣ), но лишь сравнительно легкій оттѣнокъ палатальности (въ родѣ напр. нѣмецкаго *k* въ словѣ *K*ette или т. п.).

[2]) Греч. начальное ἑ- соотвѣтствуетъ санскритскому *sa-*, встрѣчающемуся въ названіи тысячи (*sa-hásram*).

[3]) Въ древне-латинскомъ начертаніе *c* при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ выговаривалось какъ *k*, теперь же произносятъ его въ этомъ положеніи неодинаково, а именно: нѣмцы и послѣдовавшіе ихъ примѣру славяне—какъ *ц*, тогда какъ романскіе народы соотвѣтственно тѣмъ звукамъ своего языка, въ которое преобразовалось древнее латинское произношеніе, т. е. итальянцы произносятъ какъ *ч*, французы—какъ *с* (*s*) и т. п. Что касается древняго латинскаго произношенія буквы *c* какъ *k* въ сочетаніяхъ *ce* и *ci*, то оно доказывается, между прочимъ, транскрипціей греками латинскихъ словъ, напр. φηκιτ, Κικέρων, κήνσωρ... Написанія, указывающія на перерожденіе задне-язычнаго согласнаго въ положеніи передъ палятальными гласными, появляются впервые лишь въ VI в. по Р. X.; съ этого времени встрѣчаются такія написанія, какъ: sisternae (вм. cisternae), paze; встрѣчаются также написанія съ *tz*, *tc*. Однако необходимо предположить, что столь значительное звуковое перерожденіе могло совершиться лишь постепенно, такъ что начальныя фазы смягченія должны быть отнесены къ болѣе раннему времени. Раньше всего измѣненію должно было подвергнуться CI передъ слѣдующимъ гласнымъ (т. е. ki̯V); и дѣйствительно, въ этихъ условіяхъ еще въ III—IV в. по Р. Хр. появляется въ надписяхъ смѣшеніе CI и TI.

*k²: гр. ἕπομαι „слѣдую“ ⫩ лат. *sequor* ⫩ лит. *sekù* (слав. сокъ „доносчикъ“) ⫩ скт. *sácatē* (3 ед. наст.) со смягченіемъ *k* въ č.

скт. *lōkáḥ* „свѣтъ, міръ“ ⫩ греч. λευκός „бѣлый, свѣтлый“ (κ, а не π,—послѣ ευ) ⫩ лат. *lūx* (*x*=cs, гдѣ *c*, а не *qu*, въ положеніи передъ согласнымъ) ⫩ лит. *laũkas* „съ лысиною, съ бѣлымъ пятномъ на лбу“ (о лошадяхъ и рогатомъ скотѣ) ⫩ ст.-сл. лоуча, рус. лучъ (въ народн. языкѣ также въ значеніи „пукъ зажженной лучины“), лучина, со смягченіемъ к въ ч.

ст.-сл. влъкъ, рус. волкъ ⫩ скт. *vṛ́kaḥ* ⫩ греч. λύκος ⫩ гот. wulfs, нѣм. Wolf ⫩ лит. *vilkas*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовало два типа *k* (и вообще задне-язычныхъ согласныхъ, какъ убѣдимся впослѣдствіи): *k¹ (болѣе переднее) въ восточномъ отдѣлѣ перешло изъ задне-язычнаго взрывнаго въ передне-язычный придувной согласный, а въ западномъ отдѣлѣ сохранилось въ видѣ *k*; *k² (болѣе заднее) въ восточномъ отдѣлѣ вмѣсто глубокаго стало менѣе глубокимъ, а въ западномъ отдѣлѣ, будучи получено болѣе глубокимъ, проявляется губностью. И такъ, восточный отдѣлъ характеризуется передвиженіемъ обоихъ рядовъ задне-язычныхъ согласныхъ въ болѣе переднюю артикуляцію (*k* переднее→*s* или *š*, а *k* глубокое→*k* неглубокое), западный же отдѣлъ, напротивъ того, обнаруживаетъ бóльшую устойчивость обоихъ рядовъ. Впрочемъ *k² при нѣкоторыхъ условіяхъ и въ западномъ отдѣлѣ (въ греч. и лат.) отражается въ видѣ простаго *k*, т. е. безъ лябіализаціи (напр. срв. греч. καίω „жгу“ и лат. *cū-do* „кую“ ⫩ ст.-сл. коуѭ; греч. λευκός и лат. lux ⫩ ст.-сл. лоуча и пр.); это и есть новооткрытый третій рядъ задне-язычныхъ согласныхъ (*K³), который однако, по моему мнѣнію, правильнѣе считать лишь частнымъ случаемъ и именно *k², а не отдѣльнымъ самостоятельнымъ звукомъ.

Мы еще не вполнѣ разсмотрѣли отраженіе *k² въ аріо-европейскихъ языкахъ, такъ какъ рефлексы *k² представляютъ различія въ зависимости отъ того, передъ несмягчающими или же смягчающими звуками стояло *k² (смягчали же

гласные *e*, *i*, полугласный i̯ и согласный j). Въ случаѣ смягченія (скт. pácati ⧧ греч. πέσσει πέττει [1]) ⧧ лат. co*qu*it ⧧ ст.-сл. пеѵеть; скт. *c*it ⧧ гр. τι ⧧ лат. *qu*id; скт. *c*a ⧧ греч. τε ⧧ лат. *qu*e) санскритъ съ зендомъ имѣютъ *c*, греч. τ, латинскій представляетъ смягченіе лишь въ задаткѣ, [2]) ст.-сл. ѵ. Такимъ образомъ, смягченіе въ древнихъ языкахъ - представителяхъ аріо-европейскаго семейства представляетъ разныя стадіи развитія, начиная отъ легкой аффекціи и кончая сильнымъ перерожденіемъ звука: значительное развитіе смягченія свойственно языкамъ арійскимъ и слав.; меньшую степень представляетъ языкъ греческій; въ прочихъ же языкахъ, если смягченіе и существуетъ, то лишь въ начальной фазѣ. Отсюда можно съ достаточною вѣроятностью принять, что процессъ смягченія $*k^2$ совершался уже по распаденіи праязыка, и притомъ въ арійскомъ отдѣлѣ до обособленія вѣтвей индійской и иранской, въ греческой вѣтви особо отъ италійской, въ славянской вѣтви отдѣльно отъ балтійской. [3]) Рѣшить съ достаточной убѣдительностью, существовали ли діалектически задатки смягченія $*k^2$ въ праязыкѣ аріо-европейскомъ, мы не имѣемъ рѣшительныхъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что не возможно провести границу между послѣдними временами праязыковаго единства и первыми временами обособленія: первое незамѣтно

---

[1]) Греч. глаголъ πέσσω или атт. πέττω, родственный по корню съ санскритскимъ, представляетъ однако другое образованіе наст. вр., а именно $= *pek^2j\bar{o}$ (значитъ въ этомъ греческомъ словѣ смягченіе вызвано не палятальнымъ гласнымъ, а звукомъ i̯ или j).

[2]) Хотя въ латинскомъ одинаково писалось *qu* передъ несмягчающими и смягчающими звуками, но греческая передача (какъ въ надписяхъ, такъ и у писателей) латинскихъ словъ указываетъ на различіе оттѣнка губнаго полугласнаго (w) слѣдовавшаго за q, напр. Τορκουατος ‖ Ταρκύνιος.

[3]) Сравненіе славянскихъ языковъ съ литовскимъ показываетъ, что между тѣмъ какъ первые представляютъ на мѣстѣ $*k^2$ въ случаѣ смягченія звукъ ч, послѣдній успѣлъ развить лишь непереходное смягченіе *k* въ *k'*, напр. ст.-сл. ѵетыре ⧧ лит. *k*eturì. Мы видимъ, что славяне относительно смягченія k^2 представляютъ больше сходства съ своими юго-восточными сосѣдями—иранцами, нежели съ ближайшими родичами—литвою (и литовскій знаетъ переходное смягченіе въ č и dž, но на почвѣ *tj и *dj, напр. p u č ù «дую», á u d ž u «тку», а латышскій представляетъ дальнѣйшее измѣненіе č въ š, dž въ ž, какъ видно изъ отраженія тѣхъ же словъ въ латышскомъ: p ū š u, a u ž u).

переходитъ во второе. Въ виду того, что въ отдѣльныхъ языкахъ-представителяхъ аріо-европейскаго семейства мы встрѣчаемъ разныя стадіи развитія смягченія, можно было бы повидимому заключить, что *темпъ* процесса былъ неодинаковъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Однако, тутъ можно предположить и не различіе (по крайней мѣрѣ, не одно различіе) скорости звукоизмѣненія, но то, что *процессъ начался не одновременно* въ разныхъ языковыхъ областяхъ аріо-европейскаго семейства, а это предположеніе сильно усложняетъ сужденіе о темпѣ движенія. Нужно замѣтить, что для болѣе точнаго сужденія о сравнительной скорости звуковаго движенія необходимо сопоставлять данныя *синхронистически*.

Въ славянскихъ языкахъ *k* (*k^{2}) встрѣчается смягченнымъ не только въ ч, но также еще въ ц. Послѣднее смягченіе имѣетъ мѣсто передъ ѣ дифтонгическаго происхожденія, т. е. передъ ѣ изъ *ŏi, и *ăi, которые на почвѣ праславянской смѣшались въ звукѣ *oi, имѣвшемъ разный путь развитія передъ слѣдующимъ гласнымъ или же согласнымъ, такъ что получалось ojV и ѣC,— и вотъ въ послѣднемъ случаѣ, т. е. передъ ѣC, и наблюдаемъ смягченіе въ ц (ср. цѣна = *ποινή*). Такимъ образомъ передъ согласными имѣемъ:

ае.	праслав.	ст.-сл.
*k^{2}ŏ, *k^{2}ă	→ *kŏ . . . . →	ко
*k^{2}ĕ	→ *k'ĕ . . če. . . . . →	че
*k^{2}ĕi	→ *k'ĕi . . čī . . . . →	чи
*k^{2}ŏiC, *k^{2}ăiC	→ *kŏi . . k'ō̆^{i} . . cē. . . . →	цѣ

Смягченіе к въ *k'* съ послѣдующимъ перерожденіемъ въ ц принадлежитъ болѣе поздней эпохѣ по сравненію со смягченіемъ въ ч, въ зависимости отъ того, что гласный *e* и другіе палатальные звуки дѣйствовали смягчающимъ образомъ уже въ то время, когда на мѣстѣ гласнаго ѣ дифтонгическаго происхожденія имѣлся еще дифтонгъ ŏi, который, начинаясь не-палатальнымъ гласнымъ, не могъ смягчать предшествующаго согласнаго.

Смягченіе к въ ц, какъ съ обстоятельностью разъяснилъ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ,[1]) въ славянскихъ языкахъ наблюдается еще въ другомъ случаѣ, именно — *въ положеніи послѣ* ĭ, ī: отьць, овьца, дѣвица. Форма отьць восходитъ къ *-ĭk²ŏs: подъ вліяніемъ предъидущаго ĭ, при удареніи за этимъ слогомъ, *k* постепенно смягчилось въ ц. [2]) Въ виду одинаковости результата можно тотъ и другой случай смягченія (т. е. цѣна || овьца) отнести къ одному времени, при отсутствіи противорѣчащихъ данныхъ. Что при этомъ процессѣ имѣло значеніе удареніе, я давно заключаю—какъ и проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ — на основаніи различія, представляемаго словами: ли́*к*у || ли*ц*у́, кли́*к*ать || -кли*ц*а́ть и т. д. [3]) Необходимо, конечно, принять въ расчетъ и вліяніе аналогіи. [4]) Другіе аріо-европейскіе языки въ лицѣ

---

[1]) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» или палатализаціи въ славянскихъ языкахъ, въ Уч. Зап. Юрьев. Унив. 1893, № 2; Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation), въ Indogerm. Forschungen IV, 1894 г.

[2]) Здѣсь нужно обратить вниманіе на мнимое, хотя и не рѣдко указывающееся въ грамматическихъ трудахъ, *измѣненіе* ц въ ч въ такихъ случаяхъ, какъ отьць — отьче. Въ дѣйствительности же тутъ только *чередованіе* ц || ч, при чемъ какъ тотъ, такъ и другой звукъ имѣетъ особую исторію своего развитія изъ *k², а именно: смягченіе *k* въ *ч* болѣе ранняго, а смягченіе *k* въ *ц* болѣе поздняго происхожденія. Помимо этого въ русскомъ языкѣ діалектически наблюдается разнаго рода взаимная мѣна между *ц* и *ч*, еще достаточно не изслѣдованная и не объясненная. Далѣе, на русской почвѣ встрѣчаемъ діалектически новѣйшій слой смягченія *k'* → *т'*, напр. *т*исть вм. *к*исть и т. п.

[3]) Что касается польскихъ и чешскихъ примѣровъ (пол. lice, owca и др. + чеш. lice, ovce и др.), то мы должны допустить, что своеобразіе польскаго и чешскаго удареній образовалось позже разсматриваемой эпохи славянскаго праязыка.

[4]) Такіе случаи, какъ дѣви́*ц*а, по причинѣ своего ударенія не подходящіе подъ правило, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ объясняетъ вліяніемъ аналогіи. Можно принять, что отъ такихъ образованій, какъ «ов*ца́*» (ст.-сл. овьца = скт. avikā́), суффиксъ *-ца* распространился и на случаи *-íka, заступивъ мѣсто *-ka*, толчокъ къ чему могъ идти, по моему мнѣнію, отъ одинаковости для обѣихъ категорій смягченія въ *ч*, срв. овечій || дѣвичій и т. п.

своихъ древнихъ представителей на мѣстѣ этого сравнительно поздняго славянскаго смягченія *k* въ *ц* не представляютъ никакого смягченія, ср. ст.-сл. цѣна=авест. kaēnā= лит. kaina (см. Brugmann Grundr. d. vergl. Gramm. I², 1897, стр. 178; въ литовскомъ словарѣ Куршата нѣтъ этого слова), ст.-сл. овьца=скт. avikā; но въ дальнѣйшемъ развитіи и въ этихъ языкахъ могли возникать новые слои смягченія, ср. напр. ново-греческое діалектическое t͡séo=древне-греческому καίω, и т. п.

Первоначальные *b* и *d* отражаются во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ готскаго, вообще какъ *b* и *d*; въ готскомъ мы видимъ передвиженіе первоначальныхъ *b*, *d*, g^1 (иначе—ĝ) и g^2 въ соотвѣтствующіе взрывные глухіе, [1]) т. е. въ *p*, *t*, *k* и *q*; въ другихъ же аріо-европейскихъ языкахъ рефлексы первоначальныхъ g^1 и g^2 находятся въ соотвѣтствіи съ рефлексами k^1 и k^2, какъ звонкіе съ своими глухими. [2]) Нужно еще обратить вниманіе на рефлексы разсматриваемыхъ согласныхъ въ зендѣ. Памятникомъ этого языка является *Авеста*, дошедшая до насъ не вся, а только въ нѣкоторыхъ частяхъ, одна изъ которыхъ представляетъ діалектъ, нѣсколько отличающійся отъ другихъ частей и являющійся болѣе древнимъ („Gāϑā-dialekt"). Въ этомъ діалектѣ (такъ же какъ и въ древне-персидскомъ) первоначальные *b*, *d*, g^2 отражаются какъ *b*, *d*, *g* (смягч. *j*), тогда какъ въ другихъ частяхъ авесты мы встрѣчаемъ развѣтвленіе: въ началѣ словъ продолжаютъ оставаться *b*, *d*, *g* (смягч. *j*), въ серединѣ же словъ при звонкомъ сосѣдствѣ они измѣнились въ соотвѣтствующіе спиранты, т. е. *w*, δ, γ (смягч. ž); [3]) g^1

---

[1]) Передвиженіе въ глухіе произошло также въ армянской вѣтви.

[2]) Такъ, въ санскритѣ, какъ мы знаемъ, k^1=ç, k^2=*k* (смягч. *c*); аналогичнымъ образомъ g^1=*j*, g^2=*g* (смяг. *j*, т. е. соотвѣтствующій звонкій для *c*). Вѣроятно, *j* въ санскритѣ, отражая собою g^1 и g^2 (смягч.), имѣло въ древнѣйшія эпохи не одинъ и тотъ же звукъ въ этихъ двухъ случаяхъ, но что въ одномъ случаѣ произносился соотвѣтствующій звонкій для ç, а въ другомъ—соотвѣтствующій звонкій для *c* (ср. зендъ).

[3]) См. Hübschmann H., Iranische studien, KZ XXIV (1879) стр. 343.

въ авест.=*z*.—Рефлексы отъ *смягченія* *g² находятся въ соотвѣтствіи или гармоніи со смягченіемъ *k².

Примѣры:

*b [1]): *больше*=скт. *b*álam (сила), *b*alī́ „сильный“, báliyān (сравн. степ. прил.), báliṣṭhaḥ (превосх., „сильнѣйшій“). Ср. также греч. *βελτίων, βέλτιστος*.
борзый (бръзъ)=греч. *βραχύς* (короткій)=лат. *b*revis.
блеять (блѣѭ)=греч. *βληχή* (блеяніе)=лат. bālāre.

*d: *домъ*=скт. *d*ámaḥ=греч. *δόμος*=латинск. *d*omus.
дать... (см. выше стр. 349).
ви*д*ѣть, вѣ*д*ать=скт. vé*d*mi (знаю)=греч. *οἶδα Ϝοῖδα* (знаю), *εἶδον* изъ *ἔϜιδον* (я увидѣлъ)=лат. vi*d*eo= гот. vai*t* (*οἶδα*)=лит. véiz*d*mi „смотрю на ч.-л.“

*g¹: *знать*=скт. *j*ñā-yá-tē (n мягкое подъ вліяніемъ предшествующаго j) 3 sg. praes. pass.=греч. *γι-γνώ-σκω*=лат. (*g*)nōsco co-*g*nō-sco=лит. žinaũ.
моло*з*иво (т. е. первое послѣ родовъ молоко у женщинъ и у самокъ животныхъ), ст.-сл. млъзѫ млѣсти („доить“)=скт. mr̥j-á-ti (3 ед. наст. „вытирать, гладить“)=греч. *ἀμέλγω* („дою“)=лат. mul*g*-eo=лит. mélž-u („глажу, дою“).
греч. *φηγός*=лат. fāgus=др.-вхн. buo*ch*a (соврем. Buche „букъ“); въ слав. и русскомъ—согласно законамъ звуковыхъ соотвѣтствій—ожидалось бы +*базъ*, вмѣсто котораго находимъ слово *букъ*, очевидно представляющее заимствованіе изъ германской языковой области, какъ культурное слово. [2])

---

[1]) Примѣровъ для первоначальнаго *b* въ аріо-европейскихъ языкахъ очень мало.

[2]) Это заключеніе согласуется и съ данными ботанической географіи, указывающей область распространенія бука къ западу отъ линіи, соединяющей Кенигсбергъ съ Крымомъ.

*g²: *говядо* (говѧдо)=скт. *g*áu-ḥ=греч. *βοῦ-ς*=лат. *b*ō-s (основа bov-) представляетъ *b*, вм. ожидаемаго *v*, нужно думать—вслѣдствіе заимствованія= кельт. *b*ō.

стегать (*стежокъ*)=скт. tigmáḥ „острый“=греч. *στιγμός* „уколъ“=лат. in-stin*gu*o „побуждаю“. [1])

скт. *g*am- „идти“ (напр. 3 ед. наст. *g*ácchati)= греч. *βαίνω* „иду“=лат. *v*enio „прихожу“.

*ж*ивой=скт. *j*īv-á-ḥ=греч. *βί-ο-ς* (жизнь)=латинск. *v*īv-u-s (начальное *v* изъ *gu*)=гот. *q*iu-s=лит. *g*ýv-a-s.

*ж*еребенокъ (жрѣбѧ) [2])=скт. *g*árbhaḥ (муж., утроба матери, дитя)=греч. *βρέφος* (зародышъ, дитя, дѣтенышъ) || *δελφύς* (чрево).

*ж*ру (*жьрѫ)=греч. *βιβρώσκω*=лат. (de)*v*ŏro.

Разсмотримъ теперь судьбу первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ, т. е. *bh*, *dh*, *g¹h* (или ĝh) и *g²h*.

Придыхательные *bh*, *dh* и *gh* встрѣчаются только въ *санскритѣ*. Въ *зендѣ* (языкѣ авесты), *славянскомъ*, *литовскомъ* и *кельтскомъ*, т. е. въ языкахъ, образующихъ собою сѣверную полосу въ аріо-европейской семьѣ, первоначальные звонкіе придыхательные отражаются въ видѣ звонкаго взрывнаго; такимъ образомъ они смѣшались здѣсь съ рефлексами первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ; въ *готскомъ* они отражаются въ видѣ звонкаго согласнаго, но не совпали съ рефлексами первоначальныхъ звонкихъ взрывныхъ. Въ *зендѣ*

---

[1]) gu (gw) передъ гласнымъ удержалось въ лат. при предшествующемъ *n*; передъ *t* будетъ просто *c*: instinctus «побужденіе».

[2]) Относительно хронологіи смягченія g въ ž замѣтимъ, что оно произошло еще до т. наз. «перестановки», свойственной сѣверо-западному и южному отдѣлу славянскихъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ словѣ грѣхъ, гдѣ сочетаніе грѣ является исконнымъ (ср. рус. «грѣхъ») и слѣдов. g не стояло непосредственно передъ палятальнымъ гласнымъ, смягченія нѣтъ. Въ словѣ жрѣбѧ произошло смягченіе въ ту эпоху, когда въ этомъ словѣ порядокъ звуковъ былъ *gěrb.—Въ греч. *g² смягчается въ δ,—т. е. подобно смягченію *k² въ τ.

первоначальные звонкіе придыхательные, смѣшавшись съ первоначальными звонкими взрывными, вмѣстѣ съ послѣдними затѣмъ развѣтвились на взрывные и придувные. Въ *греческомъ* первоначальные звонкіе придыхательные измѣнились въ глухіе придыхательные: *φ* (т. е. ph), *ϑ* (th), *χ* (ch). Въ *латинскомъ* произошло развѣтвленіе: въ началѣ слова имѣется глухой спирантъ, а внутри слова при звонкомъ сосѣдствѣ—звонкій взрывной (кромѣ случаевъ *g^1h=*h*, напр. ve*h*o, и *g^2h=*v*, напр. ni*v*em); ср. *f*ero || ti*b*i.

Примѣры:

***bh:** *б*еру (кєрѫ)... небо... (см. выше стр. 338, 339).
жеребенокъ (см. стр. 372).
объ⫲скт. a*bh*í⫲греч. ἀμφί⫲лат. am*b*- (напр. am*b*ire).

***dh:** *д*ымъ⫲скт. *dh*ūmáḥ⫲греч. *ϑ*ῡμός⫲лат. *f*ūmus.
*д*ѣлать⫲скт. dá-*dh*ā-mi и пр. (см. выше стр. 349).
ры*ж*ій (ръждь, жд изъ *dj), ръдръ⫲скт. ru*dh*iráḥ „красный, кровавый"⫲греч. ἐρυϑρός „красный"⫲лат. ru*b*er (id.) [1])

***g^1h:** ве*з*у (см. выше стр. 338).
ли*з*ать⫲скт. li*h*- и ri*h*-⫲греч. λείχω⫲лат lin*g*o (послѣ *n* имѣется *g*, а не *h*)⫲лит. lëžù.
скт. *h*āsáḥ „гусь"⫲греч. χᾱν χᾱνός (дорич.) и χήν χηνός (іон.-атт.)⫲лат. (*h*)anser⫲др.-вхн. gans⫲лит. žąsìs; въ слав. ожидали бы $^+$ȥѫсь (рус. $^+$*з*усь), вм. чего оказывается гѫсь (*г*усь)—заимств. изъ герм.; заимствованіе должно отнести къ эпохѣ

---

1) *dh дало въ лат. внутри слова *b* при слѣдующемъ *r* (ru*b*ro-), иначе было бы *d* (напр. лат. fi*d*o=греч. πείϑω, ae*d*es || αἰϑ-). Въ осско-умбрской группѣ и внутри слова имѣется губной согласный f, а потому форма rufus, имѣющаяся въ лат. рядомъ съ ruber, не природная латинская, а заимствована изъ названной языковой группы. Согласный *b* развился изъ *dh въ лат. внутри словъ кромѣ того при предшествующемъ *r* (напр. ver*b*um «слово» ⫲ гот. waúr*d* «слово», соврем. нѣм. Wort), передъ *l* (sta*b*ulum «мѣсто стоянія, стойло» изъ *stablo-, гдѣ *b*=ae. *dh) и, наконецъ, послѣ *u* (напр. nu*b*es «облако»). Всѣ рефлексы ae. *dh въ италійской вѣтви прошли первоначально стадію межзубнаго глухаго спиранта þ (ϑ).

общеславянской, такъ какъ данное слово въ этомъ видѣ повторяется во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ. Между тѣмъ литовскій языкъ, ближайшій родичь послѣднихъ, остался при природномъ словѣ.

*g^2h: снѣгъ ⫩ греч. *νίφα* (В. ед.) „снѣгъ“ ⫩ лат. ni*v*em В. ед. (при И. ед. nix), nin*gu*it ⫩ гот. snai*w*s „снѣгъ“ ⫩ лит. snē*g*as „снѣгъ“, snin*g*a „идетъ снѣгъ“.

угорь (жгрь) || *ужъ* (жжь) ⫩ лит. an*g*is „ужъ“ ⫩ лат. an*gu*is „змѣя“; скт. á*h*iḥ „змѣя“ [1]) ⫩ греч. *ὄφις* „змѣя“.

горѣть ⫩ скт. *gh*armáḥ *м.* „жара, жаръ“ ⫩ греч. *θερμός* (гдѣ *θ* вслѣдствіе смягченія) „теплый, жаркій“ ⫩ лат. *f*ormus (id.). [2])

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о другихъ первоначальныхъ согласныхъ. Въ виду того, что въ санскритѣ встрѣчаются первоначальные глухіе придыхательные, напр. á*th*a (вотъ), vét*th*a ⫩ *οἶσθα*, предполагаютъ, что и въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали *глухіе взрывные придыхательные*, т. е. *ph*, *th*, k^1h, k^2h; но я не останавливаюсь на нихъ въ виду малочисленности примѣровъ. Первоначальные *носовые m* и *n* отражаются тоже какъ *m* и *n* на почвѣ отдѣльныхъ аріо-европейскихъ языковъ. Первоначальные *плавные r* и *l* отражаются вообще тоже соотвѣтствующимъ образомъ, кромѣ зенда, имѣющаго одно *r*; *r* вмѣсто или въ чередованіи съ *l* нерѣдко встрѣчаемъ въ санскритѣ, представителѣ той же арійской или индо-иранской вѣтви. [3]) Въ заключеніе осталось указать на рефлексы первоначальныхъ *придувныхъ*

---

[1]) Въ санскритѣ *g^2h отражается въ видѣ *gh* передъ звуками несмягчающими, передъ звуками же смягчающими—въ видѣ *h*; такимъ образомъ *k* : *c* (*k^2)=*g* : *j* (g^2)=*gh* : *h* (g^2h).

[2]) Латинскій характеризуется широкимъ развитіемъ лябіализаціи; ср. *f*ui (*bh), *f*umus (*dh), *f*ormus (*g^2h); ti*b*i (*bh), ru*b*er (*dh).

[3]) По изслѣдованію акад. Ф. Ѳ. Фортунатова оказывается, что сочетаніе R+dentalis удерживается въ санскритѣ, тогда какъ L+dentalis отражается въ видѣ соотвѣтствующаго церебральнаго согласнаго съ утратою предшествующаго L; см. его статьи: «L+dental im Altindischen» въ Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen VI, 215 и слѣд. Впослѣдствіи

j, *v*, *s*. Эти согласные въ большей части аріо-европейскихъ языковъ болѣе или менѣе сохраняются, но въ нѣкоторыхъ (въ греческомъ и кельтскомъ) легко исчезаютъ. Въ греческомъ спиранты въ началѣ словъ, передъ гласными, частію обратились въ густое придыханіе, а внутри слова, между гласными, какъ извѣстно, исчезли; ср. ἕννυμι „одѣваю", кор. *Ϝεσ-* (впрочемъ начальное w обычно отражается въ видѣ spiritus lenis, срв. ὄψ=лат. *v*ox, ἐμέω=*v*omo, ἔπος=скт. vácaḥ), ἕξ=лат. *s*ex; густое придыханіе могло образоваться даже на почвѣ двухъ спирантовъ, напр. изъ *sv*: ἡδύς=лат. suāvis (вм. svadvis); только начальное j въ греч. является усилившимся въ ζ-, напр. ζυγόν = лат. jugum (откуда итал. *gi*ogo, франц. *j*oug).[1] Въ латинскомъ языкѣ нужно отмѣтить измѣненіе *s* въ *r* внутри слова при звонкомъ сосѣдствѣ, напр. genu*s* || gene*r*is (срв. отраженіе первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ въ тѣхъ же условіяхъ, напр. *f*ero || ti*b*i, *f*umus || ru*b*er; кромѣ того *s въ лат. передъ *r* переходило въ меж-

акад. Фортунатовъ допустилъ существованіе въ ае. праязыкѣ двухъ *l*: *λ и *l*, изъ которыхъ первое дало европ. *l* и индо-иран. *r*, а второе, болѣе рѣдкое, и въ санскритѣ встрѣчается въ видѣ *l*; именно къ послѣднему и примѣняется законъ L+dentalis; см. его статью «Индо-европейскія плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ» (въ Сборникѣ статей въ честь Ѳ. Е. Корша. Москва 1896).

[1]) Нужно прибавить, что въ области j и v различаютъ собственно согласные звуки (j, v) и затѣмъ—близкіе къ нимъ полугласные i̯ и u̯(w), при чемъ *i̯ въ началѣ слова въ греч. даетъ густое придыханіе, напр ὅς= скт. yás=ст.-сл. и (jь←*jъ). Гораздо труднѣе, а часто и не удается опредѣлить различіе первоначальныхъ v и w. Полугласные возникали между прочимъ при распаденіи дифтонговъ передъ гласными: *eiV→e | i̯V, *euV→e | wV, т. е. въ положеніи передъ гласнымъ второй элементъ дифтонга редуцировался и измѣнялся въ полугласный, переходя вмѣстѣ съ тѣмъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему гласному. При изслѣдованіи звуковъ v и w нужно помнить, что *v* бываетъ губно-губное и губно-зубное, при чемъ въ этомъ случаѣ могли быть діалектическія различія въ нашемъ языковомъ семействѣ. Кромѣ того, нужно обратить вниманіе на случаи, гдѣ сходныя фонетическія условія возникли въ позднѣйшей языковой жизни, напр. для праслав. срв. такіе случаи, какъ ношу изъ *носи-V, въ греч. ἀλήθεια изъ *ἀληθεσi̯α и т. п.—Ср. Schulze G. Über das Verhältniss des Z zu den entsprechenden Lauten der verwandten Sprachen. Göttingen 1867. Коршъ Ѳ. Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана, стр. 4 сл. (отт. изъ Харьковскаго Сборника Историко-Филологическаго Общества 1895 г.).

зубное þ, откуда въ началѣ словъ получалось *f* (напр. *f*rīgus=+греч. *ῥῖγος* изъ ае. *srīgōs), а внутри слова *b* (срв. tene*b*rae=+скт. támisrā „темнота"), т. е. въ этомъ случаѣ произошло совпаденіе съ рефлексами первоначальнаго ае. *dh въ томъ же положеніи, т. е. въ сочетаніи съ слѣдующимъ *r*. Въ германскихъ языкахъ развѣтвленіе *s* на *s* и *r* находится въ связи съ развѣтвленіемъ первоначальныхъ глухихъ взрывныхъ на глухіе спиранты и звонкіе согласные. Въ славянской семьѣ *c* (s) чередуется съ х, ср. **соухъ**=лит. *s*aũsas; вм. **х** мы видимъ **ш**, если далѣе слѣдуетъ смягчающій гласный, ср. **соушити**. Въ санскритѣ встрѣчаемъ измѣненіе первоначальнаго *s* не только въ š (нп. Loc. pl. gatā́su ‖ gatḗšu, т. е. š имѣется послѣ узкихъ гласныхъ, равно какъ послѣ согласныхъ *r* и *k*), но еще—въ концѣ словъ—въ ḥ. Вопросъ о направленіяхъ въ измѣненіи первоначальнаго *s* въ аріо-европейскихъ языкахъ требуетъ еще разработки. [1]) На основаніи такихъ случаевъ, какъ скт. ṛ́*k*šaḥ =+ греч. *ἄρκτος*, гдѣ по-видимому санскритскому согласному š послѣ заднеязычнаго согласнаго соотвѣтствуетъ въ греч. не *σ*, но *τ* (послѣ *χ* видимъ *ϑ*), предполагаютъ для ае. праязыка особый передне-язычный спирантъ, обозначаемый посредствомъ *þ; однако я считаю принятіе этого своеобразнаго согласнаго для праязыка излишнимъ, видя здѣсь лишь особенность греческаго языка, получившуюся слѣдующимъ путемъ: сначала и въ греческомъ языкѣ было +*ἄρκσος*, а потомъ вслѣдствіе обычности сочетанія *στ* въ этомъ языкѣ, явилось +*ἄρκστος*, откуда фонетически вышло *ἄρκτος*.

---

[1]) Ср. между прочимъ Pedersen H. Das indogermanische *s* im Slavischen (въ Indogermanische Forschungen, V, 1895 г.), который полагаетъ, что ае. **s* измѣнилось при извѣстныхъ условіяхъ въ *š* уже на почвѣ аріо-европейскаго праязыка, хотя быть можетъ только въ восточныхъ его областяхъ, такъ что слав. χ развилось уже изъ этого *š*. Однако я считаю возможнымъ выводить слав. χ и просто изъ ае. **s*, опираясь на случаи аналогичнаго измѣненія этого первоначальнаго звука, встрѣчающіеся въ иранской и греской вѣтвяхъ (срв. напр. др.-иран. *h*apta «семь» и соотвѣтствующее греч. слово ἑπτά, т. е. *h*eptá, которымъ отвѣчаетъ скт. *s*aptá). При такой точкѣ зрѣнія можно допустить, что въ ае. праязыкѣ **s* существовало діалектически въ двухъ варіаціяхъ, опредѣлявшихъ дальнѣйшее его измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ или въ сторону χ, или же въ сторону š, при чемъ условія измѣненія въ χ могли быть нѣсколько шире по сравненію съ измѣненіемъ въ *š*.

Сравнительная таблица важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Ар.-евр. праяз.	Санскритъ	Авест.	Греческій	Латинскій	Кельтскій	Готскій	Литовскій	Ст.-славянскій
*ĕ	a	a	ε	e	e	i	e	є
*ŏ	ā̆	ā̆	ο	o	o	a	a	о
*ă	a	a	α	a	a	a	a	о
*ē	ā	ā	η	ē	ī	ē	ė	ѣ
*ō	ā	ā	ω	ō	ā	ō	ů	а
*ā	ā	ā	ᾱ(η)	ā	ā	ō	ō	а
*^{e}L̥	r̥	ər	αϱ, ϱα αλ, λα	or, ol	ri, li	aúr, ul	ir, il	рь, ръ, ль, лъ
*^{e}N̥	a	a	α	em, en	im, in (am, an)	um, un	im, in	ѧ
*p	p	p	π	p	*p=○	f	p	п
*t	t	t	τ	t	t	ϑ	t	т
*k^{1}	ç	ç	κ	c(=k)	k	h	š	с
*k^{2}	k ‖ c	k ‖ c	π ‖ τ	qu	p, k	hv	k ‖ k'	к ‖ ч (ц)
*d	d	d-, -δ-	δ	d	d	t	d	д
*g^{1}	j	z	γ	g	g	k	ž	ꙁ
*g^{2}	g ‖ j	g- ‖ j- -γ- ‖ -ž-	β ‖ δ	v(n*gu*)	b, g	q	g ‖ g'	г ‖ ж (ѕ)
*bh	bh	b-, -w-	φ	f-, -b-	b	b	b	б
*dh	dh	d-, -δ-	ϑ	f-, -d- (*b*r)	d	d	d	д
*g^{1}h	h	z	χ	h(n*g*)	g	g	ž	ꙁ
*g^{2}h	gh ‖ h	g- ‖ j- -γ- ‖ -ž-	φ ‖ ϑ	f-, -v- (n*gu*)	g	gw (w)	g ‖ g'	г ‖ ж (ѕ)

Примѣчаніе. Въ настоящей таблицѣ указаны дѣйствительные звуковые рефлексы въ языкахъ-представителяхъ изучаемаго семейства; необходимо однако помнить, что эти рефлексы лишь отчасти совпадаютъ съ гипотетическими фонемами соотвѣтствующихъ частныхъ праязыковъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы должны отмѣтить, что обычное въ сравнительной грамматикѣ сопоставленіе языковъ нашего семейства страдаетъ существеннымъ недостаткомъ вслѣдствіе того, что сравниваются между собою разновременныя состоянія языковъ въ зависимости отъ начала письменности въ послѣднихъ (напр. древнѣйшіе памятники греческаго языка относятся столѣтій за десять до Р. Х., тогда какъ письменные памятники литовскаго языка начинаются въ XVI в. по Р. Х.). Такимъ образомъ, на одну линію ставятся языки разныхъ хронологическихъ эпохъ, раздѣленныхъ иногда пространствомъ времени чуть не въ 30 вѣковъ. Поэтому-то изученіе сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ должно дополняться сравнительнымъ изученіемъ историческаго развитія тѣхъ же языковъ и возможными при этомъ синхронистическими сопоставленіями ихъ соотвѣтствій. Съ этою цѣлью обычное „статическое“ изслѣдованіе должно быть дополнено изученіемъ послѣдовательнаго хода языковыхъ процессовъ въ области каждой вѣтви, начиная отъ общаго состоянія аріо-европейскаго до историческаго времени, понимая подъ послѣднимъ время письменныхъ памятниковъ въ каждой отдѣльной вѣтви, послѣ чего развитіе языка можетъ уже излагаться по даннымъ памятниковъ письменности. Возсоздаваніе доисторическихъ эпохъ въ ихъ послѣдовательности оказывается вполнѣ возможнымъ, благодаря тому, что языковыя данныя историческаго времени содержатъ въ себѣ признаки, идущіе отъ разныхъ предшествующихъ эпохъ и позволяющіе расположить послѣднія въ ихъ преемственности. Въ самомъ дѣлѣ, доказавъ, что эпоха извѣстнаго явленія не могла предшествовать нѣкоторой другой эпохѣ, мы тѣмъ самымъ доказали, что она, если не была съ ней одновременна, необходимо слѣдовала за нею. Если мы подобнымъ же образомъ докажемъ относительно эпохи третьяго явленія, что она не могла предшествовать второй эпохѣ, а непремѣнно слѣдовала за нею, то очевидно, что она была и послѣ первой эпохи. И т. д. Попробуемъ теперь для образца сдѣлать общій обзоръ доисторическаго звуковаго развитія въ области двухъ вѣтвей нашего семейства индо-иранской и славянской.

a) Вѣтвь индо-иранская или арійская.

1) *Эпоха ослабленія краткихъ* ^{*e} и также ^{*a} *и возникновенія слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ*, при чемъ плавные слогообразующіе переходятъ и въ послѣдующія эпохи, а носовые слогообразующіе измѣнились въ ходѣ времени въ *a* и уже въ такомъ видѣ зарегистрированы памятниками, срв. скт. vr̥kaḥ, çatám.

2) *Эпоха смягченія глубокаго ряда задне-язычныхъ согласныхъ* подъ вліяніемъ палятальныхъ гласныхъ и *y* (j); срв. скт. pá*c*ati „печетъ“ (*a* послѣ *c* изъ *ĕ). Эта эпоха не могла предшествовать указанной первой эпохѣ въ виду того, что *K² оказывается не смягчившимся передъ слогообразующими согласными и передъ исчезнувшимъ *ĕ, срв. *k*r̥šṇáḥ „черный“, *g*atáḥ „шедшій“, ja*g*h‸núḥ „они убили“ (3 pl. perf. act.); если бы смягченіе въ шипящіе совершилось раньше первой эпохи, то оно было бы и въ такихъ случаяхъ.

3) *Эпоха измѣненія долгихъ среднихъ гласныхъ* въ *ā*. Долгіе ае. *ē и *ō измѣнились въ ā (совпавши такимъ образомъ съ *ā) не только какъ самостоятельные гласные, но и въ томъ случаѣ, когда они были первымъ компонентомъ дифтонговъ. Эта эпоха не могла предшествовать второй эпохѣ, ибо тогда не получилось бы смягченія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ā* произошло изъ ае. *ē, срв. скт. *c*áyati (= ст.-сл. чаѥть).

4) *Эпоха замѣнительнаго удлиненія и возникновенія т. о. новаго слоя долгихъ среднихъ гласныхъ*. Въ томъ случаѣ, когда *z* (изъ *s), стоявшее послѣ *ĕ и *ŏ, исчезало въ положеніи передъ слѣдующимъ звонкимъ взрывнымъ согласнымъ, то предшествующіе краткіе средніе гласные удлинились въ соотвѣтствующіе долгіе, давъ начало новымъ ē и ō, напр. *ē*dhí „будь“ (*ĕzdhí, повел. накл. отъ К. *ĕs- „быть“), áçv*ō* drávati „лошадь бѣжитъ“ (*-ŏz d-). Данная эпоха не могла предшествовать третьей эпохѣ, ибо тогда эти новые гласные *ē* и *ō*, совпавъ съ такими же древними, вмѣстѣ съ послѣдними измѣнились бы въ ā. Послѣ узкихъ гласныхъ ž (происшедшее также изъ *s) до своего исчезновенія успѣло ассимилировать себѣ слѣдующее *d*, которое стало церебральнымъ, срв. скт. nīḍáḥ „гнѣздо“ (←*nĭžd-), ī́ḍē „умоляю“ (←*ĭž-d-←*is-d-); вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что измѣненіе s→š въ извѣстныхъ условіяхъ совершилось раньше четвертой эпохи.

Въ разсматриваемую эпоху, относящуюся еще къ индоиранскому періоду, мы встрѣчаемся уже съ діалектическою особенностью индійскою и иранскою, какъ о томъ заключаемъ по разному вліянію группы *žht (изъ ае. *g^1ht) на предшествующіе *ě и *ŏ; такъ, индо-иранское образованіе *vŏžhtum (отъ ае. К. vŏg^1h-) дало различные рефлексы въ санскритѣ и языкѣ авесты: скт. vóḍhum („везти"—неопр. накл. въ формѣ аналогичной латинскому супину)⫩авест. važd- (срв. авест. važdri- „споспѣшествователь"). Это различіе я объясняю слѣдующимъ образомъ. Сначала произошла ассимиляція *t* къ предшествующему звонкому придыхательному: *vŏžhtum→*vŏžh-dum, а затѣмъ—замѣна žhd группою ždh, т. е. появленіе придыхательнаго элемента при звонкомъ взрывномъ слѣдующаго слога, такъ что получилась форма *vŏždhum. [1]) До полученія формы *vŏžhdum и даже, быть можетъ, формы *vŏždhum индоиранскій праязыкъ могъ идти безъ діалектическаго различія, но затѣмъ въ одномъ діалектѣ (соотвѣтствующемъ индійской вѣтви) *ž исчезаетъ съ замѣнительнымъ удлиненіемъ, предварительно обусловивъ альвеолярность слѣдующаго *d*, тогда какъ въ другомъ діалектѣ (предкѣ иранской вѣтви) *ž сохраняется, а потому и не происходитъ замѣнительнаго удлиненія (въ то же время вм. скт. *dh* мы видимъ авест. *d*, такъ какъ въ иранской вѣтви звонкіе придыхательные утратили свой придыхательный элементъ). [2])

5) *Эпоха измѣненія краткихъ среднихъ гласныхъ въ* а. Измѣняются въ *a* первоначальные краткіе *ě, *ŏ (совпавши такимъ образомъ съ *ă) и какъ самостоятельные гласные, и

---

[1]) Что переходъ *t* въ *d* произошелъ еще тогда, когда предшествующій звонкій согласный былъ придыхательнымъ, доказывается тѣмъ, что при предшествующемъ звонкомъ не-придыхательномъ такого перехода въ арійской вѣтви не встрѣчается, а напротивъ—предшествующій согласный становится глухимъ; о замѣнѣ сочетанія *žhd черезъ *ždh я думаю, что ей способствовала создавшаяся къ этому времени привычка произносить звонкій придыхательный въ послѣдующемъ слогѣ при простомъ звонкомъ въ предшествующемъ въ такихъ случаяхъ гармонической диссимиляціи, какъ *babh*ára.

[2]) Соотвѣтственно указанному діалектическому различію индоиранское *žh (изъ *g^1h) въ положеніи передъ гласнымъ утратило *ž и сохранило *h* въ первомъ изъ указанныхъ діалектовъ, тогда какъ во второмъ, наоборотъ, сохранило *z* и утратило *h*; отсюда скт. vá*h*āmi⫩авест. va*z*āmi.

какъ первый компонентъ дифтонговъ. Эта эпоха не могла предшествовать четвертой, ибо въ такомъ случаѣ не могли бы получиться въ четвертую эпоху гласные ē и ō какъ результатъ замѣнительнаго удлиненія.

6) *Эпоха возникновенія* ē и ō *изъ дифтонговъ.* Получившіеся въ пятую эпоху дифтонги *ai*, *au* измѣнились въ санскритѣ въ монофтонги ē, ō (дифтонги же *āi*, *āu* не послѣдовали этому измѣненію, такъ какъ имѣли первый долгій компонентъ). Указываемая эпоха уже относится къ отдѣльно-языковой жизни индійской вѣтви. Что касается иранскаго отдѣла, то древне-персидскій отражаетъ наиболѣе древнюю стадію, сохраняя еще дифтонги *ai*, *au*, между тѣмъ какъ языкъ авесты уже нѣсколько измѣнилъ эти дифтонги, представляя *aē* и *aō*.

7) *Эпоха появленія дифтонгическихъ сочетаній* a'i и a'u *въ древне-индійскомъ.* Какъ извѣстно изъ санскритской фонетики, окончаніе *-aḥ* передъ начальными *i* и *u* слѣдующаго слова теряло висаргу (звукъ густаго придыханія), но отсюда не получались настоящіе дифтонги, а только похожія на дифтонги сочетанія, о чемъ заключаемъ изъ того, что въ этомъ случаѣ не пользовались на письмѣ однимъ простымъ начертаніемъ, но оба соприкасавшіеся гласные обозначались каждый отдѣльно. Эта эпоха не могла предшествовать шестой, ибо тогда получились бы не дифтонгическія сочетанія, а монофтонги *ē* и *ō*.

Такимъ образомъ мы подошли къ тому фонетическому состоянію санскрита, которое намъ уже извѣстно изъ памятниковъ.

б) Славянская вѣтвь.

Оставляя въ сторонѣ звуковыя явленія наиболѣе древнія, относящіяся ко временамъ литво-славянскимъ, мы ограничимся указаніемъ послѣдовательности эпохъ славянскаго праязыка.

1) *Эпоха измѣненія* s→χ. Измѣненію въ χ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ подверглось только такое *s*, которое произошло изъ *s, но не изъ *k¹. Поэтому для начала этой эпохи нужно принять, что тогда потомки звуковъ

*k¹ и *s еще различались въ славянской языковой области, при чемъ различіе это было вынесено изъ литво-славянскаго. [1])

2) *Эпоха смягченія задне-язычныхъ согласныхъ* (а также χ, развившагося въ предшествующую эпоху) *въ шипящіе.* Вѣроятно, смягченіе быстрѣе совершалось подъ вліяніемъ ị (j), а затѣмъ уже подъ вліяніемъ палятальныхъ гласныхъ. Къ этой эпохѣ относятся также случаи смягченія типа чоудо (гдѣ оу или ю восходитъ къ *ĕu). Слова „*чадо*" (чадо) и „*шеломъ*" (шлѣмъ), заимствованныя изъ германской языковой области (срв. нѣм. *K*ind и *H*elm), переняты не позже этой эпохи, благодаря чему въ нихъ начальные согласные *k* и χ подверглись свойственному данной эпохѣ процессу смягченія въ шипящіе (литов. šálmas въ свою очередь позаимствовано изъ славянской языковой области уже съ шипящимъ согласнымъ, при чемъ предполагается въ языкѣ-источникѣ комплексъ šolm-). Разсматриваемая эпоха не могла предшествовать первой, такъ какъ предполагаетъ наличность звука χ, а потому развитіе этого послѣдняго изъ *s должно быть относимо къ болѣе раннему времени.

3) *Эпоха упрощенія однородныхъ дифтонговъ* *ĕi→ī и *ŏu→ū. Измѣненіе *ĕi→ī происходило рядомъ съ измѣненіемъ *ŏu→ū. Когда ŏu дало оу (ū), а также *ĕu→ю (jū), тогда старое *ū уже успѣло болѣе или менѣе измѣниться въ сторону ы, отчего и не произошло совпаденія этихъ звуковъ

4) *Эпоха развитія славянскаго подъема.* Измѣненіе *ĕi→ī дало толчекъ болѣе широкому развитію т. наз. славянскаго подъема, основывающагося на отношеніи долготы и краткости однородныхъ гласныхъ.

5) *Эпоха измѣненія* *ē→ā *послѣ шипящихъ* (напр. въжагати и т. п.). Относимъ эту эпоху къ позднѣйшему времени по сравненію съ славянскимъ подъемомъ, такъ какъ послѣдній опирается на одинаковость качества краткихъ и долгихъ гласныхъ, т. е. ĕ || ē и пр., тогда какъ здѣсь: жегѫ < жагати.

6) *Эпоха возникновенія* ѣ *дифтонгическаго происхожденія и смягченія задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе.* Въ

[1]) См. сноску на стр. 376.

предъидущую эпоху, при началѣ измѣненія *ē→ā, въ общеславянскомъ еще не получилось ē изъ дифтонга ŏi (имѣвшаго въ слав. двоякое происхожденіе). Въ развитіи процесса oi→ē приходится принять посредствующую стадію ö̆j, т. е. палятализацію губнаго компонента. Палятальный гласный (ö) могъ уже дать начало смягченію задне-язычныхъ согласныхъ въ свистящіе, при чемъ въ сѣверо-западной славянской языковой области съ этимъ смягченіемъ совпало смягченіе *tj и *dj (срв. польск. cudzy и т. п.). [1]) Получившееся изъ ö̆j (чрезъ устраненіе губности) долгое *e* совпало съ древнимъ *ē* тѣхъ случаевъ, гдѣ послѣднее не измѣнилось въ *a*. Такъ закончилось измѣненіе дифтонговъ въ монофтонги въ славянскомъ мірѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончились въ произношеніи славянъ дифтонгическіе полузакрытые слоги.

Естественно думать вмѣстѣ съ проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ, [2]) что этотъ процессъ въ общеславянскомъ стоялъ въ связи съ процессомъ устраненія закрытыхъ слоговъ, [3]) при чемъ въ случаѣ носовыхъ согласныхъ развились носовые гласные, а при плавныхъ—явленія, представлявшія діалектическія различія, напр. рус. борода, ст.-сл. брада (тоже въ южныхъ славянскихъ языкахъ и чешскомъ), тогда какъ польскій и оба лужицкіе представляютъ комплексъ *ro* : broda.

Дальнѣйшее теченіе фонетическихъ процессовъ совершалось уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ вѣтвей.

Библіографическія указанія. Brugmann Grundriss der vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen. I (1897). Его же Kurze vergl. Gramm. der indogerm. Sprachen (1904). Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik I (1906). Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Подробная программа лекцій (1881)

---

[1]) Въ серб. *tj и *dj смягчаются въ ћ и ђ: смягченіе уже болѣе поздней эпохи, на сербской почвѣ. Въ этомъ случаѣ нарѣчія и говоры задунайскихъ славянъ представляютъ удивительную пестроту рефлексовъ, зависящую быть можетъ отъ племенныхъ перемѣщеній.

[2]) Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А. Подробная программа лекцій (1881) стр. 141, 143.

[3]) Необходимо однакожъ при этомъ помнить, что физіологическое родство процессовъ не служитъ доказательствомъ ихъ одновременности; кромѣ того, физіологически родственные процессы развертываются нерѣдко въ разныхъ языкахъ не въ одномъ и томъ же порядкѣ.

стр. 123—148. Его же Изъ лекцій по латинской фонетикѣ (1893), стр. 241 сл.: единственный въ русской лингвистической литературѣ трудъ по обилію сравниваемаго матеріала; свои выводы авторъ предлагаетъ въ видѣ формулъ, которыя, какъ намъ кажется, слѣдовало бы дополнить для удобства читателей словесной формулировкой. Его же Два вопроса изъ ученія о «смягченіи» (см. выше стр. 362). Его же Славянскіе языки — статья въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона; Fonologja (fonetyka) arjoeuropejska — статья въ Enc. powsz. ilustr. Крушевскій Н. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма 1881 (Особый оттискъ изъ Рус. Фил. Вѣстн. того же года № 1). Проф. Крушевскій въ русской лингвистической литературѣ первый обратилъ вниманіе на важныя открытія Brugman'a и De Saussure'a въ области аріо-европейскаго вокализма (см. Рус. Фил. Вѣстн. 1880 № 3 стр. 32—45), а затѣмъ самъ предпринялъ изслѣдованіе въ области старо-славянскаго вокализма. Богородицкій В. Къ хронологіи и діалектологіи фонетическихъ процессовъ въ аріо-европейскомъ семействѣ языковъ, съ физіологическими разъясненіями (Изъ чтеній по сравн. грам., вып. 3-й, 1900). Fortunatov Ph. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache. (Arch. f. sl. Phil. IV). Его же Phonetische Bemerkungen (Arch. f. sl. Phil. XI—XII). Его же Объ удареніи и долготѣ въ балтійскихъ языкахъ (Р. Ф. В. XXXIII, 1895 г., 252—297). Brugmann Karl, Nasalis sonans in der indogermanischen Grundsprache (см. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik, herausgegeben von Georg Curtius und Karl Brugman, IX. 1876, стр. 285—338). De Saussure Ferdinand, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipsick 1879. Osthoff Hermann, Die tiefstufe im indogermanischen vocalismus (см. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Von Dr. Hermann Osthoff und Dr. Karl Brugman. IV. 1881). Остгофъ дополнилъ систему Соссюра трехъ видовъ корня, указавъ, что слабая ступень («Tiefstufe») бываетъ двухъ видовъ—неударенная (unbetonte) и съ побочнымъ удареніемъ (nebentonige). Такимъ образомъ онъ принимаетъ четыре ступени: 1) Hochstufe (сильная, напр. *loip*), 2) Mittelstufe (средняя, *leip*), 3) Tiefstufe nebentonige (*lĭp*), 4) Tiefstufe unbetonte (*lĭp*). Hübschmann представилъ, съ этой точки зрѣнія, обозрѣніе всего аріо-европейскаго вокализма въ сочиненіи—Das indogermanische Vocalsystem (1885), основываясь на предъидущихъ работахъ. Schmidt J. Kritik der Sonantentheorie (1895). Hirt H., Der indogermanische Ablaut vornehmlich in seinem Verhältniss zur Betonung (1900). Berneker E. Von der Vertretung des indogerm. *eu* im baltisch-slavischen Sprachzweig (I. F., X. 3. u. 4. 1899). Meillet A. Les alternances vocaliques en vieux slave (Mém. de la Société de lingu. de Paris, XIV, 1906 г., 193—209, 332—390).

22. Обзоръ падежныхъ окончаній именнаго склоненія въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Наиболѣе крупное подраздѣленіе склоненій — на именное и мѣстоименное; то и другое склоненіе представляетъ рядъ особенностей въ отношеніи падежныхъ окончаній, напр.: греч. И. В. ед. средн. р. *ζυγόν* „ярмо“ || *τοῦτο* „это“; скт. И. мн. муж. *áçvāḥ* „кони“ || *tē* „они“; и др. Мы займемся разсмотрѣніемъ падежныхъ окончаній именнаго склоненія.

Для простоты мы примемъ только три типа именнаго склоненія, аналогичныя извѣстнымъ изъ учебниковъ тремъ греческимъ склоненіямъ (I—*χώρα*, II—*ἵππος*, III—*ὄψ*), и ограничимся при этомъ сравненіемъ главнѣйшимъ образомъ четырехъ языковъ—санскрита, греческаго, латинскаго и старо-славянскаго. По такому плану мы будемъ разсматривать окончанія одного падежа за другимъ сначала единственнаго числа, затѣмъ двойственнаго и наконецъ множественнаго. Значитъ, нами принимаются слѣдующіе три различія именнаго склоненія: I—древнія основы на -ā-, II—древнія основы на -ŏ- / -ĕ-, III—основы на согласный. [1]) Изъ этихъ трехъ склоненій первое и второе могутъ быть охарактеризованы какъ *гласныя* склоненія, такъ какъ ихъ основа нѣкогда оканчивалась гласнымъ звукомъ (такъ наз. „тематическимъ“, т. е. служащимъ для образованія „темы“ или основы), а третье—какъ *согласное*. Но древнее гласное склоненіе стало подвергаться очень рано сокращенію основъ въ пользу окончаній,

---

[1]) Кромѣ того, есть еще гласныя основы на -ĭ- и -ŭ- (срв. греч. πόλις, γλυκύς; ст.-сл. двьрь, сынъ), которыя подходятъ подъ третье склоненіе, какъ и основы на -ī- и -ū- (послѣднія діалектически частію сближаются съ первымъ склоненіемъ).

то есть такому морфологическому переразложенію формъ, по которому послѣдній гласный основы отходитъ къ окончанію, такъ что новая основа стала оканчиваться уже согласнымъ звукомъ, а всѣ падежныя окончанія такихъ склоненій стали начинаться съ гласнаго звука. [1]) Въ своемъ разсмотрѣніи мы будемъ относить въ отдѣльныхъ языкахъ тематическій гласный уже къ окончанію. Такъ какъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ древнія гласныя основы являются согласными, то стало быть съ точки зрѣнія отдѣльно-языковаго состоянія (т. е. не-праязыковаго) нужно различать первично-согласныя и вторично-согласныя основы.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію падежныхъ окончаній по указаннымъ склоненіямъ, мы должны предварительно отмѣтить два существенныхъ отличія между гласнымъ склоненіемъ („первымъ" и „вторымъ") и склоненіемъ согласнымъ:

1) гласныя склоненія характеризуются *постояннымъ удареніемъ*, т. е. удареніе остается въ нихъ на одномъ и томъ же слогѣ во всемъ склоненіи (только Зват. падежъ можетъ представлять уклоненіе благодаря своей тенденціи перемѣщать удареніе съ конца по направленію къ началу слова), срв. напр. постоянство ударенія въ склоненіи греч. слова *λύκος* „волкъ"—*λύκου*, *λύκῳ* и т. д.; между тѣмъ согласное склоненіе основъ односложныхъ и частію неодносложныхъ *переноситъ* свое удареніе въ косвенныхъ падежахъ (т. е. кромѣ Им. и Вин.) на окончаніе, напр. отъ слова *ὄψ* „голосъ, рѣчь"—В. ед. *ὄπ-α* || Р. ед. *ὀπ-ός*, или отъ слова *πατήρ* „отецъ"—В. ед. *πατέρ-α* || Р. ед. *πατρ-ός*;

2) въ зависимости отъ только-что указаннаго различія въ характерѣ ударенія, въ гласныхъ склоненіяхъ не наблюдается градація въ основѣ, т. е. основа содержитъ одни и тѣ же звуки, тогда какъ въ согласномъ склоненіи переходъ уда-

---

[1]) Морфологическое обобщеніе о сокращеніи основъ въ пользу окончаній принадлежитъ проф. И. А. Бодуэну-де-Куртенэ.—Отголоски (пережитки) древнѣйшаго, не сократившагося состоянія основъ существуютъ еще донынѣ въ сложеніяхъ, ср. рус. част*о*-колъ, вол*о*-пасъ и т. п. Конечно, присутствіе *о* въ концѣ перваго члена сложенія еще не доказываетъ, что каждое такое сложное слово непремѣнно возникло въ древнюю эпоху не сократившихся гласныхъ основъ, ибо этотъ типъ словообразованія пополнялся и въ позднѣйшія времена новообразованіями по аналогіи.

ренія на окончаніе нерѣдко сопровождается въ этихъ формахъ исчезновеніемъ предъударённаго краткаго гласнаго, напр. *πατ̥ρ-ός*, но *πατέρ-α*, откуда и получается градація или чередованіе основы (*πατέρ-* || *πατ̥ρ-'*),—такое склоненіе въ нѣмецкой литературѣ извѣстно подъ названіемъ „Stammabstufende Declination“ (т. е. склоненіе съ градаціей основы).

Хотя оба гласныя склоненія и характеризуются постояннымъ удареніемъ, но нѣкоторые языки представляютъ при этомъ различія по качеству ударенія, преимущественно греческій и литовскій, въ особенности—когда удареніе приходится на концѣ слова; срв. И. ед. *ἀλφή* „плата“ = лит. algà (id.), Р. ед. *ἀλφῆς* = лит. algõs и т. п. Значительный параллелизмъ различій въ греческихъ удареніяхъ съ литовскими, при нѣкоторыхъ подтверждающихъ другихъ данныхъ, заставляетъ предполагать, что уже въ ае. праязыкѣ складывалось различіе двухъ типовъ ударенія на долгихъ окончаніяхъ—*нисходящаго* (перешедшаго на греческой почвѣ въ т. наз. острое удареніе) и *восходяще-нисходящаго* или облеченнаго. Изъ нихъ первичнымъ слѣдуетъ признать первый типъ, такъ какъ второй развился при наступленіи нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій, какъ напр. въ случаѣ слитія гласнаго основы съ гласнымъ окончанія (срв. Дат. ед. *θεῷ*, гдѣ окончаніе -*ῷ* получилось изъ ае. *-ōį ← *-ŏ + ăi), или въ случаѣ утраты послѣ долгаго гласнаго при нѣкоторыхъ условіяхъ полугласнаго или сонорнаго согласнаго (срв. Вин. ед. *βῶ̥ν* „быка“ = ае. *g²ōum; литов. pēmũ̥ „пастушенокъ“ при греческой формѣ *ποιμήν*, сохраняющей конечное *ν* и имѣющей потому острое удареніе). [1])

---

[1]) Вопросъ о типахъ ударенія въ аріо-европейскомъ праязыкѣ и ихъ преобразованіи на почвѣ отдѣльныхъ вѣтвей представляетъ еще много не изслѣдованнаго. Замѣтимъ здѣсь, что A. Bezzenberger первый отмѣтилъ связь между удареніями языковъ литовскаго и греческаго (см. BB. VII, 1883 г., въ статьѣ «Grammatische bemerkungen», стр. 66—68); F. de Saussure показалъ для литовскаго первичность нисходящаго ударенія (см Mém. de la Société lingu. de Paris, VIII, 1894, въ статьѣ «A propos de l'accentuation lituanienne, стр. 425 сл.); о наблюденіяхъ акад. Ф. Ѳ. Фортунатова по соотношенію ударенiй литовскаго и сербо-хорватскаго упоминалось выше на стр. 359; сверхъ того, см. H. Hirt Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre (1902) гл. XX подъ заглавіемъ «Der indogermanische Akzent» (стр. 181—200).

Вообще нужно замѣтить, что одно и то же первоначальное окончаніе, вслѣдствіе разныхъ фонетическихъ условій, можетъ развѣтвиться на нѣсколько *разновидностей*. Главное мѣсто среди этихъ условій принадлежитъ вліянію ударенія; срв. въ русскомъ разновидности одного и того же окончанія: раб-*óм* (орѳограф.— рабомъ) || сáд-*ъм* (садомъ), и т. п. Отсюда и изъ предшествующаго вытекаетъ важность и необходимость обращать вниманіе при изслѣдованіи окончаній на ихъ ударенность или же неударенность. Достаточно вспомнить объ акцентуальной особенности латинскаго языка, въ которомъ односложныя окончанія неодносложныхъ словъ не могутъ имѣть ударенія, откуда проистекала легкая ихъ потеря или же сокращеніе въ связи съ постепеннымъ переходомъ къ аналитическому состоянію романскихъ языковъ. Далѣе—разновидности окончаній возникаютъ подъ вліяніемъ фонетическихъ условій фразы; ср. напр. въ греч. случаи утраты окончанія В. ед. *-α* третьяго склоненія въ положеніи передъ гласнымъ: *ἄνδρ' ἀγαθόν* (у Тиртея).

Наконецъ, при анализѣ формъ нужно обращать вниманіе на слоговое дѣленіе этихъ формъ. Напр., въ такихъ случаяхъ, какъ aç̧v-ā, конечный согласный основы (*v*) и гласный окончанія (*ā*) соединены въ одинъ слогъ (т. е. aç | v-ā: вертикальная черта служитъ для обозначенія дѣленія на слоги, а черточка для морфологическаго дѣленія), а это можетъ разсматриваться какъ задатокъ возможнаго морфологическаго переразложенія въ будущемъ. Срв. происхожденіе въ классическомъ санскритѣ окончаній, начинающихся съ согласнаго n въ основахъ на *-ar-* ср. р. третьяго склоненія, благодаря вліянію основъ на *-an-* ср. р., въ которыхъ суффиксальное *n*, чередуясь въ склоненіи съ гласнымъ *a* (ср. nā́m*n*-aḥ || nā́m*a*-bhiḥ), уже не могло чувствоваться прочною принадлежностью основы и стало относиться къ падежному окончанію, съ которымъ оно вдобавокъ соединялось въ одинъ слогъ.

Nominativus singularis.

Разсмотримъ сначала формы п е р в а г о склоненія (см. таблицу). Всюду мы видимъ окончаніе *-a*, которое въ *санскритѣ* и *греческомъ* является долгимъ; долгота гласнаго предполагается и *старо-славянскимъ*; въ *латинскомъ* языкѣ оконча-

Сравнительная таблица формъ именнаго склоненія въ аріо-европейскихъ языкахъ.

ае.	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.
N. I. *-ā sing.	áçv-ā	χώϱ-ᾱ	equ-a	жен-ѧ
II. *-ŏ-s	áçv-aḥ	ἵππ-ος	equ-ŭs (древ. -ŏs)	раб-ъ
III. *-s или нуль	vāk	ὄψ	vōx	кам-ы
V. I. *-ă	áçv-ē	χώϱ-ᾰ	equ-ă	жен-о
II. *-e	áçv-a	ἵππ-ε	equ-ĕ	раб-є
III. ○	vāk	ὄψ	=N. sg.	=N. sg.
Ac. I. *-ā-m	áçv-ām	χωϱ-ᾱν	equ-ăm	жен-ѫ
II. *-ŏ-m	áçv-am	ἵππ-ον	equ-ŭm (древ. -ŏm)	раб-ъ
III. *-m̥	vā́c-am	ὄπ-ᾰ	vōc-ĕm	камен-ь
G. I. *-ās	áçv-āyāḥ	χωϱ-ᾱς	equ-ae	жен-ы
II. *-ŏ-i̯ŏ (‖ -ŏ-si̯ŏ)	áçv-asya	ἵππ-ου(-οιο)	equ-ī	=Abl. sg.
III. *-ĕs‖*-ŏs	vāc-áḥ	ὀπ-ός	vōc-is	камен-є
D. I. *-āi	áçv-āyāi	χώϱ-ᾳ	equ-ae	жен-ѣ
II. *-ōi	áçv-āya	ἵππ-ῳ	equ-ō	раб-оу
III. *-ăi	vāc-ḗ	=L. sg.	vōc-i	камен-и
Ab. I. =G. sg.	=G. sg.	=G. sg.	equ-ā	=G. sg.
II. *-ōd	áçv-āt	=G. sg.	equ-ō	раб-ѧ
III. =G. sg.	=G. sg.	=G. sg.	vōc-ĕ	=G. sg.
In. I. *-ā	áçv-ayā (вед. -ā).	=D. sg.	=Ab. sg.	жен-оѭ
II. *-ō	áçv-ēna (вед. -ā)	=D. sg.	=Ab. sg.	раб-омь
III. *-ă(?)	vāc-ā́	=D. sg.	vōc-ŭ	камен-ьмь
L. I. *-ă-i	áçv-āyām	=D. sg.	=Ab. sg.	жен-ѣ
II. *-ŏ-i,*ĕ-i	áçv-ē	=D. sg.	=Ab. sg.	раб-ѣ
III. *i	vāc-í	ὀπ-ί	vōc-ĕ	камен-и

ае.	скт.	греч.	лат.	ст.-сл.
N. I. *-ă-i du.	áçv-ē	χώϱ-ᾱ	—	жен-ѣ
II. *ō	áçv-āu	λύκ-ω	amb-ō	раб-ѧ
III. *ĕ (?)	vā́c-āu	ὄπ-ε	—	камен-и
N. I. *-ās pl.	áçv-āḥ	χῶϱ-αι	equ-ae	жен-ы
II. *-ōs	ácv-āḥ	ἵππ-οι	equ-ī	раб-и
III. *-ĕs	vā́c-aḥ	ὄπ-ες	vōc-ēs	*камен-є
Ac. I. *-ās	=N. pl.	χώϱ-ᾱς (-ανς)	equ-ās	жен-ы
II. *-ŏ-ns	áçv-ān	ἵππ-ους (-ονς)	equ-ōs	раб-ы
III. *-n̥s	vā́c-áḥ	ὄπ-ας	vōc-ēs	камен-и
G. I. *-ām	áçv-ānām	χωϱ-ῶν	equ-ārum	жен-ъ
II. *-ōm	áçv-ānām	ἵππ-ων	equ-ōrum	рак-ъ
III. *-ŏ̆m	vāc-ā́m	ὀπ-ῶν	vōc-um	камен-ъ
D. I. *-bh-, *-m-	áçv-ābhyaḥ	=L. I. pl.	equ-īs	жен-амъ
II. *-bh-, *-m-	áçv-ēbhyaḥ	=L. I. pl.	equ-īs	раб-омъ
III. *-bh-, *-m-	vāg-bhyáḥ	=L. I. pl.	vōc-ibus	камен-ьмъ
Ab. I. =D. pl.	=D. pl.	=G. pl.	=D. pl.	=G. pl.
II. =D. pl.	=D. pl.	=G. pl.	=D. pl.	=G. pl.
III. =D. pl.	=D. pl.	=G. pl.	=D. pl.	=G. pl.
In. I. *-bh-, *-m-	áçv-ābhiḥ	χώϱ-αις	=D. pl.	жен-ами
II. -ōis	áçv-āiḥ	ἵππ-οις (-οισι)	=D. pl.	раб-ы
III. *-bh-, *-m-	vāg-bhíḥ	ὀψί (=ὀπ-σί)	=D. pl.	камен-ьми
L. I. *-ā-sŭ	áçv-āsu	χώϱ-αις	=D. pl.	жен-ахъ
II. *-ŏ-i-sŭ	áçv-ēšu	ἵππ-οις (-οισι)	=D. pl.	раб-ѣхъ
III. *-sŭ	vāk-šú	ὀψί (=ὀπ-σί)	=D. pl.	камен-ьхъ

ніе *-a* раньше было тоже долгимъ и сократилось уже на почвѣ спеціально латинской. Согласіе аріоевропейскихъ языковъ относительно окончанія разсматриваемой формы позволяетъ сдѣлать *гипотетическое построеніе для аріоевропейскаго праязыка:* *-ā.

Изъ *частныхъ* явленій въ области разсматриваемой формы нужно указать на то, что изъ древне-греческихъ діалектовъ *-ᾱ* является въ дорическомъ и эолическомъ, іоническій же представляетъ въ этомъ случаѣ *η*; въ аттическомъ нарѣчіи, образующемъ одну вѣтвь съ іоническимъ, видимъ тоже *η*, но послѣ *ι* и *ϱ*—*ᾱ*. Слова *κόϱη* („дѣвица") и *δέϱη* („шея", поэт. также „горло") аттическаго діалекта составляютъ лишь кажущееся исключеніе изъ этого правила, такъ какъ въ нихъ, въ эпоху образованія въ этомъ діалектѣ указаннаго чередованія *ᾱ* || *η*, окончанію предшествовало не *ϱ*, но *ϱϜ* (срв. дорич. *κόϱϜᾱ*).

Во **второмъ** склоненіи окончанія скт. *-aḥ* изъ *-as*, греч. *-ος* и лат. *-us* безъ затрудненія могутъ быть признаны родственными и возведены съ полною вѣроятностью къ ае. *-ŏ͡s, причемъ санскритъ и латинскій представляютъ каждый свое особое фонетическое видоизмѣненіе предположеннаго праязыковаго окончанія: въ санскритѣ *ŏ измѣнилось въ *a*, а въ латинскомъ—по закону неударяемыхъ гласныхъ въ этомъ языкѣ—ŏ съуживается въ направленіи ŭ. [1])

Что касается *старо-славянскаго* окончанія -ъ, то оно представляетъ большія трудности для объясненія. Здѣсь мы имѣ-

---

[1]) Въ морфологическихъ схемахъ обыкновенно приводятся однѣ нормальныя формы, но для болѣе полнаго представленія необходимо обращать вниманіе и на остальныя разновидности тѣхъ же формъ. Такъ, въ *санскритѣ* кромѣ обычнаго окончанія -aḥ возможны, въ зависимости отъ начала слѣдующаго слова, другія варіаціи того же окончанія, -as, -aç, -aš, -a, -ō; но число разновидностей еще больше: каждое изъ указанныхъ шести окончаній является ударяемымъ и неударяемымъ (и при томъ въ разномъ удаленіи отъ ударенія), а кромѣ того, какъ показываютъ тексты, снабженные удареніемъ, неударенное окончаніе передъ начальнымъ ударенномъ слогомъ слѣдующаго слова переходило въ другую степень неударенности. Въ *греческомъ* языкѣ окончаніе представляло въ произношеніи варіаціи: *-os* и *-oz*, а діалектически *-oρ* (ротацизмъ), и было какъ ударяемымъ, такъ и неударяемымъ. Въ *латинскомъ* языкѣ окончаніе является уже только неударяемымъ, благодаря чему легко подвергается ослабленіямъ.

емъ одинъ изъ тѣхъ поучительныхъ въ методологическомъ отношеніи случаевъ въ морфологіи, когда фактъ можетъ получить и дѣйствительно получаетъ у изслѣдователей разное освѣщеніе въ зависимости отъ того, начнетъ ли изслѣдователь съ допущенія *фонетическаго* объясненія этого факта, при чемъ все противорѣчащее его объясненію старается приписать дѣйствію психическаго фактора, именно—аналогіи, или же, усумнившись въ правильности фонетическаго толкованія факта, онъ признаетъ этотъ фактъ *новообразованіемъ по аналогіи*, соотвѣтственно чему видоизмѣнится и толкованіе всѣхъ прочихъ соприкасающихся фактовъ. Вотъ подобнымъ образомъ и разсматриваемое ст.-слав. окончаніе -ъ имѣетъ два объясненія: а) фонетическое и б) морфологическое.

а) Допускается, что *-ŏs→*ŭs→ŭ (ъ). Если же въ другихъ случаяхъ на мѣстѣ *-ŏs является -о, а не -ъ, какъ напр. въ сигматическомъ склоненіи (нєбо=νέφος), то принимаютъ, что и въ этихъ случаяхъ могло развиваться и даже получиться -ъ, но что вмѣсто него утвердилось -о, подъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія (срв. то изъ *tŏd).

б) Отрицается предъидущее фонетическое объясненіе происхожденія -ъ въ И. ед. втораго склоненія въ виду противорѣчія такихъ фактовъ, какъ нєбо. Эти послѣдніе факты принимаются за чисто фонетическіе, т. е. что *-ŏs→о, а -ъ въ И. ед. втораго склоненія признается новообразованіемъ по аналогіи къ В. ед. того же склоненія (гдѣ -ъ получилось фонетически изъ *-ŏm) подъ вліяніемъ совпаденія названныхъ двухъ падежей въ нѣкоторыхъ типахъ, особенно въ основахъ на *ŭ, гдѣ фонетически получилось -ъ въ обоихъ падежахъ: -ŭ(s) и -ŭ(m).

Я нахожу, что второе изъ приведенныхъ объясненій происхожденія -ъ въ Им. ед. втораго склоненія встрѣчаетъ при дальнѣйшихъ разысканіяхъ рядъ новыхъ подтвержденій, чего нельзя сказать о первомъ объясненіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ греческой формѣ νέφος вполнѣ соотвѣтствуетъ ст.-сл. нєбо съ исчезнувшимъ конечнымъ *s*, [1]) точно такъ же конечное сочетаніе *-ĕs отражается въ ст.-сл. не въ видѣ -ь, но -є; примѣры послѣдняго: Р. ед. и И. мн. согласнаго склоненія—

[1]) Исчезло оно въ эпоху устраненія согласныхъ съ конца слоговъ и словъ, переживавшуюся славянскими языками.

камен-е и т. п., гдѣ просто исчезло съ конца s, а предшествующее ĕ сохранилось въ своемъ качествѣ; 2 ед. прошедшаго тематическаго—нес-е и т. п. Но если конечное *-ŏs должно было дать въ ст.-сл. -о, а не -ъ, то—напротивъ—*-ŏm фонетически отражается въ видѣ ъ, примѣромъ чего служитъ -ъ въ 1 ед. прошедшаго тематическаго, напр. нес-ъ. Что же касается распространенія формы Вин. падежа на мѣсто Им. падежа, то это нерѣдкое явленіе въ языкахъ; ср. франц. *bonté* =*bonitátem*,[1]) ново-болг. -ѫ въ именахъ женскаго склоненія.[2])

Въ мягкой разновидности втораго склоненія -ь обычно объясняется изъ общеславянскаго *-jъ, т. е. предполагается, что съуженіе ŏ→ŭ произошло до закона дѣйствія предшествующаго j на послѣдующее ŏ (jŏ→jĕ), а затѣмъ это jŭ→jĭ вмѣстѣ со случаями первичнаго jŭ, какъ напр. въ словѣ иго=лат. jŭgum; однако я считалъ бы возможнымъ принять и другой порядокъ: *-jŏm→*-jĕm→*-jĭm→-jь.

Въ *латинскомъ* языкѣ обращаютъ вниманіе основы на -*r*- (мы беремъ сокращенный видъ основы, т. е. принимаемъ гласный суффикса отошедшимъ къ окончанію; по обычной же терминологіи основы эти называются основами на -*ro*-): однѣ изъ нихъ образуютъ И. ед. съ окончаніемъ -*us*, въ другихъ же И. ед. не имѣетъ этого окончанія, напр. (h)umerus „плечо" || ager „поле". Основная причина различія приведенныхъ образованій заключается въ разномъ происхожденіи *r*: въ словѣ ager, какъ видно изъ сравненія съ греч. *ἀγρός* и скт. *ájraḥ*, латинское *r* восходитъ къ первоначальному *r*, а исчезновеніе окончанія могло произойти путемъ образованія на латинской почвѣ слогообразующаго согласнаго (а *r* способно къ такой функціи), т. е. *ágros→*agr̥s, откуда послѣ упрощенія группы двухъ послѣднихъ согласныхъ (-r̥s → r̥) и образованія „бѣглаго" ĕ между *g* и *r* получилось *áger* (Р. ед. agri); при этомъ предполагается, что процессъ происходилъ уже по установленіи баритонизма въ латинскомъ языкѣ; другіе однородные примѣры: caper (*κάπρος*) „козелъ", socer (свекръ), ruber

[1]) Но не bónitas, такъ какъ романскіе языки удерживаютъ удареніе латинскаго.

[2]) -ѫ въ ново-болг. фонетически отражаетъ -ѫ (Вин. ед. ж.), но не -ꙗ (И. ед. того же склоненія).

(*ἐρυθρός*) и пр. (тоже въ словѣ vir „мужъ“); что касается такихъ случаевъ, какъ *humerus* (также—numerus), то въ нихъ *r* произошло изъ *s*, и нужно принять, что въ ту эпоху, когда въ словѣ *ágros преобразовывалось окончаніе, въ humerus еще сохранялся между звонкими звуками согласный *s* (или z, ž); когда же *s* (или собственно z, ž) стало между гласными измѣняться въ *r*, эпоха вышеуказаннаго преобразованія окончанія при предшествующемъ плавномъ *r* уже миновала. [1]) Отступленіе отъ указаннаго правила составляютъ прилагательныя на *-rus* съ предшествующимъ гласнымъ краткимъ или долгимъ (напр. fĕrus „дикій“, mĕrus „несмѣшанный, чистый“, vērus „истинный“ и др.), которыя, имѣя первичное *r*, однакожъ удерживаютъ окончаніе *-us*: это обусловливалось какъ *аналогіей* съ прочими прилагательными трехъ окончаній, такъ еще и тѣмъ, что только при этомъ условіи получался *изосиллабизмъ* въ падежныхъ формахъ; но если прилагательное имѣло передъ *r* согласный звукъ, то—какъ мы видѣли—при отсутствіи окончанія *-us* изосиллабизмъ однакожъ не нарушался, благодаря появленію въ соотвѣтствующей формѣ бѣглаго гласнаго (срв. ruber).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію окончанія *средняго рода*. Скт. *-am*, греч. *-ον* и лат. *-um* одинаково восходятъ къ *-ŏm. Но къ этому окончанію едва-ли можно возводить слав. -о, такъ какъ *-ŏm должно бы дать -ъ. Въ то же время славянское окончаніе весьма просто объясняется при помощи аналогіи, а именно, въ виду того, что окончаніе -о твердаго склоненія и -є мягкаго должно было фонетически получиться въ той же формѣ мѣстоименнаго склоненія (срв. то, ѥ, гдѣ съ конца исчезъ согласный *d* въ эпоху устраненія согласныхъ съ конца слоговъ, переживавшуюся славянскими языками; лат. istŭd изъ istŏd, при чемъ ŏ измѣнилось въ ŭ по закону неударяемыхъ гласныхъ этого языка, а конечное *d* сохранилось

---

[1]) И дѣйствительно, переходъ *s* въ *r* въ латинскомъ языкѣ произошелъ поздно, уже въ историческое время. Цицеронъ говоритъ, что L. Papirius Cursor (бывшій консуломъ въ 336 г. до Р. Х.) впервые сталъ называться Papirius, его же предки были Papisii. Такимъ образомъ, возникновеніе *r* изъ *s* произошло въ IV в. до Р. Х., развитіе же r̥ въ латинскомъ происходило ранѣе того, до превращенія *s* въ *r*. Срв. Бодуэнъ-де-Куртенэ И., Изъ лекцій по латинской фонетикѣ (1893) стр. 186.

послѣ краткаго гласнаго; скт. tad, yad), то естественно допустить здѣсь вліяніе мѣстоименнаго склоненія на именное въ связи съ возможнымъ вліяніемъ со стороны именнаго типа небо. Направленіе аналогіи въ этомъ случаѣ иное, чѣмъ то, которое мы разсмотрѣли выше по отношенію къ окончанію -ъ въ И. ед. муж. втораго склоненія. Оно въ данномъ случаѣ можетъ быть охарактеризовано такъ: распространеніе окончанія извѣстнаго падежа изъ одного типа склоненія на тотъ же падежъ другаго типа склоненія.

Въ третьемъ склоненіи въ однихъ образованіяхъ И. ед. муж. и жен. рода имѣетъ окончаніе -*s*, между тѣмъ какъ въ другихъ образованіяхъ нѣтъ конечнаго -*s*, а только долгота гласнаго, напр. греч. *πατήρ*=скт. pitā́, *ῥήτωρ* и т. п. Прежніе изслѣдователи объясняли въ этомъ случаѣ долготу гласнаго тѣмъ, что и здѣсь нѣкогда было -*s*, напр. **πατερ-ς* и что именно исчезновеніе этого *s* и вызвало удлиненіе гласнаго въ конечномъ слогѣ. Однако такое предположеніе не могло представить фактическихъ доказательствъ, такъ какъ ни одинъ изъ аріоевропейскихъ языковъ даже въ своихъ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ не имѣетъ на лицо -*s* въ подобныхъ образованіяхъ. При такомъ положеніи дѣла явилось новое соображеніе, по которому долгота гласнаго въ И. ед. принимается за исконную, т. е. полагаютъ, что она была свойственна еще праязыку, хотя происхожденіе ея не вполнѣ ясно; быть можетъ даже, что первое появленіе ея обязано нѣкоторымъ случаямъ замѣнительнаго удлиненія. Во всякомъ случаѣ—нужно прибавить—долгота гласнаго въ конечномъ слогѣ является въ этихъ образованіяхъ морфологическимъ признакомъ падежа.

Vocativus singularis.

Въ первомъ склоненіи въ *санскритѣ* при обычномъ -ē (срв. греч. *Λητοῖ* „о Латона") сохраняется и -*a* въ названіяхъ „матери", часто употребляемыхъ какъ частицы, напр. отъ ambā́ въ ведійскомъ санскритѣ Voc. *ámbē* и *ámbă*, въ классическомъ же только *ambă*; о формѣ ámba въ скт. словарѣ Бетлингка замѣчено: „*ámba* oft zu einem blossen Ausruf (etwa *ach*) abgeschwächt"; вообще частицы представляютъ

нерѣдко случаи переживанія нѣкогда существовавшихъ формъ. Что именно названія матери удержали при этомъ восклицательную форму, ср. въ русскомъ восклицанія: „батюшки!“ „матушки!“ Въ *греческомъ* [1]) и *латинскомъ* находимъ окончаніе -ă. Подобно этимъ окончаніямъ и *славянское* -о такихъ образованій, какъ жено, является отраженіемъ ae. *-ă. Во всѣхъ этихъ случаяхъ конечное -ă разсматривается какъ сокращенный видъ долгаго тематическаго гласнаго перваго склоненія и является продуктомъ морфологическаго переразложенія, именно—продуктомъ отдѣленія тематическаго гласнаго отъ основы къ окончанію.

Во **второмъ** склоненіи, гдѣ тематическимъ гласнымъ является ŏ || ĕ, Зват. падежъ оканчивается на -ĕ, которое должно разсматриваться какъ результатъ выдѣленія въ окончаніе тематическаго гласнаго. Такимъ образомъ, въ Зв. ед. подобно 2 ед. повел. накл. тематическаго спряженія мы не встрѣчаемъ собственно особаго прибавочнаго суффикса, что̀ типично для обѣихъ формъ.

Изъ *частныхъ случаевъ* втораго склоненія остановимся на особенности Зв. ед. въ основахъ на *-ĭo-* въ латинскомъ языкѣ. Въ этихъ основахъ или—иначе говоря—во второмъ мягкомъ склоненіи въ рядѣ случаевъ въ Зв. ед. встрѣчаемъ -ī, напр. filī, при чемъ окончаніе -ī получилось изъ -iĕ вслѣдствіе того, что второй звукъ, т. е. ĕ, ассимилировался предъидущему i. Такіе случаи, какъ filie, pie, Laertie, объясняются аналогіей къ соотвѣтствующей формѣ твердаго склоненія. Обыкновенно въ существительныхъ собственныхъ въ латинскомъ встрѣчаемъ стяженіе (ср. въ одной изъ эпитафій Сципіоновъ—Publi, Corneli), тогда какъ имена прилагательныя болѣе склонны къ окончанію *-ĭe*; эта разница между существительными и прилагательными станетъ понятною, если

---

[1]) Ср. отъ νύμφη «невѣста, молодая жена» въ Гом. діал. Зв. ед —νύμφᾰ; но въ аттическомъ діалектѣ въ словахъ перваго склоненія ж. р. обычно Зв. ед.=Им. ед., въ чемъ естественно видѣть распространеніе формы Им. ед. на Зват. падежъ того же числа и склоненія, въ словахъ же муж. р. перваго склоненія личныхъ, выражающихъ родъ занятія и оканчивающихся на -της, -μέτρης, -τρίβης, -πώλης, а также въ названіяхъ народныхъ (напр. Πέρσης) Зват. ед. въ аттич. сохранилъ свое первоначальное окончаніе -ᾰ.

припомнимъ, что одно и то же прилагательное мягкой флексіи могло сочетаться съ существительными какъ мягкаго, такъ и твердаго втораго склоненія, а по аналогіи къ послѣднимъ оно принимаетъ типичный (характерный) для Зв. ед. втораго склоненія падежный признакъ -ĕ (родъ конгруэнціи).

Что касается *образованій по аналогіи*, то обращаетъ вниманіе обычность послѣдней между формами Им. и Зв. падежа, особенно же часто распространеніе перваго на второй, чему не мало примѣровъ представляетъ третье склоненіе (напр. въ греч. *OEd. R.* 629: *ὦ πόλις πόλις*; *Prometh.* 88: *ὦ δῖος αἰθήρ* и пр.). Обычность дѣйствія аналогіи между Им. и Зв. падежомъ обусловливается ихъ смысловою близостью: Им. падежъ есть падежъ наименованія простаго, Зв. падежъ—тоже падежъ наименованія, но только, такъ сказать, наименованія призывающаго и волеваго. *Бо́льшая обычность распространенія Им. падежа на Зв.* обусловливается, вѣроятно, большею частотою употребленія существительныхъ въ падежѣ простаго наименованія, между тѣмъ какъ форма призывающаго наименованія обыкновенно употребляется лишь въ личныхъ названіяхъ. Разсмотрѣнное направленіе въ дѣйствіи аналогіи можно охарактеризовать, какъ распространеніе формы съ одного падежа на другой въ томъ же склоненіи, при смысловой близости этихъ падежей.

Въ Зват. падежѣ важно обратить вниманіе на одну характерную особенность въ *удареніи*, именно на оттяжку ударенія съ конца слова къ началу, особенно рельефно представляющуюся въ санскритѣ (ср. также въ греч.: *ὦ δέσποτα, ὦ ἄδελφε, ὦ πάτερ, ὦ Ζεῦ* при Имен. *Ζεύς*; ново-цксл. жéно, рáке).

Accusativus singularis.

Въ первомъ склоненіи *санскритскому* окончанію -ām вполнѣ соотвѣтствуетъ *греческое -āν*, въ которомъ, согласно съ фонетическимъ закономъ этого языка, конечное *m* измѣнилось въ *n*. Въ *латинскомъ* языкѣ мы видимъ въ окончаніи краткій гласный. Извѣстно, что въ этомъ языкѣ долгіе гласные въ конечныхъ неударяемыхъ закрытыхъ слогахъ сокращались неравномѣрно, въ зависимости отъ характера слѣдовавшаго за гласнымъ согласнаго, напр. въ спряженіи: *moneb*ă*m*, *moneb*ā*s*, *moneb*ă*t*, *moneb*ă*r*. Изъ приведенныхъ примѣ-

ровъ видно, что въ лат. ā передъ *m* въ конечномъ неударенномъ слогѣ превращалось въ ă; такъ и въ Вин. ед. перваго склоненія. Въ *ст.-сл.* видимъ эквивалентное окончаніе -ѫ. Разсмотрѣнныя окончанія Вин. ед. перваго склоненія приводятъ къ предположенію въ аріо-европейскомъ праязыкѣ окончанія *-ā-m, гдѣ ā первоначально принадлежало основѣ, но потомъ путемъ морфологическаго переразложенія (морфол. абсорпціи) отъ основы перешло къ окончанію.

Объ окончаніяхъ Вин. ед. втораго склоненія мы уже имѣли случай говорить при Им. ед. Окончаніемъ этого падежа въ праязыкѣ аріо-европейскомъ предполагается *-ŏ-m, гдѣ ŏ отошло къ окончанію вслѣдствіе морфологическаго переразложенія. Въ среднемъ родѣ по обыкновенію Вин. сходенъ съ Имен.

Въ третьемъ склоненіи разсматриваемый падежъ представляетъ слѣдующія окончанія: скт. -ăm=греч. -ᾰ=лат. -ĕm; ст.-сл. -ь. На основаніи этихъ окончаній предполагаютъ для аріо-европейскаго праязыка окончаніе *-*m*, которое, будучи предшествуемо согласнымъ звукомъ, становилось слогообразующимъ (*-m̥). Однако санскритъ въ другихъ случаяхъ представляетъ иной рефлексъ первоначальнаго слогообразующаго носоваго, не ăm, но ă; срв. скт. ç*a*tám=греч. ἑκ*α*τόν=лат. c*en*tum. Для выясненія указаннаго отступленія санскрита возможно предположить два толкованія:

а) *фонетическое*, стремящееся объяснить отступленіе особенностью фонетическихъ условій; при такой точкѣ зрѣнія принимается, что первоначальный носовой слогообразующій имѣлъ въ санскритѣ неодинаковое развитіе внутри слова и въ концѣ, въ одномъ положеніи давши ă, а въ другомъ -ăm;

б) *морфологическое* или посредствомъ аналогіи; при этомъ толкованіи принимается для санскрита одинаковое отраженіе носоваго слогообразующаго въ обоихъ положеніяхъ въ видѣ ă, въ данной же формѣ третьяго склоненія окончаніе -ăm получилось по аналогіи къ окончаніямъ того же падежа въ гласныхъ склоненіяхъ, такъ какъ -*m* чувствовалось характернымъ признакомъ падежа.

Въ данномъ случаѣ, по видимому, имѣются рѣшающіе факты, говорящіе въ пользу морфологическаго и противъ фо-

нетическаго толкованія: въ санскритѣ въ числительныхъ, имѣвшихъ первоначально на концѣ слогообразующій носовой, отраженіемъ послѣдняго служитъ ă, напр. скт. dáça = греч. *δέκα* = лат. dec*em* = ст.-сл. деся-ть.

Сравнивая между собою окончанія Вин. ед. всѣхъ трехъ склоненій (*-ām, *-ŏm и *-m̥), видимъ, что въ составъ ихъ входитъ одинъ и тотъ же элементъ *-m*, который и былъ собственно общимъ первоначальнымъ признакомъ даннаго падежа во всѣхъ склоненіяхъ, но затѣмъ уже произошло позднѣйшее развѣтвленіе первоначально одного окончанія на нѣсколько— по причинамъ морфологическимъ (переразложеніе и аналогія) и фонетическимъ (переходъ въ слогообразующій согласный). Здѣсь мы видимъ, какъ *иногда разнообразіе падежной флексіи въ аріоевропейскихъ языкахъ сводится къ первичному однообразію, напоминающему однообразіе падежной флексіи урало-алтайскихъ или семитскихъ языковъ.*

Нужно еще обратить вниманіе на основаніе сходства окончанія Acc. sg. masc. и Nom. sg. neutr. во второмъ склоненіи (напр. equum : jugum): neutra, какъ преимущественно названія вещей или неодушевленныхъ предметовъ, чаще всего мыслятся въ роли объектовъ.

Genitivus singularis.

Въ первомъ склоненіи окончанія представляютъ такія различія, которыя не позволяютъ возвести ихъ всѣ къ одному общему праязыковому окончанію. Все-таки часть формъ допускаетъ сближеніе: скт. -āyāḥ, греч. -ᾱς и (какъ пережитокъ) лат. -ās.

Разъяснить *санскритское* окончаніе -āyāh помогаетъ склоненіе основъ на -ī- въ этомъ языкѣ, и вообще въ исторіи санскритскаго склоненія усматривается тѣсное соотношеніе склоненія основъ на -ī- съ первымъ склоненіемъ. Въ формѣ Р. ед. это соотношеніе проявляется въ томъ, что первоначальное окончаніе перваго склоненія **-ās* мы встрѣчаемъ въ томъ же падежѣ основъ на -ī-, при чемъ -ī + ās дало *-yāḥ* въ основахъ двусложныхъ и многосложныхъ, въ основахъ же односложныхъ *-iyāḥ* (эти послѣднія основы могутъ образовать форму Р. ед. и по третьему склоненію, и тогда окончаніе является въ видѣ *-iyaḥ*). Склоненіе основъ на -ī- повліяло

на первое склоненіе передавши ему свое окончаніе *-yās* на мѣсто +-ās. [1]) Такъ можно объяснить происхожденіе такихъ формъ Р. ед. перваго склоненія, какъ скт. áçv-āyāḥ, а при разсмотрѣніи формы Д. ед. мы встрѣтимъ новое подтвержденіе въ пользу приведеннаго толкованія; что касается долготы перваго *а* въ окончаніи -āyāḥ, то въ ней можно усмотрѣть результатъ вліянія со стороны другихъ формъ того же перваго склоненія, въ которыхъ тематическій гласный имѣлся въ сильномъ видѣ, т. е. былъ долгъ.

Въ *греческомъ* окончаніи *-ᾱς* можно видѣть прямое отраженіе первичнаго окончанія разсматриваемаго падежа.

Латинское окончаніе *-ae* вторично и, быть можетъ, является распространеніемъ (по аналогіи) формы Locat. sg., несомнѣнные пережитки которой видимъ въ такихъ случаяхъ, какъ Romae „въ Римѣ“ и т. п. Въ архаическомъ латинскомъ существовали формы съ первичнымъ окончаніемъ -ās, напр. *vias*, *fortunas*, а въ классическомъ періодѣ въ качествѣ пережитка въ выраженіи *pater familias*. Осскій и умбрскій имѣли формы съ первичнымъ окончаніемъ *-as*.

Что касается *старо-славянскаго* окончанія -ы || -ѧ, то Шлейхеръ высказалъ соображеніе, что здѣсь или аналогія къ И. В. мн., съ которымъ часто бываетъ одинаковъ Р. ед., или же падежный элементъ присоединенъ къ основѣ черезъ посредство носоваго. Шлейхеръ болѣе склонялся къ послѣднему объясненію. Такимъ образомъ, мы опять встрѣчаемся здѣсь съ возможностью двоякаго объясненія формы: а) *фонетическаго* и б) посредствомъ *аналогіи*. Вопреки Шлейхеру, фонетическое объясненіе происхожденія разсматриваемой формы нельзя признать удовлетворительнымъ, такъ какъ противъ него говоритъ то важное обстоятельство, что такого окончанія съ носовымъ инфиксомъ не встрѣчается ни въ какомъ другомъ изъ аріоевропейскихъ языковъ и даже въ литовскомъ языкѣ, т. е. ближайшемъ родичѣ славянскихъ, такъ что самъ Шлейхеръ долженъ былъ признать, что славянскія формы поэтому оказываются очень поздними. Между тѣмъ объясненіе посредствомъ аналогіи не встрѣчаетъ противорѣчій кромѣ развѣ того, что

---

[1]) Этой замѣнѣ древняго Род. ед. вѣроятно способствовало стремленіе къ различенію отъ однозвучной формы И. В. мн.

приходится допустить распространеніе по аналогіи формы несходнаго значенія и изъ другаго числа; но для пропорціональной аналогіи и не требуется смысловой близости. Чтобы понять, какимъ образомъ G. sg. могъ получить окончаніе по аналогіи къ N. (Acc.) pl., нужно припомнить, что въ нѣкоторыхъ склоненіяхъ окончаніе G. sg. = N. Acc. pl. (напр. дьнє, кости, окна). Привычка къ одинаковости окончанія въ этихъ падежахъ распространилась и на первое склоненіе такимъ образомъ, что каково было окончаніе въ N. pl., таково же стало и въ G. sg., т. е. -ы (-ѧ). Но и въ И. мн. перваго склоненія окончаніе -ы (-ѧ) вторично, оно перешло туда по аналогіи изъ В. мн.; стало быть, указанное распространеніе окончанія -ы (-ѧ) на Р. ед. перваго склоненія слѣдовало за эпохою утвержденія этого окончанія во множ. числѣ того же склоненія. Я думаю, что можно указать и толчокъ къ указанной аналогіи. Дѣло въ томъ, что первичное окончаніе Р. ед. перваго склоненія должно было звучать въ славянскомъ, по устраненіи конечнаго согласнаго (s), въ видѣ *-ā*, т. е. оно совпало съ формою И. ед., и дѣйствіе аналогіи явилось такимъ образомъ средствомъ дифференціаци этихъ падежей. [1])

Во второмъ склоненіи въ *санскритѣ* окончаніемъ является *-a-sya*, причемъ въ этомъ окончаніи можно усмотрѣть вліяніе соотвѣтствующей формы мѣстоименнаго склоненія и думать, что açv-asya появилось вмѣсто ожидаемаго +açv-aya. Основаніе для предположенія первичнаго окончанія *-a-ya* (гдѣ первое *a* есть собственно тематическій гласный втораго склоненія абсорбированный окончаніемъ) даетъ соотвѣтствующая греческая форма, видѣть же въ элементѣ *-s-* (*-a-s-ya*) особенность мѣстоименнаго склоненія позволяетъ обычность этого элемента въ мѣстоименномъ склоненіи въ отличіе отъ соотвѣтствующаго именнаго.

---

[1]) Срв. аналогичное явленіе въ Р. ед. въ словахъ муж. рода перваго склоненія въ греческомъ, гдѣ одинаковость Род. ед. съ Им. ед., когда въ послѣднемъ падежѣ явилось -ς, была устранена чрезъ аналогію къ тому же падежу втораго склоненія. Въ греческомъ аналогія не могла принять того направленія, какъ въ слав., такъ какъ въ греческомъ G. sg. и N. pl. во всѣхъ склоненіяхъ были несходны (напр. въ третьемъ склоненіи -ος : -ες).

Въ *греческомъ* языкѣ мы находимъ окончаніе *-ου* (ū) въ діалектахъ іоническо-аттическомъ и позднѣйшемъ дорическомъ. Въ древнѣйшемъ дорическомъ, лесбійскомъ и беотійскомъ разсматриваемая форма оканчивается на *-ω* (ō). Такъ какъ въ іоническо-аттическомъ ō (изъ ŏ + ŏ) измѣняется въ ū, а въ діалектахъ лесбійскомъ, беотійскомъ и древнѣйшемъ дорическомъ сохраняется, то это позволяетъ считать отмѣченныя различія падежнаго окончанія родственными между собою: -ū есть дальнѣйшее развитіе ō, вмѣстѣ съ которымъ восходитъ къ праязыковому *-ŏ-i̯ŏ.

У *Гомера* кромѣ обычнаго окончанія *-ου* (іонич., или же *-ω* на почвѣ эолич.) является еще *-οιο*, при чемъ частота употребленія того и другаго почти одинаковая (1823 : 1787). Обычно эти окончанія роднятъ между собою, приводя въ связь то и другое съ скт. *-asya* и предполагая, слѣдовательно, прагреческое *-oσi̯o. Но противъ такого пониманія говоритъ то, что на почвѣ древне-греческой Vσi̯V → Vi̯V (срв. *ἀλήθεια* ← **ἀληθεσi̯α*), т. е. въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ сохраненіе *ι* между гласными, а не исчезновеніе. Такимъ образомъ, мы можемъ вывести изъ *-oσi̯o только окончаніе *-οιο*, но не *-ου* (resp. *-ω*); для этого послѣдняго удобно принять другое праязыковое окончаніе, именно *-ŏi̯ŏ; значитъ: *-o-i̯o → ō^{u} → ū(*-ου*), *-o-σi̯o → ohi̯o → *οιο*, при чемъ первое изъ этихъ окончаній первоначально могло быть свойственно именному склоненію, а второе, какъ содержащее характерный мѣстоименный элементъ s, — мѣстоименному. [1])

Нужно еще отмѣтить, что въ *сѣверно-ѳессалійскомъ* нарѣчіи встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ падежѣ окончаніе *-οι*, являющееся, вѣроятно, результатомъ распространенія по аналогіи формы Мѣстн. ед. того же склоненія. Если мы примемъ во вниманіе семазіологическое соприкосновеніе Gen. и Loc. (срв. „крыша дома“ || „крыша на домѣ“) и одинаковость формы этихъ падежей въ двойств. числѣ, то намъ не можетъ казать-

---

[1]) Нѣкоторые окончаніе *-ου* (*-ω*) выводятъ изъ *-ŏ-sŏ или *-ĕ-sŏ, опираясь на данныя германскихъ языковъ: гот. *-i-s* и др.-вхн. *-e-s* (напр. гот. wulf-i-s, др.-вхн. wolf-e-s ≠ греч. λύκ-ου «волка») = *-ĕ-sŏ. Въ слав. языковой области *-sŏ встрѣчается только въ качествѣ мѣстоименнаго окончанія: ст.-сл. ЧЄ-СО или ЧЬ-СО (Р. ед. отъ ЧЬ-ТО). Срв. Hirt H. Handb. d. griech. Laut- und Formenlehre (1902) § 311.

ся страннымъ этотъ случай аналогіи. [1]) Семазіологическое соприкосновеніе Gen. и Loc. способствовало тому, что въ греческомъ древній оборотъ Locat. absol. замѣнился черезъ *Genitivus absolutus* (при Gen. du.=Loc. du.). [2]) Этому должна была особенно способствовать утрата въ греческомъ безпредложнаго мѣстнаго падежа.

Латинское окончаніе Р. ед. втораго склоненія—ī. Фонетически его нельзя роднить съ разсмотрѣнными окончаніями санскрита и греческаго. Родственное окончаніе находимъ въ кельтской вѣтви, напр. галльское *Segomar-i*, Род. ед. отъ Segomar-os (вообще, въ морфологіи латинскаго и кельтскаго языковъ оказывается цѣлый рядъ общихъ образованій, заставляющій предполагать существованіе нѣкогда тѣснаго единенія между этими языками).

Относительно *славянскаго* окончанія -а въ Gen. sing. существуетъ различіе въ воззрѣніяхъ и, какъ можно напередъ догадаться, имѣетъ мѣсто толкованіе а) фонетическое и б) морфологическое.

а) Окончаніе -а пытаются возвести къ *-oi̯o, предполагая исчезновеніе междугласнаго i̯ (j) и стяженіе двухъ краткихъ *o* въ одно долгое, которое потомъ измѣнилось въ *a*, т. е. подобно первичному долгому *o* (срв. *δω-*=да- и пр.); но въ такомъ случаѣ необходимо допустить, что междугласное i̯ исчезло еще въ общеславянскія или даже литвославянскія времена, а между тѣмъ такого допущенія сдѣлать не можемъ, такъ какъ исчезновеніе i̯ между гласными есть явленіе не только не литво-славянское, но и въ славянской языковой области частное, діалектическое, а не проходящее по всѣмъ славянскимъ языкамъ (срав. дѣлаеши и т. п.). Поэтому мы не можемъ остановиться на фонетическомъ объясненіи и предполагать, что *-oi̯o→*ō→a. [3])

---

[1]) Brugmann даетъ иное объясненіе: онъ думаетъ, что ѳессал. -οι получилось изъ -οιο и вѣроятно прежде всего въ членѣ передъ гласнымъ началомъ слова (τοῖ'), а затѣмъ получило уже общее употребленіе и тѣмъ легче, что чрезъ это достигался изосиллабизмъ съ другими падежами. См его Grundriss d. vergl. Gramm. II 2[2] (1909) стр. 162.

[2]) Случаи употребленія Gen. absol. изрѣдка попадаются въ позднѣйшемъ санскритѣ при обычномъ Locat. absol. и къ нимъ вполнѣ примѣнимо наше объясненіе.

[3]) Защиту происхожденія слав. -а и соотвѣтствующаго литовскаго окончанія -ō въ Р. ед. изъ ae. *-ŏ-i̯ŏ см. въ сочиненіи проф. В. М. Ляпунова «Формы склоненія въ старослов. яз.» (1905) стр. 6—10.

б) Въ окончаніи -ѧ видятъ окончаніе другаго падежа, именно Ablativ'a (отдалительнаго или исходнаго), при чемъ *-ōd на славянской почвѣ дало -ѧ такимъ путемъ, что $\bar{o} \to \bar{a}$, а конечное *d* отпало; [1]) распространеніе по аналогіи произошло благодаря совпаденію формъ для этихъ падежей въ первомъ и третьемъ склоненіи. Понятно, что, не смотря на уменьшеніе падежныхъ формъ (но не падежныхъ значеній), число падежей въ русскомъ языкѣ не убавилось. Хотя въ школьныхъ грамматикахъ отдалительный или исходный падежъ (Ablativus) въ русскомъ синтаксисѣ не упоминается, однако этотъ падежъ (обыкновенно въ соединеніи съ предлогами *изъ* и *отъ*) существуетъ, срв. выраженія: „я иду о т ъ д о м а" (Abl.) и „крыша д о м а" (Gen.). Упадка падежей, какъ смысловыхъ различій, нѣтъ также ни во французскомъ языкѣ, ни въ англійскомъ, а только уменьшеніе или упадокъ формъ, вознаграждаемый однакожъ препозиціонной флексіей. Подобнымъ образомъ и въ греч. синтаксисѣ ошибочно объединяютъ подъ одной рубрикой „Genitivus" такіе случаи, какъ *ζυγὸν τοῦ ἵππου* (Gen.) и *ἀπὸ τοῦ ἵππου* (Abl.). Нужно однакожъ отмѣтить ту разницу между слав. и греч. относительно втораго склоненія, что между тѣмъ какъ въ славянской языковой области форма Abl. sg. распространилась на мѣсто формы Gen. sg., въ греч.—наоборотъ—форма Gen. sg. распространилась на форму Abl. sg.

Въ т р е т ь е м ъ склоненіи въ древнемъ латинскомъ языкѣ встрѣчается окончаніе въ двухъ разновидностяхъ, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ греческому окончанію, а другая славянскому, срв. *VENERVS* (съ измѣненіемъ $\breve{o}$ въ сторону *u* въ конечномъ закрытомъ слогѣ) ⫩ греч. -ος и *APOLONES* ⫩ ст.-сл. -є. Въ классической латыни окончаніемъ Р. ед. третьяго склоненія служитъ *-ĭs*, соотвѣтствующее первоначальному *-ĕs. Въ ст.-сл. -є отражается также первоначальное оконча-

[1]) Исчезновеніе конечныхъ мгновенныхъ *d* и *t* нѣкоторые изслѣдователи совершенно произвольно относятъ въ эпоху балтійско-славянскую (одного согласія въ отраженіи не достаточно для такого рода гипотезъ), тогда какъ оно произошло особо на почвѣ славянской и балтійской: только при этомъ допущеніи станетъ для насъ понятною разница въ окончаніи 1 ед. и 3 мн. аориста простаго въ ст.-сл., т. е. **ИД-Ъ** (-ъ=ае. *-ŏm) ‖ **ИД-Ж** (-ж=ае. *-ŏnt).

ніе *-ĕs, конечное *s* котораго исчезло въ эпоху устраненія конечныхъ согласныхъ, напр. камен-е; окончанія же, которое соотвѣтствовало бы разновидности *-ŏs, славянскій не знаетъ. Санскритское *-aḥ* можетъ фонетически соотвѣтствовать какъ той, такъ и другой разновидности первоначальнаго окончанія, такъ какъ въ арійскихъ языкахъ *ĕ и *ŏ совпали въ закрытыхъ слогахъ въ одномъ гласномъ *a*.

По-видимому, окончаніе *-es вошло въ составъ уже разсмотрѣннаго нами окончанія перваго склоненія, слившись съ тематическимъ гласнымъ: *-ā-ĕs (можетъ быть *-ā-ᵉs) → -ā-s, а затѣмъ, вслѣдствіе переразложенія, -s съ предъидущимъ гласнымъ ā составило окончаніе *-ās. При такомъ толкованіи формы Р. ед. перваго склоненія становится болѣе понятнымъ отличие по ударенію Р. ед. отъ И. ед. въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе падало на тематическій гласный, напр. *ἀλφή* || *ἀλφῆς* (при предположеніи слитія, таковое должно быть относимо ко временамъ до-греческимъ, т. е. въ эпоху аріоевропейскаго праязыка), литов. algà || algõs, а кромѣ того— различіе окончаній перваго и третьяго склоненій при такомъ воззрѣніи возводится къ единству.

Dativus singularis.

Въ первомъ склоненіи *санскритское* окончаніе *-āyāi*, подобно окончанію Р. ед., образовалось по аналогіи къ тому же падежу основъ на -ī-, куда предварительно перешло изъ перваго склоненія первичное окончаніе **-āi*, передъ которымъ тематическій гласный -ī- консонантизовался въ *y*. Получившееся такимъ образомъ окончаніе *-yāi* переходитъ въ первое склоненіе, гдѣ оно присоединившись къ тематическому гласному этого склоненія дало окончаніе *-āyāi*.

Въ *греч.* языкѣ окончаніе *-ᾳ* является отраженіемъ первичнаго окончанія **-āi*. Первоначально это былъ дифтонгъ съ первымъ долгимъ компонентомъ, позднѣе онъ измѣнился въ монофтонгъ *ā* (въ аттическомъ къ началу I в. до Р. Х.; въ случаѣ же другой разновидности этого окончанія *-ῃ* получился значительно ранѣе того монофтонгъ ē, далѣе измѣнившійся въ ī), благодаря чему произошла конвергенція (совпаденіе) формы D. sg. и N. sg. въ словахъ перваго склоненія, доказывающаяся случаями графическаго смѣшенія въ надпи-

сяхъ окончаній этихъ падежей (уменьшеніе же падежныхъ формъ вслѣдствіе конвергенціи способствуетъ переходу языка къ аналитическому строю, т. е. въ области склоненія къ развитію препозиціонной флексіи). Если при этомъ iota обозначалась, то она всегда писалась рядомъ съ гласнымъ (iota adscriptum), такъ какъ iota subscriptum появилась только въ XII-мъ христіанскомъ столѣтіи, т. е. во времена византійскія, представляя интересный примѣръ долгаго переживанія на письмѣ (стойкость орѳографической традиціи), подобно обозначенію въ ново-греческомъ гласнаго *i* посредствомъ древне-греческихъ начертаній *ι*, *ει*, *οι*, *η*, *υ*.

Латинская форма *equae* можетъ разсматриваться какъ образованіе по *аналогіи*,[1]) а не какъ отраженіе первоначальной формы падежа (дифтонгъ *-āi долженъ былъ бы дать -ā въ лат. языкѣ, какъ это и встрѣчаемъ дѣйствительно въ группѣ эпиграфическихъ примѣровъ, срв. *MATVTA* и др., которые всѣ восходятъ приблизительно къ шестому столѣтію отъ основанія Рима); однако существуетъ и *фонетическое* толкованіе этой формы, видящее въ окончаніи *-ae* результатъ праиталійскаго сокращенія конечнаго долгаго дифтонга въ положеніи передъ согласнымъ, начинавшимъ слѣдующее слово, которое тѣсно примыкало къ предшествующему. Что касается формы *terrāī* у Эннія (срв. -āī въ Р. ед.), то она можетъ разсматриваться какъ поэтическая вольность и представлять новообразованіе подъ вліяніемъ одинаковости Р. и Д. ед. въ основахъ на -jē-.

Относительно *старо-славянскаго* окончанія -ѣ трудно сказать, соотвѣтствуетъ ли оно праязыковому *-āi и греческому ᾳ, такъ какъ здѣсь можно предполагать перенесеніе по аналогіи формы Locat., имѣвшей въ своемъ окончаніи, т. е. дифтонгѣ *-ai, первый компонентъ краткій; что же касается во-

---

[1]) Въ этой формѣ окончаніе *-ae* могло получиться по аналогіи къ Loc. sg., когда послѣдній имѣлъ это окончаніе, при чемъ поводомъ къ аналогіи могла служить пропорціональность, именно одинаковость этихъ падежей во мн. ч., а кромѣ того Dat. и Loc. стоятъ въ довольно близкомъ смысловомъ соотношеніи другъ къ другу, а именно: *Locat.* выражаетъ нахожденіе гдѣ-ниб. (оттѣнокъ статическій), а *Dat.*—движеніе къ какому-нибудь пункту (оттѣнокъ динамическій).

обще нормальнаго рефлекса для *-āi на почвѣ славянской, то о немъ помимо даннаго неяснаго случая сказать ничего не можемъ по недостатку данныхъ.

Во второмъ склоненіи въ *санскритѣ* именнымъ окончаніемъ разсматриваемаго падежа служитъ *-āya,* [1]) соотвѣтствующая же форма мѣстоименнаго склоненія оканчивается на *-āi* (напр. tá-sm-āi „тому", гдѣ *sm* составляетъ характерный призвукъ мѣстоименной флексіи = авест. tahmāi). По сравненію съ другими аріо-европейскими языками, а также съ соотвѣтствующимъ мѣстоименнымъ окончаніемъ въ самомъ санскритѣ, санскритское окончаніе -āya представляетъ лишній звукъ въ концѣ, именно—*a*. Вполнѣ вѣроятнымъ представляется, что оба санскритскія окончанія *-āya* и *āi* имѣютъ общее происхожденіе, только первое получило распространеніе черезъ *-a*, вслѣдствіе чего второй компонентъ дифтонгическаго окончанія *āi*, т. е. i, консонантизовался и въ отношеніи слогового состава отошелъ къ прибавившемуся гласному. Въ другомъ индо-иранскомъ языкѣ—въ языкѣ авесты—нѣтъ этого распространенія окончанія, тамъ и въ именномъ склоненіи падежъ оканчивается на -āi (напр. авест. aspāi = скт. áçvāya).

Греческій языкъ представляетъ въ Д. ед. втораго склоненія окончаніе *-ῳ*, являющееся удареннымъ и неудареннымъ, а въ слоговомъ отношеніи соединяющееся съ послѣднимъ согласнымъ основы въ одинъ слогъ. Исчезновеніе въ этомъ дифтонгѣ втораго компонента уже совершилось къ первому дохристіанскому столѣтію, а въ надписяхъ выражается нерѣдкимъ пропускомъ іоты. Мы должны отмѣтить особенность нѣкоторыхъ греческихъ діалектовъ, въ которыхъ форма Дат. ед. имѣетъ окончаніе *-οι*, именно въ тѣхъ, гдѣ Loc. sg. сохранилъ древнее окончаніе *-οι*: въ сѣверно-греческомъ (Акарнанія, Дельфы), беотійскомъ и въ Пелопоннесѣ—въ аркадскомъ и новоэлійскомъ. Въ окончаніи Д. ед. *-οι* есте-

---

[1]) Въ отношеніи ударенности разсматриваемое окончаніе является въ двухъ разновидностяхъ: *āya* и ˈ|āya, въ отношеніи же слоговаго состава съ этимъ окончаніемъ соединяется въ одинъ слогъ послѣдній согласный корня resp. сокращенной основы.

ственно видѣть распространеніе окончанія Мѣстнаго ед., подобно тому какъ въ другихъ нарѣчіяхъ распространилась, наоборотъ, форма Д. ед. на падежъ Мѣстный (*ἐν τῷ ἀνθρώπῳ* и т. п.); параллельно этому въ тѣхъ же нарѣчіяхъ наблюдается такое же соотношеніе между Дат. и Мѣстн. ед. и въ первомъ склоненіи. Такимъ образомъ, въ нарѣчіяхъ древнегреческаго языка мы наблюдаемъ въ однихъ—распространеніе по аналогіи формы Д. ед. на форму Мѣстн. ед. того же числа, въ другихъ же—наоборотъ.

Латинское окончаніе -ō произошло, подобно греческому, изъ *-ōi, но уже въ древнѣйшихъ надписяхъ (т. е. съ половины III в. до Р. Х.) мы застаемъ монофтонгъ (значитъ, въ латинскомъ языкѣ измѣненіе первоначальнаго дифтонга *ōi въ монофтонгъ совершилось ранѣе по сравненію съ аттическимъ и дорическимъ діалектами греческаго языка). Что касается слѣдовъ болѣе древняго окончанія -ōi, то объ этомъ окончаніи упоминаетъ Марій Викторинъ (ораторъ и грамматикъ второй половины IV в. по Р. Х.), который встрѣчалъ его въ древнихъ текстахъ договоровъ и законовъ; онъ приводитъ даже примѣръ съ такимъ окончаніемъ—*populoi Romanoi*. Подобно окончаніямъ санскритскому и греческому, латинское окончаніе первоначально могло быть ударяемымъ и неударяемымъ, но со времени возникновенія закона неударяемости конечнаго слога словъ неодносложныхъ оно стало только неударенным.

Особо отъ разсмотрѣнныхъ окончаній стоитъ *слав.* -оѵ. Были попытки возвести это окончаніе къ ае. *-ōi, но ихъ нельзя считать удачными, потому что они опираются не на общіе звуковые законы, свойственные славянской вѣтви, но на такія фонетическія измѣненія, которыя предположены спеціально для данной формы (объясненіе *ad hoc*); такъ, славянскіе языки представляютъ какъ обычное измѣненіе *ō→a, но совершенно не знаютъ измѣненія *ō → оѵ, а между тѣмъ для даннаго случая такое измѣненіе допускается. Отказываясь при такомъ положеніи дѣла отъ *фонетическаго* сближенія славянскаго -оѵ съ ае. *-ōi и соотвѣтственными рефлексами этого праязыковаго окончанія въ другихъ языкахъ (т. е. скт. -āi, греч. -ῳ и лат. -ō), посмотримъ, насколько состоятельно объясненіе славянскаго окончанія помощію *аналогіи*. При морфологическомъ объясненіи окончанія -оѵ допускается, что оно

возникло въ типѣ склоненія основъ на -ŭ-, т. е. въ такихъ словахъ какъ **сынъ**, въ которыхъ впрочемъ окончаніе Дат. ед. двоякое: **-ови** и **оу**. Первое изъ этихъ окончаній соотвѣтствуетъ санскритскому окончанію Д. ед. тѣхъ же основъ -avē, а второе, представляющее уже особенность славянской вѣтви отличную отъ санскрита, вѣроятно перешло въ Дат. падежъ изъ Мѣстнаго (чему благопріятствовала и смысловая близость этихъ падежей), гдѣ оно соотвѣтствуетъ санскритскому окончанію Loc. sg. -āu, т. е.: **сынови**=sūnáve, **сыноу**=sūnáu. Изъ склоненія типа **сынъ** окончаніе **-оу** перешло въ соотвѣтствующій падежъ втораго склоненія, вытѣснивъ первичное окончаніе, видъ котораго однако мы ближе не опредѣляемъ за отсутствіемъ данныхъ. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ приведенному морфологическому объясненію славянскаго окончанія **-оу** въ Д. ед. втораго склоненія служитъ то, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ распространялось изъ склоненія типа **сынъ** во второе склоненіе и другое окончаніе Дат. падежа **-ови**, напр. въ польскомъ, гдѣ -owi и -u одинаково часты и даже первое окончаніе расширяется въ своемъ употребленіи.

Въ т р е т ь е м ъ склоненіи *санскритъ* имѣетъ окончаніе Д. ед. -ē, являющееся какъ ударяемымъ, такъ и неударяемымъ, при томъ общемъ правилѣ ударенія въ этомъ склоненіи, что удареніе переходитъ на окончаніе въ слабыхъ падежахъ словъ односложныхъ и нѣкоторыхъ неодносложныхъ; въ слоговомъ отношеніи съ этимъ гласнымъ окончаніемъ соединяется въ одинъ слогъ послѣдній согласный основы. Что касается происхожденія окончанія -ē, то оно восходитъ къ первоначальному дифтонгу *-āi (или же *-əi), подтвержденіе чему представляетъ, какъ увидимъ, греческій языкъ.

Обычнымъ окончаніемъ Д. ед. третьяго склоненія въ *греческомъ* является *-ι*, перешедшее сюда изъ формы Мѣстн. ед. того же склоненія; первичное же окончаніе, соотвѣтствующее санскритскому -ē, сохраняется въ видѣ пережитка въ нѣкоторыхъ образованіяхъ неопред. накл., бывшаго первоначально отглагольнымъ существительнымъ, напр. эпич. *ἴδ-μεν-αι*=скт. vid-mán-ē, кипр. *δο-ϝεν-αι* (атт. *δοῦναι*)=скт. dā-ván-ē.

Латинскій языкъ представляетъ окончаніе -ī, о которомъ нельзя съ рѣшительностью утверждать, что оно вполнѣ соот-

вѣтствуетъ санскритскому. Необходимо имѣть въ виду, что въ латинскомъ языкѣ склоненіе согласныхъ основъ подверглось вліянію со стороны основъ на -ĭ; можетъ быть и въ данной формѣ имѣется распространеніе окончанія со стороны этого послѣдняго типа словъ (напр. ovī).

Относительно *ст.-слав.* окончанія -и, подобно таковому же латинскому окончанію, не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы навѣрное сказать, соотвѣтствуетъ ли оно санскритскому окончанію согласнаго склоненія, или же перешло изъ склоненія основъ на -ĭ- (т. е. пѫть, ꙁѧть, кость и т. п.).

Примѣчаніе. И такъ, въ славянской вѣтви въ большей части склоненій Loc. sg. одинаковъ по формѣ съ Dat. sg. (напр. рѫцѣ, кости и пр.). Но между тѣмъ какъ Dat. широко примѣнялся въ безпредложномъ употребленіи, Loc. безъ предлога уже почти вышелъ изъ употребленія, особенно для обозначенія времени. Въ зависимости отъ этого древній безпредложный оборотъ Locat. absolutus долженъ былъ уступить свое мѣсто падежу съ безпредложнымъ употребленіемъ, т. е. дательному (который могъ примѣняться для тѣхъ же цѣлей въ нѣкоторыхъ случаяхъ рядомъ съ мѣстнымъ), и такимъ образомъ на почвѣ славянской получилъ исключительное господство *Dat. absolutus*, какъ и въ литовско-латышскомъ,[1]) а также готскомъ.

Въ заключеніе разсмотрѣнія формъ Дат. ед. сопоставимъ предположенныя для аріо-европейскаго праязыка окончанія всѣхъ трехъ склоненій (*-āi̯, *-ōi̯ и *-ăi̯) и посмотримъ, нельзя ли различіе окончаній свести въ этомъ случаѣ къ первичному единству. Если примемъ за основное окончаніе то, которое было предположено для третьяго склоненія, и допустимъ въ обоихъ гласныхъ склоненіяхъ слитіе тематическаго гласнаго съ этимъ окончаніемъ (т. е. *-āi←*-ā + ăi, *-ōi←*-ŏ + ăi), то дѣйствительно будемъ имѣть случай, подтверждающій уже раньше высказанное предположеніе, что аріо-европейскій праязыкъ, по-видимому, проходилъ въ своемъ развитіи однообразность флексіи, подобно языкамъ урало-алтайскимъ и семитскимъ.

---

[1]) Въ литовскихъ говорахъ можно встрѣтить и случаи первоначальнаго оборота, т. е. Loc. absol., напр. *туокиu бьяурии* «въ столь ненастную погоду» и т. п., см. К. Гуковскій Описаніе Россіенскаго уѣзда, Ковна (1893),—въ статьѣ *Кс. К. Явниса* «Діалектологическія особенности литовскаго языка въ Россіенскомъ уѣздѣ» стр. 37.

Ablativus singularis.

Въ *санскритѣ* въ первомъ и третьемъ склоненіи (подобно *греч.* и *ст.-сл.*) Abl. sg.=Gen. sg., но во второмъ склоненіи падежъ имѣетъ свою форму, отличную отъ родит. падежа: -āt⇹ др.-лат. -ōd⇹ст.-сл. -а. Приведенныя окончанія Р. ед. втораго склоненія родственны между собою и могутъ быть возведены къ ае. *-ōd, между тѣмъ какъ *для перваго и третьяго склоненія предполагаютъ въ ае. сходство Исход. ед. съ Родит. ед.*

Въ *греческомъ* языкѣ оказывается сходство Abl. sg. и G. sg. не только въ первомъ и третьемъ склоненіи, но также и во второмъ; въ этомъ послѣднемъ склоненіи сходство водворилось такимъ образомъ, что *форма Род. ед. распространилась на Исходный падежъ*, напр. *ἀπὸ τοῦ ἵππου*. Полагаютъ, что въ частицѣ *οὕτω* сохранилась, какъ пережитокъ, прежняя Ablativ'ная форма, въ которой *-ōd→*ω*; иногда эта частица встрѣчается въ видѣ *οὕτως* по типу нарѣчій, а эти послѣднія въ греч. могли произойти изъ Abl. съ прибавкою -ς.

Въ *ст.-сл.* первоначальное окончаніе втораго склоненія *-ōd фонетически дало -а, а кромѣ того *форма Исх. ед. распространилась во второмъ склоненіи и на Род. ед.* Такимъ образомъ въ этомъ склоненіи водворилось сходство между названными падежами въ славянскомъ путемъ аналогіи, какъ это мы видѣли и въ греческомъ, съ тѣмъ однакожъ существеннымъ отличіемъ, что направленіе аналогіи въ томъ и другомъ языкѣ обратное.

Напротивъ того, *латинскій* языкъ не только сохранилъ различіе формъ Gen. и Abl. sg. во второмъ склоненіи, но *и распространилъ различіе между этими падежами на другія склоненія.* Такъ, первоначальное окончаніе втораго склоненія -ōd, изъ котораго затѣмъ развилось -ō, засвидѣтельствовано древними надписями (напр. meritod, Gnaivod и пр.); также и въ словахъ перваго склоненія встрѣчается окончаніе -ād (напр sententiād, откуда позднѣйшее sententiā); есть случаи подобнаго окончанія также въ основахъ на -ī- (marīd), откуда окончаніе -īd переходило въ согласное склоненіе (airīd), соотвѣтственно тому, что вообще въ латинскомъ языкѣ замѣчается вліяніе склоненія основъ на -ī- на склоненіе согласное (т. е. подобно славянской языковой группѣ). Таково древнѣйшее состояніе окончаній разсматриваемаго падежа, свидѣтель-

ствующее о вліяніи вида окончанія втораго склоненія на другія склоненія, главнымъ же образомъ на первое склоненіе. Что касается *третьяго* склоненія, то тамъ мы видимъ въ классическое время иное окончаніе, именно -ĕ, которое разсматривается какъ продуктъ перенесенія съ Творит. (=Мѣстн.); окончаніе это проникло и въ склоненіе именъ на -is (кромѣ нѣкоторыхъ словъ, въ родѣ tussis). Значитъ, латинскій языкъ, *проводя различіе по формѣ между* Gen. и Abl. sg., *смѣшалъ за то форму* Abl. и Instr. sg. такимъ образомъ, что во второмъ и первомъ склоненіи форма Исходн. падежа распространилась на Твор., между тѣмъ какъ въ третьемъ склоненіи, наоборотъ, форма Твор. (=Мѣстн.) распространилась на Исходный. Это смѣшеніе по формѣ Abl. и Instr. sg. наблюдается уже въ древнихъ надписяхъ. Къ смѣшенію формы этихъ падежей могло вести кромѣ пропорціональности къ множ. числу, гдѣ эти падежи не различаются по формѣ, также и семазіологическое сродство: при страдательномъ залогѣ орудіе могло разсматриваться и какъ пунктъ исхода дѣйствія (срв. употребленіе въ страд. оборотѣ предлога *ab* при обозначеніи дѣйствующаго лица).

Для *аріо-европейскаго праязыка* принимаютъ въ первомъ и третьемъ склоненіи одинаковость формы Род. ед. и Исх. ед. и только для втораго склоненія—различіе формы того и другаго падежа, при чемъ, какъ мы видѣли, первичнымъ окончаніемъ Исх. ед. во второмъ склоненіи нужно предположить *-ōd. Это состояніе праязыка, гдѣ формы Род. ед. и Исх. ед. частію одинаковы, а частію различны, сохранено санскритомъ, между тѣмъ какъ другіе языки по *всѣмъ* типамъ склоненія провели или сходство обоихъ падежей (слав., греч.) или же различіе (лат.).

Намъ осталось разъяснить возникновеніе оборота Ablativus absolutus въ латинскомъ, служащаго для опредѣленія обстоятельства времени и состоящаго изъ существительнаго и согласующагося съ нимъ причастія; но сначала мы скажемъ объ употребленіи падежей безпредложномъ и въ соединеніи съ предлогами.

Сравнимъ выраженія: видъ *города* || идти *отъ города*. Судя по смыслу, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ Родит. падежъ, во второмъ—Исходный, хотя по происхожденію въ томъ и другомъ случаѣ одна и та же форма (Ablat.). Спрашивается, на

какомъ основаніи эту форму втораго склоненія предпочитаютъ однако принимать за форму Род. падежа? Это—потому, что данная форма въ русскомъ языкѣ для выраженія Исходн. падежа не употребляется безъ предлоговъ; чутье же формы можетъ опираться лишь на безпредложное ея употребленіе, какъ напр. „видъ *города*"; потому-то такіе случаи, какъ „отъ города" и т. п., разсматриваются въ учебникахъ обычно подъ рубрикою Род. падежа, т. е. падежа, гдѣ эта форма употребляется безъ помощи предлога. Однако научная грамматика раздѣляетъ эти случаи, какъ особые падежи. Въ самомъ дѣлѣ, если падежная форма состоитъ изъ формы слова и предлога, то предлогъ становится такою же *необходимою* частью формы, какъ и окончаніе, напр. въ приведенномъ примѣрѣ Исходнаго падежа въ русскомъ языкѣ формальною частью падежа является окончаніе *-а* при предлогѣ *отъ* (или *изъ*). Потому-то научная грамматика и не дѣлитъ выраженіе „отъ города" на „*отъ*" + „*города*", но беретъ его въ цѣлости, считая за форму Исходн. падежа, отличную отъ случая Род. падежа—„видъ *города*". Сравнительно - грамматическое изученіе облегчаетъ разграниченіе смѣшавшихся падежей.

Аналогичнымъ образомъ въ латинскомъ учебномъ синтаксисѣ подъ рубрикою Ablativus разсматриваются также случаи Творительнаго и Мѣстнаго падежа, относимые въ греческомъ синтаксисѣ къ категоріи Dativus. Если въ русской грамматикѣ обыкновенно не говорится объ Исходномъ падежѣ, какъ особомъ, то—напротивъ—въ латинскихъ учебныхъ грамматикахъ падежъ Ablativus занимаетъ самостоятельное положеніе, при чемъ падежи Instrumentalis и Locativus разсматриваются какъ частные случаи Исходнаго падежа. Какое же обстоятельство, спрашивается, заставляло и заставляетъ грамматиковъ подводить эти падежи подъ рубрику Исходнаго падежа? Прежде всего нужно указать на то, что Ablativus въ латинскомъ языкѣ употребляется не только съ предлогами *ab* и *ex*, но и безъ предлоговъ—при глаголахъ сложныхъ съ *ab* и *ex*. Напротивъ того, Locativus не встрѣчается безъ предлоговъ (кромѣ извѣстныхъ пережитковъ); что же касается Instrumentalis, то—правда—онъ встрѣчается и безъ предлоговъ при названіяхъ неодушевленныхъ предметовъ, но при названіяхъ дѣйствующихъ лицъ непремѣнно соединяется въ страдательныхъ оборотахъ съ предлогомъ исходнаго значенія *ab*, и въ

этомъ случаѣ подходитъ подъ рубрику Ablativus. Вотъ при какихъ условіяхъ въ латинскихъ грамматикахъ произошло подведеніе падежныхъ оттѣнковъ Мѣстнаго и Творительнаго подъ рубрику Исходнаго падежа (но при научномъ разсмотрѣніи латинскаго синтаксиса нужно помнить, что это—три разные падежа); вмѣстѣ съ тѣмъ и древній оборотъ Мѣстный самостоятельный получаетъ наименованіе „Ablativus absolutus". [1])

Instrumentalis singularis.

Относительно родства окончаній Instr. остается много невыясненнаго.

Въ первомъ склоненіи въ *санскритѣ* кромѣ обычной формы на -ayā встрѣчается въ ведійскомъ нарѣчіи образованіе на -ā. Мы можемъ признать вед. окончаніе -ā первичнымъ, окончаніе же -ayā объяснить подобно Р. ед., т. е. по аналогіи къ склоненію основъ на -ī-. Въ этихъ послѣднихъ Instr. sg. оканчивается на -yā, если основа неодносложная, и на -iyā, если основа односложная; при этомъ звуки *y* и *iy* получились изъ тематическаго ī передъ окончаніемъ ā, вслѣдствіе же морфологической абсорпціи окончаніями стали чувствоваться -yā и -iyā. По аналогіи къ послѣднему окончанію возникло въ первомъ склоненіи окончаніе -ayā:

$$\text{-ī(N.s.):-iyā(Instr.sg.)=-ā(N.s.)}:x$$
$$x=\text{-ayā}.$$

Для эпохи, предшествовавшей этому новообразованію, мы предполагаемъ въ Instr. sg. перваго склоненія окончаніе -ā, встрѣчающееся въ ведійскомъ нарѣчіи и однозвучное съ окончаніемъ N. sg., такъ что новообразованіемъ на -ayā достигалась въ первомъ склоненіи дифференціація этихъ падежей (Твор. и Им. ед.).

---

[1]) Во французскомъ, гдѣ всѣ прежнія падежныя формы совпали въ одной, которую называютъ «cas général» (т. е. «общій падежъ»), вполнѣ естественно и лат. оборотъ Abl. absol. превратился какъ бы въ именительный самостоятельный, срв. «Le père mort les fils vous retournent le champ»,— т. е. когда умеръ отецъ, сыновья взрываютъ поле (въ баснѣ Лафонтена «Le Laboureur et ses Enfants»).

Въ *греческомъ* языкѣ особая форма Instr. не сохранилась и вмѣсто нея стала употребляться форма Дат. падежа. Впрочемъ пережитки древней формы сохранились въ частицахъ, напр. *πῇ* „какъ?“

Въ *латинскомъ* языкѣ для обозначенія Instr. стала примѣняться форма Abl.

Особенную трудность для объясненія представляетъ *старо-славянское* окончаніе -оѭ. По сравненію съ санскритскимъ окончаніемъ того же падежа старо-славянская форма предполагаетъ на концѣ еще носовой согласный, благодаря которому она напоминаетъ санскритскую форму Мѣстн. ед. на -āyām. Любопытныя указанія даетъ зендъ, гдѣ формы на *-aya* въ соотвѣтствующемъ склоненіи употребляются въ роли Мѣстн. падежа и вмѣстѣ съ тѣмъ Творит. Укажемъ еще случай сходства окончанія Instr. и Loc. въ мѣстоименномъ склоненіи муж. р. въ слав. (-мь): тѣмь || томь. Въ *семазіологическомъ* отношеніи сближается съ Мѣстн. падежомъ Творительный въ своемъ соціативномъ значеніи. При такихъ данныхъ можно признать слав. форму Твор. ед. на -оѭ родственною скт. формѣ Loc. sg. того же склоненія. Быть можетъ, еще въ праязыкѣ въ первомъ склоненіи сложилась форма на *-āyā (resp. *-ayā) безъ постпозиціи и съ постпозиціей -m: въ зендѣ утвердилась форма безъ постпозиціи какъ въ Instr., такъ и въ Loc.; въ санскритѣ сохранились обѣ формы, получивъ различіе по падежамъ, причемъ форма съ постпозиціей утвердилась въ Loc.; въ слав. форма съ постпозиціей утвердилась въ Instr., а Loc. удержалъ въ именномъ склоненіи древнюю форму, родичи которой въ рудиментахъ сохраняются въ греч. и лат.

Во второмъ склоненіи въ *санскритѣ* ведійскую форму на -ā, какъ и въ первомъ склоненіи, должно признать за первичную; въ окончаніи же -ēna Бругманъ видитъ вліяніе мѣстоименнаго склоненія, хотя, по моему мнѣнію, едва ли не съ большею вѣроятностью можно усматривать здѣсь вліяніе основъ третьяго склоненія на *-n-*.

Въ *греческомъ* языкѣ, какъ мы знаемъ, форма Instr. вышла изъ употребленія, замѣнившись формою Дат. падежа, между тѣмъ какъ въ латинскомъ языкѣ послужила для разсматриваемаго падежа форма Abl. Что касается греческихъ нарѣчій *οὕτω, καλῶς* и т. п., то они обыкновенно разсматриваются какъ

отголосокъ Abl. sg., но могутъ быть прiурочены и къ Instr. sg., гдѣ -ω возводятъ къ *-oă.

Въ *ст.-сл.* мы видимъ окончанiе -мь=литов. -mi. Похожее окончанiе встрѣчаемъ въ санскритѣ въ Loc. sg. втораго мѣстоименнаго склоненiя, напр. tásmin (тогда какъ Instr. sg. имѣетъ форму téna, т. е. одинаково съ тѣмъ же падежомъ именнаго склоненiя). Такимъ образомъ, мы находимъ то отличiе слав. отъ санскрита, что окончанiе -мь въ ст.-сл. свойственно въ мѣстоименномъ склоненiи не только Мѣстному падежу, но и Творительному. Если бы окончанiе -мь было свойственно первоначально Мѣстному падежу, тогда пришлось бы признать въ Творит. распространенiе окончанiя отъ Мѣстнаго падежа; однако въ санскритѣ въ Instr. sg. изслѣдователи находятъ окончанiе *-mi* какъ пережитокъ въ частицѣ sánēmi „издавна, всегда“ (отъ прил. sánaḥ „старый“=греч. ἔνος=лит. sẽnas), образованной подобно старо-славянской формѣ тѣмь, въ виду чего представляется возможность предположить для Твор. ед. окончанiе *-mi*, а для Мѣстн. ед. *-min*, а на славянской почвѣ оба эти окончанiя совпали въ -мь.

Въ третьемъ склоненiи *санскритъ* представляетъ окончанiе -ā; но это окончанiе обыкновенно считаютъ вторичнымъ, перешедшимъ изъ соотвѣтствующаго падежа гласнаго склоненiя, первичнымъ же признакомъ падежа склонны принимать *-ă, которое въ первомъ и второмъ склоненiи должно было слиться съ тематическимъ гласнымъ въ долгiй гласный. Остатокъ первичнаго признака падежа усматриваютъ въ *греч.* частицахъ *ἅμ-α, παρ-ά* (срв. Gen. Abl. *πάρ-ος*, Dat. *παρ-αί*, Loc. *περ-ί*), *πεδ-ά* эол. дорич. въ смыслѣ *μετά* (срв. въ рус. нарѣчiе „слѣдомъ“). Въ *латинскомъ* окончанiи -ĕ (напр. voc-ĕ, ped-ĕ) думаютъ видѣть также первичное окончанiе Instr.; но такъ какъ *ă и *ĕ могутъ имѣть лишь разное происхожденiе, то приходится или признать два первоначальныхъ окончанiя для Instr. въ согласномъ склоненiи, или же отказаться отъ одного изъ нихъ. Я бы находилъ возможнымъ видѣть въ латинскомъ окончанiи -ĕ распространенiе по аналогiи отъ Loc. sg. того же склоненiя, гдѣ оно получилось фонетически изъ *-ĭ (срв. то же фонетическое явленiе въ другихъ случаяхъ: marĕ „море“←*marĭ, antĕ←*antĭ=греч. *ἀντί*). Такимъ образомъ оказы-

вается возможнымъ признать первоначальнымъ падежнымъ признакомъ одно *-ă (хотя все-таки этотъ предполагаемый видъ окончанія нельзя считать безспорнымъ); а такъ какъ во второмъ склоненіи нами предположено въ окончаніи -ēna вліяніе со стороны третьяго склоненія (именно основъ на *-an-*), то въ виду краткости конечнаго гласнаго естественно отнести это вліяніе къ той еще эпохѣ, когда Instr. въ третьемъ склоненіи имѣлъ первичное (краткое) окончаніе. Такъ какъ, далѣе, это первичное окончаніе можно принять и для гласныхъ склоненій (въ первомъ склоненіи скт. -ā←*-ā+ă, во второмъ склоненіи скт. -ā←*-ŏ+ă), то такимъ образомъ мы приходимъ къ первичному сходству окончанія для всѣхъ склоненій.

Все-таки предположенное окончаніе *-ă оказывается не единственнымъ. Такъ, мы уже упоминали выше объ окончаніи *-mi (напр. ракомь, тѣмь); кромѣ того, греч. эпич. *-φι* указываетъ на *-bhi (срв. скт. Instr. pl. -bhi-ḥ), хотя впрочемъ это греч. окончаніе встрѣчается, какъ увидимъ впослѣдствіи, въ разныхъ падежныхъ смыслахъ. Шлейхеръ полагалъ, что два типа окончанія Instr. sg. могли служить въ праязыкѣ для различенія значеній инструментальнаго и соціативнаго (при этомъ онъ считалъ окончанія **-bhi* и **-mi* эквивалентными). Но таковую дифференціацію нельзя считать правдоподобною въ виду сравнительно большой близости этихъ значеній, иначе пришлось бы допустить для столь отдаленной эпохи потребность въ различеніи довольно-таки тонкихъ смысловыхъ оттѣнковъ; подтвержденія ея мы не встрѣчаемъ и въ фактахъ языковъ-потомковъ, вѣроятнѣе допустить дифференціацію по частямъ рѣчи (срв. въ санскритѣ признакъ *-sm-* свойственъ только мѣстоименному склоненію). Вообще, повидимому, въ праязыкѣ по отношенію къ данному падежу было изобиліе формальныхъ средствъ, въ послѣдующей жизни редуцирующееся.

Locativus singularis.

Въ первомъ склоненіи *санскритская* форма отличается отъ соотвѣтствующей формы другихъ аріо-европейскихъ языковъ конечнымъ звукосочетаніемъ *-ām*; ежели мы отдѣлимъ это -ām, то получится въ остаткѣ форма, которую можно сопоставить съ формою того же падежа другихъ языковъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ допущенію, что санскритская

форма получила въ Loc. sg. прибавочный элементъ. По отдѣленіи конечнаго звукосочетанія -ām получается форма на *āi*. Бругманъ полагаетъ, что долгота ā здѣсь первична и восходитъ къ аріо-европейскому праязыку, такъ что окончаніе получилось изъ *-ā + i, гдѣ ā является тематическимъ гласнымъ. Однако, хотя тематическій гласный перваго склоненія былъ первоначально долгимъ, но онъ могъ представлять по падежамъ градацію или чередованіе съ сокращеннымъ гласнымъ, срв. напр. слав. женоѭ, гдѣ мы видимъ отраженіе именно краткаго гласнаго. При такихъ условіяхъ я считаю возможнымъ допустить, что долгота тематическаго гласнаго въ разсматриваемой формѣ могла появиться и путемъ аналогіи вмѣсто прежней краткости. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнимъ въ первомъ склоненіи рядъ формъ въ санскритѣ и авест., то увидимъ случаи различія между этими языками относительно количества тематическаго гласнаго:

	скт.	авест.
G. Abl. sg.	áçv-*ā*yāḥ	-*a*yå
Dat.	áçv-*ā*yāi	-*a*yāi
Instr.	áçv-*a*yā	-*a*ya
Loc.	áçv-*ā*yām	-*a*ya

Перейдемъ къ *греческому* языку. Мы уже указали на воззрѣніе Бругмана, думающаго, что въ праязыкѣ аріоевропейскомъ въ Loc. sg. перваго склоненія къ долгому тематическому *a* присоединялся падежный суффиксъ -ĭ, откуда получался дифтонгъ *-āi̯, такъ что форма Мѣстнаго падежа въ этомъ склоненіи уже въ праязыкѣ была одинакова съ формою Дат. падежа, въ которомъ *-āi̯ произошло, по обычному предположенію, изъ слитія -ā + ăi̯ или ā + əi̯. Но какъ понять, что въ Дат. конечный дифтонгъ *āi далъ въ извѣстную эпоху греческаго языка -ā (ᾳ), тогда какъ остатки Мѣстнаго падежа представляютъ -αι, напр. Θηβᾶι-γενής. Чтобы согласить это противорѣчіе, Бругманъ предполагаетъ фонетическій законъ для греческаго праязыка, по которому конечный дифтонгъ -āi, получившійся еще въ аріо-европейскомъ праязыкѣ въ Дат. и Мѣстн. ед. перваго склоненія, въ греческомъ праязыкѣ имѣлъ разное отраженіе въ зависимости отъ начала слѣдующаго

слова: передъ сонантами сохранялся въ видѣ -*āι*, между тѣмъ какъ передъ согласными измѣнился въ -*ăι*. Но я болѣе склоненъ принять въ окончаніи Мѣстн. ед. перваго склоненія дифтонгъ -ăі (гдѣ ă выражаетъ краткій видъ тематическаго гласнаго), что болѣе оправдывается рефлексами языковъ греч., лат. и ст.-слав.

Другихъ формъ Мѣстн. ед. мы уже касались раньше.

Примѣчаніе. Будетъ не лишнее теперь, на основаніи предшествующихъ разсмотрѣній, попытаться установить систему падежей съ точки зрѣнія семазіологической. Прежде всего мы выдѣляемъ падежи простѣйшаго предложенія—Nom. и Acc. (къ которымъ причисляемъ также и Voc.): первый есть падежъ субъекта, второй — прямаго объекта (кромѣ того, какъ Nom. является падежомъ простаго или указательнаго наименованія, такъ же Voc. — призывающаго). Далѣе идутъ двѣ пары падежей, при чемъ каждая изъ нихъ состоитъ изъ падежа положенія и соотвѣтствующаго падежа движенія — Gen. и Abl., Loc. и Dat., семазіологическая связь между которыми уже достаточно разъяснена раньше. Съ другой стороны Gen. и Loc. соприкасаются между собою, будучи тотъ и другой падежами положенія съ извѣстнымъ различіемъ въ оттѣнкѣ значенія (въ одномъ случаѣ—пребываніе въ смыслѣ принадлежности части цѣлому, а въ другомъ случаѣ—пребываніе или совершеніе на опредѣленномъ мѣстѣ); соотвѣтственно различію падежей положенія ихъ противни, падежи движенія, оказываются противоположными по направленію дѣйствія—Abl. и Dat. Нужно имѣть въ виду также семазіологическое соотношеніе между Dat. и Acc., такъ какъ оба являются пунктами, къ которымъ направляется дѣйствіе въ одномъ случаѣ—непереходное или среднее, въ другомъ же переходное; благодаря такому соприкосновенію, нерѣдко Вин. съ предлогомъ служитъ также для обозначенія пункта, куда направляется непереходное дѣйствіе. Наконецъ, Instrum. въ его двухъ главныхъ семазіологическихъ разновидностяхъ—орудія и сопровожденія: въ одномъ случаѣ, какъ мы видѣли, падежъ этотъ соприкасается въ переносномъ своемъ значеніи съ Abl., а въ другомъ случаѣ — съ Loc. (срв. эквивалентность такихъ выраженій какъ: «ѣхать пароходомъ» и «ѣхать на пароходѣ»). Говоря о значеніи падежей, нужно имѣть въ виду какъ безпредложное ихъ употребленіе, такъ и съ предлогомъ. Въ послѣднемъ случаѣ падежная форма и предлогъ должны разсматриваться какъ одно цѣлое, благодаря чему число падежныхъ оттѣнковъ получается гораздо значительнѣе по сравненію съ общепринятымъ, а для обозначенія этихъ новыхъ оттѣнковъ можно воспользоваться нѣкоторыми наименованіями угро-финскихъ падежей. Иногда безпредложное употребленіе падежа прекращается, что можетъ вести къ перемѣнѣ въ чутьѣ формы; значеніе этого фактора мы видѣли также на исторіи древняго оборота Мѣстнаго и другихъ самостоятельныхъ. Вотъ въ самыхъ общихъ штрихахъ система аріо-европейскихъ падежныхъ отношеній,

при чемъ мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о возникновеніи и первомъ развитіи этой системы, полагая, что болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе такого отдаленнаго вопроса должно опираться на болѣе широкомъ базисѣ — на изученіи падежныхъ системъ и въ другихъ языковыхъ семействахъ. Подобное широкое и тщательное изученіе вопроса полно глубокаго философскаго интереса, какъ матеріалъ для уясненія динамики нашего сознанія, для новаго освѣщенія вопросовъ Кантовой философіи.

Теперь я представлю краткія замѣчанія о формахъ двойственнаго и множественнаго числа.

Dualis.

Греческое образованіе N. A. V. du. *χώρᾱ*, въ виду отличныхъ формъ санскрита (*-ē*) и ст.-сл. (-ѣ въ твердомъ склоненіи и -и въ мягкомъ), предполагающихъ ae. *-ăi, надо считать аналогіей ко второму склоненію муж. р. *ἵππω* (въ сред. родѣ въ санскритѣ и ст.-сл. форма совпала съ ж. р., т. е. скт. -ē, ст.-сл. -ѣ || -и). Послѣдняя же форма можетъ быть сопоставлена съ скт. áçvā, встрѣчающеюся въ Ведахъ рядомъ съ типомъ áçvāu, исключительно господствующимъ въ позднѣйшемъ санскритѣ. Въ формѣ камени можно видѣть вліяніе основъ на -ĭ-.

Первичное окончаніе G. L. du. въ санскритѣ мы видимъ въ третьемъ склоненіи (vācōḥ), а въ первомъ и второмъ склоненіи мы видимъ окончаніе -y-ōḥ, въ которомъ *y* можетъ объясняться взаимодѣйствіемъ съ основами на -ĭ-. Славянское -оу въ томъ же падежѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому окончанію -ōs.

Въ D. Ab. I. въ санскритѣ окончаніе начинается согласнымъ *bh-*, въ славянскомъ же посредствомъ м-.

Pluralis.

Въ N. pl. въ первомъ склоненіи греч. *-αι* и лат. *-ae* нужно разсматривать какъ новообразованія подъ вліяніемъ втораго склоненія; слав. -ы(-ѧ) перешло изъ Acc. pl. Во второмъ склоненіи формы греч., лат. и ст.-сл. перенесены по аналогіи изъ мѣстоименнаго склоненія; при этомъ лат. -ī, быть можетъ, произошло не изъ *-ŏi, а изъ *-ĕi. Первич-

ное именное окончаніе сохраняется въ гласныхъ склоненіяхъ въ санскритѣ: -āḥ; а такъ какъ въ третьемъ склоненіи первоначальнымъ окончаніемъ, какъ слѣдуетъ изъ почти полнаго согласія всѣхъ аріо-европейскихъ языковъ, было *-ĕs, то для перваго склоненія можетъ быть принято происхожденіе скт. -āḥ изъ *-ā+ĕs, а во второмъ склоненіи это -āḥ восходитъ къ *-ōs, а это послѣднее можетъ быть возведено къ *-ŏ+ĕs (хотя едва ли можно съ рѣшительностью отвергать объясненіе окончаній перваго и втораго склоненія изъ *-ās и *-ōs, или—что то же—изъ *-ā-s и *-ō-s). Въ третьемъ склоненіи въ латинскомъ окончаніи -ēs долгота ē объясняется аналогіей къ основамъ на -ī-, а въ этихъ послѣднихъ -ēs возникло изъ *-ĕi̯-ĕs.[1]) Въ санскритѣ во второмъ склоненіи въ словахъ ср. р. N. pl. имѣетъ въ концѣ *-ni*, перешедшее сюда отъ основъ на *-n-* ср. р. третьяго склоненія; въ третьемъ склоненіи окончаніемъ въ санскритѣ является -i, которое, какъ и греч. -ᾰ и лат. -ă, возводится къ первоначальному *-ə.

Основнымъ окончаніемъ Acc. pl. является *-ns, причемъ въ согласномъ склоненіи *n* становилось слогообразующимъ, вслѣдствіе чего указанное окончаніе отражается въ третьемъ склоненіи въ скт. въ видѣ *-as*=греч. *-ᾰς*.

Въ формѣ G. pl. перваго и втораго склоненія áçvā*n*ām *n* перешло изъ склоненія основъ на *-n-* третьяго склоненія; латинскія окончанія -ārum и -ōrum перешли изъ мѣстоименнаго склоненія; подобнымъ образомъ и греч. *-ῶν* перваго склоненія произошло изъ *-*ᾱσων*, гдѣ *s* характерный признакъ мѣстоименнаго склоненія (въ латинскомъ это *s* между гласными перешло въ *r*). Ст.-слав. -ъ своею краткостью представляетъ особенность по сравненію съ другими языками, предполагающими для данной формы всѣхъ трехъ склоненій ае. *-ōm.

Въ D. Abl. pl. скт. -bhyaḥ можно сопоставить съ лат. *-bus*, которое произошло изъ -bŏs←*-bi̯ŏs. Окончаніе -bus, свойственное третьему склоненію, встрѣчается въ лат. яз. также въ первомъ склоненіи, когда нужно отличить отъ созвучной формы втораго склоненія, срв. deābus, equābus (1-ое скл.) ||

[1]) Своеобразное окончаніе N. pl. встрѣчаемъ въ армянскомъ: -kh, о которомъ см. Мсеріанцъ Л. Этюды по армянской діалектологіи, ч. II (1901) стр. 173 сл.

deis или diis, equis (2-ое скл.). Такая дифференціація данныхъ словъ установилась во второй половинѣ 2-го дохристіанскаго столѣтія, а раньше того окончаніе -bus имѣло въ первомъ склоненіи болѣе широкое употребленіе и первоначально, слѣдуетъ думать, было основнымъ окончаніемъ въ этомъ склоненіи, т. е. подобно основамъ на -ē- латинскаго пятаго склоненія. Что же касается окончаній -ābus (1 скл.) || -ōbus (2 скл.) въ словахъ ambō и duō, то эта особенность находится вѣроятно въ связи съ тѣмъ, что приведенныя слова первоначально принадлежали по своему склоненію къ двойств. числу. Въ виду *-m-*, свойственнаго окончанію въ сѣв.-зап. группѣ языковъ (герм., лит. и слав.), нужно предположить, что въ праязыкѣ аріо-европейскомъ было два окончанія, въ составъ которыхъ входилъ согласный *bh*, или же *m*.

Въ Instr. pl. окончаніе перваго склоненія въ греч. *-αις*, быть можетъ, явилось по аналогіи ко второму склоненію, гдѣ *-οις* соотвѣтствуетъ санскритскому -āiḥ. Въ первомъ же склоненіи, какъ и въ третьемъ, санскритъ имѣетъ окончаніе *-bhiḥ*, въ родство съ которымъ можетъ быть поставлено греч. *-φι*, не имѣющее однако конечнаго *s* и потому, по-видимому, принадлежавшее первоначально единственному числу (срв. въ литов.: akmen-i-mì—Instr. sg., akmen-i-mìs—Instr. pl.). [1]) Славянское окончаніе Instr. pl. -ы является неяснымъ; въ окончаніи -ми согласный м эквивалентенъ санскритскому *bh*, такъ что въ праязыкѣ аріо-европейскомъ и здѣсь нужно предположить два окончанія: съ *bh* и съ *m*.

Общимъ во всѣхъ склоненіяхъ признакомъ Loc. pl. является *-su*, срв. во второмъ склоненіи скт. -ēšu=греч. (Гомер.) *-οισι*=ст.-сл. -ѣхъ (конечное *ι* вмѣсто ожидаемаго *-υ* въ греческомъ окончаніи объясняется аналогіей къ конечному гласному соотвѣтствующаго падежа ед. ч. [2]) Въ греческомъ обычная литературная форма оканчивается во второмъ склоненіи на *-οις*, т. е. какъ въ Instr. plur. У Гомера существуютъ обѣ

---

[1]) Гомеровскія формы на *φι(ν)* являются въ смыслѣ разныхъ падежей (ед. и мн. ч.): Instr. (*βίηφι*), Loc. (*θύρηφι, παρὰ ναῦφιν*), Gen. и Abl. (*διὰ στήθεσφιν, ἀπὸ πασσαλόφι*).

[2]) Окончаніемъ Loc. pl. посвящена обширная статья Остгофа въ Morph. Untersuch. II (1879) стр. 1—76, обстоятельное изложеніе которой было сдѣлано *С. К. Буличемъ* въ Р. Ф. В. 1881 г.

формы втораго склоненія, т. е. *-οισι* и *-οις* (въ первомъ склоненіи имъ соотвѣтствуетъ дублетъ формъ на *-ησι* и *-ης*, изрѣдка *-αις*),[1]) нерѣдко служа для размѣра, при чемъ различіе семазіологическое Loc. и Instr. выступаетъ между прочимъ благодаря сочетанію съ соотвѣтствующими предлогами. Естественно возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли пережитковъ въ эпическомъ языкѣ, состоящихъ въ предпочтительномъ употребленіи той или другой формы въ сочетаніи съ предлогами рѣзко локативнаго и рѣзко инструментальнаго значенія, хотя бы въ выраженіяхъ, ставшихъ типическими.[2]) Я усматриваю отголосокъ первоначальнаго семазіологическаго различія этихъ окончаній также у лириковъ, напр. въ слѣдующихъ предложныхъ выраженіяхъ у Тиртея: *ἐπὶ προμάχοισι* „въ переднихъ рядахъ“ (Loc.) || *παισί τε σὺν μικροῖς* „и съ малыми дѣтьми“ (Instr.). Въ литературномъ языкѣ безпредложный Loc. plur. 1-го скл. сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ и частицахъ, напр. *Ἀθήνησι* „въ Аѳинахъ“, *θύρᾱσι* „у дверей“, *ὥρᾱσι* „во время“.

Окончаніе *-σι* можетъ имѣть на концѣ „*ν ἐφελκυστικόν*“, и я позволю себѣ остановиться на выясненіи происхожденія этого приставочнаго *-n*, считаемаго въ школьныхъ руководствахъ „эвфоническимъ“. Изслѣдователи ищутъ для него этимологическаго основанія. Я полагаю, что могло быть два основанія, одно — въ склоненіи, другое — въ спряженіи. Въ склоненіи срв. конечное *-n* въ скт. мѣстоим. склоненіи въ L. sg., напр. tásmin; въ спряженіи конечное -n (изъ *-nt) могло получить свое начало въ 3 множ. прошедшихъ временъ, откуда оно перешло по аналогіи въ 3 мн. наст., напр. *φέρουσι(ν)*, а вслѣдствіе параллелизма формъ 3 мн. и ед. вторичное *-ν*

---

[1]) Окончаніе -ησι происходитъ изъ *-ᾱσι, соотвѣтствуя скт. -āsu и ст.-сл. -ахъ, при чемъ въ σ между гласными можно видѣть подновленіе по аналогіи, а въ подписной ι — аналогію къ Д. ед.; срв. въ атт. надп. (Элевз.) формы безъ такой ι, напр. ΑΥΤΕΣΙ, а также въ приводимыхъ нами частицахъ. Такъ какъ σ между гласными въ прагреческомъ исчезало, такъ что окончаніе должно было утрачивать свою типичность, то въ этомъ можно видѣть одну изъ причинъ, почему на мѣсто падежа Loc. plur. распространилось устойчивое окончаніе Instr. plur. -αις, -οις.

[2]) Срв. В. Алексѣевъ О значеніи и употребленіи падежныхъ формъ на -ης -οις и -ησι -οισι въ I-ой пѣсни Иліады, въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1904, сент., стр. 45—58.

стало прибавляться и къ формѣ 3 ед., сначала въ такихъ случаяхъ, какъ *δίδωσι(ν)*, а затѣмъ и въ окончаніи *-ε*, напр. *ἔσωσε(ν)*, при гласномъ началѣ слѣдующаго слова (въ повелит. наклон. *-ν* въ 3 мн. вполнѣ срослось съ окончаніемъ, къ которому прибавилось). Такія формы, какъ *φέρουσι(ν)*, будучи двоякаго происхожденія (3 мн. наст. и Дат. мн. прич.), являются соединительнымъ пунктомъ для даннаго явленія между склоненіемъ и спряженіемъ, но я пока не рѣшаюсь сказать, въ какомъ отдѣлѣ впервые получилось прибавочное *-n*, тѣмъ болѣе, что нужно считаться и съ факторомъ аналогіи; срв. подъ вліяніемъ аналогіи конечнаго созвучія вторичное *-n* стало прибавляться и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ кончавшихся также на *-σι*, напр. *εἴκοσι(ν)*.

Библіографическія указанія. Кромѣ извѣстныхъ общихъ сравнительно-грамматическихъ трудовъ, относящихся ко всѣмъ аріо-европейскимъ языкамъ, или же только къ части ихъ [напр. по обоимъ классическимъ языкамъ, т. е. греч. и лат., въ европейской литературѣ укажемъ труды Бругмана и Штольца — Герм., Пецци — Итал., Анри (Henry) — Франц., Джайлса (Giles) — Англ.], изъ спеціальныхъ монографій по склоненію назовемъ: Bücheler Précis de la déclinaison latine, trad. de l'allemand par Havet, enrichi d'additions communiquées par l'auteur (1875). Leskien A. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (въ Preisschriften gekrönt und herausgegeben von der jablonowskischen Gesellschaft zu Leipzig) 1876. Цвѣтаевъ И. Къ вопросу о постепенности развитія падежныхъ формъ въ латинскомъ языкѣ (въ Ж. М. Н. Пр. 1875, ч. 180—182). Богородицкій В. Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ, Казань 1902 (настоящій очеркъ представляетъ собою сокращеніе названной работы). Ляпуновъ Б. Формы склоненія въ старословянскомъ языкѣ. Одесса 1905.

23. Обзоръ личныхъ окончаній глагола въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Спряженіе въ аріо-европейскихъ языкахъ дѣлится на два главныхъ типа: А) *тематическое* или *первое* (напр. λέγ-ω) и Б) *нетематическое* или *второе* (напр. εἶ-μι). Между этими двумя спряженіями оказывается цѣлый рядъ различій, а именно:

1) Въ первомъ или тематическомъ спряженіи личнымъ окончаніямъ предшествуетъ т. наз. тематическій гласный ĕ || ŏ (напр. λέγ-ε-τε || λέγ-ο-μεν) или же суффиксальный слогъ заканчивающійся такимъ гласнымъ (напр. δάκ-νε-τε || δάκ-νο-μεν); во второмъ спряженіи личныя окончанія присоединяются безъ тематическаго гласнаго или прямо къ корню (напр. ἴ-τε), или же къ корню, распространенному суффиксальнымъ слогомъ но уже съ другимъ гласнымъ (напр. δείκ-νῠ-τε).

2) Тематическое спряженіе характеризуется постояннымъ удареніемъ, между тѣмъ какъ нетематическое—переходнымъ. Правда, въ греческомъ и латинскомъ мы находимъ исключенія въ этомъ отношеніи, но они составляютъ позднѣйшее наслоеніе. Санскритъ или древне-индійскій языкъ сохранилъ первичное удареніе и потому онъ представляетъ особенную важность при изученіи вопросовъ ударенія; въ виду этого мы воспользуемся примѣромъ изъ этого языка. Мы видимъ, что при спряженіи глагола перваго спряженія *bhárāmi* „несу" удареніе во всей системѣ формъ настоящаго времени остается на корневомъ слогѣ, подобно тому какъ въ глаголѣ тоже перваго спряженія *tudā́mi* „толкаю" — на тематическомъ гласномъ; между тѣмъ во второмъ спряженіи удареніе является на корнѣ или основѣ въ трехъ лицахъ ед. ч. изъяв. накл.

дѣйств. залога, перемѣщаясь въ другихъ лицахъ того же залога и во всѣхъ лицахъ Medii на окончаніе, напр. *dádāmi* „даю" || *dadmáḥ* „даемъ".

3) Въ зависимости отъ характера ударенія находится и характеръ корневаго вокализма: въ тематическомъ спряженіи вокализмъ корня не мѣняется (напр. корень *λεγ-* проходитъ черезъ всѣ формы настоящаго времени), тогда какъ въ нетематическомъ спряженіи въ зависимости отъ переходнаго ударенія получилась градація основы или „Stammabstufung" (напр. 1 ед. *εἶ-μι* || 1 мн. *ἴ-μεν*).

4) Наконецъ, первое и второе спряженіе различаются нѣкоторыми личными окончаніями и суффиксальными элементами, напр. 1 ед. наст. *-ω* || *-μι*, 2 ед. повел. *-ε* || *-θι* (*λέγ-ε* || *ἴ-θι*); суф. желат. накл. *-οι-* || *-ιη-* (*λέγ-ο-ι-μι* || *διδο-ιη-ν*).

Мы имѣли въ виду до сихъ поръ систему настоящаго времени; но и спряженіе другихъ временъ относится къ тематическому или же нетематическому типу. Такъ, напр., такія образованія аориста, какъ *ἔλιπ-ο-ν*, слѣдуютъ тематическому спряженію, между тѣмъ какъ сигматическій аористъ принадлежитъ къ типу нетематическому, напр. *ἔλεξ-α*, гдѣ *α* изъ *m̥. Спряженіе перфекта тоже относится къ нетематическому типу.

Послѣ сказаннаго невольно бросается въ глаза аналогія между спряженіемъ и склоненіемъ, такъ какъ и склоненіе можетъ быть подраздѣлено на тематическое (1-ое и 2-ое) и нетематическое (3-ье), при чемъ самыя различія между тѣмъ и другимъ типомъ склоненія напоминаютъ различія между спряженіемъ тематическимъ и нетематическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ отличіи отъ тематическаго склоненія склоненіе нетематическое нерѣдко имѣетъ переходное удареніе и градацію гласнаго въ основѣ (срв. *πατέρα* || *πατρός* и т. п.) при различіи нѣкоторыхъ окончаній. Указанная аналогія свидѣтельствуетъ, по моему мнѣнію, объ отдаленномъ общемъ источникѣ, къ которому совмѣстно восходятъ склоненіе и спряженіе и который можетъ быть охарактеризованъ, какъ „имя-глаголъ" (см. выше стр. 304).

Давъ самыя общія понятія о спряженіи, мы обратимся къ обзору личныхъ окончаній глагола, при чемъ прежде всего установимъ ихъ классификацію. Личныя окончанія неодинаковы для дѣйствительнаго залога (Activum) и средняго (Me-

dium). Основнымъ видомъ окончаній мы будемъ считать тотъ, который они имѣютъ въ изъявительномъ наклоненіи; при этомъ оказывается три варіаціи по временамъ: личныя окончанія 1) настоящаго времени (т. наз. первичныя), 2) историческихъ или прошедшихъ временъ (т. наз. вторичныя), 3) перфекта. Что касается другихъ наклоненій, то сослагат. наклоненіе представляетъ нѣкоторую неустойчивость, особенно въ санскритѣ, гдѣ оно имѣетъ частью окончанія наст. вр., частью прошедшихъ, отчасти же (напр., во 2 и 3 ед. Activi) способно принимать тѣ и другія, что можетъ указывать на сравнительно позднюю выработку формальной стороны этого наклоненія; желательное наклоненіе получило окончанія прошедшихъ временъ. Кромѣ изъявительнаго наклоненія только повелительное имѣетъ нѣкоторыя свои особыя окончанія, могущія поэтому быть прибавленными въ качествѣ особой группы къ указаннымъ тремъ варіаціямъ личныхъ окончаній глагола. Теперь мы должны обратиться къ сравнительно-грамматическому разсмотрѣнію самыхъ окончаній.

Activum.

1. singularis.

1 ед. настоящаго времени изъяв. накл. въ *санскритѣ* оканчивается на *-mi* не только въ нетематическомъ спряженіи, но и тематическомъ, въ сослагательномъ же наклоненіи встрѣчается окончаніе *-ā*, соотвѣтствующее греческому *-ω*.

Въ *греческомъ* языкѣ разсматриваемая форма настоящаго времени имѣетъ своимъ окончаніемъ въ тематическомъ спряженіи *-ω* (напр. *φέρω*), въ нетематическомъ *-μι* (*εἰμί*, *δίδωμι*); въ *сослагательномъ* же наклоненіи обоимъ спряженіямъ свойственно одно и то же окончаніе, именно *-ω*. Изъ діалектическихъ особенностей укажемъ на распространеніе по аналогіи окончанія *-μι* въ эолическомъ на т. наз. сокращаемые глаголы (т. е. глаголы на *-άω -έω -όω*) въ изъяв. накл., напр. *κάλημι φίλημι* и т. п.; у Гомера на основаніи замѣтокъ древнихъ грамматиковъ принимаютъ нѣкоторые случаи сосл. наклоненія на *-ωμι*, напр. *ἐθέλωμι* и др.

Въ *латинскомъ* языкѣ совершенно не оказывается такого различія окончаній 1 ед. наст. изъяв., какое извѣстно изъ греческаго, такъ какъ спряженіе нетематическое въ латинскомъ языкѣ послѣдовало аналогіи тематическаго, за исключеніемъ лишь глагола *sum*.

Въ старо-славянскомъ, гдѣ также возобладало тематическое спряженіе, обычнымъ окончаніемъ 1 ед. наст. служитъ -ѫ (см. выше стр. 284), окончаніе же -мь нетематическаго спряженія удержалось лишь въ глаголахъ ѥсмь, дамь, ꙗмь, вѣмь (срв. сноску на стр. 296). Однако современные славянскіе языки представляютъ здѣсь несходство, при чемъ они могутъ быть раздѣлены въ этомъ отношеніи на двѣ группы— восточную или русскую и западную или прочіе языки: въ русскомъ языкѣ почти исключительно возобладало окончаніе -*у*, окончаніе же -*мъ* или -*м* сохранилось даже въ еще болѣе скудныхъ остаткахъ, нежели въ старо-славянскомъ, прочіе же славянскіе языки въ большей или меньшей степени распространили окончаніе нетематическаго спряженія и могутъ быть расположены въ порядкѣ возрастающаго употребленія окончанія -*т*. Такъ въ современномъ болгарскомъ встрѣчаемъ окончаніе -*ам* въ нѣкоторыхъ изъ глаголовъ, соотвѣтствующихъ русскимъ глаголамъ на -*аю*, именно тѣхъ, гдѣ удареніе предшествуетъ окончанію, напр. д'*áлам* („дѣлаю"), при удареніи же окончаніе уже соотвѣтствуетъ русскому, напр. игр*áјъ* („играю"). Въ польскомъ языкѣ въ такихъ глаголахъ окончаніемъ является только -*ат*: дифференціаціи, подобной болгарскому, въ польскомъ не могло быть, потому что удареніе, падая всегда на предпослѣдній слогъ, одинаково въ обоихъ случаяхъ; такимъ образомъ, окончаніе -*ат* въ польскомъ распространено въ большей степени, нежели въ болгарскомъ. Въ чешскомъ дѣйствіе аналогіи въ томъ же направленіи оказывается еще сильнѣе, чѣмъ въ польскомъ, такъ какъ имѣются уже окончанія: -*áт* и *íт*. Въ современномъ сербскомъ мы видимъ еще большее распространеніе первоначальнаго окончанія нетематическаго спряженія: тамъ окончаніе -*у* осталось только у четырехъ глаголовъ (хоħу, могу, веħу, виħу), а по памятникамъ можно прослѣдить постепенный ходъ этого движенія. По изслѣдованіямъ Даничича оказывается, что въ древности окончаніе -*у* было широко распространено въ сербскомъ (т. е. подобно др.-цсл. и соврем.

русскому); въ XIII в. встрѣчается уже *-ам* (т. е. подобно соврем. болгар. или польск.), а съ XV в. *-ем* и *-им* (значитъ, съ этого вѣка ведетъ свое начало современное состояніе разсматриваемой глагольной формы сербскаго языка). Наконецъ, въ словинскомъ уже всѣ глаголы оканчиваются на *-т.* [1])

Мы должны теперь выяснить себѣ, каково было образованіе разсмотрѣнной формы въ *аріо-европейскомъ праязыкѣ.* На основаніи того, что въ греческомъ (равно какъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ европейскаго отдѣла) въ 1 ед. настоящ. изъявит. существуетъ два личныхъ признака: *-ω* въ тематическомъ или первомъ спряженіи и *-μι* въ спряженіи нетематическомъ или второмъ, принимаютъ, что и въ праязыкѣ аріо-европейскомъ для той же формы имѣлись два соотвѣтствующихъ личныхъ суффикса *-ō и *-mi. Однако такому заключенію противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ индоиранскихъ языкахъ въ обоихъ спряженіяхъ имѣется *-mi.* Противорѣчіе это стараются разрѣшить предположеніемъ, что въ индоиранскихъ языкахъ *-mi* въ тематическое спряженіе перешло путемъ аналогіи изъ втораго или нетематическаго спряженія.

Окончаніемъ 1 ед. прошедшихъ или историческихъ временъ въ *санскритѣ* служитъ *-m* какъ въ тематическомъ, такъ и въ нетематическомъ спряженіи (срв. impf. ábhara-*m* || aor. ásthā-*m*). Если же въ нетематическомъ спряженіи основа оканчивается согласнымъ, то окончаніе является въ видѣ *-am* (напр. ās-*am*, impf. отъ ásmi „есмь“); подобнымъ образомъ и въ случаѣ предшествующихъ дифтонговъ

---

[1]) Срв. выше стр. 284.—Изъ сдѣланнаго обзора славянскихъ языковъ не трудно усмотрѣть соотношеніе между употребленіемъ разсмотрѣнныхъ окончаній и моментомъ географической смежности: русскій языкъ съ одной стороны и западный отдѣлъ южныхъ языковъ (т. е. сербскій съ словинскимъ) съ другой составляютъ противоположность; болгарскій и польскій, какъ непосредственные сосѣди русскаго языка, представляютъ соотвѣтственно слабое распространеніе окончанія *-m* (они представляютъ ту стадію, которую проходилъ сербскій около XIII в.); чешскій языкъ, занимающій географическое положеніе между польскимъ языкомъ и западными задунайскими, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаетъ посредствующее между ними положеніе и по распространенности окончанія *-m* въ 1 ед. (напоминая состояніе сербскаго языка передъ XV в.).

(срв. *á*y-*am* „я шелъ“, ákarav-*am* „я дѣлалъ“; при этомъ второй компонентъ древняго дифтонга консонантизовался).

Въ *греческомъ* языкѣ въ прошедшихъ временахъ встрѣчаемъ окончаніе -*ν* въ тематическомъ и частію (въ положеніи послѣ гласныхъ звуковъ) нетематическомъ спряженіи (*ἔφερο-ν*, *ἔστη-ν*); въ послѣднемъ послѣ согласныхъ, а также дифтонговъ окончаніемъ служитъ -*ă* (гомер. impf. *ἦ-α* или атт. слитная форма *ἦ*,[1]) отъ К. *ἐσ-*; *ἦ-α* impf. отъ глагола *εἶμι* „иду“ — срв. стр. 282, эпич. *ἔχευ-α* или атт. *ἔχεα*—aor. отъ К. *χευ-*), восходящее какъ увидимъ къ ае. m̥.[2]) Въ желательномъ наклоненіи тематическаго спряженія въ 1 ед. вмѣсто окончанія прошедшихъ временъ окончаніемъ является сверхъ ожиданія -*μι* (напр. *φέροι-μι*), обязанное вліянію аналогіи, см. выше стр. 284.

Старо-славянскія аористическія образованія типа падъ (1 ед. аор. отъ падѫ—пасти), двигъ (отъ двигнѫти) принадлежатъ къ тематическому типу; по аналогіи къ нимъ получилъ окончаніе -ъ вм. ожидаемаго +-ѧ и сигматическій аористъ, напр. бодѫ—басъ, рекѫ—рѣхъ (т. е. подобно греч. образованію *ἔπεσον*).

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что для *аріо-европейскаго праязыка* мы должны предположить *-*m̥*, какъ единственное окончаніе прошедшихъ временъ; это *-*m* при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ становилось слогообразующимъ.

Въ 1 ед. перфекта имѣется окончаніе -ă въ *санскритѣ* и *греческомъ*.[3]) Въ *латинскомъ* языкѣ (въ немъ произошло смѣшеніе между perf. и aor., такъ что въ perf. встрѣчаемъ аористическую примѣту -*s*-, напр. sumpsi) въ 1 ед. перф. имѣется своеобразное окончаніе -*ī*, которое никакъ нельзя

---

[1]) Параллельная форма ἦ-ν получила -ν по аналогіи.

[2]) Образованія греч. аориста легко сгруппировать по двумъ типамъ: 1) ἔλιπ-ο-ν и 2) ἔλυσ-α (гдѣ -α изъ *m̥). Форма ἔπεσ-ον обязана распространенію окончанія по аналогіи изъ тематическаго аориста на сигматическій.

[3]) Въ глаголахъ втораго спряженія отъ корней на долгій гласный *ā* данная форма имѣетъ въ санскритѣ еще не достаточно разъясненное окончаніе -*āu*, напр. dadāú. При этомъ указываютъ еще единичные случаи окончанія -*ā* въ Ригведѣ. Въ греческомъ языкѣ такому санскритскому -*āu* соотвѣтствуетъ -ω; срв. dadāu ≠ δέδω-κα; aṣṭāú или aṣṭá (Ригв.) ≠ ὀκτώ, dvāú или dvā ≠ δώ-δεκα; N. A. V. du. dēvāú или вед. dēvá ≠ греч. -ω.

роднить съ окончаніями санскритскимъ и греческимъ; оно фонетически соотвѣтствуетъ санскрит. окончанію Medii, напр.: лат. tutud-ī = скт. tutud-ē; лат. ded-ī = скт. dad-ē. Подобнымъ образомъ и *ст.-слав.* -ѣ въ единичной формѣ вѣд-ѣ (срв. „аминь глѭ вамъ, *не вѣдѣ* васъ“ = греч. *οὐκ οἶδα*, Остром. Ев. Мѳ. XXV, 12) отражаетъ собою медіальное окончаніе (вообще же въ славянской языковой области категорія перфекта вышла изъ употребленія; ея отголосокъ можно видѣть также въ формѣ вѣмь, гдѣ въ корнѣ находимъ гласный перфекта, иначе эта форма настоящаго времени звучала бы +вимь, срв. литов. vḗizdmi). Оставляя въ сторонѣ формы латинскую и ст.-сл., мы можемъ возвести санскритское и греческое окончанія къ ае. *-ă.

2. singularis.

Въ *санскритѣ* 2 ед. настоящаго времени имѣетъ окончаніемъ *-si* (на мѣсто котораго послѣ узкихъ гласныхъ, а также согласныхъ *r* и *k*, развилось *-ši*); напр. bháras*i* „несешь“, ḗ*ši* „идешь“. Что касается *греческаго* окончанія *-εις* (*φέρ-εις*), то раньше его объясняли (Курціусъ) изъ **-ε-σι*, откуда съ эпентезою *ι* будто бы получилось **-ει-σι*, а затѣмъ *-εις* вслѣдствіе отпаденія конечнаго *ι*. Въ настоящее время это объясненіе оставлено, такъ какъ оно опирается не на общіе звуковые законы греческаго языка, а на придуманные *ad hoc* — спеціально для даннаго частнаго случая. По общимъ же звуковымъ законамъ изъ **-ε-σι* должно было получиться **-ει*, но такъ какъ 2-ое лицо безъ *σ* могло казаться недостаточно характернымъ, то и присоединилось еще окончаніе *-ς*, взятое по аналогіи отъ историческихъ временъ (см. выше стр. 284). Эту прибавку вторичнаго окончанія находимъ во всѣхъ діалектахъ и можемъ отнести ко временамъ греческаго праязыка. На *латинское -s* надо смотрѣть также какъ на окончаніе, перешедшее по аналогіи изъ прошедшихъ временъ. *Старо-славянскія* формы на -ши (си), какъ уже указывалось на стр. 285, представляютъ медіальное окончаніе. На основаніи изложеннаго необходимо предположить для аріо-европейскаго праязыка первичное окончаніе *-si*.

Что касается вторичнаго окончанія (прошедшихъ временъ и желат. накл.), то данныя аріо-европейскихъ язы-

ковъ указываютъ на праязыковое *-s; срв.: скт. ábhar-a-ḥ=греч. ἔφερ-ε-ς=ст.-сл. нес-є (съ конца исчезло -s); скт. bhár-ē-ḥ (желат. накл.)=греч. φέρ-οι-ς=ст.-сл. бер-и (повел. накл., конечное s исчезло).

Въ перфектѣ *санскритъ* удержалъ свое особое окончаніе 2 ед. *-tha*, тогда какъ въ *греческомъ* языкѣ соотвѣтствующее окончаніе -*θα* уцѣлѣло лишь въ обломкахъ, срв. скт. vēt-tha=греч. *οἶσ-θα* (срв. еще выше стр. 284); вообще же въ греч. перфектѣ распространилось окончаніе -*ας*. Въ *латинскомъ* окончаніи *-is-tī* конечное *-tī*, соотвѣтствующее окончаніямъ греческому и санскритскому, получилось вм. *-*ta* по аналогіи къ 1 ед. (vīdis-*tī* имѣетъ на концѣ -ī вм. -ă по аналогіи къ vīd-*ī*); что же касается предшествующаго звукосочетанія *-is-*, то оно представляетъ собою пережитокъ морфологическаго признака аористической основы. Приведенные факты приводятъ къ предположенію для ае. праязыка окончанія *-*tha*.

Во 2 ед. повелительнаго наклоненія тематическаго спряженія собственно говоря окончаніе отсутствуетъ, такъ какъ конечное -ĕ отражаетъ собою тематическій гласный (подобно конечному -ĕ въ Зв. ед. втораго склоненія, срв. выше стр. 305), въ спряженіи же нетематическомъ окончаніемъ служитъ скт. -dhi (или -hi)=греч. -θι. Примѣры: скт. bhár-*a*=греч. φέρ-ε=лат. ag-*e*; скт. çru-*dhí*=греч. κλῦ-θι; скт. i-*hí*=греч. ἴ-θι.

3. Singularis.

Обычное окончаніе 3. ед. настоящаго времени можно видѣть изъ примѣровъ: скт. bhár-a-*ti*=ст.-сл. бер-є-ть; скт. ás-*ti*=гр. ἔσ-τι=ст.-сл. ѥс-ть. Всѣ эти формы предполагаютъ праязыковое окончаніе *-*ti*. Формы 3 ед. *греческаго* тематическаго спряженія *φέρει*, *ἄγει* и пр. представляютъ собою новообразованіе по аналогіи ко 2 ед. (срв. выше стр. 284) того же времени подъ вліяніемъ соотношенія между окончаніями тѣхъ же лицъ въ историческихъ временахъ и желат. накл., т. е.

$$\varphi\acute{\varepsilon}\varrho\varepsilon\iota\varsigma : x = \check{\varepsilon}\varphi\varepsilon\varrho\varepsilon\varsigma : \check{\varepsilon}\varphi\varepsilon\varrho\varepsilon$$
$$x = \varphi\acute{\varepsilon}\varrho\varepsilon\iota.$$

Латинское окончаніе *-t* въ настоящемъ времени быть можетъ происходитъ отъ прошедшихъ временъ (срв. выше стр. 285). Паннонскіе памятники *старо-славянскаго* языка вм. окончанія -ть (извѣстнаго изъ памятниковъ русской редакціи, напр. изъ Остромирова Ев.) представляютъ окончаніе -тъ. Въ немъ обычно видятъ результатъ отвердѣнія конечнаго -ть, хотя отвердѣніе этого звукосочетанія въ другихъ случаяхъ не встрѣчается (срв. **видитъ, носитъ... || благодѣть, милость...**); поэтому правильнѣе видѣть здѣсь отраженіе другаго первоначальнаго окончанія нежели *-ti (срв. напр. 3 ед. повел. скт. bhára-*tu*), при возможномъ вліяніи мѣстоименія тъ.[1])

Праязыковымъ окончаніемъ 3 ед. историческихъ временъ было *-*t*, какъ это видно изъ санскрита и латинскаго; въ греч. и славянской языковыхъ областяхъ конечное *-t* исчезло согласно фонетическимъ законамъ. Примѣры: скт. Impf. ábhara-*t*⩧греч. *ἔφερ-ε*⩧ст.-сл. нес-е; скт. Optat. syá-*t*⩧греч. *εἴη*⩧древне-лат. sie-*d*.

Въ 3 ед. перфекта санскритское окончаніе *-a* соотвѣтствуетъ греческому *-ε* (тогда какъ въ 1 ед.=греч. *ᾰ*), вмѣстѣ съ которымъ восходитъ къ праязыковому *-*ĕ*. Латинскій языкъ въ разсматриваемой формѣ имѣетъ на концѣ *-t*, которое можно объяснить вліяніемъ прошедшихъ временъ, тѣмъ болѣе, что въ латинскомъ перфектѣ произошло смѣшеніе съ аористомъ.

3 ед. повелит. накл. оканчивается въ санскритѣ на *-tu*; другое окончаніе -tāt, имѣющее родственныя въ другихъ языкахъ, встрѣчается въ текстахъ веды главнымъ образомъ въ смыслѣ 2 ед., рѣже — 3 ед. и 2 мн. Это окончаніе восходитъ къ ae. *-tōd и повидимому первоначально служило для передачи повелѣнія вообще, которое могло относиться ко 2-ому и 3-ему лицамъ всѣхъ числъ (что имѣло слѣдствіемъ въ греч. и лат. наращеніе для нѣкоторыхъ лицъ ради дифференціаціи новыми окончаніями). Примѣры: скт. вед. váh-a-tād⩧греч. φερ-έ-τω (отъ К. φερ-)⩧лат. veh-i-tō.

Dualis.

Категорія двойственнаго числа уже утратилась въ теченіе времени въ большинствѣ аріо-европейскихъ языковъ,

[1]) Срв. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А., Подробная программа лекцій 1881) стр. 189—191.

частію же утрачивается (напр. въ славянской языковой области сохраняется только въ нѣкоторыхъ діалектахъ). При этомъ процессѣ, представляющемъ собою проявленіе аналитизма, надо отмѣтить нѣкоторое согласіе между именами и глаголами: утрата или сохраненіе двойств. происходитъ параллельно въ именахъ и глаголахъ.

Въ *санскритѣ* личныя окончанія двойств. числа слѣдующія: а) первичныя—1 л. *-vaḥ*, 2 л. *-thaḥ*, 3 л. *-taḥ*, б) вторичныя—1 л. *-va*, 2 л. *-tam*, 3 л. *-tām*. Въ перфектѣ 2 и 3 дв. имѣютъ на концѣ *-r*, перешедшее изъ 3 мн. Въ повелит. накл. 2 и 3 дв. имѣютъ окончанія одинаково съ желат. наклоненіемъ, т. е. историческихъ временъ.

Въ *греческомъ* языкѣ отсутствуетъ особое личное окончаніе для 1 дв., замѣнившись окончаніемъ соотвѣтствующаго лица множ. числа. Что касается двухъ другихъ лицъ, то они представляютъ слѣдующія окончанія: а) первичныя 2 и 3 дв. *-τον*, б) вторичныя 2 дв. *-τον* и 3 дв. *-την*; перфектъ имѣетъ первичныя окончанія; повелит. наклоненіе представляетъ во 2 дв. одинаковое окончаніе съ предъидущими формами того же лица, т. е. *-τον*, а въ 3 дв. оканчивается на *-των*.

Въ *латинскомъ* языкѣ двойственное число отсутствуетъ, но нѣкоторые въ окончаніи 2 мн. *-tis* видятъ соотвѣтствіе первичному окончанію 2 дв. санскрита, другіе же допускаютъ тутъ преобразованіе первоначальнаго окончанія 2 мн. **-tĕ* подъ вліяніемъ окончанія 1 мн.

Объ окончаніяхъ *старо-славянскаго* языка мы уже имѣли случай говорить раньше (стр. 285).

Pluralis.

Для 1-аго множ. въ *санскритѣ* первичнымъ окончаніемъ является *-maḥ*, а вторичнымъ *-ma*. Однако въ ведахъ кромѣ *-maḥ* чаще видимъ въ формахъ наст. вр. окончаніе *-masi*, а въ авест. первичнымъ окончаніемъ служитъ только *-mahi* при вторичномъ *-ma* (*-mā*), чему въ др.-перс. соотвѣтствуютъ *-mahy* и *-ma* (*-mā*). Въ виду того, что изъ *-masi* не могло произойти -mas, такъ какъ *-i* при предшествующемъ согласномъ на концѣ словъ въ индо-иранской языковой области не исчезало, нужно или признать оба окончанія (*-masi* и *-mas*)

исконными, или же считать исконнымъ только *-mas*, объясняя конечное *i* въ формѣ *-masi* какъ прибавленное по аналогіи къ другимъ лицамъ, окончанія которыхъ имѣли *i* своимъ исходнымъ звукомъ (срв. формы ед. ч. и 3 мн.). *Греческій* языкъ пользуется однимъ и тѣмъ же окончаніемъ въ качествѣ первичнаго и вторичнаго; такимъ окончаніемъ въ дорическомъ нарѣчіи служитъ *-μες*, въ другихъ же *-μεν*. Подобнымъ образомъ и *латинскій* языкъ имѣетъ только одно окончаніе *-mus*, для котораго въ качествѣ исходной формы принимаютъ **-mŏs*; если это послѣднее окончаніе сопоставить съ греч. дорич. *-μες*, то будемъ имѣть случай неодинаковаго распредѣленія ае. *ĕ || *ŏ въ отдѣльныхъ языкахъ (срв. въ 3-емъ скл. Р. ед. ст.-сл. -є || греч. *-ος*). Въ *старо-славянскомъ* видимъ окончаніе -мъ (объ окончаніи -мы см. выше стр. 285); изъ современныхъ славянскихъ языковъ соотвѣтствующее окончаніе *-м* встрѣчаемъ въ русскомъ и частію болгарскомъ, также польскомъ и чешскомъ, окончаніе *-my* видимъ въ польск. и луж., въ нѣкоторыхъ же слав. языкахъ встрѣчаемъ отраженіе ае. **-mĕs* или же **-mŏs*, а именно *-me* (ме) въ чеш. и болгарскомъ, *-mo* (-мо) въ сербскомъ и словинскомъ (также въ словацкомъ и малорусскомъ).

Первичнымъ окончаніемъ 2-го множ. въ санскритѣ служитъ *-tha*, а вторичнымъ *-ta* (въ перф. *-a*, срв. vid-*á* противъ греч. *ἴσ-τε*). Языки не-индоиранскіе частію отражаютъ только одно окончаніе ае. *-tĕ, съ которымъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могло совпасть фонетически и ае. *-thĕ; срв. скт. bhára*tha*=греч. *φέρετε*=ст.-сл. берете; желат. скт. bhárē*ta*=греч. *φέροιτε*=лат. agi*te* (отъ К. ăg-)=ст.-сл. берѣте. Въ латинскомъ языкѣ *-te* имѣется только въ повел. накл., въ прочихъ же случаяхъ окончаніе *-tis*, о которомъ уже говорилось раньше.

Что касается окончаній 3 множ., то Бругманъ находитъ, что они варіировали въ праязыкѣ въ зависимости отъ того, стояли ли они послѣ сонантовъ или же консонантовъ: въ первомъ случаѣ первичнымъ окончаніемъ было **-nti*, а вторичнымъ **-nt* (срв. 3 мн. наст. скт. bhára*nti*=греч. дорич. *φέροντι* атт. *φέρουσι*=лат. ferunt=ст.-сл. берѫть, ае. *bhár-a-*nti*; 3 мн. impf. скт. ábharan=греч. *ἔφερον*=ст.-сл. несѫ); во второмъ случаѣ при удареніи первичнымъ окончаніемъ было

*-énti, вторичнымъ -ént [1]) (скт. sánti „суть“ ⫩ греч. дорич. ἐντί атт. εἰσί; āsan „они были“ 3 мн. impf. ⫩ греч. гомеров. ἦεν или ἦν), при неударенности же первичное окончаніе являлось въ видѣ *-n̥ti, а вторичное въ видѣ *-n̥t (срв. ст.-сл. дадать, даша).

Medium.

При разсмотрѣніи личныхъ окончаній средняго залога мы ограничимся приведеніемъ формъ санскрита и греческаго, такъ какъ въ латинскомъ и старо-славянскомъ уцѣлѣли лишь отдѣльные случаи пережитковъ формъ Medii (другихъ языковыхъ вѣтвей аріо-европейскаго семейства въ настоящемъ краткомъ обзорѣ мы не касаемся), какъ напр.: лат. 1 sg. pf. tutudī ⫩ скт. tutudé; ст.-сл. вѣдѣ, вѣси. Если приводимыя формы съ первичнымъ или вторичнымъ окончаніями въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ взаимно соотвѣтствуютъ по окончанію, то между ними мы будемъ ставить знакъ ⫩.

1 sg.: praes. bhár-*ē*, греч. -μαι.
impf. ábhar-*ē*, греч. -μην (дорич. -μᾱν).
2 sg.: praes. bhár-a-*sē* ⫩ φέρ-ε-αι (изъ *φέρ-ε-σαι) → φέρῃ.
impf. ábhar-a-*thāḥ*, греч. ἐφέρ-ε-ο (изъ *ἐφέρ-ε-σο) → ἐφέρου; греческому окончанію -σο соотвѣтствуетъ авест. -*ha*.
3 sg.: praes. bhár-a-*tē* ⫩ φέρ-ε-ται.
impf. ábhar-a-*ta* ⫩ ἐφέρ-ε-το.
1 du. praes. bhar-ā-*vahē* } греч. = 1 plur.
impf. ábhar-ā-*vahi* }
2 du. praes. bhár-*ē-thē* } греч. -σθον.
impf. ábhar-*ē-thām* }
3 du. praes. bhár-*ē-tē*; греч. = 2 du.
impf. ábhar-*ē-tām*; греч. -σθην.

---

[1]) Раньше въ этихъ окончаніяхъ Бругманъ предполагалъ первоначальный ударенный носовой слогообразующій.

1 pl. praes. bhár-ā-*mahē* (*h* въ окончаніи изъ **dh*, срв. авест. -*maⁱde*)=φερ-ό-μεθα.[1])
impf. ábhar-ā-*mahi*=-μεθα (изъ ае. *-*mĕdhə*).
2 pl. praes. bhár-a-*dhvē* } греч. -σθε.
impf. ábhar-a-*dhvam* }
3 pl. praes. bhar-a-*ntē*=φέρ-ο-νται.
impf. ábhar-a-*nta*=ἐφέρ-ο-ντο.

Библіографическія указанія. Кромѣ полнаго и краткаго курса сравн. грамм. *Бругмана* назовемъ слѣдующіе труды по вопросамъ спряженія вообще и по вопросу о личныхъ окончаніяхъ глагола въ частности: Ульяновъ Г. К. (см. выше стр. 312); Поржезинскій В. (см. ib.); Эндзелинъ И. Латышскіе предлоги, II (1906)—о видовомъ значеніи сложныхъ съ предлогами глаголовъ; Wiedemann Beiträge zur altbulgarischen Conjugation, Petersburg 1886; его же Das litauische Präteritum, Strassburg 1891. Brugmann K. Zur Geschichte der Personalendungen (Morph. Untersuch. I. 133 сл.). Его же Zur griech. u. germ. Praesensflexion, въ I. F. XV 126—127; Zur Bildung der 2. Person Akt. in den indogerm., insbes. baltischen Sprachen, въ I. F. XVII 177—186. Hirt Ueber den Ursprung der Verbalflexion im Indogerm., въ I. F. XV 36—84. Meyer G. Griechische Grammatik §§ 442—472. Whitney Indische Grammatik §§ 542—553. Брандтъ Р. О личныхъ наставкахъ славянскаго глагола (см. его Грамматическія замѣтки, вып. 1, 1882 г.). Фортунатовъ Ф. Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ (Изв. Акад. Наукъ, т. XIII, 1908 г., кн. 2, стр. 1—44). Щерба Л. Къ личнымъ окончаніямъ въ латинскомъ и другихъ италійскихъ діалектахъ (Ж. М. Н. Пр. 1908, май, стр. 201—208).

Въ заключеніе позволю себѣ обратить вниманіе читателей, желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ сравн. грамматикою аріо-европейскихъ языковъ, на слѣдующія общія сочиненія: Mehringer R. Indogermanische Sprachwissenschaft (1903)³, составляющее № 59 изъ «Sammlung Göschen» и болѣе обширное — Meillet A. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. 2-e éd. 1908 (то же сочиненіе въ нѣмецкомъ переводѣ: Einführung in die vergl. Gramm. der indogermanischen Sprachen, übers. von W. Printz, 1909); эти два труда могутъ служить переходной ступенью къ краткому и полному курсу сравн. грамм. Бругмана, а также и къ спеціальнымъ грамматикамъ отдѣльныхъ вѣтвей нашего языковаго семейства.

---

[1]) Конечный гласный не соотвѣтствуетъ; однако при сравненіи окончаній средняго залога въ санскритѣ и греческомъ нужно имѣть въ виду, что санскритъ уодноообразилъ въ этомъ отношеніи свои окончанія, которыя во всѣхъ лицахъ трехъ чиселъ наст. времени имѣютъ одинаковый исходный гласный ē.

24. О начальномъ преподаваніи русской грамматики.

Предлагаемый очеркъ составленъ на основаніи моего педагогическаго опыта въ Казанской Татарской Учительской Школѣ, гдѣ я велъ преподаваніе въ теченіи трехъ лѣтъ. Въ виду того, что моими учениками были инородцы, не имѣвшіе навыковъ въ русскомъ языкѣ, мое преподаваніе имѣло нѣкоторыя особенности по сравненію съ преподаваніемъ въ русскихъ школахъ. [1]) Поэтому я полагаю, что настоящая статья можетъ быть полезна при преподаваніи русскаго языка инородцамъ, а также иностранцамъ, давая при этомъ матеріалъ и для преподавателей отечественнаго языка.

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, ученикъ изъ русскихъ, ознакомившись, напр., со склоненіями существительныхъ, будетъ правильно склонять, въ силу навыка въ своей родной рѣчи, любое русское существительное, или, ознакомившись съ степенями сравненія прилагательныхъ, будетъ вѣрно образовывать степени сравненія отъ любаго даннаго прилагательнаго, или, ознакомившись со спряженіями, будетъ правильно спрягать каждый глаголъ. Между тѣмъ ученики, которымъ чуждъ русскій языкъ, естественно не могутъ имѣть навыка, а потому съ ними приходится проходить ряды словъ, принадлежащихъ къ тому или другому типу. Вслѣдствіе отсутствія указаннаго языка такіе ученики не могутъ, напр., сами догадаться, что отъ слова «сто*лъ*» род. ед. будетъ «столá» съ удареніемъ въ концѣ, а отъ слова «по*лъ*»—«пóла» съ удареніемъ въ началѣ; что отъ прил. «свя*тóй*» сравнительная степень—«святѣе», а отъ прил. «кру*тóй*, имѣющаго совершенно такое же окончаніе,—«круче»; что отъ глагола «*тру*» прошедшее вр. «теръ», а отъ «в*ру*»—«вралъ» и т. п.

Ученіе начинается тѣмъ, что ученики пишутъ на классной доскѣ слова съ такими звуками и сочетаніями звуковъ, которые чужды татарскому языку. При этомъ имѣются въ виду двѣ цѣли: первая—довести учащихся до возможно правильнаго произношенія данныхъ словъ, вторая—пріучить ихъ къ вѣрному написанію такихъ словъ. Здѣсь оказывается важнымъ знаніе преподавателемъ физіологіи произношенія. Онъ можетъ подмѣтить, отъ чего происходитъ несовершенное произношеніе ученика, и сообразно съ этимъ дѣлаетъ тѣ или другія замѣчанія ученику. Такъ, для правильнаго произношенія *у* обыкновенно приходится замѣчать, чтобы ученикъ побольше съузилъ губы и выдвинулъ ихъ впередъ; при *о* приходится замѣчать, чтобы ученикъ шире раскрылъ ротъ; также при *а*; и т. п. Все это преподаватель показываетъ наглядно на собственномъ своемъ произношеніи. Но далеко не сразу научается ученикъ чуждому ему произношенію. Напр. дрожаніе губъ, когда ученикъ старается придать имъ непривычное уложеніе, ясно указываетъ на тѣ трудности, которыя ему приходится преодолѣвать для достиженія совершеннаго произношенія русскихъ словъ. Къ сказанному прибавлю, что каждое русское слово, которое ученикъ долженъ научиться правильно произнести и правильно написать, сопровождается русскимъ переводомъ.

При описываемыхъ мною упражненіяхъ я обращаю большое вниманіе на то, чтобы ученики научились узнавать ударенный слогъ въ слышимыхъ ими русскихъ словахъ и чтобы сами произносили слова правильно въ отношеніи ударенія. Я стараюсь доводить ихъ до того, чтобы они поняли ту разницу между ударяемымъ и неударяемыми слогами въ словѣ, что слогъ ударяемый произносится сильнѣе, громче неударенныхъ. Именно при этихъ упражненіяхъ я сильно забочусь пріучить учениковъ къ русскому ударенію потому, что при послѣдующемъ прохожденіи этимологіи постоянно придется имѣть дѣло съ удареніемъ. Ученики не такъ легко осваиваются вполнѣ съ русскимъ удареніемъ потому, что антропофоническое строеніе татарскихъ словъ въ отношеніи ударенности и неударенности не одинаково съ такимъ же строеніемъ русскихъ словъ.

Грамматику я начинаю изучать прямо со склоненій именъ существительныхъ слѣдующимъ образомъ. Сказавши краткое

предложеніе, въ которомъ было бы существительное мужескаго рода твердаго склоненія, напр. „Столъ стоитъ", я спрашиваю одного изъ учениковъ, какъ онъ скажетъ это по-татарски, а затѣмъ вызываю его къ классной доскѣ, чтобы онъ написалъ на ней это выраженіе. Если ученикъ сдѣлалъ ошибки, то онѣ исправляются при участіи класса. Затѣмъ ученикъ, писавшій на классной доскѣ, садится на мѣсто, и всѣ ученики списываютъ съ доски правильно написанное на ней выраженіе въ свои тетради. [1]) Тогда я говорю другую фразу, въ которой существительное стояло бы въ род. ед., напр. „Нѣтъ стола". Это выраженіе пишетъ на классной доскѣ уже другой ученикъ. По исправленіи, ученики переписываютъ въ свои тетради это выраженіе подъ предъидущимъ. Подобнымъ образомъ они напишутъ въ своихъ тетрадяхъ цѣлый рядъ выраженій, въ которыхъ данное слово встрѣчается во всѣхъ падежахъ, напр.:

Иду къ столу.
Вижу столъ.
Сижу подъ столомъ.
Думаю о столѣ.
Столы стоятъ.
Нѣтъ столовъ.
И т. д.

Теперь я обращаю вниманіе учениковъ на то, что въ написанномъ ими повторяется слово „столъ", но только не въ одномъ и томъ же видѣ: столъ, стола и т. д. Я велю имъ подчеркнуть это слово во всѣхъ выраженіяхъ. Теперь предлагается одному изъ учениковъ прочитать по порядку подчеркнутыя слова. Заставивши прочитать то же самое нѣкоторыхъ

---

[1]) Такъ я поступаю и при всемъ послѣдующемъ прохожденіи грамматики. Потому тетрадь каждаго ученика можетъ замѣнять ему учебникъ.

Кстати покажу здѣсь, какъ можно пользоваться нѣкоторыми случаями для обученія языку. Такъ, напр., при описываемомъ веденіи преподаванія приходится обращаться къ ученикамъ съ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «идите къ доскѣ», «напишите», «сотрите съ доски», «садитесь», «нѣтъ ли ошибки», «поправьте», «зачеркните» «подчеркните» и т. п. Если ученикъ не понялъ этихъ словъ, то ему выясняемъ дѣйствіемъ, или же посредствомъ перевода на татарскій языкъ, что требуется.

другихъ учениковъ, преимущественно болѣе слабыхъ, я обращаюсь ко всему классу съ вопросомъ: „А не можетъ ли кто-нибудь изъ васъ сказать то же самое (разумѣется съ татарскимъ переводомъ) безъ тетрадки?" Желающіе, конечно, явятся. Но я заставляю и другихъ учениковъ отвѣчать подобнымъ образомъ, такъ чтобы въ концѣ концовъ весь классъ болѣе или менѣе усвоилъ склоненіе этого слова.

Послѣ этого мы переходимъ къ склоненію другихъ существительныхъ, только уже не прибѣгая къ предложеніямъ. На первыхъ же порахъ это было нужно, потому что смыслъ падежа является только въ предложеніи.

Къ сказанному сдѣлаю нѣкоторыя добавленія.

Каждая проходимая форма сопровождается татарскимъ переводомъ, который ученики приписываютъ въ тетрадяхъ, русскими буквами или же по-татарски, надъ русскою формою или же сбоку.

Выше я сказалъ, что ученики пишутъ въ своихъ тетрадяхъ одну падежную форму подъ другую. Благодаря этому, написанное ими въ тетрадяхъ выглядываетъ довольно изящно. Я нахожу такое правильное расположеніе весьма важнымъ: ученикъ легко отъискиваетъ понадобившееся въ своихъ тетрадяхъ; самъ пріучается къ удобному расположенію матеріала; болѣе заинтересовывается предметомъ. Тетради свои ученики держатъ въ большой чистотѣ и сохраняютъ ихъ; пишутъ въ нихъ какъ можно тщательнѣе.

Такъ какъ вся грамматика проходится указаннымъ способомъ, то такимъ образомъ ученики на каждомъ урокѣ грамматики упражняются въ русской орѳографіи. Благодаря этому, они довольно скоро привыкаютъ къ русскому правописанію.

Послѣ предварительнаго ознакомленія учениковъ со склоненіемъ, я имъ указываю названія—*Именительный падежъ*, *Родительный падежъ* и пр., *Единственное число*, *Множественное число*; названія эти ученики также пишутъ на классной доскѣ, а затѣмъ переписываютъ въ свои тетради.

Далѣе при склоненіи они уже примѣняютъ названія падежей и пишутъ ихъ въ тетрадяхъ при каждой формѣ. Для послѣдняго я имъ указываю на сокращенное написаніе этихъ названій: И., Р. и пр., Ед. ч., М. ч.

Для домашнихъ занятій ученикамъ задается не только выучить то, что пройдено въ классѣ, но также и письмен-

ныя работы, въ данномъ случаѣ — просклонять нѣсколько словъ, склоняющихся по образцу только что (и даже прежде) пройденныхъ. Такія письменныя работы ученики исполняютъ на отдѣльныхъ полулистахъ, которые должны быть ими соотвѣтствующимъ образомъ разграфлены. Въ примѣръ формы я представлю одну изъ исполненныхъ ими работъ:

Единственное число.

И.	Спо́ръ	Зу́бъ	По́лъ	Сто́лъ
Р.	спо́ра	зу́ба	по́ла	стола́
Д.	спо́ру	зу́бу	по́лу	столу́
В.	спо́ръ	зу́бъ	по́лъ	сто́лъ
Т.	спо́ромъ	зу́бомъ	по́ломъ	столо́мъ
П.	о спо́рѣ	о зу́бѣ	о по́лѣ	о столѣ́.

Множественное число.

И.	Спо́ры	Зу́бы	Полы́	Столы́
Р.	спо́ровъ	зубо́въ	поло́въ	столо́въ
Д.	спо́рамъ	зуба́мъ	пола́мъ	стола́мъ
В.	спо́ры	зу́бы	полы́	столы́
Т.	спо́рами	зуба́ми	пола́ми	стола́ми
П.	о спо́рахъ	о зуба́хъ	о пола́хъ	о стола́хъ.

Скоро ученики привыкаютъ къ табеллярному представленію своихъ работъ, что мнѣ кажется важнымъ. Какъ при прохожденіи вновь каждая форма снабжается знакомъ ударенія, такъ и въ задаваемыхъ на домъ письменныхъ работахъ ученики должны обозначать удареніе.

При прохожденіи склоненій (а также и спряженій) обращается большое вниманіе на *различія системъ окончаній.* Съ этой точки зрѣнія я классифицирую склоненія существительныхъ слѣдующимъ образомъ: склоненіе мужескаго, женскаго и средняго рода съ тремя разновидностями въ каждомъ изъ этихъ родовъ, а именно — склоненіе твердое, мягкое и склоненіе, занимающее середину между тѣмъ и другимъ, т. е. склоненіе, въ которомъ передъ окончаніемъ имѣется буква шипящаго согласнаго (ср. му*жъ*, муж*а* и т. д. рядомъ съ муж*емъ*, муж*ей*). Въ твердомъ склоненіи указываются различія: передъ окончаніемъ находятся согласные звуки не—

г к х; окончанію предшествуютъ *г к х* (ср. стол*ы* || волк*и*). Въ мягкомъ склоненіи муж. р. обращается вниманіе на различія Р. мн.: цар*ей* || ча*евъ*. Кромѣ того—особенность въ склоненіи именъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ (столъ || волка и т. п.). Послѣ этого остается пройти склоненіе слова *путь*, склоненіе существительныхъ женскаго рода на -ъ (дверь и т. п.) и такъ называемое склоненіе съ наращеніемъ. Что касается до такихъ явленій въ области склоненія, какъ: Р. ед. муж. на *-у*, Пр. ед. муж. на *-ý*, И. мн. муж. на *-а* и т. п., то всѣ эти особенности, чтобы на первыхъ порахъ не обременить ими учащихся, я переношу на второй классъ, гдѣ онѣ могутъ быть пройдены подробно и съ большею легкостью (преподаваніе грамматики является такимъ образомъ концентрическое).

При представленномъ мною ходѣ изученія склоненій является необходимость ознакомить учащихся съ нѣкоторыми относящимися сюда грамматическими названіями: *мужескій родъ; женскій р., средній р.; предметъ одушевленный, предметъ не-одушевленный; твердое склоненіе, мягкое склоненіе; шипящіе звуки*. Вообще, ученикамъ сообщаются только самые необходимые термины. Такъ, термины: „предметы одушевленные и не-одушевленные“ необходимы потому, что имѣютъ отношеніе къ склоненію существительныхъ: ср. винительные падежи предметовъ одушевленныхъ и не-одушевленныхъ. Такимъ образомъ, термины вводятся только по мѣрѣ того, какъ встрѣчается въ нихъ нужда.

При прохожденіи склоненій существительныхъ (и, вообще, при прохожденіи флексій) обращается вниманіе кромѣ различія системъ окончаній также на различія ударенія. Дѣло ведется слѣдующимъ образомъ.

Дается ученику просклонять какое-нибудь существительное, напр. „споръ“, при чемъ онъ долженъ обратить вниманіе на удареніе каждой формы. Ученикъ говоритъ: „И. ед. *спóръ* — удареніе на основѣ, Р. *спóра* — удареніе тоже на основѣ“ и т. д. Когда онъ просклоняетъ единственное число, я довожу его до слѣдующаго обобщенія: „въ склоненіи слова *споръ* удареніе во всѣхъ падежахъ ед. ч. на основѣ“. Затѣмъ обращаемся ко мн. ч. и приходимъ къ выводу: „во мн. ч. въ склоненіи слова *споръ* удареніе во всѣхъ падежахъ имѣется на основѣ“. И такъ: „въ склоненіи слова „споръ“ удареніемъ

во всѣхъ падежахъ ед. и мн. ч. сопровождается основа". Тутъ я замѣчаю, что не одно слово „споръ" имѣетъ такое удареніе, но цѣлый рядъ словъ, напр. „заборъ", „народъ", „огородъ" и т. д.

Подобнымъ способомъ проходятся и всѣ прочіе типы ударенія.

Для краткости типы ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ я представляю въ таблицахъ: [1])

А. *Мужескій родъ.*

	О'с.	О'к.
Споръ Родитель	Во всѣхъ падежахъ.	
Зубъ Звѣрь	Ед., И. мн.	Въ остальныхъ падежахъ мн.
Полъ Чай	Ед.	Мн.
Столъ Царь	(И. ед.)	Во всѣхъ прочихъ падежахъ

Для каждаго случая взято по два примѣра: одинъ примѣръ изъ твердаго склоненія, другой изъ мягкаго.

Въ послѣднемъ случаѣ встрѣчается обозначеніе, заключенное въ скобки: (И. ед.). Такимъ обозначеніемъ я хотѣлъ показать, что удареніе въ отмѣченномъ падежѣ имѣется такое лишь по необходимости. Раньше, до исчезновенія окончаній -ъ и -ь, удареніе падало на эти окончанія. Съ исчезновеніемъ же этихъ окончаній, удареніе по необходимости передвинулось на основу.

Первый и четвертый случаи—самые частые, потому что къ нимъ принадлежатъ кромѣ словъ первообразныхъ также производныя, напр. сто́ликъ—сто́лика, голи́къ—голика́; па́лецъ—па́льца, дѣле́цъ—дѣльца́ и т. п.

Слово *путь* по ударенію относится къ четвертому типу.

---

[1]) Удареніе въ той или другой формѣ падаетъ или на основу (О'с.), или на окончаніе (О'к.).

Б. *Женскій родъ.*

	О'с.	О'к.
Рѣпа Дуля	Ед. и мн.	
Стрѣла Свѣча	И. (Р.) мн.	Въ остальныхъ падежахъ
Изба Земля	В. ед., И. (Р.) мн.	Въ остальныхъ падежахъ

Слѣдующая таблица представитъ удареніе въ именахъ существ. ж. р. на -ъ:

	О'с.	О'к.
Возвышенность	Ед. и мн.	
Кость	Ед., И. мн.	Въ остальныхъ падежахъ
Пять	И. ед.	Въ другихъ падежахъ

В. *Средній родъ.*

	О'с.	О'к.
Богатство Гаданье	Ед. и мн.	
Слово Поле	Ед. (Р. мн.)	Мн.
Вино Ружье	Мн.	Ед.

Такъ называемыя имена съ наращеніемъ по ударенію принадлежатъ ко второму случаю.

Я подробно представилъ на именахъ существительныхъ способъ веденія уроковъ русской грамматики.

Изученіе именъ прилагательныхъ начинается со склоненія сложныхъ (полныхъ) прилагательныхъ. Прилагательныя склоняются не отдѣльно, а вмѣстѣ съ существительными:

Ед. ч.
И. Ста́р*ый* сло́нъ
Р. Ста́р*аго* слона́
Д. Ста́р*ому* слону́
и т. д.

Я обращаю вниманіе учениковъ на своеобразность склоненія такихъ словъ, какъ „ста́р*ый*", и говорю, что подобныя слова, называются именами прилагательными. Новый терминъ (*Имя прилагательное*) пишется на классной доскѣ, а затѣмъ списывается въ тетради.

Сначала проходится а) *твердое* склоненіе прилагательныхъ, а затѣмъ б) *мягкое*:

а) Ста́р*ый* сло́нъ — б) Ве́рхн*ій* гво́здь
Ста́р*ая* труба́ — Ве́рхн*яя* вѣтвь
Ста́р*ое* село́ — Ве́рхн*ее* стекло́.

Каждая форма снабжается знакомъ ударенія. Удареніе же въ склоненіи именъ прилагательныхъ весьма просто: или во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ на основѣ, или же на окончаніи, что можетъ быть тебеллярно представлено слѣдующимъ образомъ:

	О'с.	О'к.
Старый Верхній	Ед. и мн.	
Слѣпой		Ед. и мн.

Прохожденіе *степеней сравненія* прилагательныхъ начинается такими примѣрами, какъ:

Теплый мѣсяцъ.
Этотъ мѣсяцъ *теплѣе* того.
Самый теплый мѣсяцъ.

Теплая ночь.
Эта ночь *теплѣе* той.
Самая теплая ночь.
Теплое лѣто.
Лѣто *теплѣе* весны.
Самое теплое лѣто.

Изъ такихъ примѣровъ ученики узнаютъ:

Положительная степень: теплый (муж. р.), теплая (женск. р.), теплое (ср. р.).

Сравнительная степень: теплѣе (для всѣхъ родовъ).

Превосходная степень: самый теплый (муж. р.), самая теплая (женск. р.), самое теплое (ср. р.). [1])

Затѣмъ мы переходимъ къ подробностямъ образованія степеней сравненія именъ прилагательныхъ. Для этого берутся послѣдовательно прилагательныя, кончающіяся на *-пый*, *-бый*, *-мый* и т. д. Изъ разсмотрѣнія оказывается, что сравнительная степень имѣетъ двоякое образованіе: на *-ѣе* и *-е*; въ послѣднемъ случаѣ бросается въ глаза перемѣна согласныхъ звуковъ, предшествующихъ этому окончанію: *в—вл*, *т—ч* и т. д.; удареніе въ этомъ случаѣ всегда предшествуетъ окончанію; при окончаніи же *-ѣе* удареніе обыкновенно падаетъ на это окончаніе (ѣ́е). Болѣе обычное образованіе превосходной степени—посредствомъ прибавленія къ положительной степени слова *самый*; или же превосходная степень оканчивается на *-ѣйшій* или (послѣ шипящихъ) на *-айшій*.

Теперь я представлю примѣры прилагательныхъ, расположенные по согласнымъ звукамъ, имѣющимся въ окончаніи положительной степени, при чемъ въ лѣвомъ столбцѣ помѣщены прилагательныя, оканчивающіяся въ сравнительной степени на *-ѣе*, а въ правомъ на *-е*.

п	глу*пый*		
б	сла*бый*		
м	упря*мый*		
в	жи*вой*	*в—вл*	деше*вый*

[1]) или: теплѣйшій (муж. р.), теплѣйшая (женск. р.), теплѣйшее (ср. р.)

т	свя*той*	*т—ч*	кру*той*, бога*тый*, гус*той*, коро*ткій*
д	ху*дой* (въ смыслѣ „тощій“)	*д—ж*	ху*дой* (въ смыслѣ „плохой“), моло*дой*, твер*дый* гад*кій*, глад*кій*, *жидкій*, рѣ*дкій*
с	лы*сый*	*с—ш*	высо*кій*
з	си*зый*	*з—ж*	бли*зкій*, ни*зкій*, у*зкій*
р	ста*рый*, быст*рый*	*р*	ши*рокій*
л	теп*лый*		
н	ум*ный*		
к—ч	бой*кій*, звон*кій*, лов*кій*	*к—ч*	крѣ*пкій*, мя*гкій*, кра*ткій*, кро*ткій*
		г—ж	ту*гой*
		х—ш	су*хой*
ч	горя*чій*		
ж	свѣ*жій*		
щ	знаю*щій*		

О такихъ прилагательныхъ, какъ „гадкій“, „высокій“, слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ сравнительная степень образуется такъ, какъ будто бы въ положительной степени на концѣ имѣлось не *-кій* или *-окій*, а *-ый*.

Прилагательныя „сла*бкій*“ и „глу*бокій*“ образуютъ сравнительныя степени: „сла*бже*“ и „глу*бже*“.

Я не буду говорить о склоненіи *именъ числительныхъ* (одинъ, два, три, четыре, пять; сорокъ (девяносто, сто) аршинъ; пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ; двѣсти...) и о склоненіи *мѣстоименій* (я, ты, онъ, мы, вы, они, кто, что, тотъ, этотъ, весь, мой, твой, свой, нашъ, вашъ...), а перехожу къ спряженію глаголовъ.

Изученіе глаголовъ начинается со спряженія какого-нибудь глагола, напр. „веду“, при чемъ (на первыхъ порахъ) я ограничиваюсь дѣйствительнымъ залогомъ и опускаю причастія, дѣепричастія и „виды“. Затѣмъ, для упражненія, я даю ученикамъ проспрягать устно и письменно еще нѣсколько

глаголовъ, спрягающихся по тому же типу. Такимъ образомъ у насъ встрѣчаются термины: *настоящее время, ед. ч., мн. ч., первое лицо, второе лицо, третье лицо, прошедшее время, будущее время, повелительное наклоненіе, неопредѣленное наклоненіе.*

Спряженіе русскихъ глаголовъ я классифицирую слѣдующимъ образомъ: I) спряженіе безъ *-ся* (напр. дѣлаю, крашу) и II) спряженіе на *-ся* resp. *-сь* (напр. дѣлаюсь, крашусь); то и другое спряженіе подраздѣляется на такъ называемыя А) „первое“ и Б) „второе“. Перехожу къ болѣе мелкимъ разрядамъ перваго и втораго спряженія.

А) Первое спряженіе:

1) Настоящее время въ этомъ разрядѣ оканчивается на *-у*, а прошедшее время на *-лъ*, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ *л* исчезло.

а) гребу́, скребу́;
б) везу́, грызу́, ползу́, лѣзу; несу́, трясу́, пасу́;
в) тру́, умру́, запру́;
г) пеку́, теку́, сѣку́, толку́, влеку́; стригу́, жгу́, берегу́, стерегу́, запрягу́, ля́гу, могу́;
д) веду́, бреду́, ся́ду, кладу́, краду́, паду́; плету́, мету́, расту́, цвѣту́, прочту́;
ж) плыву́, слыву́, живу́;
з) жму́, возьму́; мну́, жну́, начну́.

2) Мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому: въ немъ наст. вр. образовано посредствомъ j; прошедшее оканчивается на *-лъ*.

а) полю́, колю́, мелю́; борю́, порю́;
б) мо́ю, ро́ю, кро́ю, во́ю, но́ю;
в) пою́;
г) брѣю; лью́, вью́, бью́, пью́, шью́;
д) зна́ю, чита́ю, хвата́ю, дѣлаю, вѣдаю; почитываю; мѣняю; бѣлѣю; ду́ю.

3) Твердый разрядъ, въ которомъ прошедшее время оканчивается на *-алъ*.

сосу́; тку́; лгу́; вру́, жру́, беру́, деру́, ору́; ржу́; зову́, рву́; жду́.

4) Мягкій разрядъ, соотвѣтствующій предъидущему твердому; въ настоящемъ времени встрѣчается такая же перемѣна согласныхъ (подъ вліяніемъ j), какъ въ сравнительной степени, оканчивающейся на е.

а) колéблю; треплю́, клеплю́, щиплю́, сы́плю; дре*млю́*; гложу́; пря́чу, мечу́; свищу́, хлещу́; клевещу́, трепещу́; рѣ́жу, ма́жу, вяжу́, лижу́, кажу́, нижу́; пишу́, пляшу́, подпоя́шу, чешу́; дви́жу, бры́жжу; пла́чу, скачу́; ищу́, плещу́; стелю́, шлю́; орю́;

б) ца́рствую, цѣлу́ю; сую́, сную́; вою́ю, горю́ю, клюю́;

в) сѣ́ю, смѣ́юсь; ла́ю, та́ю;

5) Глаголы на *-ну*.

пры́сну, то́пну, хло́пну; со́хну и пр.

Б) Второе спряженіе.

6) Прошедшее время оканчивается на *-илъ*.

солю́; варю́; ра́ню, цѣню́; сто́ю, стро́ю, клею́; люблю́; хожу́, сужу́; служу́; мучу́; учу́, му́чу.

7) Прошедшее время оканчивается на *-ѣлъ* или (послѣ шипящихъ и j) на *-алъ*.

а) велю́; горю́; звеню́; скорблю́; скриплю́; шумлю́; сижу́; лечу́; вишу́;

б) лежу́; слы́шу; молчу́; трещу́; стою́, бою́сь.

Данная мною классификація спряженія имѣетъ научный характеръ; при преподаваніи же я пользовался болѣе мелкой группировкой, напр.: А. 1) гребу, грызу, пеку . . . ; 2) веду, живу . . . ; 3) сосу . . . ; 4) полю . . . ; 5) читаю, бѣлѣю . . . ; 6) стелю . . . ; 7) царствую, горюю . . . ; 8) мою, лью . . . ; 9) прысну, сохну . . . Б. 1) велю . . . ; 2) лежу . . . ; 3) солю . . .

Отъ каждаго глагола проходятся главнѣйшія формы, которыя пишутся на классной доскѣ и въ тетрадяхъ, причемъ располагаются табеллярно (см. на слѣд. страницѣ два способа расположенія). Быть можетъ, возразятъ мнѣ, что я беру слишкомъ много „главныхъ“ формъ; но не надо забывать, что при прохожденіи спряженія я имѣлъ въ виду не одно различіе окончаній, но также и различіе ударенія.

Первое спряженіе

Разрядъ первый.

Я греб*у́* Ты греб*е́шь* Они греб*у́тъ*	Я гре́*бъ* (-бла́, -бло́) Грес*ти́*
Я скреб*у́* Ты скреб*е́шь* Они скреб*у́тъ*	Я скре́*бъ* (-бла́, -бло́) Скрес*ти́*
Я грыз*у́* Ты грыз*е́шь* Они грыз*у́тъ*	Я гры́*зъ* (-зла́, -зло́) Гры́з*ть*
Я вез*у́* Ты вез*е́шь* Они вез*у́тъ*	Я ве́*зъ* (-зла́, -зло́) Вез*ти́*
Я полз*у́* Ты полз*е́шь* Они полз*у́тъ*	Я по́л*зъ* (-зла́, -зло́) Полз*ти́*

И т. д.

Я греб*у́*	Ты греб*е́шь*	Они греб*у́тъ*	Греб*и́*	Я гре́*бъ*	Греб*ла́*	Греб*ло́*	Грес*ти́*
Я скреб*у́*	Ты скреб*е́шь*	Они скреб*у́тъ*	Скреб*и́*	Я скре́*бъ*	Скреб*ла́*	Скреб*ло́*	Скрес*ти́*
Я грыз*у́*	Ты грыз*е́шь*	Они грыз*у́тъ*	Грыз*и́*	Я гры́*зъ*	Гры́з*ла*	Гры́з*ло*	Гры́з*ть*
Я вез*у́*	Ты вез*е́шь*	Они вез*у́тъ*	Вез*и́*	Я ве́*зъ*	Вез*ла́*	Вез*ло́*	Вез*ти́*
Я полз*у́*	Ты полз*е́шь*	Они полз*у́тъ*	Полз*и́*	Я по́л*зъ*	Полз*ла́*	Полз*ло́*	Полз*ти́*

И т. д.

Такъ какъ въ I классѣ не были пройдены *причастія* и *дѣепричастія*, то съ нихъ и начинается курсъ II класса.

Причастія.

Дѣйствит. залогъ.

Наст. вр.	*Прош. вр.*

Первое спряженіе.

Разрядъ I.

Гребу́щій	Гре́бшій
Скребу́щій	Скре́бшій
Грызу́щій	Гры́зшій
Везу́щій	Ве́зшій
Ползу́щій	По́лзшій
Лѣ́зущій	Лѣ́зшій
Несу́щій	Не́сшій
Трясу́щій	Тря́сшій
Тру́щій	Те́ршій
Пеку́щій	Пе́кшій
Теку́щій	Те́кшій
Толку́щій	Толо́кшій
Стригу́щій	Стри́гшій
Жгу́щій	Же́гшій

Разрядъ II.

Веду́щій	Ве́дшій
Кладу́щій	Кла́вшій
Краду́щій	Кра́вшій
Цвѣту́щій	Цвѣ́тшій
Живу́щій	Жи́вшій
Плыву́щій	Плы́вшій

Разрядъ III.

Сосу́щій	Coса́вшій
Тку́щій	Тка́вшій
Лгу́щій	Лга́вшій

Разрядъ IV.

По́лющій	Поло́вшій
Ко́лющій	Коло́вшій
Ме́лющій	Моло́вшій
Бо́рющій	Боро́вшій
По́рющій	Поро́вшій

И т. д.

По прохожденіи причастій и дѣепричастій изучаются *виды* русскаго глагола. Систему видовъ я выясняю слѣдующимъ образомъ. Возьмемъ, напр., глаголъ „несу"; онъ обозначаетъ *дѣйствіе*, которое *совершается какъ бы передъ глазами*. Если же я желаю придать такой оттѣнокъ значенія, что это *дѣйствіе совершается какъ бы обычное*, то говорю „ношу"; ср. „кто вамъ *несетъ* (теперь, на глазахъ)

молоко?“ || „кто вамъ *носитъ* (обыкновенно) молоко?“ Первый оттѣнокъ значенія я называю „*значеніемъ первымъ*“, а второй оттѣнокъ—„*значеніемъ вторымъ*“. Но только немногія глаголы различаются по формѣ въ первомъ и второмъ значеніи; бо́льшая часть глаголовъ имѣетъ одну и ту же форму для обоихъ значеній, напр. „крашу“: 1) теперь крашу, 2) крашеніе составляетъ мое обыкновенное занятіе. Если къ формамъ „несу“, „крашу“ . . . присоединяется предлогъ, то они получаютъ значеніе *будущаго* времени, а въ прошедшемъ времени показываютъ, что дѣйствіе *совершилось*. [1]) Этотъ глагольный видъ я отличаю какъ „*значеніе третье*“. Предложные глаголы могутъ имѣть также и первыя два значенія, напр. „приношу“ (въ значеніи первомъ и второмъ), „раскрашиваю“ (тоже въ значеніи первомъ и второмъ). Природа дѣйствія можетъ быть такова, что представляетъ какъ бы *рядъ моментовъ*, напр. „трясти“; для обозначенія только одного момента дѣйствія служатъ образованія на *-нуть*, напр. „тряхнуть“;—этотъ глагольный видъ я именую какъ „*значеніе четвертое*“. Вотъ—въ самыхъ общихъ чертахъ система видовъ русскаго глагола. [2])

Виды проходятся въ связи съ разрядами глаголовъ:

Разрядъ I (перваго спряженія).

Ползу́	*По́лзъ*	*Ползти́*
По́лзаю	По́лзалъ	По́лзать
Подполза́ю	Подполза́лъ	Подполза́ть
Подпа́лзываю	Подпа́лзывалъ	Подпа́лзывать
Подползу́	Подпо́лзъ	Подползти́
Везу́	*Ве́зъ*	*Везти́*
Вожу́	Вози́лъ	Возить
Привожу́	Привози́лъ	Привози́ть
Привезу́	Приве́зъ	Привезти́

И т. д.

---

[1]) Соотвѣтствующіе безпредложные глаголы въ прош. времени показываютъ, что дѣйствіе *совершалось*.

[2]) Упомяну еще о такихъ безпредложныхъ образованіяхъ, какъ «нашивалъ», «крашивалъ», «ѣдалъ» и т. п., имѣющихъ значеніе — случалось носить..., бывало носилъ....

Ученику дается безпредложный глаголъ въ значеніи первомъ, а затѣмъ онъ самъ пробуетъ сказать образованія другихъ видовъ; когда ему приходится произвести предложный глаголъ, то ему выясняется оттѣнокъ направленія, по которому онъ долженъ употребить соотвѣтствующій префиксъ.

Послѣ изученія „видовъ“ глагола мы обращаемся къ изученію *синтаксиса*, который раздѣляется на синтаксисъ *простаго* и *сложнаго* предложенія.

Прежде всего изучаются *члены предложенія*. Части рѣчи—категоріи *морфологическія*; члены предложенія—категоріи *синтаксическія*; одинъ и тотъ же членъ предложенія можетъ быть выраженъ разными частями рѣчи. *Подлежащее* и *сказуемое*—главные члены предложенія и могутъ имѣть, то и другое, *опредѣленія*, къ которымъ въ свою очередь могутъ быть новыя опредѣленія.

По ознакомленіи съ членами предложенія мы переходимъ къ изученію *синтаксиса падежей*. Здѣсь я ограничусь краткимъ разсмотрѣніемъ случаевъ употребленія падежей *безъ предлоговъ*.

Родительный падежъ.

Если мы скажемъ просто „домъ“, то это слово обозначаетъ общее понятіе. Чрезъ прибавленіе Род. падежа общее понятіе становится болѣе узкимъ (болѣе частнымъ, болѣе опредѣленнымъ), напр. „домъ *отца*“ (исключаются возможности—домъ брата, друга и т. п.).

Въ разсматриваемомъ примѣрѣ Род. падежъ служитъ для обозначенія *принадлежности*,—въ Род. падежѣ полагается названіе того предмета, которому принадлежитъ другой предметъ.

Принадлежность можетъ также выражаться посредствомъ прилагательныхъ, напр. „*отцовъ домъ*“.

Вмѣсто „домъ отца“ возьмемъ выраженіе „домъ *моего отца*“. Здѣсь слово „домъ“ опредѣлено посредствомъ существительнаго „отца“, а послѣднее, въ свою очередь, посредствомъ слова „моего“. Въ этомъ случаѣ слово „отца“ уже нельзя замѣнить прилагательнымъ „отцовъ“, потому что тогда мы получили бы выраженіе „мой отцовъ домъ“, гдѣ слово „мой“ можетъ относиться лишь къ слову „домъ“, а не „отецъ“ (какъ бы слѣдовало).

Представленіе становится болѣе частнымъ не только

отъ обозначенія связи принадлежности, но также и другихъ связей между предметами, выражаемыхъ посредствомъ Род. пад.; напр.: „человѣкъ *пожилыхъ* лѣтъ“. Въ этомъ выраженіи при словѣ „лѣтъ“ непремѣнно должно быть еще опредѣленіе, такъ какъ выраженіе „человѣкъ лѣтъ“ не имѣетъ значенія,—всякій человѣкъ имѣетъ возрастъ. Въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ Род. пад. употребленъ для обозначенія *возраста*.

Въ выраженіи „свѣча *воску яраго*“ Род. пад. служитъ для опредѣленія *матеріала*.

Въ выраженіи „человѣкъ высокаго роста“ Род. пад. употребленъ для обозначенія *размѣра*.

Какая именно связь между представленіями предметовъ обозначается въ каждомъ данномъ случаѣ посредствомъ Род. пад.,—это обусловливается характеромъ представленій. Мы разсмотрѣли далеко не всѣ случаи связей между представленіями предметовъ, да и едва ли это вполнѣ выполнимо, такъ какъ могутъ создаваться (нараждаться) въ языкѣ новые оттѣнки связей. Возьмите, напр., выраженіе „книга писателя“. Здѣсь словомъ „писателя“ обозначается принадлежность, но эта принадлежность можетъ имѣть разные оттѣнки: или 1) что книга принадлежитъ писателю просто какъ собственность; или 2) что онъ—ея авторъ. И. т. п.

Все разсмотрѣнное нами разнообразіе оттѣнковъ Род. пад. можно обобщить въ одну группу, гдѣ *общее представленіе, выраженное посредствомъ существительнаго, становится болѣе частнымъ чрезъ прибавленіе Род. падежа другаго существительнаго.*

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію такого рода случаевъ, какъ „натекло *воды*“. Здѣсь Род. пад. стоитъ послѣ безличнаго *глагола*. Такого рода выраженія могли возникнуть *по аналогіи* къ такимъ случаямъ, какъ „дюжина чашекъ“, „фунтъ соли“ и т. п., гдѣ *представленіе количества* получаетъ большую опредѣленность чрезъ прибавленіе Род. пад. существительнаго. Въ словѣ „натекло“ скрывается тоже идея количества, которая, по аналогіи съ указанными случаями, вызвала опредѣленіе посредствомъ Род. пад. („воды“). [1]) Воз-

---

[1]) Въ выраженіи «наѣхало *народу*» Род. падежъ имѣетъ окончаніе *-у*, которое употребляется въ муж. родѣ послѣ словъ количества.

можно другое объясненіе, а именно, что Род. пад. въ такихъ случаяхъ, какъ „натекло воды“, возникъ не прямо, но на почвѣ такихъ выраженій, какъ „натекло *много* воды“, „натекло *мало* воды“ и т. п., а затѣмъ род. пад. сталъ употребляться и при отсутствіи словъ количества.

Род. падежъ встрѣчается также послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ, напр. „я принесъ *воды*“. Здѣсь тоже скрывается идея количества, такъ какъ смыслъ взятаго нами выраженія таковъ: „я принесъ столько воды, сколько требуется“. Если бы этой идеи количества не было, а требовалось бы просто опредѣлить, что̀ именно принесъ, то тогда представленіе дѣйствительнаго глагола опредѣляется посредствомъ Вин. пад.: „я принесъ *воду*“.

Чередованіе Род. и Вин. падежа мы встрѣчаемъ также въ слѣдующемъ случаѣ: „я прошу *прощенія*“ || „я выпросилъ *прощеніе*“.

Мы разсмотрѣли одинъ основный смыслъ Род. падежа, теперь перейдемъ къ *другому основному смыслу* этой падежной формы.

Въ такихъ выраженіяхъ, какъ „лишаю *наслѣдства*“, „остерегаюсь *простуды*“ и т. п., Род. пад. служитъ *для обозначенія того предмета, котораго лишаются, отъ котораго удаляются*.

Теперь не трудно понять употребленіе Род. падежа послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ съ отрицаніемъ, напр.: „я даю *деньги*“ || „я не даю *денегъ*“. Во второмъ случаѣ Род. падежъ сталъ употребляться *по аналогіи* съ такими случаями, какъ „лишаюсь наслѣдства“, такъ какъ частица *не* тоже имѣетъ смыслъ лишенія.

Нужно еще отмѣтить случай употребленія Род. падежа *послѣ сравнительной степени*.

Дательный падежъ.

Общій смыслъ Дат. падежа тотъ, что показываетъ, *для кого* (*чего*) *совершается дѣйствіе*. Возьмемъ, напр., глаголъ „даю“. Чтобы ближе опредѣлить этотъ дѣйствительный глаголъ, надо прибавить Вин. падежъ, чрезъ что представленіе глагольнаго дѣйствія становится болѣе ограниченнымъ, напр. „даю *книгу*“ (исключаются случаи даванія чего-либо другаго). Это выраженіе можетъ получить

дальнѣйшее опредѣленіе чрезъ указаніе того предмета, для котораго совершается это дѣйствіе, напр.: „даю книгу *тебѣ*“.

Возьмемъ теперь въ этомъ выраженіи вмѣсто глагола существительное — „*даваніе*“. Какъ представленіе глагольное становится болѣе ограниченнымъ чрезъ прибавленіе Вин. падежа, такъ представленіе именное—чрезъ прибавленіе Род. падежа. Поэтому разсматриваемое нами выраженіе должно измѣниться въ такое: „даваніе *книги*“. Что же касается до Дат. падежа, то онъ остается въ этомъ случаѣ безъ измѣненія: „даваніе книги *тебѣ*“.

Не трудно уяснить себѣ употребленіе Дат. падежа при *возвратныхъ* глаголахъ, напр. „покоряюсь тебѣ“. По происхожденію возвратный глаголъ=дѣйств.+ся, такъ что вмѣсто разсматриваемаго выраженія можемъ сказать: „покоряю себя тебѣ“, аналогично уже разсмотрѣнному нами случаю—„даю тебѣ книгу“.

Далѣе мы находимъ группу случаевъ употребленія Дат. падежа при *прилагательныхъ*, напр.: „это извѣстно мнѣ“, „это понятно намъ“ и т. п.

Дат. пад. встрѣчается также при *существительныхъ*, напр. „онъ другъ моему отцу“. Въ этомъ случаѣ можетъ быть употребленъ также Род. падежъ: „онъ другъ моего отца“. Въ послѣднемъ случаѣ чрезъ прибавленіе Род. падежа становится болѣе ограниченнымъ (опредѣляется) представленіе „другъ“; въ первомъ же случаѣ Дат. падежъ относится не только къ слову „другъ“, но вмѣстѣ и къ подразумѣваемому глаголу „есть“, въ чемъ и заключается разница между сравниваемыми выраженіями.

Нужно еще упомянуть объ употребленіи Дат. падежа при *безличныхъ выраженіяхъ*, напр. „мнѣ весело“.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ можно подмѣтить общій характеръ въ значеніи Дат. падежа; особенность представляетъ употребленіе Дат. падежа при „быть“, напр. „быть здоровому“.

Винительный падежъ.

Я уже выше имѣлъ поводъ коснуться употребленія Вин. падежа въ такихъ случаяхъ, какъ „я читаю *книгу*“, гдѣ Вин. падежомъ опредѣляется глаголъ, такъ же какъ Род. падежомъ опредѣляется существительное:

Род. : существ. = Вин. : глаголъ.

Вин. падежомъ опредѣляется глаголъ также для показанія *времени*, въ продолженіе котораго совершается дѣйствіе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.

Если при дѣйствительномъ глаголѣ стоитъ отрицаніе *не*, то вмѣсто Вин. падежа употребляется Род.

Творительный падежъ.

Укажу нѣкоторые случаи употребленія Твор. падежа.

Возьмемъ выраженіе „ученикъ писалъ письмо другу отца". Здѣсь глаголъ „писалъ" опредѣленъ Вин. падежомъ „письмо", а далѣе Дат. падежомъ существительнаго „другу", а это послѣднее опредѣлено Род. падежомъ „отца". Обративъ это выраженіе въ страдательный оборотъ, получимъ: „письмо писано *ученикомъ* другу отца". Если возьмемъ вмѣсто глагола отглагольное существительное „писаніе", то будемъ имѣть выраженіе: „писаніе ученикомъ письма другу отца", т. е. Твор. падежъ, стоявшій при глаголѣ, сохраняется и при отглагольномъ существительномъ, равно какъ и Дат. падежъ; что же касается до слова „письмо", то такъ какъ оно должно опредѣлять существительное, то и стоитъ поэтому въ Род. падежѣ.

Другіе случаи употребленія Твор. падежа:

Высокъ ростомъ. Слабъ здоровьемъ. И т. п.
Мы прозвали тебя шалуномъ. Я считаю тебя другомъ. И т. п.
Малина растетъ кустами. И т. п.
Лѣтомъ. Весною. Зимою. Вечеромъ. Днемъ. И т. п.

Сложное предложеніе состоитъ изъ части главной (главнаго предложенія) и придаточной (придаточнаго предложенія). Придаточныя предложенія имѣютъ разные оттѣнки—*времени*, *причины* и пр., сообразно съ чѣмъ начинаются разными союзами—*когда*, *такъ какъ* и пр. Придаточныя предложенія бываютъ въ т. н. *полномъ* и *краткомъ* видѣ. Но было бы ошибочно думать, что краткій видъ *произошелъ* изъ полнаго; оба вида имѣютъ самостоятельное происхожденіе и только другъ другу соотвѣтствуютъ.

5—

Род. : старость = Вин. : глаголъ.

Вин. падежомъ опредѣляется глаголъ также для показанія *времени*, въ продолженіе котораго совершается дѣйствіе, или *пространства*, которое проходятъ, проѣзжаютъ и т. п.

Если при дѣйствительномъ глаголѣ стоитъ отрицаніе, то вмѣсто Вин. падежа употребляется Род.

Творительный падежъ.

Укажу нѣкоторые случаи употребленія Твор. падежа.

Возьмемъ выраженіе „ученикъ писалъ письмо другу отца“. Здѣсь глаголъ „писалъ“ опредѣляетъ Вин. падежомъ „письмо“, а далѣе Дат. падежомъ существительнаго „другу“, а это послѣднее опредѣлено Род. падежомъ „отца“. Обративъ это выраженіе въ страдательный оборотъ, получимъ: „письмо писано *ученикомъ* другу отца“. Если возьмемъ вмѣсто глагола отглагольное существительное „писаніе“, то будемъ имѣть выраженіе: „писаніе ученикомъ письма другу отца“, т. е. Твор. падежъ, стоящій при глаголѣ, сохраняется и при отглагольномъ существительномъ, равно какъ и Дат. падежъ, что же касается до слова „письмо“, то такъ какъ оно должно опредѣлять существительное, то и стоитъ поэтому въ Род. падежѣ.

Другіе случаи употребленія Твор. падежа:

[illegible] Сіяетъ здоровьемъ. И т. п.
Мы прозвали тебя шалуномъ. Я считаю тебя другомъ. И т. п.
Малина растетъ кустами. И т. п.
Лѣтомъ. Весною. Зимою. Вечеромъ. Днемъ. И т. п.

Сложное предложеніе состоитъ изъ части главной (главнаго предложенія) и придаточной (придаточнаго предложенія). Придаточныя предложенія имѣютъ разные оттѣнки — *времени, причины* и пр., сообразно съ чѣмъ начинаются разными союзами — *когда, такъ какъ* и пр. Придаточныя предложенія бываютъ въ т. н. *полномъ* и *краткомъ видѣ*. Но было бы ошибочно думать, что краткій видъ произошелъ изъ полнаго: оба вида имѣютъ самостоятельное происхожденіе и только другъ другу соотвѣтствуютъ.

